

ISSN 2687-1440

ЕЖЕГОДНИК

ЯПОНИЯ

2023

日本

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»

ЕЖЕГОДНИК
ЯПОНИЯ
2023
ТОМ 52

МОСКВА
2023

Наука — Восточная литература

УДК 94(520)
ББК 66.2(5Я)я5
Я70

<http://yearbookjapan.ru>

Редакционная коллегия:

Стрельцов Д. В. д.и.н. МГИМО
(главный редактор)

Гришачев С. В. к.и.н. НИУ ВШЭ
(ответственный редактор)

Дьяконова Е. М. к.филол.н. ИМЛИ РАН

Казаков О. И. ИКСА РАН

Лебедева И. П. д.э.н. ИВ РАН
(зам. главного редактора);

Мещеряков А. Н. д.и.н. НИУ ВШЭ

Нелидов В. В. к.и.н. МГИМО-Университет

Трубникова Н. Н. д. филос. наук, ИФ РАН

Редакционный совет:

Алпатов В. М. д.филол.н., академик РАН
Войтишек Е. Э. д.и.н. НГУ (г. Новосибирск)

Гордон Эндриу профессор (США)

Гуревич Т. М. д. культурологии МГИМО

Дацышен В. Г. д.и.н. СФУ (г. Красноярск)

Ивасита Акихиро профессор (Япония)

Каварадзи Хидэтаке профессор (Япония)

Катасонова Е. Л. д.и.н. ИВ РАН

Кистанов В. О. д.и.н. ИКСА РАН

Корчагина Т. И. к.филол.н. МГУ

Нечаева Л. Т. д.пед.н. ИСАА МГУ

Нумано Кёко профессор (Япония)

Панов А. Н. д.полит.н. МГИМО

Пестушко Ю. С. д.и.н. ХГИК (г. Хабаровск)

Симонова-Гудзенко Е. К. д.и.н. ИСАА МГУ

Симотоман Нобуо профессор (Япония)

Стефан Джон профессор (США)

Стоквин Артур профессор (Великобритания)

Судзуки Ёсикадзу профессор (Япония)

Тимонина И. Л. д.э.н. ИСАА МГУ

Чугров С. В. д.социол.наук МГИМО

Шодиев Ф. К. к.полит.н. Фонд Ф. Шодиева

*Издание осуществляется при поддержке
Международного фонда Шодиева*

Ежегодник Японии . 2023 . Т . 52 / Институт востоковедения РАН ; Ассоциация японоведов . — М . : Наука — Вост. лит . , 2023 . — 476 с . : ил . — ISBN 978-5-02-040591-2

В настоящем выпуске Ежегодника Японии представлены статьи российских японистов, посвященные анализу проблем современного японского общества и государства, а также анализу проблем истории и культуры Японии.

Издание рассчитано на специалистов-страноведов, а также на широкий круг читателей, интересующихся Японией.

ISBN 978-5-02-040591-2
ISSN 2687-1432 (в переплете)
ISSN 2687-1440 (онлайн)

© Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов», 2023
© Институт востоковедения РАН, 2023

Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences

Association of Japanologists

YEARBOOK
JAPAN
2023
vol. 52

MOSCOW
2023

Nauka — Vostochnaya Literatura

<http://yearbookjapan.ru>

Editorial Board:

Streltsov Dmitry V. Professor, MGIMO-University
(Editor in Chief)

Dyakonova Elena M. Professor, Gorky Institute
of World Literature of RAS

Grishachev Sergei V. Associate Professor,
HSE University (Executive editor)

Kazakov Oleg I. Institute of China
and Contemporary Asia of RAS

Lebedeva Irina P. Professor, Institute of Oriental
Studies of RAS (Deputy Editor in Chief);

Meshcheryakov Aleksander N. Professor,
HSE University

Nelidov Vladimir V. MGIMO-University

Trubnikova N. N. IPh of RAS

Editorial Council:

Alpatov Vladimir M. Member of the Russian
Academy of Sciences

Chugrov Sergei V. Professor, MGIMO-University

Datsyshen Vladimir G. Professor, Siberian Federal
University, Krasnoyarsk

Gordon Andrew (USA) Professor, Harvard University

Gurevich Tatiyana M. Professor, MGIMO University

Iwashita Akihiro (Japan) Professor,
Hokkaido University

Katasonova Elena L. Institute of Oriental Studies of RAS

Kawaraji Hidetake (Japan) Professor,
Kyoto Sangyo University

Kistanov Valerii O. Professor, Institute of China
and Contemporary Asia of RAS

Korchagina Tatiyana I. Associate Professor,
Moscow State University

Nechaeva Lyudmila T. Professor, Institute of Afro-
Asian Studies (IAAS) of Moscow State University

Numano Kyoko (Japan) Professor, Tokyo University
of Foreign Studies

Panov Aleksander N. Professor, MGIMO-University

Pestushko Yurii S. Professor, State University
of Culture, Khabarovsk

Shimotomai Nobuo (Japan) Emeritus Professor,
Hosei University

Shodiev Fattah K. (Belgium)

Head of International Chodiev Foundation

Simonova-Gudzenko Ekaterina K. Professor,
Institute of Afro-Asian Studies (IAAS)

of Moscow State University

Stephan John J. (USA) Emeritus Professor,
University of Hawaii

Stockwin Arthur (UK) Emeritus Professor,
University of Oxford

Suzuki Yoshikazu (Japan) Professor,
Tokyo University of Foreign Studies

Timonina Irina L. Professor, Institute of Afro-Asian
Studies (IAAS) of Moscow State University

Vojtisek Elena E. Professor,
Novosibirsk State University

*With the support
of International Chodiev Foundation*

Yearbook Japan. 2023. Vol. 52 / Institute of Oriental Studies of RAS; Association
of Japanologists. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2023. 476 p., ill.
ISBN 978-5-02-040591-2

The present issue of Yearbook Japan presents articles by leading Russian Japanese Studies
scholars analyzing the problems of the present-day Japanese society and state, as well as the
problems of history and culture of Japan. The edition is aimed at specialists in country studies,
as well as at all those interested in Japan.

ISBN 978-5-02-040591-2

ISSN 2687-1432 (print)

ISSN 2687-1440 (online)

© Association of Japanologists, 2023

© Institute of Oriental Studies of RAS, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА

<i>Кульнева П. В.</i>	Конкуренция японских и китайских инфраструктурных проектов в Монголии	11
-----------------------	---	----

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

<i>Лебедева И. П.</i>	Жизнь японцев в зеркале статистики и социологических опросов	37
<i>Тимонина И. Л., Аримо М. М. Э.</i>	Анимэ-индустрия: традиционная культура и новые бизнес-технологии	65

ИСТОРИЯ

<i>Щепкин В. В.</i>	Идеи об общем происхождении японцев и айнов в периоды Токугава (1603–1867) и Мэйдзи (1868–1912)	84
<i>Усманова Л. Р.</i>	Японские националисты и российские мусульмане в совместном паназиатском проекте: роль Абдурашида Ибрагимова	98
<i>Молодяков В. Э.</i>	Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политика режима Виши (часть вторая)	113
<i>Куланов А. Е.</i>	НИИ № 9 японской императорской армии	133
<i>Зорихин А. Г.</i>	Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 г. в свете новых источников	151

КУЛЬТУРА

- Трубникова Н. Н.,
Коляда М. С.* Придворная традиция Японии
в «Собрании стародавних повестей» 174
- Шарова А. Б.* Образ России в произведениях Фукудзава Юкити
и его современников 212
- Катасонова Е. Л.* Колесо фортуны Хамагути Рюсукэ
и японское кино 229
- Белозеров В. В.* «Гэккосо» и Накамура Ёко.
Блеск монеты под луной:
о деятельности галереи
и рынке советского искусства в Японии 251
- Герасимова М. П.* Роль массового сознания
в формировании приверженности японцев
национальным традициям 276

ПЕРЕВОДЫ

- Очерк Таяма Катай «*K и T*» («*K то T*»)
предисловие, перевод и комментарии
М. В. Торопыгиной 297
- Ясинский А. А.* Татихара Митидзо: поэтика «чистого лиризма»
(вступительная статья и переводы стихов) 339

ПРОБА ПЕРА

- Матвеева О. К.* Документы сокровищницы Сёсоин
и история их изучения 376
- Воробьёва Д. И.* Личность Сугихара Тиунэ (1900–1986)
и сохранение исторической памяти о нём 409

РЕЦЕНЗИИ

- Лебедева И. П.* Япония в XXI веке: экономическая панорама.
Рецензия на учебник И. Л. Тимониной
«Экономика Японии» 442
- Куланов А. Е.* Конец «штабс-капитана Рыбникова».
Рецензия на книгу А. Г. Зорихина
«Военная разведка Японии против России.
Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке.
1874–1922 гг.» 450

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Стрельцов Д. В., Гришачев С. В.,
Баринев А. А.* О XV ежегодной конференции
Ассоциации японоведов и о XXV конференции
«История и культура Японии» 457
- Нечаева Л. Т.* О конференциях по японской филологии
и методике преподавания японского Языка 466
- Никипорец-Такигава Г. Ю.
Гасимова Н. Р.* О круглом столе
«Национальная идея/идентичность
«западного» востока: Япония» 469
- АВТОРАМ 474

CONTENTS

POLITICS

- Kulneva, P. V.* Competition Between Japanese
and Chinese Infrastructure Projects
in Mongolia 11

ECONOMICS AND SOCIETY

- Lebedeva, I. P.* The Life of the Japanese in the Mirror of Statistics
and Public Opinion Polls 37

- Timonina, I. L.,
Arimo, M. M. E.* *Anime* Industry: Traditional Culture
and New Business Technologies 65

HISTORY

- Shchepkin, V. V.* Ideas About the Common Origin of the Japanese
and the Ainu During the Tokugawa (1603–1867)
and Meiji (1868–1912) Periods 84

- Usmanova, L. R.* Japanese Nationalists and Russian Muslims
in the Joint Pan-Asian Project:
The Role of Abdurashid Ibragimov 98

- Molodiakov, V. E.* Continental Policy of Japan as Seen From France:
Indochina Crisis of 1940 and Politicians
of the Vichy Regime (Part Two) 113

- Kulanov, A. E.* Research Institute No. 9
of the Imperial Japanese Army 133

- Zorikhin, A. G.* The 1945 Manchurian Strategic Offensive Operation
in the Light of New Sources 151

CULTURE

- Trubnikova, N. N.,
Kolyada, M. S.* The Court Tradition of Japan
in *Konjaku monogatari-shū* 174
- Sharova, A. B.* The Image of Russia in the Works
by Fukuzawa Yukichi and his Contemporaries.....212
- Katasonova, E. L.* Hamaguchi Ryūsuke’s Wheel of Fortune
and Japanese cinema 229
- Belozеров, V. V.* *Gekkōsō* and Nakamura Yōko:
Coin Shine Under the Moon –
About the Gallery’s Activities
and the Market for Soviet Art in Japan 251
- Gerasimova, M. P.* The Role of Mass Consciousness
in the Formation of the Japanese Adherence
to National Traditions 276

TRANSLATIONS

- Tayama Katai’s essay “K and T” (“*K to T*”)
Introduction, Translation,
and Comments by M. V. Toropygina 297
- Yasinskiy, A. A.* Tachihara Michizō: Poetics of “Pure Lyricism”
(Introduction and Translation of Poems) 339

SCHOLARLY DEBUT

- Matveeva, O. K.* The Documents of the Shōsōin Treasury
and the History of Their Study 376
- Vorobeva, D. I.* The Personality of Sugihara Chiune (1900–1986)
and the Preservation of Historical Memory
of Him After World War II 409

BOOK REVIEW

- Lebedeva, I. P.* Japan in the 21st Century:
An Economic Panorama. Review of the Textbook
by I. L. Timonina *The Economy of Japan* 442
- Kulanov, A. E.* The End of “Staff Captain Rybnikov”.
Review of the Book by A. G. Zorikhin,
Japan’s Military Intelligence Against Russia.
Opposition of Special Services in the Far East.
1874–1922 450

ACADEMIC LIFE

- Streltsov, D. V., Grishachev, S. V.,
Barinov, A. A.* About the 15th Annual Conference of the Association
of Japanologists and the 25th conference
“History and Culture of Japan” 457
- Nechaeva, L. T.* About Conferences on Japanese Philology
and the Methodology of Teaching Japanese 466
- Nikiporets-Takigawa, G. Y.,
Gasymova, N. R.* Round Table “National Idea/Identity
of the ‘Western’ East: Japan” 469
- FOR THE AUTHORS 474

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 11–36
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 11–36
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-11-36

Конкуренция японских и китайских инфраструктурных проектов в Монголии

П. В. Кульнева

Аннотация

Монголия – государство в Восточной Азии, не имеющее выхода к морю, но обладающее рядом преимуществ, связанных с географическим положением, обилием природных ресурсов, открытостью для иностранного капитала и динамичным развитием благодаря проведённым в 1990-е гг. рыночным реформам. Это определяет интерес к стране со стороны Китая и Японии и включение Монголии в число площадок, на которых разворачивается глобальная конкуренция между этими крупнейшими экономиками Азии.

Развитие политических и экономических связей Японии и Китая с Монголией во второй половине XX в. и наблюдаемые в последние десятилетия экономические успехи этой страны совпали с усилением конкуренции Японии и Китая на мировой арене. Обе страны являются важными торговыми партнёрами Монголии и источниками капитала, необходимого для формирования её инфраструктуры и включения в мировые логистические и производственные цепочки. Исследование японо-китайского взаимодействия в Монголии как части региона, представляющего интерес для обеих стран, позволяет нагляднее увидеть, в каких сферах Япония и Китай соперничают между собой, а в каких дополняют друг друга.

Цель данного исследования – на примере инфраструктурных проектов показать, как на территории Монголии проявляется глобальное соперничество Китая и Японии. Для этого в первой части работы автор прослеживает историю развития японо-монгольских и китайско-монгольских отношений с момента урегулирования политических проблем до настоящего времени.

Вторая часть посвящена анализу взаимодействия японских и китайских инфраструктурных проектов в контексте глобальной конкуренции. Особое внимание уделено инициативе «Пояс и путь» как воплощению возрастающих амбиций КНР на мировой арене. Рассматриваются направления деятельности контролируемых, соответственно, Японией и Китаем АБР и АБИИ, связанные с ними, а также самостоятельные проекты и инициативы.

Ключевые слова: японо-монгольские отношения, китайско-монгольские отношения, инвестиции в инфраструктуру, ОПР Японии, АБР и АБИИ, конкуренция Японии и Китая, инициатива «Пояс и путь», Монголия в транспортно-логистических цепочках.

Автор: Кульнева Полина Викторовна, к.э.н., научный сотрудник Института востоковедения РАН, 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.
ORCID: 0000-0002-8699-5568
E-mail: kpoline@list.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Competition Between Japanese and Chinese Infrastructure Projects in Mongolia

P. V. Kulneva

Abstract

Mongolia is a landlocked country in East Asia, which has a number of advantages related to its geographical location, abundance of natural resources, openness to foreign capital, and dynamic development due to the market reforms carried out in the 1990s. This determines the interest in the country from China and Japan and the inclusion of Mongolia among the platforms of global competition between these largest Asian economies.

Development of Japan-Mongolia and China-Mongolia political and economic relations in the second half of the 20th century and Mongolia's economic progress in the recent decades have coincided with increasing competition between Japan and China on the world stage. At present, both countries are important trading partners for Mongolia and sources of capital needed to build its infrastructure and integrate it into global supply and production chains. The study of Sino-Japanese interaction in Mongolia may help us understand how Japan and China compete with each other on the world stage and to specify their areas of specialization and rivalry.

The objective of this research is to show, taking infrastructure projects as an example, how the global competition between Japan and China unfolds in Mongolia. In order to evaluate the current state of economic relations between Mongolia and each of the countries, in the first part, the author traces the history

of Japan-Mongolia and China-Mongolia relations from the establishment of diplomatic relations till the present time, paying special attention to infrastructure projects. The second part analyzes the interaction between Japan and China in Mongolia in the context of their growing economic competition. The study sheds light on particular areas of rivalry, while demonstrating that Japanese and Chinese projects not only compete but also complement each other.

Keywords: Japan-Mongolia Relations, China-Mongolia relations, infrastructure investment, Japan's ODA, ADB and AIIB, competition between Japan and China, Belt and Road Initiative, Mongolia in transport and logistics chains.

Author: *Kulneva Polina Victorovna.*, PhD (Economics), Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-8699-5568

E-mail: kpoline@list.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Китай и Япония – наиболее экономически влиятельные страны мира, расположенные по соседству с Монголией. Оба государства имеют свою историю взаимодействия с этой страной и играют определённую роль в её внешнеэкономических и внешнеполитических связях.

На протяжении XX в. из-за проблемы государственных границ, в разное время возникавшей с Монголией у обеих стран (в первую очередь в связи с войнами, в том числе с японо-китайской войной 1937–1945 гг.), китайско-монгольские и японо-монгольские экономические отношения не отличались активностью. Положительная динамика в этом направлении стала наблюдаться лишь ближе к концу столетия. Возросшая в это же время глобальная конкуренция Китая и Японии сделала Монголию одной из площадок, на которых сталкиваются интересы двух стран.

Несмотря на низкую плотность населения и сравнительно скромные экономические показатели этого степного государства Восточной Азии, ряд преимуществ Монголии делают её привлекательным

направлением для капиталовложений Китая и Японии и определяют потенциал её экономического сотрудничества с этими странами. Монголия не имеет выхода к морю, однако через её территорию проходит один из участков Великого шёлкового пути, соединявший некогда Восточную и Центральную Азию. С учётом заявленных в последнее время амбициозных планов КНР по возрождению Великого шёлкового пути Монголия получает возможность вернуть свою историческую функцию и стать местом транзита товаров и энергоресурсов, расширив также собственную торговлю с соседними странами. Протяжённая сухопутная граница Монголии с КНР и Россией открывает возможности для транспортировки грузов через многочисленные погранпункты. Ещё одно важное преимущество Монголии – разнообразие полезных ископаемых. Страна обладает крупными месторождениями угля и флюорита, медных, золотых, серебряных и других металлических руд. Здесь есть также редкоземельные металлы, которые используются в радиоэлектронике, приборостроении, атомном машиностроении. При этом месторождения Монголии изучены не полностью, и в стране продолжаются геологоразведочные работы. Хотя экономическое развитие Монголии по-прежнему опирается на добывающую промышленность, после рыночных реформ 1990-х гг. (не в последнюю очередь благодаря помощи Японии) страна сделала большой шаг вперёд на пути к диверсификации экономики и открытости для международного сотрудничества.

Как и на мировой арене, китайские и японские экономические проекты в Монголии во многом дополняют друг друга. В то же время конкуренция между ними позволяет, на примере Монголии, нагляднее понять, как разделяются глобальные роли двух сильнейших экономик Азии.

Выбранная тема актуальна и с точки зрения Монголии, для которой такое соперничество является благоприятным фактором. Благодаря своим инвестициям в инфраструктуру Монголии и близлежащего региона Китай и Япония вносят весомый вклад в развитие этой страны и способствуют её включению в глобальные логистические и производственные цепочки.

Цель данного исследования – на примере инфраструктурных проектов показать, как на территории Монголии проявляется глобальное соперничество Китая и Японии. Для этого автор ставит перед собой следующие задачи:

1) проследить историю развития экономических связей Монголии с Японией и Китаем в XX – начале XXI в. и в сравнительном ключе охарактеризовать их современное состояние, уделив особое внимание инфраструктурным проектам;

2) проиллюстрировать взаимодействие японских и китайских инфраструктурных проектов в условиях глобальной конкуренции.

В Заключении на основе результатов исследования будет сделан вывод о проблемах и перспективах дальнейшего взаимодействия стран в рассмотренной сфере.

Развитие экономических связей Японии и Китая с Монголией

Япония и Китай установили дипломатические отношения с Монголией в разное время, их экономические связи с этой страной развивались разными темпами. Хотя показатели японского сотрудничества с Монголией количественно уступают китайским, они характеризуются относительной долговременностью¹, устойчивым ростом и чёткими целями. Так, Япония оказала весомую поддержку Монголии в процессе рыночных реформ 1990-х гг. Большую роль в развитии монгольской экономики играет целевая поддержка конкретных проектов как через собственно японские каналы финансирования, так и через международные финансовые организации, в первую очередь Азиатский банк развития (АБР).

Экономические отношения Китая с Монголией в XX в. продемонстрировали положительную динамику немного позже, однако они отличаются резким ростом показателей и своим масштабом. Среди других особенностей можно отметить, что в китайско-монгольском сотрудничестве ярко проявляются преимущества территориальной и исторической близости двух стран. Если Китай, наряду с Россией, всегда входил в круг ближайших соседей Монголии, то сотрудничество с Японией осуществляется в рамках концепции «третьего соседа»².

---

¹ Как у страны, довольно быстро восстановившейся после войны и вставшей на путь капиталистического развития, у Японии раньше, чем у Китая, появилась возможность реализации масштабных проектов за рубежом. За 1954–1973 гг. японская экономика продемонстрировала феноменальные темпы роста, порой превышающие 10%, что позволило говорить о японском «экономическом чуде».

² Внешнеполитическая доктрина Монголии, направленная на выстраивание отношений со странами, не входящими в круг её ближайших соседей (которыми являются Китай

Япония

Взаимные претензии Японии и Монголии, связанные с войной, были урегулированы в течение 1956–1972 гг. Считается, что решение об установлении дипломатических отношений было принято лидерами двух стран после участия монгольской правительственной делегации во всемирной выставке Экспо-70 в Японии (1970). Тогда стороны договорились больше не поднимать вопрос репараций и перейти к переговорам об экономическом сотрудничестве. Дипломатические отношения между странами были установлены уже в 1972 г. после интенсивного переговорного процесса [Nyamtseren 2001, p. 19]. В 1977 г. Япония и Монголия подписали Соглашение об экономическом сотрудничестве, которое позволило приступить к реализации первого крупного совместного проекта – строительству фабрики по производству кашемировых изделий «Гоби» при финансовой, кадровой и технологической поддержке Японии. В марте 1990 г. было подписано соглашение о торговле, закрепившее обязательство увеличить товарооборот до максимально возможного уровня и облегчить выдачу необходимых разрешений на импорт и экспорт товаров. В феврале 2001 г. страны подписали соглашение о стимулировании и защите инвестиций, создавшее благоприятные условия для японских предпринимателей в Монголии. Важным событием последних лет стало подписание соглашения об экономическом партнёрстве (СЭП) Монголии и Японии (февраль 2015 г.), которое подразумевает, помимо поэтапного снижения таможенных тарифов, либерализацию передвижения рабочей силы и капитала, создание благоприятных условий для защиты интеллектуальной собственности и другие немаловажные меры для развития и укрепления экономических связей. Япония стала первой страной, подписавшей с Монголией соглашение такого формата.

Предпринятые шаги способствовали росту показателей японо-монгольского экономического сотрудничества. К 2022 г. товарооборот Японии с Монголией приблизился к 5 млрд долл. (импорт Японии из Монголии – 4,2 млрд, экспорт – 0,7 млрд)³. Объём накопленных

и Россия). МИД Монголии относит Японию к числу своих «третьих соседей» с уровнем отношений «стратегическое партнёрство»: Third Neighbors. *Ministry of Foreign Affairs of Mongolia*. 2021. <https://mfa.gov.mn/en/diplomatic/56715/>.

³ Gadaad khudaldaany гүйтсетгел орноор [Foreign Trade Performance by Country]. *Mongolian Customs Service*. 2023. <https://gaali.mn/statistic/detail/03> (In Mongolian).

японских прямых инвестиций в Монголии составляет в настоящее время около 1 млрд долл. Япония занимает шестое место по этому показателю⁴, а по числу компаний с японским капиталом (680 компаний) находится на четвёртом месте после КНР, Республики Кореи и России [Mongoru keizai gaikū 2023, p. 19].

Японские инвестиции сосредоточены в телекоммуникациях, банковском секторе, промышленном производстве, добывающей промышленности, продаже горнодобывающей и строительной техники, строительстве и энергетике. Все предприятия с японским капиталом, работая в разных отраслях, создают условия для совершенствования монгольской инфраструктуры.

Значительный вклад внесён японскими компаниями в развитие добывающей промышленности, продукция которой является основной статьёй экспорта Монголии. Компании Sumitomo Metal Mining и Mitsui & Co. участвовали в разработке медных и золотых рудников в стране. Mitsubishi Corporation владеет 34%-ной долей Areva Mines вместе с монгольским госпредприятием Mon-Atom и монгольским филиалом французской промышленной компании Orano S. A., которая занимается разведкой и добычей урана. При этом японский капитал проявляет интерес не только к добывающему сектору, но и к высокотехнологичным отраслям, создающим добавленную стоимость в монгольской промышленности. В 2010 г. было объявлено о планах строительства при участии японских компаний Toyo Engineering Corporation и Marubeni Corporation нефтеперерабатывающего завода в г. Дархан недалеко от границы с Россией (предполагаемый объём инвестиций 600 млн долл.)⁵. Существуют также совместные проекты, направленные на оптимизацию добычи и обработки каменного угля⁶.

Если по показателям торговли с Монголией и прямым инвестициям Япония занимает скромные позиции и уступает другим её партнёрам, то по предоставлению этой стране официальной помощи развитию

---

⁴ Mongolbank Statistics data. *Mongolbank*. 2023. <https://stat.mongolbank.mn>

⁵ Marubeni: Tōyō enji to kyōdō de Mongoru no daruhan seiyusho kensetsu ni sankaku [Marubeni: Participating in Construction of Darhan Refinery in Mongolia Jointly with Toyo Engineering]. *Bloomberg*. 29.09.2010. <https://www.bloomberg.co.jp/news/articles/2010-09-29/L9HP0T6IJJU001> (in Japanese).

⁶ Mongoru no tabantorugoi tankō de Nichi Mongoru kyōdō jigyō o jisshi e [Japan-Mongolia Joint Project to be Implemented at Tavan Tolgoi Coal Mine in Mongolia]. *NEDO*. 17.02.2016. https://www.nedo.go.jp/news/press/AA5_100526.html (in Japanese).

(ОПР) она является безусловным лидером⁷. К проектам, реализованным в рамках ОПР, относится вышеупомянутое строительство фабрики «Гоби», которое фактически способствовало созданию новой отрасли монгольской промышленности и оказало влияние на структуру экспорта Монголии. В 1990-е гг. благодаря монгольским рыночным реформам масштабы японской ОПР расширились, и к таким её формам, как безвозмездная помощь и техническое сотрудничество, добавились льготные иенные кредиты. Помимо поддержки скотоводства, финансирования строительства школ, поставок медицинского оборудования, помощи стране в предотвращении стихийных бедствий и т. д. ОПР стала включать крупные инфраструктурные проекты⁸.

В 1990-е гг. японские средства были использованы для модернизации железнодорожного сообщения (годы выдачи займов: 1993, 1994), обновления мощностей ТЭЦ-4 в Улан-Баторе (1995, 2000), разработки угольной шахты Шивээ-Овоо (1996, 1997)⁹. В 2000-е гг. особое внимание уделяется транспортному сообщению. Наиболее масштабный проект – строительство международного аэропорта в Улан-Баторе. Соглашение о выделении Японией льготного кредита для этой цели было подписано в 2008 г., а строительство аэропорта началось в 2013 г. Его официальное открытие состоялось в 2021 г. Предполагается, что аэропорт будет принимать 2-3 млн пассажиров в год. Значительная часть вложений в транспортное сообщение (дороги, виадуки, развязки) в последние десятилетия была направлена на улучшение доступа к аэропорту – этому главному транспортному узлу Монголии.

В последние годы в рамках ОПР реализуется большое число проектов, находящихся в русле последних тенденций социально-экономического развития. Они связаны со строительством экологически чистых городов (контроль загрязнения воздуха в г. Улан-Батор, снижение потребности в отоплении и т. п.) и созданием инклюзивного общества (что подразумевает повышение стандартов здравоохра-

---

⁷ Официальная помощь развитию (ОПР) предоставляется Японией развивающимся странам в послевоенный период с целью содействия экономическому росту и поддержки модернизации. Включает безвозмездную помощь, иенные кредиты и техническое сотрудничество. Одной из функций ОПР является также компенсация ущерба, нанесённого странам-реципиентам во время войны [Ковригин 2012, с. 10].

⁸ Activities in Mongolia. *Japan International Cooperation Agency (JICA)*. https://www.jica.go.jp/mongolia/english/activities/activity_02.html

⁹ Japan's Assistance to Mongolia. *Embassy of Japan in Mongolia*. <https://www.mn.emb-japan.go.jp/news/ODAenglish.PDF>

нения и качества других основных социальных услуг). Продолжает оказываться помощь, связанная с продвижением рыночных реформ, которая нацелена на создание честной конкурентной среды и развитие рынков капитала.

К 2001 г. на японскую ОПР приходилось около 80% всего объёма такой помощи, оказываемой Монголии странами-членами ОЭСР, и хотя в 2000-е гг. доля Японии немного снизилась, она по-прежнему занимает 1 место среди стран-доноров ОПР для Монголии, обгоняя не только США и крупные экономики Европы и Азии, но и международные организации (см. табл. 1).

Таблица 1. Крупнейшие доноры ОПР в Монголии

Место	Источник ОПР	млн долл. США*
1	Япония	176
2	Международная ассоциация развития	113
3	Азиатский банк развития	87
4	США	36
5	Организации ЕС	33
6	Республика Корея	33
7	Германия	26
8	Франция	25
9	Швейцария	15
10	Венгрия	8

*среднее значение за 2020–2021 гг.

Источник: Aid at a glance charts. Interactive summary charts by aid (ODA) recipients. Mongolia. OECD – DAC. 2023.

https://public.tableau.com/views/OECDDACaidataglancebyrecipient_new/Recipients?:embed=y&:display_count=yes&:showTabs=y&:toolbar=no?&:showVizHome=no

Важно также отметить ведущие позиции Японии в Азиатском банке развития (АБР), входящем в число крупнейших доноров ОПР (см. табл. 1). Банк был основан в 1966 г. при непосредственном участии Японии, которая всегда была одним из его ведущих акционеров

(наряду с США). До сих пор должность президента банка занимали только граждане Японии.

Монголия стала региональным членом АБР в 1991 г., когда нуждалась в финансовой поддержке для рыночных реформ. Первая помощь была оказана Монголии через банк в форме быстрых кредитов на такие базовые нужды, как закупка пшеницы, медикаментов, топлива, материалов и сырья для строительства и обрабатывающей промышленности. Далее последовали займы для финансирования дефицита бюджета и платёжного баланса. На протяжении всего периода монгольских реформ АБР играл ведущую роль в политических преобразованиях, формировании современного банковского сектора, модернизации инфраструктуры, улучшении экологии, развитии сельскохозяйственного производства и, в целом, интеграции страны в экономику региона. Важной статьёй финансирования, соответствующей интересам Японии, была и остаётся разработка полезных ископаемых и энергетика. На современном этапе особую актуальность приобрели телекоммуникации. Благодаря финансированию АБР существенно расширилось покрытие мобильной сети и интернета, у большинства жителей Монголии теперь есть доступ к информации и услугам [Moving Forward Together... 2021, p. 18–27].

По своей структуре финансирование через АБР во многом дополняет японскую ОПР, одни и те же цели могут быть реализованы через разные каналы финансирования. Это наглядно видно на примере аэропорта г. Улан-Батор. Первый крупный инфраструктурный заём был направлен АБР в 1990-е гг. именно на модернизацию аэропорта. В дальнейшем, уже в 2010-е гг., аэропорт был заново отстроен за счёт ОПР – льготного иенового кредита Японии – уже в соответствии с новыми потребностями.

К апрелю 2023 г. накопленные финансовые обязательства Монголии перед АБР достигли 4,14 млрд долл., реализованы или находятся в процессе реализации 477 проектов. Среди них 80 относятся к сфере управления государственным сектором (суммарные инвестиции 877 млн долл.), 57 связаны с транспортным сообщением (695 млн долл.), 44 – с энергетикой (460 млн долл.), 46 – с водоснабжением и прочей городской инфраструктурой (431 млн долл.). Менее дорогостоящие, но многочисленные проекты реализуются в здравоохранении, финансовом секторе, сельском хозяйстве, образовании. Ряд крупных проектов связан с развитием промышленности и торговли

и с актуальными в настоящее время информационными и коммуникационными технологиями. На протяжении последних нескольких лет (2017–2022) АБР в среднем предоставляет Монголии 308 млн долл. ежегодно¹⁰.

Большое значение для развития инфраструктуры в регионе имеет программа центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС), предложенная АБР в 1997 г. и ставящая своей целью устойчивое развитие и процветание стран-участников, в числе которых и Монголия, и Китай. С 2001 по 2022 г. инвестиции, осуществлённые в рамках программы, составили 45,7 млрд долл. США и охватили 246 проектов, из которых 16,9 млрд долл. было профинансировано АБР, 19,4 млрд долл. получено от партнёров программы и более 9 млрд долл. – от правительств стран-членов. Большая часть инвестиций приходится на транспорт (около 71%, или более 32 млрд долл.), энергетику (22%, или более 10 млрд долл.) и торговлю (3%, или 1,4 млрд долл.)¹¹.

Непосредственно с Монголией связаны 36 проектов, включающих расширение сети транспортного сообщения и повышение его безопасности, модернизацию таможенной системы и обучение персонала, решение экологических проблем (снижение уровня загрязнения воздуха угольными электростанциями, внедрение энергоэффективных строительных технологий), а также консультации по стратегии экономического развития страны, помощь в разработке торговой политики, содействие включению Монголии в систему ВТО. Общий объём вложений по состоянию на 2021 г. составляет 714 млн долл. США¹².

Важно отметить, что финансовая помощь АБР включает содействие сотрудничеству Монголии и Китая. Ряд транспортных проектов, в частности, направлен на облегчение перевозки грузов между Монголией и КНР и между КНР и Россией через территорию Монголии. Несколько проектов, реализованных в 2000-е гг., были нацелены на развитие регионального сотрудничества Монголии с КНР. В 2006 г.

---

¹⁰ Mongolia Facts. ADB's Work in Mongolia. *Asian Development Bank*. 2023. <https://www.adb.org/where-we-work/mongolia>

¹¹ CAREC Project Portfolio. *Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC)*. 2022. https://www.carecprogram.org/?page_id=13630

¹² CAREC Countries: Mongolia. *Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC)*. 2022. https://www.carecprogram.org/?page_id=8

были выделены средства в размере 0,8 млн долл. США для развития транспортного сообщения, обеспечения доступа Монголии к китайским морским портам, координации работы таможенных органов, энергетического сотрудничества, улучшения политической среды, совместного развития крупных приграничных городов (проект завершён в 2010 г.). В 2007 г. 0,9 млн долл. (из них 0,75 млн – со стороны АБР и 0,15 – со стороны правительств КНР и Монголии) были выделены для технического содействия и помощи в координации программ регионального сотрудничества, в том числе путём консультаций и обучения должностных лиц правительств обеих стран высшего и среднего уровня (проект завершён в 2011 г.). В 2009 г. 1,5 млн долл. было выделено АБР на техническую помощь в либерализации и повышении эффективности торговли между малыми и средними предприятиями, соответственно, КНР и Вьетнама и КНР и Монголии¹³.

Китай

Китайская Народная Республика (КНР) установила дипломатические отношения с Монголией в 1949 г., однако китайско-советский раскол, начавшийся в конце 1950-х гг., вызывал у Монголии опасения по поводу своей безопасности и суверенитета. Только в 1980-е гг. страны решили вопрос о демаркации границы, и их лидерами была осознана необходимость развития торговли и транспортного сообщения. Приближающееся завершение «холодной войны» также способствовало снижению градуса напряжённости.

В 1985 г. странами было подписано соглашение о гражданской авиации, вскоре возобновились прямые авиарейсы из Пекина в Улан-Батор. В 1986 г. было заключено соглашение о двусторонней торговле сроком на пять лет. Фактически торговля в кредит велась с 1951 г., а соглашения, подписанные в 1980-е, 1990-е и 2000-е гг., были направлены на её упрощение и расширение. В 1991 г. было подписано соглашение о защите инвестиций и в том же году – об избежании двойного налогообложения. Участился обмен делегациями между странами, активизировались консультации по различным вопросам и направлениям двустороннего взаимодействия. В 1994 г. во время визита в Монголию премьер-министра КНР Ли Пэна состоялось подписание

---

¹³ Project List. Mongolia. *Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC)*. 2022. [https://www.carecprogram.org/projects/?page_id=1&paged=1&country\[\]=mongolia](https://www.carecprogram.org/projects/?page_id=1&paged=1&country[]=mongolia)

Договора о дружбе и сотрудничестве, закрепившего положительные тенденции в развитии двусторонних отношений.

Закономерным результатом приложенных усилий стал рост показателей китайско-монгольского сотрудничества. К началу 2000-х гг. товарооборот достиг 1 млрд долл. США и продолжал расти в последующие десятилетия, в первую очередь за счёт экспорта из Монголии в КНР. Этому, в частности, способствовало данное Китаем разрешение использовать порт Тяньцзинь для доступа Монголии на рынки АТР. В настоящее время Китай является главным торговым партнёром Монголии: туда направляется около 70% монгольского экспорта. В 2022 г. объём экспорта Монголии в КНР превысил 10 млрд долл., а объём её импорта из Китая составил более 3 млрд долл.¹⁴.

Кроме того, Китай стал одним из главных источников прямых инвестиций для Монголии: к настоящему времени в стране накоплено 5,3 млрд долл. китайского капитала, и по данным Банка Монголии КНР является вторым крупнейшим инвестором в стране после Нидерландов¹⁵. Что касается количества компаний, то Китай занимает первое место: в Монголии зарегистрировано около 7,5 тыс. компаний с китайским капиталом [Mongogu keizai gaikyū 2023, p. 19]. Китайские инвестиции сосредоточены в горнодобывающей промышленности, энергетике, строительстве, финансах, переработке продукции животноводства, сфере общественного питания и других отраслях.

Монголия является важным источником ресурсов для Китая. После проведения успешных геологоразведочных работ на монгольских месторождениях работают китайские нефтедобывающие компании. С 2001 г. компания Dong Sheng Petroleum Mongolia добывает нефть в аймаке Дорноговь на юго-востоке страны. В 2013 г. компания PetroChina Daqing Tamsag получила лицензию сроком на 20 лет на добычу нефти в бассейне Тамсаг – втором крупнейшем месторождении нефти в Монголии. Нефть поставляется в Китай, где осуществляется её переработка, а часть конечного продукта транспортируется обратно в Монголию по соглашению о разделе продукции. Добыча нефти в Монголии требует инфраструктуры для её транспортировки, которая продолжает совершенствоваться. Одновременно появляются

---

¹⁴ Gadaad khudaldaany güitsetgel ornoor [Foreign Trade Performance by Country]. *Mongolian Customs Service*. 2023. <https://gaali.mn/statistic/detail/03> (In Mongolian).

¹⁵ Mongolbank Statistics data. *Mongolbank*. 2023. <https://stat.mongolbank.mn>

возможности для увеличения добавленной стоимости, производимой на территории страны. В 2021 г. китайское государственное предприятие NORINCO заключило с монгольской стороной соглашение о строительстве трубопровода для транспортировки сырой нефти протяжённостью 530 км из бассейна Тамсаг до строящегося в настоящее время при участии индийского капитала нефтеперерабатывающего завода в аймаке Дорноговь¹⁶.

Большой интерес для Китая представляют металлы, широко представленные среди полезных ископаемых Монголии. В рамках китайско-монгольского совместного предприятия Xindu Mining Co., Ltd., расположенного на востоке страны (Сухэ-Батор), стороны сотрудничают в сфере разработки цинкового рудника Тумертийн Овоо по модели «инжиниринг в обмен на ресурсы». Соглашение было подписано в 1997 г., а разработка месторождения началась в 2005 г. К настоящему времени совокупный объём инвестиций составляет 50 млн долл. США. Мощность рудника оценивается в 300 тыс. тонн цинковой руды в год со сроком добычи 25 лет [Duiwai touzi hezuo... 2022, p. 27].

Как и японские инвестиции, китайский капитал направляется не только в добывающую промышленность, но и в смежные отрасли. Различные формы сотрудничества создают при этом условия для обмена технологиями и кадрами, повышения занятости местного населения, получения ресурсов для индустриализации Монголии, развития транспортного сообщения.

Помимо упомянутой формы сотрудничества «инжиниринг в обмен на ресурсы», китайская сторона предоставляет кадры для проведения подрядных работ. В 2021 г. китайские предприятия подписали 68 контрактов на сумму 3,8 млрд долл. США с монгольскими партнёрами, что на 60% больше, чем годом ранее. Всего за весь период сотрудничества в Монголию было направлено около полутора тысяч китайских рабочих и специалистов различных категорий [Duiwai touzi hezuo... 2022, p. 28].

В 2007 г. China United Cement Group инвестировала в строительство производственной линии мощностью 750 тыс. тонн клинкера и 1 млн тонн цемента в год. В настоящее время на заводе работает

---

¹⁶ Qianshu jianshe cong dongfangsheng zhi donggebisheng 530 gongli shuyou guandao xiangmu xieyi [Signing of the Agreement on the Construction of a 530-kilometer Oil Pipeline Project from Dornod Province to Dornogovi Province]. *Mongolian National News Agency*. 19.04.2022. <https://montsame.mn/cn/read/295051> (in Chinese).

125 сотрудников, среди которых 30 граждан Китая и 95 граждан Монголии. С момента запуска производства компания активно выполняет свои социальные обязательства, прилагая также усилия для совершенствования профессиональных и технических навыков монгольского персонала [Duiwai touzi hezuo... 2022, p. 28].

В 2014 г. на строительный рынок Монголии вышла китайская компания China Longjian Road and Bridge Co., Ltd., которая уже завершила строительство нескольких крупных участков дорожного полотна в западной части Монголии протяжённостью, соответственно, 165, 98 и 167 км. В настоящее время продолжают строиться строительные работы на других участках [Duiwai touzi hezuo... 2022, p. 28].

В 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин во время своего визита в Монголию предложил изучить вопрос о выведении трансграничного сотрудничества на новый уровень. После продолжительной совместной работы в конце 2021 г. стороны подписали соглашение о создании зоны экономического сотрудничества Эрэн-Хото – Замын-Ууд [Duiwai touzi hezuo... 2022, p. 28]. Оно было приурочено к открытию в том же году на территории г. Замын-Ууд свободной экономической зоны (СЭЗ) площадью 900 га. К 2021 г. за счёт китайского льготного кредита в 58,8 млн долл. США там были построены новая автодорога, система канализации, станции водо- и электроснабжения, теплоэлектроцентраль¹⁷. Помощь в развитии СЭЗ была оказана и АБР: в 2020 г. банк одобрил заём на расходы, связанные с введением зоны в эксплуатацию, в размере 30 млн долл. США. Для АБР это является частью ранее упомянутого более широкого проекта регионального экономического сотрудничества ЦАРЭС¹⁸.

Замын-Ууд – крупнейший город на монголо-китайской границе, имеющий пограничный переход в КНР. Это самый загруженный пограничный переход, который обслуживает как автомобильные, так и железнодорожные перевозки, причём не только между двумя странами, но и между КНР и Россией, а в некоторых случаях – также транзитные перевозки, идущие дальше в Европу. Это делает очевидными интересы и Китая, и Японии в этой зоне. Ожидается, что благодаря

---

¹⁷ Начала свою работу новая свободная экономическая зона. *Voice of Mongolia*. 25.08.2021. <http://www.vom.mn/ru/p/46769>

¹⁸ ADB to Support Economic Cooperation Zone for Mongolia. News Release. *Asian Development Bank*. 19.06.2020. <https://www.adb.org/news/adb-support-economic-cooperation-zone-mongolia>

финансовой поддержке двух стран СЭЗ Замын-Ууд позволит лучше использовать потенциал пограничного перехода и будет способствовать развитию промышленности, транспортного, логистического и туристического секторов Монголии.

Монголия является неотъемлемой составляющей глобальных проектов и инициатив, реализуемых в регионе под руководством и с участием КНР. Инициатива «Пояс и путь», предложенная Си Цзиньпином в 2013 г., подразумевает расширение глобального влияния Китая за счёт инвестиций в транспортно-логистические и экономические коридоры, охватывающие территории более 150 стран мира. Монголия, которая всегда входила и входит в сферу геополитических, стратегических и экономических интересов и планов Китая, находится в числе стран, включённых в инициативу и подписавших с КНР соответствующее соглашение. В 2014 г. Си Цзиньпин выступил в Монголии с большой программной речью, где обозначил перспективы двустороннего сотрудничества и пригласил страну принять участие в проекте «Экономический пояс Шёлкового пути» (сухопутная часть инициативы, нацеленная на создание трансевразийских экономических коридоров). Важно, что концепция «Экономического пояса Шёлкового пути» перекликается с инфраструктурным проектом «Степной путь», который был практически одновременно инициирован монгольской стороной [Грайворонский 2018, с. 55]¹⁹. Согласно меморандуму, подписанному в 2014 г. в Пекине, Монголия находится в числе «потенциальных учредителей» Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), созданного по предложению Китая для финансирования инфраструктурных проектов в Азии, и является его региональным членом.

В карту маршрутов инициативы «Пояс и путь» входит экономический коридор Китай, Монголия, Россия. Возможность создания такого коридора была впервые озвучена на саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Душанбе в 2014 г. Идея была предложена президентом Монголии и поддержана лидером КНР Си Цзиньпином [Ulagran 2021, р. 2]. Подписание программы с этапами реализации проекта состоялось через два года, в 2016 г., в Ташкенте. Как и другие

---

¹⁹ Монгольская инициатива «Степной путь» появилась в начале 2014 г. Её замысел состоит в том, чтобы, используя сотрудничество России и Китая, создать современную транспортную, энергетическую и другую инфраструктуру в стране, которая будет использоваться для транзитных перевозок.

программы такого рода, она ставит своей целью создание современной транспортной, энергетической и другой инфраструктуры, необходимой для того, чтобы задействовать преимущества географического положения стран в международных экономических связях. Хотя каждая из стран-участниц имеет свои интересы (для Монголии это активизация собственных торговых потоков с Россией и задействование своей территории для транзита товаров при транспортировке грузов между Китаем и Россией, а для Китая – удобство перевозки грузов между Европой и странами АТР), выгода от реализации проекта должна быть в конечном итоге глобальной и многосторонней.

Монголия также рассматривается в качестве территории для транзита российского газа в западный Китай через трубопровод «Сила Сибири-2», который должен соединиться с китайским газопроводом «Запад – Восток». В июле 2022 г. премьер-министр Монголии Лувсаннамсрайн Оюун-Эрдэнэ заявил о завершении технико-экономического обоснования проекта и плановом начале строительства трубопровода в 2024 г.²⁰ Проект обсуждается уже долгое время, его реализация несколько раз откладывалась, в том числе из-за промедления Пекина с заключением соглашения. Это промедление, однако, не связано с потерей интереса к Монголии как к удобной территории для транзита энергоресурсов. По некоторым предположениям выжидательная позиция Китая связана с его желанием получить более выгодные условия²¹.

Тенденции развития сотрудничества КНР и Монголии остаются, в целом, благоприятными. Об этом свидетельствует покровительство Китая этой стране во многих вопросах внешней политики и международных экономических отношений. Так, в 2014 г. лидер КНР Си Цзиньпин выразил одобрение вступлению Монголии в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и приветствовал её членство в АБИИ²². Лидером КНР неоднократно высказывалась поддержка участия Монголии в деятельности ШОС²³.

²⁰ Power of Siberia 2 to divert Europe-bound gas to China. *Asia Times*. 20.06.2022. <https://asiatimes.com/2022/07/power-of-siberia-2-to-divert-europe-bound-gas-to-china/>

²¹ Газпром ответил на данные FT о затягивании Китаем стройки «Силы Сибири-2». *РБК*. 25.05.2023. <https://www.rbc.ru/business/25/05/2023/646f78319a7947daefb08375>

²² China Supports Mongolia to Join APEC. *Global Times*. 09.11.2014. <https://www.globaltimes.cn/content/890775.shtml>

²³ China, Mongolia pledge more cooperation. *Xinhua*. 11.06.2018. http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/11/c_137245018.htm

В 2020 г. Монголия, при поддержке Китая, стала полноправным членом Азиатско-Тихоокеанского торгового соглашения (до 2005 г. известного как Бангкокское соглашение).

Взаимодействие японских и китайских проектов в условиях глобальной конкуренции

Если до начала 1990-х гг. считалось, что Япония имеет все шансы стать первой экономикой мира, то после краха «мыльного пузыря» на фондовом рынке и рынке недвижимости Японии в японской экономике началась продолжительная депрессия. Этот период совпал со взлётом экономики КНР благодаря политике «реформ и открытости», начатой Дэн Сяопином в 1978 г. В 1990-е гг. китайская экономика росла быстрыми темпами, порой с двузначными показателями, и появились признаки того, что Китай обгонит Японию по ВВП и станет второй экономикой мира после США. Как и ожидалось, это произошло в 2000-е гг.: в 2001 г. Китай обогнал Японию по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности валют, а в 2010 г. – и по номинальному ВВП.

По мере продвижения реформ КНР становилась важнейшим направлением прямых инвестиций для таких лидеров мировой экономики, как США и Япония. Накопив достаточно капитала и опыта взаимодействия с крупнейшими экономическими игроками, став полноправным участником процесса глобализации (что проявилось, в том числе, в успешном завершении переговорного процесса по вступлению в ВТО к 2001 г.), Китай перешёл к реализации программы «выхода в мир» (кит. *цзоу чу цюй* 走出去). Инициированная руководством страны программа «выхода в мир» представляет собой продуманную политику, которая нацелена на увеличение прямых инвестиций из материкового Китая, диверсификацию китайской продукции и повышение её качества, продвижение китайских брендов на ведущих мировых рынках. Эта политика ставит целью не только рост количественных показателей, но и создание китайской подсистемы в международном разделении труда. Она подразумевает заимствование передовых технологий, тесное сотрудничество с близлежащими новыми индустриальными странами и территориями (в том числе кооперацию в экспорте на рынки третьих стран), торговое и подрядное сотрудничество с развивающимися странами с целью получения

ресурсов для китайской промышленности и инфраструктуры [Салицкий, Семёнова 2016, с. 5–6].

Концепция «Пояс и путь» находится в русле этих приоритетов и является жестом, демонстрирующим глобальные амбиции Китая не только на экономической, но и мировой политической арене на пути к созданию пропагандируемого КНР многополярного мира.

Несмотря на заявленные основателями АБИИ цели сотрудничества с другими организациями и намерения прилагать совместные усилия для устойчивого развития региона, учреждение в 2014 г. руководимого Китаем банка было сразу воспринято настороженно другими игроками. В 2015 г. американский журнал *Foreign Policy* писал, что АБИИ представляет угрозу для глобального экономического миропорядка и выражал опасения, что эпоха доминирования США с так называемыми «бреттон-вудскими учреждениями» (МВФ, ВБ, ВТО) подходит к концу. Речь идёт о единоличном принятии решений Китаем о распределении финансовых потоков и установлении собственных китайских стандартов торговли и инвестиций. *Foreign Policy* предупредил, что появление АБИИ может привести не к многополярности, а к формированию двух экономических блоков в Азии: одного – во главе с Китаем, другого – руководимого США и Японией²⁴.

В том же году японская газета «Никкэй» написала о намерении правительства Японии резко увеличить кредитование инфраструктурных проектов в Азии через АБР и другие организации, чтобы противостоять АБИИ. В то же время, судя по сообщению японской газеты, японская сторона не видит противоречия в одновременном существовании двух банков, поскольку несколько десятков стран, являющихся членами АБР, одновременно вступили и в АБИИ. Членство Японии в АБИИ в то время рассматривалось как реальная перспектива²⁵.

Голоса в поддержку присоединения Японии и к АБИИ, и к инициативе Китая «Пояс и путь» действительно были достаточно сильны. В 2017 г. генеральный секретарь правящей Либерально-демократической партии Японии Никаи Тосихиро, известный своей прокитайской позицией, обозначил после своего визита в Пекин на саммит,

---

²⁴ The AIIB Is a Threat to Global Economic Governance. *Foreign Policy*. 31.03.2015. <https://foreignpolicy.com/2015/03/31/the-aiib-is-a-threat-to-global-economic-governance-china/>

²⁵ Setsuritsu junbi susumu 'AIIB' Nihon wa dō suru? [Preparations for Establishment of «AIIB» are Underway. What will Japan do?]. *Nikkei*. 22.05.2015. <https://www.nikkei.com/article/DGXZZO75366460X00C14A8000078/> (in Japanese).

посвящённой инициативе «Пояс и путь», намерение японских властей присоединиться к банку. По словам политика, Япония внимательно следит за его работой, и вопрос лишь в том, как быстро она примет решение о членстве²⁶. Согласно оценке Института развивающихся экономик Организации внешней торговли Японии (IDE Jetro), к 2017 г. большая часть проектов АБИИ (17 из 24) по факту реализовывались совместно с другими организациями, в том числе с ВБ, АБР, ЕБРР и другими. То есть не было оснований говорить о монополизации банком рынка кредитования инфраструктурных проектов [Chūgoку “ittai ichiro”... 2018, p. 5–6].

Тем не менее присоединение Японии к АБИИ до сих пор не состоялось. Причина расхождения мнений в японском правительстве – сомнения относительно надёжности механизма кредитования, прозрачности управления банком при решающем голосе китайской стороны, учета экологических и социальных проблем стран-получателей займов. Определённую роль, вероятно, играет давление США, оказываемое на Японию в условиях напряженности, существующей между Пекином и Вашингтоном²⁷.

Интересно, что сам Китай при этом является региональным членом и акционером АБР с 1986 г. и неоднократно требовал, чтобы ему предоставили большее право голоса как развивающейся стране. Тем не менее роль его невелика. По состоянию на 2022 г. КНР владеет лишь 6,4% капитала и является одним из крупнейших заёмщиков банка (вторым после Индии по накопленному суммарному объёму полученной помощи и первым по количеству проектов). Таким образом, между АБИИ и АБР сохраняется разделение функций и иерархия.

Здесь можно отметить и некоторые различия в специализации двух банков, заявленной изначально. Если цели АБР широки, и он стремится к устойчивому развитию и процветанию всего региона в первую очередь за счёт искоренения нищеты, то АБИИ считает своей миссией достижение устойчивого развития путём инвестиций в «инфраструктуру будущего». Функции банков не совпадают, но в том, что касается развития инфраструктуры региона, несомненно, пересека-

---

²⁶ Japan's ruling party heavy weight signals readiness to join AIIB: Nikkei. *Reuters*. 16.05.2017. <https://www.reuters.com/article/us-china-silkroad-japan-idUSKCN18B2S9>

²⁷ Japan split on joining AIIB bank, caught between US, China. *Reuters*. 20.03.2015. <https://www.reuters.com/article/us-asia-aiib-japan-idUSKBN0MG07Y20150320>

ются, и желание каждой из сторон – и Японии, и Китая – получить доступ к альтернативному каналу капиталовложений говорит об их возрастающем соперничестве в 2000-е гг.

То же касается и программы ЦАРЭС АБР и китайской инициативы «Пояс и путь». Если первая делает акцент на устойчивом экономическом развитии, то мегапроект «Пояс и путь» связан в первую очередь с транспортным сообщением (хотя одно подразумевает другое, и морские и сухопутные маршруты китайского мегапроекта будут создаваться с вниманием к вопросам экологии, человеческого капитала и мирного развития вовлечённых регионов).

Об усилении конкуренции Японии и Китая свидетельствует и характер реализуемых проектов. Хотя инвестиции стран в транспортную инфраструктуру охватывают разные направления и маршруты, эти маршруты будут неизбежно пересекаться (как и программа ЦАРЭС, «Пояс и путь» включает сообщение со странами Центральной Азии, а один из экономических коридоров ЦАРЭС частично совпадает с экономическим коридором Китай, Монголия, Россия). В конечном итоге от созданной сети автомобильных и железных дорог, карты наземного сообщения в регионе будет зависеть распределение грузовых потоков между крупнейшими экономическими центрами.

Показательна также очерёдность, с которой иницируются и реализуются проекты похожего профиля. Как и учреждение АБИИ, которое было вне всяких сомнений задумано Китаем как альтернатива АБР и другим финансовым институтам, инициатива «Пояс и путь» также потеснила Японию в тех сферах, где она уже вела активную работу в 2000-е гг. (это касается, в частности, ранее упомянутых проектов АБР по оптимизации сообщения между Монголией и Китаем). Хотя Япония обозначила своё присутствие в регионе раньше, цели Китая более масштабны и амбициозны. В настоящее время обе страны одновременно наращивают капиталовложения. Япония при этом сохраняет уже занятые позиции и высокотехнологичную специализацию, стараясь в то же время поднять сотрудничество с Монголией на новый уровень. Показательно, что заключение соглашения о СЭП Японии с Монголией последовало вскоре за объявлением КНР о намерении создать коридор Китай, Монголия, Россия.

Один из факторов, который сдерживает рост японских инвестиций в Монголии, – высокая степень неопределённости и несовершенство

законодательства в этой стране. Посольство Японии в Монголии отмечает, что японские компании сталкиваются с отсутствием гарантий и непредсказуемостью поведения партнёров, сложностью доступа к информации, непрозрачностью регулирования, неправомерным вмешательством чиновников в деятельность компаний, коррупцией и другими рисками²⁸. Деловая среда в Монголии остаётся довольно неблагоприятной для японцев, но в то же время не столь непривычной для китайских компаний и государственных структур. Вместе с географической близостью и более тесными историческими контактами с Монголией это даёт Китаю определённые преимущества.

Задача создания современного транспортного кластера в регионе не проста и рассчитана на длительные сроки реализации. Пока же истинным объектом интересов и полем борьбы двух стран является не столько инфраструктура, сколько природные ресурсы и рынки сбыта, доступ к которым обеспечивается благодаря этой инфраструктуре. Ещё одна задача, стоящая перед странами, – поддержание и оптимизация существующих в регионе производственных кластеров, которая требует от них усилий по разработке удобной логистики.

Вопросы, вызывающие конфликт интересов, всё чаще становятся причиной напряжённости. В 2006 г. китайские СМИ обвинили своих японских коллег в публикациях, дискредитирующих китайско-монгольские отношения и переоценивающих перспективы японо-монгольского сотрудничества якобы с целью получения более широкого доступа Японии к разработке монгольских полезных ископаемых²⁹. В японских СМИ можно найти немало критики китайского мегапроекта «Пояс и путь», который обвиняют в том, что он представляет собой попытку контроля транспортных путей со стороны Китая и затягивания участвующих стран в «долговую яму». В 2013 г., отмечая рост уровня жизни и расширение доступа к сфере услуг для всё большего числа жителей Монголии, онлайн-издание китайской газеты

---

²⁸ Mongoru de tōshi katsudō o okonau Nihon kigyō ni taisuru ankēto shūkei kekka [Summary Results of Questionnaire for Japanese Companies Investing in Mongolia]. *Embassy of Japan in Mongolia*. <https://www.mn.emb-japan.go.jp/news/jpb422.html> (in Japanese).

²⁹ Wei zhengduo menggu kuangchan kaifaquan riben eyi lijian zhongmeng guanxi [Japan Maliciously Drives a Wedge between China and Mongolia in order to Compete for Mongolia's Mineral Development Rights]. *Sina*. 04.08.2006. <http://finance.sina.com.cn/j/20060804/13292793251.shtml> (in Chinese).

«Жэньминь жибао» писало о росте конкуренции с японскими малыми и средними предприятиями на рынке продуктов питания³⁰.

Но если рынок Монголии сам по себе достаточно мал (население страны не превышает 3,5 млн), то значительно больший интерес представляет налаживание доступа к более крупным рынкам, в перспективе – при успешной реализации программы ЦАРЭС и инициативы «Пояс и путь» – к рынкам Центральной Азии и Европы. Китайская сторона как один из участников ЦАРЭС внимательно следит за её реализацией, пытаясь соотнести цели, поставленные АБР, с основными составляющими мегапроекта «Пояс и путь»³¹. Инициатива «Пояс и путь» также продолжает находиться в поле зрения японского бизнеса и чиновников, которые наблюдают за ней с настороженностью и интересом.

Заключение

Развитие экономического сотрудничества Японии и Китая с Монголией говорит о растущей конкуренции между двумя странами, которая связана как с краткосрочными результатами реализуемых проектов, так и с их более глобальными ожидаемыми эффектами.

Нельзя не учитывать, однако, что во многих случаях проекты Китая и Японии дополняют друг друга и речь идёт не только о конкуренции, но и о комплементарности. Наиболее наглядный пример взаимодополняющих проектов – финансирование Японией строительства аэропорта в Улан-Баторе, а Китаем – дороги к нему³². Можно привести пример японо-китайского сотрудничества в добывающей промышленности. В 2014 г. консорциум китайской Shenhua Energy, японской Sumitomo и монгольской Energy Resources выиграл тендер на разработку одного из крупнейших в мире угольных месторождений Таван Толгой (который был впоследствии аннулирован из-за

---

³⁰ Riben zhongxiao qiye qinglai mengguguo yu yu zhongguo shangpin zhengduo shichang [Japanese SME Favor Mongolia and Want to Compete with Chinese Products for the Market]. *People.cn*. 18.11.2013. <http://japan.people.com.cn/n/2013/1118/c35463-23576311.html> (in Chinese).

³¹ Zhongya quyue jingji hezuo di 16 ci buzhangji huiyi zai tajikistan dushangbie juxing [The 16th Ministerial Meeting of CAREC Held in Dushanbe, Tajikistan]. *Belt and Road Portal*. 30.10.2017. <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/hwxw/32135.htm> (in Chinese).

³² China and Japan's Investment Competition in Mongolia. *The Diplomat*. 01.08.2018. <https://thediplomat.com/2018/08/china-and-japans-investment-competition-in-mongolia/>

протеста Великого государственного хурала). Усилия сторон по развитию инфраструктуры в районе погранперехода Замын-Ууд и на других территориях также, безусловно, дополняют друг друга. Вся инфраструктура, созданная при участии двух стран, может в перспективе сформировать удобный и современный транспортный кластер.

Намерение продуктивного взаимодействия сторон отражено в подписании соглашений по 52 совместным проектам между предприятиями и правительственными учреждениями Японии и Китая в ходе «Японо-китайского форума по сотрудничеству на рынках третьих стран», прошедшего в октябре 2018 г. в Пекине³³.

В целом, спрос региона на вложения в инфраструктуру очень велик и, по некоторым оценкам, не мог бы быть полностью удовлетворён даже если бы там работало несколько международных финансовых институтов³⁴. Несмотря на пересечение интересов Японии и Китая, это делает поиск направлений капиталовложений сравнительно лёгкой для них задачей, и конкуренция, которую мы видим в Монголии, – скорее отражение более глобального соперничества.

Но это не означает, что страны не должны следить за экономической и политической ситуацией в регионе, чтобы не упустить свои возможности. В 2016 г. после конфликта с Китаем, возникшего из-за приглашения в Монголию Далай-Ламы, Монголия, остро нуждавшаяся в ресурсах из-за долгового кризиса выбрала японское финансирование³⁵. Это означает, что когда освобождается перспективная ниша для инвестиций, её тут же может занять другая страна. В конечном итоге конкуренция между Китаем и Японией на руку Монголии, поскольку даёт возможность получить капитал из другого источника в случае ухудшения отношений с одним из партнёров. В то же время самой Монголии предстоит большая работа по улучшению инвестиционного климата.

---

³³ Daisangoku kyōryoku wa seiji no sanbutsu kyūgoshirae kadai sanseki [Cooperation with Third countries is a product of Political Relations. Many Urgent Tasks]. *Mainichi Shimbun*. 26.10.2018. <https://mainichi.jp/articles/20181027/k00/00m/020/135000c> (in Japanese).

³⁴ The AIIB Is a Threat to Global Economic Governance. *Foreign Policy*. 31.03.2015. <https://foreignpolicy.com/2015/03/31/the-aiib-is-a-threat-to-global-economic-governance-china/>

³⁵ China and Japan's Investment Competition in Mongolia. *The Diplomat*. 01.08.2018. <https://thediplomat.com/2018/08/china-and-japans-investment-competition-in-mongolia/>

Библиографический список

Грайворонский В. В. (2018). Китайский мега-проект «Экономический пояс Шёлкового пути»: место и роль Монголии. *Восточная аналитика*. Выпуск 3. С. 49–59.

Ковригин Е. Б. (2012). Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия. *Пространственная экономика*. № 3. С. 9–33.

Салицкий А. И., Семёнова Н. К. (2016). Шёлковое наступление Китая. *Перспективы. Электронный журнал*. № 1 (5). С. 5–14.

References

Chūgoku “ittai ichiro” kōsō no tenkai to Nihon [Development of China’s “One Belt, One Road” Initiative and Japan]. (2018). *Dokuritsu gyōsei hōjin nihon bōeki shinkōkikō Ajia keizai kenkyūjo* [Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization]. https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Reports/Seisaku/pdf/2017_1_10_001.pdf (In Japanese).

Duiwai touzi hezuo guobie (diqū) zhinan. Mengguguo [Country (Regional) Guidelines for Foreign Investment and Cooperation. Mongolia]. (2022). *Shangwubu guoji maoyi jingji hezuo yanjiuyuan, Zhongguo zhu mengguguo dashiguan jingji shangwu chu, Shangwubu duiwai touzi he jingji hezuo si* [International Trade and Economic Cooperation Research Institute of the Ministry of Commerce, Economic and Commercial Office of the Chinese Embassy in Mongolia, Foreign Investment and Economic Cooperation Department of the Ministry of Commerce]. <http://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/mengguguo.pdf> (In Chinese).

Grajvoronskiy, V. V. (2018). Kitaiskiy mega-proekt «Ekonomicheskiy poyas Shelkovogo puti»: mesto i rol’ Mongolii [Chinese Mega-Project “The Economic Belt of the Silk Road”: the Place and Role of Mongolia]. *Vostochnaya analitika* [Eastern Analytics], 3, 49–59. (In Russian).

Kovrigin, E. B. (2012). Yaponiya – Kitai: ofitsial’naya pomoshch’ razvitiyu kak instrument ekonomicheskogo vzaimodejstviya [Japan – China: Official Development Assistance as an Instrument of Economic Interaction]. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], 3, 9–33. (In Russian).

Mongoru keizai gaikyō [Overview of the Mongolian Economy]. (2023). *Nihon bōeki shinkōkikō (Jetero) kaigai chōsa-bu* [Japan External Trade

Organization (JETRO) Overseas Research Department]. https://www.jetro.go.jp/ext_images/_Reports/01/c6d8aa83ee2280bb/20220064.pdf (In Japanese).

Moving Forward Together. The 30-Year Partnership of Mongolia and the Asian Development Bank. (2021). *Asian Development Bank*. <http://dx.doi.org/10.22617/ARM210427-2>. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/751566/30-year-partnership-mongolia-adb-chapter1.pdf>

Nyamtseren, L. (2001). Relations between Japan and Mongolia – Towards a Comprehensive Partnership. *ERINA REPORT*, 43, 18–23. https://www.unii.ac.jp/erina-unp/archive/wp-content/uploads/2001/01/Er43_tssc.pdf

Salitsky, A., Semyonova, N. (2016). Shelkovoie nastuplenie Kitaya [China's Silk Offensive]. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal* [E-journal «Perspectives and prospects»], 1 (5), 5–14. (In Russian).

Ulagpan, Y. (2021). Belt and Road Initiative: Opportunities and Challenges for Mongolia. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*, 19, 3, 1–12.

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 37–64
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 37–64
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-37-64

Жизнь японцев в зеркале статистики и социологических опросов

Лебедева И. П.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об уровне и качестве жизни современных японцев. Анализируются и сопоставляются данные из двух источников информации – официальной статистики и социологических опросов, проводимых частными и государственными организациями. Статистические данные показывают, что по целому ряду показателей (уровню душевых доходов, обеспеченности домохозяйств жильем и предметами длительного пользования, продолжительности жизни, распределению доходов и богатства среди населения и т. д.) Япония относится к числу высокоразвитых государств, обеспечивая абсолютному большинству своих граждан высокий уровень материального благополучия.

Хотя в целом данные социологических опросов, в которых приводятся субъективные оценки японцами своего материального положения, и не опровергают этот тезис, в некоторых моментах они его существенно корректируют, показывая, что далеко не все граждане страны удовлетворены своим уровнем жизни и отдельными его составляющими. Хотя некоторые из этих оценок представляются спорными, это не снижает их значимости как ценного источника информации.

Эти оценки, в частности, показывают, что японское общество далеко не столь однородно, как это принято считать, что оно состоит из групп, различающихся не только по уровню дохода и размерам богатства, но и по стилю жизни, по своим представлениям о ценности работы, о важности тех или иных сторон бытия, о социальной справедливости и т. д. Иными словами, дополняя статистические показатели, эти оценки помогают нам приблизиться к пониманию того, насколько многообразна и сложна жизнь современного японского общества.

Ключевые слова: уровень жизни, доходы, показатели материального благополучия, критерии жизни среднего класса, субъективные оценки.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, д.э.н., главный научный сотрудник, Центр японских исследований Института востоковедения РАН, 103031 Москва, ул. Рождественка 12.

Email: iplebedeva2019@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Life of the Japanese in the Mirror of Statistics and Public Opinion Polls

Lebedeva I. P.

Abstract

The article deals with the issue of the level and quality of life of the Japanese. Data from two sources of information are analyzed and compared – official statistical data and opinion polls conducted by private and public organizations. The statistics show that, according to a number of indicators (the level of per capita income, household provision of housing and durable goods, life expectancy, distribution of income and wealth among the population, etc.), Japan is among the highly developed nations, providing the absolute majority of its citizens with a high level of material well-being.

Although, in general, the data of sociological surveys, which represent subjective assessments by the Japanese of their financial situation, do not refute this thesis, in some aspects they significantly correct it, showing that not all citizens of the country are satisfied with their standard of living and some of its components.

While some of these assessments seem controversial, this does not diminish their importance as a valuable source of information.

These assessments, in particular, show that Japanese society is far from being as homogeneous as it is commonly believed, that it consists of groups that differ not only in income and wealth, but also in lifestyle, in their ideas about the value of work, about the importance of certain aspects of life, about social justice, etc.

In other words, by complementing statistical indicators, these assessments help us to get closer to understanding how diverse and complex the life of contemporary Japanese society is.

Keywords: standard of living, income, indicators of material well-being, criteria of middle-class life, subjective assessments.

Author: *Lebedeva Irina Pavlovna*, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

Email: iplebedeva2019@mail.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Уже довольно долгое время Япония воспринимается как одно из наиболее благополучных государств мира. Финансово-экономическая мощь страны, ее значительный научно-технический потенциал, известное во всем мире качество японских товаров – все это в сочетании с высокими показателями душевых доходов населения породило в разных частях света представления о Японии как о богатой стране, граждане которой могут наслаждаться всеми благами современной цивилизации.

О благополучном положении страны можно судить и по ряду других индикаторов. Благодаря гомогенному составу населения (по данным на конец 2022 г. его численность составила 124 млн 947 тыс. человек, иностранцев насчитывалось 2 млн 916 тыс. человек, т. е. 2,3%) Япония практически не сталкивается с такими явлениями, как религиозные или этнические конфликты. В силу особых отношений между «трудом и капиталом» здесь на протяжении уже многих десятилетий не наблюдается массовых забастовок. Их заменил механизм урегулирования трудовых вопросов и споров через систему консультационных советов, куда входят представители работников и менеджмента компаний. Япония отличается также очень низкими показателями безработицы, в том числе среди молодежи. Важно при этом, что порядка 90% работающих по найму мужчин (чьи доходы составляют основную часть бюджета в большинстве японских семей) имеют постоянную работу. Стабильность социально-политической ситуации придает и тот факт, что в стране функционируют хорошо отлаженные институты, через которые граждане имеют возможность влиять на принятие решений, касающихся самых разных сторон жизни общества.

Если добавить к сказанному выше низкий уровень преступности, практически полный охват населения системой пенсионного страхования и медицинского обслуживания, чистоту японских городов, высокий уровень санитарии и гигиены, четкую работу транспорта, отличный сервис и т. д., то можно заключить, что в стране действительно созданы все условия для комфортной и достойной жизни.

Ниже будут рассмотрены основные статистические показатели, по которым можно судить об уровне и качестве жизни современных японцев, а также проанализированы результаты социологических опросов с целью понять, как сами японцы оценивают свой уровень жизни и некоторые его составляющие.

Уровень жизни через призму статистики

По показателю ВВП на душу населения, в 2021 г. составившему 39,3 тыс. долл. по текущему курсу и 42,9 тыс. долл. по паритету покупательной способности валют (PPP), Япония стоит в одном ряду с высокоразвитыми европейскими государствами. Однако потерянные десятилетия не могли не сказаться на экономическом положении населения, и, хотя об абсолютном сокращении доходов речи не идет, позиции Японии среди наиболее развитых и крупных стран мира, т. е. стран «семерки», заметно пошатнулись. Об этом можно судить по данным табл. 1.

Таблица 1. ВВП на душу населения по текущему курсу и по паритету покупательной способности (PPP)

Страны	ВВП на душу населения по текущему курсу (тыс. долл.)		ВВП на душу населения по PPP (тыс. долл.)	
	2000	2021	2000	2021
Канада	24,271	51,988	29,362	52,790
Франция	22,416	43,659	26,090	50,996
Германия	23,695	51,204	27,203	58,276
Италия	20,138	35,658	27,076	46,374
Япония	39,169	39,312	27,287	42,140

США	36,330	70,249	36,330	69,288
Великобритания	28,291	45,510	26,476	50,809

Источник: World Development Economic Indicators. *World Bank*
<https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.PP.CD&country=>
<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?view=chart>

Как показывают эти данные, по размерам ВВП на душу населения с учетом покупательной способности валют к 2021 г. Япония оказалась на последнем месте среди стран «семерки», хотя 20 лет назад опережала Францию, Великобританию, Италию и находилась на одном уровне с Германией.

Неутешительную картину рисуют и данные, отражающие материальное положение населения в национальной валюте.

Таблица 2. Динамика показателей ВВП и национального дохода на душу населения и среднемесячных доходов домохозяйств

Годы	Номинальный ВВП на душу населения (тыс. иен)	Национальный доход на душу населения (тыс. иен)	Среднемесячные доходы домохозяйств (тыс. иен)
2000	4166	3042	616,9
2005	4181	3032	563,8
2010	3943	2848	538,0
2015	4255	3089	545,4
2016	4290	3089	560,2
2017	4379	3157	551,6
2018	4392	3181	552,3
2019	4401	3177	574,4
2020	4261	2975	591,9
2021	4386	3155	582,1

Составлено по: Annual Report on National Accounts for 2021, p. 15; for 2015, p. 28 // Cabinet Office

https://www.esri.cao.go.jp/en/sna/data/kakuhou/files/2021/pdf/point_flow_en20211223.pdf;

<https://www.esri.cao.go.jp/en/sna/data/kakuhou/files/2015/pdf/point20161222e.pdf>

Summary Report of Comprehensive Survey of Living Conditions 2019, p. 9; 2016, p. 9. *Ministry of Health, Labour and Welfare*

https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hss/dl/report_gaikyo_2019.pdf

<https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hss/cscl-report2016.html>

Очевидно, что динамика показателей подушевых доходов населения отражает характер экономического развития страны в рассматриваемый период, а именно вялый экономический рост, сопровождавшийся дефляцией, с проблесками оживления в отдельные годы. Что же касается заметного снижения среднемесячных доходов домохозяйств – на 5,5% за 2000–2021 гг. – то оно было связано, прежде всего, с резким ростом в структуре японских домохозяйств доли семей пожилых граждан. Доходы этой группы в среднем в два раза ниже доходов семей прочих возрастных групп. Между тем ее доля быстро возрастала и в 2020 г. составила уже почти 29%, увеличившись в два раза по сравнению с 2000 г.¹ Эти сдвиги «смазали» эффект от заметного повышения доходов семей работающих граждан, наблюдавшегося в последнее десятилетие и ознаменовавшего преодоление растянувшейся на два «потерянных» десятилетия стагнации²:

доходы японских домохозяйств (тыс. иен в месяц)*

1990	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
521,8	570,8	562,8	524,6	520,7	510,1	518,5	523,6	519,8
2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
525,6	527,0	533,8	558,7	586,1	609,5	605,3	617,7	

**домохозяйства работающих японцев, состоящие из двух и более человек.*

Таким образом, хотя экономические неурядицы сильно замедлили рост доходов населения, их абсолютные размеры вполне достаточны для обеспечения достойного уровня жизни японских семей. Разумеется, за средними цифрами скрываются значительные различия

---

¹ Handbook of Health and Welfare Statistics 2021 tables 1-46, 1-50. *Ministry of Health, Labour and Welfare* <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hh/1-3.html>

² Main Labor Economic Indicators. 2023, March, p. 31; 2017, December p. 31. *Japan Institute for Labor Policy and Training* <https://www.jil.go.jp/english/estatis/eshuyo/pdf/eshuyo202303.pdf> <https://www.jil.go.jp/english/estatis/eshuyo/pdf/eshuyo201712.pdf> *Japan Statistical yearbook* 2011 Table 19-3. *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/back60/index.html>

в положении разных слоев и групп населения. Не вдаваясь в анализ этой темы и отсылая читателей к работе, где она довольно подробно рассмотрена [Лебедева 2021], приведем лишь наиболее свежие показатели коэффициента Джини, измеряющего степень неравенства в распределении доходов и богатства среди населения.

Таблица 3. Коэффициент Джини по эквивалентному доходу и эквивалентному богатству, 2019 г.*

Возрастные группы (по возрасту главы семьи)	Коэффициент Джини по эквивалентному доходу (первичные доходы)	Коэффициент Джини по эквивалентному доходу (доходы после перераспределения)	Коэффициент Джини по эквивалентному богатству
до 35 лет	0,264	0,252	0,911
35-44	0,274	0,261	0,802
45-54	0,306	0,291	0,706
55-64	0,361	0,321	0,601
65-74	0,543	0,320	0,548
75-84	0,695	0,339	0,557
свыше 85	0,724	0,316	0,572
в среднем	0,427	0,311	0,678

Источник: National Survey of Family Income, Consumption and Wealth 2019. Table 7-3, 7-13, 7-23. *Statistics Bureau of Japan*. <https://www.stat.go.jp/english/data/zenkokukakei/index.html>

* Эквивалентные показатели рассчитаны с учетом состава семьи (путем деления дохода или богатства на квадратный корень из числа ее членов).

Как показывают приведенные данные, расслоение населения по первичным доходам, весьма существенное в старших возрастных группах, резко уменьшается после перераспределения доходов через системы социального обеспечения и налогообложения, и в целом коэффициент Джини находится на уровне, считающемся невысоким. Другую картину рисуют данные, отражающие расслоение населения по размерам чистого богатства (представляющего стоимость всех

активов семьи за вычетом задолженности). Это расслоение велико во всех возрастных группах, но особенно – в молодых когортах, что говорит о сильном влиянии «обстоятельств рождения» (в данном случае богатства, накопленного предыдущими поколениями) на материальное положение молодых семей. Но в то же время обращает на себя внимание тот факт, что степень расслоения существенно снижается по мере повышения возраста глав домохозяйств. Это означает, что в процессе трудовой деятельности миллионы японских семей имеют шанс улучшить свое материальное положение и стать значительно богаче, чем они были в начале жизненного пути (прежде всего, обзавестись собственным жильем, что в условиях его крайней дороговизны в Японии делает его основным элементом богатства).

В чем же воплощается достигнутый к настоящему времени уровень благосостояния населения Японии? Одним из самых важных показателей успешности социально-экономического развития страны является продолжительность жизни населения. По этому показателю Япония занимает лидирующие позиции в мире. По данным за 2019 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни японцев составила 84 года, в том числе 81 год для мужчин и 87 лет для женщин, а продолжительность здоровой жизни (т.е. жизни, не отягченной болезнями, не позволяющими людям вести активный образ жизни) – соответственно 74 года, 73 года и 75 лет³.

Профессор Ёсикава Хироси выделяет три главных фактора роста продолжительности жизни в Японии. Во-первых, рост доходов населения (что означало повышение качества питания, улучшение жилищных условий и т.д.). Во-вторых, прогресс медицины, увеличение числа и повышение квалификации докторов, медсестер и другого медицинского персонала. В-третьих, создание в 1961 г. Национальной системы страхования здоровья⁴, что привело, в частности, к резкому росту числа обращений за медицинскими услугами пожилых граждан страны [Yoshikawa 2020, p. 126].

---

³ Japan Statistical yearbook 2023, Table 30-3. *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html>

⁴ В этой системе застрахованы фермеры, самозанятые, рыбаки и лесники, а также пенсионеры. Работники частных компаний с числом занятых более 5 человек застрахованы в Society Managed Health Insurance, работники мелких предприятий и временные работники – в The Japan Health Insurance Association, а государственные служащие, учителя частных школ и преподаватели частных университетов, а также моряки – в Mutual Aid Associations.

В первые послевоенные десятилетия решающим фактором увеличения продолжительности жизни было резкое снижение – на фоне высокой рождаемости – показателя детской смертности (число смертей детей в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся младенцев). С 39,8 в 1955 г. он снизился до 10,0 в 1975 г., 4,6 в 1988 г., 2,6 в 2008 г. и 1,8 в 2020 г.⁵. Но в дальнейшем главным фактором стало общее улучшение условий жизни японцев, расширение доступа к медицинским услугам и повышение их качества. Важно при этом отметить, что в отличие от довоенного времени и первых послевоенных лет, когда до преклонного возраста доживала лишь незначительная часть населения, в последующие годы долголетие становилось все более массовым, и до глубокой старости стали доживать люди, принадлежащие к самым разным слоям общества.

В 2009 г. экономист Сэм Пельтсман предложил методику расчета «коэффициента Джини по ожидаемой продолжительности жизни» (Life Expectancy Gini Coefficient), который также называют «коэффициент Джини по смертности» (Mortality Gini Coefficient). Суть этой методики сводится к следующему. Один миллион людей, родившихся в одном и том же году, распределяют по группам в зависимости от продолжительности их жизни, начиная с младенцев, умерших в течение первого года жизни, и кончая теми, кто дожил до 100 лет. Далее на основе этого распределения, аналогично методике расчета коэффициента Джини по распределению доходов, рассчитывается коэффициент, показывающий насколько велик разброс этих показателей, т. е. насколько велико неравенство среди населения в плане продолжительности жизни. Что касается Японии, то по расчетам ученого, с уровня более 0,4 в 1900 г. этот показатель снизился до 0,3 к началу 1950-х гг., а затем начал непрерывно и быстро снижаться и к 2000 г. оказался ниже 0,1 [Yoshikawa 2020, p. 140–143].

Иными словами, неравенство в плане возможностей прожить долгую жизнь в японском обществе минимально и гораздо ниже, чем степень неравенства в распределении текущих доходов, которое, как мы отмечали, также считается невысоким. Очевидно, что помимо общего роста благосостояния населения это стало возможным благодаря целенаправленной политике государства [Лебедева 2019, с. 262–273].

---

⁵ Japan Statistical yearbook 2023, Table 2-16. *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html>

Обратимся к другим сторонам жизни японцев. Как отмечалось выше, в Японии весьма значительно расслоение домохозяйств по накопленному богатству, на что в значительной степени влияет наличие или отсутствие в собственности семьи дома или квартиры. По данным обследования, проведенного в 2018 г. Министерством внутренних дел и коммуникаций, всего в Японии насчитывается 53 млн 616 тыс. жилых объектов, из них 32 млн 802 тыс. – это частные дома или квартиры, а 19 млн 65 тыс. – арендуемое жилье. Таким образом, собственное жилье имеют более 60% (61,2%) японских домохозяйств, в том числе 28 млн 760 тыс. проживают в собственных домах (53,6%). Средняя площадь домов составляет 129 кв. м, площадь квартир в *нагая* (одноэтажных домах, состоящих из нескольких квартир) – 98,6 кв. м, а квартир в многоквартирных домах – 75 кв. м. Понятно, что размеры земельных участков под частными домами зависят от их местоположения, но основная масса частных домов – более 20 млн – расположена на участках площадью от 100 кв. м до 500 кв. м, что неудивительно с учетом размеров территории страны и особенностей расселения населения⁶.

Так как обычно недвижимость передается по наследству, собственными домами и квартирами располагают даже домохозяйства, имеющие весьма невысокие по японским меркам текущие доходы. Например, 1 млн 400 тыс. частных домовладений принадлежат семьям, имеющим доход до 1 млн иен в год, а порядка 3 млн 500 тыс. – семьям с доходом от 1 млн иен до 2 млн иен. Что же касается возрастного состава собственников жилья, то вполне естественно, что основную их часть составляют люди среднего и старшего возраста. Так, 7 млн 768 тыс. домовладений (23,7% от общего числа) принадлежат гражданам в возрасте от 40 до 54 лет, 6 млн 374 тыс. (19,4%) – от 55 до 64 лет, 8 млн 118 тыс. (24,7%) – от 65 до 74 лет, а 7 млн 213 тыс. (22,0%) – от 75 лет. Иными словами, порядка 70% частного жилья находится в собственности граждан старше 55 лет, в том числе почти половина – в собственности пожилых граждан. В то же время, домохозяйств, собственникам которых не более 30 лет, насчитывается

---

⁶ Japan Statistical yearbook 2023, Table 21-5, 21-6, 21-13. *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html> По размерам жилой площади и доле семей, проживающих в собственных домах, Япония близка к показателям европейских стран.

лишь 232 тыс., а лицам в возрасте от 30 до 39 лет принадлежат чуть более 2 млн домовладений⁷.

Хотя к аренде жилья в силу разных жизненных обстоятельств прибегают японцы самых разных возрастов, среди арендаторов преобладают молодые люди и младшие когорты лиц среднего возраста. Так, половина арендаторов – это люди моложе 45 лет, а 30% из них – моложе 35 лет. В то же время старшие возрастные группы (от 65 лет) в общем числе арендаторов составляют лишь 14,5% (2 млн 220 тыс.)⁸.

Насколько же обременительна аренда жилья в Японии? По данным того же обследования, в 2018 г. средняя арендная плата составила 55,7 тыс. иен в месяц или 3070 иен за *татами* (последняя практически не изменилась за прошедшее десятилетие). Если сравнить эту цифру с месячным доходом среднестатистической японской семьи, в том же году составившим 493 тыс. иен, то можно сделать вывод, что аренда жилья поглощает весьма незначительную долю семейного бюджета (немногим более 10%)⁹. Тем не менее, большинство японцев с молодых лет начинают откладывать деньги на приобретение собственного жилья с тем, чтобы к моменту достижения пика карьеры (50-55 лет) и даже раньше обзавестись собственным домом или квартирой.

Довольно широко распространены представления о том, что из-за дороговизны жилья японские семьи, приобретая собственный дом, на долгие годы взваливают на свои плечи бремя выплат по кредиту. Действительно, в общей сумме задолженности среднестатистической японской семьи, в 2021 г. составившей 5 млн 670 тыс. иен, на кредиты, взятые для приобретения земельного участка и/или дома, приходится 90%. Но если сопоставить эту сумму с величиной накоплений, в том же году составившей 18 млн 800 тыс. иен, то окажется, что в целом ситуация вполне благополучна. Причем, по данным японской статистики соотношение между накоплениями и задолженностью в семьях с более низкими доходами оказывается даже более благоприятным, чем в семьях с высокими доходами. Так,

---

⁷ Japan Statistical yearbook 2023, Table 21-14, 21-15. *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html>

⁸ Japan Statistical yearbook 2023, Table 21-14. *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html>

⁹ Japan Statistical yearbook 2023, Table 21-12, 1-2. *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html>

в группе семей с доходами менее 3 млн 310 тыс. иен в год накопления превышают задолженность почти в 10 раз (14 млн 60 тыс. иен и 1 млн 420 тыс. иен), а в семьях с доходами свыше 8 млн 720 тыс. иен в год – в 2,6 раза (28 млн 680 тыс. иен и 10 млн 970 тыс. иен)¹⁰.

Конечно, в силу особенностей расселения населения по территории страны и сейчас немало японцев живут вблизи автострад, железнодорожных линий, промышленных предприятий, т. е. в условиях, которые трудно назвать комфортными. Но в стране осуществляются программы по перепланировке и перестройке транспортной и промышленной инфраструктуры, строятся города-спутники, комфортабельные городские кварталы, а также введены жесткие нормативы, направленные на предотвращение загрязнения окружающей среды [Маркарьян 2013]. В последние годы особое внимание стало уделяться оснащению жилых домов энергосберегающим оборудованием, а также строительству домов, приспособленных для проживания пожилых граждан. Так, половина из 32,8 млн частных квартир и домов оснащены энергосберегающим оборудованием (имеются в виду нагреватели воды и генераторы, использующие солнечную энергию, двойные оконные рамы или двойные стекла). А квартир, оснащенных оборудованием, облегчающим жизнь пожилых людей, насчитывается уже более 4 млн¹¹.

Что касается прочих материальных благ, то по уровню оснащения домашних хозяйств различной бытовой техникой и электроникой Япония заняла лидирующие позиции еще в 1970-е – 1980-е гг., когда основная часть этой продукции производилась в самой стране. Позже, когда с целью сокращения издержек на труд было организовано производство этой продукции в азиатских странах и начались ее массовые поставки на японский рынок, она стала доступна даже людям с невысокими доходами. При этом японцы едва ли не первыми в мире обзаводятся новыми моделями традиционной техники и приобретают новинки, а обладание ими уже перестало восприниматься как признак материального благополучия. Особо следует отметить, что всю эту продукцию и даже автомобили среднестатистическая японская семья может приобрести, не прибегая к кредитам (напомним, что

---

¹⁰ Japan Statistical yearbook 2023, Table 22-9. *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html>

¹¹ Japan Statistical yearbook 2023, Table 21-8. *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html>

лишь 10% от общей суммы кредитов берутся на цели, не связанные с покупкой земли или жилья). В целом обеспеченность японских семей основными предметами длительного пользования выглядит следующим образом (на 1 тыс. семей из двух и более человек)¹²:

<i>автомобили</i>	<i>микроволновые печи</i>	<i>холодильники</i>	<i>пылесосы</i>	<i>стиральные машины</i>
1377	1044	1218	1419	1064
<i>кондиционеры</i>	<i>смартфоны</i>	<i>мобильные телефоны</i>	<i>телевизоры</i>	<i>видеосистемы</i>
2723	1105	1207	2162	1185
<i>кинокамеры</i>	<i>ПК (desktop)</i>	<i>ПК (laptop)</i>	<i>ПК (настольные)</i>	
1348	467	872	272	

О высоком уровне жизни свидетельствует и небольшая – в пределах четверти – доля расходов на питание в бюджете японских семей, не говоря уже о высоком качестве и широком ассортименте продуктов, предлагаемых в японских магазинах, а также о достоинствах японской кухни, получившей признание во всем мире.

Иными словами, статистические показатели говорят о вполне благополучном во многих отношениях существовании нынешних поколений японцев. Но в этой связи возникает вопрос – а как сами японцы оценивают свое материальное благополучие и некоторые другие стороны жизни?

Жизнь японцев, отраженная в социологических опросах

Опросы общественного мнения и социологические обследования проводятся в Японии регулярно – как правительственными органами, так и частными организациями. Одним из наиболее известных является ежегодный опрос, проводимый канцелярией премьер-министра – *Кокумин сэйкаку ни кансуру сэрон тёса* (буквально «Изучение общественного мнения о жизни народа»). Помимо значительного числа респондентов и охвата широкого спектра вопросов достоинством этих опросов является то, что они проводятся ежегодно с конца

¹² Japan Statistical yearbook 2021, Table 22-13. *Statistics Bureau of Japan* <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/70nenkan/index.html>

1940-х гг., что позволяет отслеживать динамику процессов, происходящих в различных сферах жизни японского общества.

Обратимся вначале к оценке японцами уровня своего материального благополучия. Согласно данным этого опроса, на протяжении почти полувека на вопрос «Как вы оцениваете уровень жизни вашей семьи на общем фоне?» абсолютное большинство японцев (порядка 90%) выбирают ответ «средний». Причем, при некоторых колебаниях, отражающих изменение экономической конъюнктуры, в тенденции в составе этих «средняков» происходило повышение долей верхней и средней групп и снижение доли низшей группы. Кроме того, постепенно снижалась и доля тех, кто выбирает ответ «низкий» (табл. 4).

Таблица 4. Изменение структуры ответов на вопрос об уровне жизни (%)

	Оценки уровня жизни своих семей на общем фоне					
	Высокий	Средний (высокий)	Средний (средний)	Средний (низкий)	Низкий	Не знаю
1964	0,5	6,6	50,2	30,3	8,5	3,9
1974	0,5	6,8	57,9	26,0	5,3	3,5
1984	0,5	7,9	54,6	27,1	6,6	3,3
1994	0,7	10,3	54,7	24,8	6,4	3,1
2004	1,1	11,6	54,1	26,3	6,0	0,9
2014	1,2	12,4	56,6	24,1	4,6	1,1
2018	1,6	13,6	58,0	21,1	4,2	1,5
2019	1,3	12,8	57,7	22,3	4,2	1,7
2020*	-	-	-	-	-	-
2021	1,2	13,3	48,7	27,1	8,2	1,5
2022	1,8	13,9	48,9	26,2	7,2	2,0

Источник: Kokumin seikatsu – ni kansuru seron chyosa Reiwa 4 nen (Public Opinion Survey on the Life of the People 2022), p. 48–51. Cabinet Office, January 2023: <https://survey.gov-online.go.jp/r04/r04-life/gairyaku.pdf>

* Так как опрос проводится путем прямого общения между опрашиваемыми и опрашиваемыми, в 2020 г. из-за пандемии COVID-19 он не проводился.

Как показывают материалы таблицы, в последние два года, отягченные последствиями пандемии и резкого ухудшения геополитической ситуации, в составе среднего класса произошли заметные перемены: существенно снизилась доля «средняков» и повысилась доля тех, кто относит себя к нижнему слою среднего класса. Но при этом в целом его позиции не изменились: как и прежде, порядка 90% японцев оценивают свой уровень жизни как средний.

Несколько иную картину рисуют данные опроса, проведенного летом 2022 г. Японским институтом политики в области труда и переподготовки (Japan Institute for Labour Policy and Training, JILPT) и компанией NHK. В части, касающейся представлений о среднем классе, организаторы опроса стремились прояснить следующие вопросы:

- как граждане представляют жизнь среднего класса;
- какова связь между уровнем жизни и идентификацией классовых позиций;
- как граждане оценивают свой нынешний уровень жизни и перспективы его повышения.

Прежде чем комментировать результаты этого опроса, необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, в отличие от опроса Канцелярии премьер-министра, в котором свой уровень жизни граждане оценивают на фоне реального положения дел, т.е. реального уровня жизни японских семей, опрос NHK/JILPT ориентируется скорее на представления граждан о жизни среднего класса, т.е. на существующую в их воображении картинку. Во-вторых, к лету 2022 г., когда проводился этот опрос, уже в полной мере дали о себе знать последствия не только нескольких волн пандемии COVID-19, но и нарастания геополитической напряженности, что не могло не усугубить пессимистических настроений в обществе.

Данные опроса NHK/JILPT, прежде всего, говорят о том, что существует значительный разрыв между представлениями граждан о том, каким должен быть уровень жизни среднего класса и их оценками собственного материального положения. В целом лишь 5,9% респондентов отметили, что их уровень жизни выше уровня жизни среднего класса, 38,4% полагают, что он ему соответствует, а 55,7% считают, что они до него не дотягивают. Правда, при разбивке респондентов на 6 групп по уровню дохода и с учетом семейного положения вырисовывается более благоприятная картина.

Таблица 5. Оценки гражданами уровня своих доходов относительно представлений об уровне жизни среднего класса (доли респондентов, %)

	Высокий	Высокий из средних	Низкий из средних	Высокий из низких	Низкий из низких	Не знаю
Состоящие в браке	0,6	21,7	43,6	20,5	6,8	6,7
Не состоящие в браке	0,7	11,1	31,9	27,6	16,7	11,9

Источник: Finding from the Results of the NHK/JILPT Joint Survey on Lifestyles and Attitudes. *Japan Labor Issues*. Vol. 7, No 41 January 2023, p. 37–38. <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/041-03.pdf>

На наш взгляд, недостатком такой разбивки является отсутствие двух уровней доходов – «средний из средних» и «средний из низких». Ведь очевидно, что часть тех, кто причисляет себя к получателям дохода «высокий из низких», при наличии уровня «низкий из средних» выбрали бы его. Тем не менее, оказывается, что даже при такой разбивке примерно 2/3 японских семей и 44% не состоящих в браке японцев могут позволить себе образ жизни, соответствующий их представлениям о жизни среднего класса.

Что касается вопроса о том, каким должен быть доход, позволяющий вести образ жизни среднего класса, то мнения респондентов распределились следующим образом.

Таблица 6. Уровень годового дохода, соответствующий представлениям о жизни среднего класса (доли респондентов, %)

Респонденты	Годовой доход (млн иен)						
	более 2,2 млн	более 4 млн	более 6 млн	более 8 млн	более 10 млн	более 12 млн	более 20 млн
<i>Состоящие в браке</i>							
женщины	2,0	13,4	34,3	30,6	13,2	4,8	1,8
мужчины	1,1	12,2	32,0	30,0	17,5	4,5	2,8

<i>Не состоящие в браке</i>							
женщины	5,2	27,9	38,8	18,3	7,5	0,8	2,1
мужчины	5,6	25,3	37,8	19,0	9,1	1,5	1,8

Источник: Finding from the Results of the NHK/JILPT Joint Survey on Lifestyles and Attitudes. *Japan Labor Issues*. Vol. 7, No 41 January 2023, p. 36. <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/041-03.pdf>

Приведенные данные наглядно показывают, насколько по-разному люди представляют себе жизнь среднего класса и необходимый для ее обеспечения доход. Но если отбросить наименее притязательных и наиболее требовательных респондентов, то окажется, что почти 2/3 японцев, состоящих в браке, считают, что годовой доход должен находиться в пределах 6-10 млн иен, а 2/3 тех, кто не состоит в браке, полагают, что он должен составлять от 4 до 8 млн иен. Если сопоставить эти цифры с реальными доходами японских домохозяйств, то становится очевидным, что «мечты» и реальность довольно сильно расходятся, особенно у молодых людей и пожилых граждан¹³:

<i>возраст главы домохозяйства</i>	до 29 лет	30-49	40-49	50-59	60-69	свыше 70 лет
<i>годовой доход (млн иен, 2019 г.)</i>	3,626	6,148	6,948	7,560	5,660	3,946

Уточнить мнения японцев относительно уровня их доходов и уровня жизни в целом позволяют ответы на вопрос о степени удовлетворенности своим материальным положением. В разных обследованиях этот вопрос формулируется по-разному. Например, в обследовании Министерства здравоохранения, труда и благосостояния респондентам предлагали оценить условия жизни, выбрав один из пяти вариантов ответов. Оказалось, что 21,8% японцев считают, что живут «очень трудно», 32,6% – «немного трудно», 39,9% – «нормально», 4,7% – «весьма комфортно» и 1,0% – «очень комфортно». При этом доля выбравших первые два варианта ответов была выше средних показателей в группе «семьи с детьми» (25,5% и 34,9%) и особенно – в группе «матери с детьми» (41,9% и 44,8%)¹⁴.

¹³ Summary Report of Comprehensive Survey of Living Conditions 2019, p. 10. *MHLW*. July 17, 2020 https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hss/dl/report_gaikyo_2019.pdf

¹⁴ Summary Report of Comprehensive Survey of Living Conditions 2019, p. 16. *MHLW*. July 17, 2020 https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hss/dl/report_gaikyo_2019.pdf

В опросе NHK/JILPT вопрос об уровне жизни был предложен в следующей формулировке: «Что вы думаете о своем нынешнем уровне жизни?». Ответы распределились следующим образом:

очень высокий – 3,1%;

я могу себе позволить достаточно комфортную жизнь – 40,2%;

я не совсем могу себе позволить комфортную жизнь – 41,8%;

я совсем не могу себе позволить комфортную жизнь – 14,9%¹⁵.

В наиболее полном виде восприятие японцами своего уровня жизни отражено в опросе Канцелярии премьер-министра *Кокумин сэйкацу ни кансүру сэрон тёса*. Здесь, помимо приведенных выше данных об оценках японцами уровня жизни своих семей на общем фоне, содержатся и данные, касающиеся степени их удовлетворенности своей жизнью в целом, а также уровнем своих доходов и размерами накоплений (табл. 7).

Таблица 7. Степень удовлетворенности жизнью, уровнем доходов и размерами активов (доли респондентов, выбравших соответствующий ответ, %)

	Удовлетворен	Достаточно удовлетворен	Не совсем удовлетворен	Не удовлетворен
В какой степени вы удовлетворены жизнью в целом	7,2	48,0	32,3	12,0
В какой степени вы удовлетворены уровнем доходов	4,6	35,1	39,7	20,1
В какой степени вы удовлетворены размерами активов	4,5	28,1	39,3	27,4

Источник: Kokumin seikatsu ni kansuru seron chyosa Reiwa 4 nen (Public Opinion Survey on the Life of the People 2022), p. 3–8. *Cabinet Office*. January 2023: <https://survey.gov-online.go.jp/r04/r04-life/gairyaku.pdf>

¹⁵ Finding from the Results of the NHK/JILPT Joint Survey on Lifestyles and Attitudes. *Japan Labor Issues*. Vol. 7 No 41 January 2023, p. 36. <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/041-03.pdf>

Как показывают все три опроса, на фоне в целом достаточно высокого уровня жизни в стране далеко не все граждане удовлетворены своим материальным положением. И хотя вопросы в них сформулированы по-разному, структура ответов практически однотипна. Порядка 3–5% японцев более чем удовлетворены своим положением, 35–40% могут позволить себе достаточно комфортную жизнь, 1/3 – 40% испытывают некоторые финансовые затруднения, а 15–20% считают свою жизнь «трудной». При этом обращает на себя внимание тот факт, что даже в пределах одного и того же опроса – опроса Канцелярии премьер-министра – структура ответов на вопрос об удовлетворенности материальным положением (доходами и активами) заметно отличается от структуры оценок японцами уровня жизни своих семей на общем фоне (см. табл. 4). Представляется, что эти различия связаны с тем, что уже сама формулировка вопроса об «удовлетворенности» материальным положением предполагает большую степень эмоциональной окраски ответов, т.е. большую степень их субъективности. Тем не менее, очевидно, что эти субъективные оценки, рисующие гораздо более сложную, чем сухая статистика, картину жизни, важны для лучшего понимания процессов, происходящих в японском обществе.

В контексте восприятия японцами своего материального положения интерес представляют также их мнения о том, является ли Япония страной равных возможностей, т.е. существует ли в стране социальная справедливость. Об этом можно судить по распределению ответов на вопрос «Согласны ли вы, что каждый, кто много работает, может стать богатым?». Лишь 3% респондентов полностью с этим согласились, а еще 31,5% ответили, что согласны лишь отчасти. В то же время почти 2/3 выразили несогласие, в том числе 17,9% ответили, что они категорически не согласны, а 47,7% – что они не совсем согласны. Примечательно, что особенно много несогласных оказалось среди людей в возрасте от 45 до 50 лет, т.е. среди тех, кто приближается к пику своей карьеры, оставив позади годы напряженного труда¹⁶.

На фоне этих ответов вполне естественными выглядят ответы на вопрос, смогут ли респонденты стать богаче, чем их родители. В то время как 18,6% выбрали ответ «Я думаю, что смогу», а 27,7% –

---

¹⁶ Finding from the Results of the NHK/JILPT Joint Survey on Lifestyles and Attitudes. *Japan Labor Issues*. Vol. 7 No 41 January 2023, p. 41. <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/041-03.pdf>

«Я думаю, что останусь на том же уровне, что и родители», 17,5% затруднились с ответом, а 36,2% ответили, что не смогут стать богаче родителей¹⁷.

Тем не менее, несмотря на эти достаточно пессимистические настроения большинство японцев полагают, что именно работа является основным средством обеспечения лучшей жизни, а на полезные связи и состоятельных родителей полагаются не более 20%.

Интерес представляют взгляды японцев на то, какие конкретно условия необходимы для того, чтобы жить как средний класс. Вот как распределились ответы на этот вопрос респондентов опроса NHK/JILPT (табл. 8).

Таблица 8. Представления японцев об условиях, обеспечивающих жизнь на уровне среднего класса (выбор нескольких вариантов ответов, %)

	Женщины	Мужчины
Глава семьи должен быть постоянным работником	66,2	59,7
Нужно жить в собственном доме	64,8	57,5
В семье должен быть автомобиль	62,8	56,0
Нужно состоять в браке и иметь ребенка	47,4	48,1
Иметь возможность не меньше 1 раза в год путешествовать	54,5	42,7
Иметь возможность дать детям высшее образование	50,7	41,1
Быть в состоянии накопить деньги на старость	52,1	42,3
Иметь возможность тратить деньги на хобби	55,9	49,7
Не думать о мелких ежемесячных расходах	46,8	36,7
Иметь возможность есть вне дома когда захочется	47,7	35,9

Источник: Finding from the Results of the NHK/JILPT Joint Survey on Lifestyles and Attitudes. *Japan Labor Issues*. Vol. 7, No 41 January 2023, p. 36. <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/041-03.pdf>

---

¹⁷ Finding from the Results of the NHK/JILPT Joint Survey on Lifestyles and Attitudes. *Japan Labor Issues*. Vol. 7 No 41 January 2023, p. 42. <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/041-03.pdf>

Возникает естественный вопрос – насколько выполнимы эти условия? Начнем с набравшего наибольшее число голосов пункта – о том, что глава семьи должен быть постоянным работником. По статистике к 30-35 годам, когда японские мужчины обзаводятся семьями, около 90% из них уже являются постоянными работниками, а в дальнейшем эта доля даже несколько возрастает и остается на этом уровне вплоть до достижения работниками 60 лет, т. е. *тэйэнэн* – предельного возраста пребывания в фирме¹⁸.

Далее, как отмечалось выше, более 60% японских домохозяйств имеют собственные дома или квартиры, а доля собственников жилья резко нарастает по мере перехода из младших возрастных когорт в старшие. Так, по данным за 2018 г. среди японцев в возрасте до 30 лет собственное жилье имели 6,4%, в возрасте 30-39 лет – 35,9%, 40-49 лет – 57,9%, 50-59 лет – 67,9%, а в возрасте свыше 60 лет – 80%¹⁹. Иными словами, перспектива обзаведения собственным жильем вполне реальна для большинства японцев.

Что касается наличия собственного автомобиля, то это условие в комментариях не нуждается: как отмечалось выше, в среднем на семью в Японии приходится 1,4 автомобиля.

Среди прочих пунктов, набравших наибольший процент голосов, на наш взгляд, заслуживают внимания следующие два – «иметь возможность дать детям высшее образование» и «быть в состоянии накопить деньги на старость».

Как известно, в последние годы в университеты поступает уже больше половины выпускников школ высшей ступени. Хотя в наиболее известных частных университетах (особенно на медицинских факультетах) плата за обучение может достигать до нескольких миллионов иен в год, в ведущем вузе страны – Токийском государственном университете – она составляет 535 тыс. иен в год. Такие же цены установлены для других государственных университетов, а также для префектурных и муниципальных вузов. На эти цены ориентируется и основная масса частных университетов. Сопоставление этих сумм с годовым доходом среднестатистической японской семьи, состоящей из двух и более человек (в последние годы – порядка 6,5–7 млн иен)

---

¹⁸ Labor Force Survey 2022 Yearly Average Results, Table 4-1. *Statistical Bureau of Japan*. <https://www.stat.go.jp/english/data/roudou/index.html>

¹⁹ *Reiwa ni-nempan kosei rodo hakushyo*, p. 105 (White Paper on Health, Labor and Welfare 2020). *Ministry of Health, Labor and Welfare*. <https://www.mhlw.go.jp/content/000684406.pdf>

позволяет сделать вывод, что японские семьи вполне могут себе позволить такие расходы.

Что касается возможности накопить деньги на старость, то если взглянуть на распределение финансовых активов японского населения по возрастным группам, окажется, что пожилые граждане весьма основательно подготовлены к старости²⁰:

*распределение финансовых активов по группам населения, %
(по возрасту главы семьи)*

до 29 лет	30-39	40-49	50-59	60-69	свыше 70 лет	всего
1,3	4,9	12,1	18,2	26,5	37,0	100,0

Как показывают эти цифры, почти 2/3 финансовых накоплений населения (63,5%) принадлежат пожилым гражданам, не говоря уже о том, что в отличие от более молодых возрастных когорт они либо не имеют вовсе, либо имеют крайне незначительную задолженность.

Судя по доле респондентов, отметивших в качестве условия жизни среднего класса «возможность тратить деньги на хобби», вопросы проведения досуга весьма интересуют современных японцев. Конечно, хобби хобби – рознь, поэтому, не вдаваясь в детали, отметим лишь, что еще в середине 2010-х гг. почти половина японских семей имели комплекты для игры в гольф, которая, как известно, является одним из наиболее дорогих видов спортивных развлечений (особенно в плане величины взносов за членство в гольф-клубе)²¹.

Иными словами, приведенные в таблице условия – по меньшей мере, большая их часть – вполне доступны для подавляющего большинства японцев. В контексте рассмотрения вопроса о материальном положении японцев интерес представляет также то, насколько они удовлетворены различными составляющими своего бытия. Этот аспект помогает прояснить опрос Канцелярии премьер-министра, в котором респондентам неизменно задаются вопросы о степени их удовлетворенности/неудовлетворенности теми или иными материальными благами.

---

²⁰ Reiwa yon – nempan korei shyakai hakushyo, p. 17-18 (White Paper on Ageing Society 2022). Cabinet Office. https://www8.cao.go.jp/kourei/whitepaper/w-2022/zenbun/pdf/1s2s_01.pdf

²¹ Japan Statistical Yearbook 2016, table 22-11. Statistics Bureau of Japan. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/65nenkan/1431-22.html>

Таблица 9. Степень удовлетворенности японцев материальными благами

	Доли респондентов, поддержавших соответствующие ответы (%)				
	удовлетворен	достаточно удовлетворен	не совсем удовлетворен	не удовлетворен	затрудняюсь с ответом
Жилье	18,2	50,1	23,4	6,7	1,6
Автомобили, бытовая техника и электроника, мебель и т. д.	10,9	51,8	28,7	8,3	0,3
Продукты питания	20,5	55,5	19,1	4,5	0,4

Источник: Kokumin seikatsu ni kansuru seron chyosa Reiwa 4 nen (Public Opinion Survey on the Life of the People 2022), p. 9–14. *Cabinet Office*. January 2023: <https://survey.gov-online.go.jp/r04/r04-life/gairyaku.pdf>

Надо признать, что некоторые из приведенных цифр выглядят довольно неожиданно. Если можно согласиться с тем, как распределились ответы о степени удовлетворенности жилищными условиями, то в отношении предметов длительного пользования, на наш взгляд, японцы демонстрируют излишнюю привередливость. Если сопоставить полученные ответы с приведенными выше данными о степени обеспеченности японских домохозяйств предметами длительного пользования, а также принять во внимание высокое качество японской продукции, не говоря уже о ее разнообразии и постоянном обновлении ассортимента, то налицо явная недооценка японцами комфорта, который привносят в их жизнь автомобили, которые отличаются надежностью и производятся, по сути, по индивидуальным заказам покупателей, всевозможные бытовые электроприборы, рассчитанные на удовлетворение самых разнообразных потребностей, электроника, воплощающая последние достижения технической мысли и т. д.

Тем не менее, эти данные, так же как и приведенные выше оценки японцами различных сторон своего бытия, говорят о том, что субъективное восприятие, субъективные оценки рисуют гораздо более

сложную, подчас неожиданную, картину жизни современного японского общества, чем та, что предстает из усредненных статистических показателей.

Как бы японцы ни оценивали свое материальное положение и его составляющие, основным источником средств к существованию для абсолютного их большинства является работа. Из общего числа занятых в экономике порядка 90% работают по найму (остальные являются предпринимателями, самозанятыми или работниками семейных фирм), и отношение этих людей к работе в свете рассматриваемых в статье вопросов представляет несомненный интерес.

Одним из стереотипов, получивших широкое распространение в мире, является представление о том, что все японцы – трудоголики и что они живут «ради того, чтобы работать, а не работают ради того, чтобы жить». В жизни японцев работа, действительно, занимает очень важное место, но отношение к работе современных японцев заметно отличается от того, каким оно было тогда, когда зарождались эти представления, т. е. в период быстрых темпов экономического роста.

Интересные сведения на этот счет приводит в своей статье профессор Ёнэда Юкихиро, проанализировавший на основании ряда социологических опросов как менялось отношение японцев к работе на протяжении последних трех десятилетий. Вот, например, как выглядят оценки важности работы, которые были получены при следующих значениях вариантов ответов: «работа очень важна» – 4 балла, «достаточно важна» – 3 балла, «не очень важна» – 2 балла, «совсем не важна» – 1 балл [Yoneda 2023, p. 4–6]:

1989-1993	1994-1998	1999-2004	2005-2009	2010-2014	2017-2020
3,41	3,30	3,40	3,03	3,05	3,15

Сдвиги просматриваются и в отношении японцев к тому, ради чего нужно работать. Как отмечает профессор Ёнэда, в обследованиях, проводившихся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., на вопрос «Продолжили бы вы работать, если бы у вас было достаточно денег для комфортной жизни?» 2/3 японцев отвечали утвердительно, а более 70% считали, что «не имеет значения, как много у тебя денег, так как жизнь без работы неполная». Но в последующие годы ситуация начала меняться, о чем свидетельствует динамика значений, отражающих ориентацию на финансовую сторону работы и на нефинансовую ее

составляющую. Ориентация на финансовую сторону определялась по степени поддержки положения «Работа – это всего лишь способ зарабатывания денег и ничего больше», а ориентация на нефинансовую сторону – степенью поддержки положения «Я предпочел бы иметь оплачиваемую работу, даже если бы не нуждался в деньгах» [Yoneda 2023, p. 7–9]:

<i>ориентация на финансовую сторону работы</i>			<i>ориентация на нефинансовую составляющую</i>		
1997	2005	2015	1997	2005	2015
2,85	2,92	2,93	3,84	3,75	3,55

Показательно, что и в опросе, проведенном в 2022 г. Канцелярией премьер-министра, на вопрос «Ради чего вы работаете?» 61,1% респондентов ответили, что работают ради денег, причем среди респондентов в возрасте от 18 до 60 лет эта доля составила $\frac{3}{4}$. Прочие приоритеты распределились следующим образом: 12,2% работают, поскольку «выполняют свой долг как члены общества», 7,2% – «ради профессионального роста», а 13,9% – «ради того, чтобы был смысл в жизни»²².

В плане отношения японцев к работе большой интерес представляет вопрос о настроениях нынешней японской молодежи. В 2021 г. Японский институт политики в области труда и переподготовки провел обширное обследование «Changes in Work and Consciousness of Youth in Major Urban Areas: From the 5th “Survey on the Working Style of Young People”», в котором, в том числе, отражены произошедшие за 20 лет изменения в отношении молодежи к работе. Так, доля тех, кто считает, что в сегодняшнем мире можно жить без стабильной работы, снизилась с 45% в 2001 г. до 38% в 2021 г., а доля тех, кто намерен, пока молод, отдавать предпочтение своим собственным интересам – соответственно с 65% до 60%. Одновременно снизилась доля молодых людей, считающих наиболее предпочтительной работу в одной и той же компании длительное время – с 60% до 45%, а также тех, кто хотел бы начать свой бизнес – с 58% до 38%. Но при этом резко поднялась доля тех, кто «если бы было

²² Finding from the Results of the NHK/JILPT Joint Survey on Lifestyles and Attitudes. *Japan Labor Issues*. Vol. 7 No 41 January 2023, p. 45-46. <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/041-03.pdf>

возможно, вообще бы не работал» – с 28% до 60%²³. Не вдаваясь в анализ этой сложной темы, приведем лишь вывод, к которому пришли исследователи. А именно, что хотя за последние 20 лет снизилась степень поддержки молодежью *фритерства* (два первых варианта ответов), одновременно произошло общее снижение интереса молодежи к работе, а также ослабла ее заинтересованность в получении стабильной работы и открытия собственного дела.

Что же касается отношения японцев к работе в целом, то, на наш взгляд, вполне убедительно звучит вывод, сделанный профессором Ю. Ёнэда. Сопоставив показатели по Японии с данными по другим развитым странам за длительный период, он пришел к заключению, что Япония все больше утрачивает свою прежнюю специфичность и все больше приближается к средним показателям, характерным для стран с рыночной экономикой и регулируемой рынком системой занятости, хотя и сохраняет некоторые отличительные черты, связанные с пожизненным наймом [Yoneda 2023, p. 6–7].

Заключение

Итак, как было показано выше, жизнь в Японии – одной из наиболее развитых и благополучных стран мира по целому ряду статистических показателей – весьма неоднозначно воспринимается самими ее гражданами. Отчасти это можно объяснить тем, что, живя достаточно долго в богатом и благополучном обществе, японцы привыкли к такому существованию и перестали ценить тот комфорт и благополучие, которые столь очевидны при взгляде со стороны. Но, конечно, существуют и объективные причины для недовольства определенных групп населения своим положением. Прежде всего, речь идет о группах с невысокими доходами (одиноких стариках, семьях, состоящих из матерей-одиночек и детей, не имеющей постоянной работы молодежи и др.). Для определения размеров этих групп используется показатель относительной бедности, показывающий долю домохозяйств, чьи доходы составляют менее ½ от медианного эквивалентного дохода. В Японии эта доля в последние годы несколько превышала 15% (что выше среднего по странам-членам ОЭСР показателя 12%). Но при этом она делит первое место

---

²³ JILPT Research Report No 213, March 10, 2022. Summary. *JILPT* https://www.jil.go.jp/english/reports/jilpt_research/2022/no.213.html

с Ирландией по размерам пособий по бедности (на жилье и проживании). Только в этих странах (а также в Германии) они превышают доход, соответствующий черте бедности (в Японии он составляет около 1400 тыс. иен или порядка 10-12 тыс. долл. в год)²⁴. А по такому чувствительному показателю, как доля людей, рискующих впасть в бедность, она пропускает вперед только Южную Корею. В Японии эта доля составляет 14%, в Южной Корее – 5% при среднем показателе по странам-членам ОЭСР более 1/3²⁵.

Конечно среди недовольных своей жизнью японцев есть и вполне благополучные в финансовом отношении люди, которые хотели бы, чтобы их уровень жизни поднялся до существующего в их воображении идеала. Здесь уместно вспомнить открытый К. Марксом закон возвышения потребностей, который применительно к данной ситуации можно интерпретировать как постоянное возникновение у людей новых, более сложных потребностей (как материальных, так и социальных), что, с одной стороны, порождает в них определенное недовольство своим положением, а с другой – заставляет прилагать усилия для их удовлетворения.

В целом же, как показывает международная статистика, по показателям, характеризующим уровень материального благополучия населения (начиная с размеров подушевых доходов и кончая распределением доходов и богатства), Япония вписывается в параметры, характерные для развитых европейских государств. А если добавить к материальной стороне прочие положительные моменты, упомянутые во Введении, то можно утверждать, что для подавляющей части своих граждан Япония действительно является достаточно комфортной, благоустроенной и безопасной страной. Что же касается отраженных в социологических опросах оценок японцами различных сторон своей жизни, то хотя они подчас представляются довольно спорными, дополняя статистические показатели, они дают нам более полное представление о жизни японского общества. Они показывают, что

---

²⁴ Society at a Glance 2019, p. 103. *OECD* https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/society-at-a-glance-2019_soc_glance-2019-en

²⁵ В эту группу включаются лица, не относящиеся к получателям низких доходов, но чьи ликвидные финансовые ресурсы не превышают трехмесячного дохода, соответствующего черте бедности. Иными словами, в случае неблагоприятного стечения обстоятельств по прошествии трех месяцев они рискуют впасть в бедность. *How's Life? 2020: Measuring Well-being*, pp. 66, 70. *OECD*. https://www.oecd-ilibrary.org/economics/how-s-life/volume-/issue-_9870c393-en

это общество уже не является однородным, что оно состоит из групп, различающихся не только по уровню дохода и размерам богатства, но и по стилю жизни, по своим представлениям о ценности работы, о важности тех или иных сторон бытия, о социальной справедливости и т. д. Иными словами, благодаря этим оценкам мы получаем возможность приблизиться к пониманию того, насколько многообразна и сложна жизнь современного японского общества.

Библиографический список

Лебедева И. П. (2019). *Японский рынок труда в XXI веке. Экономические и социальные проблемы*. Москва. Институт Востоковедения РАН.

Лебедева И. П. (2021). О бедности и неравенстве в Японии. *Ежегодник Японии*. Т. 50. С. 32–60.

Маркарьян С. Б. (2013) Японская жилищная система как катализатор и индикатор социально-экономических изменений. *Ежегодник Японии*. Т. 42. С. 101–119.

References

Lebedeva, I. P. (2019). *Yaponskii ryonok truda v XXI veke. Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy* [Japanese Labor Market in the 21st Century. Economic and Social Problems]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Lebedeva, I. P. (2021). O bednosti i neravenstve v Yaponii [About Poverty and Inequality in Japan]. *Yearbook Japan*, 32–60. (In Russian).

Markaryan, S. B. (2013). Yaponskaya zhilishchnaya sistema kak katalizator i indikator sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii [Japanese Housing System as Catalyst and Indicator of Socio-Economic Changes]. *Yearbook Japan*, 101–119. (In Russian).

Yoneda, Y. (2023). Changes in the Meaning of Work in Japan: A Cross-National Comparison between Developed Countries. *Japan Labor Issues*, 7 (41), 3–16. Retrieved May 15, 2023, from <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/041-01.pdf>

Yoshikawa, H. (2020). *Population and the Japanese Economy: Longevity, Innovation and Economic Growth*. Tokyo.

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 65–83
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 65–83
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-65-83

Анимэ-индустрия: традиционная культура и новые бизнес-технологии

**И. Л. Тимонина
М. М. Э. Аримо**

Аннотация

Статья посвящена одной из отраслей креативного сектора японской экономики – *анимэ*-индустрии. В настоящее время креативные индустрии формируют один из перспективных и быстрорастущих секторов мировой экономики и в том числе экономики Японии. *Анимэ* – японская мультипликация, представляет собой особый вид анимации, сформировавшийся как самостоятельный жанр в 1960-е гг. и отличающийся своеобразной визуальной составляющей контента. В последние десятилетия японская анимационная индустрия, как и другие креативные отрасли, столкнулась с необходимостью существенных преобразований в связи с появлением новых технологических возможностей производства и распространения контента.

Среди современных тенденций – резкое падение спроса на анимационную продукцию, предлагаемую на традиционных носителях, в связи со стремительным распространением высокоскоростного интернета, который обеспечил возможность потребителям быстро получать доступ к контенту в отличном разрешении, не полагаясь на физические носители. В этих условиях компании меняют свои маркетинговые стратегии, в частности переходя на производство *анимэ* специально для распространения в Интернете.

Одной из быстро развивающихся современных технологий распространения *анимэ*-контента стали стриминговые сервисы. В Японии действует несколько крупных национальных платформ, которые хотя и не очень популярны за пределами страны, но имеют зрительскую аудиторию на родине.

Переход *анимэ*-бизнеса в цифровую плоскость неминуемо сопряжен со сложностью защиты авторских прав, поскольку стало возможным распространять видеоматериалы без потери качества и привязки к носителю.

В то же время несанкционированное распространение служит для правообладателя бесплатной рекламой, поэтому индустрия до недавнего времени лояльно относилась к этому явлению.

Насущной проблемой японской анимации является проблема кадров аниматоров для работы в студиях. В 1970-е гг. из-за возросшего спроса студии ощутили кадровый голод, процесс стали фрагментировать, передавая на аутсорсинг. В результате сложилась многоуровневая субподрядная производственная система *анимэ*-индустрии.

Одна из тенденций развития – переход к стратегии многоплатформенной эксплуатации интеллектуальной собственности, так называемому трансмедийному франчайзингу: созданию множества вторичных произведений вокруг первоначального интеллектуального продукта – анимационного произведения.

Новые технологии позволяют делать *анимэ* доступным широкому зрителю, но производственная структура и политика распоряжения лицензиями не в полной мере адаптированы к новым условиям, что порождает новые проблемы.

Ключевые слова: креативные отрасли, *анимэ*-индустрия, трансмедийный франчайзинг, стриминговые сервисы.

Авторы:

Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук, профессор Института стран Азии и Африки МГУ: Россия, 125009, Москва, Моховая ул., 11, стр. 1; ИБДА РАНХиГС, Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1; ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

E-mail: timonina2000@yahoo.com

Аримо Маргарет Мишель Энэси, студентка Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова: Россия, 125009, Москва, Моховая ул., 11, стр. 1

E-mail: arimo6@proton.me

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Anime Industry:* Traditional Culture and New Business Technologies**

**I. L. Timonina
M. M. E. Arimo**

Abstract

The article is devoted to one of the creative branches of the Japanese economy – the *anime* industry. The creative sector has become one of the promising and fast-growing segments of the global economy, including the economy of Japan. *Anime*, or Japanese animation, is a specific kind of animation that emerged in Japan as a unique product in the 1960s. Its distinctive visuals have turned *anime* into an authentic Japanese cultural phenomenon. In recent decades, the *anime* industry, like other creative businesses, has faced the need for significant transformation due to consequences of technological advancements and growing competition.

There is a trend towards a drop in demand for animation products offered through traditional media, due to the rapid spread of high-speed Internet connection, which enabled consumers to quickly access content in excellent resolution without relying on physical media. Under these conditions, companies are changing their marketing strategies, in particular switching to the production and distribution of *anime* for online viewing.

Streaming services have become one of the rapidly developing technologies for the *anime* distribution. There are several major national streaming services in Japan, which, despite being not very popular outside the country, have a wide audience at home.

The transition of the *anime* business to the digital plane is inevitably associated with the complexity of copyright protection, since it has become possible to copy video materials without loss of quality and binding to physical media. At the same time, such unauthorized distribution serves as free advertising for the copyright holders, so the industry had been tolerant to this phenomenon until recently.

The development of Japanese animation faces the problem of a shortage of animators. Due to growing demand in the 1970s, studios outsourced part of the work to reduce costs, which facilitated the creation of a multi-level subcontracting structure of the *anime* industry.

Among the current trends in the development of the industry is the transition to a strategy of multiplatform exploitation of intellectual property – the so-called transmedia franchising, when many secondary works are created around the original intellectual product – an animated work.

New technologies make it possible to make *anime* more accessible to wider audiences, but production structure and license management policies are not fully adapted to the new conditions, which creates new problems.

Keywords: creative industries, *anime* industry, transmedia franchising, streaming services.

Authors:

Timonina Irina L'vovna., Doctor of Economics,

Professor of the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (IAAS of MSU), p. 1, 11, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009; IBS RANEPА, p. 1, 82, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119571.

Leading researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka street, Moscow, Russia, 107031.

E-mail: timonina2000@yahoo.com

Arimo Margaret Mishell E., student of the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (IAAS of MSU), p. 1, 11, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: arimo6@proton.me

Conflict of interest

The authors declare the absence of the conflict of interests.

Введение

Одним из наиболее динамичных секторов мировой экономики и экономик отдельных стран, одним из драйверов экономического роста стали так называемые креативные отрасли, или креативный сектор. Правительства и компании многих стран видят в развитии креативных отраслей возможности для создания и освоения новых рынков, наращивания экспортного потенциала в условиях стагнации рынков традиционных товаров и услуг.

В соответствии с подходом ООН, который используется в докладах ее организаций, под креативными отраслями понимаются циклы создания («творения», «придумывания» или другой русский эквивалент понятия «креатива» как действия), производства и распространения товаров и услуг, которые используют креативность и интеллектуальный потенциал как первичную составляющую продукта (первичное «сырье», “primary inputs”), генерируют

доходы от продажи прав интеллектуальной собственности, производят материальные продукты и услуги, содержащие креативный контент, имеющие экономическую ценность и являющиеся рыночным объектом¹.

В Японии развитие креативных отраслей является важной частью национальной экономической стратегии и экономической политики правительства. Страна занимает заметное место на глобальном рынке таких индустрий, входит в десятку крупнейших экспортеров и импортеров креативных товаров². И одним из наиболее успешных и конкурентоспособных продуктов японского креативного сектора является *анимэ* – японская мультипликация, особый вид анимации, сформировавшийся в Японии как самостоятельный жанр мультипликации и уникальный продукт в 1960-е гг. Отличительными чертами *анимэ* стали своеобразные эстетическая и культурная составляющие контента, превратившие японское *анимэ* в чисто японский культурный феномен.

В то же время производство и распространение *анимэ* – это бизнес, своеобразный и сложный, можно сказать, диверсифицированный, включающий целый ряд процессов и видов деятельности: создание *анимэ* мультипликационными студиями, озвучание, дистрибьюцию, лицензирование, распространение медиаконтента, разработку, производство и распространение «мерча» и игр с использованием героев и сюжетов мультфильмов и многое другое³.

В последние десятилетия японская анимационная индустрия, как и большинство других креативных отраслей, столкнулась с необходимостью существенных преобразований. Условия ведения бизнеса стремительно меняются в связи с появлением новых технологических возможностей производства и распространения контента, конкуренцией на глобальном, в том числе и азиатском, рынке, обострением проблем защиты прав интеллектуальной собственности.

---

¹ Creative Economy Report 2008. P. 14. *UNCTAD*, 2008: http://unctad.org/en/Docs/ditc20082cer_en.pdf Подробнее о терминологии и классификации креативных отраслей см.: [Тимонина И. Л. 2017].

² Creative Economy Outlook 2022, p. 37-44. *UNCTAD*. 2020 г. https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsc2022d1_en.pdf

³ Так называемый «мерч» – одежда, аксессуары, сувениры и любые другие предметы, с изображением героев или какой-либо символики мультфильмов. Далее в тексте – «сопутствующая продукция».

Утрата жизнеспособности традиционной стратегии ведения бизнеса и поиск новых форм

Одним из важнейших факторов перемен в анимационной индустрии Японии, как и других стран, стало бурное развитие технологий, которые повлияли как на потребительское поведение, так и на бизнес-процессы.

Стремительное распространение высокоскоростного интернета, его доступность для широких слоев населения обеспечили возможность потребителям быстро получать доступ к разного рода контенту в отличном разрешении, не полагаясь на физические информационные носители, в результате чего спрос на анимационную продукцию, предлагаемую на традиционных носителях (например, дисках), стал резко падать (за исключением сегмента наиболее преданной категории зрителей) (Рис. 1).

В результате компании были вынуждены менять свои маркетинговые стратегии, поскольку традиционная стратегия по выпуску *анимэ*-сериалов на телеэкранах с последующим началом продаж сопутствующих товаров и физических изданий мультфильмов для компенсации затрат постепенно теряла былую эффективность.

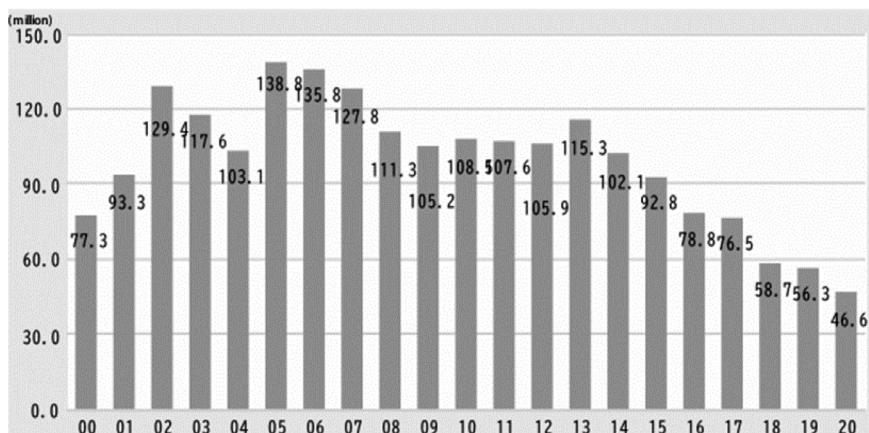

Рис. 1. Продажи физических изданий *анимэ*-контента

Источник: Anime Industry Report 2022 Summary. The Association of Japanese Animations. 2023 г. https://aja.gr.jp/download/anime-industry-report-2022-summary_jp-2-2

Обычно расходы на производство мультфильмов возмещаются постфактум через широкий спектр деятельности, начиная от продажи лицензий телеканалам, заканчивая различными мероприятиями. Ключевая роль здесь отводилась продажам физических изданий, которые, как мы отмечали выше, значительно сократились, в то время как продажи сопутствующей продукции приносили и приносят *анимэ*-индустрии ежегодный стабильный доход (Рис. 2).

Что касается телевидения, то продажа прав на показ имеет двойной результат для студий. С одной стороны, после телевизионного просмотра контента у части зрителей отпадает желание и потребность платить за уже известные им нарративы на физических носителях, что ведет к финансовым потерям для правообладателей. Но в то же время телепоказ – это незаменимая рекламно-информационная ступень продвижения основного продукта (мультфильма) и сопутствующих товаров и услуг.

В качестве альтернативы традиционному подходу, где первым этапом распространения продукта был телепоказ, еще в 1980-е гг. студии стали использовать форму дистрибуции продукта в формате OVA (Original Video Animation). Обычно в таком формате выпускается серия дисков (в прошлом – кассет), как правило, 6–8 штук, на каждом из которых записан некоторый объем анимационного контента («эпизодов»), хронометраж которого составляет от тридцати минут

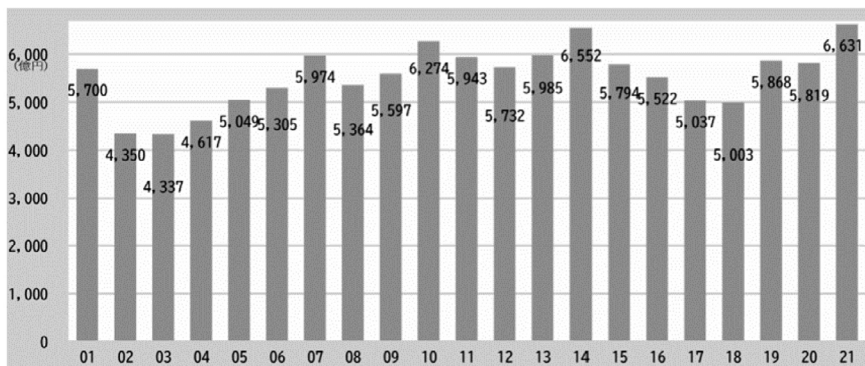

Рис. 2. Продажи сопутствующих товаров

Источник: Anime Industry Report 2022 Summary. *The Association of Japanese Animations*. 2023 г. https://aja.gr.jp/download/anime-industry-report-2022-summary_jp-2-2

до полутора часов. В 2000-х – 2010-х гг. OVA оставался привлекательным форматом для производителей, так как позволял сразу возвращать затраченные на производство средства [Joo, Denison, Furukawa 2013, p. 25]. Сейчас эти «эпизоды», как и *анимэ*-фильмы, часто предварительно показывают в кинотеатрах, и только после премьеры начинаются продажи DVD или Blu-ray изданий, которые, во избежание негативного влияния на кассовые сборы, поступают на полки магазинов только через полгода. Однако упомянутый выше тренд на снижение спроса на физические издания оказывает все более негативное влияние и на продажи дисков OVA-формата.

Такое положение дел в конце 2010-х гг. стало причиной возникновения еще одного вида продукта и формы дистрибьюции – ONA (Original Net Animation) – *анимэ*, специально созданных для распространения в интернете. На данный момент объем выпуска ONA еще не так велик, так как формат достаточно новый с экспериментальными способами монетизации, финансирования, распространения и производства, однако спрос на него значительно возрос в период пандемии COVID-19. Она вынудила производителей не только увеличить продажу лицензий на уже существующие произведения для потокового просмотра, но и перенести выпуск ряда запланированных новых картин в цифровое поле.

Таким образом, в настоящее время в японской анимационной индустрии сосуществуют как традиционная система продвижения *анимэ*-контента со всеми ее достоинствами и недостатками, так и новые стратегии и инструменты, разработка и применение которых активизировались в период пандемии.

Стриминговые сервисы и изменения в структуре каналов распространения

Одной из быстро развивающихся и набирающих популярность современных технологий распространения *анимэ*-контента стали стриминговые сервисы – платформы, которые подбирают фильмы, сериалы, ТВ-каналы под пользовательские интересы и позволяют смотреть контент в любое время, в любом месте и с любого устройства – смартфона, ноутбука, компьютера.

По последним доступным данным, в 2021 г. доход *анимэ*-индустрии благодаря стриминговым компаниям вырос на 165,6%

по сравнению с предыдущим годом, достигнув 154,3 млрд иен⁴. Поточковый просмотр⁵ по рейтингам смог конкурировать с крупнейшими японскими телестанциями, такими как FujiTV, которые до этого лидировали среди каналов первичного распространения *анимэ*-контента. Сегмент онлайн-кинотеатров по объему превзошел рынок физических изданий 2019 г. и телевизионных лицензий за 2020 г., став главным источником доходов от распространения *анимэ*.

В Японии получили широкое распространение зарубежные стриминговые компании – Netflix, Hulu, Amazon и прочие. Например, Netflix не только получает привилегированные права на показ некоторых тайтлов⁶, к которым относится *Shidonia no Kishi* (яп. シドニアの騎士 *Сидония но Кису*), но и начинает активное финансирование *анимэ*-проектов в формате ONA, получая эксклюзивные права на их показ. В этой сфере платформа также конкурирует со стриминговым сервисом по подписке Hulu, принадлежащим The Walt Disney Company, с Amazon, запустившим сервис Anime Strike, и Sony, которая владеет Crunchyroll.

Вместе с тем в Японии действует и несколько популярных национальных стриминговых сервисов, к крупнейшим из которых относятся AbemaTV, NicoNicoDouga и dTV. Японские стриминговые сервисы не очень популярны за пределами страны, но имеют широкую зрительскую аудиторию на родине, хотя и не могут конкурировать с традиционными медиахолдингами и телерадиовещательными компаниями.

Что касается вопроса присутствия на японском рынке зарубежных стриминговых компаний, то оно имеет и положительные стороны для японских компаний, которые могут рассчитывать на приобретение нового опыта благодаря взаимодействию с зарубежными игроками.

---

⁴ Anime Industry Report 2022 Summary. *The Association of Japanese Animations*. 2023 г. https://aja.gr.jp/download/anime-industry-report-2022-summary_jp-2-2

⁵ Поточковая услуга – это услуга на основе подписки, когда предлагается онлайн-поточковая передача фильмов и другого контента.

⁶ *Анимэ*-тайтл (англ. animetitle или show) – это отдельное произведение японской анимации, объединенное общим названием, сюжетом, персонажами, элементами обстановки (setting), коллективом создателей и характерной художественной манерой. В *анимэ* индустрии для каждого тайтла обычно выпускается своя декларация производственного комитета, также определяющая количество и длительность эпизодов, сроки их выхода на экраны и источники финансирования: <https://sjohnru.wordpress.com/article/article-what-is-anime-title/>

Например, когда Netflix вышла на японский рынок, она предоставила доступ к удобной площадке для монетизации бурно растущих зарубежных просмотров *анимэ* и другого японского контента, а также стала сотрудничать с местными компаниями в создании совместных проектов.

В целом последствия «революции» потокового вещания весьма неоднозначны как для потребителей *анимэ*-контента, которые оказываются перед все более фрагментированным выбором, так и для национальных дистрибьюторов, которые после долгого времени доминирования в этом пространстве и долгих лет стабильности сталкиваются с возрастающей неопределенностью.

Кроме того, несмотря на стремительный рост популярности онлайн-кинотеатров и совокупной выручки от них для дистрибьюторов, доходы самих анимационных студий (где создается контент!) от стриминга не столь велики, а в 2020 г. они даже снизились на 11,6% по сравнению с предыдущим годом. Студии и продюсеры вынуждены заключать не самые выгодные контракты с интернет-прокатом ввиду безвыходности своего положения, поэтому большая часть дохода до первоначальных создателей контента не доходит. Для самих же стриминговых сервисов *анимэ* играет важную роль в борьбе за зрителя.

Вопрос о том, будет ли рынок потокового просмотра видео, в частности *анимэ*, продолжать свое развитие в условиях острой конкуренции и как со временем будет меняться его финансовая и лицензионная политика, остается открытым. Также сложно сказать наверняка, сможет ли стриминг удержать свои позиции среди потребителей внутри Японии. Тем не менее, можно утверждать, что для зарубежного зрителя доступ к *анимэ* через потоковый онлайн просмотр уже сейчас является основным.

Проблемы защиты прав интеллектуальной собственности

Переход в цифровую плоскость неминуемо ведет к усложнению защиты авторских прав. Обсуждение данной проблемы в контексте *анимэ* поднимает неоднозначную тему, касающуюся незаконного распространения любительских переводов, самой широко тиражируемой формы нелегальной дистрибуции.

Распространение *анимэ* за рубежом на ранних этапах развития индустрии было весьма ограничено ввиду отсутствия отлаженной системы лицензирования. Однако в начале 1990-х гг. поклонники *анимэ* уже занимались переводами, приобретая видеокассеты и LD-диски из Японии, оцифровывая, перезаписывая с добавлением субтитров или дубляжа и нелегально распространяя переведенные копии [Leonard 2005, p. 281–305]. Примерно с начала 2000-х гг. такой ресурсозатратный процесс аналогового перевода перешел в Интернет, что ознаменовало радикальную трансформацию методов распространения, поскольку стало возможным копировать видеоматериалы без потери качества и скачивать их бесплатно без привязки к носителю.

На первый взгляд такие переводы трудно воспринимать иначе как противозаконную деятельность, однако это не совсем так. Согласно японскому законодательству в сфере авторского права, каждый человек в рамках переработки первичных произведений имеет право на их трансформацию, что включает в себя широкий набор действий [Абд-реева 2007]. Как следствие, провести грань между воспроизведением, что является наказуемым в случае отсутствия авторского права, и трансформацией сложно, из-за чего такая переводческая деятельность попадает в «серое» поле. В подавляющем числе случаев любительский перевод не предполагает коммерческой заинтересованности, не имеет выгодоприобретателей, легко подводится под добросовестное использование и подпадает под право на переработку, поэтому с этим явлением сложно бороться.

Стоит вспомнить и о том, что *анимэ* само по себе выполняет и рекламную функцию по отношению к «вторичной» продукции (в том числе мерчу). В каком-то смысле такая деятельность фанатов служит для правообладателя бесплатной рекламой, поэтому индустрия в целом до недавнего времени несерьезно относилась к этому явлению. «Фанатское» распространение дало возможность миллионам людей познакомиться с *анимэ*, что потенциально и помогло индустрии разрастись до нынешних масштабов, и, хотя и не вполне легально, но способствовало повышению общей осведомленности о существовании такого направления в анимации без необходимости проведения дорогостоящих зарубежных маркетинговых кампаний. Возможно это одна из причин того, почему индустрия так долго не предпринимала особых усилий по борьбе с незаконным распространением контента.

Сейчас все большее число популярных *анимэ* лицензируется и за границей, чему способствует распространение через стриминговые платформы, при этом предложение не всегда успевает за возрастающим спросом: имеют место значительные временные разрывы между публикацией оригинальной японской и локальной переведенной версией, не всегда зрителю доступен необходимый язык субтитров или дубляжа. Иногда лицензии как таковые отсутствуют вовсе, а законная покупка японского физического издания означает отсутствие какого-либо перевода. По этой причине огромное число людей все еще прибегает к альтернативным, доступным, но «серым» каналам просмотра.

Тем не менее, на сегодняшний день можно говорить о том, что основные проблемы, связанные с незаконным распространением японской мультипликации за рубежом, частично решены. Однако кардинально изменить сложившиеся десятилетиями потребительские привычки не так просто. Практически неограниченный бесплатный доступ к *анимэ* для многих иноязычных зрителей создал представление о том, что это бесплатный контент.

Вместе с тем среди специалистов бытует мнение, что бесплатное распространение нелицензированных произведений не только не влияет на продажи, но наоборот, поддерживает индустрию, привлекая новых потенциальных добросовестных потребителей и стимулируя приобретение лицензий [Lee 2009, p. 14]. Считается, что люди, не желающие переходить в легальное поле, в условиях отсутствия пиратской альтернативы платить все равно не будут. Вопрос остается дискуссионным.

Сложно подсчитать и то, в какие суммы *анимэ*-сектору обходится незаконное распространение продукции, но убытки несомненно есть. По данным сайта Anitube (заблокированного на территории Японии в 2018 г. по запросу правительства), индустрия потеряла 88 млрд иен в период его работы на территории страны [Naraguchi 2021, p. 1]. И в этих обстоятельствах невозможно сказать, сопоставимы ли эти убытки с тем потенциальным рекламным эффектом, который приносит пиратская деятельность. Интересно и то, что тревогу в большей степени бьют зарубежные стриминговые сервисы, которые сами не стремятся заключать контракты на более выгодных для японских студий условиях, фактически эксплуатируя японский сектор и не предоставляя соответствующей компенсации [Mihara 2018, p. 102–125].

Но стоит отметить, что развитие японской мультипликации практически постоянно сопровождалось «неформальной глобализацией» через серые каналы дистрибуции среди зарубежных фанатских сообществ.

Проблема кадров и условия труда работников студий

Проблема пиратства тесно связана с проблемой, касающейся условий и оплаты труда создателей *анимэ*. Производство японской анимации – процесс чрезвычайно трудоемкий и дорогостоящий. Это связано со спецификой визуального почерка *анимэ*, где для достижения необходимого визуального ряда необходимо создавать огромное количество отрисованных кадров: в среднем не менее 8–12 кадров в секунду для сериалов и до 24 кадров для полнометражных картин [Иванов 2001].

Пиратство же приводит к потере доходов, которые могли бы быть направлены в том числе и на улучшение условий и увеличение оплаты труда создателей этого интеллектуального продукта. Несмотря на то, что начиная с 2011 г. доходы анимационных студий растут, их увеличение несоизмеримо с ежегодным ростом затрат.

В 1960-е гг. вся японская анимация рисовалась от руки, а когда к 1970-м гг. из-за возросшей популярности и соответственно спроса студии ощутили кадровый голод, процесс стали фрагментировать и передавать на аутсорсинг для снижения затрат. В результате появились небольшие производственные компании, а также большое число внештатных аниматоров, специализирующихся на конкретных производственных процессах, таких как иллюстрация и компоновка фона. Это привело к созданию многоуровневой субподрядной структуры современной японской *анимэ*-индустрии (Рис. 3).

Рис. 3. Схема производственной структуры анимационных студий
Схема составлена на основе данных: [Koizumi 2021].

Конечно, с появлением и развитием технологий производственный процесс изменился: некоторые из этапов анимирования, монтажа и отрисовки перешли от аналоговых инструментов к цифровым, что дало возможность частично сократить время и объемы работы. Студии начали использовать трехмерную графику (3DCG), совмещая ее преимущества с рисованием от руки, полностью отказаться от которого из-за специфики жанра просто невозможно. Но даже со всеми нововведениями стоимость производства не снижается из-за повышающихся стандартов качества анимации, так как новые формы дистрибуции требуют большей детализации в отрисовке ключевой анимации, более высокого разрешения изображения. Стоимость тридцатиминутного эпизода варьируется от 10 до 30 млн иен⁷, но в отдельных случаях производство может требовать и более 100 млн иен за серию, что существенно превышает показатели предыдущих лет.

Создание промежуточной и ключевой анимации обычно оплачивается как сдельная работа по средней ставке 180-200 иен за кадр⁸. В 2009 г. средний годовой доход аниматора составлял около 2,5 млн иен, а в 2017 около 3,8 млн иен. Оплата труда высококвалифицированных специалистов, например, режиссеров, может достигать 5 млн иен и более в год, не говоря об актерах озвучания и музыкантах, на которых экономить традиционно не принято. Однако оплата труда рядовых, менее квалифицированных специалистов, которые выполняют большую часть работы, крайне низка и сильно зависит от количества выполняемой работы и бюджета проекта. 73% молодых японских аниматоров зарабатывают менее 1 млн иен в год, и 40% из них увольняются в течение 5 лет [Оуама 2019, р. 12]. Аниматоров в стране не хватает, а в связи с тем, что студии уже на протяжении долгого времени передают большой пласт работы на аутсорсинг иностранным студиям и аниматорам, непосредственно в Японии вырастить новое поколение высококвалифицированных аниматоров достаточно трудно.

На данный момент оптимизация производственного процесса с повышением заработной платы и снижением трудоемкости является

---

⁷ *Anime no chosakken* [Anime Copyright Laws]. *Patent*. 2008: https://jpaa-patent.info/patents_files_old/200808/jpaapatent200808_011-047.pdf

⁸ *Kontentsu sangyō no tenbō 2022* [Content industry outlook 2022]. *Mizuho*. 2022. https://www.mizuhobank.co.jp/corporate/bizinfo/industry/sangyou/pdf/1069_all.pdf

ключевой задачей для студий. Без создания более привлекательной рабочей среды будет очень сложно восполнить возрастающую нехватку кадров и создавать *анимэ* конкурентоспособного качества.

Анимэ в системе трансмедийных франшиз

Современное производство творческого контента в Японии, в том числе и *анимэ*, характеризуется тесными связями между самыми разными видами деятельности в структуре цепочек создания стоимости – от начала производства до распространения. Это выражается в последовательной адаптации первоисточника, когда интеллектуальная собственность на фильмы, игры или книги в качестве первой итерации конвертируется в медиатекст и адаптируется в иные форматы, сопровождаясь обычно выпуском большого количества сопутствующих товаров.

При высоких первоначальных вложениях студии инициаторы создания *анимэ* ищут способы разделить затраты производственного бремени и максимизировать свой потенциальный успех. Поэтому продюсеры все чаще обращаются к стратегии многоплатформенной эксплуатации интеллектуальной собственности – так называемому трансмедийному франчайзингу⁹, когда создается множество вторичных произведений вокруг первоначального интеллектуального продукта – анимационного фильма.

«Трансмедийная революция» начала набирать обороты с 2010 г., что привело к постепенному стиранию грани между традиционными литературными и кинематографическими продуктами и новыми медиа. Происходит разделение повествования между несколькими медиаплатформами и создание кроссмедийного нарратива под объединяющим все повествовательные линии единым брендом [Johnson 2009, p. 1–17]. Благодаря такой кооперации правообладатели имеют возможность более эффективно распоряжаться интеллектуальной собственностью и снижать потенциальные риски, связанные с финансированием, путем распределения их между несколькими деловыми партнерами и ступенями производства.

---

⁹ Франшиза – это практически любой успешный медиапродукт – будь то фильм, книга, или компьютерная игра, которые имеют несколько частей, продолжения, приквелы. <https://www.kommersant.ru/doc/4510152>

Однако у такой стратегии есть свои минусы: конкуренция смещается в сторону соперничества между трансмедийными проектами как брендами, и вызвать интерес публики в больших масштабах уже не так просто, это требует все больших вложений в рекламу и продвижение.

В этих условиях продюсеры и руководство студий стали рассматривать производство *анимэ* не как создание одного вида контента для одной определенной платформы, а как производство целого набора продуктов и услуг (помимо собственно мультипликации – это музыка, сопутствующие товары, развлекательные мероприятия) и использование различных каналов распространения (телевидение, кино, сети и др.). Можно сказать, что *анимэ* практически уже не может существовать как самостоятельный продукт в той модели индустрии, которая исторически сложилась, продукт «эксплуатируется» целым рядом сопутствующих бизнесов. Точно подсчитать общую выгоду достаточно сложно, но по данным Управления экономического анализа Министерства экономики, торговли и промышленности Японии мультипликативный экономический эффект от *анимэ*-индустрии приводит к росту доходов сопряженных отраслей в отдельных случаях до 7,5 раз¹⁰. Но традиционно в такой модели добавленная стоимость распределяется между экономическими акторами неравномерно: анимационные студии и аниматоры, находящиеся в начале цепочки при создании первичного продукта, получают несоизмеримо меньше, чем участники, находящиеся на последних ступенях эксплуатации исходного продукта.

Заключение

Креативные отрасли, в состав которых входит и *анимэ*-индустрия, становятся все более важным направлением трансформации экономической структуры страны в современных условиях. В 2022 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии учредило Исследовательскую группу по искусству, экономике и обществу для разработки новой политики в отношении творческих индустрий, с тем чтобы подтвердить экономическую

---

¹⁰ *Nihon no 2 dai kontentsu, gēmu to anime no seisaku kigyō no jitsuzō o hikaku suru* [Comparing the Realities of Japan's Two Major Content Creation Companies: Games and Anime]. METI. 2017. <https://www.meti.go.jp/statistics/toppage/report/minikeizai/pdf/h2amini083j.pdf>

и промышленную значимость искусства, увеличить инвестиции и спрос и построить экосистему «искусство, экономика, общество».

В заявлении Исследовательской группы эксперты указывают на то, что «среда, окружающая искусство в Японии, меняется,... искусство пользуется все более разнообразными способами, появляются новые технологии и модели обслуживания, в основном в цифровой сфере...». Отмечается также, что «увеличение инвестиций и спроса в творческих отраслях, и особенно в искусстве, может трансформировать структуру промышленности в среднесрочной и долгосрочной перспективе... Поскольку искусство является частью того, что создает уникальную культуру каждой компании и страны (или региона), это также, вероятно, может обеспечить устойчивый спрос за рубежом в будущем»¹¹.

В развитии *анимэ*-индустрии находят отражение названные тенденции. В настоящее время она проходит через турбулентный период, связанный с комплексными изменениями в потребительском поведении и трансформацией теряющих актуальность бизнес-стратегий и бизнес-практик.

Одним из ключевых аспектов является налаживание эффективных механизмов более равномерного распределения финансовых ресурсов и доходов в цепочках добавленной стоимости компаний. Исторически сложилось так, что производителю первичного продукта, *анимэ*-контента, достается относительно небольшая часть дохода, в то время как производство *анимэ* в его современном виде это не только создание одного вида медиапродукта для одной определенной платформы, а целый спектр товаров и услуг.

В целом же, за последние несколько десятилетий японская анимация оформилась в привлекательную и востребованную креативную отрасль, художественную и экономическую ценность которой сложно отрицать. Новые технологии позволяют делать *анимэ* более доступным для людей в Японии и за рубежом, но производственные структуры и политика распоряжения лицензиями не в полной мере адаптированы к новым условиям, что порождает новые проблемы. В условиях, когда сегмент производства физических копий вынужден кардинально пересматривать свой подход, переориентируясь

---

¹¹ Адаптированный авторский перевод. Study Group on Art and the Economy and Society to Be Established https://www.meti.go.jp/english/press/2022/0627_002.html

на цифровое распространение и создавая новые онлайн-сервисы и площадки, компаниям приходится налаживать и иные формы дистрибуции, монетизации и маркетинга, отвечающие формирующейся культуре производства и потребления цифрового контента. Механизмы и практики, необходимые для решения этих вызовов времени, существуют уже сейчас, однако они требуют от всех участников процесса производства и распространения мультипликации системного подхода и стратегических решений.

Библиографический список

Абдреева Н. (2007) Общие положения об авторском праве Японии. *Информационная система «Параграф»*: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30149948&pos=3;-73#pos=3;-7

Иванов Б. А. (2001). Введение в японскую анимацию. Москва: Международный Фонд Развития Кинематографии, РОФ «Эйзенштейновский центр исследований кинокультуры».

Тимонина И. Л. (2017) Креативность как экономический ресурс: опыт Японии. *Ежегодник Японии*. Т. 46. С. 97–116.

References

Abdreeva, N. (2007) *Obshchie polozheniya ob avtorskom prave Yaponii* [General Provisions on Copyright in Japan]. Data system «Paragraf»: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30149948&pos=3;-73#pos=3;-7 (In Russian).

Haraguchi, K. (2021). *Effects of Enduring Involvement on Intention toward Digital Piracy: The Case of Japanese Anime*. Doshisha University: Journal of Student Research.

Ivanov, B. A. (2001). *Vvedenie v yaponskuyu animatsiyu* [Introduction to Japanese animation]. Moscow: Mezhdunarodnyi Fond Razvitiya Kinematografii, ROF «Eizenshteinovskii tsentr issledovaniy kinokul'tury». (In Russian).

Johnson, D. (2009). *Franchising Media Worlds: Content Networks and the Collaborative Production of Culture*. Madison: University of Wisconsin.

Joo, W., Denison, R., Furukawa, H. (2012). *Manga Movies Project Report 1: Transmedia Japanese Franchising*. University of East Anglia, Arts & Humanities Research Council.

Koizumi, K. (2021) Anime's Economic Value: The Government's Response to a Changing Environment. In *Perspectives on the Japanese Media and Content Policies* (pp. 145–172). Springer.

Leonard, S. (2005). Progress Against the Law: Anime and Fandom, With the Key to the Globalization of Culture. *International Journal of Cultural Studies*, 8 (3), 281–305.

Lee, H. (2009). Between Fan Culture and Copyright Infringement: Manga Scanlation. *Media, Culture & Society*, 31 (6), 1011–1022.

Mihara, R. (2018). Involution: A Perspective for Understanding the Japanese Animation's Domestic Business in a Global Context. *Japan Forum*, 32, (54), 102–125.

Oyama, S. (2019). *In the Closet: Japanese Creative Industries and Their Reluctance to Forge Global and Transnational Linkages in ASEAN and East Asia*. Ritsumeikan University, College of International Relations.

Timonina, I. L. (2017) Kreativnost' kak ekonomicheskii resurs: opyt Yaponii [Creativity as Economic Resource: Japan's Practice]. *Yearbook Japan*, 97–116. (In Russian).

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 84–97
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 84–97
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-84-97

Идеи об общем происхождении японцев и айнов в периоды Токугава (1603–1867) и Мэйдзи (1868–1912)

В. В. Щепкин

Аннотация

На протяжении последних полутора столетий в Японии не утихает дискуссия о том, является ли она моноэтническим национальным государством или в ней живут представители и других этнических групп, отличных от японцев. В данной статье предпринята попытка рассмотреть в исторической перспективе место айнов в дискуссии японской нации, в частности, идеи об общем происхождении японцев и айнов.

Формирование представлений японцев о мире как о разделенном на народы с набором отличительных признаков относится ещё к эпохе Токугава (1603–1867). Тогда же приобретает характер этнонима и обозначавшее айнов понятие «эдзо», которое до того обозначало скорее жителей дальней периферии страны, не затронутых благотворным цивилизующим влиянием императора. В наиболее ранних описаниях айнов японские авторы продолжали опираться на китайский цивилизационный нарратив, представляя айнов как полную противоположность японцам и фиксируя внимание на отличиях. В то же время ещё в конце XVIII в. были впервые озвучены идеи об общем происхождении японцев и айнов, основанные на схожести некоторых культурных практик и общей лексике.

В период Мэйдзи (1868–1912) отношение к идее об общем происхождении японцев и айнов было двойственным. В дискуссиях о японской нации айны могли выступать в самых разных ролях: и как коренной народ, вытесненный японскими «пришельцами», и как ближайший родственник – естественный объект ассимиляции, и как составной элемент «смешанного» японского народа, и как подчиненный народ на низшей ступени иерархии.

Ключевые слова: айны, айны в Японии, происхождение японцев, этногенез японцев, японская нация, японский национализм, моноэтническая нация, многонациональная империя

Автор: *Щепкин Василий Владимирович*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей Российской академии наук: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

ORCID: 0000-0003-0007-1143

E-mail: vshepkin@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Ideas About the Common Origin of the Japanese and the Ainu During the Tokugawa (1603–1867) and Meiji (1868–1912) Periods

V. V. Shchepkin

Abstract

Over the past century and a half, Japan has been debating whether it is a mono-ethnic nation-state or whether there are representatives of ethnic groups other than the Japanese living in it. In this article, I attempt to consider in a historical perspective the place of the Ainu in the discussion about the Japanese nation, in particular the idea about the common origin of the Japanese and the Ainu.

The formation of Japanese ideas about the world as divided into peoples with a set of distinctive features dates back to the Tokugawa era (1603–1867). At the same time, the concept of “Ezo,” a name for the Ainu at that time, acquires the character of an ethnonym, which in the previous epochs rather meant the inhabitants of the country’s remote periphery, not affected by the beneficial civilizing influence of the emperor. In the earliest descriptions of the Ainu, Japanese authors continued to rely on the Chinese civilizational narrative, presenting the Ainu as the exact opposite of the Japanese and focusing on the differences. At the same time, at the end of the 18th century, ideas about the common origin of the Japanese and the Ainu were first voiced, based on the similarity of some cultural practices and common vocabulary.

During the Meiji period (1868–1912), attitudes towards the idea of the common origin of the Japanese and the Ainu were ambivalent. In discussions about the Japanese nation, the Ainu could act in a variety of roles: as an indigenous people displaced by the Japanese “invaders,” as the closest relative and therefore a natural object of assimilation, as an integral element of the “mixed” Japanese people, and as a subordinate people at the lowest level of the hierarchy.

Keywords: Ainu, Ainu in Japan, origin of the Japanese, ethnogenesis of the Japanese, Japanese nation, Japanese nationalism, monoethnic nation, multinational empire.

Author: *Shchepkin Vasilii Vladimirovich*, Candidate of Sciences (History), senior researcher, Institute of Oriental Manuscripts of RAS: 18, Dvortsovaya emb., St. Petersburg, 191186, Russia.

ORCID: 0000-0003-0007-1143

E-mail: vshepkin@gmail.com

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Период Мэйдзи (1868–1912) стал для Японии временем формирования современного национального государства и, как его условия, единой японской нации. Для этой цели на протяжении всего периода задействовались самые разные идеологемы и инструменты. При этом всё это время не утихала дискуссия о том, какая она, японская нация, – «чистая» или «смешанная»? Этот вопрос порождает и целый ряд других: что означает «быть японцем» и можно ли «стать японцем»? являются ли японцы коренным народом Японского архипелага или «захватчиками»? а если они «смесь» различных коренных этнических групп, то каких именно? Эти вопросы не были пустым теоретизированием, ведь они определяли ход дальнейшего развития японской государственности: быть ли Японии моноэтническим национальным государством или становиться многонациональной империей.

Интересно, что и сегодня, спустя более столетия после окончания эпохи Мэйдзи, жители Японии не пришли к единому ответу на вопрос о том, кто они и откуда. В 2019 г. парламент Японии принял

«Закон о продвижении мер по созданию общества, в котором будет уважаться достоинство айнов», в котором айны называются коренным народом Японского архипелага. Фактически это стало первым юридическим шагом в сторону отказа от представлений о Японии как о моноэтническом государстве, господствовавших в обществе ещё несколько десятилетий назад. В данной статье будет предпринята не претендующая на полноту попытка рассмотреть в исторической перспективе место айнов в дискуссии о японской нации, в частности различные формулировки идеи об общем происхождении японцев и айнов.

Представления о японцах и айнах как о народах

В период Мэйдзи дискуссия о японской нации оказалась тесно связанной с вопросами этногенеза японцев, этнической истории Японского архипелага, западным дискурсом нации, империализма, колониализма и т. д. В действительности интерес к этим вопросам наметился в Японии ещё в предшествующий период Токугава (1603–1867), и уже тогда некоторые японские мыслители испытали влияние западных идей и представлений.

Прежде всего, нужно отметить, что со второй половины XVI – начала XVII вв. с началом активных контактов с европейцами в Японии стали накапливаться знания о мировой географии и первые образцы карт мира. С этим связано и начало представлений о мире как о разделенном на страны, в каждой из которых живет свой народ, говорящий на своём языке. Показательной в этом смысле является знаменитая карта мира Маттео Риччи 1602 г., получившая широкое распространение в странах Восточной Азии: на ней и Африка, и обе Америки, не говоря уже о Европе и Азии, разделены на множество стран, окрашенных в разные цвета, – при том, что в действительности государства не успели к тому времени охватить и половины территории земной суши.

Вслед за этим, уже со второй половины XVII в. в Японии получили распространение географические сочинения с описанием всех стран мира, такие как *«Исследование торговых сношений Китая и варваров»* Нисикава Дзёкэн (1695 г.) и *«Отобранные и рассмотренные чужеземные речи»* Арай Хакусэки (1713 г.) [Щепкин 2017, с. 72–76]. Одновременно с этим, очевидно, формировались

представления и о Японии как одной из стран мира со своим народом и языком, и о ближайших соседях. Примечательно, что земли айнов, не имевших государственности, во многих текстах XVIII в. также называются «страной» (яп. *куни* 國) (см., напр., [Mogami 1969a; Shcherkin 2016]).

Формирование представлений об айнах как о народе с отличным от японцев набором признаков (язык, внешний вид, культура, территория проживания) также относится к XVII–XVIII вв. Именно в этот период приобретает характер этнонима (а также топонима и лингвонима) слово *эдзо*, до XVII в. связанное скорее с представлениями о нечистоте (яп. *кэгарэ* 穢れ), а также наследуемыми ещё из древности китайскими идеями о цивилизованном центре и окраинных варварах [Kikuchi 1994, p. 46–47]. Примечательно, что слово «айны» (*айну* アイヌ) как самоназвание айнов получило распространение также в XVII–XVIII вв. В японских текстах (в форме *айно* アイノ) оно впервые фиксируется в 1739 г. [Sakakura 1969, p. 413], но в японском языке закрепилось лишь со второй половины XIX в.

В наиболее ранних описаниях айнов первой половины XVIII в., а также в более поздних текстах, предназначенных для широкой аудитории, японские авторы продолжают опираться на китайский цивилизационный нарратив, представляя айнов как полную противоположность японцам и фиксируя внимание на отличиях. Приведем для иллюстрации два текста этого времени. Первый из них – из популярной энциклопедии «*Вакан сансай дзүэ*», написанной на китайском классическом языке врачом Тэрасима Рёан в 1712 г.

«Эдзо с начала времен ничего не знают о мире. Со времен государства Кэйко они являются рабами нашего государства. Рост их 6 сяку. Волосы их распущены, усы и бороды длинные и свисают, заслоняя рот. Во время еды и питья они приподнимают усы палочкой и медленно прихлебывают. Глаза у них круглые и большие, сверкают. Внешностью напоминают духов-якши. Все они ходят босыми, в распахнутых одеждах, не подвязывая их. Они умело бесшумно взбираются на вершины, избегают на кручины, плавают в воде. Тела их легки и быстры, как у птиц и зверей. Вероятно, это потому, что они не едят соли и соевого соуса. Когда у них нет сил поднять тяжесть, они используют силу головы, нося тяжести на лбу. Люди этой страны редко доживают до 40–50 лет. Вероятно, это потому, что они едят мясо,

но не едят риса. Если заболевают лихорадкой, многие умирают. Особенно опасна оспенная сыпь, поскольку им неизвестна медицина. [...] В стране той нет письменности, язык непонятен. Лишь в последнее время изредка встречаются понимающие японский язык. Вино они называют сакэ. Также они пьют рыбий жир, называя его абурасакэ. Время от времени им жалуют японское сакэ, и когда они его пьют, то чрезвычайно радуются. Мечи они носят на спине, луки зажимают под мышкой. Охотятся на съедобных птиц и зверей, стреляя в них. Далеко заходить не осмеливаются» [Terashima 1715].

Второй текст – отрывок из «Иллюстрированного жизнеописания Сётоку-тайси» для детей, изданного в 1804 г.

«Изначально земли эдзо располагались к северо-востоку от императорской провинции Муцу. У людей той страны росли длинные усы, видом напомиавшие о морской креветке-эби, отчего и стали называть тех людей эмиси, ведь и креветок в те времена называли эми (си – вспомогательная частица), и лишь потом ошибочно стали называть эби. Итак, страна та была своего рода дикими землями, отделенными от императорской страны морем. Сегодня это остров Эдзо. Люди той страны чрезвычайно храбры, а в их землях пять знаков не рождаются, поскольку лежат они на севере, а сразу за ними находится страна Татария.

Можно также попасть в страну чжурчжэней Оранкай. Из-за этого начиная с середины осени наступают холода и случаются такие морозы, что пальцы отваливаются. Потому пять знаков там и не рождаются, а все местные люди покрывают тела узорами, выкапывают землянки и живут в них. У них и сейчас домов нет, а едят они мясо птиц, зверей, рыб и черепах, а раньше из шкурок птиц и зверей ещё и одежду делали. Сейчас же одежду шьют из коры деревьев под названием ацуси.

Они совокупляются, невзирая на кровное родство. Чтобы поймать разных птиц и зверей, стреляют в них из лука, а лук делают, изгибая бамбук и натягивая тетиву, а наконечник – заострив бамбук и для прочности опалив на огне, а кончик смазывают ядовитым растением под названием бусу, и так стреляют. С виду обычный бамбуковый наконечник, но поскольку он очень ядовитый, то даже такие свирепые звери, как медведь и кабан, сраженные, сразу падают насмерть.

Ещё в старых песнях пелось: «Какая жалость! В ту единственную щель угодила ты, ядовитая стрела островного варвара!» Похоже, что ещё в давние времена они использовали ядовитые стрелы. Стрелять из лука было для них привычным занятием с детских лет: из ста выпущенных стрел сто попадали в цель, и даже если стреляли по таким маленьким птичкам, как крапивник, не бывало такого, чтобы промахивались. Они чрезвычайно сильны физически, и даже говорят, что лишь сто людей нашей страны могут потягаться с одним эдзо» [цит. по Kojima 2009, p. 126–128].

На примере обоих текстов видно, что в период Токугава уже получили некоторое распространение сведения об айнах, собранные редкими путешественниками в их земли, однако в целом наиболее популярные и широко распространившиеся описания продолжают опираться на классический нарратив о варварах, обильно цитируя китайские и японские письменные памятники древности. Мы видим, что весьма точные подробности внешнего вида и быта айнов упоминаются бок о бок с не имеющими под собой оснований выдумками и стереотипами. В обоих текстах нет явных пренебрежительных или устрашающих оценок, а во втором тексте, адресатом которого выступали дети, и вовсе присутствуют элементы образа айнов, сближающие его с распространившимся в то же время в Европе образом «благородного дикаря». Тем не менее, все характеристики так или иначе «работают» на создание необычного, во всём отличного от японцев образа айнов, причём подчеркивается неизменность такого положения дел во времени, что имплицитно подразумевает отсутствие какого бы то ни было родства или общности происхождения.

Ранние идеи об общем происхождении японцев и айнов

Вслед за представлениями о Японии как об одной из множества стран мира, а о японцах – как об одном из народов, в XVIII в. зазвучали и первые идеи о происхождении японцев. Широкое распространение получило предание о китайском маге и гадателе Сюй Фу, отправленном императором Цинь Шихуанди на поиски эликсира бессмертия и ставшем прародителем японцев. Вышеупомянутый Араи Хакусэки, хотя и не соглашался с китайским происхождением японцев, в своём

труде «Очерк древней истории» (яп. *Косицу* 古史通, 1716 г.) также высказал мнение, что мифы в древнейших японских сводах являются отражением исторических событий, и их главными действующими лицами были не боги, а люди [Толстогузов 2005, с. 130]. Он же был одним из первых, кто предположил родство японцев с корейцами – эта теория получила впоследствии широкое распространение и приобрела едва ли не официальный статус в период Мэйдзи [Мещеряков 2014, с. 352–356].

К концу XVIII в. относятся и первые идеи об общем происхождении японцев и айнов. Под влиянием слухов о продвижении русских по Курильским островам, с 1780-х гг. активизируется деятельность японского правительства и отдельных интеллектуалов по изучению земель, населенных айнами. Участники экспедиций на Хоккайдо, Сахалин и Курилы получили ценный опыт длительного пребывания среди айнов и непосредственного их наблюдения. Наиболее ранний пример изложения идеи о родстве японцев и айнов мы находим в «Сообщениях об обычаях и нравах страны айнов», написанных Могами Токунаи, участником первой правительственной экспедиции в земли айнов 1785–1786 гг.

В предисловии к сочинению Токунаи его учитель Хонда Тосиаки (1743–1821) пишет, что айны «корнем происходят от японцев, а не от других стран», что, услышав «эдзо», многие представляют себе людей другого вида, но такое понимание есть «дурная привычка», а на самом деле «эдзо» называют людей, которые просто «не были затронуты учением святых мудрецов и цивилизирующим влиянием правителя», были «коварны и лживы» и нарушали «законы», «не понимали своих преступлений» и «не различали статусов» [Mogami 1969a, p. 439]. В определенном смысле он предвосхитил так называемую теорию «окраинных жителей», в рамках которой *эдзо/эмиси* понимаются как вид японцев.

Сам Могами Токунаи, наблюдая за некоторыми обрядами айнов, также видит в них древнее родство с японскими. Так, о «медвежьем празднике» *иомантэ* он пишет, как о «великом празднестве» мольбы о безопасной охоте и рыбалке в море, а поскольку убийство домашнего медведя является «осенней жертвой божествам», разнообразные подношения после убийства напоминают службу по кормлению голодных духов (яп. *сэгаки*). Это позволяет Токунаи предполагать, что таким был в японской древности осенний праздник крестьян.

Далее, наблюдая обычай *укари* – взаимного избияния дубинками, он пишет, что то, как айны, единообразно танцуя, подпрыгивают и дружно с силой топают ногами, похоже на то, как японские борцы сумо заходят на ринг [Mogami 1969a, p. 439].

Могами Токунаи обнаруживает немало схожего и в языках японцев и айнов. Он пишет, что в «*Анналах Японии*» («*Нихон сёки*») знаки «*номи*» толкуются как «молитва», что совпадает со словом «*номи*» в языке айнов. Он предполагает, что и другие слова айнов, такие как *нуса* (алтарь), *камуи* (божество), *мисаки* (мыс), *томари* (гавань), *онгами* (поклон), *мэноко* (женщина) также являются древнеяпонскими словами. Всё это приводит Могами Токунаи к выводу, что в обычаях айнов остались явные следы древних японских обычаев. В своем более позднем сочинении «*Ватарисима хикки*» он уже решительно настаивает на этой идее, говоря, что запах одежды налevo и зауженные рукава, татуировки и обрезание волос, язык, этикет, молитвы для почитания божеств – всё это «происходит от обычаев нашей страны», и что, наоборот, именно японцы позаимствовали китайские порядки, вследствие чего их обычаи сильно изменились [Mogami 1969a, p. 439].

Схожие идеи высказывал и выходец из дома священнослужителей Исэ-дзингу по имени Хата Авагимару (Мураками Симанодзё). Он утверждал, что айнские заструганные палочки *инау* «подобны тому, что в нашей стране называют *хэйхаку*» (или *гохэй* – сложенные бумажные или матерчатые полоски, часто со стихами или молитвами, вывешиваемые в синтоистских святилищах как подношение богам), и они «выражают чувство почтения к пути богов», а такие слова, как *камоиноми* и *нуса* – это видоизмененные древнеяпонские слова, и вообще, «все слова языка айнов связаны с языком нашей страны» [Hata 1969, p. 500].

Сходства японской и айнской культур отмечались и другими авторами, посещавшими земли айнов в конце XVIII – первой половине XIX вв. Для большинства из них опыт общения с айнами был чем-то совершенно новым, и они вольно или невольно игнорировали факт непрерывного взаимодействия японской и айнской культур в течение предшествовавших столетий, отчего возможность культурных и языковых заимствований не рассматривалась ими для объяснения сходств. Не стоит недооценивать и политические причины теорий об общем происхождении: многие представители властной и интел-

лектуальной элиты Японии того времени считали важность освоения айнских земель ввиду угрозы со стороны России чересчур переоцененной и говорили о необходимости оставить всё как есть. Особенно определено эту позицию разделяли власти княжества Мацумаэ, которое с начала XVII в. обладало монопольными правами на торговлю и другие отношения с айнами. Для них именно отличия айнов от японцев были значимым политическим капиталом, источником легитимности многих политических и торговых практик. Поэтому такие люди, как Могами Токунаи и Хата Авагимару, подвели определенную идеологическую основу под весьма спорные на взгляд многих перспективы перевода айнских земель под прямое управление бакуфу.

Айны в теории о «смешанной» японской нации

Позволим себе перенестись из начала XIX века в его вторую половину и рассмотреть, какое место стали занимать айны в дискуссиях о японской нации в период Мэйдзи. Можно сказать, что эта дискуссия в основном представляла собой противостояние двух точек зрения. Согласно первой, на которую в основном и опирались идеологи мэйдзийского правительства, японский народ во главе с императором был неразрывно связан с Японским же архипелагом, и все вместе они являлись продуктом деятельности божеств, что нашло отражение в древнейших мифах. Эта точка зрения выделяла японский народ среди других и позволяла задействовать множество инструментов для создания по-настоящему единой нации: язык, природу, историю, божественную и непрерывную императорскую династию и т. д. В основном она опиралась на наработки японских ученых-нативистов (*кокугакуся*) XVIII – первой половины XIX вв. В контексте этой точки зрения айны выступали в роли одного из «Других», на противопоставлении которым утверждалась уникальность японцев. Те помещали айнов на временной шкале прогресса в прошлое и тем самым позволяли самим себе видеть себя в настоящем рядом с западными державами.

Вторая точка зрения опиралась на западный научный дискурс того времени и была сформулирована такими людьми, как работавшие в Японии американский зоолог и археолог Э. Морс (1838–1925)

и немецкий врач Э. Бельц (1849–1913), хотя корни её можно найти ещё у иезуитов XVI–XVII вв. [Kartashov 2020, p. 18]. Согласно ей, японцы представляют собой продукт смешения нескольких «рас»: монгольской, малайской, айнской и др. – набор «компонентов» мог отличаться от автора к автору. При этом большинство сходилось в том, что айны представляют собой древнейшее население архипелага, затем пришла миграционная волна с юга (малайцы), а самым поздним стало переселение монголоидов с континента. Эта теория была впоследствии воспринята и активно развита первым поколением японских антропологов, наиболее известным из которых можно назвать Цубои Сёгоро (1863–1913).

Принимая во внимания чувства опасения по отношению к Западу, царившие в японском обществе во второй половине XIX в., неудивительно, как указывает А. Н. Мещеряков, что «идея полиэтничности вызвала бурную и эмоциональную общественную реакцию». Он приводит слова профессора Найто Тисо, который в 1888 г. заявил, что теория об автохтонности айнов и покорении их «пришлыми» японцами «является оскорблением трона», а её поборники должны быть отправлены в тюрьму [Мещеряков 2014, с. 247]. Некоторые, как ученый-нативист Курокава Маёри (1829–1906), отзывались своего рода отсылкой к взглядам токугавских исследователей айнов: в статье «*О происхождении эмиси*» 1892 г. он утверждал, что современные айны являются не отличным от японцев этносом, а потомками древних эмиси, которые в свою очередь были лишь жителями японской периферии, не затронутой благотворным влиянием японского государства в древности [Oguma 2002, p. 9].

Тем не менее, победы Японии в войнах с Китаем (1894–1895) и Россией (1904–1905), присоединение Тайваня, южного Сахалина и Кореи поставили многих перед фактом, что их страна стала многонациональной империей. Даже самым рьяным сторонникам божественного происхождения императора и уникальности японского народа пришлось приспособлять свои взгляды к новой политической реальности. Характерным выглядит мнение Ониси Хадзимэ (1864–1900), который сомневался в том, что «теория об общем происхождении императора и всех его подданных совместима с японской национальной политикой экспансии». «Как, черт возьми, следует рассматривать людей с наших новых территорий?» – вопрошал он [Kartashov 2020, p. 26]. Ещё до Русско-японской войны,

на всемирных выставках 1903–1904 гг. Япония стала позиционироваться как многонациональное государство, а в школьном учебнике 1910 г. говорилось, что население Японии состоит из народа *ямато* (японцев), айнов, китайцев и коренных народов Тайваня [Мещеряков 2014, с. 350–351].

В этих условиях по-новому зазвучала теория о смешанном происхождении японского народа, которой придерживались многие профессиональные антропологи. В своих работах, написанных накануне и после Русско-японской войны, один из основателей японской антропологии Цубои Сёгоро отстаивал идею о том, что именно в смешанном происхождении японского народа и разнообразии жителей современной Японии кроется потенциал прогресса и военного могущества, поскольку прогресс – это результат отбора и конкуренции, которые отсутствуют в полностью однородном обществе. Он полагал, что сами японцы представляют собой «смесь малайцев, корейцев и айнов», а в Японской империи проживают также «коренные жители Тисима, некоторые из которых смешались с жителями Карафутто, айны, уроженцы Тайваня», а на островах Огасавара, населенных малайскими народами, есть также жители европейского происхождения [Kartashov 2020, p. 28–34]. Признавая, с одной стороны, смешанность происхождения самих японцев, а, с другой, многонациональный состав современной Японской империи, Цубои как будто бы отвечал на опасения многих интеллектуалов, видевших в расширении границ империи угрозу чистоте японского народа.

Таким образом, мы видим, что в период Мэйдзи в дискуссиях о японской нации айны могли выступать в самых разных ролях: и как коренной народ, вытесненный японскими «пришельцами», и как ближайший родственник – естественный объект ассимиляции, и как составной элемент «смешанного» японского народа, и как подчиненный народ на низшей ступени иерархии. Примечательно, что такая разница во взглядах на место айнов в японской идентичности никак не влияла на в целом неизменную политику правительства в их отношении, направленную на превращение айнов в рядовых земледельцев путем различных запретов на традиционные занятия – охоту и рыбную ловлю.

Библиографический список

Мещеряков А. Н. (2014). *Terra Nipponica: Среда обитания и среда воображения*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Толстогузов А. А. (2005). *Японская историческая наука: проблемы изучения средних веков и феодализма: очерки истории*. Москва: Восточная литература.

Щепкин В. В. (2017). *Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII века*. Москва: Кругъ.

References

Hata, Awagimaru. (1969). *Ezo seikei zusetsu [Illustrated Description of Ainu's Material Culture]*. In *Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei [Compilation of the Sources on the History of Common People's Life]*. Vol. 4, pp. 545–638. Tokyo: San'ichi shobo. (In Japanese).

Kartashov, K. (2020). *Modernity and the Origins of the Japanese: Analysis of Tsuboi Shōgorō's (1863–1913) Writings on the Heterogeneity of the Ethnic Background of the Japanese Nation*. Master's Thesis. Stockholm University.

Kikuchi, Isao. (1994). *Ainu minzoku to nihonjin [Ainu People and the Japanese]*. Tokyo: Asahi shimbunsha. (In Japanese).

Kojima, Kyoko. (2009). *Emishi, ezo kara ainu e [From Emishi and Ezo to the Ainu]*. Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

Mesheryakov, A. N. (2014). *Terra Nipponica: Sreda obitaniya i sreda voobrazheniya [Terra Nipponica: Environment of Life and Environment of Imagination]*. Moscow: “Delo” RANEPА. (In Russian).

Mogami, Tokunai. (1969a). *Ezo no kuni fūzoku ninjō no sata [Reports on the Customs and Manners of the Ainu Country]*. In *Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei [Compilation of the Sources on the History of Common People's Life]* (Vol. 4, pp. 439–484). Tokyo: San'ichi shobo. (In Japanese).

Mogami, Tokunai. (1969b). *Watarishima nikki [Diary of the Voyage to the Islands]*. In *Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei [Compilation of the Sources on the History of Common People's Life]*. Vol. 4, pp. 521–543. Tokyo: San'ichi shobo. (In Japanese).

Oguma, Eiji. (2002). *A Genealogy of “Japanese” Self-Images*. Melbourne: Trans Pacific Press.

Sakakura, Genjiro. (1969). Hokkai zuihitsu [Following the Brush in the Northern Seas]. In *Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei* [Compilation of the Sources on the History of Common People's Life]. Vol. 4, pp. 401–414. Tokyo: San'ichi shobo. (In Japanese).

Shchepkin, V. (2016). The Manuscript Nijūgokoku chūka chikyū no zu (“Pictures of the Peoples of Twenty-Five Countries with Maps of China and the World”) in the IOM, RAS Collection. *Written Monuments of the Orient*, 1(3), 106–110.

Shchepkin, V. V. (2017). *Severnyi veter: Rossiya i ainu v Yaponii XVIII veka* [Wind From the North: Russia and the Ainu in the 18th Century Japan]. Moscow: Krug. (In Russian).

Terashima, Ryoan. (1715). *Wakan sansai zue* [Sino-Japanese Encyclopedia of the Three Origins]. Xylograph C-161 from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of RAS. (In Japanese).

Tolstoguzov, A. A. (2005). *Yaponskaya istoricheskaya nauka: problemy izucheniya srednikh vekov i feodalizma: ocherki istorii* [Japanese Historical Science: Problems of Studying the Middle Ages and Feudalism: Essays on History]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 98–112
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 98–112
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-98-112

Японские националисты и российские мусульмане в совместном паназиатском проекте: роль Абдурашида Ибрагимова

Усманова Л. Р.

Аннотация

В статье кратко представлена деятельность лидера российских мусульман Абдурашида Ибрагимова в качестве панисламского медиатора в Японии. Во многом благодаря его деятельности в начале XX в. в среде паназиатски настроенных кругов японских интеллектуалов укрепилась идея сотрудничества с мусульманскими народами. Делается вывод о том, что японская государственная мусульманская политика (*кайкё сэйсаку*), проводимая в 1930-40-х гг., была сформирована при активном сотрудничестве с мусульманскими интеллектуалами, в том числе А. Ибрагимовым.

Ключевые слова: паназиатизм, панисламизм, Россия, Япония, Абдурашид Ибрагимов

Автор: Усманова Лариса Рафаэлевна, канд. пед. наук, PhD, доцент Российского Государственного гуманитарного университета: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6.

E-mail: ousmanoval@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Japanese Nationalists and Russian Muslims in the Joint Pan-Asian Project: The Role of Abdurashid Ibragimov

L. R. Usmanova

Abstract

The article briefly presents the activity of the Russian Muslim leader Abdurashid Ibragimov as a pan-Islamic mediator in Japan. Largely due to his activities at the beginning of the 20th century, the idea of cooperation with Muslim peoples was strengthened among the pan-Asian circles of Japanese intellectuals. It is concluded that the Japanese state Muslim policy (*kaikyō seisaku*), conducted in the 1930s and 1940s, was formed with active cooperation with Muslim intellectuals, including A. Ibragimov.

Keywords: pan-Asianism, pan-Islamism, Russia, Japan, Abdurashid Ibragimov.

Author: *Usmanova Larisa Rafaelevna*, Candidate of Pedagogy, PhD, Associate Professor, Russian State University for the Humanities: 6, Miususkaya sq., Moscow, 125047, Russia.

E-mail: ousmanoval@gmail.com

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Идеи паназиатизма (азиатизма) стали идеологической основой для проведения экспансионистской внешней политики Японии в 1930–40-х гг. Российские исследователи уделили довольно много внимания истории формирования этой идеологии с начала периода Мэйдзи, а также истории ее влияния на политику страны. Нет разногласий в том, что паназиатские идеи возникли в конце XIX – начале XX в. в странах Восточной Азии, находившихся в той или иной степени под колониальным влиянием западных держав – в Японской империи, Британской Индии и Китайской Республике. Нет разногласий также и в том, что их суть заключалась в призыве к сотрудничеству

в целях возрождения азиатских народов [Черкизьянова 2022, с. 114–115]. Исследователи также подчеркивают, что итоги Русско-японской войны 1904–05 гг. стали одним из важных факторов укрепления паназиатских идей в Японии. С другой стороны, первая победа азиатского государства над европейским всколыхнула национальные надежды многих народов Азии, находящихся под колониальной властью европейских держав, на освобождение и построение своих национальных суверенных государств. Именно это вызвало симпатии и интерес многих национально-освободительных движений в Азии к Японии и ее опыту модернизации. Исследователи склоняются к тому, что паназиатизм был также идеологической основой развития региональной интеграции государств Азии в межвоенный период [Бригадина 2008].

Довольно подробно изучены и взгляды японских идеологов паназиатизма: в частности, Таруи Токити, считавшего необходимым объединить Японию и Корею для совместной борьбы против европейских держав, деятельность Ои Кэнтаро, пытавшегося продвигать реформы в Японии и Корее, Окакуро Какудзо [Третьяк 2016], а также деятельность отдельных политических групп и организаций, таких как «Гэнъёся», «Кокурюкай», «Ронинкай», буддийского движения *Нитирэн*, утверждавшего, что буддизм должен стать главной мировой религией, а Япония – центром буддийского миссионерства (именно представитель *Нитирэн* Танака Тигаку продвигал лозунг «*Хакко ити у*») («*Восемь углов под одной крышей*») [Малова 1996; Авдюхова 2021].

Однако остаются малоизвестными страницы взаимовлияния идей японского национализма и панисламизма в контексте японского паназиатского политического дискурса. Окава Сьюэй (1886–1957), идеолог и одна из основных фигур японского паназиатизма, который обосновывал миссию Японии как освобождение Азии от западного колониализма, даже посредством войны, если это необходимо, рассматривал ислам как основной инструмент для выполнения этой миссии¹. В 1930–40-е гг. паназиатская идеология стала основой для официальной внешнеполитической доктрины и государственной «исламской политики» (*кайкё сэйсаку*) Великой Японии, осуществляемой в Восточной Азии. Активное участие в ней приняли и представители российской тюрко-мусульманской эмиграции в Японии и на

---

¹ Интересен тот факт, что в конце жизни, находясь в тюрьме Сугамо, он переводил Коран на японский язык. Сегодня его перевод считается неточным и устаревшим.

Дальнем Востоке, что остается до сих пор малоизученным в истории российско-японских отношений.

Здесь необходимо отметить пионерскую работу, которая привлекла внимание широкого круга исследователей к этой теме, профессора университета Богазичи (Стамбул) С. Эсэнбел, выпустившей в 2003 г. в сотрудничестве с японским профессором И. Тихару первую коллективную монографию [Esenbel, Chiharu 2003]. Именно в этой работе впервые показана важная роль панисламизма в формировании взглядов японской идеологии паназиатизма, роль мусульманских идеологов и лидеров российских эмигрантов с тюрко-мусульманской идентичностью в установлении доброжелательных отношений с японской культурой, а также взаимодействие с представителями паназиатских и националистических кругов Японии.

В данной статье автор намерен кратко осветить деятельность Абдурашида Ибрагимова, как одного из первых медиаторов с панисламистскими и паназиатскими взглядами во взаимоотношениях с японскими партнерами, первого российского мусульманина в Японии. Во многом благодаря его деятельности в начале XX в. в среде паназиатски настроенных кругов японских интеллектуалов укрепились идея сотрудничества с мусульманскими народами².

Мусульмане как союзники в антиколониальной борьбе с западными империями

С начала 1890-х г., в контексте набирающих силу идей паназиатизма, особенно в среде антизападной части японской элиты, в Японии стало складываться представление об Османской империи как центре коммуникации с мусульманами России, Египта, Арабского Востока с целью противостояния державам Запада в целом и, в частности, Российской империи. Потенциал ислама высоко оценивался с точки зрения формирования прояпонской сети в регионах с мусульманским населением, особенно внутри России и вдоль её границ. Русско-японская война дала возможность воплотить эти идеи в реальность. Агентами по реализации этих целей выступали, с одной стороны,

---

² Автор опубликовал несколько работ по истории российской тюрко-мусульманской эмиграции на Дальнем Востоке, в которых освещены основные факты, но в данной статье приводятся и ранее не опубликованные материалы [Усманова 2005; Усманова 2010; Usmanova 2007].

японские офицеры, связанные с известной ультранационалистической организацией «*Кокурюкай*» («*Общество реки Амур*»)³, и, с другой стороны, политические мусульманские деятели с антиколониальными и панисламистскими взглядами, которые уже были идеологически и националистически настроены против панславянского и авторитарного российского царского режима. Необходимо отметить, что среди китайских мусульман, являвшихся национально-религиозным меньшинством, японские паназиатские пропагандисты распространяли идеи сочувствия и поддержки со стороны Японии. Индийские мусульмане, находившиеся под британским колониальным режимом, также были естественным союзником японцев. Таким образом, в тот период у японских националистов и представителей мусульманского мира появилась почва для идеологического сближения на основе общей азиатской идентичности с антиколониальными ценностями.

Полковнику Акаси Мотодзиро⁴, военному атташе Японии в Санкт-Петербурге и резиденту японской разведки в Европе, удалось выстроить личные отношения со многими представителями оппозиционных сил накануне Русско-японской войны. Поддержка антиправительственной деятельности российских мусульман была частью общего плана поддержки революционно настроенных политических групп, включая польских и финских националистов, русских революционеров и кадетов. Акаси вспоминал в своих мемуарах, что российские мусульмане не слишком интересовали японцев в тот момент из-за отсутствия сильной организации [Akashi 1988, p. 28]. Однако он помог мусульманским политическим лидерам России в их деятельности по организации первого Всероссийского мусульманского съезда 1905 г., что в свою очередь способствовало развитию национализма среди российских тюрков. Ярким примером этого сотрудничества является жизнь и деятельность Абдурашида

---

³ Общество реки Амур – ультранационалистическое военизированное общество, основанное в 1901 г. японским националистом Утида Рёхэй, состоявшим в шовинистическо-криминальной группировке «Гэньёся». Общество названо в честь реки Амур, которая по-китайски называется «Река чёрного дракона» (黑龍江 *Хэйлунцзян*; по-японски *кокурю:ко*). Название объясняло политические задачи, которые общество ставило перед собой: изгнать русских с территорий Восточной Азии, находившихся южнее Амура.

⁴ Акаси Мотодзиро (1864–1919), с 1901 г. резидент японской разведки во Франции. После русской революции 1905 г. вернулся в Японию. В 1910 г. был направлен в Корею, а в 1918 г. возглавил колониальную администрацию на Тайване.

Ибрагимов (1854–1944)⁵, панисламиста, организатора мусульманских съездов в России, который состоял в тесных личных контактах с Акаси⁶. Его панисламистские взгляды на союз азиатских народов вполне совпадали с паназиатской идеологией японцев. Ибрагимов был широко известен в мусульманских странах своими антиимпериалистическими и панисламистскими взглядами, поэтому он стал одной из важных фигур японской паназиатской политики в мусульманском мире.

Панисламизм и японский паназиатизм: пути сближения

В период завершения либерализации, которая последовала после Революции 1905 г. в России, организатор движения российских мусульман Абдурашид Ибрагимов, который стоял у истоков создания Мусульманской фракции в Государственной Думе, эмигрировал из страны в 1907 г. Одной из его целей было избежать ареста, но основной – найти союзников в своей антиколониальной деятельности по освобождению как российских, так и всех мусульман. Поэтому он совершил евразийское путешествие по основным центрам проживания мусульман, начиная с Китая, через голландские и британские колонии в Японию, а оттуда в Османскую империю, с целью изучения их положения.

В Японию он прибыл в 1908 г. при содействии и финансовой поддержке Акаси и общества «*Кокурюкай*». Во время своего многомесячного пребывания в стране в 1909 г. он стал одним из основателей нового общества под названием «*Адзиа гикай*» («*Общество пробуждения Азии*»), тесно связанного с организацией «*Гоа добункай*», которое основал принц Коноэ для изучения культур и языков Восточной Азии. Общество «*Адзиа гикай*» стало инструментом пропаганды японских паназиатских идей в мусульманском мире на долгие годы. Среди тех, кто подписал учредительный

---

⁵ Ибрагимов, Абдурашид Гумерович (1857, Тара – 1944, Токио) – татарский мусульманский имам, кади (шариатский судья), проповедник и публицист. Сторонник идей панисламизма.

⁶ Сын А. Ибрагимов, Мурад, стал в 1910 г. первым российским мусульманским студентом в университете Васэда, получая стипендию общества «*Кокурюкай*» при содействии Акаси.

документ организации, кроме Абдурашида Ибрагимова, были лейтенант Охара Букэдзи (1865–1933), впоследствии работавший среди китайских мусульман; духовный глава «*Кокурюкай*» Тояма Мицуру (1855–1944), активисты «*Кокурюкай*» Накано Цунэтаро и Накаяма Ядзуро, член парламента и будущий премьер-министр Японии в 1932 г. Инукаи Цуёси (1855–1932), капитан Аоянаги Кацутоси, а также Ямада Киносукэ и Коно Хиронака. От имени китайских мусульман документ подписал Ванг Хаочжан, который в 1912 г. основал Китайскую мусульманскую общепрогрессивную ассоциацию. Среди тех, кто стал неофициальным членом «промульманского» паназиатского кружка в Японии, были также журналист Токутоми Сохо (1863–1957), основатель «*Кокурюкай*» Утида Рёхэй (1874–1937), бывший премьер-министр и основатель университета Васэда Окума Сигэнобу (1838–1922). Многие из основателей и сочувствующих обществу «*Адзия гикай*» стали активными проводниками японской экспансивной паназиатской политики в 1930-х гг.

Во время своего пребывания в Японии Ибрагимов встретился с представителями японской элиты и познакомился с повседневной жизнью страны. Свои встречи и размышления о Японии, сравнение японского и российского мусульманского обществ составили дневниковые записи, которые позже воплотились в книге «*Alem-i-İslam ve Japonya'da İntişar-ı İslamiyet*» («*Исламский мир и распространение ислама в Японии*»), впервые вышедшей на османско-турецком языке в Стамбуле в 1910 г. [Burahimu 1991]. Эта книга стала первой в исламском мире работой о японском обществе и опыте его модернизации, создавшей позитивный имидж Японии во всем мусульманском мире как восходящей звезды Востока и возможной защитнице ислама [Усманова 2010].

Книга Ибрагимова стала первой попыткой сформировать в мусульманском мире благоприятное восприятие японского паназиатского геополитического проекта. Переводчики Хисао и Каори Комацу в послесловии к своему японскому переводу книги А. Ибрагимова так оценивают ее значение: «Определенно, Ибрагимов не был первым мусульманином, прибывшим в открывшуюся миру Японию, и эта книга не является первой изданной книгой о Японии в исламском мире. В Османской империи первые книги, которые рассказывали о существовании страны под названием “Япония”, стали появляться с конца XIX в. Однако они все были переводами с европейских

оригиналов. Первой книгой, написанной турком, является “Русско-японская война” (1905–1906) Пертев-паши, служившего в Османской армии и отправленного на Дальний Восток в качестве военного наблюдателя на фронтах Русско-японской войны. Его книга в целом – военные мемуары, а места внутри книги, посвященные Японии, содержат выдержки из западной литературы. В отличие от автора этой книги, Ибрагимов, который провел в Японии несколько месяцев, прожил их вместе с японцами. В этом смысле его книгу, написанную на основе реального опыта, можно назвать первым подробным описанием Японии. К тому же автор, рассуждая о японцах и японском обществе, часто добавляет горькие сравнения с мусульманским обществом того времени. Это также можно назвать отличительной особенностью этой книги» [Ibrahimu 1991, p. 407].

Как отмечают переводчики, размышления Ибрагимова о Японии и японцах внесли огромный вклад в формирование долговременного позитивного имиджа Японии в современной Турции и мусульманском мире в целом и подчеркивают значение книги А. Ибрагимова и для японского общества: «Представления Ибрагимова о Японии вскоре стали влиять как минимум на формирование образа Японии в турецком обществе. Мусульманские интеллектуалы не только осознали чувство близости к описанным Ибрагимовым японцам и Японии, но и, открыв внутри быстро развивающейся Японии модель развития, отличающуюся от европейской, настроились на ожидание изменений в международных отношениях, последовавших за подъемом Японии. С другой стороны, для нас, японцев, образ Японии периода Мэйдзи, увиденный глазами путешественника из другой культуры под названием “исламский мир”, также действительно представляет большой интерес. [...] В своей книге Ибрагимов проявился как совершенно другой, не западный, не христианский, культурно отличающийся, общий с нами наблюдатель. Её действительно можно назвать “встречей Японии периода Мэйдзи с исламом”. [...] Ибрагимов во время своего лишь пятимесячного пребывания в Японии познакомился с огромным количеством людей. В этот период его речи, сравнивающие восход Японии с закатом Запада, вполне совпадают с националистическими идеалами периода Мэйдзи. Идеи Ибрагимова, связанные с политическим значением ислама в мире, особенно в Азии, вдохновили японских сторонников экспансионизма, которые преследовали цель создания объединения [народов]

в Восточной Азии. Размышления Ибрагимова, без сомнения, внесли вклад в формирование японской “исламской политики”, практическая реализация которой проводилась в Маньчжурии и Юго-Восточной Азии в 1930-е гг. Впоследствии, в 1933 г., Ибрагимов был приглашен японской стороной снова приехать в страну. С точки зрения современной истории Японии его разносторонняя деятельность еще будет оценена» [Ibrahimu 1991, p. 406–410].

Ибрагимов сразу же стал участвовать в пропагандистской деятельности Японии по распространению паназиатских идей. Он перевел памфлет *«Азия в опасности»* Хасана Хатано Ухо (1882–1936), одного из первых японцев, принявших мусульманское имя. Хатано считал, что Япония и Османская империя вместе смогут предотвратить имперскую активность Запада в Азии. Вместе с египетским офицером Ахмадом Фадзли Бегом (1874–?), бежавшим в Японию из-за своей антибританской позиции, и индийским мусульманином Мувли Баракатуллой (1856–1927), преподававшим урду в Токийском университете, Ибрагимов печатался в англоязычной газете *«Islamic Fraternity»*, которая пропагандировала панисламистские и паназиатские идеи [Esenbel 2004, p. 1148].

В интервью *«Мечта татар о независимости»* (*«Татарудзин докурицу-но кибо»*), опубликованном в журнале *«Вестник международной политики»* (*«Гайко дзихо»*) от 21 марта 1909 г., Ибрагимов утверждает, что Япония является моделью модернизации, которую необходимо изучать. Он обосновал, по мнению С. Эсэнбель, демографический аргумент для формирования будущей паназиатской «мусульманской политики» Японии: Ибрагимов указал на то, что 100 миллионов мусульман России, Китая, Индии, Турции являются естественной социальной базой для проведения подобной политики [Esenbel 2004, p. 1150]. Он высоко ценил конституционный строй и либеральные свободы в Японии, которые сделали ее современной и прогрессивной страной, противопоставляя ее российскому деспотическому режиму.

В своей книге Ибрагимов обозначил второй, экономический аргумент для принятия ислама Японией в качестве инструмента для реализации паназиатского геополитического проекта. Выйти на китайский рынок будет намного легче, если произойдет примирение японцев и китайцев, в частности, через влияние на китайских мусульман: «Китай – естественный рынок для Японии. Но, бесспорно, существует великая ненависть между японцами и китайцами. Единственный

путь для Японии успешно проникнуть на китайский рынок – это установить тесные связи с китайскими мусульманами.... Если японцы примут ислам, они завоюют треть Азии». Таким образом, Ибрагимов пытался совместить панисламистские идеи с паназиатскими целями японцев [Esenbel 2004, p. 1150].

Участие Абдурашида Ибрагимова в японском паназиатском проекте

Ибрагимов сыграл еще одну важную роль в отношениях Японии с мусульманскими странами этого периода, введя японских агентов секретных служб посредством принятия ислама в мусульманское общество Ближнего Востока через Османскую империю. Ибрагимов серьезно считал, что Японии следует принять ислам в качестве государственной религии по политическим мотивам. Кроме того, он видел общее в культурных и цивилизационных особенностях японского и мусульманского обществ. В своих дневниках он приводит примеры схожести религиозной и социально-бытовой жизни японца и мусульманина.

Одними из первых японских мусульман стали офицеры Японской армии Охара Такэёси и Ямаока Котаро⁷. В годы Русско-японской войны капитан Охара служил под командованием генерал-майора Фукусима Ясумаса, первым японцем, совершившим путешествие по Центральной Азии в 1892–1893 гг. и придерживавшимся паназиатских взглядов. В годы Русско-японской войны Фукусима организовывал разветвленную разведывательную сеть в Маньчжурии. После войны Охара официально уволился из армии, но сохранял тесные связи с активистами паназиатского движения в армии. В 1909 г., когда в Японию прибыл Абдурашид Ибрагимов, Охара принял ислам в его присутствии и взял имя Абу Бакир, имя первого калифа в истории ислама [Misawa 2011, p. 122–123]. Именно Охара познакомил Ибрагимова с офицером разведки Ямаока Котаро, коллегой по работе в Маньчжурии в период Русско-японской войны. Ямаока также под покровительством Ибрагимова во время хаджа в Мекку принял ислам и имя

---

⁷ Ямаока Котаро (1880–1959), в 1903 г. окончил факультет русского языка Токийской школы иностранных языков (ныне Токийский университет иностранных языков). Принял ислам под руководством А. Ибрагимова, впоследствии стал основателем Японской мусульманской ассоциации.

Умар, которое носил второй калиф в истории ислама. Именно таких японцев как Охара и Ямаока называют «мнимыми мусульманами», целью принятия ислама которыми были паназиатские и имперские идеи Великой Японии и которые были тесно связаны с японским правительством и военными.

Именно Охара предложил Ибрагимову в 1909 г. создать в Токио ассоциацию «*Адзиа гикай*» с целью привлечения внимания мусульман к Японии, а также с целью создания союза азиатских народов во главе с Японией. Первым этапом реализации этого плана рассматривалось строительство и открытие мечети в Токио как символа сотрудничества Японии с исламом⁸. По предложению А. Ибрагимова, президент общества Охара послал вместе с Ямаока письма в управление шейх ул-ислама и султану Османской империи Абдулхамиду II с просьбой прислать своих представителей и финансово поддержать строительство Токийской мечети. После своего возвращения в Японию Ямаока развернул активную миссионерскую деятельность, основными целями которой выступали скорее паназиатские, чем панисламистские взгляды. Ямаока считал, что японские глобальные внешнеполитические цели не могут быть достигнуты без реализации стратегической политики в отношении мусульман, поэтому рассматривал Османскую империю как ворота в арабский мусульманский мир.

В 1930-е гг. паназиатский геополитический проект стал ведущей политической доктриной страны. Для реализации той части, что была связана с регионами, где преобладало мусульманское население, в частности – в Юго-восточной Азии, в Японию был приглашен А. Ибрагимов, когда-то стоявший у истоков этих планов. Прожив последнюю часть своей жизни в Японии, с 1933 по 1944 гг., выполняя обязанности имама соборной мечети г. Токио и духовного лидера японских мусульман, Ибрагимов сыграл важную роль как в признании в 1939 г. ислама в качестве равноправной религии наравне с христианством, буддизмом и синтоизмом в Японии, так и неоднозначную роль в реализации японской государственной «исламской политики» в Восточной Азии. В 1930–40-е гг. Ибрагимов сблизился с японскими

---

⁸ Первая мечеть в Японии была построена только в 1935 г. в г. Кобе по инициативе представителей тюрко-мусульманской эмиграции и при финансовой поддержке индийских мусульман, проживавших в Японии, а также с разрешения японских властей. В Токио мечеть появилась в 1938 г.

интеллектуалами, которые формировали идеологическую основу для принятия стратегических решений. Известно, что А. Ибрагимов преподавал арабский язык и чтение Корана Окава Сюмэй (1886–1957), чья позиция повлияла в конечном счете на формирование «исламской политики» Японии в начале 1930-х гг. Именно он первым обосновал необходимость изучения исламоведческих предметов в вузах. Среди тех, кто учились у А. Ибрагимова, а затем и в послевоенное время занимались исламоведением, были исследователь турецкой истории османского периода Найто Томохидэ (1886–1950), первый японский тюрколог и специалист по Средней Азии Окубо Кодзи (1888–1950)⁹, первый специалист по арабистике, учившийся в египетском университете Аль-Азхар, Кобаяси Хадзимэ (1904–1963), всемирно известный исламовед Идзуцу Тосихико (1914–1993).

В «мусульманскую политику» Японии как части паназиатского проекта в 1930-х гг. были вовлечены также башкирский эмигрант, лидер Токийской мусульманской общины «Исламия» Мухаммед Курбангалиев и тюрко-татарский эмигрант и писатель Гаяз Исхаки. В это время в различных городах Японии, Маньчжурии и Китая уже существовали мусульманские общины российских тюркоязычных эмигрантов, которые и стали медиаторами между японским государством и мусульманскими общинами в регионах.

12 мая 1938 г. в присутствии гостей от королевских семей Саудовской Аравии и Йемена была официально открыта Токийская соборная мечеть. В это же время была создана Мусульманская ассоциация Великой Японии при поддержке МИДа, армии и флота. А. Ибрагимов стал имамом мечети и духовным лидером Ассоциации. Однако начатый в 1909 г. совместный с панисламистами японский паназиатский проект, как показали последующие исторические события, просуществовал недолго.

Заключение

В начале XX в. стремления лидера российских мусульман Абдурашида Ибрагимова по реализации панисламского проекта антиколониального освобождения и объединения мусульман встретились

---

⁹ Окубо Кодзи (1887–1950), пионер тюркологических и исламоведческих исследований в японской академической науке, был тесно связан с тюрко-мусульманской общиной российских эмигрантов на Дальнем Востоке.

с паназиатскими планами японских националистов и привели к созданию японской организации «*Адзиа гикай*», целями которой были распространение японских паназиатских идей в мусульманских регионах Восточной Азии. Десятилетия спустя этот проект реализовался в виде государственной «мусульманской политики», ставшей частью масштабной экспансионистской внешнеполитической доктрины японского колонизаторского паназиатизма.

Наше представление о формировании этой идеологии будет неполным без понимания взаимодействия и взаимовлияния японских и мусульманских интеллектуалов. Для российско-японских отношений факт того, что одним из главных медиаторов в этом процессе был представитель российских мусульман, представляется не просто важным, но и актуальным, так как ставит научную проблему изучения исторических лакун и возможного переосмысления истории отношений.

Библиографический список

Авдюхова, О. С. (2021) Истоки концепции Великой восточноазиатской сферы сопроцветания. *Молодой ученый*. № 23 (365). С. 279–282. <https://moluch.ru/archive/365/82160/>

Бригадина К. А. (2008) Паназиатская политика в концепциях японских идеологов 30–40-х гг. XX в. *Уральское востоковедение: международный альманах*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. Вып. 3. С. 38–43.

Малова К. В. (1996) Концепции паназиатизма в Японии (30-е гг. XX в.). *Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета*. No 3. С. 109–120.

Третьяк А. Р. (2016) Идеиные истоки паназиатизма. *Евразийский журнал региональных и политических исследований*. No 1 (16). Вып. 16. С. 33–37.

Усманова Л. Р. (2005) Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии н. XX в. *Эхо веков*. No 1. С. 92–100.

Усманова Л. Р. (2010) «Он выступал как просветитель, преследующий цели пробуждения мусульман Азии» (Р. Ибрагимов в Японии). *Эхо веков*. No 1/2. С. 177–189. <https://echovek.ru/ru/article/1-usmanova-vystupal-kak-prosvetitel-presleduyushchiy-celi-probuzhdeniya-musulman-azii-r>

Черкозьянова А. А. (2022) Влияние идей паназиятизма на формирование внешнеполитического курса Японии в межвоенный период. *CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза*. Том 13. Московский городской педагогический университет. С. 114–125.

References

Akashi, Motojirō. (1988). *Rakka ryusui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation With the Russian Revolutionary Parties During the Russo-Japanese War*. Helsinki: Studia Historica 31.

Avdyukhova, O. S. (2021). Istoki kontseptsii Velikoi vostochnoaziatskoi sfery soprotsvetaniya [The Origins of the Concept of the Great East Asian Co-Prosperity Sphere]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 23 (365), 279–282. Retrieved May 30, 2023, from <https://moluch.ru/archive/365/82160/> (In Russian).

Brigadina, K. A. (2008) Panaziatskaya politika v kontseptsiyakh yaponskikh ideologov 30–40-kh gg. XX v. [Pan-Asian Policy in the Concepts of Japanese Ideologists in the 1930s – 1940s]. In *Ural'skoye vostokovedenie: mezhdunarodnyi al'manakh* [Ural Oriental Studies: International Almanac] (Vol. 3, pp. 38–43). Yekaterinburg: Ural State University Publishing. (In Russian).

Cherkoz'yanova, A. A. (2022). Vliyanie idei panaziatizma na formirovanie vneshnepoliticheskogo kursa Yaponii v mezhoennyi period [The Influence of the Ideas of Pan-Asiatism on the Formation of Japan's Foreign Policy Course in the Interwar Period]. In *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdistsiplinarnogo sinteza* [CLIO-SCIENCE: Problems of History and Interdisciplinary Synthesis] (Vol. 13, pp. 114–125). Moscow: Moscow City Pedagogical University. (In Russian).

Esenbel, S., Chiharu, I. (Ed.). (2003). *The Rising Sun and The Turkish Crescent: New Perspectives On the History of Japanese Turkish Relations*. Istanbul.

Esenbel, S. (2004). Japan's Global Claim to Asia and the World of Islam: Transnational Nationalism and World Power, 1900–1945. *The American Historical Review*. 109 (4), 1140–1170.

Ibrahimu, Abudeyurureshito. (1991). Japon'ya: isuramukei roshiajin no mita Meiji Nihon [Japoniya: Meiji Japan Seen by a Muslim Russian]. Tokyo. (In Japanese).

Malova, K. V. (1996). Kontseptsii panaziatizma v Yaponii (30-e gg. XX v.) [Concepts of Pan-Asiatism in Japan (1930s)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Oriental Institute of the Far Eastern State University], 3, 109–120. (In Russian).

Misawa, Nobuo. (2011). Shintoism and Islam in Interwar Japan: How Did the Japanese Come to Believe in Islam? *Orient*, XLVI, 119–139.

Tret'yak, A. R. (2016). Ideinye istoki panaziatizma [Ideological Origins of Pan-Asiatism]. *Evraziiskii zhurnal regional'nykh i politicheskikh issledovaniy* [Eurasian Journal of Regional and Political Studies], 1 (16), 33–37. (In Russian).

Usmanova, L. R. (2005). Tyurko-tatarskaya emigratsiya v Severo-Vostochnoi Azii [Turkic-Tatar Emigration in Northeast Asia]. In *Ekho vekov* [The Echo of Centuries] (No. 1, pp. 92–100). (In Russian).

Usmanova, L. R. (2007). *The Turk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: Historical and Sociological Account Between 1898 and the 1950s*. Tokyo: Rakudasha.

Usmanova, L. R. (2010). «On vystupal kak prosvetitel', presleduyushchiy tseli probuzhdeniya musul'man Azii» (R. Ibragimov v Yaponii) [“He Acted as an Educator Pursuing the Goals of Awakening Muslims in Asia” (R. Ibragimov in Japan)] In *Ekho vekov* [The Echo of Centuries] (No. 1/2, pp. 177–189). Kazan. Retrieved May 30, 2023, from <https://echovek.ru/ru/article/l-usmanova-vystupal-kak-prosvetitel-presleduyushchiy-celi-probuzhdeniya-musulman-azii-r> (In Russian).

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 113–132
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 113–132
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-113-132

Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политики режима Виши (часть вторая)

В. Э. Молодяков

Аннотация

Настоящая работа, состоящая из двух частей, посвящена малоизученным аспектам Индокитайского кризиса 1940 г. в японо-французских отношениях – притязаний Японии на контроль и военное присутствие во Французском Индокитае летом и осенью 1940 г. В течение предшествующих лет обеспечение безопасности и стабильности Индокитае лежало в основе французской политики в отношении Японии, которая вынужденно характеризовалась готовностью к компромиссам. Военное поражение Франции в июне 1940 г. изменило ее международный статус, ослабило, но не лишило колоний и военного флота. Новый авторитарный режим Французского государства (режим Виши) решил пойти на уступки Японии в Индокитае, учитывая неравенство сил в регионе и отсутствие любой помощи извне.

Вторая часть работы начинается с принципиального решения французского правительства пойти на уступки требованиям Японии, экспансионистская политика которой приобрела новый размах после формирования второго кабинета Коноэ Фумимаро, и заканчивается вводом японских войск в Индокитай в течение сентября 1940 г.

Автор рассматривает процесс выработки политики режима Виши на данном направлении и действия ее руководителей и основных исполнителей: главы государства маршала Филиппа Петэна, министра иностранных дел Поля Бодуэна, министров колоний Анри Лемери и Шарля Платона, генерал-губернатора Индокитае Жана Дэку. Акцент сделан на “политиках”, а не на “политике”. В основу работы положены дневники, воспоминания и другие

свидетельства действующих лиц, недостаточно изученные в российском японоведении, в сочетании с новейшими работами историков.

Ключевые слова: Япония, Франция, режим Виши, Индокитай, дипломатия, колония, экспансия, безопасность.

Сведения об авторе: Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН: Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; профессор Международного института японской культуры университета Такусёку: Япония, 112-0012, Токио, Бункё-ку, Оцука 1-7-1, G-210.

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Continental Policy of Japan as Seen From France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part Two)

V. E. Molodiakov

Abstract

The present work, consisting of two parts, deals with the little-studied aspects of the Indochina crisis of 1940 in Japanese–French relations – Japan’s claims to control and military presence in French Indochina in the summer and autumn of 1940. During the previous years, ensuring the security and stability of Indochina was at the heart of French policy towards Japan, which was necessarily characterized by a willingness to compromise.

The military defeat of France in June 1940 changed its international status: weakened, but not deprived of the colonies and the Navy. The new authoritarian regime of the French state (the Vichy regime) decided to make concessions to Japan in Indochina, given the inequality of forces in the region and the lack of any outside help.

The second part of the work begins with the principled decision of the French government to make concessions to the demands of Japan, whose expansionist policy acquired a new scope after the formation of the second cabinet of Konoe Fumimaro, and ends with the entry of Japanese troops into Indochina during September 1940.

The author examines the process of the policy of the Vichy regime developing in this direction and the actions of its leaders and main executives: Head of State Marshal Philippe Petain, Foreign Minister Paul Baudouin, Ministers of the Colonies Henry Lémery and Charles Platon, Governor-General of Indochina Jean Decoux. The emphasis is on “politicians,” not on “politics.” The work is based on diaries, memoirs, and other testimonies of the actors, insufficiently studied in Russian Japanology, combined with the latest works of historians.

Keywords: Japan, France, Vichy regime, Indochina, diplomacy, colony, expansion, security.

About the author: *Molodiakov Vassili Erinarkhovich.*, Doctor of Sciences (Political Science), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka street, Moscow, Russia, 103031; Professor, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies: Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan.

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Conflict of interest

The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение

В предыдущей статье [Молодяков 2022a] мы рассмотрели первую фазу Индокитайского кризиса 1940 г. – попытки Японии включить Французский Индокитай (Индокитайский союз)¹ в сферу своего влияния и поставить его под контроль – в общем контексте франко-японских отношений в период Второй мировой войны, особенно после военного поражения Франции в июне 1940 г. и формирования авторитарного режима Французского государства («режим Виши») на смену парламентской Третьей республике. Воспользовавшись поражением, Токио потребовал от французского правительства существенных

---

¹ Включал колонию Кохинхина, протектораты Аннам, Тонкин, Камбоджа, Лаос и арендованную у Китая территорию Гуанчжоувань. Во главе объединенной администрации стоял генерал-губернатор, резиденция которого находилась в Ханое.

уступок, связанных с использованием территории Индокитая для продолжения военных действий против режима Чан Кайши («урегулирование Китайского инцидента»). Учитывая агрессивный настрой Японии, особенно после формирования второго кабинета князя Коноэ Фумимаро (22 июля 1940) и заведомое неравенство военных сил в регионе, французское правительство склонилось к политике уступок, проводником которой выступал министр иностранных дел Поль Бодуэн и которой до последнего противился министр колоний Анри Лемери.

Японский диктат и французский ответ

В ходе заседания правительства и последовавшего за ним совещания членов кабинета с военным руководством 12 августа 1940 г. Бодуэну удалось убедить коллег в правильности предложенного им компромиссного варианта ответа на японские притязания. Формально отвергая «требования», Франция разрешала проход японских войск через Тонкин, соглашалась снабжать их и предложила начать переговоры о выработке соответствующей конвенции. Даже Лемери, ярый сторонник противостояния Японии и вооруженного сопротивления возможному вторжению в Индокитай, подчинился мнению большинства коллег, включая главу государства маршала Филиппа Петэна и министра национальной обороны генерала Максима Вейгана, когда Бодуэн 16 августа на заседании кабинета прямо попросил коллег «выбрать мир с Японией». В доказательство необходимости немедленного выбора он сослался на свежие телеграммы посла Шарля Арсен-Анри из Токио о решительном настрое Японии, которое выразил на переговорах с ним министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ [Vaudoin 1948, p. 203–204].

Удовлетворение требований Японии о ее военном присутствии в Индокитае меняло или могло изменить баланс сил в регионе, что затрагивало интересы других держав. Первым делом Бодуэн 16 и 17 августа дважды встретился с американским поверенным в делах Робертом Мёрфи – человеком, знавшим ситуацию во Франции изнутри и пользовавшимся личным доверием президента Франклина Рузвельта. Напряжение между Японией и США постоянно нарастало, особенно после прихода к власти 22 июля экспансионистского кабинета во главе с Коноэ, поэтому французскому министру было необ-

ходимо убедить американского представителя в вынужденности этих уступок в условиях непрерывного давления Токио, невозможности реальной помощи со стороны США (собеседник признал это) и фактического разрыва отношений с Лондоном. Мёрфи, как записал Бодуэн, «проявил глубокое понимание прискорбной необходимости нашего соглашения с Японией» и, можем добавить мы, вздохнул с облегчением. Он обещал передать в Вашингтон просьбу министра о том, что в случае вступления японских войск в Индокитай американский посол в Токио напомнит японскому правительству, что США считают это лишь временной мерой [Vaudoin 1948, p. 204–205].

Затем министру предстояло объяснение с китайским послом. На сей раз Веллингтон Ку был предельно корректен и поделился свежей информацией от своего коллеги в Берлине о том, что «германское правительство не одобряет расчленение Французского Индокитая, а, напротив, поддерживает сохранение Французской колониальной империи на Тихом океане». Поблагодарив посла за информацию, Бодуэн попросил его прозондировать почву о возможном обращении через китайцев к германскому правительству за посредничеством перед японцами «в пользу умеренности» [Vaudoin 1948, p. 205]. Шансы на это были невелики. Однако Бодуэн, пытавшийся играть на нескольких столах, стремился не упустить никакой возможности для маневра, занимая промежуточное положение между антигерманской позицией Вейгана (которого, не афишируя это, поддерживал Петэн) и прогерманской позицией влиятельного вице-премьера Пьера Лаваля.

Разговор министра с японском послом Савада Рэндзо свелся к обмену общей информацией и напоминанию о необходимости «очень определенных гарантий относительно суверенитета Индокитая» [Vaudoin 1948, p. 205–206], к чему, по словам современного историка П. Мишлена, «Япония всегда оставалась глуха» [Michelin 2019, p. 73]. Савада сообщил содержание разговора в Токио, но его дни в качестве посла были сочтены. На следующей встрече с Бодуэном 23 августа он сообщил, что его отзывают в Токио, как многих других послов и посланников [Vaudoin 1948, p. 214–215]. Кадровые перестановки, затеянные неугомонным министром иностранных дел Мацуока, не случайно окрестили «землетрясением».

«Полное несогласие между Бодуэном и мной», как вспоминал Лемери, «перестало быть секретом». Министр колоний попытался привлечь на свою сторону бывшего депутата-социалиста Александра

Варенна, служившего в 1925–1928 гг. генерал-губернатором Индокитая, прося того хлопотать перед Петэном (пустые хлопоты), ссылался на твердую позицию генерал-губернатора вице-адмирала Жана Дэку – и задним числом утверждал, что «пессимизм» Арсена-Анри, влиявший на решения правительства, мог быть вызван его болезнью [Lémery 1964, p. 257–258]. Охарактеризовав 19 августа требования Токио как попытку «сделать из Индокитая новое Маньчжоу-го», Дэку пять дней спустя призвал «ответить вежливым, но твердым отказом на любые требования военного характера», поскольку «единожды согласившись на пропуск (японских – В. М.) войск, мы не сможем противостоять дальнейшим требованиям». Он упирал на «престиж Франции, который уже сильно подорван пребыванием японской миссии (в Индокитае – В. М.) и не выдержит последствий дальнейших уступок», взамен предложив широкое сотрудничество в экономической области [Desoux 1949, p. 97–98], что, по его мнению, национальному престижу не угрожало. Однако решать предстояло не ему.

Торговавшийся по каждому вопросу и настаивавший на максимальной конкретизации требований, но не видевший реальной возможности противостоять диктату, Арсен-Анри в итоге посоветовал согласиться, благо японская сторона была готова оформить это как принятие французского плана (ход переговоров [Morley 1980, p. 172–175; Michelin 2019, p. 68–74]). Перед заседанием кабинета 27 августа Петэн одобрил представленный ему Бодуэном проект инструкций послу относительно формулировок соглашения, которое тому предстояло заключить с Мацуока [Vaudoin 1948, p. 218]. Каждый министр сам составлял инструкции своим подчиненным, но затем они должны были быть согласованы на заседании правительства (наследие Третьей республики), поэтому Бодуэн доложил коллегам о ходе франко-японских переговоров за время после заседания 16 августа.

«Я предложил отправить нашему послу в Токио дальнейшие указания для подтверждения и исполнения предыдущих, от 16 августа, и попросил Совет дать на это согласие. Затем я указал, что необходимо учитывать реакцию Китая, поскольку китайский министр иностранных дел днем раньше сказал нашему послу, что, если японцы используют предоставленные им Францией возможности для нападения на Китай через Тонкин, китайские войска немедленно вступят в Тонкин. В таком случае адмиралу Дарлану надо решить, что делать с нашим кораблем, находящимся в Чунцине, а министру колоний

надлежит дать четкие указания адмиралу Деку о том, какие действия следует предпринять индокитайским войскам, если китайские силы попытаются пересечь границу. Адмирал Дарлан ответил, что отзовет наш корабль из Чунцина, что он уже давно хотел сделать. Затем я указал Совету на важность заявления, которое 21 августа Сэмнер Уэллс (заместитель государственного секретаря США – В. М.) сделал нашему послу в Вашингтоне. Нам не следует больше питать никаких иллюзий: от Соединенных Штатов не приходится ждать никакой помощи. Лемери зачитал Совету телеграмму адмирала Дэку от 24 августа, который предлагает сопротивляться всем японским требованиям, хотя в полной мере понимает, что у него нет ни самолетов, ни средств противовоздушной обороны. Я знал об этой телеграмме, потому что двумя днями ранее ее содержание сообщил мне генерал Вейган, назвавший ее «телеграммой прикрытия». Прочитав ее, Лемери сказал: «Пусть Совет решает». Я повернулся к нему и спросил: «Но каковы ваши предложения?» У Лемери их не было. Тогда я попросил Совет подтвердить верность позиции, занятой 16 августа, и формулировки телеграммы, которую я предложил послать Арсену-Анри. Совет единогласно поддержал предложение, включая Лемери, не сказавшего ни слова. Также было решено приказать адмиралу Деку ответить силой на любое вторжение китайских войск в нашу колонию на том условии, что за соглашением с Японией не последует размещение японских сил. Мы не сможем противиться вступлению китайских войск в Индокитай, если японские войска уже будут там. Я не скрыл от Совета, что мы находимся в трудной и достойной сожаления позиции, но делать нечего. Я принимаю на себя всю ответственность за политику, которую рекомендую. Нужно больше мужества для того, чтобы вести переговоры (и это куда труднее), чем для того, чтобы сказать «нет». Сказать «нет» было бы ошибкой, могущей привести к военному поражению и полной потере Индокитая», – заключил министр [Baudoin 1948, p. 219–220].

Бодуэн – Лемери: очередной раунд

Борьба не закончилась. На следующий день 28 августа Бодуэн сделал еще одну подробную запись.

«Событием дня стало столкновение между Лемери и мной. В 17 часов я получил от министра колоний пространное письмо,

которое под предлогом сообщения мне последних телеграмм от адмирала Дэку свидетельствовало о совершенно иной позиции данного ведомства, нежели та, что была принята Советом министров 16 августа и подтверждена им вчера в присутствии Лемери. Цель этого «письма прикрытия» заключалась в том, чтобы, если соглашение с Японией обернется плохо или приведет к серьезным затруднениям (что очень вероятно), создать впечатление, как будто министерство колоний было против него. Основная мысль нашего храброго колониального ведомства такова: «Нас не волнует, будет ли колония завоевана японцами, зато честь будет сохранена».

На недавних заседаниях Совета я отмечал сдержанность Лемери, но, несмотря на мою двукратную просьбу четко изложить Совету министров свои взгляды, он упорно отказывался предлагать политику, отличную от моей. Я дважды обращался к Лемери, повторяя, что куда легче сказать «нет», чем вести переговоры, но интересы Франции требуют того, чтобы мы выбрали переговоры. Получив письмо Лемери, я попросил маршала принять нас вместе в присутствии генерала Вейгана и адмирала Дарлана. Маршал согласился, и в 19 часов началось совещание под его председательством.

Я говорил твердо и не всегда сдерживался. Я заявил, что не понимаю значение выражения «мнение моего ведомства», поскольку ни в одном министерстве нет отдельных мнений министра и его чиновников, а есть только мнение министра. Когда министр принял решение, чиновники должны выполнять его. Я продолжал, что не могу объяснить позицию, занятую Лемери в письме, с учетом того, что днем раньше он полностью одобрил инструкции, отправленные Арсену-Анри. В заключение я заметил, что считаю это письмо маскировкой и не приемлю подобные методы ведения дел.

Лемери особо не сопротивлялся, ограничившись замечанием о том, что под словами «мое ведомство» имел в виду «себя самого» и что «мнение его ведомства» подразумевало «его собственное мнение». Он добавил, что единственной целью письма было сообщить мне утреннюю телеграмму от генерал-губернатора Индокитая».

Прервем цитату для необходимого пояснения. Получив от Арсена-Анри текст предполагаемого соглашения, Дэку 27 августа известил своего министра, что, во-первых, «очень удивлен тем, что, вопреки решительным суждениям, которые [он] не переставал высказывать с момента вступления в должность, франко-японские переговоры

представляются направленными на уступки, опасные для самого существования Французского Индокитая», а, во-вторых, «энергично протесту[ет] против решения, продиктованного слабостью, которое г-н Анри, похоже, считает неизбежным» [Desoux 1949, p. 99].

«В ответ я попросил Лемери, – продолжал свою запись Бодуэн, – наконец, определиться. Я сказал ему, что еще не поздно послать Арсену-Анри инструкции, отменяющие предыдущие, и в таком случае я прошу Лемери откровенно высказаться по главному вопросу, а именно, какие новые указания, по его мнению, должны быть посланы Арсену-Анри? Лемери ответил, что, по его мнению, нет необходимости исправлять указания, поскольку он полностью согласен с телеграммой, отправленной вчера вечером после заседания Совета министров. Тогда я попросил его сформулировать расхождения между его точкой зрения и моей. Он ответил, что таковых нет.

Я повернулся к маршалу и попросил его отметить, что между министрами колоний и иностранных дел имеется полное согласие. Затем мы обсудили общие указания, которые генерал Вейган должен был отправить генерал-губернатору Индокитая о позиции в отношении китайцев и японцев, и договорились собраться снова, как только поступит ответ от Арсена-Анри. Мы также заново запросим адмирала Деку о возможности защиты в случае японской агрессии.

Вернувшись к себе, я написал Лемери письмо в форме резюме совещания, на котором мы только что присутствовали. Это был ответ на его письмо и четкое изложение фактов» [Baudoin 1948, p. 220–222].

В мемуарах Лемери не только не привел, но даже не упомянул это письмо, хотя, конечно, читал дневники Бодуэна, опубликованные полутора десятилетиями раньше. Зато перечислил предложенные им меры по ограничению японского военного присутствия в Индокитае, принятие которых должно было стать условием соглашения, добавив, что Вейган одобрил их [Lémery 1964, p. 258–259].

От соглашения к новому ультиматуму

Воспользовавшись решением совещания у маршала 28 августа, Лемери на следующий день направил Дэку телеграфный запрос о том, считает ли он возможной защиту Индокитая, в течение какого времени, каково мнение военного командования, какова предполагаемая реакция французского и местного населения на возможную агрессию.

31 августа Дэку ответил от своего имени и от имени местного командования, что «Индокитай можно и должно защищать», хотя и признал недостаточность самолетов, танков и средств противовоздушной обороны. «Появление этих (японских – В. М.) войск, пусть даже как бы мирное, лишит нас последнего оставшегося шанса на спасение колонии. Уверен, что, если мы должны пойти на риск потери Индокитая, то лучше потерять его, защищая, нежели предавая» [Desoux 1949, p. 101–102], – суммировал он.

Мнение решительного генерал-губернатора уже не имело значения. 30 августа в Токио Арсен-Анри и Мацуока заключили соглашение в виде обмена письмами. Франция «признала преимущественные интересы Японии в экономических и политических сферах на Дальнем Востоке», в ответ запросив «гарантии [...] того, что Япония будет уважать права и интересы Франции на Дальнем Востоке, конкретно территориальную неприкосновенность Индокитая и суверенитет Франции над всей территорией Индокитайского Союза». В экономической сфере Франция обещала «приложить усилия к расширению торговли между Индокитаем и Японией» и предоставить Японии «статус наибольшего благоприятствования и, в любом случае, статус большего благоприятствования, нежели любой третьей стране в Индокитае». В военной сфере Франция объявила о готовности начать переговоры с Японией о возможном использовании территории и ресурсов Индокитая «исключительно с целью урегулирования конфликта с Чан Кайши», запросив гарантии возмещения возможных убытков от войны с Китаем. Повторив, как полагается в дипломатической практике, полный текст письма Арсена-Анри, Мацуока в ответном послании от имени японского правительства объявил о принятии французских предложений и дал требуемые гарантии (текст [Morley 1980, p. 301–302]).

Узнав от Савада о заключении соглашения, Бодуэн записал: «Моя реакция на долгожданную новость оказалась двойственной. Прежде всего, облегчение от того, что удалось избежать возможности применения силы как средства решения (проблемы – В. М.). Однако я забеспокоился, к каким серьезным затруднениям это может привести. Вызывает тревогу поведение китайских войск, которые могут попытаться вторгнуться в Индокитай. Какое воздействие на население Индокитая окажет появление японских войск, и как долго будет продолжаться японская оккупация? Соглашение –

прелюдия к большим трудностям, но я с самого начала знал, что, пытаясь вести переговоры, следовал курсом очень непростым, но единственно возможным для спасения Индокитая» [Baudoin 1948, p. 223]. Затем министр получил «длинную телеграмму из Токио» с подтверждением того, что Япония официально признала суверенитет Франции над Индокитаем.

Насчет «серьезных затруднений» Бодуэн не ошибался. Едва он закончил читать телеграмму из Токио, как к нему явился китайский посол Веллингтон Ку и вручил два письменных заявления. Первое о том, что «китайские войска войдут в Индокитай, как только японский солдат ступит на его землю». Во втором адресату «приписывались заявления, которых [он] никогда не делал», и министр запротестовал. Он ответил, что «Франция не намерена быть союзником Японии в любых военных операциях, которые та может предпринять», что «в случае высадки японских войск в Индокитае мы не окажем сопротивления китайским войскам, пересекающим границу» и что «как только между Францией и Японией будет достигнуто окончательное и полное соглашение, [он] проинформирует китайского посла» [Baudoin 1948, p. 224].

На заседании кабинета вечером того же дня глава МИД официально сообщил о заключении соглашения и снова «обратил серьезное внимание на трудности, которые могут теперь возникнуть» [Baudoin 1948, p. 224]. Можно предположить, что настойчиво акцентируя внимание коллег на серьезности ситуации и наличии потенциальных опасностей, он хотел предостеречь их, прежде всего Лемери, от жестких мер в отношении Японии. При этом днем позже он попросил Савада передать правительству в Токио пожелание о том, чтобы на предстоящих переговорах в Ханое «японские требования были очень умеренными» и чтобы японцы «воздержались от любых военных акций в Тонкине, пока соглашение не вступит в силу в полном объеме». «Если у вас есть солдаты для нажима, у меня есть солдаты для сопротивления», – добавил он [Baudoin 1948, p. 226].

Знавший решительную позицию Дэку, Петэн еще на заседании Совета министров 27 августа, сказал, что сам объяснит ему принятые решения и призовет выполнить их [Lémercy 1964, p. 258]. 31 августа генерал-губернатору были посланы указания о ведении переговоров с японцами по военным вопросам. Телеграммы разминувшись.

На следующий день Лемери получил процитированную выше телеграмму Дэку о необходимости защиты Индокитая и сразу «обрадовал» ей Бодуэна. Глава МИД ответил коллеге тактично и решительно: «Заявления адмирала Дэку свидетельствуют о живом и достойном хвалы чувстве воинской чести и о высоком духе жертвенности, которому все мы должны отдать должное. Однако ответственность правительства имеет иной характер, и долг перед страной требует от него большего реализма. Правительство предало бы Индокитай, пойдя на риск или бросив всё перед лицом японского ультиматума. Прошу вас указать на это адмиралу Дэку, одновременно сообщив, что мы не сомневаемся в его преданности строжайшей дисциплине» [Baudoin 1948, p. 227] (текст указаний Лемери: [Decoux 1949, p. 105–106]).

В ответ на протест генерал-губернатора Петэн 2 сентября направил ему личное послание – знак внимания и предупреждение об ответственности. «Я понимаю ваши опасения и тревоги. Лишь по зрелом размышлении я приказал правительству начать переговоры с Японией, которые, предотвращая тотальный конфликт в Индокитае, должны сохранить главные из наших прав. Я рассчитываю, что вы наилучшим образом проведете переговоры по военным вопросам и покажете пример дисциплины всем французам» [Decoux 1949, p. 102] (ср. [Weygand 1950, p. 339]).

Пользуясь отсутствием прямого контроля со стороны правительства, Дэку, что признавали даже советские историки, «стал всячески оттягивать проведение в жизнь соглашения, ведя торг о численности японского десанта и количестве предоставляемых аэродромов. Японские представители попытались расширить свои притязания, потребовав неограниченного пропуска войск, предоставления военно-морских баз в Гуанчжоуване, Хайфоне и Камране, а также изменения в пользу Японии индокитайских таможенных тарифов. Дэку отверг эти требования и пригрозил сопротивлением в случае попыток японцев применить силу. [...] Колониальная администрация в Ханое один за другим отвергала японские ультиматумы» [Левинсон 1952, с. 173]. «Французская администрация, прежде всего на местном уровне, стремилась стать преградой между местным населением и японцами, сосредоточившимися в нескольких крупных городах. Присутствие французов поддерживало в индокитайских массах известное доверие к Франции» [Devèze 1948, p. 160].

События показали, что Бодуэн не зря опасался излишней «торопливости» японских военных, поскольку уже 3 сентября японцы предъявили Дэку ультимативные требования, выходящие за пределы заключенного в Токио соглашения. Французское правительство поддержало генерал-губернатора в сопротивлении этим требованиям, Бодуэн оперативно сделал внушение Савада, в результате чего японское правительство дезавуировало ультиматум. Получив соответствующие указания из Токио, Савада снова явился к Бодуэну и «попросил направить адмиралу Дэку указания проявить максимум умеренности», на что тот заметил: «Не мне давать советы об умеренности» [Vaudoin 1948, p. 228–230].

Ситуация повторилась 6 сентября, когда японский батальон «по местной инициативе» перешел границу в районе Донгдан и углубился на два километра на территорию Тонкина, где встретил сопротивление. В ответ на французский демарш японские военные в Ханое принесли извинения за «самовольные действия», но при согласовании текста совместного заявления возникла проблема. «Токио отказывается включать в коммюнике данное Японией обещание уважать территориальный статус-кво в Индокитае. Мы настаиваем, что политические гарантии, данные Японией, должны быть упомянуты в коммюнике. В случае отказа Японии от этих формулировок, я попрошу адмирала Дэку не подписывать военное соглашение, пока японское правительство не согласится на коммюнике» [Vaudoin 1948, p. 234–235].

Тем временем значительные перемены произошли в Виши. 5 сентября Петэн велел всем членам кабинета написать прошения об отставке. На следующий день он объявил новый состав правительства, из которого удалил всех депутатов и сенаторов, кроме вице-премьера Лавалья – ключевой фигуры контактов с Германией. «Политиков» сменили «технократы» [Aron 1954, p. 166–175].

Политическая карьера Лемери закончилась навсегда. «Я мог уходить, – писал он. – Я показал свою волю ничего не уступать из наших колониальных владений. Несмотря на неповиновение отдельных военных, я сохранил суверенитет Франции над всей ее империей» [Lémery 1964, p. 260; Ragache 2014, p. 87]. Лемери и позже осуждал «слепые уступки Бодуэна японцам» (например, в письме к Петэну 23 сентября 1941 г. [Lémery 1964, p. 277]), но не имел никакого политического веса, несмотря на знаки личного внимания маршала.

Новый министр колоний контр-адмирал Шарль Платон, герой обороны Дюнкерка в июне 1940 г., сосредоточился на положении во Французской Африке, а в его ведомстве, по словам Бодуэна, «царил хаос» [Baudoin 1948, p. 246]. Под давлением немцев пост министра национальной обороны, которому подчинялись все виды вооруженных сил, был упразднен, а Вейган переведен на специально созданную для него должность генерального делегата правительства («проконсула») в Северной Африке [Weygand 1950, p. 347–352].

Для политической и административной практики Третьей республики была характерна строгая «ведомственность», когда каждое министерство, несмотря на необходимость согласовывать действия, охраняло сферу своей компетенции от вмешательства «чужаков» и даже «смежников». В одних случаях это было оправдано, в других приводило к тому, что «левая рука» (дипломаты) не знала, что делает «правая рука» (военные). Именно такая ситуация сложилась в 1939 г. во франко-польских отношениях, что ускорило чреватое трагическими последствиями решение об объявлении войны Германии. Оставшийся во главе МИД Бодуэн не должен был иметь прямого отношения к переговорам, которые Дэку вел в Ханое с японцами. Однако министр колоний Платон, не знавший ситуацию в регионе и не имевший необходимого политического опыта, не только информировал его о новых японских требованиях, но и привлекал к составлению указаний генерал-губернатору.

Так было во время очередной «военной тревоги», начавшейся 18 сентября после новых японских требований о значительном расширении военного присутствия в Тонкине, которые Дэку сразу посчитал «неприемлемыми», а Бодуэн – «угрозой нашему суверенитету над Тонкином» [Baudoin 1948, p. 242]. В политике посильного сопротивления ультиматумам, одновременно направленной на предотвращение полномасштабного военного конфликта с Японией, последствия которого стали бы губительными для французского присутствия в Индокитае, генерал-губернатор получил полную поддержку обоих министров и одобрение маршала Петэна. Заключение военного соглашения до последнего момента оставалось под сомнением из-за жесткой позиции японской делегации в Ханое, стремившейся, как с начала кризиса предвидел Бодуэн, «выжать всё на месте», а также нежелания – или неспособности – МИДа Японии идти навстречу просьбам Арсена-Анри, действовавшего

по указаниям из Виши, об отсрочках новых ультиматумов [Baudoin 1948, p. 243–252].

В ответ на его просьбы о помощи американский посол Джозеф Грю ограничился вялыми «внушениями» японским дипломатам в пользу Франции, которую в Вашингтоне уже не видели союзником, хотя еще не считали врагом [Grew 1944, p. 330–332; Baudoin 1948, p. 245; Michelin 2019, p. 99, 120–121].

Бодуэн ежедневно «держал руку на пульсе» ситуации в Индокитае и выступал за максимально возможное сопротивление японскому нажиму, в том числе через средства массовой информации: 19 сентября он дал отдельное интервью об отношениях с Японией американским журналистам, которых эта тема, по понятным причинам, особенно волновала, и требовал опровержения официальных японских заявлений, которые считал неверными или невыгодными для Франции [Baudoin 1948, p. 243, 246–247]. Ему также приходилось регулярно объясняться с китайским послом.

Министр колоний Платон целиком полагался на Бодуэна и поддерживал его действия. Однако «очень печальные новости из Индокитая» – о неспособности французских войск оказать эффективное сопротивление японцам и почти полной непригодности туземных частей (вопреки утверждениям советских авторов [Левинсон 1952, с. 175]), что выявилось во время военных действий в Лангшоне 22–26 сентября («четырёхдневная война»), где французы оказали сопротивление несогласованному японскому вторжению, – привели к «практическому единодушию относительно необходимости соглашения и сотрудничества с японцами», включая генерал-губернатора Дэку [Baudoin 1948, p. 250–251].

Добившись от французов существенных уступок, японское военное и политическое руководство осознало преимущества «худого мира» с режимом Виши, поскольку захват Индокитая им в то время не планировался. Впрочем, собственно военный аспект событий, включая ход и подробности напряженных переговоров в Ханое, подписание соглашения 22 сентября и ввод японских войск в Индокитай, лежит за пределами настоящего исследования (подробнее [Desoux 1949, p. 103–122; Morley 1980, p. 175–203; Michelin 2019, p. 79–117]).

С началом сентября у Бодуэна появилась новая «головная боль» – территориальные претензии Таиланда (Сиама) к Индокитаю, за которыми французам виделось влияние Японии. В такой

ситуации главе МИД Франции оставалось лишь просить немецкого посла в Париже Отто Абеца² 14 сентября о том, чтобы рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп «посоветовал (японцам – В. М.) умеренность, поскольку не в интересах белой расы отдавать Индокитай в руки японских, китайских или сиамских войск» [Baudoin 1948, p. 239]. Звучит неполицорректно, но таков был язык эпохи.

Советские авторы характеризовали подобные зондажи как проявление «коллораборационизма» режима Виши, т.е. готовности сотрудничать с Третьим Рейхом [Левинсон 1952, с. 174–175]. Однако здесь налицо стремление сыграть не столько на «расовом инстинкте» – коего, по мнению немцев, французы были начисто лишены [Молодяков 2022б, с. 199], – сколько на германо-японском соперничестве и возможных противоречиях на заключительном этапе не вполне гладкой подготовки Тройственного пакта, подписание которого 27 сентября в Берлине сопровождалось торжественной церемонией в Токио [Молодяков 2019, с. 297–306]. Поэтому Абец ответил Бодуэну, что «мы можем лишь давать советы» японцам [Baudoin 1948, p. 239].

Расчет главы МИД и других руководителей режима Виши был справедлив. Влиятельные круги Третьего Рейха в то время не стремились к полному уничтожению или унижению Франции, желая лишь ослабить ее и подчинить своему влиянию, а также намеревались хотя бы частично уравновесить растущее влияние Японии в Восточной Азии. Немцы также хотели видеть природные ресурсы Индокитая, включая стратегическое сырье, под контролем французов, а не японцев, имея много больше рычагов воздействия на первых, нежели на вторых. В процессе работы комиссии по перемирию, через которую в то время шли основные контакты между Францией и Германией, один из представителей Рейха заявил своему визави: «Мы считаем, что Франция должна делать всё, что в ее силах для защиты своих колоний, и смотрим с симпатией на ее усилия в этом направлении» (цит. по [Левинсон 1952, с. 174]). Речь шла о посягательствах на территории, оставшиеся верными режиму Виши, со стороны не только голлистов и англичан, но и конкретно японцев.

---

² Глава посольства в Париже и главный политический советник военного командования во Франции. Формально дипломатических отношений между Третьим Рейхом и Французским государством не было, но с ноября 1941 г. в Виши в качестве представителя МИД Германии находился генеральный консул Р. Круг фон Нидда.

28 октября Бодуэну пришлось передать руководство МИД Лавалю, ведшего сложную игру с немцами, и принять пост государственного секретаря при главе правительства [Vaudoin 1948, p. 269–270]. Петэн был вынужден согласиться на подобную перестановку, ибо отношения с Германией имели первоочередное значение для самого существования Французского государства. Для правителей Третьего Рейха Бодуэн был «пустым местом», но маршал оставил его при себе, поскольку с помощью других министров вел собственную сложную игру по нейтрализации и отстранению Лавалю от власти, что и произошло 13 декабря 1940 г. [Бурлаков 2022, с. 216–220]. Бодуэн больше не занимался японскими делами, которые для французского руководства отошли на второй план.

Заключение

До лета 1940 г. на протяжении всего XX в. «Франции никогда не приходилось силой оружия защищать на месте свои заморские владения», – заметил Жак Бенуа-Мешен, интеллектуал, ставший видным дипломатом режима Виши и одним из самых активных коллаборантов. Назвав Индокитай «перекрестком трех империализмов» (японского, китайского и британского), он пояснил: «Сохранить почти небооруженный Индокитай в вихре разыгравшихся аппетитов было трудно. Следовало выбрать одного из соперников, заключить с ним соглашение и возложить на него охрану нашей колонии, оказавшейся под угрозой. Некоторые круги в Виши надеялись на США. Лично я полагал, что наши дальневосточные владения логично вписываются в сферу влияния Японии, поэтому нам стоило искать защиты в Токио, а не в Вашингтоне» [Benoist-Méchin 1984, p. 255]. Тем более, Вашингтон не собирался защищать французские позиции и интересы в Индокитае и не скрывал этого.

Реакция ключевых фигур режима Виши на японские требования к Французскому Индокитаю отражала их политическую позицию в целом. Отвававший как глава государства за всю империю и стремившийся «спасти всё, что еще можно спасти» Петэн придавал Индокитаю второстепенное значение по сравнению с африканскими владениями, понимая невозможность прямого вмешательства в ситуацию в Восточной Азии. Вейган в целом разделял позицию маршала. Бодуэн отстаивал преимущественно экономические интересы и позиции

Франции, а потому, хорошо зная ситуацию в регионе, был готов на уступки политического и военного характера. Лемери, озабоченный национальным престижем, похоже, не вполне оценивал возможные последствия жесткого курса в отношении Японии, готовой к самым решительным силовым действиям. Его преемник Платон, сознавая свою некомпетентность в данном вопросе, солидаризовался с курсом Бодуэна. Настроенный на сопротивление японским требованиям Дэку, в отличие от своего предшественника Катру, избрал тактику строгого следования указаниям правительства, что при всех уступках позволило ему сохранить Индокитай под французским контролем вплоть до японской оккупации в марте 1945 г., когда режим Виши уже прекратил существование, а генерал-губернаторство признало власть нового правительства во главе с Де Голлем – военного противника Японии.

Писатель Жак Лоран, который видел ситуацию изнутри, поскольку служил в аппарате режима Виши и был связан с антигерманским сопротивлением, утверждал: «До ноября 1942 г. (т. е. до оккупации немцами всей территории Франции – *В. М.*) политика Виши оправдывает сама себя. Ее легко определить. Она была хорошей. Ей даже не требовалось быть лучшей, ибо она была единственной. Единственной, которая служила чести и интересам Франции и французов и только им одним. [...] Она была единственной, соответствующей реальности» [Laurent 1966, p. vii-viii]. Учитывая положение Франции после военного поражения июня 1940 г. и соотношение сил не только в регионе, но в масштабе всей империи, политику режима Виши в отношении Японии и Индокитая следует признать разумной и реалистичной. Сделанные им уступки диктовались не его «капитулянтским» и «коллаборационистским» характером, как утверждали противники, но пониманием реального соотношения сил, прежде всего военных, и возможностей их применения как в регионе, так и в глобальном масштабе. События в Индокитае оказались частью трагедии, постигшей Францию в результате поражения в войне, которую ее правительство объявило Германии 3 сентября 1939 г., будучи неготовым к ней и не просчитав возможных последствий этого «рокового решения».

Библиографический список

Бурлаков А. Н. (2022). *Петэн. Последний великий француз*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.

Левинсон Г. (1952). *Захват Японией Индо-Китая. Сборник статей по истории стран Дальнего Востока*. Москва: Издательство Московского университета.

Молодяков В. Э. (2019). *Риббентрон. Дипломат от фюрера*. Москва: Молодая гвардия.

Молодяков В. Э. (2022а). Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политики режима Виши (часть первая). *Ежегодник Японии*. 2022. Т. 51. С. 137–159.

Молодяков В. Э. (2022б). *Шарль Моррас и «Action française» против Германии: «подлинное лионское сопротивление»*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

References

Aron, R. (1954). *Histoire de Vichy. 1940–1944*. Paris: Arthème Fayard. (In French).

Baudouin, P. (1948). *The Private Diaries (March 1940 to January 1941)*. London: Eyre & Spottiswoode.

Benoist-Méchin, [J.] (1984). *De la défaite au désastre. T. 1. Les occasions manquées. Juillet 1940 – Avril 1942*. Paris: Albin Michel. (In French).

Burlakov, A. N. (2022). *Peten. Poslednii velikiyi frantsuz* [Pétain. The Last Great Frenchman]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian).

Decoux, [J.] Amiral (1949). *À la barre de l'Indochine. Histoire de mon Gouvernement Général (1940–1945)*. Paris: Plon. (In French).

Devèze, M. (1948). *La France d'Outre-Mer. De l'Empire colonial à l'Union Française 1938–1947*. Paris: Hachette. (In French).

Grew, J. (1944). *Ten Years in Japan. A Contemporary Record Drawn from the Diary and Private and Official Papers of Joseph C. Grew, United States Ambassador to Japan 1932–1942*. New York: Simon and Shuster.

Laurent, J. (1966). Préface. *Jeantet, G. Pétain contre Hitler*. Paris: La table ronde. (In French).

Lémery, H. (1964). *D'une République à l'autre. Souvenirs de la mêlée politique, 1894–1944*. Paris: La table ronde. (In French).

Levinson, G. (1952). *Zahvat Yaponiei Indo-Kitaya* [Japanese Capture of Indochina]. In *Sbornik statei po istorii stran Dal'nego Vostoka* [Collection of Articles on the History of the Countries of the Far East]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Michelin, F. (2019). *La guerre du Pacifique a commencé à l'Indochine, 1940–1941*. Electronic edition. Paris: Passés Composés. (In French).

Molodyakov, V. (2019). *Ribbentrop. Diplomat ot fyurera* [Ribbentrop. A Diplomat From the Führer]. Moscow: Molodaya gvavrdiya. (In Russian).

Molodiakov, V. E. (2022a). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii: Indokitaiskii krizis 1940 goda i politiki rezhima Vishi (Chast' pervaya) [Continental Policy of Japan as Seen from France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part One)]. *Yearbook Japan*, 51, 137–159. (In Russian).

Molodyakov, V. (2022b). *Sharl' Morras i «Action française» protiv Germanii: «podlinnoe lionskoe soprotivlenie»* [Charles Maurras and Action Française Against Germany: “Real Lyonnaise resistance”]. Saint Petersburg: Nestor–Istoriya. (In Russian).

Morley, J. M. (Ed.) (1980). *The Fateful Choice: Japan's Advance into Southeast Asia, 1939–1941*. New York: Columbia University Press.

Ragache, G. (2014). *L'Outre-Mer français dans la guerre (1939–1945)*. Paris: Economica. (In French).

Weygand, [M.] (1950). *Mémoires. T. III. Rappelé au service*. Paris: Flammarion. (In French).

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 133–150
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 133–150
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-133-150

НИИ № 9 японской императорской армии

А. Е. Куланов

Аннотация

Несмотря на десятилетия, прошедшие после окончания Второй мировой войны, не ослабевает интерес историков и исследователей к деятельности ряда организаций и воинских частей японских армии и флота, занимавшихся в предвоенный и военный периоды разработками оружия массового уничтожения, уникального вооружения, а также средств их доставки. На фоне относительно хорошо изученных обстоятельств деятельности печально известных отрядов 731 и 100, производивших и испытывавших бактериологическое и другое оружие на территории Маньчжурии, почти совершенно неизвестным отечественным исследователям остаются данные о деятельности армейского военного научно-исследовательского института № 9¹, располагавшегося в токийском пригороде – г. Кавасаки, и вошедшего в японо-англоязычную историческую литературу под названием «Лаборатория Ноборито» – по названию района, в котором институт находился.

Настоящая работа впервые на русском языке представляет историю возникновения и деятельности этого сверхсекретного подразделения японской императорской армии, описание его структуры и направлений деятельности, включавшей эксперименты и попытки создания бактериологического оружия, производства фальшивых денег и документов, разного рода оружия массового уничтожения, в т. ч. бактериологического и основанного на использовании сверхвысокочастотного излучения, секретной шпионской и радиоэлектронной техники, ядов, первого в мировой истории средства межконтинентального средства доставки поражающих веществ и т. д. Также затрагивается вопрос послевоенной судьбы ликвидированного НИИ № 9 и выявления некоторых следов его деятельности в Японии после 1945 г. Основные сведения по указанной теме приводятся на основании

---

¹ Полное название: 9-й армейский институт технических исследований (第9陸軍技術研究所, Дайкю рикугун гидзюцу кэнкюдзё, 9th Japanese Imperial Army Technical Institute).

рассекреченных в Японии и опубликованных *Музеем бывшей лаборатории японской императорской армии в Ноборито по воспитанию в духе мира* материалов, а также с использованием иностранной прессы.

Ключевые слова: Ноборито, японская армия, разведка, бактериологическая война, баллонные бомбы.

Автор: *Куланов Александр Евгеньевич*, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН: 107031 Москва, ул. Рождественка 12.

ORCID: 0000-0003-4839-6748

E-mail: aekulanov@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Research Institute № 9 of the Imperial Japanese Army

A. E. Kulanov

Abstract

Despite the decades that have passed since the end of World War II, historians and researchers from other academic fields remain interested in the activities of a number of organizations and military units of the Japanese army and navy, engaged, during the pre-war and war periods, in the development of weapons of mass destruction, unique weapons, as well as means of their delivery. At the same time, against the background of the relatively well-studied circumstances of the activities of the infamous Units 731 and 100, which produced and tested bacteriological and other weapons in the territory of Manchuria, the data on the activities of the Army Military Research Institute № 9, located in the Tokyo suburb of Kawasaki, remain almost completely unknown to Russian researchers.

In the Japanese- and English-language historical literature, the unit is known as the “Noborito Laboratory,” deriving the name from the area where the institute was located. For the first time in the Russian-language literature, this work presents the history of the establishment and activities of this top-secret

division of the Japanese Imperial Army, a general outline of its structure and activities, which included experiments and attempts to create bacteriological weapons, production of counterfeit money and documents, various weapons of mass destruction, including bacteriological ones as well as weapons based on the use of microwave radiation, secret espionage and electronic equipment, poisons, the historically first intercontinental means of delivering damaging substances, etc.

The problem of the post-war fate of the liquidated Research Institute № 9 and the appearance of some of its traces in Japan after 1945 are also touched upon. The research is based on materials declassified in Japan and published by the Defunct Imperial Japanese Army Noborito Laboratory Museum for Education in Peace, as well as on the materials of foreign press.

Keywords: Noborito, Japanese Imperial Army, intelligence, bacteriological warfare, balloon bombs.

Author: *Kulanov Aleksandr Evgen'evich*, Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia,

ORCHID: 0000-0003-4839-6748

E-mail: aekulanov@gmail.com

Conflict of interest

The author declares the absence of the conflict of interest.

История создания

В 1927 г. в рамках созданного в 1919 г. императорским указом № 110 Технического научно-исследовательского института японской императорской армии было создано особое подразделение, изначально получившее название «секции Синода» или «лаборатории Синода» – по имени его первого командира капитана Синода Рё [Mercado 2004, p. 287]. Лаборатория имела смешанную подчиненность. Ее деятельность координировалась сразу четырьмя вышестоящими организациями: Вторым управлением (военная разведка и стратегия) и Восьмым отделом генерального штаба (пропаганда), Управлением военной жандармерии (с функцией контрразведки) *Кэмэйтай* и Управлением вооружений армии [The Guide... 2019, p. 29]. Помимо Лаборатории Ноборито в этом же организационном блоке находились располагавшиеся в других местах и гораздо более широко известные сегодня

разведывательные школы Накано, Футамата и Нарасино². Доступные документы не дают возможности в полной мере представить основные направления деятельности «сектора Синода» до 1935 г., но можно предположить, что в указанный период лаборатория осуществляла отдельные изыскания в области радиоэлектронной техники, специального разведывательного и контрразведывательного оборудования, а также бактериологического оружия. К такому выводу можно прийти, анализируя дальнейшие направления развития этого подразделения, которые могли быть осуществлены только на основе ранее наработанной базы теоретических изысканий, практических испытаний и наличия специального оборудования. В октябре 1935 г., когда лаборатория еще находилась в Токио и входила в состав НИИ армии, с ее деятельностью ознакомился лично император Хирохито [The Guide... 2019, p. 33]. Необходимо отметить, что сегодня этот факт не замалчивается, хотя после поражения Японии в 1945 г. личность императора была дистанцирована от военной темы и почти полностью исключена из дискуссионного поля темы военных преступлений Японии вообще, а тем более, от обсуждения в связи со всякого рода сомнительными военными экспериментами.

Резкая активизация деятельности лаборатории отмечается практически сразу же после завершения высочайшей инспекции. В 1936 г. сектор капитана Синода приступил к разработке технического обеспечения сразу нескольких проектов по вышеуказанным направлениям, а в декабре того же года капитан Мацуяма Наоки, инженеры Сасада Сукэсабуру и Ямада Гэндзо приступили к созданию электромагнитного оружия, способного разрушить человеческое тело – так называемых «лучей смерти». Проект *Куго*³, как официально обозначалась эта разработка в документах, представлял собой огромный магнетрон мощностью 100 кВт. Излучение этой «СВЧ-печи» было направлено не внутрь, в камеру печи, а наружу и, по мысли создателей, должно было обладать способностью уничтожать как наземные, так и летящие цели (например, американские бомбардировщики), в том числе, на высоте в несколько километров. Несмотря на то, что

---

² Известность они приобрели в первую очередь благодаря ставшему знаменитым после войны и написавшему воспоминания выпускнику школы капрала Онода Хиро, воевавшего на Филиппинах до 1974 г., и таким преподавателям, как мастера ниндзюцу Фудзита Сэйко.

³ От *кувай* (устар.) *рику ко:сэн* – «оружие чудовищной силы».

была построена как минимум одна опытная установка *куго*, до стадии практической реализации этот проект не дошел. Испытания проводились на мелких животных (достоверно известно об использовании в этих целях кроликов и обезьян), но максимальным достижением на этом пути стала гибель нескольких животных, сгоревших в результате обстрелов японским «гиперолоидом» на расстоянии около 90 метров при условии, что кролика удавалось удержать на одном месте в течении 5 минут [Yamada 2019, p. 95].

В ноябре 1937 г., через четыре месяца после начала Второй японо-китайской войны, лаборатория Синода была выведена из состава Технического научно-исследовательского института армии и перемещена к юго-западу от Токио, в город Кавасаки, в местечко Ноборито, где на холме Икута (у его подножия располагается одноименная железнодорожная станция) было развернуто строительство новой базы лаборатории, получившей в тот период название «*Испытательный центр Ноборито*». Центр представлял собой небольшой лагерь, состоявший из однотипных одноэтажных бараков, окруженных забором и колючей проволокой, охрану которого несли подразделения военной жандармерии *Кэмнэйтэй*, военнослужащие которых не знали о характере деятельности на охраняемой ими территории.

Одновременно капитан Сатакэ Киндзи, инженеры Мацудайра Ёрихиро и Икусима Эи занялись исследованием радиоволн и созданием надежного и точного радара для армии и жандармерии. Разработка получила название *Туго*⁴, но особых успехов добиться в Ноборито не сумели [Yamada 2017, p. 518]. На основе изысканий, осуществленных в лаборатории, были построены радиопеленгаторы, которым удалось засечь сигналы радиопередатчика нелегальной резидентуры Рихарда Зорге, но точность пеленгаторов оказалась недостаточной для того, чтобы локализовать место выхода в эфир и в дальнейшем произвести задержание разведчиков.

Неудачей окончились и опыты подразделения капитана Мураока Масару и инженера Оцуки Тосиро, занимавшегося созданием «искусственных молний», способных, по мысли их создателей, поражать живую силу и технику противника на большом расстоянии мощнейшими электрическими разрядами. Японским изобретателям и в этом

⁴ Сокращение от *тё:тамтого*, где в основе слога *тё:* лежит знак японской азбуки *ち* (ти) – сверхвысокие частоты, СВЧ.

случае не удалось сконструировать достаточно мощную энергетическую установку. В 1943 г. основные работы по этим проектам начали сворачивать, а личный состав, занимавшийся их разработкой, передавать в помощь коллегам, трудившимся на более перспективных направлениях [The Guide... 2019, p. 16].

Следующим по хронологии крупным проектом «лаборатории Ноборито» (так она стала называться в кругу посвященных) стала грандиозная операция по выпуску фальшивых денег. К началу 1939 г. стало ясно, что исследования в области радиоэлектроники и электрического оружия вряд ли смогут привести к решительному перелому в Японо-китайской войне. Пересмотрев возможности лаборатории, японское военное (и, возможно, полицейское) руководство в августе 1939 г. одобрило план *Суги косаку*⁵. Он предусматривал подрыв экономики Китая с помощью выпуска огромного количества фальшивых банкнот, которые в короткие сроки должны были изготовить в лаборатории Ноборито. Идейным вдохновителем этого грандиозного плана стал один из основателей разведшколы Накано полковник Ивагуро Хидэо, тесно связанный, как было доказано позже, с китайской мафией [Satō 2008, p. 117–119]. Настоящие деньги в Китае печатали в то время с использованием британских и американских технологий, которые, включая изготовление водяных знаков с портретом главы Китайской республики Чан Кайши, неизвестным путем стали доступны японским специалистам. Можно предположить, что свою роль в этом сыграла отнюдь не бескорыстная помощь японским разведчикам именно со стороны китайских мафиози.

Клише, с которых печатались фальшивки, значительную часть реактивов, краски и даже бумагу поначалу делали тут же, в Ноборито – в соседних одноэтажных бараках. Лишь позже к выпуску подключили полиграфические компании. Разумеется, они поставляли лишь компоненты для печати, и никто не информировал их как именно они будут использоваться. Среди таких компаний-подрядчиков числились как совсем мелкие фирмы, так и будущий гигант японской (и мировой) полиграфии Toppan Printing Co., Ltd [The Guide... 2019, p. 24]. Непосредственно печать осуществлялась в Ноборито, на четырех станках, фотографии которых сохранились до наших дней, а барак,

---

⁵ От *кэйдзай бо:ряку ко:саку*, *Суги ко:саку* – «Экономическая операция Суги» («Криптомерия»).

в котором они стояли, лишь совсем недавно был разобран из-за аварийного состояния. После захвата Гонконга в руки японской разведки попали настоящие китайские печатные машины, запас бумаги и красителей для изготовления денег. Благодаря этому процесс изготовления фальшивок удалось развернуть еще в больших масштабах, чем планировалось.

Готовые банкноты под надежной охраной (ей занимались не представители *Кэмэйтай*, а военные разведчики из школы Накано) отправляли по железной дороге в Нагасаки, а оттуда пароходом в Шанхай. Позже к этим маршрутам добавили еще два: Ноборито–Кобэ–Шанхай и Ноборито–Майдзуру–Пусан–Маньчжурия. В каждой из конечных точек прибывшие из Японии фальшивые банкноты достоинством в 5, 10, 100 и 200 юаней смешивали с настоящими, после чего вбрасывали в обращение через рынки и магазины [The Guide... 2019, p. 24].

Аналогичным образом, хотя и в значительно меньших масштабах, в Ноборито мыслилась операция по подрыву индийской экономики. Документы об этой странице деятельности лаборатории пока не опубликованы, но в связи с тем, что после войны обнаружены и заготовки по изготовлению фальшивых рупий и обрывочные сведения о некоем агентстве «Хикари кикан», деятельность которого была направлена на Индию, можно предполагать, что, как минимум, аналогичные планы в отношении этой британской колонии в японской армии существовали [The Guide... 2019, p. 24]. Известно, что через португальский Макао разведчики пытались забрасывать на материк и фальшивые доллары, однако и эта сторона деятельности Лаборатории Ноборито пока что остается «сокрытой в листве».

Руководил операцией *Суги косаку* майор (позже – полковник) Ямамото Кэндзо, профессиональный разведчик, возглавивший в Ноборито отдел № 2. На нужды этого подразделения было отведено 20% бюджета лаборатории, а общее руководство осуществлял полковник Ивагуро. В целях сохранения тайны в документах операции *Суги косаку* лаборатория в Ноборито не упоминалась вообще. Группа разведчиков под командованием майора Окада Ёсимаса, занимавшаяся переправкой на материк фальшивых денег, была закодирована как *Мацу кикан*, а в Шанхае открыли агентство «Саката кикан», названного так, вероятно, по имени эмиссара Лаборатории в Китае – разведчика и синоведа Саката Сигэмори [The Guide... 2019, p. 22]. Через «Саката кикан» и другие законспирированные компании,

в том числе принадлежавшие лично Саката 53 филиала его компании «Сэйда», занимавшейся продажей опиума⁶, японская разведка «впрыснула» в китайскую экономику, по разным оценкам, от 4 до 6 млрд фальшивых юаней [The Guide... 2019, p. 23].

Большого успеха тщательно спланированные валютные операции не принесли по макроэкономическим причинам. В Токио недооценили масштаб инфляции в охваченном войной Китае. Если бы весь объем фальшивок, произведенный в Ноборито, поступил в оборот сразу, в 1939 г., то составил бы около 20% наличных денег в стране, что действительно могло бы стать тяжелым ударом по китайской экономике. Однако из-за затянувшейся войны, растянутого процесса изготовления и доставки фальшивых купюр, и скачкообразно набиравшей обороты инфляции китайской экономики японский «взнос» не превысил и 1%. Таким образом, усилия японских спецслужб на этом направлении остались незамеченными противником. Более того, значительная часть продукции Ноборито попала в руки китайских вооруженных группировок, воевавших с японской армией и страдавших от нехватки наличности для контрабандной закупки оружия. Высокое качество поддельных купюр позволило фальшивым деньгам долго обращаться на рынке, отчасти ликвидируя нехватку средств для ведения войны против самой Японии. С другой стороны, сама печать поддельных, но высококачественных китайских юаней, индийских рупий и американских долларов стоила недопустимо дорого, и ущерб, наносимый этим производством японской экономике, оказался едва ли не большим, чем финансовая диверсия против Китая [Yamada 2017, p. 521].

Помимо фальшивых денег на холме Икута изготавливали и высококачественные фальшивые документы – в первую очередь, советские паспорта, которые были необходимы разведшколе Накано, в начальный период своего существования ориентированной на борьбу с СССР. С началом «холодной войны» именно специалисты по подделке документов из Ноборито оказались наиболее востребованы американской разведкой [The Guide... 2019, p. 24].

---

⁶ По некоторым данным, после войны Саката Масамори вернулся в Токио с капиталом в 195 млрд иен, что превышало расходную часть годового бюджета Японии того времени.

Структура военного времени

В сентябре 1939 г., сразу после начала операции *Суги косаку* лаборатория получила новое официальное наименование: Научно-исследовательский институт императорской армии в Ноборито [The Guide... 2019, p. 33].

В 1940 г. к подразделениям фальшивомонетчиков и радиоэлектронщиков в Ноборито добавился отдел, занявшийся исследованием биологического (бактериологического) оружия. Как утверждает сегодня, оно изначально разрабатывалось для использования не напрямую против человека. С его помощью планировалось лишить Соединенные Штаты и их союзников продовольственной базы – как растительной, так и животной. Бактерии, полученные и размноженные в Ноборито, должны были уничтожить обширные посевы сельскохозяйственных культур, спровоцировав в странах-противниках Японии голод и недовольство населения. Специально выведенные вирусы, включая вирус чумы крупного рогатого скота, должны были добавить паники, уничтожив домашний скот и птицу на территории Северной Америки [The Guide... 2019, p. 19]. Исследования на этом направлении велись активно, и очень скоро со всей остротой встала проблема доставки создаваемого оружия на вражескую территорию. Пока за пределами Ноборито другие военные инженеры безуспешно пытались решить эту проблему, в самом институте, в тесном сотрудничестве с аналогичным подразделением Квантунской армии (Отряд 731 официально назывался «Главным управлением по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии») [The Guide... 2019, p. 33], занялись исследованием ядов, противоядий и способов обеззараживания воды.

К этим отделам вскоре добавились и другие, и в 1943 г. общая численность военнотружущих и гражданского персонала НИИ Ноборито достигла 676 человек. Из них военными инженерами и командирами являлись 55 человек, их помощниками и ассистентами – 44. Еще 143 человека были квалифицированными рабочими, которым, в свою очередь, помогали 434 сотрудника [The Guide... 2019, p. 30].

В июне 1941 г. НИИ был вновь переименован – в «9-й технический институт» (без указания его ведомственной принадлежности). Однако эвфемизм «лаборатория Ноборито» к тому времени уже прочно закрепился за этим заведением в узком кругу людей, знавших о его

существовании, и эти два названия в дальнейшем использовались параллельно друг другу. В октябре 1942 г. в название вернули привязку к «японской императорской армии».

Постепенно НИИ приобрел структуру, которая функционировала до конца войны. Капитан Синода Рё, возглавлявший лабораторию со времени ее переезда в Ноборито, получил ученую степень в инженерной области и регулярно рос в воинских званиях. Войну он закончил с петлицами генерал-лейтенанта, как и его коллега по Отряду 731 Исии Сиро.

Заместителем Синода по общим вопросам служил генерал-майор Кусаба Суэки. Он же возглавлял Первый отдел института, состоявший из 4 групп. Первая, руководимая майором Такэда Тэрухико, занималась созданием бомб на воздушных шарах («баллонные бомбы»), проектами *Фуго* и *Сэго*, о которых будет сказано ниже. Майор Мураками Тадао командовал Второй группой, специализировавшейся на радиоразведке. Инженер Сасада Сукэсабуро возглавлял Третью группу, которую покинул Мацуяма Наоки и многие другие сотрудники, и которая формально еще пыталась добиться продвижения в фантастических для того времени проектах *Куго* и *Тиго*. Четвертая группа под руководством майора Оцуки Тосиро занималась не менее масштабным и, как показала история, столь же бесперспективным исследованием «искусственных молний».

Второй отдел, которым командовал полковник Ямада Сакура, объединял семь групп, специализировавшихся на решении значительно более практических вопросов. Первая группа (майор Бан Сигэо) работала над совершенствованием методов секретной связи (включая тайнопись), создавала уникальное оборудование для разведки и контрразведки, включая ручки-пистолеты и телефонные жучки. Одним из наиболее экзотических проектов этой группы стал зонт-огнемёт, выполненный в японском стиле (на деревянной основе) и предназначенный для актов индивидуального террора в стане противника [The Guide... 2019, p. 18].

Вторая группа (майор Мураками Тадао) занималась исследованием ядов, противоядий и фармакологией в целом. Третья (майор Хидзиката Хироси) – разрабатывала способы применения этих ядов (включая нейтрализацию сторожевых собак на особо охраняемых объектах противника), противоядий, а заодно производила высокоэффективные фильтры для очистки воды. Яды имели как животное

происхождение (яд змеи *амагаса* – тайваньский полосатый крайт), так и растительное (*юригурума* – глориоза). Майор Бан из Первой группы после войны подтвердил факт проведения экспериментов с полученным синтетическим ядом – ацетонцианогидрином – над людьми на оккупированных территориях в Китае [Yamada 2017, p. 524].

Несмотря на то, что производство фильтров для обеззараживания воды сегодня представляется сугубо гражданским проектом, это задание реализовывалось в обстановке не меньшей секретности, чем операция *Суги косаку*. С началом 1944 г. и чередой поражений японских армии и флота высшему командованию в Токио стало ясно, что в скором времени война может перекинуться на территорию Японских островов. На такой случай был разработан план перевода Ставки во главе с императором в тайный бункер в горах префектуры Нагано, откуда должно было осуществляться руководство сопротивлением Японии до последнего человека. Одним из важных факторов обеспечения жизнедеятельности Ставки в условиях потенциально возможного применения противником химического оружия было обеззараживание воды, и с решением этой задачи Второй отдел справился полностью. Большое количество изготовленных тогда фильтров и сегодня хранятся в музее Лаборатории Ноборито, а военные разработки после окончания боевых действий были использованы в японской промышленности [The Guide... 2019, p. 26, 32].

Четвертая группа (подполковник Курода Асатаро) разрабатывала биологическое оружие, направленное на уничтожение животных. Пятая группа (майор Маруяма Масао) производила микротехнику для шпионской фото- и киносъемки, фотокамеры, замаскированные под предметы одежды и аксессуары, и другую подобную продукцию. Шестая (майор Икэда Ёсио) работала над сельскохозяйственными вирусами, способными уничтожать вражеские посевы зерновых. Задачи Седьмой группы под командованием Куба Нобору почти полностью соответствовали задачам, поставленным перед группой 4: разработка биологического оружия против животных, с той только разницей, что на группу 7 была возложена обязанность разработать способ доставки бактериологического оружия на территорию США с помощью воздушных шаров [The Guide... 2019, p. 18]. Сделать это так и не удалось, однако в музее лаборатории Ноборито бережно хранится копия Почетной грамоты, которую в апреле 1943 г. Второй отдел получил вместе с денежной премией

в размере 10 тыс. иен⁷ от премьер-министра Тодзэ Хидэки за разработку именно биологического оружия. Решением коллектива отдела эти деньги были направлены на строительство памятника погибшим в результате испытания животным и на возведение синтоистского храма, посвященного божеству разума Ягокоро [The Guide... 2019, p. 5].

Задачи Третьего отдела полковника Ямамото Кэндзо не изменились с довоенных времен: выпуск и заброска на территорию Китая фальшивых денег. Во время войны отдел был поделен на четыре группы: Северная осуществляла доставку продукции через Маньчжоу-го, Центральная имела самую старую базу в Шанхае, Южная – в Гонконге, а Исследовательская продолжала разработку новых технологий и совершенствование старых в тесном взаимодействии с разведшколой Накано.

Четвертый отдел под командованием полковника Хатао Масао, судя по имеющейся информации, в основном занимался обеспечением работы Первого и Второго отделов, требовавших для своих разработок самого разного, порой уникального, оборудования и дефицитных в воюющей стране материалов.

К концу войны общая численность НИИ № 9 японской императорской армии достигла 862 человек, из которых 132 были инженерами (включая, разумеется, военных), 112 – техническими специалистами, и 618 – рабочими самых разных профилей и специальностей. Кроме того, на институт опосредованно работали многие частные японские организации и компании, как это было видно на примере деятельности Третьего отдела, и даже подростки из школ в центральной и северо-восточной частях страны, не знавшие, конечно, какую именно работу «на благо государства и императора» они выполняют [The Guide... 2019, p. 30].

Воздушные шары

Первым широко известным на Западе проектом лаборатории Ноборито стало производство воздушных шаров, с помощью которых японская армия в условиях отсутствия дальней авиации попыталась наносить удары по территории Соединенных Штатов. К разработке

---

⁷ Соответствует примерно 10 млн современных иен или 80 тыс. долларов США.

этого необычного оружия, получившего кодовое наименование *Фуго*⁸ институт приступил в ноябре 1943 г., хотя сама идея его применения содержится в плане японского генерального штаба, датированном августом 1942 г. [The Guide... 2019, p. 13–14] и являвшимся своеобразным ответом на бомбардировку Иокогамы американскими самолетами под командованием подполковника Джеймса Дулитла четырьмя месяцами ранее.

Первые испытания шаров удалось провести в феврале 1944 г., а в октябре, после разгрома японских войск в заливе Лейте на Филиппинах, институт посетил брат императора принц Микаса [The Guide... 2019, p. 33], после чего работы по реализации проекта резко ускорились.

Изначально предполагалось, что воздушные шары доставят на территорию США бактериологическое оружие, разработанное тут же, в Ноборито. Однако в ходе испытаний выяснилось, что при низких температурах, характерных для высоких слоев атмосферы, где пролегли пути этих воздушных шаров, бактерии быстро гибнут. Тогда было принято решение снаряжать бомбы обычной взрывчаткой.

В связи с тем, что не существовало ни малейшей возможности наводить это оружие на цель, ставка была сделана почти исключительно на психологический эффект. Шары, разносимые ветром на огромные расстояния друг от друга, могли внезапно появиться в любой точке Северной Америки и взорваться там, демонстрируя, таким образом, сам факт досягаемости американской территории для японского оружия – подобно тому, как бомбардировщики Дулитла продемонстрировали обратное японцам в 1942 г. Кроме того, снаряженные комплектом из двух 5-килограммовых зажигательных устройств, одной 15-килограммовой фугасной бомбы или одной 12-килограммовой зажигательной, шары предназначались для разжигания крупных лесных пожаров на северо-западе США, что, конечно, тоже сложно назвать иначе как эфемерной надеждой.

Средство доставки баллонных бомб – собственно воздушные шары – изготовлялись вручную, в том числе, школьниками, из склеенной в пять слоев, а оттого прочной, но довольно эластичной японской бумаги *васи*. Между собой листы соединялись с помощью клея из местного и недорогого продукта – клубнелуковиц растения *конняку*.

⁸ От *фу:сэн бакудан*, буквально – «воздушная бомба».

Мука *коньяку*, который иногда называют «японским картофелем», с давних времен используется в островной кухне, и некоторые исследователи склонны связывать ее дефицит в конце войны с удовлетворением нужд НИИ № 9. Мука *коньяку* обладает высокой степенью клейкости, благодаря чему как нельзя лучше подошла для изготовления легких и прочных воздушных шаров, способных за трое суток преодолеть по струйным воздушным течениям над Тихим океаном около 9000 километров на высоте от 4500 до 7500 метров в условиях низких температур.

Сами эти течения были исследованы японскими учеными еще в 1920-х гг. В 1943 г. лаборатория привлекла к работе одного из лучших специалистов в этой области – Аракава Хидэоси из Центральной метеорологической обсерватории Японии, расчеты которого подтвердили потенциальную возможность достижения воздушными шарами территории США. Для этого Аракава рекомендовал запускать их зимой, когда в период с ноября по март на протяжении около 50 дней фиксировались самые сильные ветры, достигавшие скорости 320 км/ч [The Guide... 2019, p. 14].

Шары диаметром около 10 метров заполнялись водородом, корзины, подвешенные к ним, несли заряды взрывчатых и зажигательных веществ, а также 32 мешка с песком, которые автоматически отстреливались пороховыми зарядами при срабатывании барометра-анероида, фиксировавшего опускание шара на недопустимые высоты (обычно это происходило где-то над океаном). Если шар поднимался выше запланированной высоты, открывался предохранительный клапан, и «баллонная бомба» должна была вновь занять свой высотный эшелон.

Под руководством Первого отдела НИИ вручную было изготовлено около 9300 баллонных бомб. Первые испытания проходили в закрытых помещениях, в том числе в залах мюзик холла Нитигэки и дворца сумо Кокугикан в Токио. Удостоверившись, что японская бумага отлично держит водород, сотрудники НИИ перешли к работам на открытом воздухе. Изначально планировалось, что запуск шаров будет производиться в относительной близости от американского берега с подводных лодок и аэростатов. Война внесла свои коррективы – лодки понадобились для выполнения своих непосредственных задач, но запасы прочности и хода, изначально заложенные инженерами в конструкцию «баллонных бомб», спасли ситуацию. Для запуска шаров и наблюдения за ними с японской территории были

оборудованы специальные площадки и радиопеленгационные станции в префектурах Аомори (Фурумаги), Мияги (Иванума), Фукусима (Накосо⁹), Тиба (Итиномия¹⁰ и Модара), Тотиги (Отавара), Сидзуока (Какэдзука), Тоттори (Ёнаго). Главная штаб-квартира группы, насчитывавшая 1500 человек, разместилась в местечке Оцу префектуры Ибараки. Там же была построена небольшая фабрика по производству водорода, на остальные площадки водород доставляли из окрестностей Токио [The Guide... 2019, p. 13].

Первые шары были запущены в 5 часов утра 3 ноября 1944 г., после чего процесс проходил по утвержденному ранее плану и с учетом метеорологической обстановки, которая постоянно отслеживалась гражданскими специалистами. Несмотря на то, что большинство запусков прошло вполне успешно, говорить хоть о какой-то военной эффективности «баллонных бомб» не приходится. Предположительно, территории Северной Америки (США, Канады и даже Мексики) достигло около тысячи шаров, но документально зафиксировано 361 место их падения [Соеп 2014, p. 17]. Некоторые шары долетели до штатов Канзас, Айова и Мичиган – фактически, до востока США, и действительно вызвали серьезную обеспокоенность у американских властей, запретивших упоминать в прессе о падениях «баллонных бомб». 20 шаров были сбиты американскими истребителями, но из-за непредсказуемости траектории полета японское «чудо-оружие» оказалось трудно обнаружить средствам ПВО США.

Молчание вражеских СМИ японская пропаганда (ее работа в этом направлении координировалась из Ноборито) расценила по-своему, объявив 17 февраля 1945 г. о якобы возникшей в США панике из-за «бесчисленных» лесных пожаров, вызванных бомбардировкой воздушными шарами [Mikesh 1973, p. 37]. Интересно, что распространение пропагандистских заявлений осуществлялось не только по радио и через газеты, но и посредством специальных автомобилей с громкоговорителями – это был проект *Сэго*¹¹, также осуществленный в Ноборито.

Возвращаясь к «баллонному оружию», справедливости ради необходимо отметить, что 10 марта один из шаров действительно спровоцировал серьезный инцидент, вызвав короткое замыкание

⁹ 3-й батальон, 600 чел.

¹⁰ Штаб 2-го батальона, 700 чел.

¹¹ От *сэндэн ё: дзидося* – пропагандистский автомобиль.

и обесточив линию электропередач, проведенную на объект Манхэттенского проекта в Хэнфорде. Понадобилось три дня, чтобы ликвидировать аварию и восстановить производство плутония, который затем был использован в сборке атомной бомбы, сброшенной полгода спустя на Нагасаки [Соен 2014, р. 139–140]. И лишь один из шаров, взорвавшись, привел к человеческим жертвам. 5 мая 1945 г. в лесу Фремонт, штат Орегон, семья местного священника и ученики воскресной школы нашли упавший шар. Боезапас взорвался, когда они попытались добраться до корзины. Взрыв унес жизни пятерых детей и беременной жены священника [Соен 2014, р. 1–4].

Отчасти из-за этого инцидента проект *Фуго* остается сегодня самым известным примером деятельности лаборатории Ноборито. Несмотря на провал этой идеи, «баллонные бомбы» НИИ № 9 вошли в мировую историю как первое оружие, обладавшее действительно межконтинентальным радиусом действия, а их атаки стали самыми дальними в хронике Второй мировой войны.

Послевоенный след

15 августа 1945 г., в день объявления капитуляции Японии, в военном министерстве был подписан приказ об уничтожении всех секретных документов и материалов, связанных, помимо прочего и с тайной войной, которую вела Лаборатория Ноборито. На следующий день на холме Икута ее сотрудники сожгли и уничтожили всё, что можно было уничтожить, с вполне обоснованным страхом ожидая прибытия оккупационных войск [The Guide... 2019, р. 33]. Американские военные, которые знали о существовании НИИ № 9 и даже специально зафиксировали его расположение с помощью аэрофотосъемки, прибыли туда в октябре 1945 г. Однако, вопреки ожиданиям и наперекор объявленным Штабом Верховного командования союзных оккупационных сил в Токио мерам по наказанию военных преступников, ни один человек из персонала института – от генералов до рабочих – не привлекался к ответственности. Каждого из них строго допросили сотрудники американской военной разведки, и в отношении каждого определили не степень его вины, а степень его полезности для Соединенных Штатов. Известно, что бывших специалистов Третьего отдела переместили на базу ВМС США в г. Ёкосука неподалеку от Токио, где те очень скоро приступили к изготовлению поддельных документов,

включая советские паспорта, для нужд разведки и армии США [The Guide... 2019, p. 24].

Следы деятельности Второго отдела лаборатории обнаружили в начале 1948 г., когда на окраине Токио произошло дерзкое ограбление банка, известное сегодня как *инцидент Тэйгин*¹². Преступник представился чиновником министерства здравоохранения, которому приказано сделать персоналу банка *Тэйкоку гинко* прививки от внезапной вспышки дизентерии. 16 сотрудников банка получили от него по несколько капель «лекарства», после чего потеряли сознание. 12 из них скончались, а грабитель, забрав крупную по тем временам сумму в 160 тысяч иен, бежал. Начатое расследование установило, что сотрудников банка отравили ацетонцианогидрином – ядом, разработанным и полученным в лаборатории Ноборито. На этом расследование было остановлено. Предполагаемого преступника – Хиросава Садамити – позже задержали и приговорили к смертной казни, но ее так и не привели в исполнение. Связь подозреваемого с НИИ № 9 установить не удалось, Хиросава ничего не сказал, просидел в тюрьме всю оставшуюся жизнь и умер своей смертью в 1987 г. [Watanabe 2019, p. 177–192].

К этому времени самой лаборатории уже не существовало. На ее месте еще в 1950 г. был построен новый кампус токийского университета Мэйдзи. При этом еще долгое время на территории сохранялись деревянные бараки, в которых размещалась лаборатория, включая корпус по изготовлению фальшивых денег. В 1980-х гг. во время роста антиядерного и антивоенного движения ученики нескольких старших школ г. Кавасаки, где находится район Ноборито, и префектуры Нагано, где во время войны строились бункеры для высшего руководства Японии, заинтересовались историей НИИ № 9. Они разыскали бывшего офицера Первого и Третьего отделов Бан Сигэо, который согласился поделиться с волонтерами воспоминаниями о своей службе. Ветеран спецподразделения передал представителям общественности некоторые меморабилии, позже написал краткие воспоминания, а после его смерти дочь военного инженера предоставила много интересных фотодокументов, связанных с лабораторией. Результатом постоянного накопления этих и других материалов стало открытие в апреле 2010 г. *Музея бывшей лаборатории*

---

¹² От Тэйкоку гинко – Имперский банк.

японской императорской армии в Ноборито по воспитанию в духе мира. Музей разместился в единственном на сегодня сохранившемся здании института (на момент открытия рядом еще стоял корпус Третьего отдела) и организационно относится к университету Мэйдзи, на территории кампуса которого находится.

References

Coen, R. (2014). *Fu-Go: The Curious History of Japan's Balloon Bomb Attack on America*. Lincoln and London: University of Nebraska Press.

Mercado, S. C. (2004). The Japanese Army's Noborito Research Institute. *International Journal of Intelligence and Counter Intelligence*, 17, 286–299.

Mikesh, R. C. (1973). Japan's World War II balloon bomb attacks on North America. *Smithsonian Annals of Flight*, 1–85.

Satō, Fumiaki. (2008). *Taiheiyō sensō hiroku yūsō! Nippon rikugun shikan retsuden* [Secret Records of the Pacific War Heroic! Japanese Army Commander Biographies]. Tokyo: Takarajimasha. (In Japanese).

The Guide to the Defunct Imperial Japanese Army Noborito Laboratory Museum for Education in Peace. (2019). Tokyo: Meiji University.

Watanabe, Ryōhei. (2019). *Teigin jiken no dokusatsu no teguchi to dokubutsu no nazo o megutte*. [Methods of Poisoning in Teigin Incident and Mysteries of Poisons]. Tokyo: Meiji University Peace Education Noborito Institute Museum. (In Japanese).

Yamada, Akira. (2017). Nippon rikugun no himitsu sen to Noborito kenkyūjo. Meiji Ikuta kyanpasu no himerareta rekishi [The Secret Warfare of the Japanese Army and the Noborito Institute. Hidden History of Meidai Ikuta Campus]. *Journal of the Acoustical Society of Japan*, 73 (8), 517–523. (In Japanese).

Yamada, Akira. (2019). *Meiji daigaku heiwa kyōiku Noborito kenkyūjo shiryōkan-hen. Rikugun Noborito kenkyūjo "himitsu-sen no sekai"* [Meiji University Peace Education Noborito Research Institute Museum. The World of the Army Noborito Research Institute "Secret Warfare"]. Tokyo: Meiji University Press. (In Japanese).

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 151–173

Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 151–173

DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-151-173

Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 г. в свете новых источников

А. Г. Зорихин

Аннотация

Статья посвящена Маньчжурской стратегической наступательной операции Красной армии против группировки японских войск в Северо-Восточном Китае в августе 1945 г. Её актуальность обусловлена тем, что за последнее десятилетие исследователям стали доступны документы из российских и японских архивов, которые позволяют детально оценить характер боевых действий обеих сторон. По инициативе Императорской верховной ставки главное командование Квантунской армии в сентябре 1944 г. приняло новый оперативный план боевых действий против СССР, который, в отличие от предыдущих, носил оборонительный характер.

Обнаружив в марте – апреле 1945 г. переброску советских войск на Дальний Восток, в Забайкалье и МНР, Квантунская армия с мая начала подготовку к отражению ожидаемого ею наступления Красной армии. Разведывательные органы Японии сумели достаточно точно определить оперативный замысел советского командования на проведение Маньчжурской наступательной операции и количество выделяемых для этого сил, однако ошиблись на месяц с установлением сроков вероятного наступления Красной армии.

Несмотря на слабую укомплектованность материальной части, в первую очередь средствами огневого поражения и бронетехникой, Квантунская армия за счёт отмобилизации проживавших в Маньчжурии японских резервистов и пополнения боевого состава частями и соединениями из Северного Китая и Кореи организовано встретила наступление советских войск с трёх направлений. В ходе ожесточённых боёв японские войска сохранили устойчивое управление и, придерживаясь довоенного плана, отступали на заранее подготовленные рубежи обороны. К моменту отдачи 16 августа 1945 г. главным командованием Квантунской армии приказа подчинённым частям и соединениям о прекращении боевых действий они в целом сохранили свою

боеспособность. В этой связи требуется проведение дальнейшего углублённого исследования сильных и слабых сторон Маньчжурской стратегической наступательной операции для использования её опыта в военно-педагогической и историографической практике.

Ключевые слова: Япония, Маньчжурия, Красная армия, Квантунская армия, разведка.

Автор: *Зорихин Александр Геннадьевич*, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Комсомольск-на-Амуре.

E-mail: tsunami77@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The 1945 Manchurian Strategic Offensive Operation in the Light of New Sources

A. G. Zorikhin

Abstract

The article focuses on the Manchurian strategic offensive operation of the Red Army against the Japanese troops in Northeast China in August 1945. Its relevance is due to the fact that, over the past decade, researchers have gained access to documents from Russian and Japanese archives that allow a detailed assessment of the nature of actions of both sides. At the initiative of the Imperial Supreme Headquarters, the main command of the Kwantung Army in September 1944 adopted a new operational plan of military operations against the USSR, which, unlike the previous ones, was defensive in nature.

Upon detecting in March – April 1945 the movement of Soviet troops to the Far East, Transbaikalia, and the MPR, in May, the Kwantung Army began preparations to repel the expected offensive of the Red Army. The intelligence agencies of Japan were able to accurately determine the operational plan of the Soviet command to conduct the Manchurian offensive operation and the number of forces allocated to this, but they were wrong by a month with the timing of the likely offensive of the Red Army.

Despite problems with supplying the troops with equipment, primarily with weapons and armored vehicles, the Kwantung army, due to the mobilization of Japanese reservists living in Manchuria and the replenishment of troops with units and formations from Northern China and Korea, faced the offensive of Soviet troops from three directions in an organized manner. During the fierce fighting, the Japanese troops maintained stable control and, adhering to the pre-war plan, retreated to the previously prepared defense lines. Until the top command of the Kwantung Army ordered its subordinate units to cease hostilities on August 16, 1945, the troops generally retained their combat capability. In this regard, further in-depth research of the strengths and weaknesses of the Manchurian strategic offensive operation is required to use its experience in military pedagogical and historiographical practice.

Keywords: Japan, Manchuria, Red Army, Kwantung Army, intelligence.

Author: Zorikhin Aleksandr Gennad'evich, PhD, independent researcher, Komsomolsk-on-Amur.

E-mail: tsunami77@rambler.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Маньчжурская стратегическая операция является составной частью летней кампании против японской армии, проводившейся на обширной территории Маньчжурии, Северной Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов. Несмотря на её кратковременность (9 августа – 2 сентября 1945 г.) и наличие большого количества исследований в России и за рубежом, ряд аспектов операции должен быть пересмотрен в свете новых источников.

Отметим, что в связи с ухудшением оперативной обстановки на всех театрах, вызванным проведением союзниками битвы за Маршалловы острова (февраль 1944 г.) и Марианской наступательной операции (июнь – ноябрь 1944 г.), Япония с начала 1944 г. стала массово изымать наиболее боеспособные части Квантунской армии и перебрасывать их на фронт. К сентябрю 1944 г. в составе армии остались только 11 пехотных и 1 танковая дивизии, по 1 танковой, учебной танковой, мобильной и кавалерийской бригаде, а в дислоцированной в Маньчжурии 2-й воздушной армии – не более 100 боевых самолётов.

Уже в апреле 1944 г. в ряде частей и соединений армии возникла ситуация, когда на пехотную роту приходился 1 офицер, а в артиллерийских полках огневые средства значились только на бумаге. На юг была переброшена практически вся противотанковая и крепостная артиллерия [Daitō sensō... 1974, p. 277–278]. В результате к концу 1944 г. Квантунская армия имела только 50% от того потенциала, который был у неё 2 года назад.

В этой связи Императорская верховная ставка совместно со штабом армии пересмотрела оперативные планы объединения и 18 сентября 1944 г. поставила перед главнокомандующим Ямада Отодзо задачу организовать оборону Маньчжурии и Квантунского полуострова, всеми силами избегая войны с Советским Союзом. При подготовке к возможным боевым действиям он наделялся правом отдавать распоряжения командующему дислоцированной на Корейском полуострове Корейской армии. Действовавший «Оперативный план боевых действий против СССР на 1943 год», который имел наступательный характер, отменялся¹.

После серии командно-штабных игр 17 января 1945 г. Ямада довёл до подчинённых ему войск обновлённый оперативный план. В соответствии с ним, войска армии должны были, используя созданные в приграничной полосе оборонительные сооружения, материальные запасы и особенности рельефа, разгромить вторгшиеся советские войска, после чего перейти там к упорной обороне. При необходимости войска могли отступить в горные районы Южной Маньчжурии и Северной Кореи, прочно удерживать их и тем самым способствовать успешному ведению боевых действий императорской армией на всех театрах. Войска, предназначавшиеся для сдерживания противника на границе, должны были стоять там насмерть². Таким образом, в отличие от плана Ставки от 18 сентября 1944 г., план Ямада фактически предусматривал оборону только южной части Маньчжурии.

Поскольку наличными силами решить эту задачу Квантунская армия не могла, руководство Японии приняло решение о восстановлении её потенциала до уровня 1942 г. Приказом военного министра

---

¹ Архив Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны (НИИО МНО) Японии. Тюо-сакусэн сидо тайрикумэй-98 (С14060915700). Л. 237 – 238.

² Архив НИИО МНО Японии. Мансю-сюэндзи-но ниссо сэн-1 (С14020823700). Л. 0186.

от 16 января 1945 г. в Маньчжурии были образованы 8 пехотных дивизий и 4 отдельные смешанные бригады³. В результате к началу марта количество пехотных дивизий армии возросло с 10 до 17, а отдельных смешанных бригад – с 1 до 4, в то время как число танковых соединений не изменилось.

В это же время в Москве завершилась проработка вопроса о вступлении СССР в войну против Японии на стороне антигитлеровской коалиции. С февраля началась переброска войск на восток, однако наибольшая интенсивность воинских перевозок пришлось на июль, когда с запада прибыли 17 дивизий, 37 бригад и 42 отдельных полка.

Первые сведения о советских воинских перевозках стали поступать в Токио в конце февраля 1945 г. от офицеров разведки, курсировавших в качестве дипкурьеров по Транссибу в Москву и обратно. 16 апреля 1945 г. японский Генштаб отметил в своём «Секретном дневнике войны»: «Советский Союз наращивает военные приготовления на Дальнем Востоке... С учётом хода советско-германской войны приготовления СССР к войне с Японией в самом разгаре». 25 апреля в «Оценке ситуации в мире» Высшего совета по руководству войной появилась запись о том, что выступление СССР против империи следует ожидать в сентябре⁴.

Ещё в марте из Маньчжурии были изъяты наиболее боеспособные части, однако, после денонсации 5 апреля 1945 г. Советским Союзом пакта о нейтралитете Токио осознал степень надвигающейся угрозы и начал принимать превентивные меры.

3 мая начальник Генерального Штаба утвердил план оборонительной операции Квантунской армии, в основу которого лёг оперативный план объединения от 17 января. Согласно ему, главные силы армии должны были удерживать рубеж Дайрэн – Синьцзин – Тумэнь, создав там полосу долговременных укреплений, в то же время прилагая усилия к обороне приграничных укрепрайонов (УР). 17-й фронт в Корее планировалось передать в подчинение Ямада Отодзо [Daitōa sensō... 1974, p. 373]. Таким образом, прежняя задача армии – оборона всей

---

³ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сакусэн сидо тайрикумэй-98 (С14060916100). Л. 97.

⁴ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сэнсо сидо дзюё кокусаку бунсё-1190 (С12120327000). Л. 0648; Тюо-сэнсо сидо дзюё кокусаку бунсё-1156 (С12120293700). Л. 0691.

Маньчжурии, редуцировалась до сохранения контроля над её юго-восточной частью.

Усиление группировки войск в Маньчжурии было закреплено директивой Ставки командующим Китайской экспедиционной армии и 17-м фронтом от 30 мая 1945 г. о передаче Квантунской армии управления 34-й армии, 5 пехотных дивизий и частей боевого обеспечения⁵.

В начале июля Ставка представила руководству Японии новую оценку сроков и масштабов советского вторжения. Ожидалось, что в августе – сентябре Советский Союз мог выступить против Японии силами 40 – 50 стрелковых дивизий, 4 000 танков и 6 000 – 7 000 боевых самолётов. По мнению Ставки, вслед за принятием решения о войне СССР, пользуясь господством в воздухе, нанесёт серию авиаударов по транспортной сети и важнейшим японским объектам в Маньчжурии, Корее, Мэнцзяне и Северном Китае, после чего перейдёт к наступлению по всем направлениям на суше и нанесет главный удар в Западной Маньчжурии⁶.

В этой связи 5 июля 1945 г. главное командование Квантунской армии утвердило и разслало в подчинённые части расширенный вариант «Оперативного плана боевых действий против СССР». Его главная цель, как и в оперативном плане от 17 января, была «используя обширные территории Маньчжурии, попытаться разгромить наступающего противника, но если обстановка будет складываться неблагоприятно, организовать долговременную оборону с удержанием важнейших районов восточнее железнодорожной линии Дайрэн – Синьцзин и южнее железнодорожной линии Синьцзин – Тумэнь, что позволит императорской армии успешно вести боевые действия на остальных театрах войны в Великой Восточной Азии». На первом этапе войска армии должны были на длительное время задержать советское наступление на рубеже горная гряда Северо-Восточной Кореи – горный хребет западнее Муданьцзяна – Малый Хинган – Большой Хинган – железнодорожная линия Сыпин – Цицикар, после чего главные силы объединения отходили на рубеж Дайрэн – Синьцзин – Тумэнь, чтобы как можно дольше сохранять контроль над стратегическими районами Тунхуа и Линьцзян [Daitōa sensō... 1974, p. 368].

---

⁵ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сакусэн сидо тайрикумэй-98 (С14060916300). Л. 197–200.

⁶ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сакусэн сидо сонота-35 (С15120077900). Л. 1118–1119; [Daitōa sensō... 1975, p. 400, 410].

Приоритетное внимание, уделявшееся обороне района Дайрэн – Мукден – Синьцзин – Тумэнь в ущерб другим районам Маньчжурии объяснялось, в первую очередь, наличием там крупнейшей за пределами Японии военно-промышленной базы. В Мукдене, например, находились 4 завода по производству промышленного оборудования и электроаппаратуры, самолётостроительный, авиаремонтный, танкосборочный, автомобильный заводы, заводы артиллерийского и стрелкового вооружения. В Дайрэне имелось 3 машиностроительных завода, включая производство и сборку грузовых автомобилей. В Аньдуне, Гирине (Цзилине), Канчэнцзы и Аньшане располагались крупнейшие в Маньчжурии предприятия, производившие взрывчатку. Благодаря вводу в строй в 1944 г. на Аньшаньском металлургическом комбинате домы с ежесуточной производительностью свыше 1 000 тонн, предприятие превратилось в крупнейшее в отрасли во всей империи. Особое значение для экономики Японии имело производство синтетического горючего из угля и сланцев на 8 заводах в Маньчжурии, 5 из которых находились в Фушуне, Гирине и Сыпине [История Второй Мировой войны... 1980, с. 179].

Поскольку решить поставленные перед Квантунской армией задачи при выявленном разведкой перевесе советских войск в живой силе и технике было невозможно, 10 июля 1945 г. был подписан приказ об усилении группировки в Маньчжурии и Северной Корее, согласно которому до 5 августа там должны были быть развернуты 8 пехотных дивизий, 7 отдельных смешанных, 1 отдельная танковая бригады, 2 тяжелых артиллерийских полка, отдельные мортирный и тяжелый артиллерийский дивизионы⁷.

Для комплектования этих частей была проведена всеобщая мобилизация японских подданных в Маньчжурии, благодаря чему к началу войны Квантунская армия пополнилась 250 000 резервистами, а количество её соединений увеличилось в 1,5 раза⁸.

В целом, к началу июля 1945 г. каждая из противоборствующих сторон определилась с планом предстоящей летней кампании.

Командование Квантунской армии планировало силами 2 фронтов и 2 отдельных армий оказать упорное сопротивление советским

---

⁷ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гундзи гёсэй доин, хэнсэй-171 (С14010708800). Л. 0180 – 0181.

⁸ Архив НИИО МНО Японии. Мансю-сюэндзи-но ниссо сэн-1 (С14020824500). Л. 0296.

войскам в приграничных районах и задержать их на линии хребет Лаоэлин – Бэйаньжэнь – Мэргэнь – восточные отроги Большого Хингана у Кайлу и Чэндэ. При неблагоприятном развитии обстановки допускалось отступление на рубеж Дайрэн – Синьцзин – Тумэнь для обороны в течение 2 – 3 лет подступов к Корее и самого полуострова. После победы над США и Великобританией планировалось выступить против Красной армии и вернуть контроль над Маньчжурией. При этом японское командование полагало, что главный удар советские войска нанесут на западном направлении со стороны МНР от Тамцак-Булакского выступа, поскольку подступы к Синьцзину отсюда были открытыми, и сосредоточило главные силы Квантунской армии (соединения 3-й фронта) на рубеже Мукден – Сыпин – Синьцзин. При необходимости эти войска усиливались отступавшими частями 4-й отдельной армии⁹.

Замысел советского командования заключался в нанесении сходящихся ударов с западного (главного) направления из МНР и с восточного (из Южного Приморья) на Синьцзин с целью отрезать Квантунскую армию от Северного Китая и Кореи. Войска 2-го Дальневосточного фронта должны были ударом с хабаровского направления рассечь японскую группировку в Северной и Центральной Маньчжурии. Конечными целями наступательной операции являлись овладение важнейшими центрами Маньчжурии – Мукденом, Синьцзином, Харбином, Гирином, окружение и последовательное уничтожение двух изолированных в Северной и Центральной Маньчжурии группировок войск Квантунской армии.

Следовательно, успех операции для каждой из сторон определялся способностью удержать (захватить) рубеж Мукден – Синьцзин – Тумэнь и восточное побережье Кореи.

К 9 августа 1945 г. в распоряжении Ямада Отодзо имелось 24 пехотные дивизии, 9 отдельных смешанных, 2 отдельные танковые, 1 отдельная мобильная бригады, части боевого и тылового обеспечения. Почти половина всех войск была сосредоточена в районе Дайрэн – Синьцзин – Тумэнь – Хамхын для обороны Юго-Восточной Маньчжурии и Кореи¹⁰.

---

⁹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 222, 224 – 225, 227, 229.

¹⁰ Архив НИИО МНО Японии. Тью-дзэмпан тосуи-76 (С13071259600). Л. 0851 – 0854.

Несмотря на проведённые летом мероприятия по пополнению и доукомплектованию войск, боеготовность Квантунской армии в результате изъятия в 1944 – первой половине 1945 г. старых кадровых соединений находилась на среднем уровне. Для окончательного комплектования, довооружения и слаживания объединению не хватило 1 – 2 месяцев.

О численности вооружения и военной техники армии в отсутствие японских первоисточников можно судить по докладам штабов трёх советских фронтов о захваченных ими в Маньчжурии трофеях и потерях противника: до 630 танков, 15 самоходных орудий, до 2 000 буксируемых орудий, до 870 самолётов¹¹. Оговоримся, что, согласно японским исследованиям, боеготовыми в составе 2-й воздушной армии к началу войны были 1 020 самолётов, в т.ч. 255 истребителей, 20 штурмовиков, 40 бомбардировщиков, 45 разведчиков, 640 учебно-боевых самолётов, 20 транспортных самолётов и самолётов связи¹².

Остаётся дискуссионным вопрос о численности войск Квантунской армии. Диапазон оценок в современной отечественной историографии колеблется от 664 000 до 750 000 человек [Полутов 2016, с. 170; Великая Отечественная война 1941–1945... 2013, с. 456]. Мы полагаем, что к началу боевых действий её численность составляла 550 000 человек.

Группировка войск трёх советских фронтов насчитывала 1 013 700 военнослужащих (без учёта личного состава ВВС, Войск ПВО и ВМФ), 4 224 танка и САУ, 10 428 артиллерийских орудий калибра 76-мм и выше, 5 171 боевой самолёт (с учётом авиации Войск ПВО и ВМФ)¹³. Советские войска превосходили противника по личному составу в 1,8, по танкам и САУ – в 6,6, по артиллерии – в 5,2, по авиации – в 5,1 раза. Однако такое избыточное превосходство было создано советским командованием не столько для гарантированного разгрома японских войск, сколько в силу недостоверной информации о противнике, носившей завышенный в 1,5 – 2 раза характер.

Кроме того, из 24 реально существовавших к 9 августа 1945 г. японских пехотных дивизий в Маньчжурии и Северной Корее вер-

¹¹ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 182 – 183, 224, 249 – 250; Ф. 234. Оп. 3213. Д. 421. Л. 12; Ф. 294. Оп. 6961. Д. 44. Л. 28.

¹² Архив НИИО МНО Японии. Рикую мансю хомэн-6 (С16120498700). Л. 0171.

¹³ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 293. Л. 3; Д. 294. Л. 22; Ф. 234. Оп. 3213. Д. 406. Л. 9; Ф. 238. Оп. 1584. Д. 170. Л. 36, 59; Ф. 349. Оп. 0005753. Д. 0032. Л. 14.

ховное командование Красной армии достоверно знало только о 7, из 9 отдельных смешанных бригад – о 3, т.е. о трети всех соединений противника.¹⁴ Хуже всего было то, что Ставка и фронты не подозревали о наличии стратегического резерва Квантунской армии в треугольнике Дайрэн – Синьцзин – Тумэнь и планах Ямада оборонять только юго-восток Маньчжурии и Корею, что предопределило ошибочный замысел Маньчжурской операции.

Её подготовка окончилась 3 августа, когда главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Советского Союза А. М. Василевский доложил Ставке о завершении через 2 дня вывода войск трёх фронтов в районы сосредоточения и их готовности 8–10 августа начать боевые действия. С учётом возможного ухудшения погоды и отмеченного разведкой усиления Квантунской армии в Маньчжурии и Корее, главнокомандующий предлагал начать боевые действия не позднее 9–10 августа. Ставка санкционировала начало операции 9 августа.

При этом крайнюю дату боевых действий советских войск против Квантунской армии в ходе Маньчжурской наступательной операции следует ограничить 16 августа 1945 г., так как после неё японская группировка в Маньчжурии и Корее сложила оружие в соответствии с императорским указом о капитуляции Японии от 14 августа.

Боевые действия начались в ночь на 9 августа ударами войск 3 советских фронтов на хингано-мукденском, хайларском, приморском, харбинском и сахалинском направлениях. Вопреки устоявшемуся мнению, командование Квантунской армии сохранило управление войсками и доложило в Токио о складывающейся обстановке. В тот же день Ставка определила главной задачей Квантунской армии оборону Кореи [Daitōa sensō... 1974, p. 398, 400–401]. С переходом 10 августа 17-го фронта в подчинение Квантунской армии её боевой состав стал насчитывать 31 пехотную дивизию, 14 отдельных смешанных, танковых и мобильную бригады.

Получив информацию о переходе противником в наступление, Ямада решил не выводить войска навстречу советским частям, а в соответствии с оперативным планом поставил 9 августа следующие задачи:

---

¹⁴ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 108, 120, 197 – 198; Ф. 234. Оп. 3213. Д. 386. Л. 80; Д. 402. Карта; Ф. 294. Оп. 6961. Д. 66. Л. 2 – 3; Ф. 478. Оп. 0005910. Д. 0019. Л. 36. Карта; Архив НИИО МНО Японии. Тюо-бутаи рэкиси дзэмпан-29 (С12122426100); Тюо-бутаи рэкиси дзэмпан-30 (С12122427300); Тюо-бутаи рэкиси дзэмпан-31 (С12122429200).

Войскам 3-го фронта, находившимся в районе Синьцзин – Мукден фронтом на запад и северо-запад, – прикрыть подступы к железной дороге Синьцзин – Дайрэн.

Войскам 4-й отдельной армии, располагавшимся фронтом на север, – отходить на Гирин.

Войскам 1-го фронта – после упорной обороны с боями отойти на линию Яньцзи – Фанчжэн (200 км восточнее Харбина).

2-й воздушной армии – наносить бомбо-штурмовые удары по наступающим с запада на Байчэн и Чжэнцзятун механизированным частям противника и вести разведку на востоке.

При этом 123-я пехотная дивизия и 135-я отдельная смешанная бригада в Сахалянском УР, 80-я отдельная смешанная бригада в Хайларском УР, а также 107-я пехотная дивизия в Учагоу и 15-й пограничный отряд в Хутоуском УР получили приказ задержать наступление частей Красной армии и упорно оборонять дороги, не допуская продвижения по ним советских войск вглубь Маньчжурии¹⁵. Это означало, что они должны были стоять насмерть на занимаемых рубежах.

Главный удар советские войска наносили на западном направлении силами 1 танковой, 4 общевойсковых армий и конно-механизированной группы Забайкальского фронта. Несмотря на задействование в нём 416 000 военнослужащих, 3 861 артиллерийского орудия, 2 314 танков и 1 334 самолётов, результаты были более чем скромные.

На хайларском направлении наступление вела 36-я армия в составе 7 стрелковых дивизий, 1 танковой, 2 артиллерийских бригад, 5 артиллерийских, 3 миномётных и 1 гвардейского миномётного полков, которой противостояла 80-я отдельная смешанная бригада численностью 5 300 человек. Соединение имело на вооружении 16 миномётов и три 150-мм полевые гаубицы тип «96». Опорные пункты Хайларского УР находились в 2 – 3 км севернее и западнее города, имели бронеколпаки, подземные ходы сообщения и траншеи, бетонированные ходы сообщений под землёй на глубине 20 – 30 м с выходами к многочисленным открытым пулемётным площадкам, подземные убежища и склады¹⁶.

Советские войска вошли в Хайлар 11 августа. Несмотря на то, что гарнизон укрепрайона оказался в окружении и утратил связь со штабом

¹⁵ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 217, 228.

¹⁶ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 214; Ф. 391. Оп. 8878. Д. 38. Л. 46.

4-й отдельной армии, он, согласно отчёту 36-й армии, «используя долговременные сооружения Хайларского УР, [...] продолжал оказывать упорное сопротивление наступлению наших войск, удерживая высоту Хэнаньтай, горы Бэйсуншань, Обо, Шитон, высоту Минтай». Это вынудило командование 36-й армии привлечь к уничтожению 80-й бригады 2 стрелковые дивизии, 2 отдельные армейские пушечные артиллерийские бригады и 2 полка гвардейских миномётов. Тем не менее, японцы прекратили сопротивление только 19 августа по приказу Ямада Отодзо, сохранив 85% личного состава¹⁷.

Находившаяся в тылу Хайларского УР 119-я пехотная дивизия направила 12 августа часть сил на оборону Харбина и 2 артиллерийские батареи на помощь гарнизону Хайлара. Оставив в качестве арьергарда пехотный полк, 16 августа дивизия главными силами беспрепятственно отошла на новый рубеж обороны в Бухэду¹⁸. В советских документах отмечалось, что «главные силы 119[-й] пех. [отной] дивизии, отходившие по приказу на новый оборонительный рубеж в район Бухэду, Хинган, на промежуточных рубежах в районе ст. Унур, Мяньюхэ оказывали упорное сопротивление нашим войскам»¹⁹. В результате 36-я армия заняла Бухэду только 17 августа, где в течение двух суток части 119-й дивизии сдали оружие.

Главный удар войска Забайкальского фронта наносили в направлении на Синьцзин. Штаб Квантунской армии предположил, что советские танковые части подойдут к городу 15 августа, поэтому 9 – 13 числа Ямада сосредоточил для защиты западной стороны треугольника Дайрэн – Синьцзин – Тумэнь вдоль железной дороги 8 пехотных дивизий, 2 отдельные смешанные и 2 отдельные танковые бригады 3-го фронта, оттягивая соединения вглубь Центральной Маньчжурии с направлений главного удара ЗабФ. Вторую линию обороны заняли 1 пехотная дивизия и 2 отдельные смешанные бригады. На севере рубеж Синьцзин – Тумэнь забирали 3 пехотные дивизии 1-го фронта. Корейское направление прикрывала 34-я отдельная армия в составе 2 пехотных дивизий. Чтобы зацементировать оборону на слабо подготовленных в инженерном отношении рубежах, 14 августа Ямада приказ командующему 4-й отдельной армией вместе со штабом и 149-й

---

¹⁷ ЦАМО. Ф. 391. Оп. 8878. Д. 38. Л. 47 – 57; Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 214.

¹⁸ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-бутаи рэкиси дзэмпан-31 (С12122428600). Л. 0413 – 0436.

¹⁹ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 246.

пехотной дивизией прибыть из Харбина в район Мэйхэкоу, который, однако, тот выполнить не успел²⁰.

Понимая, что противопоставить более многочисленному и хорошо оснащённому противнику можно только равную огневую мощь, Квантунская армия сосредоточила на рубеже Дайрэн – Мукден – Синьцзин – Тумэнь – Корея максимум своей артиллерии. К 17 августа на его западном фланге дислоцировались 3 тяжёлых артиллерийских полка, отдельный тяжёлый артиллерийский дивизион полевой артиллерии, отдельный артиллерийский дивизион полевой артиллерии, отдельный мортирный дивизион, отдельный скорострельный (противотанковый) артиллерийский дивизион, отдельная тяжёлая артиллерийская и крепостная артиллерийская батареи²¹. Северный фланг прикрывали 2 тяжёлых артиллерийских полка и отдельная тяжёлая артиллерийская батарея²².

В итоговом докладе «Действие 6 гвардейской танковой армии в наступательных операциях Забайкальского фронта» об организации японской обороны на рубеже Мукден – Синьцзин было сказано следующее: «Противник имел достаточно сил в направлении действий частей и соединений 6[-й] гв[ардейской] Т[анковой] А[рмии] и мог оказать серьёзное сопротивление наступающим частям, учитывая выгодность условий местности для организации обороны»²³.

Предназначенная к переброске в Синьцзин 107-я пехотная дивизия с самого начала боевых действий оказалась на острие главного удара 39-й армии. Командир дивизии отвёл основные силы на новый рубеж обороны Солунь – Ваньмяо чтобы не допустить выхода советских войск на Центрально-Маньчжурскую равнину. В качестве арьергарда остался 90-й пехотный полк, который, как отмечалось в отчёте разведотдела штаба ЗабФ, «упорно оборонял Халун-Аршанский укреп-район, переходил в частые контратаки силами до пехотного батальона с целью задержать продвижение наших войск и не допустить их выхода в долину р. Таоэрхэ»²⁴, однако 12 августа был вынужден отступить.

²⁰ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-бутаи рэкиси дзэмпан-31 (С12122428600). Л. 0408; ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 218 – 219.

²¹ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-бутаи рэкиси дзэмпан-31 (С12122428400). Л. 0355.

²² Архив НИИО МНО Японии. Тюо-бутаи рэкиси дзэмпан-29 (С12122426700). Л. 2177–2182.

²³ ЦАМО. Ф. 339. Оп. 5179. Д. 86. Л. 618.

²⁴ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 244.

На следующие сутки комдив получил приказ штаба армии о передислокации в Синьцзин, однако выполнить его не успел, так как в тот же день 44-я танковая бригада и передовой отряд 17-й гв. стрелковой дивизии овладели Солунем, зажав соединение в клещи. Вырваться из них 107-й дивизии удалось благодаря тому, что 14 августа у войск 39-й армии закончилось горючее и проливные дожди размыли дороги. Однако уже через сутки советские части вновь атаковали японцев, в связи с чем дивизия в районе Ваньмяо повернула на северо-восток и, утратив радиосвязь со штабом армии, до 28 августа двигалась на Ундур-Айль, где на следующий день и сложила оружие²⁵.

Отметим, что после отвода с позиций 107-й и 108-й пехотных дивизий перед войсками Забайкальского фронта на направлении главного удара вообще не осталось японских частей, а сопротивление им оказывали только пехотные и кавалерийские соединения армий Маньчжоу-Го и князя Дэвана. Несмотря на это, к 17 августа войска фронта находились на значительном удалении от противника: до основного рубежа обороны японцев Синьцзин – Дайрэн – Тумэнь им оставалось пройти не менее 116 км. Первые танки 6-й гвардейской танковой армии, не встречая сопротивления в пути, вошли в Мукден только 20 августа, а в Синьцзин – 22, что было связано с размыванием дорогами и отсутствием топлива, которое подвозилось транспортными самолётами²⁶.

Достаточно драматично и в целом неудачно для войск 2-го Дальневосточного фронта складывалось наступление на сахалинском направлении.

Получив приказ командующего 4-й отдельной армией удерживать рубеж обороны Суньбу – Эрчжань, командир 123-й пехотной дивизии передислоцировал главные силы переподчинённой ему 135-й отдельной смешанной бригады из Айгунь в Эрчжань и образовал отряд Вада для обороны железной дороги Айгунь – Мэргэнь, постаравшись тем самым запечатать выходы из Суньбу к железнодорожному узлу Бэйаньчжэнь и далее на Харбин и Цицикар, а также на параллельную ветку Айгунь – Мэргэнь – Цицикар. И дивизия, и бригада должны были стоять насмерть²⁷.

---

²⁵ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 245; Ф. 394. Оп. 9072. Д. 379. Л. 33–37об; Архив НИИО МНО Японии. Тюо-бугай рэкиси дзэмпан-31 (С12122428300). Л. 0288.

²⁶ ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 308. Л. 131.

²⁷ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 139. Л. 18–19.

Несмотря на то, что советским войскам удалось 11 августа сбить противника с приграничных опорных пунктов, 123-я дивизия артиллерийским огнём из Хомозэриньского узла сопротивления (УС) успешно отражала все попытки 2 стрелковых дивизий и танковой бригады приблизиться к Сунью, периодически переходя в контратаки. Танковые подразделения уничтожали «смертники». В результате Сунью так и не был захвачен советскими войсками, а личный состав 123-й дивизии (17 295 человек) капитулировал только 18 августа, после получения приказа из штаба 4-й отдельной армии²⁸.

Ещё хуже для советских войск складывалась обстановка в полосе обороны 135-й отдельной смешанной бригады.

В распоряжении её командира, помимо собственного артиллерийского отряда, находился 30-й отдельный скорострельный (противотанковый) дивизион из резерва армии. Кроме того, в Ганцзыском УС имелось 14 105-мм орудий тип «92» и 150-мм полевых гаубиц тип «96». Поэтому, когда 10 – 11 августа советские части выбили японцев из Айгуня и двинулись на юг, они «были обстреляны огнём капонирной артиллерии из Ганцзыского УС, а затем попали под пулемётный огонь и вынуждены были залечь». Хотя в наступлении с советской стороны участвовали стрелковая дивизия и танковая бригада, все попытки блокировочных групп просочиться в боевые порядки 135-й бригады в Ганцзыском узле успешно отражались японцами. Его гарнизон капитулировал только 17 августа после получения приказа из штаба соединения. Попытки обойти этот узел с северо-запада и юго-востока для дальнейшего продвижения на Мэргэнь также не приносили успеха, так как советские войска наталкивались на новые рубежи обороны 135-й бригады²⁹.

Наиболее ожесточённые бои развернулись в полосе обороны 1-го фронта на востоке Маньчжурии, где японскую группировку войск атаковали сразу 4 общевойсковые армии 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов.

План обороны 1-го фронта предусматривал сдерживание советских войск приграничными частями в полевых укреплениях, которым было приказано стоять насмерть, и основными силами – на рубеже

---

²⁸ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 139. Л. 24–26

²⁹ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 139. Л. 21–23.

Хуньчунь – Лоцзыгоу – Мулин – Линькоу и далее на Фанчжэн (туда же, с боями, из Цзямусы отступала 134-я пехотная дивизия). Если бы этот рубеж был захвачен, то 5-я армия и 134-я дивизия отходили бы на вторую полосу Тумэнь – Дуньцинчэн – Хэньдаохэцзы, а при неблагоприятном развитии обстановки – на последнюю линию Дуньхуа – Аньту [Daitōa sensō... 1974, p. 368, 423, 425].

2-й ДВФ главный удар наносил на сунгарийском направлении силами 4 стрелковых дивизий и 2 танковых бригад. Оборону здесь занимала 134-я пехотная дивизия, имевшая задачу, отходя с боями, постепенно сдерживать продвижение противника и прикрывать левый фланг 1-го фронта. Однако 9 августа командующий фронтом приказал ей отойти в Фанчжэн.

К тому времени главные силы 134-й дивизии были сосредоточены в Цзямусы. Оставленные в качестве арьергарда в Синшаньчжэньском и Фуцзиньском УР по одному пехотному батальону оказывали упорное сопротивление превосходившим их по численности советским войскам и отходили на новые рубежи обороны только под угрозой полного окружения. Наиболее ожесточённые бои развернулись 16 августа за Цзямусы, который дивизия покинула следующей ночью, беспрепятственно отойдя в Фанчжэн. Разоружение 134-й дивизии началось только 21 августа, в плен за время боёв на сунгарийском направлении сдались 19 208 японских и маньчжурских военнослужащих, а их потери составили 15% от исходной численности³⁰.

Наибольших успехов советские войска добились в полосе обороны 5-й армии 1-го фронта, во многом благодаря беспрецедентному массированию сил и средств: против погранотряда и 3 её пехотных дивизий 1-й ДВФ сосредоточил 20 стрелковых дивизий, 47 танковых, артиллерийских, гвардейских миномётных, миномётных, инженерно-сапёрных бригад, 33 танковых, самоходных артиллерийских, артиллерийских и гвардейских миномётных полка³¹.

В первый день против 124-й пехотной дивизии и приграничных гарнизонов были задействованы 4 стрелковые дивизии, 3 танковые, 1 моторизованная штурмовая инженерно-сапёрная бригады, 3 тяжёлых самоходных артиллерийских полка и отдельный самоходный

---

³⁰ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 139. Л. 27 – 32; Д. 170. Л. 76–78.

³¹ ЦАМО. Ф. 294. Оп. 6961. Д. 59. Л. 7; Ф. 390. Оп. 8785. Д. 47. Л. 16; Ф. 460. Оп. 5047. Д. 703. Л. 14–15.

артиллерийский дивизион, что позволило прорвать оборону на фронте в 35 км и продвинуться вглубь на 16–22 км. В полосе обороны 126-й пехотной дивизии наступали 3 стрелковые дивизии, 1 танковая, 2 артиллерийские бригады и полк гвардейских миномётов, которые смогли продвинуться к исходу 9 августа в условиях горно-таёжной местности вглубь на 10 км. 2 стрелковые дивизии, 1 танковая, 2 артиллерийские бригады, 1 полк гвардейских миномётов и 1 отдельный танковый полк прорыва вели наступление в полосе обороны 135-й пехотной дивизии, однако при отсутствии противника из-за сложного рельефа местности углубились за первый день не более чем на 5 км. 3 стрелковые дивизии, 1 артиллерийская бригада и 3 самоходных артиллерийских дивизиона нанесли 9 августа удар по Хутоускому УР, где держал оборону 15-й погранотряд³².

После получения сообщений от приграничных частей о начале боевых действий предметом особого беспокойства командующего 5-й армией генерал-лейтенанта Симидзу Норицунэ стала обстановка на правом фланге, где 124-я пехотная дивизия приняла на себя наиболее мощный удар. Поэтому с разрешения штаба фронта 10 августа он начал отвод 126-й и 135-й дивизий к Муданьцзяну на новый рубеж обороны Ехэ – Хуалинь. Их перегруппировку прикрывала 124-я дивизия западнее Мулина, однако в ночь с 12 на 13 августа её правый фланг был прорван 3 стрелковыми дивизиями, 2 танковыми бригадами, 2 тяжёлыми самоходными артиллерийскими и истребительным противотанковым артиллерийским полком советской 5-й армии³³ и буквально через сутки основные силы японской 5-й армии в районе Ехэ стали испытывать сильное давление 1-го ДВФ. На позиции 124-й дивизии 13–14 августа наступало уже 7 стрелковых дивизий, 3 танковые бригады и 3 тяжёлых самоходных артиллерийских полка³⁴, в результате чего была уничтожена вся её артиллерия, утрачена радиосвязь со штабом армии, соединение попало в окружение, поэтому комдив принял решение провести ночную «бандзай-атаку», но после восстановления радиосвязи и получения 15 и 16 августа приказов о сдаче стал пробиваться

³² ЦАМО. Ф. 460. Оп. 5047. Д. 703. Л. 22 – 26; Ф. 294. Оп. 6961. Д. 59. Л. 32, 34, 36; Ф. 390. Оп. 8785. Д. 47. Л. 16 – 19.

³³ ЦАМО. Ф. 460. Оп. 5047. Д. 703. Л. 33.

³⁴ ЦАМО. Ф. 460. Оп. 5047. Д. 703. Л. 36–38.

к югу от Муданьцзяна. Через несколько дней блужданий по советским тылам дивизия 23 августа капитулировала в Ниньгане³⁵.

К 13 августа 126-я и 135-я дивизии прибыли на назначенные рубежи обороны в Ехэ – Хуалинь чтобы образовать полукольцо вокруг Муданьцзяна с севера, востока и юга, и начали их инженерное оборудование: личный состав успел выкопать окопы полного профиля и ходы сообщений, однако проволочные заграждения не были установлены, а противотанковые рвы вырыты. Оба соединения испытывали острый дефицит артиллерии: у 126-й дивизии имелось только 20 лёгких орудий и батарея 150-мм полевых гаубиц тип «96», у 135-й дивизии – порядка 12 75-мм полевых пушек тип «90» и 105-мм орудий тип «92».

Поэтому нехватку артиллерии японцы компенсировали активным использованием смертников, достаточно эффективно уничтожавших советскую бронетехнику. Так, 257-я танковая бригада, преследуя отходившие из Хуалиня части 135-й дивизии, натолкнулась днём 13 августа в 5 км от станции на отряд смертников. Потеряв не менее 6 танков, с оставшимися 7 она отошла на южные окраины станции и заняла оборону. Чуть позже отряд смертников в бою у станции Ехэ нанёс ещё более чувствительные потери 77-й и 257-й танковым бригадам, выведя из строя 10 танков Т-34 и 1 БТ-7, причём 6 из них восстановлению не подлежали³⁶. О масштабах потерь советских танковых частей свидетельствует тот факт, что находившаяся на острие удара на Муданьцзян 257-я танковая бригада из имевшихся на начало войны 86 танков Т-34 и Т-26 к 16 августа располагала только 11 боеспособными машинами, а наступавшая с севера 75-я танковая бригада (89 Т-34 и Т-26) сумела дойти до станции Яоцзыгоу в 20 км от Муданьцзяна, где и встала до 19 августа для восполнения потерь³⁷.

В ночь на 15 августа 5-я армия получила приказ командующего 1-м фронтом отходить на новый рубеж обороны и 126-я и 135-я дивизии начали отступать через Муданьцзян в Хэньдаохэцзы [Daitōba sensō... 1974, p. 429, 432–436]. К 9.00 16 августа оба соединения перешли мосты через р. Муданьцзян и оказались на её западном берегу, что позволило 5-й армии организовать их дальнейший отход.

---

³⁵ Архив НИИО МНО Японии. Мансю-сюээнди-но ниссо сэн-2 (С14020826800). Л. 0414-0424.

³⁶ ЦАМО. Ф. 294. Оп. 6961. Д. 44. Л. 12, 122.

³⁷ ЦАМО. Ф. 294. Оп. 6961. Д. 44. Л. 11–13.

Несмотря на преследование советскими войсками, к вечеру 17 августа оба соединения оказались в конечной точке маршрута, где два дня спустя капитулировали. При этом потери обеих дивизий за неделю боёв составили 5 050 человек убитыми и пропавшими без вести или до 30% от списочной численности. В целом же, по послевоенным японским оценкам, 5-я армия безвозвратно потеряла 20 000 человек (30 %), хотя Симидзу в советском плену показал, что потери составили 30 000 (50 %) ³⁸.

Отметим, что, хотя Квантунская армия не считала Муданьцзян важным опорным пунктом и не пыталась организовать его долговременную оборону, в донесениях штаба 1-й Краснознамённой армии преследование отходящего через него на запад противника было представлено как решающее сражение: «В район Муданьцзяна отошли две дивизии с приханкайского направления и 124[-я] П[ехотная] Д[ивизия] с пограничненского [124-й дивизии 16 августа в Муданьцзяне не было. – А. З.]. Всего в районе Муданьцзян противник сосредоточил четыре пехотные дивизии (126, 135, 124 и 11 [убыла из Маньчжурии на о. Сикоку в апреле 1945 г. – А. З.]), два железнодорожных полка, охранный отряд, отряд бронепоездов и до трёх отрядов «смертников». Здесь противник намеревался дать решительный бой» ³⁹.

В штурме Муданьцзяна 16 августа участвовали 4 стрелковые дивизии, 4 бригады и 1 гвардейский миномётный полк. Хотя прикрывавшие отход 126-й и 135-й дивизий офицерская школа и пехотный батальон были малочисленными, оборона города была ими хорошо подготовлена. На высотах на восточном берегу р. Муданьцзян были построены предмостные укрепления в виде отдельных опорных пунктов. По западному берегу проходили траншеи с пулемётными и снайперскими гнёздами, а также окопы с ходами сообщения. Мосты прикрывались особенно плотно: кроме полевых сооружений вокруг них стояли железобетонные ДОТы. В самом городе оборона строилась в 2 эшелона. В первом находились 2 пехотные роты с тяжёлыми пулемётами, во втором – одна рота с миномётами. На северной окраине Муданьцзяна был выкопан противотанковый ров, а участки дорог

³⁸ Архив НИИО МНО Японии. Мансю-сюэндзи-но ниссо сэн-2 (С14020826500). Л. 0297 – 0303; (С14020826600). Л. 0355; (С14020826700). Л. 0398 – 0399; Тюо-бутай рэкиси дзэмпан-29 (С12122426900). Л. 2264 – 2274; ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 369. Л. 52; Ф. 294. Оп. 6961. Д. 66. Л. 7.

³⁹ ЦАМО. Ф. 294. Оп. 6961. Д. 66. Л. 7.

от Хуалинь до Ехэ – заминированы. Серьёзным препятствием для советских танков являлись группы смертников, бросавшиеся с минами под гусеницы машин⁴⁰.

За сутки штурма Муданьцзяна части 26-го стрелкового корпуса понесли ощутимые потери, поэтому по его завершении до 16.00 17 августа они приводились в порядок, а 77-я и 257-я танковые бригады решением командарма до 19.00 18 августа были выведены в резерв на восстановление⁴¹.

Таким образом, анализ документов из российских и японских архивов показывает, что при подготовке Маньчжурской операции советским командованием были допущены грубые просчёты. Разведорганы не смогли точно и своевременно установить состав, численность и планы Квантунской армии, в результате чего Ставке ВГК ничего не было известно об основном рубеже обороны японцев в треугольнике Дайрэн – Мукден – Синьцзин – Тумэнь. Данные по Квантунской армии были завышены в 1,5–2 раза, поэтому на направлениях главных ударов советское командование создало избыточную группировку войск, не обеспеченную достаточными запасами ГСМ. Замысел Маньчжурской операции предусматривал сходящимися ударами войск трёх фронтов прорвать приграничную оборону противника в направлении на Синьцзин, изолировать Квантунскую армию в Центральной Маньчжурии от Северного Китая и Кореи, после чего уничтожить японскую группировку по частям.

Однако японская разведка своевременно вскрыла начавшуюся в феврале 1945 г. переброску советских войск на восток, достаточно точно определила наряд задействованных в Маньчжурской операции сил и её замысел, но ошиблась со сроками начала советского наступления на месяц. Правда, следует помнить, что первоначально И. В. Сталин планировал начало боевых действий на 20–25 августа, однако после осуществлённых американцами испытания атомной бомбы и ядерной бомбардировки Хиросимы сроки были сдвинуты на 9-е число. Относительно точный прогноз по Маньчжурской операции позволил командованию Квантунской армии зимой 1944–1945 гг. скорректировать оборонительный план и нарастить в мае – июле 1945 г. ослабленную предыдущим изъятием войск группировку до

---

⁴⁰ ЦАМО. Ф. 379. Оп. 11019. Д. 8. Л. 51, 54, 57.

⁴¹ ЦАМО. Ф. 294. Оп. 6961. Д. 44. Л. 13 – 14; Ф. 879. Оп. 1. Д. 12. Л. 52.

паритетного уровня за счёт дивизий из Северного Китая и Кореи, и тотальной мобилизации резервистов в Маньчжурии.

Разгадав замысел советской Ставки, японское командование отказалось от обороны Центральной и Северной Маньчжурии как не представлявших стратегическую ценность и начало планомерно готовить к войне плацдарм в треугольнике Дайрэн – Синьцзин – Тумэнь, далее на Корею, где были сосредоточены крупнейшие за пределами Японии мощности военной промышленности.

Несмотря на внезапное нападение 9 августа, командование Квантунской армии сохранило устойчивое управление войсками. Согласно плану оборонительной операции, приграничные соединения в Учагоу, Хайларе, Хутоу, Сунью и Эрчжане должны были задержать наступление частей Красной армии и упорно оборонять дороги, не допуская продвижения по ним советских войск вглубь Маньчжурии, в то время как главные силы японцев постепенно оттягивались к основному рубежу обороны. Фактически это означало, что войска должны были стоять насмерть на занимаемых позициях. В ходе боев японские части запечатали действовавшие против них войска 39-й, 36-й и 2-й Краснознамённой армий, не дав им продвинуться вглубь Маньчжурии вплоть до капитуляции Квантунской армии 18 августа.

Более того, наносившая главный удар из Монголии 6-я гвардейская танковая армия, не встречая на пути японские войска, со значительными трудностями преодолела Большой Хинганский хребет, после чего фактически встала из-за размытия дождями дорог и исчерпания запасов топлива, которое получала транспортными самолётами. Это, в итоге, и спасло её от разгрома, так как в случае выхода к Мукдену и Синьцину она напоролась бы на невоскрытую разведкой главную полосу обороны японцев, насыщенную тяжёлой, зенитной и полевой артиллерией.

Наибольших успехов советскому командованию в ходе Маньчжурской операции удалось добиться только в полосе обороны 5-й японской армии в Приморье, где против 3 её пехотных дивизий и погранотряда наступали 20 стрелковых дивизий и до 50 бригад. Однако даже при таком беспрецедентном сосредоточении сил и средств фронт сумел лишь окружить занимавшую передовой рубеж обороны 124-ю пехотную дивизию, в то время как 126-я и 135-я дивизии организовано, с боем 16 – 17 августа отступили через Муданьцзян на вторую из четырёх полос обороны 5-й армии в Хэньдаохэцзы.

Вопреки широко тиражируемому утверждению о том, что войскам 1-го Дальневосточного фронта удалось в решающем сражении за Муданьцзян разгромить 5-ю японскую армию, этот город не представлял интереса для оборонявшихся, поэтому в ночь с 15 на 16 августа по приказу командования 126-я и 135-я дивизии снялись с позиций, отошли через Муданьцзян в Хэньдаохэцзы, оставив прикрывать свой отход офицерскую школу и пехотный батальон. Однако даже такой малочисленный арьергард на сутки связал городскими боями в Муданьцзяне 4 стрелковые дивизии и 4 бригады, в результате чего из-за понесённых потерь 77-я и 257-я танковые бригады были выведены на восстановление.

Не выдерживает критики утверждение отечественных историков и о том, что Квантунская армия оказывала упорное сопротивление советским войскам до 23–25 августа. Фактически боевые действия прекратились 16 августа, после того как Ямада Отодзо получил приказ Ставки прекратить сопротивление в соответствии с императорским указом о капитуляции от 14 августа, вступить в переговоры с советским командованием и начать сдачу оружия, который немедленно дошёл указ до нижестоящих штабов. К этому моменту в боевых действиях участвовала только треть группировки войск армии и с большой натяжкой считать понёсшими крупные потери можно только две (107-ю и 124-ю) из 31 её пехотных дивизий. Отметим, что принявшая на себя наиболее мощный удар советских войск 5-я армия сохранила две трети своего потенциала, а оперативно-тактическая авиация – весь.

По состоянию на 17 августа войска трёх советских фронтов, превосходившие противника по личному составу в 1,8 раз, по танкам и САУ – в 6,6 раз, по артиллерии – в 5,2 раза, по авиации – в 5,1 раза, не смогли окружить и расцечь главные силы японцев, находившихся на значительном удалении от основного рубежа обороны Квантунской армии в Юго-Восточной Маньчжурии, а на хайларском, таонаньском и сахалинском направлениях остановились.

Библиографический список

Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. (2013) Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. Москва: Кучково поле.

История Второй Мировой войны 1939–1945. (1980) Т. 11. Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР.

Полутов А. В. (2016) Боевая организация и численность Квантунской армии во время Маньчжурской стратегической наступательной операции советских войск в августе 1945 г. *Актуальные проблемы современной Японии*. Выпуск XXX. Москва: ИДВ РАН. С. 163–194.

References

Daitōa sensō kōkan senshi. Dai 73. Kantōgun. 2. Kantokuen, shūsenji-no taisosen. (1974) [The Official History of the War in Greater East Asia. Volume 73. The Kwantung Army. 2. Special Maneuvers of the Kwantung Army, the War With the Soviet Union at the End of the War]. Tokyo: Asagumo shimbunsha (In Japanese).

Daitōa sensō kōkan senshi. Dai 82. Daihon'ei rikugun bu. 10. Shōwa 20 nen 8 gatsu made. (1975) [The Official History of the War in Greater East Asia. Volume 82. Army Directorate of the Imperial General Headquarters. 10. Events before August 1945]. Tokyo: Asagumo shimbunsha (In Japanese).

Istoriya Vtoroi Mirovoi Voiny 1939–1945. Tom 11. (1980). [The History of World War II 1939–1945. Volume 11]. Moscow: Voennoe Izdatel'stvo Ministerstva Oborony SSSR. (In Russian).

Polutov, A. V. (2016). Boevaya organizatsiya i chislennost' Kvantunskoi armii vo vremya Man'chzhurskoi strategicheskoi nastupatel'noi operatsii sovetskikh voisk v avguste 1945 g [Combat Organization and Strength of the Kwantung Army During the Manchurian Strategic Offensive Operation of the Soviet Troops in August 1945]. In *Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii* [Current Problems of Contemporary Japan], XXX (pp. 163–194). Moscow: Institute of Far Eastern Studies of RAS (In Russian).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t. Tom 5. Pobednyi final. Zavershayushchie operatsii Velikoi Otechestvennoi voiny v Evrope. Voina s Yaponiei. (2013). [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. Volume 5. A Victorious Finale. The Final Operations of the Great Patriotic War in Europe. War With Japan]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 174–211
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 174–211
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-174-211

Придворная традиция Японии в «Собрании стародавних повестей»

Н. Н. Трубникова, М. С. Коляда

Аннотация

Среди памятников японской словесности эпохи Хэйан (794–1185) «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю*», 1120-е гг.) выделяется тем, что охватывает гораздо более широкий круг персонажей, чем исторические «зеркала», повести *моногатари*, ранние воинские сказания и даже другие сборники поучительных рассказов *сэцува*. Наряду с жителями столицы и монахами здесь во множестве появляются миряне-простолюдины почти из всех провинций страны. Но и придворная традиция Японии в «*Кондзяку*» представлена, причем не только в свитке, отведенном сановникам из рода Фудзивара (22-м), но и в других разделах. Ее можно проследить, сопоставляя «*Кондзяку*» с текстами придворного круга или же с более поздними сборниками *сэцува*, составители которых ведут речь в основном о жизни столичной знати и заимствуют отдельные рассказы из «*Кондзяку*».

Можно также исходить из упоминаний в рассказах терминов, обозначающих высшие государственные должности, и сравнивать контексты таких упоминаний. В статье опробованы оба эти подхода и показано, как придворные сюжеты, заимствованные из текстов «песенных повестей» *ута-моногатари*, перерабатываются и становятся частью традиции *сэцува*, в которой продолжают существовать, получая различные интерпретации в разных собраниях; проанализированы рассказы, общие для «*Кондзяку*» и «*Сборника наставлений в десяти разделах*» («*Дзиккинсё*», XIII в). Сановники в «*Кондзяку*» появляются в самых разных обстоятельствах и ролях, проявляют разнообразные чувства, демонстрируют всевозможные таланты. Действуют в сборнике и придворные дамы, начиная с самих государынь; их жизнь бывает описана как в стиле утонченной придворной прозы, так и в более грубых подробностях. Японская придворная традиция сопоставляется с индийской и китайской – какими они представляются составителю по знакомым ему текстам. В приложении к статье публикуются переводы рассказов из «Собрания стародавних повестей», посвященных жизни хэйанского двора.

Ключевые слова: поучительные рассказы *сэцува*, «Собрание стародавних повестей», «*Кондзюку моногатари сю:*», Хэйан, придворная культура, аристократы, государыни, сановники.

Авторы

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности: 129110, Москва, Проспект Мира, д. 70А, стр. 2, оф. 41.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6784-1793

Коляда Мария Сергеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности: 129110, Москва, Проспект Мира, д. 70А, стр. 2, оф. 41.

E-mail: kolyada-ms@y360.ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-9613-9714

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в Институте логики, когнитологии и развития личности в рамках проекта «Традиция и способы ее освоения в японской религиозно-философской мысли IX–XII вв.: по “Собранию стародавних повестей”» (РНФ, проект № 22-28-01384).

The Court Tradition of Japan in *Konjaku Monogatari*shū

N. N. Trubnikova, M. S. Kolyada

Abstract

Among the literary works of the Heian era (late 8th – 12th centuries), *Tales of Times Now Past* (*Konjaku Monogatari*shū, 1120s) is notable for covering a much broader range of characters than *kagami* historical texts, *monogatari* tales, early *gunki-monogatari*, and even other compilations of *setsuwa* didactic tales. Among the characters, there are numerous laypersons from nearly all provinces of Japan, along with residents of the capital and monks. But Japanese court tradition is represented in *Konjaku* as well, and not only in Chapter 22, which is devoted to

officials of the Fujiwara clan. This tradition can be investigated by comparing *Konjaku* with texts of the court literature or later *setsuwa* collections, compilers of which focus on life of the capital aristocracy and include in their works some tales from *Konjaku*. It is also possible to make a study based on the examination of terms used for the highest state offices and contexts of such terms' appearance. In this article, we tried to employ both approaches and showed how court stories, adopted from *uta-monogatari* poem-tales, were transformed and turned into a part of the *setsuwa* tradition, in which they continue to exist and receive various interpretations in various collections. For instance, we analyzed some tales which are common for *Konjaku* and *Jikkinshō* (*Collected Admonitions in Ten Sections*, 13th century). Dignitaries in *Konjaku* make their appearance in a great variety of situations, demonstrate multifarious emotions and possess different talents. Ladies of the court – starting with empresses – also act in this *setsuwa* collection. Their life may be described in the tales in the manner of refined court prose – or in a much ruder style. The court tradition of Japan itself is compared with the Indian and Chinese ones – as the compiler imagined them. Some tales from *Konjaku monogatari-shū* in Russian translation are placed in the annex to this article.

Keywords: *setsuwa* didactic tales, *Tales of Times Now Past*, *Konjaku Monogatari shū*, Heian, court culture, aristocracy, empresses, dignitaries.

Authors

Trubnikova Nadezhda Nikolaevna. Doctor of Sciences (Philosophy), researcher, Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality: Office 41, Bd. 2, 70A, Mira Av., Moscow, Russian Federation, 129110.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6784-1793

Kolyada Maria Sergeevna. Candidate of Sciences (Philosophy), researcher, Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality: Office 41, Bd. 2, 70A, Mira Av., Moscow, Russian Federation, 129110.

E-mail: kolyada-ms@y360.ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-9613-9714

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

The research is accomplished under the Russian Science Foundation in the Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality, within the project “Tradition and Methods of Its Development in Japanese Religious And Philosophical Thought of the 9th–12th Centuries: According to the “*Konjaku monogatari-shū*” (RSF, project № 22-28-01384).

Введение

Наша статья – часть исследования, в котором мы стараемся проследить, как в самом крупном памятнике традиции японских поучительных рассказов *сэцува*, «Собрании стародавних повестей» (далее – «*Кондзяку*»), соединяются разные традиции японской мысли. И если с такими традициями, как почитание «Лotosовой сутры» или даосские поиски бессмертия, дело обстоит сравнительно просто – они представлены в Японии текстами разных жанров, но каждый из этих рядов текстов объединен общими источниками, общим набором понятий, общими действующими лицами, – то постановка вопроса о придворной традиции требует пояснения. Речь идет о той традиции, что составила славу эпохи Хэйан как классического века японской культуры. Это традиция государева двора, сохраненная в мужских и женских дневниках, «Записках у изголовья» («*Макура-но со:си*»), «Великом зеркале» («*Оокагами*»), «Повести о расцвете» («*Эйга-моногатари*»); традиция, отраженная в «песенных повестях» *ута-моногатари*, в «Повести о Гэндзи» («*Гэндзи-моногатари*») и других «сочиненных повестях» *цукури-моногатари*. Далее она поддерживается множеством сочинений, написанных в пору, когда этот двор уже не существовал. В жанре сборников поучительных рассказов *сэцува* хэйанская придворная традиция представлена, например, в «Записках бесед Ооэ[-но Масафусы]» («*Годансё:*», 1107 г.) или в ретроспективном камакурском «Сборнике наставлений в десяти разделах» («*Дзиккинсё:*», 1252 г.). Но «*Кондзяку*» как раз этой традиции противопоставляется: когда «Стародавние повести» в XIX в. были включены в круг японской литературной классики, делалось это во многом затем, чтобы уравновесить знаменитые хэйанские тексты хотя бы одним крупным сочинением, где столичные аристократы не составляют большинства героев [Трубникова, Бабкова 2018]. И коль скоро традиция историй о государях и государынях, сановниках, придворных кавалерах и дамах в «*Кондзяку*» ограничена другими – традициями монашеских, воинских, разбойничьих и прочих историй, – значит, можно предположить, что и сама она будет выглядеть иначе, чем в случаях, когда повествование замкнуто в ней одной.

Вопрос о соотношении «*Кондзяку*» с традицией хэйанского двора можно поставить и по-другому. Как писал Акутагава Рю:носкэ в очерке «Оценка “Стародавних повестей”» (今昔物語鑑賞, «*Кондзяку*

моногатари кансё:», 1927 г.), «стиль этих авторов, рисующих с натуры, живо показывает нам душевную борьбу людей той поры. Конечно, и они, как мы, стонали от мук здешнего мира. “Повесть о Гэндзи” их страдания рисует в их самой изысканной красоте, “Великое зеркало” – в самой их старинной простоте. А “Стародавние повести” рисуют эти же их муки самыми грубыми чертами, едва ли не жестокими. Мы не можем не сопереживать печалю Блистательного Гэндзи, конечно, не можем не сочувствовать бедам господина Канэмита¹. Но вот, например, в “Стародавних повестях” рассказ “О том, как вышел из дому Ооэ-но Садамото, наместник Микава”² – что другое может вызвать у нас такую острую боль, когда перехватывает дыхание?» [Akutagawa 1927]. Здесь разница между традициями – не в предмете изображения, а в стиле и в способе рассмотрения любых предметов.

И в самом деле, если отбирать рассказы «*Кондзяку*» по месту действия, многие из тех, где действие происходит при дворе, на языке придворной словесности изложить вообще невозможно – даже со всеми поправками на то, что вообще в хэйанской классике грубости и жестокости куда больше, чем кажется при ретроспективном взгляде. Самые выразительные примеры здесь – даже не те, где во дворце орудует нечистая сила (такие истории у придворных писателей есть), а те, где

---

¹ Фудзивара-но Канэмита (925–977), канцлер при государе Энью. В «*Оокагами*» он описан как блестящий аристократ, но человек безжалостный (это подчеркнуто эпизодом, где гость выпускает фазана, который стал бы закуской к столу канцлера [Оокагами 2000, с. 109–110]); Канэмита без вины лишает своего брата, будущего Великого министра Канэиэ, всех должностей и рангов [Там же, с. 112]. Самому Канэмиту доводилось находиться под домашним арестом вместе с братьями, причиной тому была их сестра, государыня Анси, своим необузданным нравом не раз навлекавшая на себя и родных гнев супруга, государя Мураками. В «*Кондзяку*» Канэмита появляется как герой рассказа 28–21 (здесь и далее при ссылах на «*Кондзяку*» первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа): в юности он насмеялся над одним из придворных, прозвал его Вечнозеленым, Аоцунэ-но кими, за нездоровый цвет лица; государь Мураками велел Канэмиту извиниться, и он устроил при дворе пирушку в зеленых тонах (зеленая посуда, зеленые наряды свитских и т.д.).

² Рассказ 19–2. В нем Ооэ-но Садамото (962–1034) бросает жену и уезжает на службу в край Микава с возлюбленной; женщина умирает, и Садамото несколько дней не велит ее хоронить, не в силах смириться со случившимся. Затем описаны живодерские развлечения его подчиненных и то, какой болью на это отзывается наместник. Садамото возвращается в столицу, принимает монашество, однажды приходит за подаянием в дом бывшей жены и спокойно выслушивает ее укоры. Потом он решает уехать в Китай, в слезах прощается с сыном, в Китае над ним насмеются местные монахи, но он являет чудеса и в итоге добивается уважения и у императора, и у простых людей.

герои покидают государеву службу, мирскую или монашескую, ради более важных дел. В рамках придворной традиции такое представимо – но с условием, что герой потом вернется ко двору или встретится (в храме, в горах, в сельской глуши) с людьми из придворного круга, так или иначе поучаствует в их судьбе. А в «*Кондзяку*» возвращения может не быть, и как раз вне дворца и вне столицы с героем происходит самое интересное; в этих случаях «*Стародавние повести*» ближе к традиции отшельнической, буддийской и даосской. Но нам бы хотелось поставить вопрос: есть ли в «*Кондзяку*» рассказы, где повествование ведется на языке придворной традиции, где ее точка зрения преобладает? И если да, то чем это обусловлено: источником, откуда взят рассказ, или чем-то еще?

Мы уже обсуждали рассказы «*Кондзяку*» о государях Индии, Китая и Японии [Трубникова 2022] и о сановниках из рода Фудзивара в свитке 22-м [Коляда, Трубникова 2020]. В этой статье мы сосредоточимся на двух темах: пересечения между «*Кондзяку*» и текстами, которые можно отнести к придворной традиции, и рассказы о японских государынях и высших сановниках.

«*Кондзяку*» и повести *ута-моногатари*

Говорить об источниках поучительных рассказов *сэцува* вообще сложно, потому что за редкими исключениями³ мы не находим в сборниках прямых отсылок к каким-либо сочинениям и можем только предполагать, что составители были знакомы с текстом, где впервые (как считается сейчас) появляется тот или иной эпизод. В «*Кондзяку*», например, всемогущий «канцлер Мидо», он же Фудзивара-но Митинага (966–1028) действует в нескольких рассказах: покровительствует храмам, устраивает обряды (12–9, 12–22, 28–17), назначает на должности мирян (24–30, 24–51) и монахов (31–23). Сам он и его сын Ёримити (992–1074) получают подарки (26–12, 26–16, 28–30), Ёримити также вершит благочестивые дела (12–21), разбирает распри между придворными (24–29). Люди из окружения Митинага и Ёримити действуют в десятках рассказов. По меньшей мере некоторые из событий, отраженных в этих историях, упоминаются в «*Оокагами*»,

---

³ Например, в сборнике «*Дайнихонкоку Хоккэ-гэнки*» 1140-х гг. есть ссылки на сборник «*Нихон рё:ики*» рубежа VIII–IX вв., а в сборнике «*Хонтё: синсэн-дэн*» рубежа XI–XII вв. – на различные источники, включая летописи, стихотворения на *камбун* и др.

в дневниках, относящихся ко временам Митинага или Ёримити, в других источниках XI в. – но откуда именно о них узнали составители «*Кондзяку*», выяснить невозможно.

Иное дело – рассказы, где цитируются стихи и сообщения о том, кто, когда и в связи с чем их сложил. Здесь с большей уверенностью можно говорить, что *сэцува* прямо или опосредованно восходит к поэтической антологии и/или «песенной повести», куда входит стихотворение. В этом смысле источниками «*Кондзяку*» служат «*Исэ моногатари*» и «*Ямато моногатари*». Заимствования из них сосредоточены в основном в двух свитках: 24-м, где главного героя «*Исэ моногатари*» повествователи отождествляют с поэтом Аривара-но Нарихира (825–880) и ведут речь о его поэтическом мастерстве, и в 30-м, где из обеих повестей взяты истории несчастной любви.

Первый из рассказов о Нарихира (24–35) с небольшими сокращениями воспроизводит 8-й эпизод «*Исэ моногатари*»: начало путешествия поэта на восток страны, сложенные в дороге песни об ирисе-*какицубата*, о «столичной птице» *миякодори*, о горах Уцу-но яма и Фудзи. Но если в повести это лишь часть поездки героя, то в «*Кондзяку*» рассказ выглядит самостоятельным поэтическим описанием странствия, полного тоски по столице. Следующий рассказ (24–36) объединяет несколько эпизодов «*Исэ моногатари*»: 99-й⁴, где кавалер обменивается песнями с дамой, 82-й и 83-й, где говорится о дружбе героя с принцем и опять-таки идет обмен песнями, причем от имени принца отвечает другой поэт. Вероятно, три эпизода сведены в один рассказ, чтобы показать мастерство Нарихира в поэтическом диалоге, прямом или косвенном: в песнях более поздних (сложенных в пору, когда принц уже принял монашество) поэт отсылает к более ранним, из тех времен, когда они с принцем вместе ездили на охоту. Итог рассказа таков: «Этот средний военачальник Нарихира был сыном принца Або, сына государя Нара⁵, – человеком очень знатного рода. Но он отвернулся от мирского, очистил сердце (世を背て心を澄して) и, живя так, превосходно слагал песни *вака*».

Еще из «*Исэ моногатари*» взят один из самых страшных эпизодов (6-й), он пересказан в свитке 27-м, где речь идет о нечистой силе. На

---

⁴ По традиционной японской нумерации эпизодов «*Исэ моногатари*»; в переводе Н. И. Конрада номера эпизодов другие.

⁵ Дедом Нарихира был государь Хэйдзэй, он же Нара (прав. 806–809).

его примере можно показать, что повествователи «*Кондзяку*» меняют и добавляют.

«Исэ моногатари» 6 (перевод Н. И Конрада, [Исэ... 1979, с. 44–45])

В давние времена жил кавалер. Ему трудно было встречаться со своей дамой, но все же целый год он с ней поддерживал сношения, и вот, в конце концов, дама согласилась, и он, ее похитив, увел с собою под покровом полной темноты. И когда шли они по берегу реки Акутагава, про росинки, что лежали поверх травы, она у кавалера спросила: «Это что?»... Но путь далек был, ночь темна – чуть ли не место демонов то было, – и гром гремел ужасно, и дождь жестоко лил, отчего и кавалер, – к счастью, оказался здесь простой сарай – туда даму, вглубь самую втолкнув, сам у дверей при входе с луком и колчаном стал, все время помышляя: «Скорей бы ночь прошла!» И его даму те демоны одним глотком и проглотили. «Ах!» – воскликнула она, но в грохоте раскатов грома он не мог ее услышать. Понемногу ночь светлела. Смотрит он... и нет той дамы, что привел с собою... В отчаянии затопал ногами кавалер, заплакал, но... делать было нечего.

«То белый жемчуг,
или что?» – когда спросила
у меня она, –
сказать бы мне: «роса», и тут же
исчезнуть вместе с нею.

**«Кондзяку» 27–7. Рассказ о том, как подругу среднего
военачальника Аривара-но Нарихира сожрал демон**

В стародавние времена жил человек по имени Аривара-но Нарихира, средний военачальник Правой государевой стражи. Он был величайший на свете любострастник: едва услышит, что есть какая-нибудь красивая женщина, не важно, придворная дама или дочь в почтенном семействе, сразу думает: любой ценою увижусь с ней! И вот он прослышал, будто дочь одного человека и обликом, и обхождением такая красавица, каких свет не видывал. Нарихира истощил свой ум, измышляя всякие хитрости, но родители дочерью-красавицей очень дорожили, решили: зятя в невысоком чине не примем! И средний военачальник Нарихира – делать нечего! – не придумал ничего лучше как тайно выкрасть девицу.

Спрятать ее сразу было негде, он растерялся, а в северных окрестностях Ямасына была старая хижина в горах, заброшенная, никто там не жил, а при ней большая кладовая. Там даже двери были выломаны. И в полу не хватало досок, так что не всюду пройдешь. В этой кладовой, захватив с собою циновку, Нарихира и расположился с девушкой. Вдруг ударила молния, загремел гром, раздались голоса. Средний военачальник выхватил меч, а девицу спрятал в дальнем углу позади себя. Так он какое-то время стоял, а потом гроза утихла, шум смолк и настало утро.

А девушка не подает голоса. Средний военачальник встревожился, оглянулся – а там остались только голова ее да одежда! Средний военачальник удивился, испугался, сам толком не одевшись, убежал прочь.

Позже он узнал, что в той кладовой пропадают люди. Не было ни грома, ни молний: это всё демоны, что живут в кладовой.

Итак, не надо, не подумавши, заходить в незнакомые места! А уж оставаться там на ночь – даже и думать нечего! Так передают этот рассказ.

Здесь песня *вака* оказывается необязательной, прозаическая часть эпизода годится для переработки в рассказ *эцува* сама по себе. Добавляются поучительные замечания в начале и в конце, причем они не соответствуют друг другу: «любоострастие» (*ирокономи*) – нехорошо, но речь не о нем, а о том, как опасны заброшенные здания, где водятся демоны. Также в рассказе сокращаются одни подробности (разговор, нужный для понимания стихов) и вводятся другие, объясняющие, зачем девушку потребовалось похищать (противодействие родителей); история стихотворения превращается в историю о нечисти.

Из «*Ямато моногатари*» в «*Кондзяку*» взят рассказ о Ёсиминэно Мунэсада (816–890), придворном, который после смерти государя Ниммё бросил службу и принял постриг (19–1 = Я 168)⁶. Этим рассказом открывается свиток, посвященный уходу в монахи, и в «*Кондзяку*» больше внимания уделяется размышлениям самого Мунэсада (в том числе опасениям, что новый государь к нему не благоволит), а также его деятельности как монаха. А в «*Ямато моногатари*» основное место занимают поиски исчезнувшего Мунэсада, ведомые его близкими, и его встречи с прежними светскими знакомыми в пору, когда он уже стал монахом. Песни в обеих версиях этой истории есть, что

---

⁶ Мы обозначаем соответствия между рассказами так: для рассказов «*Кондзяку*» – номера из двух цифр; для «*Ямато моногатари*» (Я) – номер эпизода; ниже для «*Дзюкинсё*:» (Д) первая цифра – номер раздела, вторая – номер рассказа в нем.

неудивительно, коль скоро Мунэсада, как и Нарихира, причисляют к лучшим поэтам Японии, но из его наследия отображены разные *вака*. Заметим, что позже в «Дзиккинсё:», где тоже есть рассказ о Мунэсада (Д 6–8), он трактуется третьим способом: как пример преданного подданного, способного служить лишь одному господину. Также к «*Ямато моногатари*» восходит рассказ, на котором обрывается повествование о роде Фудзивара в свитке 22-м: история злодея Токихира (871–909), отбравшего жену у собственного дяди (22–8 = Я 124).

В свитке 30-м выдержки из «*Ямато моногатари*» идут почти подряд. Это рассказы о девушке, постригшейся в монахини из-за любви к знаменитому любовнику Тайра-но Садафуми (30–2 = Я 103 = Д 5–12)⁷; о любви монаха Дзэдзо (891–964) к девушке, которую он обрядами исцелил от недуга (30–3 = Я 105); о встрече расставшихся бедных супругов, когда жена, ставшая теперь женою заместника, узнает бывшего мужа в бедняке с вязанкой тростника (30–5 = Я 148)⁸, о женщине, бежавшей с возлюбленным в дальнюю глушь и совершившей самоубийство близ горы Асака (30–8 = Я 155 = Д 5–9); о том, как злая жена подговорила мужа бросить в горах его престарелую тетку, но он в итоге не сделал этого (30–9 = Я 156); о том, как песни *вака* помогли женам вернуть неверных мужей (30–10 = Я 157; 30–12 = Я 158 = Д 8–7). В этом ряду появляется и 62-й эпизод «*Исэ моногатари*» (рассказ 30–4) – о горестной судьбе столичной дамы, впавшей в бедность: она уговаривает мужа уйти и вступить в выгодный брак, затем сама уезжает в провинцию, поступает в услужение к местному чиновнику и в конце концов встречается с бывшим мужем, когда он посещает те места. По сравнению с «песенной повестью» в «*Кондзяку*» эта история изложена гораздо подробнее и герой ее с Аривара-но Нарихира не отождествляется. Что до заимствований из «*Ямато моногатари*», отметим, что многие из них входят также

⁷ В обоих сборниках есть и другая история о Садафуми, где, наоборот, дама не поддается его обаянию и одурочивает его (30–1 = Д 1–29), восходит этот рассказ к «*Хэйто: моногатари*», причем в «*Кондзяку*» подробно рассказано, как кавалер похищает из покоев дамы ящик, служивший в качестве ночного горшка (надеясь, что после этого любовь сменится отвращением); в «*Дзиккинсё:*» эти грубые подробности опущены, сказано лишь, что кавалер «выдумал нечто беспримерное».

⁸ В «*Ямато моногатари*» сюжет рассказа существенно иной: женщина сама разыскивает бывшего мужа. В «*Кондзяку*» стихи мужа и жены те же самые, что в «песенной повести» но даны в обратном порядке, так что муж отвечает на слова жены (а в исходной версии она отвечает ему).

и в «Дзиккинсё»:»: отрывки из «песенной повести», переложённые в «Кондзяку» в рассказы *сэцува* (в данном случае с сохранением песен в составе рассказа), продолжают бытовать в этом качестве и в дальнейшем.

«Кондзяку» и «Дзиккинсё»:»

Описывая связь между «Кондзяку» и традицией придворной словесности, можно двигаться и другим путем: проследить судьбу рассказов из «Кондзяку» в ее более поздних текстах. Мы рассмотрим параллели между «Кондзяку» и «Дзиккинсё»:» – сборником *сэцува*, где рассказы о хэйанской столичной жизни составляют большинство (207 из 282), ибо одна из целей составителя – приобщить к придворной традиции читателей, которые по рождению к ней не принадлежат (скорее всего, это молодежь из воинских родов, близких к камакурской ставке [Трубникова 2023]). По нашим подсчетам, два памятника имеют около тридцати общих рассказов (точная цифра зависит от того, какую меру совпадения считать достаточной).

Распределение их любопытно. Из индийской части «Кондзяку» в «Дзиккинсё»:» параллели имеют всего два рассказа. Один из них по сюжету совпадает с японским преданием (более всего известным по пьесе театра Но «Великое собрание», «Дайэ»: монах спасает демона, и тот ему показывает наваждение – Будду в окружении толпы слушателей, 4–8 = Д 1–8). Другой в «Кондзяку» имеет местом действия Индию, но в большинстве других источников – Китай (крестьянская дочь предпочла слушаться родителей, а не государя, государь был впечатлен и женился на ней, 3–16 = Д 5–13). Гораздо шире представлены рассказы «Кондзяку» о Китае: для одного только 10-го свитка, отведенного китайским мирянам, мы находим в «Дзиккинсё»:» пять отсылок, больше параллелей имеет только 24-й свиток с его историями о японских поэтах. О том, из каких источников взяты эти рассказы в «Кондзяку», ведутся споры; скорее всего, не напрямую из «Исторических записок» Сыма Цяня и других китайских текстов, а из более ранних японских изложений. Можно сказать, что японские версии китайских преданий составляют часть придворной традиции Японии: это те поучительные примеры, которые следует знать образованному человеку. К ним относятся истории о поэте Сыма Сян-жу и его подруге, пример трудной, но счастливой любви (10–26 = Д 5–14);

об императоре Сюань-цзуне и его наложнице Ян-гуйфэй, пример любви гибельной (10–7 = Д 9–5)⁹; о Цзи-чжа, оставившем меч на могиле друга, пример верности (10–20 = Д 6–30), о том, как Конфуций загадывал загадки ученикам, пример остроумия (10–9 = Д 7–7), о яшме Бянь Хэ, пример тому, что таланты человека, пусть не сразу, но бывают оценены (10–29 = Д 10–72).

Буддийский раздел японской части «*Кондзяку*» в «*Дзиккинсё*:» представлен небольшим числом рассказов: всего шесть на десять свитков с 11-го по 20-й, причем три из них приходятся на свиток 19-й. Две истории помещаются в новый контекст и толкуются по-новому. В «*Кондзяку*» это рассказы о подвижниках, возродившихся в Чистой земле, а в «*Дзиккинсё*:» – о том, что дружба сильнее смерти (12–32 = Д 5–4 – о монахах начала XI в. Гэнсине и Кёдзо, 15–1 = Д 5–5 – о монахах VIII в. Тико и Райко). В обоих случаях друг, умерший первым, является оставшемуся в живых и сообщает о своем новом рождении¹⁰. К теме верности отнесен рассказ о Фудзивара-но Тосиюки (ум. 901): при дворе он славился как поэт, каллиграф и любострастный, между делом переписывал по заказам разных людей «Лотосовую сутру» без должного очищения, давал обеты и не исполнял их – и в итоге попал в ад, и только заботы друзей, довершивших начатую им работу над сутрой, вызволили его (14–29 = Д 6–27). В «*Кондзяку*» это пример воздаяния за небрежное обращение с сутрами, в «*Дзиккинсё*:» – пример нарушенной верности; здесь случай Тосиюки сопоставлен с историей двоих китайских каллиграфов, отца и сына (они буддистами не были, работали по приказу государя, и сын, вопреки завету отца сделавший надписи на свитках «Лотосовой сутры», спас тем самым отца от адских мук). Еще один пример резкой смены контекста – это история Минамото-но Тоору (822–895), министра, который после смерти является отрешенному государю

⁹ Две эти истории любви входят также в сборник «*Кара моногатари*» (там это эпизоды 5-й и 18-й) [Кара моногатари, 2021].

¹⁰ В контексте «*Дзиккинсё*:» эти случаи соответствуют той схеме, которую вычленяет П. Шэлоу, говоря о «поэтике придворной дружбы» [Schalow 2007]. Вообще отношения между людьми в текстах придворной традиции мыслятся как подчиненные всеобщей иерархии, так что равенство невозможно; для дружбы место остается там, где иерархическое соподчинение неоднозначно. Такова в «*Исэ моногатари*» дружба героя с принцем, ушедшим в монахи. Иерархия внутри монашеской общины может строиться по-разному: на основе успехов на храмовой службе, или учености, или подвижнических заслуг; эта неоднозначность и создает условия для дружбы.

Уда-ин, когда тот посещает его усадьбу (27–2 = Д 5–1). В «Кондзяку» это рассказ о призраке вельможи, который при жизни был жесток и жаден, в «Дзиккинсё:» – пример нерасторжимой связи правителя и подданного. Позже в пьесе театра Но «Тоору» будет разработана версия, сводящая эти два толкования воедино.

Самая большая подборка рассказов из «Кондзяку», воспроизведенных в «Дзиккинсё:», – это истории о японских поэтах из свитка 24-го, вошедшие в «Дзиккинсё:» в основном в 10-й раздел, где собраны примеры различных человеческих талантов. В сборниках XIII в. «рассказы о чудесной силе песен», *катаку сэцува*, образуют поджанр в рамках жанра поучительных рассказов. В «Кондзяку», как нам представляется, этот поджанр выделить еще невозможно, но уже здесь мы находим истории, которые в дальнейшем станут хрестоматийными: о поэтессе Акадзомэ-эмон, которая песней *вака* вымолила у богов жизнь сына (24–51 = Д 10–15); об Ооэ-но Садамото, который прочел *вака* на обертке зеркала и принял наконец решение уйти в монахи (24–48 = Д 10–48); о Фудзивара-но Тамэтоки (отце Мурасаки Сикибу, написавшей «Повесть о Гэндзи»), который стихами *канси* добился назначения на должность (24–30 = Д 10–31); о пожилом провинциальном чиновнике, который песней смягчил сердце наместника и избежал грозившего ему наказания (24–55 = Д 10–39); о Фудзивара-но Нобунори, сыне Тамэтоки, который песней оправдался, когда нарушил правила чистоты в святилище Камо (24–57 = Д 10–37)¹¹.

Несколько историй из этого же ряда в «Дзиккинсё:» помещены в другие разделы: предсмертная песня государыни Тэйси, обращенная к супругу, взята как пример чуткости к чувствам любимого (24–41 = Д 1–11); песня Фудзивара-но Юкинари в память о государе Энью-ин – как пример верности подданного правителю (24–40 = Д 6–9). Остроумная песня юного Ооэ-но Масахира, после которой над ним при дворе перестали насмехаться (24–52 = Д 3–2), и разъяснение старой служанки к китайским стихам, поразившее придворных стихотворцев (24–27 = Д 3–3), учат тому, что никого из людей не следует презирать. Два последних случая любопытны тем, что в них заменимы действующие лица: в «Дзиккинсё:» место Масахира занимает его потомок Масафуса, а роль знатока словесности,

---

¹¹ В обоих сборниках есть также рассказ о кончине Нобунори, где приведены его предсмертные строки (31–28 = Д 1–45).

в чьем доме даже служанки разбирались в стихах, отдана не Ооэ-но Асацуна, как в «*Кондзюку*», а Сугавара-но Фумитоки. Эти рассказы говорят об особой силе, присущей *вака* и *канси*, но вместе с тем и о месте поэзии в быту столичной знати, о том, что трудные этапы своей жизни человек этого круга непременно отмечает стихами или песней. В 24-м свитке «*Кондзюку*» есть и истории менее драматичные, где сочинение песен составляет часть обычных занятий кавалера или дамы. Самый длинный в «*Кондзюку*» рассказ о поэте, построенный как подобие личного сборника песен *вака* (24–38), посвящен Фудзивара-но Митинобу (972–994) – стихотворцу известному, но не самому знаменитому; в «*Дзиккинсё*:» Митинобу не упоминается вовсе.

Из сопоставления «*Кондзюку*» с текстами придворной традиции можно видеть: хотя бы отчасти эта традиция составителям знакома, и истории, связанные с ней, входят в традицию *сэцува* через «*Кондзюку*» (вполне вероятно, что и через другие собрания тоже, но и через «*Стародавние повести*» в том числе). При этом тема «пути придворного» здесь еще не выделяется как самостоятельная. В *сэцува* она будет разрабатываться и дальше, получит членение на разделы: «служба», «частная жизнь, дружба и любовь», «talанты», «чуткость» (важнейший навык служилого человека – умение распознавать прямо не высказанные чувства и намерения людей, будь то вышестоящие, товарищи по службе или подчиненные) и др. Для большинства подобных разделов уже в «*Кондзюку*» можно подобрать подходящие рассказы, что и делают составители более поздних сборников. Но в самом «*Кондзюку*» рассказы о придворных разнесены по другим рубрикам, где соседствуют с историями о монахах, воинах и простолюдинах. Наибольшее число высокопоставленных мирян действует в свитке 22-м, где речь идет о судьбе рода Фудзивара; в 12-м, где изложена история буддийских обрядов в Японии (их в «*Кондзюку*» учреждают государыни и сановники, тогда как государи чаще основывают храмы, причем тем и другим неизменно помогают монахи); в 19-м, где разбираются житейские причины для ухода в монахи (для этого нужно знать подробности жизни мирянина, а они, разумеется, для знатных людей известны лучше)¹²; в 24-м, где врачевание, гадание и другие

¹² В 19-м свитке говорится о том, как принять постриг решают уже взрослые люди, прожившие значимую часть жизни в миру; что же касается знаменитых японских монахов (в свитках 12-м, 13-м и др.), то они в большинстве своем поступают на обучение в храм еще детьми, и в их историях чаще упоминаются причины чудесные: вещие сны и пр.

искусства представлены в основном мастерами не самого высокого положения¹³, но музыка и поэзия – творчеством знатнейших особ (хотя и не только их); в 30-м, где собраны любовные истории. Таким образом, таланты, любовь и верования аристократа в «*Кондзяку*» показаны весьма выразительно; отметим, что и в основных памятниках хэйанской придворной традиции эти темы никак не менее важны, чем тема службы, а в более поздних текстах из хэйанской жизни – пожалуй, даже важнее. Но можно ли сказать, что служба как таковая, должностные обязанности и полномочия, политические интриги, то, что, собственно, делает придворного придворным, для рассказчиков «*Кондзяку*» неинтересны? Чтобы выяснить это, рассмотрим рассказы, где герои появляются с указанием их должностей при дворе.

Японские государыни и знатные дамы

Аристократки – не считая принявших постриг – появляются в «*Кондзяку*» в двух ролях: чьи-то жены и дочери или служилые дамы. Первых героинь намного больше: хотя у женщин во дворце была своя система должностей и дамы могли делать собственную карьеру (см., например: [Мурасаки 2010, с. 106–109]), в «*Кондзяку*» об этой стороне женского пути почти ничего не говорится. В целом о придворной традиции, какой она представлена в «*Стародавних повестях*», можно сказать, что ее взгляд – мужской.

Жены и дочери сановников выступают не только в качестве объекта любовного интереса героя-мужчины, но и сами творят (например, слагают песни *вака*), принимают решения, выбираются из сложных жизненных ситуаций и иногда открыто противостоят мужчинам: так, в рассказе 30–1 героиня умело избегает навязчивого кавалера, на каждую его хитрость отвечая своей и строго держась при этом в рамках предписанных для дамы правил поведения¹⁴. В рассказе 30–2 о том же любострастнике звучит мотив, хорошо знакомый читателям повестей *цукури моногатари*: дама ждет письма от кавалера наутро после

---

¹³ Есть и исключения: например, принц Кая (794–871), сын государя Камму, в рассказе 24–2 действует как изобретатель хитроумного механизма, а государь Дайго (884–930) в рассказе 24–6 – как мастер игры *го*.

¹⁴ Женщины менее высокого статуса ведут себя еще решительнее: в рассказе 28–1 изменщик-муж, дворцовый охранник, во время праздника в святилище пытается приударить за собственной женой, не узнавая ее, а она выставляет его на посмешище и выгоняет из дома (но потом прощает).

свидания, он не пишет, что с его стороны означает крайнее пренебрежение (хотя читатели знают, что он так ведет себя не нарочно, а по безалаберности), и дама в итоге постригается в монахини.

В рассказе 24–51 поэтесса Акадзомэ Эмон способствует тому, чтобы ее сын получил желаемую должность, – пишет стихотворное послание, причем отправляет его не мужчине, а даме, в свите которой состояла: это госпожа Такацукаса, она же Минамото-но Ринси, жена Фудзивара-но Митинага. В конечном счете Митинага видит песню Акадзомэ и оценивает по достоинству. Женщины могут решать проблемы сообща, своими силами, например, в рассказе 11–32: «...госпожа Такако¹⁵ собрала служилых дам, все ей откликнулись – и старшие, и средние, и младшие – и вместе они общими усилиями изготовили образ Каннон, Внимающего Звукам: золотого, ростом в восемь сяку [около 2,4 м] с одиннадцатью лицами и четырьмя десятками рук».

Среди дам, чье положение в дворцовой иерархии в «Кондзяку» указано, высшее положение занимают, конечно, государыни. В индийской части сборника действует множество цариц и царевен, праведных и неправедных, начиная с Майи, матери Будды, его тетки Махапраджапати и его супруги Яшодхары. Здесь уделяется место не только главному конфликту буддийских текстов о женщинах – должна ли существовать женская монашеская община – но и темам, казалось бы, мирским: так, образец для последующих историй несчастной любви задают рассказы о Будде и Яшодхаре, чья связь неразрывна на протяжении многих перерождений и всякий раз приносит горе обоим. Самостоятельность женщины-мирянки в делах благочестия нисколько не осуждается: в рассказе 3–25 царица нарушает запрет мужа и идет слушать наставления о Законе Будды, зная, что это будет стоить ей жизни; царь пытается убить ее, но случается чудо, и она остается невредимой. В китайской части собрания деятельных героинь несколько меньше, но они есть, почти все – либо почтительные дочери, либо преданные сторонницы буддийского учения, иногда – злые мачехи. И в обеих «заморских» частях «Кондзяку» структура государева двора предполагает сотни, а то и тысячи жен и наложниц.

Упоминания японских правящих государынь встречаются как маркер времени – в рассказах, восходящих к «Японским легендам о чудесах» («Нихон рё:ики», рубеж VIII–IX вв.). В этом смысле между

¹⁵ Миёси-но Такако, жена военачальника Саканоуэ-но Тамурамаро (758–811).

«правлящими» государынями и государями разницы нет: по указанию правительниц – Суйко, Гэммё, Кокэн – возводятся храмы, устраиваются обряды. Но похожая роль принадлежит и государыне-супруге Комё, жене государя Сёму. Еще в юности, до восшествия на престол, Суйко, чья вера крепче, чем у родичей-мужчин, спасает образы будд, не позволяя противникам буддизма уничтожить их. Государыня Дзито (20–41) показана как разумная правительница, способная прислушаться к мудрому советнику и изменить свои планы. О Кокэн сказано, что она «обладала дарованиями, преуспела больше всех на пути учености» (12–4), и обряд, учрежденный ею, сохраняется веками на благо всей страны.

Наиболее положительные примеры японских государынь относятся к тому же рубежу X–XI вв., что и примеры выдающихся служилых дам, и мудрых сановников: это век государя Итидзё, самая блестящая пора эпохи Хэйан. В рассказе 24–41 появляются две супруги этого правителя: Фудзивара-но Тэйси, умершая раньше мужа, и Фудзивара-но Сёси, пережившая его; обе слагают прекрасные стихи.

В отрицательном контексте царственные жены выступают тоже. В рассказе 11–6 благосклонность государыни Комё к монаху Гэмбо вызывает недовольство подданных и провоцирует мятеж; рассказчик при этом государыню не осуждает, неправыми остаются мятежники. В роли изменницы в японской части *«Кондзюку»* действует царица корейского государства Силла (16–19): она благочестива, но неверна супругу, и от гнева мужа ее спасает бодхисаттва Каннон. В рассказе 19–18 вдовствующая государыня Фудзивара-но Дзюнси, пожелавшая принять монашество, показана как женщина искренняя, но не слишком умная: она не всегда способна поступать сообразно обстоятельствам, то есть в какой-то мере лишена социального навыка «чуткости», *кочоробасэ*. И самый мрачный пример – история безумия государыни Сомэдоно, она же Фудзивара-но Мэйси (829–900): в рассказе 20–7 она одержима духами, ее красотой соблазняется монах, приглашенный провести обряд исцеления, и затем монах умирает, возрождается демоном-*тэнгу* и околдовывает ее. Она опозорена перед всем двором, и хотя ее вины в происходящем вроде бы и нет, мораль рассказа такова: женщинам нельзя сблизиться с монахами.

Действующих героинь в статусе царевен и принцесс в японской части, в отличие от индийской, немного. В рассказе 17–46 бедная царевна молится богине Китидзё, чудом получает припасы для пира –

и тем самым спасается от позора перед родичами. Неназванная царская дочь сходится с мужчиной, который оказывается змеем, и умирает, тщетно пытаясь удержать его (31–34). В двух рассказах (19–17 и 24–57) появляется принцесса Сэнси, жрица-сайин в святилище Камо. Помимо служения богам она – настоящая ценительница прекрасного, ее «двор» на удивление блестящ, а в конце жизни принцесса-жрица принимает постриг, обратившись сердцем к Пути Будды.

Одна из служилых дам, чья должность при дворе в «Кондзяку» указана, – это служительница государевой опочивальни, *мясудокоро*, по прозвищу Исэ, знаменитая поэтесса: как сообщается в рассказе 24–31, она не уступала в поэтическом искусстве выдающимся стихотворцам Осикоти-но Мицунэ и Ки-но Цураюки. Госпожа Исэ представлена как образец утонченности, как сочинительница, способная сложить прекрасную песню *вака* без всякой подготовки. В своей песне Исэ-но мясудокоро делает отсылку к произведению китайского поэта Ван Вэя, а значит, она знакома не только с родной словесностью, но и с материковой. В рассказе 24–47 она одной песней резонирует кавалера, стыдившегося связи с нею.

В поле зрения повествователей попадают не только взаимоотношения дам с их родителями, мужьями и детьми. В рассказе 24–42 описана сердечная дружба государевой наложницы *нэ:го* и дамы из ее свиты. После смерти госпожи дама отправляет ее отцу, Главному министру Фудзивара-но Санэёри, трогательное стихотворение и ракушки – пожертвование на чтение сутр.

Истории о жизни придворных дам в «Кондзяку» местами резко контрастны друг другу – вероятно, именно потому, что сборник наследует разным литературным традициям и описывает людей в разных случаях по разным правилам. Где-то это предание о чуде (царевна и змей; царицы в индийской части с их несметным множеством детей), где-то – повествование историческое и биографическое, где-то – составленное по лекалам хэйанской изящной прозы, где-то – бесстыдное, характерное для более грубых жанров. В целом получается, что области интересов аристократок, помимо брака, – это поэзия, покровительство искусствам и буддизму.

Японские сановники в «Кондзяку»

Охватить все рассказы японской части «Кондзяку», где встречаются названия придворных должностей, в рамках одной статьи невозможно. Здесь фигурируют писцы, инспекторы, охранники внутренних покоев 内舎人, *утонэри*, следователи, архивариусы, командиры Правой илилевой государственной гвардии и их подчиненные. В разных свитках собрания нередко появляются одни и те же люди – рассказчик отмечает их должность сообразно тому моменту, к которому отнесено повествование. Сановники же (как и монахи) часто называются по высшей должности, какую они когда-нибудь занимали. Ниже мы ограничимся только регентами, канцлерами, министрами и мужами государственного совета.

Прежде всего надо сказать, что в этом отношении японская часть собрания не похожа ни на индийскую, где действуют «сановники», «министры» 大臣, *отодо*, или «вельможи», «богачи», «влиятельные люди» 長者, *тё:ся*, без дальнейших уточнений, – ни на китайскую, где задействуется большой набор терминов для должностей разных эпох. В том и в другом случае повествователи «Кондзяку» опять-таки следуют за источниками: за китайскими переводами (пересказами) индийских буддийских текстов, где древние царства Индии обрисованы лишь в общих чертах, и за записями китайских преданий о чудесах, где положение героя в системе государственного управления важно для оценки самого чуда (а наряду с земной бюрократией имеется также загробный суд со своим штатом чиновников). Поскольку источники японской части «Кондзяку» более разнородны, постольку и в рассказах мы видим больший разноробой: где-то статус героя описан со всеми возможными подробностями, где-то достаточно сказать «один человек», а где-то для места рождения, прозвания, имени или времени жизни оставлены пропуски: «При государе [...] в уезде [...] края [...] жил человек, звался он [...]–но [...]–маро». Наиболее обстоятельны описания героев в рассказах об эпохе Нара – поскольку почти все они взяты из «*Нихон рё:ики*», где повествователь, как правило, характеризует героев предельно точно. По мере продвижения ко временам составления «Кондзяку», рубежу XI–XII вв., точность характеристик падает¹⁶.

¹⁶ Недавние времена для повествователя в «Кондзяку» – это середина XI в., пора канцлера Фудзивара-но Ёримити, изредка – еще более поздние годы. Отмечено это,

Упоминания придворных должностей в «*Кондзяку*» можно разделить на три типа: речь идет о должности как таковой, или в рассказе действует герой, занимающий эту должность, или же герой рассказа характеризуется через отношения с таким человеком (родственные, служебные и др.). Мы учитываем только те должности, которые названы в тексте собрания: если, например, Фудзивара-но Ёсифуса (804–872), первый регент из рода Фудзивара, появляется в рассказах как канцлер, то и мы относим его к канцлерам, но не к регентам.

Регент 撰政, сэссё:, среди действующих лиц «*Кондзяку*» всего один: это Фудзивара-но Корэтада (924–972). В рассказе 15–14 он – отец героев: братья умерли в один день при моровом поветрии, и один из них возродился в Чистой земле; затем этот же рано умерший поэт является после смерти и читает стихи (24–39); в рассказе 28–8 монахи вышучивают друг друга во время чтений сутр в усадьбе Корэтада. Еще в двух рассказах (22–2, 22–5) упомянуты сами должности «регентов и канцлеров», сэссё: *кампаку*, когда речь идет о могуществе семьи Фудзивара в целом: это потомки Фудзивара-но Фусасаки (681–737) и Фудзивара-но Нагара (802–856).

Канцлеров 関白, *кампаку*, действует шесть. Канцлер и Главный министр, *кампаку-дайдзэ: дайдзин*, Фудзивара-но Ёсифуса является как отец государыни Сомэдоно, пригласивший к ней монаха (20–7), а также как отец супруги государя Энью (19–18). Канцлер и Главный министр Фудзивара-но Мотоцунэ, преемник Ёсифуса, особо выделен среди потомков Нагара (22–5), являет собой пример процветания как отец обширного семейства (22–6), упомянут как отец злодея Токихира (22–8). Канцлер Фудзивара-но Тадахира (880–949), другой сын Мотоцунэ, фигурирует в рассказе 19–9 как отец героя, погубившего собственного сына. Канцлер Фудзивара-но Мититака (953–995) – супруг госпожи, для которой монах творит обряды в рассказе 13–16. И еще два канцлера – это Митинага и его сын Ёримити. В рассказах о храмах в свитке 12-м их благочестивые деяния кратко описаны, но не показаны. Канцлер и Главный министр Митинага подносит дары построенному им же храму Ходзэджи в столице (12–22); Ёримити как канцлер и Левый министр, *кампаку-садайдзин*, восстанавливает сгоревший храм Кофукудзи

в частности, глагольными формами прошедшего времени на *-ки*, а не на *-кэри*, в рассказах 27–21 и 27–27.

в Нара (12–21), а как канцлер и Министр двора, *кампаку-найдай-дзин*, посещает храм Ходзэйдзи (12–22, 12–23). Жена Ёримити как супруга канцлера наблюдает чудо в храме Сэкидэра вместе с супругой Митинага, госпожой Такацукаса (12–24). На пиру у Ёримити поэт слагает стихи (24–33); его же «доверенный человек» 候し者, *сабураиси моно*, встречается с призраком (27–21).

Отметим еще одну роль канцлеров. В рассказе 23–14 Ёримити, названный не по должности, а по усадьбе – «господином Удзи», – подводит итог, именуя «необычным человеком» главного героя: здесь это главалевой дворцовой стражи Тайра-но Мунэцунэ, добившийся необычайной слаженности действий от своих подчиненных. Такая роль слушателя-резонера для Ёримити неудивительна: именно его приближенным был Минамото-но Такакуни (1004–1077), предполагаемый составитель «*Кондзяку*». Снова, уже как канцлер, Ёримити выступает в похожем качестве в рассказе 27–28. Государыня, сестра Ёримити, проводит весенние дни в отцовской усадьбе и слышит там среди цветущих деревьев таинственный голос: некто незримый читает стихи. Она посылает весть об этом брату-канцлеру и получает ответ: такое случается каждую весну. Правда, государыню это не успокаивает, и повествователь не берется решить, принадлежал ли голос призраку, демону или кому-то еще. Еще в двух рассказах события завершаются тем, что о них сообщают канцлеру, не названному по имени: о сыне, который после проигрыша на состязаниях позволил старику-отцу избить себя (19–26), и о юноше, который укрыл от дождя малознакомого человека, хотя на самом деле тот доводился ему отцом; вырос юноша в другой семье, о родстве своем с этим человеком ничего не знал (19–25).

Главных министров 太政大臣, *дайдзэ: дайдзин*, в собрании названо восемь, в их числе принц Нагая (684–729), который на самом деле этой должности не занимал. Рассказ о нем (20–27) заимствован из «*Нихон рё:ики*» (2–1): однажды принц ударил наглого послушника, а затем был ложно обвинен в заговоре, покончил с собой, и даже его останки приносили людям несчастья. Злоключения принца мыслятся как воздаяние за его дурной поступок; мораль рассказчик видит в том, что монахов обижать нельзя, пусть и дурных: мотив этот будет повторяться еще во многих текстах, например, в камакурских «Записях при свете светильника о конце Закона» («*Манпо: то:мэ:ки*», см.: [Трубникова, Бабкова 2014, с. 440–455]).

Из хэйанских Главных министров в «*Кондзяку*» упомянуты первые четыре: Ёсифуса, Мотоцунэ, Тадахира, Санэёри (900–970), а затем – Ёритада (924–989), Митинага и Кинсуэ (957–1029); все они принадлежат к роду Фудзивара. Ёритада повествователь вспоминает лишь как отца вдовствующей государыни (19–18) и как отца поэта Кинто: (24–34). Санэёри показан как ценитель прекрасного и как любящий отец. Он дарит гостю одежды из шелка такого качества, что они не намокают в воде (24–4); призывает поэта Фудзивара-но Ацутада (906–943) сочинить песню о цветущих вишнях у себя в саду, а сам, не считая себя способным сложить достойный ответ, читает строки другого поэта (24–32). Скорбя об умершей дочери, он отзывается песней на подарок, полученный от ее свитской дамы в память о ней (24–42). Как ценитель поэзии в «*Кондзяку*» представлен также и Митинага; «чуткое сердце» – одно из качеств, которыми должен обладать высший сановник государства как пример для остальных аристократов. Кинсуэ приезжает поклониться волу, в образе которого явился будда Кашьяпа, но пытается проехать во двор храма в возке. Вол уходит, а министр понимает свою ошибку и раскаивается, после чего вол возвращается (12–24). В рассказе 12–35 Кинсуэ в молодости удостаивается другого чуда – его исцеляет читающий сутру отшельник.

Левых министров 左大臣, *садайзин*, упомянуто тринадцать, Правых 右大臣, *удайзин*, шесть, Министров двора 内大臣, *найдайзин*, четыре; встречаются и просто «министры» – как в индийской части (например, в рассказе 28–6, где имя сановника не называется, впрочем, министр в этой истории сам не действует, его лишь упоминает пожилой придворный как человека, который прилюдно упал с коня и потерял шапку; имя деликатно пропущено).

Из четырех Министров двора деятельных героев только двое: Каматари, основатель рода Фудзивара, поддержавший будущего государя в борьбе против Сога-но Ирука, и Такафудзи, получивший должность благодаря удачной карьере дочери; сам рассказ о нем – история его случайной связи с женщиной, которая стала его женой [Коляда, Трубникова 2020]. Среди Левых министров есть уже упоминавшийся призрак – Минамото-но Тоору. Государь изгоняет его, говоря: ты не знаешь «правил» 理, *котовари* (27–2). Рассказ перекликается с другой историей из этого же свитка: государственный советник Миёси-но Киёюки (847–918) переезжает в новый дом, там его пытаются напугать лисы-оборотни, а Киёюки не просто не боится, но и дает лисам

суровую отповедь, обвиняя их в том, что они не следуют «правилам», – и им остается только покориться и уйти (27–31). В рассказе 27–19 духа видит Правый министр Санэсукэ – рассказчик признает его из-за этого «необычным человеком» (как и государя Уда-ин в рассказе о Тоору). Способность видеть то, что недоступно человеческому глазу, в «Кондзяку» – свойство мудреца [Коляда 2023].

Министры, как и прочие сановники, могут быть мастерами различных искусств: Правый министр Минамото-но Макото показан как прекрасный музыкант (24–1), Фудзивара-но Санэёри в бытность его Левым министром – как ценитель поэзии (24–32), а Правый министр Фудзивара-но Утимаро – не только добросовестный чиновник, но и великолепный наездник (22–4). Однако и министры совершают ошибки, иногда с печальными последствиями: так, Фудзивара-но Моромаса в гневе из-за разбитой дорогой вещи выгнал сына из дому, а затем очень сожалел, когда мальчик заболел и умер (19–9).

Кроме Киёюки в «Кондзяку» упомянуты и другие государственные советники 参議, санги, или 宰相, сайсё:. Примечателен рассказ 20–42, где действует сразу двое таких советников: Фудзивара-но Ёсими (813–867) в молодости выручает Оно-но Такамура (802–853), а тот спустя годы возвращает к жизни умершего Ёсими. Оказывается, что Такамура совмещает службу при японском дворе с обязанностями чиновника загробного суда и может убедить судью прибавить человеку жизненный срок.

Лидирует по количеству упоминаний в «Кондзяку» должность старшего советника 大納言, дайнагон, – 20 человек, из них 18 названы по именам. Чего только с ними не случается: старшие советники строят столицу и храмы (11–32), убегают от демонов (14–42), принимают монашество (19–15), обретают судьбоносные случайные связи (22–7), терпят неудачу в семейной жизни (22–8), выбирают место для государевой усыпальницы, а после бегут от разгневанного божества (24–13), выступают экспертами в поэзии (24–29), сами слагают прекрасные стихи (24–33, 24–34, 24–40). Один призрак-дайнагон тоже есть: это Томо-но Ёсио (811–868), герой знаменитых свитков «Бандайнагон экотоба», который после смерти стал моровым богом, но к родной стране относится с состраданием (27–11).

Средних советников 中納言, тюнагон, в «Кондзяку» намного меньше. Среди них – Кэнгё, который просит государя учредить обряд чтений «Всепобеждающей царственной сутры» (12–5); Фудзивара-но

Ямакагэ, который однажды выкупил и отпустил черепаху, а она в благодарность спасла его маленького сына, выброшенного за борт корабля; Ямакагэ тоже строит храм (19–29); Оомива-но Такэти Маро – добродетельный советник, заботившийся о народе; пожалуй, именно он – один из самых ярких в сборнике примеров идеального чиновника (20–41). В должности *тю:нагон* появляются знаток словесности Ки-но Хасэо (24–1, 24–25, 28–29), поэт Фудзивара-но Ацутада (24–32, 15–16, 15–31), находчивый Фудзивара-но Тадасукэ (28–22) и Фудзивара-но Асанари, эрудированный и музыкально одаренный человек, в быту не способный следовать рекомендациям лекаря (28–23). Младших советников *сё:нагон* 小納言 мы в «*Кондзяку*» не обнаружили вовсе.

Придворные показаны в собрании разными: мудрыми и не очень, сдержанными и влюбчивыми, усердными на службе или пренебрегающими ею (как Минамото-но Хиромаса, талантливый музыкант), обладающими сердцем подлым или честным, вкусом изящным или нет – в общем, людьми, далеко не обязательно совершенными, зато разносторонними по части интересов, способностей, желаний и недостатков. И в этом они похожи на воинов, простолюдинов и монахов: те тоже очень разные, и какая-нибудь черта, например, любовь к песням *вака*, вполне может объединять людей, очень далеких друг от друга в социальной иерархии. Но, на наш взгляд, это не значит, что героев «придворных» историй в «*Кондзяку*» можно заменить на монахов, разбойников или провинциальных чиновников без потери смысла рассказа. Ту черту, которая отличает именно рассказы об аристократах, мы бы назвали двойным умением: разбираться в людях (что первостепенно важно также и для воинов) и разбираться в самом себе (без чего невозможно пройти путь монаха). Воин может не вникать в собственные чувства; монах может избегать людей или относиться к ним всем одинаково милосердно; при дворе же требуется тонкое знание и себя, и других. И кому это удастся, тот держится и действует уместно, а уже из этой уместности следуют и карьерные, и личные успехи, и достижения на буддийском пути; ошибки аристократов – почти всегда прежде всего неуместные поступки, и уже во вторую очередь глупые, жестокие и т.д.

Рассказчики «*Кондзяку*» не похожи на старца Ёцуги из «*Оокагами*» и подобных ему повествователей из других текстов о хэйанском дворе: здесь придворная жизнь показана не изнутри, глазами

участника, а с некоторого расстояния. Это расстояние не настолько дальнее, чтобы читатель не различал, кто выше – канцлер или государственный советник и т.п., но, в отличие от «Годансё:», для понимания рассказов не нужно досконально знать, кто кем кому приходится в столичном кругу, кто кому помог, а кому помешал делать карьеру, какие писанные и неписанные «правила» управляют дворцовой жизнью. Зато придворная жизнь Японии соизмеряется с индийской и китайской, и тем самым аристократическая традиция японской словесности продлевается вглубь, в прошлое. В «Повести о Гэндзи» в главе 25-й, «Светлячки», принц Гэндзи обсуждает с приемной дочерью Тамакадзура японские повести, противопоставляет их сутрам как чтение бесполезное, и сам же доказывает, что *моногатари* всё-таки весьма полезны. В «Стародавних повестях» те и другие книги – части одной большой традиции, где никакой частью нельзя пренебречь.

В приложении мы помещаем переводы нескольких рассказов «*Кондзяку*» из придворной жизни. Переводы выполнены по изданию [Konjaku 1999–2002], научный редактор переводов – А. Н. Мещеряков.

Библиографический список

Исэ моногатари (1979). Пер., статья и примеч. Н. И. Конрада. Изд. подгот. В. С. Санович. – Москва: Наука.

Кара моногатари. Средневековые японские рассказы о Китае (2021) Пер. с яп. М. В. Торопыгиной, вступ. ст. и комм. Т. И. Виноградовой и М. В. Торопыгиной. – Санкт-Петербург: Гиперион.

Коляда М. С. (2023) Мудрость и мудрецы в «Собрании стародавних повестей». *Вопросы философии*. № 1. С. 161–173.

Коляда М. С., Трубникова Н. Н. (2020) Уроки истории в «Собрании стародавних повестей»: по рассказам из жизни семьи Фудзивара. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. № 1. С. 18–29.

Мурасаки Сикибу (2010). *Повесть о Гэндзи*. Пер. с яп., вступ. ст., приложение и коммент. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. Т. 3: Приложение. – Санкт-Петербург: Гиперион, 2010.

О:окагами – Великое зеркало (2000) Пер. с древнеяп., исследование и коммент. Е. М. Дьяконовой. – Санкт-Петербург: Гиперион.

Трубникова Н. Н., Бабкова М. В. (2014). *Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XIII–XIV вв.* – Москва: Политическая энциклопедия.

Трубникова Н. Н. (2022). Путь государя в «Собрании стародавних повестей». *История и культура Японии 14*. Москва: ВШЭ. С. 223–235.

Трубникова Н. Н. (2023). «Сборник наставлений в десяти разделах»: *практическая философия в средневековой Японии.* – Москва: Дело.

Трубникова Н. Н., Бабкова М. В. (2018). «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: *основные вопросы и трудности.* Ежегодник Японии. Т. 47. С. 162–202.

Ямато моногатари (1982). Пер. с яп., исслед. и коммент. Л. М. Ермаковой. – Москва: Наука, ГРВЛ.

References

Akutagawa, Ryūnosuke. (1927). *Konjaku monogatari kanshō* [Konjaku Monogatari Appreciation]. From *Nihon bungaku kōza* (pp. 29–34). Tokyo: Shinchōsha. Retrieved April, 15, 2023, from <http://yab.o.oo7.jp/kon.html> (In Japanese).

Ise monogatari (1979). Transl. by Konrad, N., Ed. by Sanovich, V. Moscow: Nauka. (In Russian).

Kara monogatari. Srednevekovye yaponskie rasskazy o Kitae [Kara Monogatari in Russian Translation]. (2021). Transl. by Toropygina, M., Comm. by Toropygina, M., Vinogradova, T. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

Kolyada, M. S. & Trubnikova, N. N. (2020). Uroki istorii v «Sobranii starodavnikh povestei»: po rasskazam iz zhizni sem'i Fudzivara [Lessons of History in *Konjaku Monogatari-shu* (Based on the Fujiwara Clan Stories)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 1, 18–29. (In Russian).

Kolyada, M. S. (2023). Mudrost' i mudretsy v «Sobranii starodavnikh povestei» [Wisdom and Sages in *Tales of Times Now Past*]. *Voprosy filosofii*, 1, 161–173. (In Russian).

Konjaku monogatari shū. (1999–2002). Mabuchi, K., Kunisaki, F., Inagaki, T. (Eds.). Tokyo: Shogakkan. (In Japanese).

Miyata, Hisashi (1978). Jikkinshō-no Konjaku monogatari shū [Konjaku Monogatari-shū in *Jikkinshō*]. *Kokubungaku kenkyū*, 14, 61–67. (In Japanese).

Murasaki Shikibu. (2010). *Povest' o Gendzi* [*Genji Monogatari*, Russian Translation]. Transl. by T. L. Sokolova-Delyuskina. Vol. 3: Annex. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

O:okagami – Velikoe zertsalo [*Ōkagami*, Russian Translation]. (2000). Transl. by E. M. Dyakonova. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

Schalow, P. (2007). *A Poetics of Courtly Male Friendship in Heian Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Trubnikova, N. N. & Babkova, M. V. (2014). *Obnovlenie traditsii v yaponskoi religiozno-filosofskoi mysli XIII–XIV vv.* [Japanese Religious Philosophy in 13th – 14th Centuries: Renewing Traditions]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russian).

Trubnikova, N. N. & Babkova, M. V. (2018). “Sobraniye starodavnikh povestei” v otsenkakh issledovatelei: osnovnye voprosy i trudnosti [Scholarly Evaluation of *Konjaku Monogatari-shū*: Main Issues and Problems]. *Yearbook Japan*, 47, 162–202. (In Russian).

Trubnikova, N. N. (2022). Put’ gosudarya v «Sobranii starodavnikh povestei» [The Way of a Sovereign in *Konjaku Monogatari-shū*]. *Istoriya i kultura Yaponii*, 14, 223–235. (In Russian).

Trubnikova, N. N. (2023). «*Sbornik nastavlenii v desyati razdelakh*»: *prakticheskaya filozofiya v srednevekovoii Yaponii* [*Jikkinshō*: Pragmatic Philosophy in Medieval Japan]. Moscow: Delo. (In Russian).

Yamato monogatari. (1982). Transl. by L. M. Yermakova. Moscow: Nauka. (In Russian).

Приложение

24–26. Рассказ о том, как государь Мураками слагал стихи вместе с Сугавара-но Фумитоки

В стародавние времена государь Мураками, благоволивший к знатокам словесности, велел им сочинять китайские стихи на тему «На заре камышевка поет во дворце»¹⁷.

Сам государь сложил:

露濃緩語園花底
月落高歌御柳陰

---

¹⁷ 鶯, угуису, певчая птица; в переводах японских стихов нередко заменяется «соловьем».

Едва слышно пение в час,
Когда упала роса на цветы,
Но громче звучит под луною
В тени государевых ив.

Государь призвал ученого по имени Сугавара-но Фумитоки¹⁸, чтобы тот прочел это стихотворение, а Фумитоки сложил и своё:

西楼月落花間曲
中殿灯殘竹裏声

Когда заходит луна,
За западной башней скрываясь,
Звучит ее песня в цветах.
И в час, когда догорают
В палатах дворца фонари, –
Голос ее средь бамбука.

Государь, услышав это, молвил:

– Я думал, что мои стихи незаурядны, но строки, сложенные Фумитоки, прекрасны тоже.

Он подозвал Фумитоки поближе, усадил рядом и велел ему:

– Скажи не робея: если судить беспристрастно, есть ли недостатки в сложенных мною строках?

Фумитоки сказал:

– Сложенное государем прекрасно. Последние семь знаков превосходят мои.

Государь, услышав это, молвил:

– На самом деле не так. Ты мне льстишь. Скажи уже честно.

И призвал главу Архива¹⁹ по имени [?] и распорядился:

– Если Фумитоки не скажет честно, чьи стихи лучше, чьи хуже, с этих пор и впредь его слов мне не передавай.

Фумитоки, услышав это, оказался в большом затруднении. И сказал:

– На самом деле, государь, ваши стихи и мои равно хороши.

---

¹⁸ Сугавара-но Фумитоки (899–981), поэт и знаток словесности.

¹⁹ Куро:до докоро.

А государь ему:

– Тогда поклянись!

Фумитоки не мог дать лживую клятву.

– На самом деле мои стихи чуточку лучше, – сказал он и убежал.

Восхищению государя не было предела.

В старину были государи, которые так любили словесность, – так передают этот рассказ.

24–33. Рассказ о том, как старший советник Кинто сложил песню для ширмы

В стародавние времена, при государе Итидзё-ин, когда государыня Дзётмон-ин²⁰ впервые прибыла ко двору, изготовили новую створчатую ширму и создали собрание поэтов, чтобы они написали песни *вака* на цветных листах бумаги для украшения ширмы. К створке с изображением дома среди глициний²¹, прекрасно расцветших в четвертом месяце, песню сложить поручили старшему советнику Кинто²². И вот наступил назначенный день, все принесли свои песни, а старший советник опаздывал, и господин канцлер²³ раз за разом посылал за ним, а старший советник Юкинари²⁴, бывший среди приглашенных поэтов, уже давно прибыл и то садился, то вставал, дожидаясь, когда можно будет записать [песню на ширме после Кинто]. Когда старший советник Кинто прибыл, все подумали в нетерпении: все поэты прочли неплохие песни, но у этого старшего советника песня наверняка не хуже! Когда он с опозданием явился к канцлеру, господин спросил, почему Кинто запоздал с песней, и старший советник ответил:

– Я не смог сложить ничего значительного. И лучше не преподносить никакой песни, чем преподнести плохую. А кроме того, более искусные поэты еще не прочли своих песен. Если запишут мою ничтожную песню раньше их стихов, я буду опозорен до конца своих дней.

---

²⁰ Дзё:то:мон-ин – Фудзивара-но Сё:си (988–1074), дочь Фудзивара-но Митинага, вошла во дворец в 999 г., став супругой государя Итидзё.

²¹ 藤, *фудзи*, – символ рода Фудзивара

²² Фудзивара-но Кинто: (966–1041) – поэт, музыкант, составитель «Сборника песен и стихов для пения» («*Вакан ро:эйсю:*», ок. 1013).

²³ Митинага, в 999 г. он Левый министр.

²⁴ Фудзивара-но Юкинари (972–1028), поэт и каллиграф.

Он очень хотел отказаться, но господин сказал:

– Можно обойтись и без других песен. Но если не будет твоей песни, ничего вообще нельзя будет написать на этой ширме.

Так господин всерьез упрекал Кинто, но старший советник продолжал отнекиваться:

– Что за напасть! Похоже, в этот раз никто не сложил достойных песен. Я возлагал надежды на Нагато²⁵, но и он сочинил какую-то ерунду про глаза фазана. А раз уж никто не смог сложить ничего подходящего, то только естественно, что и у меня не получилось, так что прошу не неволить меня.

Но господин продолжал неумолимо настаивать, и старший советник, досадуя и стenea, сетуя, что будет опозорен до конца своих дней, вынул из-за пазухи песню, написанную на бумаге из Митиноку, и преподнес господину. Тот принял, положил перед собою, и несколько сановников и придворных, начиная с сыновей канцлера – Левого министра господина Удзи и министра господина Нидзэ²⁶, – в нетерпении думали: этот старший советник точно отказывался читать без всяких на то причин! Они толпились и шумели, ожидая, когда господин развернёт лист, смотрели, не отводя глаз, будто на приказ с назначениями на должности. И господин, возвысив голос, прочитал:

*Мурасаки-но
Кумо тодзо миюру
Фудзи-но хана
Иканару ядо-но
Сируси нарураму*

Лиловым
Облакам подобны
Цветы глициний.
Для дома этого каким
Цветут благим предвестьем?

Все люди, слышавшие это, прижимали от восхищения руки к груди и хвалили: невероятно! Старший советник, видя, что все восхищаются его песней, сказал господину:

– Теперь у меня отлегло от сердца.

---

²⁵ Фудзивара-но Нагато (949–1009), поэт, по преданию, умер от огорчения после того, как Кинто несправедливо раскритиковал одно из его стихотворений (Д 4–17).

²⁶ Двое сыновей Митинага, братья государыни, в 999 г. еще дети: будущий господин Удзи, он же Фудзивара-но Ёримити, и будущий старший господин Нидзэ:, он же Фудзивара-но Норимити (996–1075); в дальнейшем им предстоит занять высшие должности при дворе.

Этот старший советник преуспел во многом, но сам считал, что наибольший талант имеет в сложении песен *вака*, – так передают этот рассказ.

28–4. Рассказ о том как [?]²⁷ наместник края Овари повел себя на празднике Пяти танцев

В стародавние времена, при государе [?], жил человек по имени [?]-но [?]. Много лет он провел на должности наместника, нового назначения все не получал, и вот, его все-таки назначили наместником Овари. Он обрадовался, срочно выехал во вверенный ему край – а там все дела в расстройстве, поля совсем не возделаны. Этот наместник всегда сердцем был прям, человек был разумный, на прежнем месте службы руководил хорошо, и в Овари, как только прибыл, устроил дела как следует. Край, хоть и бедный, стал процветать, народ из соседних краев тучами потянулся туда, на холмах ли, на горах ли стали возделывать новые поля, и за два года Овари стал богатым краем.

Обо всём этом доложили государю, тот молвил: у прежнего правителя край Овари захирел, как слышно, был худшим в поднебесной, а за последние два года при новом наместнике прекрасно богатеет! И знатные, и простые люди восхваляли Овари: прекрасный край! А на третий год подошла пора праздника Пяти танцев, *госэти*. В Овари не было недостатка в шелковых тканях, нитках, хлопке и прочих товарах. И уж конечно, наместник и раньше посылал праздничные дары в столицу, а тут доставил разноцветных тканей, и с набивным, и с узелковым узором²⁸, весьма приятных глазу. В отведенном ему уголке в северо-западной части палат Извечного покоя цвета занавесов,

---

²⁷ Праздник Пяти танцев 五節, *госэти*, входил в череду осенних обрядов благодарения за урожай. В этот праздник ко двору впервые представляли юных девушек, они должны были исполнять особые танцы; по преданию, танцы эти воспроизводят пляску небесных дев, явившихся в давние времена государю Тэмму. Праздник *госэти* при дворе был самым веселым в году, его описания есть в «Записках у изголовья» и «Повести о Гэндзи». Каждой из девушек с ее сопровождающими отводили особые помещения в палатах Извечного покоя, Дзё:нэйдэн. В одном из таких помещений и около него происходит действие рассказа. На празднике принято было вести себя крайне вольно и петь старинные песни, в том числе такие, смысл которых в эпоху Хэйан был уже непонятен.

²⁸ Ткани «с набивным и узелковым узором», *утиэмэ-харимэ*, – окрашенные двумя способами: с помощью штампа и путем прошивки иглой (когда ткань перед окраской стягивают в узелки, чтобы она прокрасилась неравномерно, а потом узелки распускают).

полотнища ширм, наряды дам, что мелькали за ними, все подобраны были замечательно. Никто из видевших не счел бы, что оттенки дурно сочетаются. А потому все хвалили наместника: прекрасно подготовился! Танцовщицы его были даже лучше прочих *госэти*, молодые придворные и архивные чиновники постоянно толпились возле его покоев, высматривали – а в покоях за ширмами сидели и сам наместник, и дети его, и прочая родня.

А надо сказать, наместник, хоть и не был низкого рода, почему-то, как и отец его, в свое время в Архиве не служил, при дворе не состоял, и как что делается во дворце, не знал даже по рассказам, а своими глазами и подавно не видал. Потому и дети его ничего не знали. Теперь они разглядывают дворцовые палаты, убранство, китайские наряды свитских дам разных высоких особ, их летучие рукава. Как одеты придворные и архивные чиновники, какие у них узорные шаровары, какие кафтаны, как они прохаживаются – люди наместника, не сводя глаз, наблюдают из покоев, толпясь возле самых занавесов. А чуть только увидят, как придворные подходят ближе, – убегают, прячутся за ширмами. Кто бежит впереди, тому задние наступают на штаны²⁹, передний падает, задние спотыкаются и тоже летят кувирком.

Кто шапку потеряет, кто мечется: эй, там, впереди, скорее, спрячьте меня! Ну вот, убежали, им бы сесть там и притаиться – но едва снаружи кто пройдет, они опять толпятся, выглядывают... Что творится за занавесом – полная неразбериха! А молодежь, придворные и архивные, глядят и смеются.

Эти молодые чиновники [ночью] в караульне говорили меж собою: – Покои наместника Овари убраны прекрасно, танцовщицы у него лучше всех в этом году, но вот родичи этого наместника – о дворцовых правилах слыхом не слыхали, ничего не видели, а потому толпятся, глазают на каждый пустяк и восторгаются. А нас боятся, когда мы близко подходим, бегут прятаться – до чего смешно! Давайте их в шутку напугаем, пусть переполошатся еще больше! Что бы нам устроить?

Один придворный говорит: [?]. Другой: прекрасная мысль! Только что же мы скажем? – спрашивает.

---

²⁹ Речь идет об очень длинных и широких штанах, какие полагались к парадному одеянию.

– Я пойду к их покоям, встану с серьезным видом и скажу: над вашими праздничным покоями придворные страшно потешаются! Вам следует знать: чтобы посмеяться над вами, придворные задумали шутку, а именно: такие-то и такие-то чиновники, чтобы напугать вас, все распустият пояса, скинут кафтаны с плеч, встанут в ряд перед вашими покоями и запоют песню, они ее нарочно сочинили. А песня вот такая:

<i>Биндатара ва</i>	Плешивый
<i>А юкасэба косо</i>	Затесался к нам,
<i>Окасэба косо</i>	Таскается за нами,
<i>Аигё: цукитарэ</i>	Видно, влюбился!

Этот плешивый – сам господин наместник, у него волосы сильно поредели, потому и плешивый. В отведенном ему уголке он сидит среди юных девиц, потому так и поется. Наместник присматривает за ними, потому и поется: таскается за ними, влюбился!

– Я скажу: вы мне, похоже, не верите, но завтра в час Овцы или Обезьяны все придворные и архивные чиновники разденутся по пояс, все, сколько их есть, и взрослые, и молодые явятся сюда с этой песней, тогда-то вы и убедитесь, что я говорил правду! Вот что я собираюсь им сказать.

Остальные придворные говорят: и верно! Иди и будь красноречив, убеди их! Так сговорились и разошлись.

Тот придворный, кто это предложил, еще до рассвета, в час Тигра, пошел к покоям наместника Овари, встретил его молодого сына, дружелюбно заговорил и рассказал всю выдумку в подробностях. Тот слушал с весьма напуганным видом. А придворный договорил и прибавил напоследок: нехорошо! Нас, чего доброго, увидят вместе. Я сейчас потихоньку уйду, а ты другим не выдавай, что услышал это все от меня! И удалился.

Сын наместника пошел к отцу, говорит: приходил младший военачальник из недавно назначенных, сказал вот что... Наместник, пока слушал, только кивал да головою качал: так, так... А потом говорит:

– Сегодня ночью я слышал, как чиновники пели эту песню. Еще удивился: что это они поют? А они, значит, пели про меня, старика! В чем же я провинился, что обо мне сочинили такую песню? Край Овари прежние правители разорили подчистую, государь поручил его мне, я задумался: как же быть? Приложил все усилия, превратил те

места в богатый край. Это плохо?! И еще этот праздник Пяти танцев: разве я сюда приехал по своей воле? Явился по государеву велению, хоть мне тут и тяжело. И насчет лысины: кабы я облысел смолоду или во цвете лет, было бы, наверно, над чем потешаться. Но облысеть в семьдесят – что же тут смешного?! А они поют: плешивый! Если за что-то держат зло на меня, могли бы убить, затоптать ногами. А они в государевом дворце, развязав пояса, раздевшись, поют дурацкую песню! Нельзя же так! Должно быть, этот младший военачальник, раз мы тут сидим, затворившись в своем углу, решил нас напугать и пошутить. Нынешняя молодежь, не подумав, говорит глупости. Точно так же они, наверно, и других пугают! Я хорошо разбираюсь и в китайских книгах, и в наших, а эти молодые невежды пугают людей, говорят, что попало! Над другими пусть шутят, но над собой я шутить не позволю! Если еще будут так пугать, если в самом деле в государевом дворце развяжут пояса, разденутся, как сумасшедшие, уж я позабочусь, чтобы этих господ сурово наказали! Как обидно!

Так он сказал, подобрал полы и сел, стал обмахиваться веером.

Он осерчал, а люди его вспомнили: прошлой ночью в проходе с восточной стороны те господа прохаживались с наглым видом. Так вот оно что! Настал час Овцы [с часа до трех пополудни], наместник и его люди в тревоге думают: что же будет? А потом стемнело, и со стороны южных палат раздались голоса: поют и шумят. В покоях наместника думают: ну, вот, явились! Все собрались, примолкли, качают головами, а с юго-востока к их покоям, кажется, идут! Глядь – ни один не одет, как обычно. У всех одежда спущена до бедер, подходят рядами, изблизи заглядывают внутрь. На краю циновки перед покоями наместника одни уселись, разувшись, другие разлеглись, третьи сели, свесив ноги, четвертые заглядывают за занавес, подойдя вплотную, пятые стоят во дворе.

И вот, все хором запели ту песню про плешивого. Кто знал, что наместника хотят напугать, пятеро или шестеро молодых придворных, смотрят и смеются: как там за занавесом, испугались, растерялись? А придворные постарше, кому ничего не объяснили, думают: очень странно. Отчего в этих праздничных покоях все такие перепуганные?

А наместник говорит: значит, в самом деле! Все, что он говорил о себе, было правдой, – а вот же, придворные и архивные, все в непотребном виде поют ту песню! Наместник думает: итак, младший

военачальник, хоть и молод, к людям добр и сказал правду. А если бы не предупредил, я не знал бы, что песня про меня, сидел бы, как дурак! Какой он милосердный человек! Пусть же процветает тысячу лет, десять тысяч лет! Так он молился, заломив руки, а те господа – ни одного в здравом уме, все распустились, точно пьяные, – заглядывают за занавес, наместник думает: сейчас вытащат меня, старика, и поколотят! Спрятался за ширмами, между переборок, сидит и дрожит. Дети его и домочадцы все убежали и попрятались, притихли. А придворные вернулись во дворец.

Потом наместник велел выглянуть: те господа все еще здесь? Никого нет! – доложили ему. Только тогда наместник с опаской выглянул, нетвердым голосом говорит:

– Что же вы смеетесь над стариком? В государевом дворце так неучтиво себя ведете – нехорошо! Вы, господа, непременно за это заплатите! Смотрите хорошенько, вы! С самого века богов, когда явились небо и земля, воссияли солнце и луна, такого не бывало! Если заглянуть в летописи нашей страны – и там такого не записано! Что за времена настали!

Так он говорил, глядя в небо, а из соседних праздничных покоев люди на него глядели, думали: смешно! Потом пошли и рассказали господину канцлеру, в Архив, рассказ дошел до всех знатных особ, до принцев, и все смеялись без конца. В ту пору едва собирались люди вдвоем, втроем – пересказывали этот случай и смеялись. Так передают этот рассказ.

28–35. Рассказ о том, как придворные устроили состязание редкостей на ристалище Правой ближней стражи

В стародавние времена, при государе Гоитидзэ-ин³⁰, придворные и архивные чиновники все до единого разошлись на две стороны и устроили состязание редкостей³¹. Назначили глав обеих сторон,

---

³⁰ Государь Гоитидзэ: (1008–1036) правил в 1016–1036 гг.

³¹ «Состязание редкостей» 種合, *кусаавасэ*, в строгом смысле слова – выставка растений; здесь, вероятно, – выставка любых примечательных вещей. Участники делятся на две команды и состязаются, чьи экспонаты лучше. Ристалище Правой ближней стражи 右近の馬場, *Укон-но баба*, к северу от столицы, служило местом воинских упражнений стражи и всевозможных состязаний.

стали составлять списки. Левую сторону возглавил главный инспектор Фудзивара-но Сигэтада³², а Правую – средний военачальник Минамото-но Акимото-но Асон³³. Когда списки составили, каждая сторона всячески стала стараться победить. Назначили день, в Китано на ристалище Правой ближней стражи условились о правилах состязания.

И вот, люди каждой из сторон по всему свету принялись искать редкости: в святилищах, молельнях, храмах, в каждом из краев, в столице и в сельской глуши. Истощали ум, надрывали нутро, хлопотали, как никогда. И не только придворные и архивные: всех вплоть до слуг при архиве, посыльных и младших охранников приписали к спискам, и каждый с супостатами держался, как с заклятыми врагами. Как внесут человека в список – так он с противной стороной больше и слова не молвит! Что и говорить о придворных и архивных! Старшие и младшие братья, давние друзья – если уж оказались на разных сторонах, думали только о том, как бы посрамить соперников.

И вот, настал назначенный день. Все прибыли на ристалище Правой ближней стражи к министерским сиденьям. Придворные в роскошных нарядах друг за другом проехали в возках, каждый от места сбора своих сторонников. А места эти распределили заранее, для двух сторон отдельно. Как выглядели те, кто направлялся к министерским сиденьям, – словами не передать! А перед сиденьями к востоку от края площадки со всех сторон обозначили границы: подняли высокие парчовые занавеси. И такой же парчой окружили помост, а на нем расставили все редкости, собранные для состязания.

Посыльные и младшие охранники за занавесями встали на страже. Придворные уселись на министерских сиденьях: Левые с юга, Правые с севера. Слуги Архива и охранники из отряда Такигути, нарядно одетые, тоже все разделились, сели во дворе слева и справа. А к западу от края площадки устроили места для танцоров, их тоже со всех сторон окружили занавесями. Там расставили музыкальные инструменты, усадили музыкантов и танцоров. А вокруг собралась толпа зрителей: знатные, средние и простые люди со всей столицы. Возки дам стояли так тесно, что не проехать. В одном из таких возков,

---

³² Фудзивара-но Сигэтада (984–1051), главным инспектором 頭の弁, то: -но бэн, был во второй половине 1020-х гг.

³³ Минамото-но Акимото (1000–1047) считался одним из самых преданных людей государя Гоитидзэ (Д 6–11).

к востоку от площадки, лицом к Левым, расположился господин канцлер и тайно наблюдал за состязаниями.

И вот, настал урочный час, на площадке перед министерскими сиденьями по порядку стали рассаживаться противники: искусные в красноречии, все они умели пошутить, каждый сел на свое место лицом к сопернику. Снасти для подсчета очков, изящные и самые ценные, украшены были золотом и серебром. Счетчики сели на места и состязание началось: противники, истощая слова, стали спорить друг с другом, и было их множество.

На середине состязания со стороны Левых на ристалище выехал телохранитель из Ближней стражи Симоцукэ-но Кинтада³⁴, в ту пору один из лучших государевых свитских. Левые выставили на состязание его наряд для верховой езды, ехал он с юга, одет великолепно, конь отличный, седло богато отделано. Воистину, глядеть на него – одно удовольствие!

Он по кругу объехал площадку, переложил плеть из руки в руку, остановился – и тут выехал всадник Правой стороны. Люди глядят – а это старый монах странного вида, на голове [?] шапка, уголки ее свисают, как собачьи уши. Одели его Правые в какое-то ветхое рубище, у пояса вместо меча сушеный лосось, кафтан сползает с одного плеча, штаны едва не сваливаются, под шапкой повязка, как у лицедея. А едет он на корове, заседланной простецким седлом. Кинтада при виде его в великом гневе кричит:

– Напрасно я послушался этих господ, выехал состязаться – и вижу такой позор!

И поехал прочь с ристалища.

Правые видят, что Кинтада разозлился, хлопают в ладоши и хохочут без конца. Похоже на то, как провожают побежденного на борцовских схватках. Смеются, со стороны Правых звучат нестройные вопли, играет музыка для танца «На согнутых ногах» и кто-то [в маске] под нее пляшет. Состязания танцоров были намечены в свой черед, у Левых был заготовлен танец «Государь Лин-ван»³⁵, но еще не закончились остальные состязания, а тут вышел кто-то плясать «На согнутых ногах»! Левые меж собою говорят: что ж это творится!

---

³⁴ Симоцукэ-но Кинтада (XI в.) был превосходным наездником и верным человеком канцлера Фудзивара-но Еримити.

³⁵ «На согнутых ногах» 落蹲, Ракусон, и «Государь Лин-Ван» 陵王, Ре:о:, – придворные танцы, для первого из них танцор надевает устрашающего вида черную маску.

Господин канцлер тайно наблюдал из дамского возка, и когда вышел танцор в маске, подумал: странно! И сразу подозвал слуг и громким голосом приказал: этого танцора сейчас же схватить! И танцор пустился наутек.

Он убежал, не переодевшись, вскочил на лошадь, поскакал вниз по Западной улице Оомия. Звали того танцора Оо-но Ёсимоти³⁶. Он думает: если сниму маску, люди меня узнают! А потому прямо в маске в час Обезьяны [с 3 до 5 часов пополудни] ехал по городу, люди на улице ахали: смотрите-ка! Демон среди дня скачет верхом! Дети пугались, глядя на него, думали: настоящий демон! А некоторые даже заболели.

Итак, господин канцлер решил: пока не назван победитель, пляску Ракусон надо прекратить! – и распорядился: схватить его! На самом деле он это сказал не затем, чтобы плясуна схватили, а чтобы тот услышал его голос и сбежал.

После этого Ёсимоти, пристыженный, долго не являлся на службу. И всей Правой стороне начиная с главы, среднего военачальника, было неловко. А потому Правые даже роптали на господина канцлера: он болел за Левых! А в свете сомневались: не в том ли дело, что Кинтада – воин из свиты канцлера?

Так неладно всё обернулось, обе стороны расстроились, и на том состязания прекратили. А люди смеялись над танцором – как он ускакал прямо в маске!

Итак, на подобных состязаниях издревле непременно что-то случается! – так передают этот рассказ.

---

³⁶ Оо-но Ёсимоти (ум. 1015), видимо, упомянут в рассказе по ошибке, так как умер ещё при предыдущем правлении.

Образ России в произведениях Фукудзава Юкити и его современников

А. Б. Шарова

Аннотация

Начало периода Мэйдзи (1868–1912) ознаменовалось открытием страны и ее встраиванием в архитектуру нового мира. Роль и значение географии как дисциплины и в целом понимание того, что собой представляет та или другая страна, сделались крайне важными. Одним из ярчайших представителей этой новой эпохи стал писатель, переводчик, мыслитель Фукудзава Юкити (1835–1901). Осознавая острую потребность познакомить читателя со знаниями и достижениями Запада, он оставил большое литературное наследие во многих областях науки, в том числе в географии. Важное место в его творчестве занимают труды по страноведению – *«Положение дел на Западе»* (1866, 1868, 1870 гг.) и *«Описание стран мира»* (1869 г.), в которых он в простой и понятной форме постарался познакомить читателей с географией, историей, выдающимися личностями и научными достижениями других стран.

Подписание Симодского трактата (1855 г.) ознаменовало начало дипломатических отношений между Россией и Японией. Япония проявляла интерес к России, в том числе к ее развитию в XVIII–XIX вв. Фукудзава в своих произведениях отразил эти веяния, представив Россию страной пока еще не до конца модернизированной, но активно движущейся по пути прогресса. Важную роль он отводил фигуре Петра I, деятельность и личные качества которого способствовали достижению Россией значительных внутри- и внешнеполитических успехов. Однако не все современники Фукудзава придерживались подобных оценок. Так, будущий министр культуры Японии Мори Аринори (1847–1889) считал, что представления о России как о мощной державе сильно преувеличены. Свои взгляды он изложил в *«Дневнике морского путешествия в Россию»* (1866 г.).

Ключевые слова: период Мэйдзи, Фукудзава Юкити, Мори Аринори, образ России, Петр I.

Автор: Шарова Анна Борисовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН: 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

ORCHID: 0000-0003-1072-9041

E-mail: anchyk90@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Image of Russia in the Works by Fukuzawa Yukichi and his Contemporaries

A. B. Sharova

Abstract

The beginning of the Meiji period (1868–1912) was marked by the opening of the country and its integration into the architecture of the new world. In this regard, the role and importance of geography and, in general, of understanding what a particular country is like, has become extremely important. Writer, translator, and thinker Fukuzawa Yukichi (1835–1901) was one of the most outstanding representatives of the Meiji period. Realizing the urgent need to acquaint the reader with new European knowledge and achievements, he left a great literary heritage in almost every field of science, including geography. An important place in his work is occupied by such works on regional studies as *Things Western* (1866, 1868, 1870) and *All the Countries of the World, for Children Written in Verse* (1869), in which he tried to acquaint readers with geography and history, outstanding personalities and scientific achievements of other countries in a simple and understandable form.

The signing of the Treaty of Shimoda (1855) established diplomatic relations between Russia and Japan. Japan showed interest in Russia, in its development in the 18th – 19th centuries. Fukuzawa reflected these trends in his works, presenting Russia as a country not completely modernized, but actively moving along the path of progress. He assigned an important role to the figure of Peter I, whose activities and personal qualities contributed to Russia's significant domestic and foreign political successes. However, not all his contemporaries adhered to such

assessments. For example, a future Minister of Culture of Japan, Mori Arinori (1847–1889), who visited Saint Petersburg at the age of eighteen, believed that the idea of Russia as a powerful state was greatly exaggerated. He expressed his views in the *Diary of a Sea Trip to Russia*.

Key words: Meiji Period, Fukuzawa Yukichi, image of Russia, Peter I, Mori Arinori.

Author: *Sharova Anna Borisovna*, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russian Federation, 103031.

ORCHID: 0000-0003-1072-9041

E-mail: anchyk90@yandex.ru

Conflict of interest

The author declares the absence of the conflict of interest.

Создание образа какой-либо страны неизменно предполагает сравнение своей страны с другими странами, выявление общих и различающихся черт, порождает дихотомии: «я/мы – другой/другие». «Другое» воспринимается как «вызов, побуждающий к серьезным изменениям самого себя» [Йоас 2013, с. 236] и формированию своей самости. В случае Японии противопоставление *уту/сото* распространяется на все сферы жизни общества и по сей день. *Ути* и *сото* предполагают четкое разделение мира на то, что внутри своего «круга» и сферы влияния, и то, что за его пределами.

В эпоху Токугава (1603–1868) видимая разница между *уту* и *сото* была достаточно очевидна: на протяжении более чем двухсот лет страна оставалась закрытой от внешнего мира, поддерживая лишь слабые контакты с Голландией, Китаем и Кореей. В свою очередь, «почти полное отсутствие физических контактов с иностранцами давало слишком мало поводов для противопоставления им, а значит, и самоидентификации» [Мещеряков 2010, с. 351]. Однако конец эпохи, ознаменовавшийся вынужденным выходом Японии из самоизоляции, и период Мэйдзи можно назвать временем переосмысления понятий «свой – чужой», «я – другие». Японии необходимо было встраиваться в новый мир, а значит, четко определять себя и свое место в уже сложившейся системе, создавать образ своей страны, формировать в общественном сознании образы других стран.

В конце эпохи Токугава и в начале периода Мэйдзи особую роль начинают приобретать такие дисциплины как география и страноведение. Они были призваны не только расширить границы знаний людей того времени, но и внести свою лепту в формирование человека нового склада. Примечательно, что именно в начале периода Мэйдзи предмет «география» появляется в начальных и старших школах [Kamei 2015, p. 133], а император Мэйдзи при посещении школ дарит лучшим ученикам словари и атласы [Мещеряков 2010, с. 317].

Безусловно, нельзя сказать, что в эпоху Токугава не существовало географической мысли. Вспомним сочинения Нисикава Дзёкэн (1648–1724), Мотоори Норинага (1730–1801), Хаяси Сихэй (1738–1798). Однако это были не столько труды по мировой географии и географии своей страны, сколько работы, отражающие определенные мировоззренческие концепции, четко укладывающиеся в историческую парадигму развития Японии того времени. Особое место в них занимали понятия «срединности» и избранности Японии. В этом смысле работы Хаяси Сихэй, указывающего на потенциальную уязвимость страны и необходимость ее обороны, выбиваются из общего ряда. Вероятно, ввиду слишком большой радикальности его взглядам он подвергался преследованиям [Щепкин 2010, с. 370].

Жизненный путь Фукудзава Юкити

Одним из самых известных просветителей конца эпохи Токугава – периода Мэйдзи является Фукудзава Юкити 福沢諭吉 (1835–1901). Он оставил огромное литературное наследие, в том числе «*Положение дел на западе*» (西洋事情, 1866, 1868, 1870 гг.), «*Описание стран мира*» (世界国尽, 1869 г.), «*Призыв к учению*» (学問のすゝめ, 1872 г.), «*Краткий очерк теории цивилизаций*» (文明論之概略, 1875 г.). Вероятно, в знак особого уважения к его личности и трудам, а также самоотверженности, которую он проявил, желая познакомить Японию с западными политическими и социальными институтами и западной мыслью, в 2004 г. его портрет был помещен на самую крупную по номиналу японскую банкноту в 10.000 иен [Nishikawa 1993, p. 1].

Фукудзава родился в бедной самурайской семье. В юности он изучал голландский язык, медицину, анатомию, физику, химию, артиллерийское дело и другие западные науки в школе врача и ученого-голландца

доведа Огата Коан (1810–1863). В 1860 г. Фукудзава посчастливилось войти в состав первого японского посольства, направлявшегося в Америку, и побывать в Сан-Франциско [Кобец 1978, с. 44–45]. Миссия продлилась всего два месяца, но за эту и последующие поездки ему удалось приобрести большое количество западных книг, учебников и словарей, которые в будущем он активно использовал для написания своих сочинений.

В конце следующего года Фукудзава в качестве переводчика поручили сопровождать большую дипломатическую миссию Такэноути, направлявшуюся в Европу. Он провел в Европе почти год – с 1 января по 11 декабря 1862 г. – и посетил Францию, Англию, Голландию, Пруссию, Россию и Португалию [Там же, с. 50]. Будучи переводчиком, ему приходилось всегда быть в гуще событий, общаться с самыми разными людьми, посещать школы, арсеналы, больницы, шахты [Nishikawa 1993, p. 4].

При этом достижения Запада его не особенно удивляли – многое он изучил по книгам еще во время учебы в школе Огата Коан. Трудность представляло понимание особенностей менталитета западного человека и социальных норм. Так, после возвращения из Америки Фукудзава писал: «А вот в чем из увиденного (в Америке) я никак не мог разобраться, так это в житейских делах, в законах, принятых в обществе, в образе мысли американцев» [Кобец 1978, с. 49].

Вернувшись из поездки в Европу, Фукудзава опубликовал первый том «*Положения дел на Западе*», в котором ставил перед собой задачу познакомить читателей с основными принципами работы государственных и политических институтов на Западе. Последующие тома были посвящены детальному рассмотрению семи стран: США, Голландии, Великобритании, России, Франции, Португалии, Пруссии [Ковальчук 2018, с. 55]. Автор подробно разбирал их историю, государственное устройство, рассказывал о военно-морских силах и политике в сфере финансов. Никакого иллюстративного материала в «*Положении дел на Западе*» предусмотрено не было.

Книга стала настоящим бестселлером, разошлась двухсоттысячным тиражом, более того, еще долгое время любую книгу о Западе японцы называли «*Фукудзава бон*» – «книгой Фукудзава» [Ковальчук 2018, с. 55]. Причин столь большой популярности было несколько. Во-первых, Фукудзава знакомил японцев с политическими и социальными институтами, которые в Европе и Америке уже давно стали

привычными, а для Японии были в новинку. На страницах «*Положения дел на Западе*» он писал о принципах работы парламента, о политических партиях, устройстве музеев, школ, больниц, банков, почты. Во-вторых, еще современники Фукудзава отмечали его легкий слог, что, безусловно, также могло привлечь читателей. Мыслитель и публицист Накаэ Тёмин (1847–1901) высоко оценивал его творчество: «Произведения Фукудзава в сравнении с другими являются украшением для всей Поднебесной» [Кобец 1978, с. 46]. И наконец, в-третьих, Фукудзава описывал не просто то, что изучил по книгам, а еще и то, что увидел сам, в глазах современников это могло придавать большую достоверность написанному. Фукудзава замечал: «Я не считал, что достиг своей главной цели, если содержание моих книг не было понятно необразованному крестьянину или горожанину, или даже деревенскому служаке, слушающему чтение из-за сёдзи» [Там же, с. 47].

Примерно в то же время Фукудзава пишет еще одно значимое сочинение по мировой географии – «*Описание стран мира*». Книга разошлась тиражом более ста тысяч экземпляров [Kamei 2015, p. 127]. В период Мэйдзи она использовалась на уроках географии в школах в качестве учебного материала [Ibid., p. 133].

«Описание стран мира» состоит из шести томов. Первый посвящен Азии. Автор подробно рассказывает о Китае, Индии, Персии, Аравии, Турции и Сибири. Описания Японии нет: вероятно, предполагалось, что она и так хорошо известна читателю. Во втором томе помещено описание Африки, третьем – Европы, в четвертом рассказывается о Северной Америке, в пятом – о Южной Америке и, наконец, в шестом даны общие сведения по физической географии. В первом томе помещена карта мира, и далее в конце каждой книги (кроме последней) читателю предлагается карта описываемого региона.

В предисловии к первому тому Фукудзава сообщает, что при написании книги он опирался на английские и американские труды [Fukuzawa 1869, p. 5.]. В настоящее время известно, что он активно использовал учебное пособие американского географа Самуэля Августа Митчелла (1792–1868) «*Новая школьная география Митчелла*» (1865 г.). Впервые эта книга была издана в 1839 г., снискала большую популярность и выдержала целую серию переизданий. В 1865 г. текст был переработан автором. Фукудзава приобрел второе обновленное издание книги Митчелла (1866 г.) во время поездки в Америку в 1867 г. [Uemura 2012, p. 2–3].

Каждый том «Описания стран мира» очень любопытно организован. За исключением вступления, все страницы разбиты как бы на две части: вверху помещен рассказ о стране, написанный легкой скорописью. В нижней части располагается скорописный текст, однако все равно каждый иероглиф и знак *каны* отделены друг от друга, и, как и в верхней части, подписаны скорописной *фуриганой*. Можно предположить, что для современников Фукудзава чтение обеих частей не представляло особой сложности. По содержанию части дополняют друг друга. Повествование перемежается большим количеством иллюстраций с поясняющими подписями. Н. И. Конрад (1891–1970) определял «*Описание стран мира*» как «популярный учебник в стихах, где традиционным размером в пять и семь слогов излагаются основные сведения по географии и истории мира», а главную задачу, стоявшую перед автором, он видел в «ликвидации географической неграмотности своих соотечественников» [Конрад 1973, с. 308]. Сам Фукудзава в одном из программных сочинений, «*Призыве к учению*», указывал на важность постижения не только знаков *каны*, мер длины и веса, вычислений с помощью счетов, но и таких наук, как география, физика, история, экономика, эстетика [Fukuzawa 1880, p. 4–5].

Парадоксально, но сам Фукудзава Юкити признавался, что не совсем понимает, для кого пишет, и не верит, что его сочинения могут заинтересовать читателей: «Я писал книги просто как рассказы о Западе или как удивительные сказки о странах из сновидений» [Кобец 1978, с. 52]. Тем не менее, его труды оказали влияние на целое поколение японцев: «Существует мнение, что значительная часть будущих участников переворота (1867–68 гг.) формировалась под воздействием этой книги («*Положение дел на Западе*». – А. Ш.)» [Там же, с. 53].

В 1867 г. Фукудзава снова на полгода отправился в Америку. Вскоре после реставрации Мэйдзи он получил предложение пойти на службу к новому мэйдзийскому правительству. Однако Фукудзава отказался, решив полностью посвятить себя преподаванию в Школе Кэйо 慶應義塾, организованной им в 1858 г., просветительской деятельности, писательству, переводам [Nishikawa 1993, p. 4].

Описание России в «Положении дел на Западе». Образ Петра I

Окончание периода самоизоляции Японии способствовало повышению интереса ко всему иностранному. Несмотря на географическую близость России и Японии и неоднократные попытки России с конца XVIII в. установить дипломатические отношения с соседним государством, лишь миссия Е. В. Путятина (1803–1883) оказалась успешной. Подписание Симодского трактата (1855 г.) способствовало установлению дипломатических и торговых отношений между Россией и Японией, что, в свою очередь, должно было вызвать обоюдную заинтересованность стран.

В «Положении дел на Западе» Фукудзава помещает раздел о России сразу после глав о США, Голландии и Великобритании. Как и в случае с другими странами, он начинает описание России с ее истории, предлагая читателю познакомиться с наиболее значимыми историческими деятелями от Рюрика до Александра II [Ковальчук 2018, с. 56]. Касательно принципов государственного устройства Фукудзава сообщает, что вся власть в государстве сосредоточена в руках императора, который имеет неограниченную власть. Поэтому представляется неудивительным, что важнейшее значение он придает фигуре правителя [Там же, с. 59–60].

Наибольшее внимание Фукудзава уделяет описанию деятельности и достижений Петра I: из пятидесяти двух страниц, посвященных России, двадцать две отводятся именно ему. Рассказывая об учебе Петра I в Голландии, просветитель обращает внимание читателей на вовлеченность будущего монарха в освоение достижений более развитых стран. Фукудзава отдает должное личностным качествам Петра I, пытается проанализировать «мотивы его реформаторской деятельности и причины успеха» [Самойлов 2022, с. 245]. Он отмечает решимость Петра заимствовать западный опыт, без которого движение России по пути просвещения было бы невозможно. В качестве видимых результатов модернизации России при Петре I Фукудзава называет победу России над Швецией в Северной войне (1700–1721) и строительство новой столицы – Петербурга (1703 г.). При этом Фукудзава намеренно не акцентирует внимание на трудностях, с которыми России пришлось столкнуться в это время. Напротив, он подчеркивает, что только коренные преобразования

в экономике, политике и социальной сфере способствовали превращению России в богатое и процветающее государство 富国, фукоку [Ковальчук 2018, с. 62–63].

Стоит заметить, что на протяжении второй половины эпохи Эдо и периода Мэйдзи фигура Петра I привлекала внимание японских мыслителей. На фоне постепенного усугубления экономического и политического кризиса сёгуната и активизации западных держав в Восточной Азии Петр становится примером государя-реформатора, благодаря усилиям которого Россия прошла успешный путь «догоняющей модернизации» [Щепкин 2020, с. 115]. Кудо Хэйсукэ (1734–1801), врач и автор первого в Японии сочинения, полностью посвященного России – «*Изучения сведений о Камчатке*» (другое название – «*Изучение сведений о красных айну*»), дает Петру I следующие оценки: «Мудрый правитель-божество, начавший возрождение страны», «человек, вершивший великие дела». Создание «петровского мифа» – образа идеального просвещенного государя – началось на Западе в период правления императрицы Елизаветы Петровны, а возможно, еще и при жизни Петра I. Известно, что Кудо Хэйсукэ при написании своего сочинения пользовался в том числе голландскими книгами, поэтому неудивительно, что Петра I он охарактеризовал подобным образом [Там же, с. 117].

В последующих произведениях японских авторов Петр I лишь укрепляет свои позиции. Так, Айдзава Сэйсисай (1782–1863) называл его источником российского могущества, государем, поднявшим на новый уровень продовольственную безопасность, образование и вооруженные силы страны [Самойлов 2022, с. 233]. Сакума Сёдзан (1811–1864) выступал за необходимость модернизации Японии под руководством сильного лидера и в качестве примера проводил Петра I [Там же, с. 237]. Ивакура Томоми (1825–1883), будучи большим поклонником Петра Великого, во время посещения Петербурга, увез с собой в Японию богатую коллекцию портретов Петра [Мещеряков 2006, с. 257].

Во второй половине XIX в. в японской историографической литературе происходит процесс «очеловечивания» Петра I. Внимание начинает уделяться не только его реформаторской деятельности, но также характеру и личностным качествам. Он видится как пример для подражания. Однако авторы периода Мэйдзи ни в коем случае не ставят Петра I и императора Мэйдзи в один ряд: какими бы великими ни

были достижения российского государя, по мнению японских мыслителей, он не обладает божественной сущностью японского *тэнно* [Щепкин 2022, с. 255–256].

Образ России в «Описании стран мира»

Рассказ о России в «Описании стран мира» разделен на две части: Сибирь и Дальний Восток – и европейская часть России. Они даже разнесены по разным томам: описание Сибири и Дальнего Востока находится в первом томе, а европейской России – в третьем. Подобное разделение можно наблюдать и у Утида Масао (1839–1867) в его фундаментальном географическом труде «Краткое описание мира» (輿地史略, 1871–1880).

Описание Сибири начинается с констатации огромного масштаба страны: «Россия простирается в Европе и Азии и имеет территории в обеих частях света» [Fukuzawa 1869a, I, p. 15]. При этом Фукудзава подчеркивает экспансионистский характер внешней политики Российской империи, по-видимому, усматривая в этом мощь государства: «С давних пор российское правительство стремилось к расширению своих владений, в последние годы они взяли маньчжурские земли и главным образом овладели окрестностями реки Амур, там без конца бросают якорь военные суда. По реке ходят и небольшие пароходы, [благодаря чему] достигается удобство перевозок» [Ibid., p. 17].

Однако автор отмечает, что «хотя в Сибири земли много, но людей мало, [их численность] не превышает трех миллионов человек, местные жители занимаются охотой» [Ibid., p. 16]. Для передвижения используют оленей и ездовых собак [Fukuzawa 1869a, I, p. 15]. Территория богата полезными ископаемыми: «В окрестности Уральских гор много золотых и серебряных копей, и сюда отправляют преступников со всей страны, [здесь] добывается большое количество металла» [Ibid.]. Важной статьей дохода местного населения является выделка кожи, которую они продают за китайские ткани и фарфор [Ibid.].

Единственным городом, который Фукудзава упоминает в части, посвященной Сибири и Дальнему Востоку, является порт Камчатки – Петропавловск. Одной из двух иллюстраций, представленной в данном разделе, как раз служит вид на город. На другой иллюстрации изображена оленья упряжка и подписано: «Ездовые олени тянут упряжку и переходят по льду» [Ibid.].

В конце первого тома помещена карта Азии, на которой территория восточнее Уральских гор обозначена как «Сибирь». Все, что западнее, включая территорию современной Европы и европейскую часть России Фукудзава обозначает как «Европу».

Описание европейской части России начинается с того, что еще двести лет назад эта северная страна была маленькой и провинциальной, и в ней не было развито учение. Однако все изменилось, когда на престол взошел будущий император Петр I, которого Фукудзава называет «великим и просвещенным правителем» (英明の君) [Fukuzawa 1869b, III, p. 28]. Он «в одночасье реформировал страну, и, уподобляясь таким просвещенным странам, как Англия, Франция, Голландия и другие, учредил школы, создал флот и [сухопутную] армию, защитил страну [внутри] и атаковал [нападая] на другие страны» [Ibid., p. 28–29]. Фукудзава резюмирует: благодаря успешной реформаторской деятельности Петра I «России не только встала в один ряд с европейскими странами, но и, положив в основу обширность страны, до сих пор славится во всем мире» [Ibid., p. 29]. По-видимому, авторов конца эпохи Токугава – начала периода Мэйдзи завораживал масштаб территории России: об этом говорится и в «*Описании стран мира*», и в «*Положении дел на Западе*», и у Утида Масао в «*Кратком описании мира*».

Фукудзава также сообщает читателям, что Петр I основал новую столицу на северном побережье на реке Неве. Он приводит портрет Петра и вид на Петербург [Ibid., p. 29–30]. Помимо геополитического фактора, перенос столицы представляется глубоко символическим действием, инструментом государственного строительства, направленным в том числе на укрепление национального самосознания. Возможно, идея построения нового государства «с чистого листа» была близка Фукудзава, ведь за год до издания «*Описания стран мира*» и в его стране город Эдо, вскоре переименованный в Токио, сменил Киото в качестве столицы.

Фукудзава сообщает, что, в отличие от европейских стран, в России абсолютная монархия, все управляется согласно воле государя [Ibid., p. 31]. В глазах японского мыслителя это не делает Россию до конца просвещенной страной, потому что государственное управление оказывается сосредоточено в руках одного человека. Куда более правильной, на его взгляд, является британская система, в которой деятельность монарха ограничена парламентом, хотя Фукудзава

и признавал, что долго не мог понять его значения и функций [Ковальчук 2010, с. 305–306].

Позднее в трактате «*Об императорской фамилии*» (1882 г.) Фукудзава вообще приходит к весьма новаторскому и смелому заключению: японскую императорскую семью необходимо поставить вне политики, а император должен стать олицетворением величия народа. Вероятно эта идея слишком опередила свое время, к ней обратились лишь в середине XX в. при составлении Конституции 1947 г. [Кобец 1978, с. 69].

Мыслитель Кумэ Кунитакэ (1839–1931), участвовавший в миссии Ивакура (1871–1873), также превозносил британскую систему управления. По его мнению, чтобы встать в один ряд с просвещенными державами Запада, Японии следует обратиться к опыту передовых стран и трансформировать свою государственно-административную систему: «Законодательный орган Великобритании – парламент. Английский монарх является главой парламента и имеет право созывать и распускать его членов по своему усмотрению. Во всех европейских странах законодательная власть осуществляется народными представителями, которые избираются на общенациональных выборах. И в этом отношении европейские правительства значительно отличаются от китайских и японских. Последние традиционно видели свою основную задачу во внедрении и поддержании моральных устоев нации, не заботясь при этом о ее благосостоянии. И, поскольку правящий класс и простой народ существовали в двух изолированных друг от друга мирах, эти страны постепенно стали терять свои силу и богатство» [Ковальчук 2012, с. 360].

В разделе, посвященном Европейской части России, Фукудзава сообщает читателям только о Петербурге, Москве и Севастополе. Последний упоминается в связи с рассказом о Крымской войне (1853–1856 гг.). В качестве иллюстраций в этом разделе приводятся панорамы Петербурга и Москвы, а также вид на форт Севастополя [Fukuzawa 1869b, III, p. 31–32].

По мнению Фукудзава, Москва хоть и бывшая столица, но на данный момент является достаточно процветающим и крупным городом. Она находится в 174 *ри* (примерно 679 км. – *А. III.*) к юго-востоку от Петербурга и до нее можно добраться на поезде за один день [Ibid., p. 32]. Для Японии, где первая железная дорога между Токио и Йокогамой длиной всего 24 километра появилась лишь в 1872 г.

[Мещеряков 2006, с. 271], наличие железной дороги такой длины, несомненно, было демонстрацией мощи и технического прогресса страны.

Фукудзава сообщает, что Москва была атакована армией Наполеона в 1812 г. и русские сами сожгли город. Однако затем его отстроили, и он стал краше прежнего. В Москве имеется большое количество храмов, а также известный колокол. С большой долей вероятности можно утверждать, что речь идет о Царь-колоколе. В заключении рассказа о Европейской части России в целом и Москве в частности, Фукудзава приводит размеры колокола [Fukuzawa 1869b, III, p. 33].

Стоит отметить, что Царь-колокол фигурирует в качестве знаковой достопримечательности не только у Фукудзава. В настольных играх *сугороку*, изданных в конце XIX – начале XX вв. и посвященных теме путешествий по странам мира, на «поле» России часто изображался именно Царь-колокол. К началу XX в. он стал одним из символов, четко ассоциировавшихся у японцев с Россией.

«Дневник морского путешествия в Россию»

Мори Аринори

Если в описаниях Фукудзава Россия представляется хоть и не до конца модернизированной страной, но демонстрирующей явное стремление приблизиться к прогрессивным державам Запада, то его современник и соотечественник Мори Аринори (1847–1889), первый министр просвещения Японии (в 1885–1889 гг.), побывавший в России летом 1866 г., придерживался более критических оценок. Его взгляды изложены в *«Дневнике морского путешествия в Россию»* (航魯紀行, 1866 г.).

Мори полагал, что Японии следует серьезно опасаться действий России на Дальнем Востоке и с настороженностью относиться к желанию России завязать дружеские отношения с Японией. По мнению будущего министра просвещения, у России «под шкурой кроткой овечки скрывается волчья сердце» [Ковальчук 2014, с. 164].

Еще до поездки в Россию Мори писал брату, что представление о мощи России сильно преувеличено: страна обладает огромной территорией, но единственным залогом ее побед является холодный климат. В качестве иллюстрации он приводил разгром армии Наполеона, достигнутый не путем храбрости и воинской доблести, а благодаря

суровой русской зиме и нехватке у французов провианта [Там же, с. 168–169]. Однако после поездки в Петербург и общения с находящимися там японцами, он несколько изменил свое представление о России. Он выяснил, что страна тратит значительные суммы на укрепление армии и флота, а также собирается строить железную дорогу через всю территорию для улучшения коммуникации между регионами страны, что в свою очередь только подтвердило его опасение по поводу планов России в дальневосточном регионе [Там же, с. 172–173].

Слабость России Мори видел и в сфере экономики. Он считал, что Россия дешево продает ресурсы более развитым западным странам, а потом у них же покупает продукцию, сделанную из своего сырья. Кроме того, ее периферийное положение как в географическом плане, так и с точки зрения мирового рынка не способствует ее процветанию [Там же, с. 170].

Одну из причин отсталости России Мори видел в ее религиозной обособленности и чрезмерной сакрализации царской власти, дающей правителям неограниченную власть над подданными. По мнению Мори, глупо возводить императора в статус бога. Однако, как иронично замечает М. К. Ковальчук, «сомнительно, чтобы восемнадцатилетний Мори – представитель страны, где культ обожествления императорской власти имел тысячелетнюю историю, пришел к такому выводу самостоятельно» [Там же, с. 174]. Скорее всего, эту идею, как и другие представления о России Мори сформировал под влиянием обучения в Великобритании, чтения английских книг и статей.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что Фукудзава Юкити, несомненно, внес большой вклад в процесс модернизации Японии. Многие из его идей носили поистине новаторский характер и были в полной мере оценены уже после смерти просветителя.

В произведениях Фукудзава Россия описана как страна, движущаяся по пути модернизации, но пока не достигшая уровня западных держав. Особое место занимает фигура Петра I, благодаря усилиям которого, по мнению японского просветителя, Россия смогла стремительно преобразиться. Однако управление страной сосредоточено исключительно в руках правителя, что делает Россию недостаточно передовой по сравнению с державами Запада. Силу России Фукудзава видит в обширной территории и стремлении к дальнейшему ее расширению.

Однако не все современники разделяли его точку зрения. Мори Аринори полагал, что представления о мощи России несколько преувеличены. Несмотря на обширную территорию, ее периферийное местоположение в геополитическом плане и в сфере мировой торговли вкупе с религиозной обособленностью делают ее далекой от передовых держав. Тем не менее, по мнению Мори, Японии необходимо опасаться экспансионистских планов России, в том числе на Дальнем Востоке.

Библиографический список

- Йоас Х. (2013). *Возникновение ценностей*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Кобец В. Н. (1978). *Деятельность и творчество Фукудзава Юкити (из истории японского просветительства)*. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Ленинград.
- Ковальчук М. К. (2010). Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобританию. *Ежегодник Японии*. Т. 39. С. 293–308.
- Ковальчук М. К. (2012) Великая Британия глазами японцев. Миссия Ивакура в Англию, 1872 г. *Ежегодник Японии*. Т. 41. С. 352–366.
- Ковальчук М. К. (2014) Мори Аринори: размышления о России. Поездка в Петербург летом 1866 г. *Ежегодник Японии*. Т. 43. С. 160–177.
- Ковальчук М. К. (2018) Фукудзава Юкити «Сэйё: дзидзё»: взгляд на Россию через призму европейских источников. *Россия и АТР*. Т. 2 (100). С. 53–66.
- Конрад Н. И. (1973) *Очерки японской литературы*. Москва: Художественная литература.
- Мещеряков А. Н. (2006) *Император Мэйдзи и его Япония*. Москва: Наталис.
- Мещеряков А. Н. (2010) *Япония в объятиях пространства и времени*. Москва: Наталис.
- Самойлов Н. А., ред. (2022) Образ Петра I в Японии. *Образ Петра I в странах Юго-Восточной Азии*. Москва: Весь Мир.
- Щепкин В. В. (2020) Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. Т. 42 (4). С. 115–122.
- Щепкин В. В. (2010) *Хаяси Сихэй – жизнь и творчество* https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-191-6/978-5-88431-191-6_46.pdf

References

- Fukuzawa, Yukichi. (1880). *Gakumon no susume* [Encouragement of Learning]. Tokyo. (In Japanese).
- Fukuzawa, Yukichi. (1869a). *Sekai kuni zukushi* [All the Countries of the World, for Children Written in Verse], Vol. 1. Tokyo: Keio gijuku zōhan. (In Japanese).
- Fukuzawa, Yukichi. (1869b). *Sekai kuni zukushi* [All the Countries of the World, for Children Written in Verse], Vol. 3. Tokyo: Keio gijuku zōhan. (In Japanese).
- Joas, H. (2013). *Vozniknoveniye tsennostei* [Emergence of Values]. Saint Petersburg: Aleiteiya. (In Russian).
- Kamei, Taku. (2015). *Meiji ni okeru chiri kyōiku. Shōgaku kyōiku o tsūshin ni* [Geography Education in Meiji Period: Centering Upon Elementary Education]. *Bunka kōshō: tō Ajia bunka kenkyūka insei ronshū* [Cultural Exchanges: Journal of the Graduate School of East Asian Cultures], № 4. P. 125–146 (In Japanese)
- Kobets, V. N. (1978). *Deyatelnost' i tvorchestvo Fukuzawa Yukichi (iz istorii yaponskogo prosvetitel'stva)* [Life and Works by Fukuzawa Yukichi (from the History of the Japanese Enlightenment)]. CSci Diss. Leningrad (In Russian).
- Konrad, N. I. (1973). *Ocherki yaponskoi literatury* [Essays on Japanese Literature]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Kovalchuk, M. K. (2010). *Znakomstvo s Evropoi. Missiya Takenouchi v Velikobritaniyu* [Acquaintance With Europe. Takenouchi Mission to Great Britain]. *Yearbook Japan*, 39, 293–308. (In Russian).
- Kovalchuk, M. K. (2012). *Velikaya Britaniya glazami yapontsev. Missiya Ivakura v Angliyu, 1872 g.* [Great Britain Seen by the Japanese. Iwakura Mission to England, 1872]. *Yearbook Japan*, 41, 352–366. (In Russian).
- Kovalchuk, M. K. (2014). *Mori Arinori: razmyshleniya o Rossii. Poezdka v Peterburg letom 1866 g.* [Mori Arinori: Thoughts About Russia. Trip to Saint Petersburg in Summer 1866]. *Yearbook Japan*, 43, 160–177. (In Russian).
- Kovalchuk, M. K. (2018) *Fukuzawa Yukichi “Seiyou Jijyou”*: vzglyad na Rossiyu cherez prizmu evropeiskikh istochnikov [Fukuzawa Yukichi “Seiyou Jijyou.” View of Russia Through European Sources]. *Rossiya i ATR*, 2 (100), 53–66. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Emperor Meiji and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2010). *Yaponiya v ob'yatiyakh prostranstva i vremeni* [Japan in the Embrace of Space and Time]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Nishikawa, Shunsaku. (1993). Fukuzawa Yukichi (1835–1901). *The quarterly review of comparative education (UNESCO: International Bureau of Education)*, XXIII (3/4), 493–506.

Samoilov N. A. (Ed.). (2022). *Obraz Petra I v Yaponii* [The Image of Peter I in Japan]. In *Obraz Petra I v stranakh Yugo-Vostochnoi Azii* [The Image of Peter I in the Countries of Southeast Asia]. Moscow: Ves' mir. (In Russian).

Shchepkin, V. V. (2010). *Hayashi Shihei – jizn' i tvorchestvo* [Hayashi Shihei – Life and Works]. Retrieved from https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-191-6/978-5-88431-191-6_46.pdf (In Russian).

Shchepkin, V. V. (2020). *Pervye svedeniya o Petre I i formirovanie ego obraza v Yaponii* [The First Information About Peter I and the Formation of His Image in Japan]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Petrozavodsk State University], 42 (4), 115–122. (In Russian).

Uemura, Kunihiko. (2012). Fukuzawa Yukichi and Eurocentrism in Modern Japan. *Kansai University Review of Economics*, 14, 1–16.

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 229–250
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 229–250
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-229-250

Колесо фортуны Хамагути Рюсукэ и японское кино

Е. Л. Катасонова

Аннотация

В «Ежегоднике Японии» 2022 г. была помещена статья, посвященная награждению премией Оскар японского художественного фильма *«Сядь за руль моей автомашины»* (*«Дорайбу май-ка»*) режиссера Хамагути Рюсукэ в категории лучший иностранный фильм. Эта лента весьма оригинальна, самобытна и во многом не походит на то, что создается сегодня в Японии. Она представляет большой интерес для российского зрителя, поскольку весьма органично и неожиданно соединила в себе творчество двух столь разных писателей, как русский классик А. П. Чехов и японский модернист Мураками Харуки.

Меньше известно о том, что Хамагути является большим поклонником творчества Андрея Тарковского, и именно с оригинального ремейка *«Соляриса»* начинал свой творческий путь, который в настоящее время отмечен многими престижными наградами на международных кинофестивалях. Речь идет, в частности, о таких картинах режиссера, как *«Счастливый час»*, *«Асако I и II»*, *«Случайность и догадка»* и т.д. Об этих картинах и об основных этапах творческой биографии Хамагути Рюсукэ рассказывается в данной статье.

Ключевые слова: японское кино, Хамагути Рюсукэ, Андрей Тарковский, Курогава Киёси, *«Счастливый час»*, *«Асако I и II»*, *«Случайность и догадка»*.

Автор: Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН: 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: katasonova@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Hamaguchi Ryūsuke's Wheel of Fortune and Japanese Cinema

E. L. Katasonova

Abstract

Japan Yearbook 2022 featured an article which reflected on the award-winning Japanese film *Drive My Car* (*Doraibu mai-ka*), directed by Hamaguchi Ryūsuke. It received the Academy Award for Best International Feature Film. The movie is an authentic and original work, unlike anything being filmed in Japan today. Russian audience is very interested in this particular work, since it seamlessly and unexpectedly combines the work of two completely different writers: A. P. Chekhov and Haruki Murakami.

What is curious about this work is that Hamaguchi is known to be a great admirer of director Andrei Tarkovsky and started his creative career with his own remake of *Solaris*, later receiving many prestigious awards at international film festivals. Among his works are *Happy Hour*, *Asako I & II*, *Wheel of Fortune and Fantasy*, etc. This article presents the analysis of these movies and the main stages of Hamaguchi Ryūsuke's creative biography.

Keywords: Japanese cinema, Hamaguchi Ryūsuke, Andrei Tarkovsky, Kurosawa Kiyoshi, *Happy Hour*, *Drive My Car*, *Asako I & II*, *Wheel of Fortune and Fantasy*.

Author: *Katasonova Elena Leonidovna*, Doctor of Sciences (History), Head of the Center of Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdesnvenka Street, Moscow, Russia, 103031.

E-mail: katasonova@rambler.ru

Conflict of interest

The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение Японцы на международных кинофестивалях

О современном японском кино у нас в стране знают много и одновременно мало. Много, если сравнивать с советским периодом, когда на полках книжных магазинов вы едва ли могли бы отыскать книгу на эту тему. В век интернета и массовых коммуникаций наши знания о кинематографе Страны восходящего солнца намного обогатились.

Чуть ли не в день премьеры нового японского фильма вы имеете возможность узнать о нем во всех подробностях, а то и просто увидеть собственными глазами. Заметно увеличилось число японских лент и в отечественном прокате. И хотя по сравнению с американским или европейским киноэкспортом удельный вес японской продукции в России все еще исчисляется крайне скромными цифрами, интерес к ней за последние годы резко возрос, за что отчасти следует благодарить столичных артхаусных продюсеров, которые смогли познакомить нас с последними работами независимых японских режиссеров.

О новых именах и явлениях в японской киноиндустрии часто пишет и российская пресса, причем, главным образом, электронные издания. Но по большей части это – разрозненные рецензии на картины текущего репертуара российских кинотеатров либо на ленты-победители международных кинофестивалей, где японцы стабильно получают награды. Более углубленную и сбалансированную информацию можно получить из научных изданий российских исследователей и переводных книг известных специалистов по Японии из других стран. Назовем лишь некоторые из них. Это – интересное и информационно насыщенное издание [Теракопян 2015], книга по истории современного кино [Катасонова 2020], переводные работы, в числе которых в первую очередь следует назвать работу Д. Ричи [Ричи 2014].

Постепенно меняются не только наши знания и представления о японском кино: за последние несколько десятков лет произошла, и не раз, целая смена поколений японских кинематографистов. Долгие годы имя легендарного Куросава Акира для наших соотечественников ассоциировалось чуть ли не со всем японским кинематографом. Правда, сам режиссер, при всей его любви к русской культуре, впервые побывал в нашей стране лишь в 1972 г. в качестве гостя Московского международного кинофестиваля. Куда чаще на этот популярный в те годы кинофорум приезжал его соотечественник Синдо Канэто, завоевавший несколько наград фестиваля в различных номинациях, и потому, согласно установившейся традиции, его бронзовый бюст установлен на аллее звезд Музеона. Куросава же оставил память о себе в России, создав совместный советско-японский фильм «Дерсу Узала», получивший престижную премию «Оскар» в 1976 г.

Наверное только узкой группе специалистов было известно в те годы, что в Японии Куросаву почитали куда меньше, чем на Западе, и что работы таких режиссеров, как Одзу Ясудзиро, Нарусэ Микио,

Мидзогути Кэндзи намного сильнее трогали души японцев, чем ориентированные в большей мере на вкусы западного зрителя. Тем не менее ленты и тех, и других собрали немало престижных японских и зарубежных кинонаград. Все это дает основания заявлять, что 1950–60-е гг. стали успешным мировым дебютом японского кино.

Затем в японском кинематографе наступила продолжительная полоса застоя – финансового и творческого кризиса, борьбы за выживание в конкуренции со стремительно набравшим популярность телевидением, а также фильмами иностранного производства, прежде всего голливудскими, заполнившими в те годы экраны японских кинотеатров. На какое-то время японские кинематографисты оказались в тени мировых культурных событий, но продолжали свои творческие поиски. И вот новая победа – «Золотая пальмовая ветвь» Имамуре Сёхэй на Каннском кинофестивале в 1983 г. за фильм *«Легенда о Нараяме»* (*«Нараяма бусико»*). Примечательно, что по дороге из Франции Имамуре захватил на 13-й Московский кинофестиваль, где впервые показал во внеконкурсной программе эту свою знаменитую ленту, буквально навсегда покориив сердца московских зрителей и наполнив их ожиданием новых встреч с мастером. И такое случилось ровно через десять лет: в 1993 г. Имамуре вновь завоевал «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах за фильм *«Угорь»* (*«Унаги»*), став теперь уже дважды обладателем этой высокой награды, что крайне редко случалось в истории этого конкурса. Япония вновь ликовала, увидев в этой победе явные признаки возрождения отечественной киноиндустрии, в чем вскоре окончательно убедил весь мир Китано Такэси.

В 1997 г. в Венеции криминальная драма Китано *«Фейерверк»* была удостоена «Золотого льва», чего не случалось с японскими кинематографистами почти 40 лет, с 1958 г. Напомню, что именно в Венеции благодаря Куросава и его прославленной картине *«Расёмон»* европейцы впервые познакомились с японской кинематографией, органично влившейся в общий мировой кинопоток. И вот в конце 1990-х гг. Япония, пусть и с большим опозданием, вновь подтвердила свое место на кинематографическом Олимпе. И сделал это Китано Такэси, ставший новым лицом современной японской кинематографии. Правда, как и в случае с Куросава, популярность фильмов Китано на Западе оказалась куда больше, чем в Японии, где его любили и ценили совсем за другое – за его острый юмор, добрую шутку и мастерское ведение популярных телепередач.

Тем не менее нельзя не признать, что именно с Китано началась новая страница в истории японского кино. С конца 1990-х гг. японские кинематографисты вновь становятся желанными гостями крупнейших международных кинофестивалей, их участниками и победителями. На прославленных киноплощадках Венеции, Локарно, Берлина, Роттердама и других центров мировой кинематографии почти каждый год зарубежный зритель открывал новые для себя имена японских деятелей кино, а критики и пресса продвигали их в разряд мировых звезд. Так, к примеру, произошло с Миикэ Такэси в Роттердаме в 1999 г., когда он впервые громко заявил о себе фильмом «*Кинопроба*» (*Audition*, 1999), принесшим ему премию ФИПРЕССИ и сделавшим его любимцем европейской публики и лицом самого кинофорума. Так случилось, что на Роттердамском киносмотре японцы получили, образно говоря, «постоянную прописку» и на протяжении многих лет удивляют и восхищают киноманов и профессиональных киноведов оригинальностью и самобытностью своих лент.

Что уж тогда говорить о Каннском кинофестивале, диктующем последние тренды в мировом киноискусстве. Японские кинематографисты любят Канны, а в Каннах любят представителей Страны восходящего солнца. Здесь праздновали победу многие из нынешних лидеров японского кинематографа: Кавасэ Наоми, Куросава Киёси и др. И, наконец, одна из самых престижных наград в киноиндустрии – «Золотая пальмовая ветвь» – вновь вернулась из Канн в Японию в 2018 г. Ее обладателем стал японский режиссер Корээда Хирокадзу, хорошо известный фестивальной публике и жюри, которых на сей раз он покорила своим фильмом «*Магазинные воришки*» («*Мамбики кадзоку*»).

Ситуацию в японском кинематографе достаточно точно описывает большой знаток этой темы Марк Шиллинг: «Японская киноиндустрия выпустила десятки режиссеров, которых на протяжении десятилетий признавали мастерами японские критики, но которые так и не стали известны за рубежом. Когда-то иностранные журналисты, посещающие Японию регулярно, называли Куросава Акира и Одзу Ясудзиро “проверенными”, тогда как о местных знаменитостях Нарусэ Микио и Киносита Кэйсукэ говорили куда реже. Аналогичная ситуация уже давно сложилась с режиссерами “4К” – Корээда Хирокадзу, Кавасэ Наоми, Куросава Киёси и Китано Такэси, которые коллективно получили львиную долю приглашений на крупные фестивали и призов на протяжении почти двух десятилетий, оставляя молодое поколение

японских кинематографистов в относительной безвестности на международном уровне. Теперь один из них решительно преодолел барьер “4К”»¹. Речь идет о Хамагути Рюсукэ, который неожиданно для всех стал основным соперником Корээда в борьбе за главную награду Канн.

Это был дебют молодого, тогда еще малоизвестного японского режиссера на столь престижном международном киносмотре, где он представил свою лирическую мелодраму *«Асако I и II»*, снятую в сотрудничестве с французскими кинематографистами. Но опытные критики и журналисты уже тогда разглядели в нем большой талант, пророча не только блестящее будущее, но и возможную победу в соперничестве с Корээда. Однако Хамагути тогда все-таки пришлось уступить лавры первенства и «Золотую пальмовую ветвь» своему прославленному коллеге. Но он выиграл в другом: его имя громко зазвучало в кинематографических кругах. И это подвигло режиссера на новые дерзания.

Второй раз он отправился в Канн за «Золотой пальмовой ветвью» в 2021 г. с картиной *«Сядь за руль моей машины»*, но вновь остался без главного приза. Его заменили специальная премия ФИПРЕССИ и приз за лучший сценарий – номинация, в которой здесь прежде никогда не побеждали японцы. Тогда Хамагути еще не знал, что главное событие его еще ждет впереди: его фильм вскоре попадает сразу в четыре номинации «оскаровского» списка (лучшая зарубежная картина, лучший фильм, лучший режиссер и лучший адаптированный сценарий). И буквально через полгода он станет обладателем золотой статуэтки, правда, пока лишь одной – за лучший зарубежный художественный фильм. И хотя Хамагути – самый молодой из японских обладателей этой награды (получил ее в возрасте 43 лет), его уже сегодня можно называть классиком японского кино.

В последние годы тематика большого числа фильмов, номинированных на высшие кинематографические награды, весьма нетрадиционна для нашего устоявшегося представления о шедеврах классического кинематографа. Отчасти это относится и к фильму Хамагути Рюсукэ *«Сядь за руль моей машины»*, в котором необычно буквально все, начиная с хронометража ленты продолжительностью в три

---

¹ *Shilling M.* Why Hamaguchi Ryusuke Has an Appeal, That Stretches Beyond Asia? October, 8, 2021. *Variety* <https://variety.com/2021/film/asia/why-hamaguchi-ryusuke-has-an-appeal-that-stretches-beyond-asia-1235084278/>

часа без одной минуты и кончая сложным переплетением сюжетных линий, объединенных общим психологическим и морально-нравственным подтекстом. Я уже не говорю о многослойной литературной основе сценария, состоящей из самых разных литературных источников: Мураками Харуки, А. П. Чехова и др. Все это сразу же привлекло к творчеству японского режиссера внимание и киноведов, и простых любителей кино. И тем не менее до сих пор многие факты его биографии и творчества малоизвестны широкой аудитории.

На пути к мировому признанию

Будущий оscarоносец появился на свет 16 декабря 1978 г. в префектуре Канагава, где и провел раннее детство. А дальше начались постоянные переезды, связанные с работой отца, и, как следствие, Рюсукэ сменил не одну школу. Неизменным с десятилетнего возраста оставалось одно – его интерес к кино. Но ни тогда, ни потом юноша даже не помышлял о профессии режиссера. Говоря его собственными словами, он был «просто чистым киноманом, традиционно влюбленным в голливудские фильмы – Тарантино, Вонг Карвай», то что в Японии называют мини-театральными фильмами². И все же, поступив в престижный Токийский университет, Хамагути сразу записался в кружок изучения кинематографа, который стал посещать параллельно с основной учебой. Здесь будущий режиссер буквально с головой ушел в изучение истории мирового кино, а также начал создавать свои первые студенческие фильмы, снимая их сначала на 8-миллиметровую пленку, а затем появилась и цифра. Что касается артистов, то в основном это были его друзья и сокурсники по университету, в каждом из них начинающий режиссер стремился увидеть индивидуальность и зафиксировать ее на камеру.

Пожалуй, самым большим потрясением для молодого дарования в эти годы стало знакомство с творчеством яркого представителя американского независимого кино Дж. Кассаветиса, ставшее началом становления Хамагути как режиссера. «Я смотрел фильмы Джона Кассаветиса, – когда я учился на втором курсе института, в Японии проходили специальные показы его работ, – и они очень сильно

---

² Rizov V. "My First Studio, Commercially Made Film": Ryusei Hamaguchi on Solaris, Asako I & II and Japanese Film school. May 22, 2019. *Filmmaker*: <https://filmmakermagazine.com/107556-ryusuke-hamaguchi-solaris-asako-i-ii-japanese-film-school/>

тронули меня. Я увидел, как в них отражается человеческая жизнь, и мне захотелось самому снять подобное и посвятить свою жизнь кинематографу. Мне было интересно, как Кассаветис показывает эмоции людей в фильмах и насколько четко эти чувства проработаны. В своих фильмах я также уделяю этому большое внимание»³. Так имя Кассаветиса навсегда вошло в биографию Хамагути.

Другим властителем дум молодого режиссера становится Андрей Тарковский. Все началось в магистратуре прославленного Токийского института изящных искусств и музыки, куда Хамагути поступил после непродолжительной работы в качестве помощника режиссера в коммерческой киноиндустрии, где он решил попробовать себя после получения университетского диплома. И этот короткий опыт, хотя и достаточно плачевный, помог Хамагути окончательно разобраться в себе. Начинаящий кинематографист прекрасно осознал тогда, что от него не могло быть никакой пользы на съемочной площадке: он просто не был профессионально к этому готов. Да и само это занятие – съемки рекламы и тому подобного – было далеко не тем, к чему он в действительности стремился. И он выбрал учебу, узнав, что на базе магистратуры Токийского университета изящных искусств и музыки была запущена новая учебная программа под названием «Кино и новые медиа». Ее кураторами стали два известных мастера кино: Такахаси Хироси и Куросава Киёси. И именно Куросава стал учителем Хамагути, наставником, а в дальнейшем – и другом, и соратником.

Куросава Киёси – однофамилец великого мастера, достойно переживший его эстафету популярности, в те годы не только был в зените славы, но и считался большим профессионалом с отменным художественным вкусом и острым социальным чутьем. Достаточно вспомнить его прославленную «Токийскую сонату» («Токё соната», 2008), получившую Гран-при в Каннах. Но больше всего молодого Хамагути привлекала в учителе его непохожесть на других его коллег по кинематографическому цеху. Его картины были наполнены новой реальностью, перемешанной с научной фантастикой. В них присутствовало буквально все будоражащее воображение: невообразимая мистика,

---

³ Устьян А. Японский режиссер Рюсукэ Хамагути – о женских образах, опасности брака и 5-часовом кино. 17 сентября 2020. *Афиша Daily*: <https://daily.afisha.ru/cinema/17109-yaponskiy-rezhisser-ryusuke-hamaguti-o-zhenskih-obrazah-opasnosti-braka-i-5-chasovom-kinol/>

размышления о бессознательном в человеческой психике, яркие визуальные образы и т.д. Все это отчасти проистекало из увлечения Куросавы в те годы творчеством Андрея Тарковского. За Куросава Киёси даже закрепилась слава первого последователя Тарковского в Японии. Вторым стал его ученик Хамагути Рюсукэ, который не только с первых же дней общения с Куросава серьезно увлекся творчеством русского мастера, но остался верен этому выбору по сей день.

Первым подтверждением тому стал японский ремейк фильма Тарковского *«Солярис»*, снятый Хамагути в 2007 г. по мотивам одноименного романа Станислава Лема. Это был оригинальный проект, придуманный Куросава для тридцати его учеников на первом курсе магистратуры. По условиям конкурса, каждому из них предстояло создать собственную адаптацию литературного оригинала, отличную от уже существующих версий Андрея Тарковского и Стивена Содерберга, а затем всем сообща экранизировать лучшую из них. На все эти работы Институт выделял около 4 млн иен, что являлось достаточно неплохим стартовым капиталом для начала кинематографической карьеры. Но цель вполне оправдывала средства: ставя перед молодыми людьми такую хитроумную задачу, педагог стремился выявить для себя творческий потенциал каждого из своих студентов.

Лучшим оказался сценарий Хамагути. Автору не было и 30 лет, когда он замахнулся на многое, предложив зрителям совершенно иное видение событий. А именно: новый взгляд и на хорошо известный литературный первоисточник, и на любимые многими фильмы, шедшие в мировом прокате. Изрядно переработанный им сюжет строился в основном вокруг истории Криса и его возлюбленной Хари, тогда как все второстепенные персонажи были полностью исключены из повествования. Вот примерно все, что можно вкратце сказать о содержании этого 90-минутного фильма, о котором вскоре пошли хвалебные отзывы, правда, в ограниченных кругах. Для широкой публики просмотр картины оказался недоступным из-за отсутствия лицензии на ее демонстрацию за пределами института. Так что все внимание поклонников русского режиссера всецело продолжал поглощать Куросава Киёси. Тем не менее фильм сыграл большую роль в художественном становлении Хамагути. Как отмечают кинокритики, «уже в *«Солярисе»* намечается основной вектор развития кинематографического таланта Хамагути: внимание к психологии героев, болезненные отношения между мужчиной

и женщиной, боль одиночества, дань уважения великим кинематографистам и интуитивный интерес к русской культуре»⁴. Все это актуально для режиссера и по сей день, когда ему посчастливилось испытать не одну минуты славы.

Впервые это произошло уже в следующем 2008 г., когда фильм «*Страсть*» (*Passion*) – дипломная работа Хамагути – созданный по его же сценарию, был отобран для участия в кинофестивале Токуо Filmex, а затем вошел в программу солидных киносмотров в Сан-Себастьяне и Карловых Варах. Однако фильм тогда в силу ряда формальностей так и не получил официального проката в Японии. Премьера его состоялась в США лишь в 2017 г., а на широкий экран он попал во Франции в 2019 г., после чего в 2023 г. с ним познакомился массовый американский зритель. Не исключено, что в США вновь вернулись к этой ранней работе мастера во многом благодаря успеху его ленты «*Сядь за руль моей машины*». Как отмечает кинокритик О. Консидайн, «картина выдержана в стиле лоу-фай, тусовки, наполнена энергией молодого инди и простительными претензиями художника, который верит, что создание фильма имеет значение. Хамагути все еще студент, но уже обретает свой голос»⁵.

Сюжет фильма достаточно прост: молодежная компания вновь воссоединяется после продолжительного перерыва в общении. Девушки и юноши, как и прежде, продолжают встречаться и секретничать друг с другом, хотя каждый из бывших друзей начинает остро ощущать, что что-то в их жизни резко изменилось, общие цели и интересы больше не объединяют их. Но дело не только в этом. На одной из вечеринок влюбленная парочка Кахо и Томоя объявляет о своей предстоящей помолвке, и тут начинается такое, чего никто не мог даже представить себе. На поверхность неожиданно всплывают запутанные любовные отношения между практически всеми бывшими товарищами, после чего ни о какой дружбе между ними уже не может идти и речи. Когда-то веселая и сплоченная компания распадается окончательно.

Этот незамысловатый сюжет сопровождается крупными планами интимных сцен, философскими размышлениями режиссера о преда-

---

⁴ Самойлова А. Чеховские мотивы и женская судьба. 7 фактов о творчестве Рюсуке Хамагути. 1 мая 2022. *TimeOut*: <https://www.timeout.ru/feature/7-faktov-o-tvorchestve-ryusuke-hamaguti>

⁵ Considine A. «Passion» Review: Friends Fall Apart. 13.04.2023. *The New York Times*: <https://www.nytimes.com/2023/04/13/movies/passion-review.html>

тельстве, компромиссе и жизненных обстоятельствах, неожиданными композициями и т.д., что уже тогда свидетельствовало о появлении серьезного художника экрана. И одновременно с этим лента не лишена множества огрехов по причине отсутствия у режиссера кинематографического опыта. Но опыт приходит с годами. Так произошло и с Хамагути.

Буквально через год после завершения кинематографического образования Хамагути вновь ждала удача. На сей раз его бывший педагог Хорикоси Кэндзо, который вел в Институте курс продюсирования, предложил ему интересный проект. Речь шла о съемках картины «Глубины» (*The Depth*, 2010) с весьма захватывающим сюжетом: известный модный фотограф Би Хван приезжает в Японию по просьбе своего друга Гиль Су, чтобы снимать его свадьбу. Однако в день торжества невеста Гиль Су неожиданно исчезает... Это была совместная работа с корейской киношколой, ее бюджет в два раза превышал затраты на «Солярис». И такое предложение не могло не заинтересовать жадного на работу дебютанта в кино, также как и открывающая перспектива показать картину на популярном Токийском кинофестивале Filmex.

И все-таки самым большим кинематографическим достижением тех лет для Хамагути стала совместная работа с режиссером Сакай Ко над трилогией фильмов о землетрясении в Тохоку в 2011 г. и о людях, сражавшихся со стихией: «Звук волн» («Нами-но ото», 2012), «Рассказчики» (*Storytellers*, 2013), «Голоса волн» («Нами-но коэ», 2014). Параллельно с этим молодой режиссер создает два художественных фильма с интригующими названиями: «Близость» («Симмицуса», 2012) и «Прикосновение к жуткой коже» («Букимина моно-но хада ни савару», 2013). На деле оба эти фильма по сюжету были не столь необычными, как это можно представить себе. Достаточно сказать, что продюсером первого из них, снятого по сценарию самого Хамагути, являлась школа драматического искусства в Токио (*Эмбу дзэминару*). Посвящена картина воссозданию на экране сложного творческого процесса работы над постановкой пьесы, по ходу которой разительные изменения претерпевают и сами герои фильма. Полная версия продолжается 4 часа 15 минут экранного времени, правда, есть еще укороченный вариант в 135 минут.

Второй фильм – короткометражный, длящийся всего 54 минуты, но событий в ней происходит куда больше. После смерти отца Тихиро

переезжает жить к старшему сводному брату Того, который вместе со своей девушкой окружает его теплом и заботой. Но одиночество не покидает юношу, и он старается забыть обо всем на свете, увлекшись современными танцами. Его постоянной партнершей становится его одноклассница по имени Наоя. Но пока эта пара погружается в мир музыки и движений, неподалеку от танцзала начинают происходить тревожные события. Две картины интересны прежде всего форматом – от короткометражки до многочасовой ленты, а также отдаленными ассоциациями с кадрами из «*Сядь за руль моей автомашины*» и других более поздних фильмов Хамагути. Всего за семь лет молодой режиссер успел создать девять документальных и игровых картин. Однако в основном эти работы прошли мимо внимания широкого зрителя в Японии, и тем более не были показаны за пределами страны.

Настоящим и во многом неожиданным прорывом на зарубежный экран стал для Хамагути фильм «*Счастливые часы*» (*Happi awa*, 2015), получивший на Международном кинофестивале в Локарно в 2015 г. премию за лучшую женскую роль, вернее, за целый женский ансамбль из четырех непрофессиональных актрис. Более того, лента была отмечена спецпризом за лучший сценарий, в написании которого принимал участие также целый авторский коллектив: сам Хамагути, а также Нохара Тадаси и Такахаси Томоюки. Режиссер так полюбился публике и членам жюри, что через год здесь же, в Локарно, решили отметить Хамагути особой премией как дебютанта, добившегося больших успехов в киноиндустрии.

Картина «*Счастливые часы*» необычна с разных точек зрения, но в первую очередь удивляет ее просто невероятный хронометраж в 5 часов 17 минут. Идея ее создания родилась у режиссера спонтанно после организованного им за год до этого мастер-класса по импровизированному актерскому мастерству. Этот необычный курс Хамагути решил провести для непрофессионалов в г. Кобэ. От желающих получить столь интересный опыт буквально не было отбоя, но после строго отбора в команде осталось лишь 17 счастливиц, с которыми начинающий режиссер в течение нескольких месяцев проводил занятия, прежде всего обучал их навыкам общения и пониманию человеческой психологии.

Среди учеников особо выделялись четыре японки практически одного возраста – немногим больше 30 лет, с которыми у Хамагути

установились доверительные личные контакты. День за днем режиссер все глубже проникал в подробности их жизни, узнавал их радости и невзгоды и в то же время находил в их признаниях много общего, типичного для женской части японского общества, где главная роль по-прежнему отводится мужчинам. Обо всем этом Хамагути решил рассказать в фильме, прибегнув, по мнению киноведев, к опыту таких французских режиссеров, как Жак Риветт и Жан Эсташ, «снимавших в 70-х ленты из длиннющих, разыгрываемых одним махом, как в театре, разговорных, дискуссионных эпизодов, в которых актрисам оставлялась масса пространства для импровизаций»⁶.

О чем же эта картина? Если коротко, то о дружбе и семейной жизни четырех женщин: медсестры Акари, домохозяйки Сакурако, безработной Дзюн и музейного куратора Фуми. На первый взгляд, у них в жизни все складывалось куда лучше, чем у других их знакомых, а на некоторые неприятные нюансы и проблемы они просто старались закрывать глаза. И так, наверное, все продолжалось бы и дальше, если бы в один прекрасный день Дзюн не решила на развод с мужем и не объявила подругам об этом. И вот уже вся четверка отправляется в поездку, чтобы вместе вдаль от дома не спеша обсудить случившееся. Но тут неожиданно исчезает Дзюн – точно так же, как и в начальных сценах «Приключения» М. Антониони. А после этого и с другими подругами начинает происходить череда странных событий, из-за чего не только рушатся узы их, казалось бы, вечной дружбы, но и портятся отношения с их мужьями, любовниками и т. д. По сути дела, все эти ставшие неразрешимыми проблемы зрели годами, но выплеснулись наружу только сейчас. И теперь мы наблюдаем за тем, как эти молодые успешные женщины начинают искать выход из создавшегося жизненного тупика.

Вот такой несложный и достаточно типичный сюжет, который зритель наблюдает в течение более пяти часов экранного времени. Реакция – разная: картина завоевала много поклонников, но у нее появилось и немало недоброжелателей, которым трудно было принять этот формат. Предвидя такой ход событий, Хамагути даже создал укороченную версию, но от этого картина явно проигрывала, потеряв свою изюминку, и режиссер вернулся к оригиналу. Хамагути всегда

⁶ Васильев А. «Асако 1 и 2»: новое кавайное кино из Японии, которое стоит посмотреть. 26 ноября 2018. *Афиша Daily*: <https://daily.afisha.ru/cinema/10722-asako-1-i-2-novoe-kavaynoe-kino-iz-yaponii-kotoroe-stoit-posmotret/>

предпочитает длинные дубли, неторопливый естественный ход событий, коротким и энергичным речам – хорошо прописанные диалоги, свободному движению камеры – статику и т.д. Отсюда, похоже, и его тяготение к непривычно большому формату.

Но как объяснить тогда увлечение режиссера так называемым «коротким метром»? «Не знаю, есть ли у меня к этому какой-то талант, но я этот формат очень люблю, – заявляет Хамагути. – Прежде всего, он дает пространство для экспериментов, например, я могу опробовать новые приемы перед тем, как взяться за крупный проект, сопряженный с большими рисками. С другой стороны, короткометражные фильмы – это еще и способ повторения, способ снова попробовать сделать то, что в прошлый раз не удалось»⁷.

К примеру, сразу же после «Счастливого часа» в 2016 г. Хамагути выпускает 40-минутную авторскую ленту «*До рая все еще далеко*» («*Тэнкоку ва мада тоой*»), рассказывающую о своеобразном любовном треугольнике, вернее, о необычных отношениях трех молодых людей, неожиданных звонках и странных воспоминаниях. Показательно, что сам режиссер представил эту работу российским зрителям в онлайн-режиме в рамках Фестиваля японского кино, который проходил в Москве в апреле 2020 г. При этом он достаточно сдержанно высказывается о ней: «Это не тот фильм, который откровенно понравится вашей семье (особенно в начале), но я буду рад, если вы посмотрите его в свободное время дома»⁸. Что это: позерство или выражение неудовлетворенности своей работой? Ведь в действительности эта лента мало чем привлекла к себе внимание знатоков и любителей кино. И тем не менее для Хамагути она сослужила службу своеобразного экзерсиса перед началом съемок следующей его нашумевшей картины «Асако I и II».

С этой лентой он впервые прилетел на Каннский кинофестиваль в 2018 г. и сразу же вступил в битву за главную награду. Фильм поставлен по роману известной писательницы Сибасаки Томока, обладательницы многих престижных японских литературных премий,

---

⁷ Захаров М. «Не считаю свои фильмы литературными – в них просто много слов»: интервью Рюсукэ Хамагути. 6 сентября 2021. *Афиша Daily*: <https://daily.afisha.ru/cinema/20879-ne-schitayu-svoi-filmy-literaturnymi-v-nih-prosto-mnogo-slov-intervyu-yusuke-hamaguti/>

⁸ Авторский короткометражный фильм из Японии в нашем эксклюзиве апреля. 4 апреля 2020. *Вконтакте*: https://vk.com/wall-80419865_671

в том числе и главной из них – премии Акутагава. Так что все происходящее в картине и окутанное неким духом сюрреализма – двойники, загадочные исчезновения, неожиданные встречи – отнюдь не плод фантазии только одного Хамагути. Сюжет строится вокруг жизни 21-летней девушки по имени Асако и ее любовных отношений с двумя парнями, похожими друг на друга, как две капли воды. В начале картины героиня, живя в Осака, без памяти влюбляется в свободолюбивого Баку. Тот не терпит ни серьезных отношений, ни вообще никаких обязательств ни перед кем, но у них все поначалу складывалось хорошо. Правда, проходит немного времени, и юноша бесследно исчезает из города, выйдя на секунду в ближайший магазин. Исчезает он и из жизни Асако, заставляя ее мучительно страдать. И вот через два года девушка переезжает в Токио и встречает там парня – копию своего бывшего бойфренда. Только зовут его Рёхэй, работает он простым менеджером по рекламе сакэ и, в отличие от своего двойника, выглядит весьма ответственным и серьезным человеком. Вроде бы пришло время забыть Баку, и Асако решается на это, но спустя несколько лет узнает, что ее бывший возлюбленный стал знаменитым актером. Она сбегает от Рёхэй и пытается возобновить отношения с Баку, правда, вскоре понимает, что идеализировала его, и возвращается к Рёхэй, однако тот уже утратил былые чувства и больше не верит ей...

Вот такая мелодрама буквально покорила Канны, заставив критиков говорить о фильме как «образце молодежной романтики высшей пробы»⁹. В нем действительно много романтики и любви, мистики и реальности, верности и предательства, иллюзий и мечтаний, наивности и глубины чувств, а еще много весьма любопытных и необычных съемок малоизвестных уголков Японии и много Тарковского. Это – фильм о сложном процессе взросления, который со всеми тонкостями показывает режиссер, причем делает это, как отмечают критики, «в духе режиссеров французской Новой волны», имея в виду фильмы Трюффо конца 1960-х гг., в которых «описывается аналогичный период в жизни его постоянного героя Антуана Дюамеля – “Украденные поцелуи” и “Семейный очаг”»¹⁰.

⁹ Васильев А. «Асако 1 и 2»: новое кавайное кино из Японии, которое стоит посмотреть. 26 ноября 2018. *Афиша Daily*: <https://daily.afisha.ru/cinema/10722-asako-1-i-2-novoe-kavaynoe-kino-iz-yaponii-kotoroe-stoit-posmotret/>

¹⁰ Там же.

Коммерческое название ленты придумано в Европе, в оригинале она называется совсем иначе: «*Я то сплю, то просыпаюсь*» («*Нэтэ мо, самэтэ мо*»). Это – первая строчка из песни известного музыканта Tofubeats, сочинившего саундтрек к картине. Она звучит также в финальных титрах и придает особый аромат всей картине. Так что у жюри в Каннах было немало аргументов, чтобы дать «зеленый свет» молодому режиссеру на пути в мировой кинематограф. И он был дан, несмотря на то что «Золотая пальмовая ветвь» отправилась в Японию по другому адресу: речь идет о Корээда Хирокадзу и его фильме «Магазинные воришки».

Борьба за кинематографический Олимп для Хамагути была отложена до 2021 г., когда его назвали режиссером года за создание сразу двух замечательных картин – «*Сядь за руль моей машины*» и «*Случайность и догадка*» («*Гудзэн то содзо*»), отмеченных высокими наградами в Каннах и в Берлине. Почему-то так случается, что каннские критерии, сформированные на протяжении десятилетий, весьма специфичны и не совпадают ни с требованиями коммерческого проката, ни с теми положениями, которыми руководствуются члены американской Киноакадемии, решая вопрос о присуждении «Оскара». Так что на Лазурном берегу будущему оскароносцу и его соавтору Оэ Такамаса вручили лишь почетный приз за сценарий – кстати, по-настоящему почетный, поскольку в этой номинации никогда еще не побеждали японцы, – а также популярную награду ФИПРЕССИ. А на Биеналле-2022 лента «*Случайность и догадка*» получила «Серебряного медведя», и, кстати, вызвала не меньше положительных откликов в кинематографической среде, чем первый шедевр.

Любопытно, но эти две совершенно разные и по содержанию, и по метражу, да и по многим другим критериям картины создавались, можно сказать, одновременно. Вернее, более короткая (121 мин) и динамичная «*Случайность и догадка*» (англоязычное название звучит как *Wheel of Fortune and Fantasy*) рождалась во время вынужденного – из-за пандемии – перерыва в съемках «*Сядь за руль моей машины*», но стала своеобразной квинтэссенцией творческих поисков Хамагути за последние годы. На протяжении многих лет он искал свой стиль, баланс в ритме, хронометраже, наконец, главную для себя тему, обращаясь к проблемам женщин, рассказывая о двойниках, неожиданных исчезновениях, невероятных совпадениях

и случайных встречах и т.д. А тут как-то все и сразу сошлось, совпало, будто выстроился красивый и сложный пазл.

Этот своеобразный киноальманах состоит из трех никак не связанных между собой женских историй о мимолетном выборе и многолетних сожалениях, объединенных темой случайных встреч и неслучайных совпадений. Первая новелла, *«Магия (или что-то менее достоверное)»*, рассказывает о любовном треугольнике. Две близких подруги неожиданно влюбляются в одного и того же молодого мужчину. Правда, одна из них еще только находится в предвкушении их будущих любовных встреч, а вторая сознательно умалчивает об их недавно оборвавшемся романе и даже пытается возобновить его, но этому мешают обстоятельства.

Следующая история, *«Широко распахнутая дверь»*, повествует о том, как замужняя студентка по настоянию своего молодого любовника, не сдавшего зачет, соглашается отомстить за это его преподавателю, соблазнив его. Дело в том, что профессор – еще и писатель, его последний роман получил премию Акутагавы. И молодые любовники решают не только опозорить беднягу на весь университет, организовав компромат на него, но и сорвать его триумф по поводу недавно вышедшей книги. Роман, о котором идет речь, – эротический. Героиня, зайдя в кабинет профессора, сразу же начинает читать вслух самые откровенные фрагменты из его книги, ожидая соответствующей реакции со стороны мужчины. Но все, как говорится, пошло не по плану, и все дальнейшие события стали разворачиваться совсем не так, как этого можно было ожидать.

И, наконец, третья новелла, *«Еще раз»*, – о женщине-айтишнице, потерявшей работу из-за пораженного вирусом интернета. Она едет на встречу выпускников в свой родной город Сэндай и по дороге прямо на эскалаторе неожиданно встречается с давней школьной подругой, которая стала ее первой и, как вышло, единственной тайной любовью. Обе женщины поначалу с трудом узнают друг друга спустя почти 20 лет, но потом, несказанно обрадовавшись неожиданной встрече, решают поболтать за чаем о своей жизни. Эта иллюзия счастья продолжается недолго: вскоре за беседой выясняется, что женщины прежде никогда не были знакомы. Но потребность пообщаться с прошлым столь велика, что они обе принимают эту игру и продолжают еще долго оставаться в образах школьных подружек.

Случайно это все или неслучайно? Или же мы просто хотим верить в фатальность? Это опять столь любимые Хамагути темы, как совпадения и несовпадения, фантазии и реальность, бесконечные человеческие соблазны, изменчивая женская дружба и т. д. Причем, у него, как всегда, интересно и насыщено смыслом буквально все: и разговоры, и паузы, и взгляды героев. Все новеллы построены вокруг ситуаций, в которых герои не могут получить желаемое. И с каждым новым витком колесо фортуны поворачивается таким образом, чтобы лучше был виден не только конфликт между персонажами, но также и несовпадение мечты и реальности. Исключением, пожалуй, является только сам автор картины, к которому фортуна за все последние годы явно благоволит. И «Оскар», врученный ему в 2022 г. за фильм «Сядь за руль моей машины», – тому наглядное подтверждение.

Заключение: лидирует национальный кинематограф

В настоящее время, по информации японских СМИ, Хамагути завершает работу над новым проектом – картиной «*Наше обучение*» (*Our Apprenticeship*), которая должна выйти на экраны летом 2023 г. Это совместная японо-французская лента, рассказывающая о девушке из Японии, которая отправляется на учебу в Париж. Больше, к сожалению, о картине пока ничего неизвестно. Зато известно, что нынешним летом готовит премьерный показ своего очередного творения под названием «*Монстр*» («*Монсутя*») основной соперник Хамагути в борьбе за Золотую пальмовую ветвь Корээда Хирокадзу. К новой работе прославленного мэтра приковано внимание любителей кино, так как после триумфального проката «*Магазинных воришек*», собравшего 4,5 млрд иен, две последних его работы, снятые за границей – «*Правда*» (*La Verite*, 2019) с Катрин Денёв во Франции и «*Брокер*» (*Beurokeo*, 2022) в Корее, – не имели большого успеха. Так что на родине режиссера возлагают большие надежды на успех нового проекта.

Но пока и сам Корээда, и его сопродюсеры держат в тайне все детали уже практически готовой к показу картины. Только недавно стало известно, что к созданию фильма подключены серьезные кинематографические силы. Это – известный сценарист Сакамото

Юдзи, начало карьеры которого пришлось на ранние 1990-е гг. Сегодня в его фильмографии значится уже более 30 картин совершенно разных жанров – от боевика до фэнтези и мелодрамы, – и он крайне востребован. Сакамото часто поручают подготовку торжественных церемоний высокого уровня, он много работает по заказу телевидения и, кстати, является автором популярной теледрамы, по мотивам которой и создавался этот фильм. Другому его всемирно известному однофамильцу – Сакамото Рюити, обладателю «Оскара» и самых престижных музыкальных наград – предстояло написать саундтрек к картине. Его участие в проекте уже заранее могло гарантировать успех, но внезапная смерть маэстро в конце марта 2023 г. поставила под сомнение осуществление всего задуманного. И, наконец, следует упомянуть об актрисе Андо Сакура, сыгравшей в фильме «Магазинные воришки», которая и на сей раз выступает в главной роли. Так что не исключено, что два мэтра японского кино – Хамагути и Корээда – вновь встретятся в 2023 г. на одной из престижных фестивальных площадок, возможно даже и в Каннах.

Конкуренция не ослабевает и между гигантами японской киноиндустрии – старейшими кинокомпаниями «Тохо» и «Тэй». По прогнозам, именно «Тохо» имеет все шансы возглавить чаты с самыми кассовыми фильмами этого года. Особо ожидаемый из них – это последняя полнометражная работа Миядзаки Хаяо, премьера которой должна состояться 14 июля 2023 г. Возможно, она станет своеобразной «лебединой песней» великого мастера, которому уже перевалило за 90 лет. Долгие годы он выигрывал серьезную конкуренцию с Голливудом, но по суммам кассовых сборов внутри страны лидерство уже давно перешло к другим его соотечественникам, в первую очередь, к режиссеру анимэ Синкай Макото.

Вторая беспроигрышная позиция «Тохо» – это выпуск нового фильма о Годзилле, который ставит режиссер Ямадзаки Такаси, создатель многих кинохитов со спецэффектами. Название фильма пока неизвестно, но уже заранее определен день его премьерного показа – 3 ноября, и это неслучайно. Именно 3 ноября 1954 г. вышел самый первый фильм про легендарное чудовище. Подсчитаны и примерные кассовые сборы, ожидаемые от продолжения этой бесконечной киносери. При этом учитывается, что «Новая Годзилла» («Син-Годзира», 2016) принес кинокомпании прибыль

в 8,25 млрд иен¹¹. Так что, без сомнения, «Тохо» рассчитывает на еще одну победу.

И, наконец, еще один релиз кинокомпании, который наверняка привлечет к себе интерес поклонников кино в жанре «экшн», – это третья часть «Королевства» (*Kingdom*), выход которой также запланирован на это лето. Действие сериала, снятого непревзойденным мастером создания боевиков Сато Синсукэ по мотивам популярного комикса Хара Ясукиса, разворачивается в Китае в Эпоху сражающихся царств (425–221 гг. до н.э).

Что может противопоставить всему этому «Тоэй»? В прошлом году прославленный киноконцерн бросил вызов «Тохо», выпустив полнометражный анимационный фильм *One Piece Film Red*. Этот музыкальный фантастический боевик, созданный Танигути Горо, 15-й в суперпопулярной серии *One Piece*, стал лучшим фильмом 2022 г. Одновременно «Тоэй» пытается продолжить полюбившуюся японцами историческую серию «Легенда и бабочка» (*The Legend and Butterfly*) – крупнобюджетную драму, созданную в честь 70-летия студии. Фильм, снятый известным режиссером Отомо Кэйдзи, рассказывает об отношениях легендарного военачальника Ода Нобунага и его жены по имени Нохимэ. И еще один потенциальный успех «Тоэй» обещает новый фильм о супергероях со множеством спецэффектов из серии «Новый Всадник в маске» («Син Камэн Райда»), представляющий собой по сути дела перезагрузку одноименного популярного телесериала 1971 г. Руководит проектом Анно Хидэки, известный по культовому анимэ-сериалу «Евангелион» («Эвангэрион», 1995–1996 гг.) и ленте «Новая Годзилла».

Помимо этих потенциальных блокбастеров и победителей фестивалей можно назвать много японских фильмов менее известных авторов, которые заполняют в этом году репертуар японских кинотеатров. Все эти примеры заставляют согласиться с мнением Марка Шиллинга, что в 2022 г. «после двух лет потрясений, вызванных пандемией, японский кинорынок более или менее вернулся к работе в обычном режиме»¹². Более того, совершенно очевидна еще одна стремительно набирающая силу тенденция в японском кинопрокате, о которой говорит Шиллинг в обзоре 2023 г.: «Пандемия

---

¹¹ Shilling M. Japanese films set to dominate in 2023. 07.01.2023. *Japan Times*, <https://www.japantimes.co.jp/culture/2023/01/27/films/japanese-films-year-ahead/>

¹² Ibid.

вызвала изменения, которые, вероятно, будут длительными. Одно из них заключается в том, что основная аудитория, которая когда-то по умолчанию выбирала голливудские фильмы для развлечения, стала отдавать предпочтение отечественным фильмам, особенно анимэ»¹³. И это для Японии огромный успех.

Достаточно напомнить, что в течение последних четырех лет самым кассовым фильмом в Японии был анимационный фантастически боевик отечественного производства «Поезд “Бесконечный”» («*Мугэн рэсса-хэн*», 2020) из серии «Истребители демонов» («*Кимэцу-но яйба*»), сборы которого в размере 40,4 млрд иен установили коммерческий рекорд за всю историю японского кино¹⁴. Или же другой пример – выпущенный в конце 2022 г. кинокомпанией «Тоэй» спортивный анимационный фильм «Первый верняк» (или «Первый слэм-данк», *First Slam Dunk*), созданный на основе хорошо известной манга-серии «Верняк» Иноуэ Такэхико. В 2023 г. эта лента была признана лучшим анимэ года. По состоянию на 24 января 2023 г. за семь недель демонстрации он собрал 8,91 млрд иен., в то время, как, к примеру, «Аватар: путь воды» Джеймса Кэмерона – продолжение блокбастера 2009 г. – заработал в Японии за пять недель со дня премьеры 16 декабря 2022 г. всего 3,71 млрд иен¹⁵.

И наконец, еще об одной особенности японского кинорынка последних нескольких лет: четыре из десяти самых кассовых фильмов за 2022 г., возглавляемых боевиком «Лучший стрелок: Индивидуалист» с Томом Крузом в главной роли, были голливудскими, что в целом отражает ситуацию, сложившуюся в японском киномире последних десятилетий. Но показательно и то, что в 2021 г., когда американские студии практически прекратили распространение своей кинопродукции в другие страны, только один неамериканский фильм попал в Японии в десятку самых кассовых. Это – «*F-9 / Быстрая сага*» Джастина Лина – продолжение знаменитой ленты «Судьба форсажа».

Все это говорит о том, что японское кино, несмотря на некоторые пессимистические прогнозы, переживает сегодня далеко не худшие свои времена и, по всей видимости, именно отечественные фильмы

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

будут доминировать на афишах японских кинотеатров в 2023 г. А что касается мировых киносмотров, то вовсе не исключено, что колесо фортуны в Каннах или в Берлине вновь повернется в сторону японских режиссеров.

Библиографический список

Катасонова Е. Л. (2020) *Новое японское кино. В споре с классикой экрана*. – Москва: Издательские решения.

Ричи Д. (2014). *Одзу*. – Москва: Новое литературное обозрение.

Теракопян М. Л. (2015) *Современные режиссеры Японии*. – Москва: ВГИК.

References

Katasonova, E. L. (2020). *Novoe yaponskoe kino. V spore s klassikoi ekrana* [New Japanese Film. In Dispute With the Classics of the Screen]. Moscow: Izdatel'skiye Resheniya. (In Russian).

Richie, D. (2014). *Odzu* [Ozu]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Terakopyan, M. L. (2015). *Sovremennye rezhissery Yaponii* [Contemporary Film Directors of Japan]. Moscow: VGIK. (In Russian).

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 251–275

Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 251–275

DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-251-275

«Гэkkосо» и Накамура Ёко Блеск монеты под луной: о деятельности галереи и рынке советского искусства в Японии

В. В. Белозеров

Аннотация

Галерея «Гэkkосо» с конца 1960-х гг. по середину 1980-х гг. занимала значительную нишу в выставочном обмене между СССР и Японией, организуя выставки произведений из коллекций ведущих советских музеев в Японии (Государственный Русский музей, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Государственный Эрмитаж, Государственная Третьяковская галерея), а также представляя творчество отдельных художников (Д. Налбандян, Н. Ромадин, Т. Салахов, Ю. Пименов и др.). Параллельно этому галерея была активно включена в процесс экспорта картин советских художников, сотрудничая с Союзом Художников СССР и различными общественными и политическими организациями.

Активная деятельность директора галереи Накамура Ёко представляла советское искусство японскому покупателю, пыталась деидеологизировать творчество художников и в то же время сделать его привлекательным на рынке искусства в Японии. Процесс коммерциализации работ советских художников и нюансы взаимоотношений Накамура с Министерством культуры СССР и другими организациями, связанные с желанием добиваться наибольшей денежной выгоды и общественного статуса, в итоге привели к закату деятельности «Гэkkосо» и последующему банкротству галереи.

Статья ставит задачу: обозначить место «Гэkkосо» в выставочном обмене между Японией и СССР, проследить основные вехи в истории сотрудничества галереи с советскими институциями, рассмотреть образ Накамура Ёко в советской прессе, ее предпринимательскую деятельность и личные связи в СССР, а также репутацию в Японии. Материалами для статьи послужили документы из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ),

Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), архива Государственной Третьяковской галереи (ГТГ), а также периодические издания 1970-х и 1980-х гг..

Ключевые слова: галерея «Гэккосо», Накамура Ёко, выставочный обмен между СССР и Японией, рынок советского искусства в Японии.

Автор: *Белозёров Виктор Владимирович*, магистр истории искусств, независимый исследователь, создатель образовательного проекта Gendai Eye, ведущий исследователь японской лаборатории J100R при МСИ «Гараж».

ORCID: 0000-0003-0094-7678.

E-mail: gendaieye@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Gekkōsō* and Nakamura Yōko. Coin Shine Under the Moon: About the Gallery's Activities and the Market for Soviet Art in Japan**

V. V. Belozеров

Abstract

From the late 1960s to the mid-1980s, the *Gekkōsō* Gallery occupied a significant niche in the exhibition exchange between the USSR and Japan, organizing exhibitions of works from the collections of leading Soviet museums in Japan (the State Russian Museum, the Pushkin State Museum of Fine Arts, the State Hermitage, the State Tretyakov Gallery), as well as representing the work of individual artists (D. Nalbandyan, N. Romadin, T. Salakhov, Y. Pimenov, et al.). At the same time, the gallery was actively involved in the process of exporting paintings by Soviet artists, working with the Union of Soviet Artists and socio-political organizations.

The vigorous activity of the gallery director Nakamura Yōko and her chosen promotion strategy demonstrated the complex process of presenting Soviet art to Japanese consumers, associated with an attempt to de-ideologize the artists' work while at the same time making it attractive for the art market in Japan. The process

of commercialization of Soviet artists' works and the nuances of Nakamura's relationships with the Soviet Ministry of Culture and related organizations associated with the desire to seek the highest monetary gain and public status eventually led to the demise of *Gekkōsō* and its subsequent bankruptcy.

This article aims to outline the gallery's phenomenon against the background of other actors of exhibition exchange between Japan and the USSR, showing the main milestones in the history of the gallery's cooperation with Soviet institutions. Specific attention is paid to Nakamura Yōko's image in Soviet periodicals, her business activities and personal contacts in the USSR, as well as her reputation in Japan. Materials for the article include documents from the State Archive of the Russian Federation (GARF), the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), the archive of the State Tretyakov Gallery (GTG), as well as periodical materials from the 1970s and 1980s that mention Nakamura and her gallery's activities.

Key words: *Gekkōsō* Gallery, Nakamura Yōko, exhibition exchange between the USSR and Japan, the market of Soviet art in Japan.

Author: *Belozеров Виктор Владимирович*, Master of Art History, independent researcher, creator of the educational project "Gendai Eye", leading researcher of the Japanese laboratory "J100R" at the Garage Museum of Contemporary Art.
ORCID: 0000-0003-0094-7678.
E-mail: gendaieye@gmail.com

Conflict of interest

The author declares the absence of conflict of interest.

**Вступление: об акторах в выставочном обмене
между СССР и Японией**

История японской галереи «Гэккосо» и ее сотрудничества с советскими музеями и художниками занимает важное место в истории выставочного обмена и продажи произведений советской живописи за рубежом в 1970-е и 1980-е гг. За послевоенный период между двумя странами существовало довольно мало посредников – галерей или музеев, которые были бы активно вовлечены в самостоятельную организацию выставок. Обмен в основном шел через общественно-культурные организации или по инициативе отдельных заинтересованных лиц, поскольку договор о культурном сотрудничестве, несмотря на многочисленные ожидания и переговоры, был реализован лишь во второй половине 1980-х гг.

В числе общественных организаций можно назвать Международный центр по делам искусства, выступавший со стороны Японии в 1958 г. в качестве организатора первой официальной выставки, посвященной современному декоративно-прикладному искусству Японии. Следует упомянуть деятельность обществ «СССР–Япония» и «Япония–СССР» по организации локальных и передвижных экспозиций, а также разносторонние проекты Японской ассоциации культурных связей (ЯАКС, возникла в 1966 г.). На более поздних этапах (1970-е и 1980-е гг.) можно отметить деятельность музеев «Яматанэ», «Сэйбу», общественно-религиозной организации «Сока Гаккай», которые занимались в том числе и выставками, а также более активную деятельность музея «Касама Нитидо» в лице Хасэгава Тиэко.

Из личностных инициатив, пришедшихся на вторую половину 1950-х и начало 1960-х гг., стоит упомянуть деятельность супружеской пары художников Маруки – Ири и Тоси, Уэно Макото, Судзуки Кэндзи, Томоэ Ябэ, а также Окамото Токи, которые не только помогали в организации выставок, но и искали заинтересованных художников, приглашая их к участию в групповых выставках. Их активность мотивировалась не только вниманием к русской культуре, но и тем, что большинство названных художников состояло в Коммунистической партии Японии до ее раскола в середине 1960-х гг. Но совокупность всех этих инициатив, пускай даже в некоторых случаях они сопровождалась коммерческой реализацией работ, не была рынком или цельной индустрией. Это сильно отличает от всех приведенных примеров деятельность галереи «Гэккосо» и ее директора Накамура Ёко (1926–1992).

Истоки галереи и знакомство с советской живописью. Стратегии и тактики

Изначально «Гэккосо» возник как магазин художественных товаров в 1917 г. в Токио, его открыл Хасимото Хёдзо при поддержке поэтессы Ёсано Акико и ее супруга. Название родилось под впечатлением от поэмы Верлена «*Лунный свет*», с которой Хасимото ознакомился благодаря Ёсано Тэкан. Тогда же возник и товарный знак в виде французского рожка, подразумевалось, что он будет зазывать всех интересующихся друзей; этот же символ использовали и супруги Ёсано для своего салона. По мере развития бизнеса Хасимото начал

первым импортировать французские краски в Японию: японских аналогов такого качества на тот момент не было. Позже «Гэккосо» стала одной из первых компаний, которые занялись производством товаров для художников и первой освоила производство масляных красок в Японии.

Во время войны галерея продолжила производить краски, которые использовали в том числе художники военно-патриотического направления, *сэнсога*. К 1945 г. в результате налетов на Токио галерея и сопутствующая инфраструктура были уничтожены, для восстановления бизнеса потребовались время и средства. Начало активной выставочной деятельности приходится на 1967 г., когда к управлению галереей была приглашена Накамура Ёко, а «Гэккосо» обрела новое здание на Гиндза. Сам же салон был переименован и стал называться клубом «Салон де Клер», в нем стали собираться разные лица: от художников и писателей до видных политических деятелей. В 1972 г. президентом салона стал Накасонэ Ясухиро, тогда еще министр внешней торговли и промышленности, в будущем премьер-министр¹.

Идея начать сотрудничество с Министерством культуры СССР и Союзом художников СССР возникла в 1969 г. Первоначально Накамура Ёко пыталась проанализировать спрос на советскую живопись среди японских коллекционеров и покупателей живописи, выяснить, каким образом она могла бы стимулировать интерес к русскому и советскому искусству. По итогам своих изысканий она совершает свою первую поездку в СССР. «В Москве меня пригласили посмотреть работы современных советских художников, выставленные в Салоне по экспорту произведений искусства. Это были превосходные работы, которые отличались активной творческой позицией. В них чувствовалась гордость за свои национальные традиции, глубокая любовь к родине. Картины произвели на меня большое впечатление, и я поняла, что мой долг, моя миссия состоит в том, чтобы познакомить японцев с глубочайшим гуманизмом советских людей» [Накамура 1979, с. 288].

На протяжении 1970-х гг. Накамура будет часто рассказывать об истории своего знакомства с советской живописью, в основном придерживаясь одного и того же сюжета: «Я хорошо помню свой первый приезд в Советский Союз 8 декабря 1969 года... Меня

---

¹ РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 3. Д. 1584. Л. 2.

очень интересовало советское искусство. Оно было тогда едва знакомо широким слоям японцев, его знали лишь узкие специалисты. А в некоторых кругах довольно широко распространялось мнение, что настоящего искусства в Советском Союзе не существует... Я отбираю и закупаю в Советском Союзе картины широко известных и молодых талантливых художников и продаю их в Японии. Но дело не упирается в коммерцию. Главная цель – показать эти работы широкой публике» [Чугров 1979b, с. 6].

В интервью советским газетам и журналам Накамура часто говорила, что многие коллеги пытались отговорить ее от поездки в СССР и затеи с реализацией советской живописи, утверждая, что ей не удастся сформировать спрос и долго ее галерея на таком пуле художников не продержится: «Я решила посоветоваться со своими друзьями, с ведущими представителями японских политических, деловых и журналистских кругов, деятелями искусств. Буквально все в один голос говорили: “Вы не найдете в Советском Союзе картин, которые можно было бы продать в Японии. Это, наверное, будут плакаты, изображающие рабочих с красными знаменами. Вы прогорите, лучше оставьте эту затею”. Правда, каждый из них сознался, что не видел ни одной картины советских художников»².

Первая поездка в СССР была успешной: «Срок командировки ограничен, и тогда она принимает решение: просить Союз Художников СССР разрешить ей отобрать несколько десятков картин и показать их в Токио ценителям искусства. Гости идут навстречу. За десять дней она просматривает около тысячи работ и с радостным волнением увозит с собой 59 полотен» [Кассис 1974а, с. 10–11]. Чем можно объяснить такую легкость установления контактов? К сожалению, каких-либо документов о первой встрече найдено не было, но исходя из имеющихся фактов можно предположить: Накамура сумела собрать вокруг своей галереи и салона ряд не только видных культурных деятелей, но и политиков самых разных величин. Тогда же она знакомится с Мацумаэ Сигэёси, президентом ЯАКС – организации, к которой она в скором времени присоединится, что послужит ряду совместных инициатив³. Совокупность связей и то, что в ряде случаев большую часть расходов

---

² ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 4084. Л. 41.

³ ГА РФ. 9576. Оп. 20. Д. 4084. Л. 42.

и организаторских инициатив на себя брала галерея, послужили возможными причинами того, что даже в начале пути Министерство культуры СССР и СХ СССР видели перспективу в сотрудничестве с «Гэkkосо».

Первоначальная стратегия деятельности галереи довольно подробно изложена в совместном письме Накамура Ёко и Сугимори Кодзи (генерального секретаря ЯАКС). Они писали о важности обмена художниками, подготовки специального бюллетеня «Новости по искусству в СССР», приоритета проведения выставок некоммерческого характера. В их планах также предполагалось создание комитета, который бы имел право выбирать художественные произведения советских художников с целью защиты работ и рынка от коммерциализации. В качестве первичной тактики они предлагали бороться с предубеждением японцев, утверждавших, что в советской живописи нет художественности, поскольку именно «Гэkkосо» начала понимать «соответствие человечества и общественности»⁴. Согласно Накамура, предполагалось делать акцент на «гуманизме, традиции и народном романтизме», затем «художественности», а потом и «общественности». Об этом также можно судить по названиям тематических выставок за разные годы: «Чистая, беспредельная, горячая любовь к человеку», «Традиции национального искусства», «Особенности городского пейзажа», «Жанровая живопись – натюрморт, марина, портрет», «Особенности живописи союзных республик», «Связи русской литературы и искусства» и др. [Накамура 1979, с. 289]. В качестве тактики продвижения работ Накамура предлагала приглашать известных журналистов и общественно-влиятельных людей. В практику галереи входила рассылка даров разным представителям власти в Японии: парламентариям, дипломатам, мэрам⁵. Такие же списки для подарков и клиентов для продажи работ встречаются и в дальнейшем⁶. По этой же причине в начале 1970-х гг. было роздано 100000 бесплатных экземпляров каталога с цветными репродукциями, чтобы у людей была возможность увидеть работы, поскольку это способствовало росту выручки. В конце письма Накамура заявляет: «Нужно поступать так, чтобы каждый советский художник верил в нас»⁷.

---

⁴ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 252. Л. 64.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 6. Д. 74. Л. 42.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 3. Д. 393. Л. 1.

⁷ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 252. Л. 67.

Действительно ли приоритетом было заполнение идейных лакун, сказать сложно; скорее, заполнялись лакуны рыночные – за счет акцента на традиционных представлениях о России или СССР. Категория «общественного» уходила на задний план, и это значит, что потенциальных клиентов упор на незнакомый им общественный призыв скорее отпугивал, чем привлекал, – в отличие от узнаваемых мотивов и образов, ассоциирующихся с Россией. Собственно, этому же способствовала и информационная составляющая в бюллетене, а позже в журнале «Картина», где печатались репродукции и статьи о советском и русском искусстве. Очевидный плюс для советской стороны состоял в том, что помимо рвения самой Накамура, галерея «Гэккосо» брала на себя ответственность за рекламу, что, судя по многочисленным отчетам, всегда было проблемой советской стороны в рамках презентации культуры СССР в Японии.

Подход «Гэккосо» к устройству выставок реализовался в их первом показе шедевров русского и советского искусства – работ из коллекций Пушкинского музея и Третьяковской галереи в 1975 г. В отношении состава выставки Накамура придерживается принципа совмещения работ: всегда были необходимы условные «хиты» и «шедевры», вслед за которыми уже можно было показать советских художников, которые далеко не всегда могли завоевать внимание зрителя или вовсе были ему незнакомы. Этот принцип соблюдается на всех крупных групповых выставках, где русская и советская живопись выставляются вместе. Поскольку фокус работ держался на социалистическом реализме, Накамура рекомендует очень аккуратно подходить к работам импрессионистического толка, опасаясь разделения интересов зрителя, поскольку это могло бы нанести урон продаже работ реалистического толка. Для своих выставок она просит только самые известные имена – И. Репина, В. Сурикова, И. Шишкина, И. Крамского, И. Левитана, И. Айвазовского – а в ответ предлагает помочь наладить отношения с ЯАКС, а также с газетой «Майнити симбун». За составление выставочного плана и экспозиционную составляющую, а также отбор, она предлагает взять ответственность на себя в качестве главы Комитета обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами СССР. Помимо этого, «Гэккосо» требовала, чтобы советская сторона официально заявила о сотрудничестве с галереей, а также напечатала в каталоге статью Накамура, посвященную советской живописи. Показ первой выставки шедевров очень неудачно

совпал с Бульдозерной выставкой 1974 г. в Москве, когда выставка художников, представителей неофициального искусства, на открытом воздухе, была разогнана, а часть работ уничтожена. Накамура настаивала на том, что организаторам необходимо приложить все усилия для исправления ситуации: «Прошу принять мои предложения, имеющие одну цель – уничтожение такого предосудительного мнения о советском искусстве в Японии»⁸.

Отчёт о посещении СССР сотрудниками галереи с указанием осмотренных и закупленных работ						
Год ⁹	Количество людей в делегации	Количество дней в СССР	Про-смотрено работ	Отобра-но работ	Встрече-но худож-ников	Посе-щаемые города
1970	3	10	1000	59	-	Москва
1971	7	80	10000	600	140	Москва, Ленинград, Киев, Ереван
1972	9	200	22000	1325	350	Москва, Ленинград, Одесса, Рига ¹⁰
1973 ¹¹	5	110	20000	1200	200	Москва, Ленинград, Киев, Рига, Минск, Одесса
Итого:	24	400	53000	3185	690	-

⁸ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 586. Л. 155.

⁹ Таблица составлена на основе материалов ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 252. Л. 69.

¹⁰ В документе указано «пять городов», но перечислено лишь четыре.

¹¹ В журнале «Дальний Восток» (1973, № 12, С. 153) есть заметка, в которой сказано что Накамура Ёко и Фудзивара Иссэё совершили визит к дальневосточным художникам, отобрав 69 картин таких авторов, как А. Федотов, В. Торгашин, А. Ткаченко, К. Коваль, Н. Баранчук, В. Романов. Однако это никак не отражено в таблице из документа.

Хронология деятельности. Взлет и падение «Гэkkосо»¹²

Наиболее активный период деятельности «Гэkkосо» пришелся на 1970-е гг., когда советская и японская сторона почувствовали, что возник довольно прибыльный рынок сбыта работ молодых художников из СХ СССР. Первоначально выставки проходили на арендуемых площадках, в выставочных залах универмагов по всей стране, галерея активнее всего сотрудничала с торговой фирмой «Мицукоси». Так в 1974 г. сотрудники «Гэkkосо» совершили совместную поездку в СССР вместе с президентом универмага «Мицукоси» ради отбора картин, посетив несколько городов Советского Союза¹³.

К 1977 г. галерея получила большую независимость, открыв собственное выставочное пространство (упоминается как «Малая Третьяковка», «Малая токийская Третьяковка», «токийская Третьяковская галерея»). Пространство было организовано при содействии Министерства культуры СССР и Государственной Третьяковской галереи; в течение трех лет (вплоть до закрытия) «Малая Третьяковка» экспонировала произведения русской и советской живописи. В честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции и второй годовщины площадки была проведена выставка «Искусство, рожденное революцией»¹⁴.

В 1974 г. «Гэkkосо» начала издавать журнал «Картина», который подробно рассказывал о разных сферах русского и советского искусства. Журнал издавался галереей при содействии Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД), Министерства культуры СССР, посольства СССР в Японии. В журнале освещались проблемы современного советского искусства, творчество молодых художников, история русского искусства, ремесла и памятники СССР. Большое внимание уделялось тем японским коллекционерам, что приобретали произведения советской

---

¹² Мы не ставим целью воспроизвести всю хронологию деятельности «Гэkkосо» ввиду большого объема выставок. Мы обсудим лишь некоторые наиболее важные вехи в истории галереи и их фиксацию в советских документах или периодике.

¹³ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 584. Л. 78.

¹⁴ Часть отзывов на выставку была приведена в материале «Советское искусство за рубежом» (Искусство. 1981. № 2. С. 69).

живописи [Халаминский 1975, с. 23]. В ноябре этого же года был устроен праздничный ужин в московском Доме дружбы по случаю выхода первого номера¹⁵.

«И вот передо мной лежит первый номер этого самого журнала “Картина”, о котором в тот день мы говорили. Полсотни страниц убогистого текста, множество цветных и черно-белых иллюстраций: Музей В. И. Ленина, Третьяковка, репродукции картин Ю. Пименова, статья заместителя министра культуры СССР В. Попова о музеях в Советском Союзе, рассказ о палехских мастерах, очерки японцев, побывавших в СССР, заметки о художественном образовании в Советском Союзе, о театрально-декоративном искусстве, отзывы японцев о картинах советских художников и наконец статья “Традиции гуманистического реализма в русском и советском искусстве”» [Кассис 1974b, с. 7].

Известно, что в 1974 г. Накамура получила возможность заключать прямой договор с В/О «Новоэкспорт» (Всесоюзное экспортно-импортное объединение)¹⁶, а позже также с В/О «Международная книга», реализовав к тому времени 44 выставки-продажи¹⁷. Тогда же выходит первая крупная книжная публикация под названием «Введение в историю советского искусства. От русской к современной живописи».

«Компания по договоренности с Союзом художников СССР и внешне-торговым объединением “Новоэкспорт” имеет право на продажу работ советских художников, и надо сказать, что японский ценитель живописи с огромным удовольствием использует эту редкую возможность. Пусть это не фундаментальные сюжетные полотна, а... миниатюры, запечатлевшие просторы Сибири или рощи Подмосковья, легкие яхты на Рижском взморье или горные долины Армении. Японцу они близки и понятны своей лиричностью, теплотой колорита» [Кассис 1974b, с. 7].

---

¹⁵ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 584. Л. 79.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 6. Д. 74. Л. 21.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 6. Д. 74. Л. 40.

Отчет об экспозиционной деятельности галереи (выставки, зрители, сопроводительная продукция)									
Год	Выставки	Проданных работ	Экспонатов	Художников-участников	Кол-во зрителей	Тираж каталога	Открытки	Листовки	Книги
1970	1	34	60	40	2400	2000	2000	-	-
1971	8	203	460	210	24000	20000	10000 (4000 из Москвы)	6000	-
1972	8	851	2000	480	99000	40000	53000 (18000 из Москвы)	47000	10000
1973	1	188	300	70	15600	5000	10000 (2000 из Москвы)	-	10000
Итого:	18	1276	2820	800	141000	67000	75000 (24000 из Москвы)	53000	30000
Расходы на продажу картин, создание каталогов, листовок и открыток 200.000.000 иен / 524.000 рублей									
Расходы на приглашение журналистов и искусствоведов в СССР 10.000.000 иен / 28.000 рублей									
Комиссионные, оплаченные фирме Маруитисёдзи 27.000.000 иен / 73.000 рублей									
Итого: 237.000.000 иен / 625.000 рублей. Курс 1970/1971: 1 рубль = 400 иен. Курс 1972: 1 рубль = 380. Курс 1973: 1 рубль = 360 иен. К итоговой сумме, указанной в таблице, согласно документам, не относятся расходы на командировки в СССР для выбора картин, расходы на багетирование, расходы на командировки в Японию для продажи картин – оплачено «Гэкосо».									

В 1975 г. Накамура получает должность вице-президента ЯАКС (в ассоциацию она вступила еще в 1972 г.¹⁸). Тогда же она способствовала знаменитой церемонии передачи работ японского художника Фукуда Хэйхатиро, чьи картины спустя несколько десятилетий были

¹⁸ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 939. Л. 39.

возвращены обратно в Японию. «Гэккосо» участвовала в подготовке выставки в Токио, событие имело огромное значение ввиду присутствия на открытии премьер-министра Японии, а также других лиц из дипломатических кругов. Также Накамура предлагала преподнести ответный дар Л. И. Брежневу – произведение японской живописи. Подобные планы обсуждались во время приезда в Советский Союз Исида Хакуэй, председателя ассоциации депутатов парламента по содействию дружеским отношениям между Японией и СССР¹⁹. История с даром решилась годом позже, что следует из записи беседы Накамура с сотрудником посольства И. Н. Цехоней от мая 1976 г.: становится известно, что в рамках показа выставки произведений современного японского искусства было предложено подарить Л. И. Брежневу полотно известного художника Ёкояма Мисао «Гора Фудзи на утренней заре» в знак благодарности за совершенный обмен. Вручить картину, по одной из версий, должен был премьер-министр Мики Такэо, а по другой – уже упомянутый Исида Хакуэй²⁰. В планах галереи за 1975 г. было издание 20-томника по русскому и советскому искусству, но этот проект не был реализован²¹.

Первая выставка советских и русских шедевров состоялась в мае-июне 1975 г. в универмаге «Мицукоси» в Токио при поддержке газеты «Асахи»²². В 1975 г. на первой крупной выставке произведений русской и советской живописи были показаны: «Бурлаки на Волге» И. Репина, «Бурное море» И. Айвазовского, «Рождь» И. Шишкина, а также произведения советских художников («Портрет балерины О. Лепешинской» А. Герасимова, «Весна» А. Пластова, «Мать» А. Дейнеки, «Опять двойка» Ф. Решетникова) [Кассис 1975, с. 4]. Случай для японской стороны был торжественный, впервые за 78 лет картина «Бурлаки на Волге» покинула Русский музей и оказалась в Токио. «Гэккосо» настаивала на том, чтобы на выставке осуществлялась продажа «советских товаров сувенирного характера», но руководство универмага отказало в данной просьбе. Выставку

¹⁹ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 939. Л. 66-67.

²⁰ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 1340. Л. 243.

²¹ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 934. Л. 84.

²² В базе данных РИА НОВОСТИ имеется фотография посетителей у картины Репина «Бурлаки на Волге». <https://riamediabank.ru/media/593841.html?query=%D0%93%D1%8D%D0%BA%D0%BA%D0%BE%D1%81%D0%BE&selection=media&sort=date&order=desc&context=search>

планировалось открыть и в других городах, расчет был на поддержку от посольства СССР, ССОД, СХ СССР и ГТГ. Известно, что выставку посетила японская актриса Курихара Комаки, которая не раз снималась в советско-японских фильмах²³. Японские искусствоведы Камон Ясуо (Директор музея Бриджстоун) и Танака Дзё (корреспондент газеты «Ёмиури») откликнулись на выставку, заявив о популярности и влиянии советской живописи, подчеркивая очередные количественные параметры [Латышев 1975, с. 5]. В конце года также проходила персональная выставка Николая Ромадина, одного из наиболее популярных и продаваемых в Японии художников из СССР [Демченко 1975, с. 7].

«Примечательно, что под воздействием полотен русских и советских художников многие начинают пересматривать свое эстетическое кредо. Это относится прежде всего к тем, кто считал реализм в живописи устаревшим, изжившим себя. Выставка показала, что именно реализм обладает сегодня тайной, утраченной современным искусством Запада, – тайной воздействия на сокровенные чувства читателя» [Бандура 1975, с. 4].²⁴

Количество проданных работ советских художников в разных городах Японии (1970–1975)						
Город/Префектура²⁴	1970	1971	1972	1973	1974 (План)	1975 (План)
Саппоро (Отару, Муроран, Хакодате, Обихиро, Асахикава, Томакомаи)	Нет продаж	40	101	188	200	220
Сэндай (Мориока, Камаиси, Исиномаки, Ямагата, Фукусима, Корияма, Иваки)	Нет продаж	Нет продаж	30	100	120	150
Ниигата (Нагаока, Такада)	Нет продаж	19	Нет продаж	35	50	55
Нагоя (Гифу, Ёккайти, Тоёхаси)	Нет продаж	Нет продаж	Нет продаж	Нет продаж	Нет продаж	100

²³ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 936. Л. 103.

²⁴ Таблица сделана на основе карты-схемы в ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 252. Л. 72.

Токио	Нет продаж	Нет продаж	273	400	400	420
Йокогама	34	38	88	100	130	130
Кавасаки (Фудзисава, Йоко-сука)	Нет продаж	Нет продаж	115	120	130	140
Осака	Нет продаж	Нет продаж	Нет продаж	200	240	250
Кобэ	Нет продаж	57	87	100	110	120
Хиросима	Нет продаж	Нет продаж	Нет продаж	Нет продаж	60	80
Мацуюма (Такамацу)	Нет продаж	Нет продаж	Нет продаж	Нет продаж	40	60
Фукуока (Курумэ, Китакюсю)	Нет продаж	10	Нет продаж	Нет продаж	Нет продаж	100
Итого:	34	203	851	1400	1600	2000

На 1976 г. была запланирована вторая выставка шедевров русской и советской живописи, вновь при поддержке «Мицукоси» и газеты «Асахи»: 25 картин («Аленушка» В. Васнецова, «Запорожцы» И. Репина, работы А. Саврасова, И. Левитана, В. Поленова, К. Петрова-Водкина, М. Сарьяна, А. Пластова, Н. Ромадина, Ю. Пименова), а также произведения древнерусской живописи и сольная выставка Б. В. Щербакова.

«В Токио “Неизвестную” посмотрели более 150 тысяч человек. Выставка внесла немалый вклад в углубление взаимопонимания, способствовала расширению дружеских связей между нашими странами. Весь июль тридцать три произведения русских и советских живописцев, включая “Неизвестную” Крамского, будут экспонироваться в музее “Фудзи”. И здесь выставка имеет успех. Сердечно благодарим Министерство культуры СССР, Союз художников СССР и другие организации, которые помогли нам. Говорим вам, советские друзья, по-русски: большое спасибо!» [Кассис 1976, с. 9].

За пять лет было проведено 40 выставок в 20 городах Японии, выставки посетил 1 млн зрителей и было продано 3000 картин,

а также издана книга «Общее изложение истории искусства от русской до советской» тиражом в 50 тысяч экземпляров²⁵. По отдельному упоминанию в документах, к 1976 г., было проведено 63 выставки, которые посетило 3 млн зрителей, и напечатано 400 тысяч каталогов. За 1975 г. было проведено три выставки с посещаемостью в 800 тысяч человек²⁶. Тогда же Накамура принимала участие²⁷ в работе выставки национальной живописи из музея «Яматанэ» в Москве, в этом проекте участвовали ее галерея и Министерство культуры СССР [Накамура 1976, с. 4]. В Японии же была открыта выставка плакатов, иллюстраций и картин Кукрыниксов [Демченко 1976, с. 7].

В 1977 г. Накамура высказывает интерес к выставкам произведений живописи из городов-побратимов Советского Союза и Японии, но в документах говорится о недостаточности средств у ССОД и Министерства культуры СССР²⁸. В 1978 г. «Гэккосо» участвует в открытии выставки живописи французских импрессионистов из коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина и Эрмитажа²⁹. За ней последовала и выставка «Мир русской иконы» в Японии. Известно, что выставку в зале галереи «Сэйбу» за 33 дня (с 11 ноября по 17 декабря 1978 г.) посетило 24771 человек – меньше по сравнению с выставками шедевров русской живописи. Приводились статистические данные насчет наиболее популярных произведений у мужской и женской части аудитории, к примеру, «Спас Нерукотворный» понравился 231 мужчинам и 395 женщинам, а «Царские врата» 136 мужчинам и 394 женщинам³⁰.

В 1979 г. по инициативе «Гэккосо» была издана книга Л. И. Брежнева «Страницы жизни»³¹, тиражом в 5 тысяч экземпляров, но судить об интересе японского читателя к книге такого рода довольно сложно [Брежнев 1979, с. 1]. К 1979 г. Накамура Ёко побывала в СССР 54 раза, было проведено 144 выставки посещаемостью

---

²⁵ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 939. Л. 103.

²⁶ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 1348. Л. 41.

²⁷ В базе данных РИА НОВОСТИ доступна фотография Накамура Ёко с открытия выставки в Киеве. <https://riamediabank.ru/media/661395.html?query=%D0%93%D0%B5%D0%BA%D0%BA%D0%BE%D1%81%D0%BE&selection=media&sort=date&order=desc&context=search>

²⁸ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 1728. Л. 76.

²⁹ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 1734. Л. 94.

³⁰ ГТГ. Ф. 8. XIV. Д. 395 Л. 12-13.

³¹ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 2870. Л. 18.

в 3,3 миллиона человек. Особенным визитом была поездка в мае 1979 г. в составе делегации с Кавакита Митиаки, искусствоведом и членом Совета международной ассоциации по искусству, и группой художников [Чугров 1979а, с. 21]. Также галерея участвовала в организации выставки «Традиции и современность в декоративном искусстве Японии» в Государственном музее искусства народов Востока с сентября по октябрь; каталог этой выставки – единственный, где указан логотип компании «Гэккосо» в форме французского рожка. [Традиции и современность..., 1979]

В конце 1970-х гг. Накамура упоминается как президент торговой фирмы «Луна-трейдинг» (Luna Trading), а также туристической фирмы «Луна-Мечта» (Luna Mechita Express), которая занималась устройством туров по Волге³². В одном из документов 1978 г. встречается ее просьба о том, чтобы «Луна-трейдинг» была включена в группу посреднических и ей была предоставлена квота на получение мяса, добываемого в водах Южного Ледовитого океана. Также упоминается договоренность с Минрыбхозом об исследовании ресурсов и взятии проб в 1979 г.³³.

К началу 1980-х гг.³⁴ ситуация вокруг «Гэккосо» начала стремительно меняться³⁵. Галерея сократила свою выставочную площадь, сопутствующие расходы на производство каталогов и других информационных материалов, отказалась от автомобилей. Причины были очевидными: перенасыщение художественного рынка Японии советской живописью, о чем свидетельствует В/О «Международная книга»³⁶. Накамура пишет о трудностях в связи с арендой залов, предоставлением субсидий и отсутствием дотаций, отмечает, что музеи не берут на себя расходы по организации выставок, транспортировке картин, страхованию³⁷. Признаки ухудшения дел были еще в 1979 г., когда галерея заявила о невозможности организовать персональную выставку художника И. Н. Клычева из-за снижения спроса на произведения искусства на рынках Японии³⁸. Также после пяти выпус-

³² ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 939. Л. 81.

³³ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 2118. Л. 144–145.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 501. Л. 132.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 779. Л. 129.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 501. Л. 21.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 501. Л. 9–10.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 6. Д. 2290. Л. 12.

ков журнала «Картина» было принято решение прекратить его продажу, оставив только бесплатную рассылку по библиотекам, музеям, школам, а также предоставлять экземпляры любителям искусства [Накамура 1979, с. 289]. Возможно, по этой же причине в документах за 1978 г. упоминается, что Накамура постоянно меняет имена участников выставки, в результате чего советской стороне было сложно вовремя оформлять визы для выезжающих в Японию советских художников³⁹. 1980-е гг. также были не благоприятны с точки зрения культурного обмена между Японией и СССР в целом, значительно ухудшились отношения из-за ввода советских войск в Афганистан, ситуации с крушением корейского Боинга, трагедией на Чернобыльской АЭС.

Из документации за 1980-е гг. становится известно больше о сторонних делах Накамура, чем о деятельности галереи. В 1981 г. она приглашает председателя президиума ССОД З. М. Круглову. на концерты своей дочери, а также просит ее о личном приеме⁴⁰. В октябре того же года дочь Накамура должна была посетить СССР вместе с делегацией, в составе которой были председатель компании по кооперации освоения Сахалинской нефти Имадзато Хироки, писатель Иноуэ Ясуси, художник Хираяма Икуо⁴¹. В 1983 г. Накамура предложили должность гостя-профессора МГУ за ее вклад в развитие культурных обменов между СССР и Японией, были вручены диплом и медаль⁴². Ею была прочитана лекция о роли искусства в углублении взаимопонимания между народами⁴³. Тогда же Накамура предлагала свои услуги для сотрудничества в связи со строительством павильона СССР на ЭКСПО–85 в Цукуба. Известно, что она хотела продавать репродукции картины «Незнакомка» на значках и открытках на ЭКСПО–85⁴⁴. К тому моменту Накамура совершила 64 поездки в СССР, было проведено 170 выставок в 40 городах Японии, 8 выставок икон, продано 30 тысяч картин, выставки посетили 3,5 млн человек, работы 98 художников из СССР были показаны в «Гэккос», многие

³⁹ РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 6. Д. 2252. Л. 2.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 3297. Л. 18–19.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 3297. Л. 48–49.

⁴² В базе данных РИА НОВОСТИ имеется фотография с этой встречи: <https://riamediabank.ru/media/831675.html?query=%D0%93%D1%8D%D0%BA%D0%BA%D0%BE%D1%81%D0%BE&selection=media&sort=date&order=desc&context=search>

⁴³ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 4084. Л. 38.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 1754. Л. 56.

из них приглашены в Японию⁴⁵. В документах также удалось найти свидетельства интереса премьер-министра Японии Накасонэ Ясучиро к советской живописи, он пишет: «В представлении японцев советская живопись должна быть плакатной, пропагандистской. Но когда я увидел отобранные госпожой Накамура советские картины, я не только был поражен, я получил совершенно новое представление о советских картинах, о людях и о стране»⁴⁶.

В кризисный период существования своей галереи Накамура просила присвоить ей какой-нибудь почетный статус в СССР, чтобы иметь авторитет перед японскими властями; так она смогла бы быстрее организовывать выставочные процессы, поскольку была знакома с премьер-министром⁴⁷. В 1985 г. она направила письмо министру культуры П. Н. Демичеву: в нем Накамура благодарит министра за то, что ее дочь смогла принять участие в концерте, проведенном в Концертном зале им. П. И. Чайковского⁴⁸. В том же году Накамура просила принять на стажировку в СССР директора балетной школы «Эпох» Т. Танигути и ее дочь М. Тино, однако ей было отказано, поскольку набор не был предусмотрен⁴⁹. Далее упоминания Накамура в документации практически сходят на нет, как и в периодике: если за 1970-е гг. можно насчитать до 45 материалов, где речь идет о Накамура и «Гэккосо», то в 1980-е гг. появляются только небольшие заметки (в самом начале десятилетия). На смену приходят Хасэгава Тизэко и музей «Касама Нитидо»⁵⁰.

Последние упоминания галереи «Гэккосо» в архивных документах приходится на 1986–1987 гг., они касаются исключительно организации выставок; никакой информации об экспорте работ советских художников больше не встречается. В конце 1986 г. галерея планировала провести выставку русских и советских художников, запрашивая восемь картин из коллекции Третьяковки и Русского музея, а также 50 картин современных художников из СХ СССР.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 4084. Л. 47.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 4084. Л. 45.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 779. Л. 195.

⁴⁸ Дочь Накамура Ёко — известная пианистка Накамура Хироко (1944–2016). Один из первых ее приездов, отраженных в документах, прошел в апреле 1978 года (ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 2118. Л. 12.)

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 1764. Л. 1-2.

⁵⁰ Музей был открыт 11 ноября 1972 г. основателями галереи «Нитидо» Хасэгава Дзин и его супругой Хасэгава Ринко.

Накамура запрашивала работы И. Репина, И. Крамского, В. Верещагина, В. Серова, К. Юона, А. Пластова, М. Шагала, однако на указанные ей сроки, а именно 1987–1988 гг., ей было отказано⁵¹. В обмен она хотела провести выставку Каяма Матадзо в СССР, ранее в документах встречается, что она просила картину «Не ждали» И. Репина для показа в обмен на работы Матадзо, но выставка так и не состоялась⁵².

В 1980-е гг. ввиду наметившегося кризиса в дипломатических отношениях между СССР и Японией, «стабильно холодных», согласно популярной в то время формулировке, реже появляются крупные выставочные проекты. Были и исключения, достаточно вспомнить выставку «Японский дизайн. Традиции и современность» 1984 г., устроенную музеем «Сэйбу». Ведущая роль была отдана музею «Касама Нитидо», который заключил договор о сотрудничестве с Министерством культуры СССР еще в 1977 г., а также общественно-религиозной организации «Сока Гаккай». Хасэгава Тизэко и ее музей успешно показали себя в организации двух выставок западноевропейской живописи и наиболее запомнились советскому зрителю выставкой «Советский союз глазами японских художников» («Пейзажная лирика японских художников»). «Сока Гаккай», получив своего рода реабилитацию в 1980-е гг. в СССР (ранее, в 1960-х гг., ее считали фашистской из-за связей с Комэйто), стала активно сотрудничать в области культуры, в первую очередь с МГУ, но и выставочная деятельность имела место. Именно «Сока Гаккай» привезла выставку традиционной японской куклы, довольно крупный выставочный проект начала 1980-х гг., а также выставку «Ядерное оружие – угроза современному миру» в 1988 г.

Золотой век «Гэжкосо» пришелся на первую половину 1970-х гг., когда только формировался спрос на советское искусство, который так старательно формировала Накамура Ёко. Положение галереи в 1980-е гг. ухудшилось, поэтому и возникли такие настойчивые требования по организации выставок и просьбы о присвоении официальных статусов для укрепления положения Накамура. Финансовая составляющая после 1973 г. пока остается скрытой в виду отсутствия или закрытого статуса подобных документов, но можно

---

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 2591. Л. 1.

⁵² РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 2189. Л. 7.

с уверенностью сказать, что до 1975 г. дела галереи шли в гору, а продажи росли от года к году.

Роковым моментом для галереи (эта история никогда не фигурировала в советских документах или периодике) стала попытка незаконной продажи эскиза Леонардо да Винчи «Мадонна в скалах» в 1985 г., которая вызвала не только международный скандал, но и судебные разбирательства, приведшие к банкротству галереи. В 1990 г. скончался Хасимото Хэйдзо, а двумя годами позже – и сама Накамура Ёко. Бизнес по производству художественных товаров существовал отдельно, и ему удалось избежать банкротства и выплаты почти 19 млрд иен. В настоящее время «Гэккосо» базируется на Гиндза, но уже в другом здании, продолжает заниматься продажей красок и принадлежностей для художников. Также имеется небольшое выставочное пространство-кафе, где выставляются художники, пользующиеся товарами компании; внутри магазина имеется небольшой уголок, где в нескольких фотографиях рассказана история магазина и Хасимото Хэйдзо – но без упоминания галереи и Накамура Ёко.

Заключение

Многие культурные проекты, основанные на совместных связях СССР и Японии, терпели убытки, подобное было и с Домом дружбы на Хоккайдо, который еще в 1978 г. имел дефицит в 20 млн иен⁵³, та же судьба постигла и ЯАКС, чей дефицит в том же году составлял 79 млн иен⁵⁴. Балетная школа им. П. И. Чайковского в Японии, созданная в 1960-х гг., тоже разорилась, несмотря на множество запросов о кредитах и помощи. В чем причина «выгорания» таких совместных проектов? Отчасти – в плохой рекламе или ее полном отсутствии, что стали понимать ближе к концу 1980-х гг., когда было уже поздно, а также в очевидной идеологической составляющей, пробиравшейся в любое культурное начинание. Что до японских инициатив, то излишние амбиции в сочетании с желанием окупить затраты, а также недалекость приводили к краткосрочному жизненному циклу проектов. При этом некоторый успех имели даже убыточные проекты: выставки проходили, аудитория знакомилась с оформленным ими вариантом русской и советской культуры, а в каких-то случаях, если

⁵³ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 2112. Л. 89.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 2112. Л. 129.

говорить о балетной школе, люди получали навыки и распространяли их в дальнейшем.

Накамура удавалось находить союзников, которые потом долго и тепло вспоминали галеристку, а также дарили ей свои работы⁵⁵. Сомневаться в коммерческом таланте Накамура невозможно, ее активность в попытках освоить сразу несколько сфер в области бизнеса и культуры очевидна, она находила всевозможные способы продвинуть свое дело. О знакомстве с ней упоминает в воспоминаниях И. А. Латышев: «Был в числе этих добровольцев и я. Когда мы, расположившись в упомянутой комнате поудобнее, получили чистые листы бумаги и карандаши, то одна из молоденьких японок, скромно сидевшая там же, сбросила с себя кимоно и всю нижнюю одежду. Оставшись в чем мать родила, она вышла в центр комнаты на ярко освещенный помост и застыла там в непринужденной позе. Такого оборота дела, естественно, никто из гостей не ожидал. Но что нам было делать?! Сохраняя невозмутимость, мы занялись зарисовками с этой живой натуры. Когда минут через пятнадцать урок рисования закончился, то мы отдали свои рисунки учителям-художникам и направились к выходу. И вот тут с наружной стороны двери мы уперлись в длинную очередь наших мужчин, с ухмылками взиравших на нас и выяснявших, что мы видели и как мы там рисовали натурщицу. Оказывается, как только мужчины – гости “вечера” узнали о голой японке, то, оставив у столов с закусками своих жен, гурьбой направились брать уроки рисования» [Латышев 2001, с. 396–397].

Стратегия, избранная Накамура Ёко, эффективно работала до определенного момента, однако точно сказать, по какой причине его не были просчитаны дальнейшие риски, приведшие к наполнению рынка, сказать сложно. В настоящее время множество работ художников из разных республик СССР фигурируют в качестве лотов разных аукционных домов, имея провенанс со стороны «Гэккосо». Понять объемы проданного материала можно, основываясь даже на данных за период с 1970 по 1973 г., выручка была очень большой, как

---

⁵⁵ Д. А. Налбандян написал портрет Накамура Ёко в 1976 г. Также во время своего пребывания в Токио, когда у него проходила выставка в галерее, он сделал портреты двух парламентариев: председателя ассоциации депутатов парламента по содействию японо-советской дружбе Хирохидэ Исида и председателя торгово-промышленной палаты Сигэо Нагэно. Оба портрета переданы художником в дар этим видным общественным деятелям (Ольшевский В. Ясная поляна *Советская культура*. 1978. 06.13. С. 4)

и количество реализуемых работ и выставок. Однако художественные качества работ и их смысловая составляющая едва ли позволяют говорить об искренней вере в соцреализм – скорее, мы имеем дело с определенной рыночной стратегией, ее сопровождала характерная антизападная риторика, дублирующая советские инвективы в адрес работ модернистского толка. Отчасти итог деятельности галереи можно свести к тому, о чем писал В. Тарасов: «Выражение “коммерческий реализм” режет слух. Между тем этот феномен заявил о себе почти двадцать лет назад, когда началась эпопея с экспортом советской живописи в Японию, в галерею “Гэккосо”. Буквально тоннами, словно картошку, вывозили живописную продукцию “а ля рус” – натюрморты “под Машкова”, изображения российских просторов и пышнотелых красавиц. Это был полностью деидеологизированный реализм; японцев привлек своеобразный ситцевый шарм, этнографическая окраска этого искусства. Уже тогда взойшли многие “звезды” явно нетрадиционного плана, например К. Ломыкин; его натюрморты и “ню”, исполненные в технике пастели, пользовались нешуточным успехом на японском рынке» [Тарасов 1991, с. 21].

Случай «Гэккосо» в истории выставочного обмена между СССР и Японией неоднозначен: очевидно, что в какой-то момент времени коммерческая составляющая взяла верх, хотя ей и сопутствовала активная выставочная деятельность и сотрудничество с ведущими музеями Москвы и Ленинграда, а также с отделениями СХ СССР. Репутация Накамура Ёко была двойственной: в СССР многие видели в ней товарища и соратника в вопросах распространения советской живописи, в Японии же отношение к ней определялось ее активной коммерческой деятельностью и общей репутацией галереи. Шло расширение культурных связей и возможностей знакомить Японию с искусством СССР и СССР – с искусством Японии, но сомнительные цели и условия, в том числе финансовые, в рамках которых проходил данный обмен до сих пор вызывают вопросы. После прекращения деятельности галереи архивных материалов не осталось, и мы можем полагаться исключительно на те данные, которые имеются в отечественных архивах и предоставляют возможность изучить положение «Гэккосо» в Советском Союзе. Но и здесь имеются свои ограничения ввиду обрывочности информации и закрытом статусе некоторых документов, связанных с закупками работ.

Библиографический список

- Бандура Ю. (1975) Эхо выставки. *Известия*. № 149. С. 4.
- Брежнев Л. В. (1979) Укреплять атмосферу взаимопонимания. *Известия*. № 291. С. 1.
- Демченко М. (1975) В его полотнах вся Россия. *Советская культура*. № 104. С. 7.
- Демченко М. (1976) Показывают Кукрыниксы. *Советская культура*. № 98. С. 7.
- Кассис В. (1976) Вернисаж в «Гэккосо». *Неделя*. № 27. С. 9.
- Кассис В. (1975) Знакомство с шедеврами. *Известия*. № 123. С. 4.
- Кассис В. (1974а) Особняк, напоенный лунным светом. *Неделя*. № 12. С. 10–11.
- Кассис В. (1974b) Счет продолжается с миллиона. *Советская культура*. № 104. С. 7.
- Латышев И. А. (1975) Вокруг выставки в Токио. *Правда*. № 150. С. 5.
- Латышев И. А. (2001) Япония, японцы и японоведы. Москва: Алгоритм.
- Накамура Ё. (1976) Искусство, ставшее достоянием всех народов. *Известия*. № 201. С. 4.
- Накамура Ё. (1979) Русская и советская живопись в Японии. *Ежегодник Японии*. С. 287–291.
- Тарасов В. (1991) Коммерческое и некоммерческое искусство. Проблемы развития художественного рынка. *Творчество*. № 8. С. 19–21.
- Традиции и современность в декоративном искусстве Японии. Каталог выставки (1979). Москва: Галерея «Геккосо».
- Халаминский Ю. (1975) Японский журнал «Картина». *Творчество*. № 7. С. 23.
- Чугров С. (1979а) Березка и сакура. *Неделя*. № 22. С. 21.
- Чугров С. (1979b) «Встреча с вами – всегда праздник». *Известия*. № 21. С. 6.

References

- Bandura, Yu. (1975). Ekho vystavki [Echo of the exhibition]. *Izvestiya*, 149, 4. (In Russian).
- Brezhnev L. (1979). Ukrepyat' atmosferu vzaimoponimaniya [Strengthen the Atmosphere of Mutual Understanding]. *Izvestiya*, 291, 1. (In Russian).

Chugrov, S. (1979a). Berezka i sakura [Birch and Sakura]. *Nedelya* [The Week], 22, 21. (In Russian).

Chugrov, S. (1979b). «Vstrecha s vami – vseгда prazdnik» [“Meeting With You is Always a Holiday”]. *Izvestiya*, 21, 6. (In Russian).

Demchenko, M. (1975). V ego polotnakh vsya Rossiya [In His Canvases Is All of Russia]. *Sovetskaya kul'tura* [Soviet Culture], 104, 7. (In Russian).

Demchenko, M. (1976). Pokazyvayut Kukryniksy [Kukryniksy are Showing]. *Sovetskaya kul'tura* [Soviet Culture], 98, 7. (In Russian).

Kassis, V. (1974a). Osobnyak, napoyennyi lunnym svetom [A Mansion Filled With Moonlight]. *Nedelya* [The Week], 12, 10–11. (In Russian).

Kassis, V. (1974b). Schet prodolzhayetsya s milliona [The Count Continues With a Million]. *Sovetskaya kul'tura* [Soviet Culture], 104, 7. (In Russian).

Kassis, V. (1975). Znakomstvo s shedevrami [Acquaintance With Masterpieces]. *Izvestiya*, 123, 4. (In Russian).

Kassis, V. (1976). Vernisazh v «Gekkoso» [Vernissage at *Gekkoso*]. *Nedelya* [The Week], 27, 9. (In Russian).

Khalaminskiy, Y. (1975). Yaponskiy zhurnal «Kartina» [Japanese Magazine “Kartina”]. *Tvorchestvo* [Creativity], 7, 23. (In Russian).

Latyshev, I. (1975). Vokrug vystavki v Tokio [Around the Exhibition in Tokyo]. *Pravda*, 150, 5. (In Russian).

Latyshev, I. (2001). *Yaponiya, yaponsy i yaponovedy* [Japan, the Japanese, and the Japanologists]. Moscow. Algoritm (In Russian).

Nakamura, Yoko. (1976). Iskusstvo, stavsheye dostoyaniyem vsekh narodov [Art Which Has Become the Property of All Peoples]. *Izvestiya*, 201, 4. (In Russian).

Nakamura, Yoko. (1979). Russkaya i sovetskaya zhivopis' v Yaponii [Russian and Soviet Paintings in Japan]. *Yearbook Japan*, 287–291. (In Russian).

Tarasov, V. (1991). Kommercheskoe i nekommercheskoe iskusstvo. Problemy razvitiya khudozhestvennogo rynka [Commercial and Non-Commercial Art. Problems of Development of the Art Market.]. *Tvorchestvo* [Creativity], 8, 19–21. (In Russian).

Traditsii i sovremennost' v dekorativnom iskusstve Yaponii. Katalog vystavki [Traditions and Modernity in the Decorative Arts of Japan. Exhibition catalog]. (1979). Moscow: Galereya «Gekkoso». (In Russian).

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 276–296

Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 276–296

DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-276-296

Роль массового сознания в формировании приверженности японцев национальным традициям

М. П. Герасимова

Аннотация

Автор статьи ставит перед собой задачу ответить на вопрос, что сегодня способствует сохранению национального своеобразия японской культуры и почему одной из ее характерных черт является приверженность традициям, а также выявить целесообразность рассмотрения хранящихся в массовом сознании ментальных установок, порожденных традиционным пониманием мира и места человека в нем. «Массовое сознание» понимается как деперсонализированное сознание подавляющего большинства членов общества. Исследователи массового сознания считают, что оно начинает формироваться в древности и многие его компоненты надолго сохраняются в коллективном подсознании общества.

Становление психологического склада японского народа, его религиозно-мировоззрения, эстетического идеала также произошло в древности, в IV–VII вв. н.э. Сформировавшиеся в этот период особенности японской культуры в дальнейшем развивались в том же русле. Это дает основание говорить о существовании константы понятийного свойства в массовом сознании той части общества, в которой закладывались основы национальной культуры, постепенно распространившейся во всех слоях общества. Формами выражения и функционирования массового сознания считаются общепринятые нормы: обычаи, идеалы, этические и эстетические ценности и пр.

Памятники литературы и искусства, исследовательские работы зарубежных и отечественных японоведов позволяют выделить мировоззренческие компоненты, которые, будучи запечатлены в массовом сознании общества, образуют «код» для сохранения его специфики в самом широком смысле слова. Мировоззрение японцев сформировалось на основе синто-даосско-буддийского синкретизма. Составные части этого кода – восприятие человеком себя как неотъемлемой части Универсума, равной

всем остальным его частям; убежденность во всеобщей взаимосвязанности вещей и, как следствие, стремление к поддержанию гармонического взаимодействия всех элементов мироздания; вера в одухотворенность всего сущего.

В статье прослеживается влияние этих компонентов на формирование ценностных ориентаций, обусловивших особенности японской культуры, не потерявших своей актуальности по сей день.

Ключевые слова: массовое сознание, традиция, мировоззрение, человек – Природа, всеобщая взаимосвязанность вещей, эмоция, искусство.

Автор: *Герасимова Майя Петровна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12.

ORCID: 0000-0002-4751-3087;

E-mail: maiyasalve@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Role of Mass Consciousness in the Formation of the Japanese Adherence to National Traditions

M. P. Gerasimova

Abstract

The author aims to answer the question of what presently contributes to the preservation of the national uniqueness of the Japanese culture and why one of the characteristic features of the Japanese is their adherence to traditions, and also to point out the importance of considering the mental attitudes of the mass consciousness, which are generated by the traditional understanding of the world and a person's place in it. Mass consciousness is understood as a depersonalized consciousness of the vast majority of the members of a society. The researchers of mass consciousness believe that it begins to form in ancient times, with many of its components preserved in the collective subconscious of society for a long time.

The formation of the psychology of the Japanese, their religious outlook, and aesthetic ideal also took place in the 4th – 7th centuries. In subsequent periods, the previously formed specific features of the Japanese culture were further developing in the same way. This suggests the existence of a conceptual constant in the mass consciousness of the part of society in which the basis of the Japanese culture was formed. Gradually, it spread to all segments of society. The functioning of the mass consciousness manifests itself as universally accepted norms: customs, ideals, ethical and aesthetic values, etc.

Works of literature and art, research by foreign and Russian Japanologists make it possible to single out worldview components that, being imprinted in the mass consciousness of society, form a “code” for preserving the specifics of the Japanese culture in the broadest sense of the word. The worldview of the Japanese was formed on the basis of the Shinto-Taoist-Buddhist syncretism, the components of this code being: a person’s perception of themselves as an integral part of the Universe; conviction in the universal interconnectedness of things and, as a result, focus on maintaining harmonic interaction of all elements of the world; belief in the spirituality of everything.

This article traces the influence of these components on the formation of value orientations that determined the peculiarities of Japanese culture and have not lost their relevance to this day.

Keywords: mass consciousness, tradition, worldview, human – Nature, universal interconnectedness of things, emotion, art.

Author: *Gerasimova Maya Petrovna*, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-4751-3087

E-mail: maiyasalve@gmail.com

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Научно-технический прогресс и приверженность национальным традициям – эти характеристики Японии наиболее часто встречаются в научных и популярных работах на протяжении более ста пятидесяти лет.

Попытка ответить на закономерно возникающий вопрос, что сегодня способствует сохранению национального своеобразия

японской культуры и почему одной из характерных черт японцев является приверженность традициям (которую легко спутать со стремлением соблюдать ритуалы, обычаи и поддерживать национальный колорит) привела нас к выводу о целесообразности рассмотрения хранящихся в массовом сознании общества ментальных установок, порожденных традиционным пониманием мира и места, которое занимает в нем человек. Они находят выражение в разных формах: нормы, обычаи, ценностные ориентиры в разных областях жизнедеятельности людей – от промышленно-производственной до культурно-просветительской и художественной, включая повседневную жизнь и межличностные отношения. В рамках данной статьи предполагается проследить «работу» компонентов массового сознания, обусловивших появление этих установок, и проанализировать особенности японской культуры с точки зрения культурной антропологии.

«Массовое сознание» в данном случае понимается как деперсонализированное сознание подавляющего большинства членов общества, как его коллективное «подсознание», которое «аккумулирует обширный пласт неявных мировоззренческих моделей и сценариев поведения различного происхождения и направленности» [Марченя 2010, с. 90]. При этом под словом «масса» подразумевается не просто численное большинство, а большинство членов общества, объединяемых по принципу однородности характеристик духовной и практической активности вне зависимости от социальных и индивидуально-личностных различий.

Исследователи массового сознания как самостоятельного феномена убеждены в том, что оно начинает формироваться в древности и многие его компоненты надолго сохраняются в коллективном подсознании общества. Следует подчеркнуть, что в культурологических исследованиях обобщенное определение продолжительного отрезка времени считается допустимым, поскольку процессы, связанные с осмыслением действительности, выработкой этических и эстетических ценностей растянуты во времени. Д. В. Ольшанский, внесший большой вклад в изучение массового сознания, пишет: «История показывает: массовый человек – наш прямой предок. Вначале было массовое сознание, и только потом из него стало выделяться сознание индивидуальное. Причем этот процесс продолжается до сих пор. Нам так и не удалось похоронить того “пещерного” предка – он прячется где-то внутри нас, в подсознании» [Ольшанский 2002, с. 3]. Не

будучи специалистом в области социальной психологии, но обладая глубокими знаниями японской истории и культуры, в особенности древней, Н. А. Иофан указывает: «Именно в древности, в период IV–VII вв. н.э.¹ происходит становление психологического склада японского народа, его религиозного мировоззрения, эстетического идеала», подчеркивая, что «в последующие периоды сформировавшиеся ранее специфические особенности японской культуры не только не исчезают, но, напротив, получают дальнейшее развитие в русле национальной японской культуры, и этот факт признают большинство японских исследователей» [Иофан 1974, с. 5].

Этот же факт дает основание полагать, что в массовом сознании той части общества, в которой закладывались основы японской культуры, существовала определенная константа понятийного свойства, способствующая сохранению этих особенностей, а также созданию основы для формирования этических и эстетических понятий и категорий, укрепивших японскую самобытность: что и произошло в эпоху Хэйан (794–1185) и во многом сохранилось в трансформированном виде до наших дней.

Спонтанность возникновения того или иного компонента массового сознания² не позволяет четко определить время его закрепления в сознании, а мозаичность компонентов содержания не всегда позволяет выстроить их в логически стройный ряд. Однако рассмотрение в культурологическом ключе японских памятников литературы, искусства, изучение исследовательских работ зарубежных и отечественных японоведов, а также духовно-практического состояния современного японского общества позволяют выделить мировоззренческие компоненты, которые во многом обусловили специфику японской культуры, и, будучи запечатлены в массовом сознании, образуют своеобразный код для ее сохранения. Он сформировался на синкретической основе,

---

¹ Названный временной интервал охватывает периоды Кофун (IV–VI вв.) и Асука (592–710), а также эпоху Нара (710–794).

² Массовое сознание «носит синкретический, спонтанно-институционализированный характер» [Грушин 1987, 362] и отличается «мозаичностью, разорванностью, противоречивостью отчетливой консервативностью с одной стороны, и поразительной восприимчивостью к новому, с другой» [Там же, с. 357]. Исследования и выводы Б. А. Грушина в основном имеют отношение к социологии, однако он отмечал, что рано или поздно ни одно исследование в области духовно-практической не сможет обойтись без учета работы массового сознания. Справедливость этого утверждения находит подтверждение в работах современных исследователей.

представляющей собой переплетение местных синтоистских верований с даосскими воззрениями и с учением Будды, пришедшими из Китая и Кореи. Можно сказать, что именно синто-даосско-буддийский синкретизм лежит в основе того, что зачастую называют «традиционно японским». Составляющие этого кода:

- восприятие человеком себя как неотъемлемой части Природы, Универсума (森羅万象, *синра бансё*:), – как части, равной всем остальным частям, и, вследствие этого, отсутствие антропоцентризма;

- убежденность во всеобщей взаимосвязанности вещей (万物一体, *бамбуцу иттай*) и, как следствие, стремление к поддержанию гармонического взаимодействия всех элементов мироздания;

- вера в одухотворенность всего сущего и взаимодействие с синтоистскими богами (神, *ками*), которые мыслятся как существующие в одном с людьми Универсуме, активно участвуя в жизни людей.

В этих точках сходились синтоистские поверья, даосские воззрения и учение Будды. Важно отметить, что в результате синто-даосско-буддийского идеологического взаимовлияния многие философские понятия приобрели своеобразную смысловую окраску и, таким образом, перестали строго соответствовать терминам, закрепленным за ними в первоисточниках.

Человек – неотъемлемая часть Природы

Формами выражения и функционирования массового сознания считаются стихийно ставшие общепринятыми нормы и правила поведения, влекущие за собой единообразные действия, совершаемые без чьих-либо указаний, по собственному желанию членов общества. Таковы, например, естественным образом вписанные в образ жизни обычаи и нормы поведения. Для Японии одним из примеров таких действий может служить обычай любоваться весной цветущей сакурой, осенью покрасневшей листвой кленов, и многое другое, связанное со сменой времен года, обычно воспринимаемое как любовь к природе и восхищение ее красотой. Однако для японца в смене сезонов заключен глубокий смысл – мироздание, частью которого человек себя ощущает, являет ему свою циклическую природу. Не случайно средства массовой информации передают «оперативные сводки» о том, где, когда и что зацветает, и толпы людей отправляются в указанные места, чувствуя себя вовлеченными в этот круговорот.

Сезонные любования явлениями природы сопоставимы с обычаем менять экспозицию в нише *токонома* в домах японского типа. Живописный или каллиграфический свиток и букет *икэбана*, помещаемые в нишу, всегда должны соответствовать времени года. Однако назначение *токонома* не в том, чтобы служить украшением интерьера: меняя экспозицию в соответствии с сезоном, человек вписывает себя в ритм, по которому живет Природа.

Эту же задачу сегодня выполняют сезонные открытки и подарки, оформление блюд и витрин магазинов символами сезона, соответствующая времени года цветовая гамма предметов, предназначенных для продажи, все еще принятые в переписке сезонные приветствия и многое другое, совершаемое по зову души, чтобы вписаться в естественный ход событий во Вселенной.

Особое внимание к смене времен года в классических поэтических антологиях, где стихи расположены по сезонам; роспись вееров, шкатулок, ширм, экранов по мотивам времен года; поэтика трехстиший *хайку*, в которых непременным условием является наличие «сезонного» слова; называние сезона без упоминания исторического времени в театре *Но*: и многое другое свидетельствуют о том, что происходящий в Природе круговорот во все времена был для японцев не только явлением окружающего мира, но и «отражением обобщенной истины существования человека во Вселенной», как говорит известный специалист в области философии и эстетики Сасаки Кэнъити и добавляет: «потому что мы сами – часть природы» [Сасаки 2001, с. 170].

Круговорот времен года для японца прежде всего – это циклическая реализация онтологически заданного текста. Другая составляющая этого «текста» говорит о быстротечности всего сущего – вечен круговорот, быстротечна пора цветения, – призывая проникнуться значимостью сиюминутного.

С точки зрения теории массового сознания, это обстоятельство есть не что иное, как эмпирическое знание, ставшее источником эмоционально-образного суждения. Из подобных суждений обычно формируется так называемое «дотеоретическое» миропонимание, предшествующее появлению теоретического знания, и становится основой для формирования очередной мировоззренческой парадигмы. В Японии таковой можно считать сформированное ко второй половине X в. одно из основных положений миропонимания японцев,

формулируемое как «мгновение, исчезающее в Вечности» (永遠に消えてしまう瞬間, *эйэн-ни кизэтэсимау сюнкан*), о котором подробнее будет сказано ниже. По сути, оно означает понимание неразрывности конкретного-сиюминутного-единичного и вечного Единого Целого, манифестацией которого оно является и в лоне которого существует. Вечность же ассоциируется с Небытием 虚無, *кёму*³, которое есть Вечное Ничто, Пустота из которой всё рождается и куда возвращается. Это понятие привнесено буддизмом, но в нем отчетливо прослеживаются воззрения даосов⁴. Не противоречит оно и синтоистскому пониманию мироздания как Универсума *синра бансё*: вмещающего в себя всё сущее, живое и неживое, абстрактное и конкретное, существующее в действительности и воображаемое, словом, всю «тьму вещей».

Восприятие конкретного, сиюминутного, что бы это ни было – любой предмет, одушевленный или неодушевленный, явление и событие, действие, человеческие эмоции и поступки, – как манифестации Вечного усиливало его значимость и способствовало зарождению у японцев стремления постигать истинный смысл бытия через конкретные факты, явления, предметы и т. п. Н. С. Николаева, посвятившая жизнь исследованию японского искусства и духовного мира его создателей, отмечает характерное для японцев «желание увидеть не частное и конкретное в его собственной ценности, но осознать это конкретное как знак чего-то более значительного, имеющего всеобщий, универсальный смысл» [Николаева 1975, с. 7].

Не занимавшийся профессионально японскими исследованиями, но умевший считывать с произведений искусства заложенный в них смысл, Ван Гог писал: «Изучая искусство японцев, мы неизменно чувствуем в их вещах умного философа, мудреца, который тратит время – на что? На измерение расстояния от Земли до Луны? На анализ политики Бисмарка? Нет, просто на созерцание травинки. Но эта травинка дает ему возможность рисовать любые растения, времена года, ландшафты, животных и, наконец, человеческие фигуры. Так

³ Санскр. *абхава*; здесь 無, *му*, – Пустота (санскр. *шуньята*), невидимое, неслышимое, непознаваемое в логических категориях бытие неявленных форм, которое считается Истинным бытием.

⁴ Дао принято воспринимать как «непреложный закон бытия», «способ существования Вселенной», как «основу основ мироздания». Незримое, неслышимое, неосознаваемое, оно вмещает в себя всё сущее, «все будущие формы, которым еще лишь суждено родиться, уже заключаются в нем» [Лисевич 1979, с. 8].

проходит его жизнь, и она еще слишком коротка, чтобы успеть сделать все. Разве то, чему учат нас японцы, простые, как цветы, растущие на лоне природы, не является религией почти в полном смысле слова?» [Ван Гог 1966, с. 406]. Очевидно, что под «религией почти в полном смысле слова» Ван Гог имел в виду миропонимание, основанное на ощущении человеком связи со всем бытием, имеющим определенные закономерности [Герасимова 2021b, с. 92]. В рамках миропонимания японцев закономерным было ощущение человеком себя неотъемлемой частью целостной системы – Универсума (*синра бансё*), в котором господствует всеобщая взаимосвязанность (*бамбуцу иттай*). Каждая из частей этого целого, по синтоистским поверьям, имеет свою душу *kokoro* и называется *моно* (вещь, предмет, нечто).

Всеобщая взаимосвязанность вещей

Восприятие человеком себя как части мироздания, равной всем остальным его частям, пробуждало в нем стремление жить в гармонии со всем окружающим его миром⁵. Не случайно в тексте, ставшем одним из важнейших канонов даосской традиции Китая «Чжуан-цзы» (III век до н.э.) говорится: «Люби безгранично всю тьму вещей; Небо и Земля – одно тело» [Чжуан-цзы 1995, с. 283].

Наряду с этим синтоистская вера в одухотворенность всего, что включает в себя Универсум, провоцировала стремление оттачивать чувственно-эмоциональное восприятие, дабы «увидеть невидимое и услышать неслышимое» (*見えないものを見る・聞こえない音を聞く, миэнаи моно-о миру, кикоэнаи ото-о кикү*), и постичь непознаваемую в логических категориях унаследованную от Природы суть каждой вещи, её «самое само»⁶. Во главу угла ставилось именно эмоциональное постижение, а не логическое познание неповторимой сути всего

⁵ В современной философской науке существует мнение, что подобное стремление к гармонизации с окружающим миром характерно для культуры Понимания в отличие от культуры Познания, которую характеризует противопоставление субъектом себя окружающему миру. Сопоставление позиций, с которых осваивался мир в западной и восточной культурах, показывает, что «самая общая характеристика их “мышления” приводит к обозначению Западной культуры как культуры Познания, а Восточной как культуры Понимания» [Снитко 2001, с. 252].

⁶ Выражение, в высшей степени подходящее в данном контексте, заимствовано у А. Ф. Лосева, полагавшего, что «самое главное это – сущность вещей, знать главное – это знать не просто внешнее и случайное, но знать основное и существенное, то, без чего не существует вещи» [Лосев 1994, с. 300].

и вся, каждой из «тьмы вещей», с которой приходилось сталкиваться в окружающем мире.

Эмоциональный отклик *аварэ* (первоначально – возглас удивления, восхищения), возникающий как реакция на *моно*, так называемое *моно-но аварэ*, в эпоху Хэйан воспринимался как свидетельство постижения его сути. К середине X в. *моно-но аварэ* сформировалось как мировоззренческая и эстетическая категория и во многом обусловило самобытность японской культуры и, в особенности, японского искусства. «Чувствовать – значит постигать *моно-но аварэ*» (感ずるを、もののあはれをしないとはいふ, *кандзуру-о моно-но аварэ-о сирутто ва цу*) – таков был вывод главы Школы национальной науки⁷ Мотоори Норинага (1730–1801) относительно особенностей мировоззрения японцев.

Природа *моно-но аварэ* двойка: с одной стороны, это вызывающая определенный эмоциональный отклик суть каждой вещи, *моно*, в которой заключено ее «очарование», но в то же время это испытанная человеком «очарованность вещью». Категория *моно-но аварэ* положила начало цепи представлений японцев о прекрасном, связующей эпоху Хэйан с современностью⁸. Прекрасным считалось всё, что рождало эмоциональный отклик, а эмоция как ситуативное чувство была самоценна независимо от ее характера. В ту же эпоху Хэйан придворная дама Сэй Сёнагон (ок. 966–1017) в знаменитых «*Записках у изголовья*» (枕の草紙, «*Макура-но со:си*») при перечислении того, на что откликается душа человека, называет не только то, что навеивает светлое настроение и глубоко трогает, но и то, что вызывает скуку, тоску, родит тревогу, докучает и пр. Эмоция воспринималась как посредник между испытывшим ее человеком и окружающим миром, что «должно было служить поддержанию гармонической связи во Вселенной» [Герасимова 2018, с. 300].

⁷ Возникшая в XVIII в. научная школа *кокугакуха* 国学派 («Школа национальной науки», также *вагаку* 和学, «Школа японских наук») занималась исследованием древних и средневековых японских памятников письменности, внесла большой вклад в понимание национального своеобразия японцев и японской культуры. В то же время результатом этих исследований стал культ синто, зачастую принимавший крайние формы.

⁸ Ни одно из звеньев в цепи эстетических идеалов (*моно-но аварэ*, 幽玄 *ю:гэн*, 侘び寂び *ваби /саби*, 粋 *суй/ики*) не было абсолютно новым, каждое представляло собой трансформацию предыдущего. Последнее звено, *суй/ики*, возникшее в эпоху Эдо (1603–1867), по сей день актуально как эмотивно-оценочная характеристика [Герасимова 2016, с. 43].

Свидетельством того, что поддержание эмоциональной связи действительно имело особое значение, является также сложившееся во второй половине X в. в рамках традиционной поэзии *вака* понятие 余情, ёдзё:. Природа ёдзё:, также как *моно-но аварэ*, двойка. «С одной стороны, ёдзё: это имманентный стиху “дополнительный смысл”, который всегда однозначен и не подлежит интерпретации. С другой стороны, ёдзё: – это осознанное чувство, возникающее у читателя вслед за эмоциональным откликом на прочитанное и сохраняющееся в его памяти как считанный с текста вполне конкретный «дополнительный смысл» стиха» [Герасимова 2021а, с. 146]. Впоследствии ёдзё: стало критерием художественности для всех жанров и видов искусства, в особенности живописи и сценических постановок. Эмоциональная составляющая – одна из основных в художественных традициях любого народа. Но вряд ли где-либо она имела мировоззренческую, философскую основу и возводилась в культ, становясь почти синонимом нравственности [Герасимова 2018, с. 295] или воспринималась как одно из средств поддержания всеобщей взаимосвязанности, как в Японии.

«Мгновение, исчезающее в Вечности»

Примечательно, что в то время, когда в среде создателей самобытной японской культуры жизненным кредо был «эмоционализм» [Конрад 1974, с. 204], предполагавший стремление наполнить жизнь переживанием разнообразных эмоций, в сознании людей уже прочно укоренилось призывающее к душевному равновесию и спокойной созерцательности учение Будды. Идеи тщеты бытия и преходящести всего сущего скорректировали мироощущение японцев, внося в него элегические ноты, но это также было воспринято как новый эмоциональный опыт, о чем говорит появление в этот период понятия «чарующей прелести непостоянства» 無常の哀れ *мудзё:⁹-но аварэ*. Хрестоматийным стало высказывание монаха Кэнко (1283–1350) о прелести непостоянства в «Записках от скуки» (徒然草, «Цурэдзурэгуса»): «Если бы человеческая жизнь была вечной и не исчезала бы в один прекрасный день, подобно росе на равнине Адаси, и не рассеивалась бы, как дым над горой Торибэ, не было бы в ней столько

---

⁹ Санскр. *анитья*, одна из основополагающих категорий буддизма.

скрытого очарования. В мире замечательно именно непостоянство» [Кэнко-хо:си 1988, с. 317].

Отсюда и «присущая японцам утонченная печаль» (日本の繊細な哀愁, *Нихон-но сэнсайна ай-сю:*), о которой писал Кавабата Ясунари, признанный знаток «традиционно-японского». В эссе «*Нетленная красота*» (ほろびぬ美, «*Хоробину би*») он отмечает, что в японском языке понятия «печаль» и «красота» взаимосвязаны [Kawabata 1973, p. 80].

С распространением буддизма стала практиковаться медитация, в обычай вошло временное уединение в монастырях для размышлений и обретения душевного равновесия. Но это не означало отказа от стремления жить эмоционально насыщенной жизнью, эстетическое переживание не теряло своей значимости, а в мгновении, наполненном содержанием, провоцирующим эмоцию, усматривалась своя особая красота.

Сформировавшись ко второй половине X в., концепт «красота мгновения, исчезающего в Вечности» получил художественное воплощение в драмах театра *Но*., в традиционных поэтических жанрах *танка*, а позднее и в *хайку*, в монохромной живописи 水墨画 *суйбокуга*, и 墨画, *сумиэ*. Характерной для всех видов и жанров стала идейная «двуплановость», придающая им философскую поэтичность.

Двуплановость предполагает одновременное существование в произведении космического плана, говорящего о Вечном Небытии *кэму*, и плана реального, отражающего мирское, повседневное, сиюминутное, исполненное человеческих чувств и эмоций. Так, например, в поэзии выражением космического плана зачастую служат образы природы или сезонные приметы, в живописи *суйбокуга* и *сумиэ* – незаполненное рисунком пространство, так называемые 余白, *ёхаку*, ассоциируемые с Пустотой *му*. Не будет преувеличением сказать, что критерием ценности артефактов также считалась своеобразная идейная «двуплановость», а именно, сочетание функциональности с наличием видимых свойств предмета, вызывающих ассоциацию с вечным, сопричастным Универсуму. Таким образом, понимание неразрывности конкретного, сиюминутного и истинно сущего Вечного, образно формулируемое как «мгновение, исчезающее в Вечности», определило концептуальность традиционного японского искусства, которое в Японии зачастую называют «конструктом западного происхождения», поскольку таковым оно стало осознаваться в эпоху Мэйдзи (1868–1912).

В ходе проведения реформ по западному образцу все культурное наследие Японии было пересмотрено и классифицировано по критериям, принятым на Западе. Тогда же японцы познакомились с понятием «искусство»¹⁰ и словом для его обозначения – 芸術, *гэйдзюцу*¹¹, под которым стало пониматься всё то, что они, следуя учению буддийской школы Сингон, называли «Путиами». Школа Сингон пользовалась наибольшим влиянием в эпоху Хэйан, когда занятия искусствами рассматривались как «Пути»¹². Считалось, что художественные практики способствуют обретению душевного равновесия, интуитивному познанию невыразимой в логических категориях Истины и поддержанию Вселенской гармонии, стремление к чему следовало считать нравственным долгом. Так, до середины XIX в. поэзия понималась как «Путь песни» (歌道, *кадо*), живопись – «Путь картин» (画道, *гадо*), театральное искусство – «Путь драмы» (劇道, *гэкидо*) и т. д.

Роль, которую традиционно играло существующее фактически, но не осознаваемое как таковое, искусство в японском обществе и пронизывающая его мировоззренческая концептуальность как нельзя лучше выражали понимание японцами окружающего мира, места, которое занимает в нем человек, и бытия в целом.

Неудивительно поэтому, что в период становления новой государственности именно искусство рассматривалось идеологами-интеллектуалами в качестве платформы, на которой можно было создать японскую нацию. Это было важно для интегрирования в мировое сообщество. К тому же японское искусство уже успело получить популярность на Западе, что положило начало охватившему Европу увлечению всем японским, «японизму», и слово *гэйдзюцу* стало одним из ключевых в последние десятилетия XIX в.

---

¹⁰ Впервые об искусстве как о культурном и социальном феномене в западноевропейском понимании японцы услышали в 1882 г. во время лекции американского философа, этнографа, востоковеда Эрнеста Фенеллозы (1853–1908). В период проведения в Японии реформ по западному образцу Фенеллоза способствовал сохранению материального культурного наследия, которое в условиях вестернизации страны было в крайне запущенном состоянии.

¹¹ Строго говоря, слово *гэйдзюцу* впервые встречается в «Истории империи Поздняя Хань» (後漢書, кит. «Хоу Ханьшу»), но отсутствует в словаре японских архаизмов: общепотребительным оно стало спустя 13 веков, для перевода на японский слова «искусство».

¹² 道, *до*: или *мити*, кит. *Дао*, метафора даосского происхождения, означает Вселенский путь, иначе говоря, Путь Истинно сущего, Путь гармонического развития Вселенной.

Следует отметить, что усвоение японцами понятия «искусство» в его западноевропейском понимании требовало перестройки сознания в понимании мира и человека. Японское искусство рождалось из понимания мира как единого Универсума, в котором господствует всеобщая взаимосвязанность вещей, западное – из противопоставления внешнему миру, окружающему человека, внутреннего мира человеческой личности. Понимание и приятие (или неприятие) этого требовали времени. В стране начались нескончаемые дискуссии о сущности и задачах искусства. Образовывались группы единомышленников, возникали новые жанры, школы и направления в разных видах искусства, создавались музеи. Правительство и энтузиасты-просветители принимали меры для расширения кругозора японцев. Всё это происходило на фоне знакомства с искусством и литературой Запада. Не будет преувеличением сказать, что роль русской литературы в умении по-иному посмотреть на мир и человека была особенно велика.

Всё это способствовало выявлению индивидуальных особенностей личности, интегрированию в мировое сообщество и в то же время утверждало в восприятии широкого круга японцев (речь не идет об интеллектуалах) «автономности» традиционного японского искусства. Причина была в том, что оно отличалось от западного не только средствами художественной выразительности, но и идейным наполнением и задачами.

Единство этического, эстетического и религиозного

Указанные выше особенности японского мирозерцания по-иному, чем на Западе, определили в Японии роль и значение труда и творчества в жизни общества и человека, спаяв воедино этическое, эстетическое и религиозное.

Синтоистская вера в одухотворенность всех вещей и отношение к труду как к продолжению в дальнем мире дел, начатых синтоистскими богами, порождали чувство ответственности человека за его созидательные действия и почти благоговейное отношение к продукту труда. В первую очередь это проявлялось в отношении к материалу, с которым приходилось работать так, чтобы сохранить заложенное в него Природой его «самое само», – отсюда внимание к рисунку древесины, цвету глины, фактуре песка и т.д. Кроме того считалось, что боги бывают недовольны, если им стремятся представить точное

подобие чего-либо, сотворенного ими, воспринимают это как непонимание невозможности повторить их действия. Поэтому людям следовало проявлять выдумку и изобретательность – 趣向, *сюко*: [Yamaguchi 1991, p. 10].

Сюко: значит «идея», «замысел», применение которых свидетельствует о почтительном отношении к богам, о желании продемонстрировать им, что их замысел понят и что взявший на себя труд изготовить, смастерить, соорудить, изобразить, выразить и т. п. умеет отличить подлинное от видимого. Таким образом, изготовление чего бы то ни было становилось творческим актом, а изготовленный предмет всегда был единственным в своем роде и воспринимался как проводник в системе «человек – Природа». Ощущающий себя частью этой системы японец не помышлял о самовыражении. Созданное человеком не могло быть противопоставлено Природе. Это стало одной из причин, почему в Японии не возникло понятие «искусство», несмотря на чрезвычайно большое значение, придаваемое художественным практикам во все времена. Создавать произведения искусства, не помышляя об этом, помогало японцу *сюко*: – по сути, не что иное как творческий замысел, требующий эстетической реакции, активизации воображения и творческой фантазии во время трудового процесса, что не меняло мотивации: выявить унаследованную от Природы суть, того, с чем приходилось иметь дело.

Разумеется, далеко не каждый артефакт мог быть причислен к произведениям искусства, но отношение к труду было именно таким – не только добросовестным, но и в определенном смысле творческим, хотя и не осознавалось как таковое, и не всегда достигалась поставленная цель. Изготовленный предмет воспринимался не только утилитарно, но и как некий образ, значимый сам по себе, как принадлежность не только физического, но и духовного мира. Труд, связанный с изготовлением чего-либо, для японца означал творение, результатом чего становилось создание новой ценности, которая способствовала совершенствованию окружающего мира, в чем так же, как и в поддержании Вселенской гармонии, виделся долг людей.

В подобном понимании труда и его продукта просматриваются истоки характерных для японцев трудолюбия и неизменно высокого качества изготавливаемой ими продукции. Это наводит на мысль о существовании в массовом сознании японского общества установки, связанной с пониманием труда и «изготовлением вещей»

物作り, *монодзукури*, сформированной вследствие синтоистских поверий, о которых говорилось выше.

С конца 1990-х гг. слово *монодзукури* используется как термин для обобщенного обозначения японской культуры «производства» в самом широком смысле этого слова, включая все процессы и все виды деятельности, необходимые для предоставления продукта потребителю в абсолютно готовом виде. В этом случае *монодзукури* записывается слоговой азбукой *хирагана* – *ものづくり*. Если речь идет о производстве как таковом, японцы употребляют слова *製造 сэйдзо*:, или *生産, сэйсан*.

В статье, посвященной проблемам преодоления экономического кризиса в Японии 2005 г., рассуждая о *монодзукури* как о культуре производства, отражающей, по единодушному мнению специалистов, особенности японской национальной культуры в целом, президент компании «Мацусита электрик индастриэл»¹³ Накамура Кунио пишет: «Японцы в силу особенностей своего национального характера особенно успешны в *монодзукури*... Японское *монодзукури* больше, чем просто производство... *Монодзукури* для японцев – это акт создания новой ценности» [Nakamura 2005, p. 5].

Одной из главных составляющих философии *монодзукури* считаются «особенности производства, предполагающие не только сам процесс изготовления продукта, но и осознание духовного и идейного содержания любого вида трудовой деятельности на любом участке» [Герасимова 2013, с. 12]. Стало быть, с точки зрения философии *монодзукури* воспринимается как принадлежность не только физического, но и духовного мира, «новая ценность», способствующая дальнейшему «совершенствованию бытия», в чем исстари виделся долг людей. Неслучайно одной из ключевых концепций японского менеджмента является *改善, кайдзэн*, «совершенствование». С начала 1990-х гг. *кайдзэн*, как и *монодзукури*, употребляется как термин в сфере менеджмента во всем мире.

Интересно отметить, что с точки зрения философии *монодзукури*, важную роль в достижении поставленных целей играет предпочтение, отдаваемое не специализации и анализу, а методам интеграции и синтеза, что подтверждает принадлежность японской культуры культурам Понимания, о чем говорилось выше.

---

¹³ С 2008 г. – Панасоник корпорейшн.

Во всех этих методах и способах организации и управления производством главенствует стремление к объединению и гармонизации работы всех его сегментов, что не может не вызвать ассоциацию со стремлением к поддержанию всеобщей гармонической взаимосвязанности. Свидетельством того, что ассоциация не случайна, может служить признание в Японии основополагающим принципом всех видов деятельности, и в особенности менеджмента, принципа 和, *ва*, гармонии. Призыв к гармонизации всех форм бытия, и производства как одной из его форм содержится в девизах всех производственно-деловых объединений. Для воплощения лозунгов в дело «концепция *ва* обеспечивает японцев цельной философией для ведения бизнеса, включающей специфические повседневные установки. Эта система мышления и поведения является частью японской культуры, и ее невозможно познать в школах бизнеса или на семинарах» [Симхович, 2003], пишет специалист по философии современного бизнеса и менеджмента В. А. Симхович после пребывания в Японии.

Однако поскольку у японцев стремление к гармонизации, к синтезу существует на подсознательном уровне и не осознается как такое, во многих компаниях новых сотрудников обязывают посещать курсы обучения принципам *ва*.

Специалисты по вопросам организации и управления производством единодушно отмечают, что японский подход к бизнесу отражает особенности национальной культуры. Его поддерживает абсолютное большинство населения страны, что позволяет рассматривать японский подход к бизнесу как выражение функционирования массового сознания, сохранившего традиционное отношение к труду, к производству, к окружающему миру. Как утверждают исследователи массового сознания, оно, «обладая широким набором собственных средств и форм выражения и воздействия на различные типы социальных субъектов, регулирует не только личное и общественное поведение людей, но и в не меньшей мере деятельность социальных институтов, учреждений и организаций» [Грушин 1987, с. 362–363].

Выводы

Проследив работу мировоззренческих компонентов массового сознания (восприятие человеком себя как неотъемлемой части Универсума, равной всем остальным его частям; убежденность во всеобщей взаимосвязанности вещей; вера в одухотворенность всего сущего) на примерах системообразующих составляющих – человек, труд, творчество – можно сказать, что основу, на которой возникали этические и эстетические ценности японцев, обусловившие самобытность японской культуры в самом широком смысле этого слова, сформировало массовое сознание.

В эпоху Мэйдзи, в период проведения реформ по модернизации страны в процессе знакомства с ценностями западных цивилизаций, в частности, с понятием «искусство», эти же мировоззренческие компоненты массового сознания поставили японцев перед необходимостью пересмотреть свое понимание мира и места, которое занимает в нем человек.

Японцам удалось, не отказываясь от собственных воззрений и предпочтений, усвоить ценности и достижения западных цивилизаций и применить их на практике. Они сумели посмотреть на мир и человека с других позиций, понимая, что в общем – это иной способ познания мира, человека и бытия, который в условиях современной действительности и полезен, и интересен.

Таким образом, сегодня приверженность японцев национальным традициям, проявляемую в самых разнообразных формах и областях жизнедеятельности людей, обуславливают именно массовое сознание и порожденные им ментальные установки.

Библиографический список

- Ван Гог (1966). Письма. – Ленинград – Москва: Искусство.
- Герасимова М. П. (2013). Традиционные ценности как фактор движения Японии по пути прогресса. *Восток (Oriens)*. № 1. С. 119–128.
- Герасимова М. П. (2018). Самоценность эмоции в японском культурном пространстве. *Ежегодник Японии*. Т. 47. С. 294–312.
- Герасимова М. П. (2021a). Ёдзё: – критерий художественности в японской эстетике. *Вестник Института востоковедения РАН*. № 2. С.144–156.

Герасимова М. П. (2021b). Пути японской живописи. *Вестник Института востоковедения РАН*. № 1. С. 89–103.

Грушин Б. А. (1987). *Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования*. – Москва: Политиздат.

Иофан Н. А. (1974). *Культура древней Японии*. – Москва: Наука.

Кэнко-хоси (1988). *Записки от скуки*. Пер. В. Н. Горегляда. В изд.: *Классическая японская проза XI–XIV вв.* – Москва: Художественная литература. С. 313–429.

Конрад Н. И. (1974). *Японская литература*. – Москва: Наука.

Лисевич И. С. (1979). *Литературная мысль Китая*. – Москва: Наука.

Лосев А. Ф. (1994). *Миф, число, сущность*. – Москва: Мысль.

Марченя П. П. (2010). Современные подходы к изучению масс и массового сознания в истории: тенденции и результаты. *Современные исследования социальных проблем*. № 3. С. 86–90.

Николаева Н. С. (1975) *Японские сады*. – Москва: Искусство.

Ольшанский Д. В. (2002) *Психология масс*. – Санкт-Петербург: Питер.

Сасаки Кэнъити (2001) Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии. *Ориентир*. Вып. 1. С. 166–187. <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH3bddc2303c636b803337bf>

Симхович В. А. (2003) Истоки современной японской системы управления. https://www.cfin.ru/management/people/japan_sources.shtml

Снитко Т. Н. (2001) К вопросу о специфике организации японского культурного пространства. *История и культура Японии*. Москва: ИВ РАН – Крафт. С. 252–270.

Чжуан-цзы (1995). *Чжуан-цзы. Ле-цзы*. Пер. В. В. Малявина. – Москва: Мысль.

References

Chuang Tzu. (1995) *Chzhuan-tszy. Le-tszy* [Chuang Tzu. Le Tzu]. Transl. by V. V. Malyavin. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Gerasimova, M. P. (2013). Traditsionnye tsennosti kak faktor dvizheniya Yaponii po puti progressa [Traditional Values as a Factor of Industrial and Economic Progress in Japan]. *Vostok (Oriens)*, 1, 119–128 (In Russian).

Gerasimova, M. P. (2018). Samotsennost' emotsii v yaponskom kul'turnom prostranstve [Inherent Value of Emotion in the Japanese Cultural Space]. *Yearbook Japan*, 47, 294–312. (In Russian).

Gerasimova, M. P. (2021a). *Yojō – kriterii khudozhestvennosti v yaponskoi estetike*. [Yojō – The Criterion of Artistry in Japanese Aesthetics]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, 2, 144–156. (In Russian).

Gerasimova, M. P. (2021b). *Puti yaponskoi zhivopisi*. [The Ways of Japanese Painting]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, 1, 89–103. (In Russian).

Grushin, B. A. (1987) *Massovoye soznanie. Opyt opredeleniya i problemy issledovaniya* [Mass Consciousness. Attempt of Determining and Problems of Researching]. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Iofan, N. A. (1974). *Kul'tura drevnei Yaponii* [Culture of Ancient Japan]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Kawabata, Yasunari. (1973). *Horobinu bi. Take-no Koe, Momo-no Hana* [Imperishable Beauty. Bamboo Voice, Peach Flowers]. In *Kawabata Yasunari zuihitsu* [Collection of Essays by Kawabata Yasunari] (pp. 77–84). Tokyo: Shinshosha. (In Japanese).

Kenkō-hōshi. (1988). *Zapiski ot skuki* [Tsurezuregusa]. Transl. by V. N. Goreglyad. In *Klassicheskaya yaponskaya proza XI-XIV vv.* [Classical Japanese Prose of the 11th – 14th Centuries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Konrad, N. I. (1974). *Yaponskaya literatura* [Japanese Literature]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Lisevich, I. S. (1974). *Literaturnaya mysl' Kitaya* [Literary Ideas in China]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Losev, A. F. (1994). *Mif, chislo, sushchnost'* [Myth, Number, Essence]. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Marchenya, P. P. (2010). *Sovremennye podkhody k izucheniyu mass i massovogo soznaniya v istorii: tendentsii i rezul'taty* [Modern Approaches to the Studying of the Masses and Mass Consciousness in History: Trends and Results]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Problems], 3, 86–90. (In Russian).

Nakamura, Kunio. (2005) *Manufacturing as the Lifeblood of the Nation*. *Japan Echo*, 32 (4), 44–49. (In English).

Nikolaeva, N. S. (1975). *Yaponskiye sady* [Japanese Gardens]. Moscow: Izobrazitel'noye iskusstvo. (In Russian).

Ol'shanskiy, D. V. (2002). *Psikhologiya mass* [Psychology of the Masses]. Saint Petersburg: Piter. (In Russian).

Sasaki, Ken'ichi. (2001). *Esteticheskaya zhizn' v antiurbanisticheskoi kul'ture Yaponii* [Aesthetic Life in Japan's Anti-Urban Culture]. *Orientyr*, 1, 166–187. <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH3bddc-2303c636b803337bf> (In Russian).

Simkhovich, V. A. (2003). Istoki sovremennoi yaponskoi sistemy upravleniya [Origins of the Contemporary Japanese System of Management]. *Theory and Practice of Management*. https://www.cfin.ru/management/people/japan_sources.shtml

Snitko, T. N. (2001). K voprosu o spetsifike organizatsii yaponskogo kul'turnogo prostranstva [On the Question of the Specifics of the Organization of the Japanese Cultural Space]. In *Istoriya I kul'tura Yaponii* [History and culture of Japan] (pp. 252–270). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS: Kraft. (In Russian).

Van Gogh, Vincent. (1966). *Pis'ma* [Letters]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Yamaguchi, Masao. (1991). The Poetics of Exhibition in Japanese Culture. In Karp, I., Lavine, S. D., *Exhibiting Cultures: The Poetics and Politics of Museum Display* (pp. 57–67). Washington, London: Smithsonian Institution Press.

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 297–338

Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 297–338

DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-297-338

Очерк Таяма Катай «*К и Т*» («*К то Т*»)

предисловие, перевод и комментарии
М. В. Торопыгиной

Аннотация

Очерк «*К и Т*» писателя Таяма Катай (1871–1930) был опубликован в 1917 г., сначала как отдельное произведение в журнале «*Бунсё сэкай*», а затем как глава книги «*Тридцать лет в Токио*» («*Токё-но сандзю нэн*»). Герои очерка – это сам Таяма Катай, в тексте он выступает как Т, и его друг Куникада Доппо (1871–1908), в тексте – К. Писатель рассказывает о том времени в 1897 г., когда молодые герои провели месяц с небольшим в храме в Никко. В это время Таяма Катай и Куникада Доппо только входили в литературную жизнь, вскоре они станут известными писателями.

Очерк особенно интересен тем, что дает представление о мыслях и чувствах японской литературной молодежи конца XIX в. Со времени описываемых событий прошло двадцать лет, и автору удастся увидеть «со стороны» не только друга, но и самого себя. Очень разные по характеру герои рассуждают о том, что такое человеческая жизнь, любовь, религия, природа, часто спорят, даже ссорятся. Разговоры героев о литературе дают представление о том, какими произведениями были увлечены молодые люди того времени, какие западные писатели и поэты были особенно популярны.

Из очерка можно почерпнуть и сведения о том, сколько зарабатывали литераторы своими сочинениями. Главной целью путешествия молодых литераторов было, несомненно, писательство. Именно во время пребывания в Никко Куникада Доппо написал рассказ «*Дядюшка Гэн*» («*Гэн одзи*»), произведение, которое знаменовало его обращение к прозе.

Ключевые слова: эпоха Мэйдзи, японская литература, мемуары, Таяма Катай, Куникада Доппо, Никко.

Автор: *Торопыгина Мария Владимировна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН: 107031,

Москва, ул. Рождественка, д. 12; профессор Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: 105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4.

E-mail: mtoropygina@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3214-5610

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Tayama Katai's Essay “*K and T*” (“*K to T*”)

Introduction, Translation, and Comments by M. V. Toropygina

Abstract

This publication presents the translation into Russian of the essay “K and T” by the Japanese writer Tayama Katai (1871–1930). The essay was published in 1917, first as a stand-alone piece in the magazine *Bunshō Sekai*, and then as a chapter of the book *Thirty Years in Tokyo (Tōkyō no Sanjūnen)*. The heroes of the essay are Tayama Katai himself (in the text he acts as T) and his friend Kunikida Doppo (1871–1908, in the text he is K). The author speaks about the time in 1897 when the young heroes (both of them are 26 years old) spent a little over a month in a temple in Nikkō. At this time, Tayama Katai and Kunikida Doppo, who soon became famous writers, were just entering literary life.

The essay gives an idea of the thoughts and feelings of the Japanese literary youth at the end of the 19th century. As twenty years passed since the events described, Tayama Katai manages to see not only his friend, but also himself “from the outside.” The heroes, very different in character, talk about what human life, love, religion, and nature are. They often argue, even quarrel. The conversations about literature give an idea of what the Japanese literary youth of that time were passionate about, which Western writers and poets were especially popular.

From the essay, one can also learn how much the writers earned with their writings. The main purpose of the journey of the young people was writing. It was during his stay in Nikkō that Doppo wrote the short story “Uncle Gen” (“*Gen oji*”), a work that marked his turn to prose.

Key words: Meiji era, Japanese literature, memoirs, Tayama Katai, Kunikida Doppo, Nikkō.

Author: *Toropygina, Maria Vladimirovna*, PhD of Sciences (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russian Federation, 107031; Professor, Institute for Oriental and Classical Studies of HSE University: 21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russian Federation, 105066.

E-mail: mtoropygina@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3214-5610

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой...
...Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Всё подвергалось их суду.

А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

Герои очерка «*К и Т*» («*К то Т*») очень непохожи друг на друга по характеру. Один – открытый и обаятельный, с легкостью говорящий о себе, это К. Другой – мрачный, угрюмый, замкнутый – это Т. Т – автор очерка, Таяма Катай, а К – его друг Куникада Doppo.

Очерк был опубликован в первом номере журнала «*Бунсё сэкай*» за 1917 г. [Tomatsu 1979, p. 74] и вошел в опубликованные в том же году мемуары Таяма Катай – книгу «*Тридцать лет в Токио*» («*Токё-но сандзю нэн*») [Tayama 1917; Tayama 1981]. Глава «*К и Т*» входит не во все издания «*Тридцати лет в Токио*», по стилю она значительно отличается от остального текста мемуаров: воспоминания Таяма Катай написаны от первого лица, а в «*К и Т*» Т, как и К, – герои, о них говорится в третьем лице. Однако многие моменты этого очерка неразрывно связаны с другими событиями, о которых рассказывается в «*Тридцати годах в Токио*», поэтому происходящее в очерке лучше понимается в структуре мемуаров, сами же мемуары также значительно

выигрывают от включения данного текста, поскольку он придает всему произведению стилистическое разнообразие.

Очерк «К и Т» рассказывает о путешествии Куникида Доппо и Таяма Катай в Никко в 1897 г., они отправились туда 21 апреля, а вернулись в Токио 2 июня. Жили друзья в храме Сёсонъин. Инициатором поездки был Таяма Катай, который уже бывал в этом храме и знал его окрестности. Куникида Доппо отправлялся туда впервые. Очерк не дает никаких дат, не является тревелогом – не начинается прибытием на место и не заканчивается концом поездки. Как часто бывает в столь любимом японцами способе сочинения – «вслед за кистью» – это ряд отрывков-воспоминаний. Очерк появился через 20 лет после описываемых событий, за это время не только К, но и Т превратился для Таяма Катай в литературного героя, на которого он смотрит не просто со стороны, но еще и с высоты своего нынешнего возраста.

Имена Таяма Катай и Куникида Доппо в истории японской литературы в первую очередь связаны с прозой натуралистического направления (*сидзэнсюги*), однако поездка в Никко относится к тому времени, когда литераторы только познакомились и были молодыми людьми, каким свойственно скорее сочинять стихи, чем психологическую прозу.

Таяма Катай, впрочем, уже опубликовал несколько прозаических сочинений и считал себя вошедшим в круг «новых» писателей (в мемуарах он пишет о влиятельных «больших» писателях и противопоставляет им «новых»). Мечтая о литературной карьере, он хотел стать учеником Одзаки Коё (1867–1903), однако силой обстоятельств не стал.

Куникида Доппо сотрудничал с изданиями Токутоми Сохо (1863–1957): был корреспондентом газеты «*Кокумин симбун*» во время японо-китайской войны, потом работал редактором в «*Кокумин-но томо*» (недаром он пишет на фирменной бумаге Кокумин). Куникида Доппо еще вовсе не проявил себя в прозе, но, отправляясь вместе с Таяма Катай в Никко, хочет во что бы то ни стало написать свое дебютное прозаическое сочинение. В момент, когда начинается его знакомство с Таяма Катай, он больше всего переживает из-за несостоявшейся семейной жизни: распался его недавний и очень короткий брак, и он постоянно возвращается к этому в своих мыслях.

В мемуарах Таяма Катай много и подробно рассказывает о своих встречах с самыми разными людьми, несколько очень важных для него связей завязались как раз в это время и были по преимуществу

«поэтическими». Друзья-поэты выпустили в 1897 г. в издательстве «Минъюся» сборник стихов под названием «Лирика» («Дзёдзёси») [Miyazaki et al. 1897], составителем его был поэт и прозаик Миядзаки Косёси (1864–1922).

Миядзаки Косёси был уже состоявшимся поэтом, сборник стихотворений под названием «Возвращение в родные края» («Кисэй») он издал еще в 1890 г. Кроме стихотворений Куникада Доппо, Таяма Катай и Миядзаки Косёси, в сборнике помещены сочинения еще троих поэтов. Янагита Кунио (1875–1962) станет самым знаменитым в истории Японии этнологом; Оота Гёкумэй (1871–1927) примет сан буддийского священника, Таяма Катай женится на его сестре в 1899 г; Саганоя Омуро (1863–1943), поэт, писатель, переводчик русской литературы, позже отойдет от литературной деятельности. Для сборника каждый поэт написал предисловие к своему разделу. Стихи Куникада Доппо озаглавлены «Песни одинокого странника» («Доппо гин»), стихотворения Таяма Катай – «Моя тень» («Вага кагэ»). Корректуру сборника Катай и Доппо получили в Никко и, как рассказывает Таяма Катай, бросили в водопад Кэгонтаки как подношение богам.

Первая встреча Таяма Катай и Куникада Доппо произошла осенью 1896 г. «Через Миядзаки Косёси я встретился с Куникада. Куникада в это время, после разрыва с известной О-Нобу-сан, жил в доме на холме за городом, в Сибюя. Я еще раньше слышал о нем от Косёси, кроме того, чувствовал интерес к его любовной истории, и мне нравился его свежий яркий стиль. И вот по пути ко временному жилищу Косёси в Догэндзака, я вдруг нанес визит в его дом на холме» [Tayama 1981, p. 102]. В тот раз Таяма Катай и Оота Гёкумэй не застали Косёси и решили отправиться к Доппо. «Мы же не то, чтобы не знакомы», – вспоминает свои слова Катай. Дружба между молодыми людьми завязалась мгновенно. «Мы были молоды и у нас было много общего, мы только встретились, но разговаривали друг с другом так свободно, с открытой душой, будто были друзьями уже лет десять» [Ibid., p. 105].

В мемуарах Таяма Катай цитирует письмо Доппо, которое получил незадолго до их отъезда в Никко:

Ну как? Мы правда отправимся в Никко? Это будет счастьем – со спокойной душой провести весну вместе там, где густые туманы и полноводные реки, писать о том, что почувствуем. Единственно, о чем я беспокоюсь при нашей бедности – это деньги, нужные для жизни

в таком месте, но ты говоришь, что проживем, так что это тоже не вопрос, я думаю. Мы вдвоем, наверное, сможем просуществовать на 16 иен, я не думаю, что настоятель храма – жадюга, так что если будем жить скромно, то это совсем не трудно.

Только мне немного грустно уехать и пропустить цветение сакуры у моего дома. Холодными зимними ночами, когда в ветвях деревьев завывал ветер, я ждал, когда в сад придет весна. Ты, с твоим чутким сердцем, должен понять меня. После вчерашнего и сегодняшнего дождя в саду начали расцветать персики. Так что и до того, как зацветет сакура, кажется, недалеко. Двенадцатое апреля – это день, когда опадают цветы сакуры в Кудан, и день, когда меня оставила жена. Мне печально встречать этот день в столице, но я все равно жду не дождусь этого печального дня. Ожидание скорбно, потому что мое сердце оплакивает этот день. Не будет ли отраднее провести столичную весну в столице, а потом весну Никко встретить в Никко? [Ibid., p. 109–110].

Главной задачей молодых людей является, конечно, писательство, ведь оба путешественника мечтают войти в число людей, создающих новую японскую литературу.

В горном храме молодые люди пишут, читают, гуляют, и, конечно, разговаривают. Их беседы часто вращаются вокруг литературы, и по ним можно судить о тех настроениях и пристрастиях, которые были свойственны молодым людям, желающим войти в литературу. Друзья не упоминают ни одного имени старых японских писателей, относящихся к прежним эпохам, но внимательно следят за современной литературой. В разговорах возникают имена Одзаки Коё (1867–1903), Кода Рохан (1867–1947), Мори Огай (1862–1922), Цубоути Сёё (1859–1935), Хироцу Рюро (1861–1928), Сайто Рёкуу (1868–1904), Симадзаки Тосон (1872–1943). Еще чаще звучат имена западных писателей и поэтов.

Куникида Doppo был поклонником Вордсворта. Он писал: «На меня не оказали влияние ни токугавская литература, ни Коё и Рохан. Мое направление, мой творческий метод не имеют почти никаких связей с нашей прошлой литературой. Но должен же быть первоначальный источник. Если бы спросили, в чем он, я бы ответил – в Вордсворте...» (цит. по: [Григорьева 1967, с. 37]). Любимым поэтом Т Таяма Катай называет Гейне. Впрочем, с высоты своего жизненного опыта, Катай пишет об этом увлечении двадцатишестилетнего Т с изрядной долей иронии.

По «*K и T*» очень ярко виден интерес Таяма Катай к Мопассану. Спустя несколько лет этот интерес во многом определит его понимание натурализма. Однако и здесь Таяма Катай ироничен по отношению к Т, плохо понимающему сложное переплетение человеческих отношений, описанное Мопассаном. При этом, хотя он и подчеркивает, что это имя еще очень мало известно в Японии, но пишет, что К, приглашая Т посмотреть на красивую девушку, вспоминает героев рассказа «*Солдатики*», что свидетельствует о том, что и К этого автора читал. В это время многим казалось, что именно западная литература научит японских литераторов писать по-новому, по-настоящему современно. Особенно герои увлекаются русской литературой (оба, но в большей степени Куникида Doppo) и французской – в первую очередь Таяма Катай. Из русских писателей особенно любим обоими друзьями, как и многими другими японскими литераторами, И. С. Тургенев, которого открыл Японии русист Фтабатэй Симэй (1864–1909).

Друзья, несомненно, существуют в возвышенной философско-литературной реальности. Их окружает Великая Природа, вечность человеческой жизни. Простой домик рыбака представляется им обиталищем героев романтического сочинения Мори Огай «*Пузыри на воде*» («*Утаката-но ки*»); туман и березы представляются русским пейзажем из их любимых русских романов. Они хотели бы поехать в дальние страны, чтобы встретиться со своими кумирами, и сетуют, что ни одного русского или французского имени не оказалось в списке гостей на горячем источнике, куда они однажды отправились. Однако, при всем романтизме восприятия действительности, их постоянно заботит денежный вопрос. В это время единственным заработком друзей являются гонорары.

Чтобы гонорары стали приличными, необходимо занять прочное положение в литературном мире. А для того, чтобы продвинуться в литературном мире, нужно, чтобы произведения получали положительную критику. Критика в японском литературном процессе этого времени играет огромную роль. Основным журналом, в котором печатаются отзывы на новые произведения, является «*Мэдзамасигуса*» – литературно-критический журнал, который пришел на смену более раннему «*Сигарамидзоси*», оба выпускались Мори Огай. Считается, что тремя самыми активными критиками были сам Мори Огай, Сайто Рёкуу и Кода Рохан. Таяма Катай ненавидел этот журнал, который был к нему враждебен, его оценка этого

издания была такой: «... “Сигарами дзоси” превратился в “Мэд-замасигуса”, и так называемые “большие” писатели предприняли, что называется, совместное сопротивление “новым” писателям» [Тауама 1981, р. 91]¹.

В 1897 г. гонорары героев очерка невелики. Свое дебютное произведение (в «К и Т» нет его названия) Куникада Доппо продает за 25 сэн за страницу. При этом Куникада говорит, что должен получить больше Таяма, который получает 30 сэн за страницу (его слова, конечно, задевают друга). А вот «большие» писатели получают до двух иен за страницу. За книгу, которую мечтает купить Таяма Катай (английский перевод «Пьера и Жана» Мопассана) он должен заплатить 1 иену 50 сэн.

Таяма Катай не слишком много пишет о том произведении, которое стало дебютным для Куникада Доппо, однако именно его написание можно считать главным итогом пребывания друзей в Никко с точки зрения истории литературы. Рассказ «Дядюшка Гэн»² («Гэн одзи») считается одним из лучших произведений Куникада Доппо. Закончив произведение, Куникада Доппо отослал рукопись в Токио, в издательство «Хакубункан». Рассказ был напечатан в августовском номере журнала «Бунгэй курабу», одного из ведущих литературных журналов того времени. Критика встретила произведение благосклонно.

Текст «К и Т» разделен пробелами на небольшие отрывки. Как и главные герои, одной начальной латинской буквой имени обозначены и другие представители литературного мира. В большинстве случаев инициалы легко идентифицируются, однако есть несколько мест, где комментаторы сомневаются, кто именно стоит за тем или иным инициалом. Одной латинской буквой также обозначены и многие географические объекты, названия журналов, издательств и т. д. Столь нелюбимый Таяма Катай журнал «Мэдзамасигуса» в тексте фигурирует как MS草 (MSгуса). Название литературного общества «Кэньюся» Таяма Катай читает как «Гэньюся» и записывает как G社 (Gся). Безусловно, такие обозначения, появившиеся в японских текстах под влиянием западной литературы, являются приметам времени, поэтому в переводе «К и Т» они сохранены, однако в большинстве случаев

---

¹ О том, что Таяма Катай думает о японском литературном сообществе 1880–1890 гг. см.: [Торопыгина 2023].

² Рассказ переведен на русский язык Т. П. Григорьевой (Топехой). См.: [Куникада 1958; Григорьева 1967; Куникада 2022].

в квадратных скобках дается расшифровка. Еще одной особенностью текста является употребление латинского написания некоторых имен, названий книг, некоторых высказываний. Все эти слова в переводе также оставлены в латинском написании.

Перевод «*K и T*» выполнен по изданию [Таяма 1981], комментарии и послесловие в котором принадлежат Такэмори Тэнью. Чрезвычайно полезен при работе с текстом был английский перевод «Тридцати лет в Токио», выполненный Кеннетом Хеншалем [Таяма 1987], снабженный большой вступительной статьей, обширным комментарием и полезными индексами.

Библиографический список

Григорьева Т. П. (1967). *Одинокий странник. О японском писателе Куникада Doppo*. – Москва: Наука.

Куникада Doppo (1958). *Избранные рассказы* / Пер. Т. П. Топехи. – Москва: Художественная литература.

Куникада Doppo (2022). «*Равнина Мусаси*». *Рассказы* / Пер. Т. П. Топехи. – Санкт-Петербург: Гиперион.

Торопыгина М. В. (2023). Таяма Катай о японском литературном мире конца 1880-х – 1890-х годов: глава «Литературный мир того времени» из книги «Тридцать лет в Токио». *История и культура Японии*. Вып. 15. *Orientalia et Classica LXXVIII*. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 465–478.

References

Grigorieva, T. P. (1967). *Odinokii strannik. O yaponskom pisatele Kunikida Doppo* [Lone Wanderer. About the Japanese writer Kunikida Doppo]. Moscow: Nauka (In Russian).

Kunikida, Doppo. (1958). *Izbrannye rasskazy* [Selected Stories]. Transl. by T. P. Topekha. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Kunikida, Doppo. (2022). «*Ravnina Musasi*». *Rasskazy* [Musashi Plain. Stories]. Transl. by T. P. Topekha. Saint Peterburg: Giperion (In Russian).

Miyazaki, Koshohi, et al. (1897). *Jojōshi* [Lyric Poems]. Tokyo: Min'yūsha. <https://dl.ndl.go.jp/pid/876334> (In Japanese).

Tayama, Katai. (1917). *Tōkyō no sanjūnen* [Thirty Years in Tokyo]. Tokyo: Hakubunkan. <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/955975> (In Japanese).

Tayama, Katai. (1981). *Tōkyō no sanjūnen* [Thirty Years in Tōkyō]. Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Tayama, Katai. (1987). *Literary Life in Tōkyō, 1885–1915: Tayama Katai's Memoirs Thirty Years in Tōkyō*. Transl. by Kenneth Henshall. Leiden, New York, København, Köln: Brill.

Tomatsu, Izumi. (1979). Tayama Katai “Bunshō sekai” keisatsu chojutsu ichiranhyō [List of publications by Tayama Katai in *Bunsho Sekai*]. *Nihon Bungaku*, 51, 64–82. (In Japanese).

Toropygina, M. V. (2023). Tayama Katai o yaponskom literaturnom mire kontsa 1880 – 1890-kh godov: glava «Literaturnyi mir togo vremeni» iz knigi «Tridtsat' let v Tokio» [Tayama Katai on the Japanese Literary World of the Late 1880s – 1890s: Chapter “The Literary World of Those Days” From the Book *Thirty Years in Tokyo*]. *Istoriya i kul'tura Yaponii*, 15, *Orientalia et Classica* LXXVIII. 465–478. (In Russian).

К и Т Таяма Катай

Когда спускался вечер, К и Т всегда выходили на прогулку вместе. К держал в руке трость. Трость была примечательна тем, что сделана из бамбукового корня, и еще историей ее покупки на Гиндзе, в которой можно было расслышать хвастовство любовными успехами. Но поскольку Т сочувствовал грустной истории любви К и к тому же не имел подобного опыта, он всегда ее слушал с серьезным выражением лица. Для Т эта случившаяся с К любовная история пока не была до конца понятна.

Временами Т казалось, что он не знает, до какой степени это правда. К рассказывает мастерски – легко, беззаботно, о чем бы он ни говорил, слушатели тут же вовлекаются в историю. Когда собирается компания в пять-шесть друзей, К всегда держит нить разговора, становится центром кружка. Т, который слушает в сторонке, тоже поначалу бывает захвачен историей, но потом, когда К слишком расходится, ему становится противно. Иногда у него возникает чувство, что половины сказанного было бы вполне достаточно. Т думает примерно так: «Ну вот, снова за свое, снова красуется. Видно, так он и женщин завлекает!».

Вообще-то Т уважает чувства К, их подлинность, чистоту, то, что когда он плачет, у него текут слезы. Часто слова К приводят Т в восторг. Религия и человеческая жизнь, любовь и смерть – в разговорах обо всех этих вещах К проявляет особенное глубокое религиозное чувство и серьезность суждений. «Он христианин, поэтому так ловок в подобных рассуждениях», – хотя Т и не соглашается с ним, но все-таки всегда восхищается.

«Ты ужасный эгоист! Почему ты не общаешься с людьми, скрываешь, что у тебя на сердце? Почему не делать все с открытой душой? Этот пессимизм... Что ни скажи, ты тут же в пессимизм впадаешь. Если уж такая мизантропия, если ты так ненавидишь этот мир, уходи в горы, становись монахом!», – К вечно говорит это Т, но на самом деле у Т просто такой характер, он не может, как К, открываться другим. По сравнению с К, чистосердечным, открытым, с легкостью говорящим обо всем, Т – мрачный, угрюмый, его грудь полна томящихся там тоски и боли, он молчалив и замкнут.

К и Т одногодки, им по двадцать шесть.

«Нет, знаешь, что ни говори, но просто невозможно не чувствовать вечность человеческой жизни. Мы с тобой в такое место приехали... Горы... Вечер... Берег пенящегося белым горного потока... Смотри, вон там одинокая хижина. Окно освещено, там горит лампа. Здесь тоже человеческая жизнь, – К говорит с воодушевлением. – Знаешь, когда я был на Хоккайдо, среди природы... Это невозможно описать! Рудокопы в горах, у них у каждого своя человеческая жизнь. Есть женщины. Есть мужчины. Там тоже закручиваются вихри трагедий и комедий. А вокруг – издревле не знавшая топора великая природа, окутанная легкой дымкой. В человеческой жизни я один. Нет-нет, я не один. Я сейчас стою перед лицом Бога. Я не могу так не думать. Я не могу позабыть, как ездил в Утасинай, там осваивают целину. И вот, как сейчас, там были дома, в них свет, а вокруг – безмолвие. По земле струился белый ночной туман, а небо было чистым, и под луной было светло, как днем. Я бродил в одиночестве, думал о многом. И постепенно я остро почувствовал всю болезненность жизни в большом городе, вне гор и лесов настоящей жизни быть не может, – так я решил. А все потому, что был полон ощущением, что и возлюбленная, и слава, всё, чего пожелаю, всё будет со мной. Мы простились с Нобу-сан в Симабаре, и я отправился на Хоккайдо с пылким, горящим молодым жаром

сердцем... – на какое-то время он прерывается. – Однако все это теперь кончено. Мечты растаяли как лед, уплыли».

Т уже не раз слышал этот рассказ К. О-Нобу-сан... К без памяти влюбился в нее, и, несмотря на сопротивление родителей девушки, против их воли, женился на ней, сразу по возвращении с Хоккайдо они вместе провели сладостных полгода на побережье Г [Дзуси], вот история про О-Нобу-сан. Теперь К расстался с О-Нобу-сан, но все же и сейчас эти воспоминания часто тревожат душу и тело К, ни на один миг он не может ее забыть. Нередко он по полдня сидит с отсутствующим видом, опираясь на спинку стула, сцепив руки за головой.

Это кажется Т странным. Т еще не попробовал запретного плода, он может воображать, но не представляет, до какой степени это сладко и до какой степени это горько. Еще Т внутренне протестует против того, что К увлек девушку для своего удовольствия. Для Т девушка – это девственница, к которой нельзя прикасаться, она священна. Идеальная красота чистой девственницы – лучшее в мире, так думал Т. Они искренне полюбили друг друга и поженились, но не прошло и года, и вот что вышло, Т не мог этого понять. И не хотел этого понимать.

«Почему так случилось?» – часто спрашивал Т.

«Почему? Я и сам не знаю. Само собой, что и тебе это непонятно. О-хо-хо... – К был опечален. – Всё растаяло и утекло! Окончательно стало прошлым», – в глазах К сверкали слезы.

К и Т проходили 5-6 тё³ вдоль реки и возвращались. В долине поднимался белый пар, ясно видимый даже в ночи.

«Невозможно высказать, прямо душа сжимается».

«Верно».

Перед тем как лечь спать, Т иногда заходил в комнату К.

Комната К находится на том же втором этаже, она обращена к горной речке, отсюда виден поднимающий белые брызги поток за воротами храма. Кажется, что шум воды наполняет всю комнату.

К ложится поздно и долго спит утром. Т, наоборот, ложится рано и рано встает. Т вошел.

«Ты что, уже ложишься?»

«Да».

---

³ 1 тё = 109 м.

«Рано ведь, еще только десять... Я еще собираюсь написать одно-два стихотворения, чтобы послать в редакцию К [Кокумин-но томо]».

На столе перед сидящим на стуле К в беспорядке разбросаны листы фирменной бумаги К [Кокумин], нож для бумаги, ручка, чернильница, книги. Книга Heine's Роем открыта на половине. К показывает еще не законченные стихи. «Ну как?» – спрашивает он, тут же их отбирает и сам читает вслух.

Время от времени между ними происходит разговор о положении в литературном мире. Поводом для резких нападок служат безрассудные идеи G [Кэньюся]. К тут же говорит: «Точно напишу. Чтобы отметить приезд сюда, непременно напишу свое дебютное произведение. Сегодня опять весь день об этом думал. Ты, может, считаешь, что я ленюсь и только гуляю... Наверное, так может показаться, но это такой же труд, как и собственно работа». К намекает на то, что Т ежедневно с утра до вечера пишет длинный, в несколько сот страниц, роман, с которым ничего не сможет сделать, никуда не сможет пристроить. Т ощущает легкий внутренний протест из-за того, что К день за днем сидит, сцепив руки за головой, выходит на прогулку, бездельничает, и при этом считает, что он работает.

«Если только бездельничать, как можно написать дебютное произведение!» – в тайне насмехается Т. Т, между прочим, уже опубликовал две-три неумелых повестушки. Конечно, собравшиеся вместе во влиятельном в литературных кругах журнале «MSгуса» [«Мэдзамасигуса»] «большие» писатели по обыкновению изругали их в пух и прах.

«MSгуса», само собой, часто становился темой обсуждения. По сравнению с тем раздражением, которое испытывает к нему Т, К в своих оценках относительно беспристрастен. «Но ведь О [Мори Огай] – великий, такая глубокая эрудиция, что никто с ним в наше время не сравнится! Он мне нравится больше, чем профессор Т [Цубоути Сёё]. Что S [Сайто Рёкуу]? Придирается по мелочам и еще гордится этим. Но что поделаешь с этой упрямой въедливостью? Он же *гэсакуся*. И W [Одзаки Коё⁴] такой же. А вот R [Кода Рохан], тот получше». Т не был согласен с этими высказываниями К. Т говорил, что «MSгуса» – собрание трусливых «больших» писателей, которые, стоит пробиться новым росткам, эти только появившиеся побеги топ-

---

⁴ Такэмури Тэнью предполагает, что так может быть обозначен писатель и театраль-ный критик Аэба Косон (1855–1922) [Tayama 1981, p. 315].

чут. Особенно его задевало за живое то, что критика его ругала, тогда как другие такие же новые писатели удостаивались положительной оценки. Когда выходил свежий номер «МСгуса», он его и смотреть даже не хотел, но и сдержаться не мог. Т всегда стоял перед прилавком, где продавался журнал, в страхе и раздражении, быстро его пролистывал и трясся всем телом, глядя на ту страницу, где он подвергался ужасным оскорблениям.

Критик А [Тогава Сюкоцу⁵], выпускник университета, который заведовал критикой в газете Y [Ёмиури], также часто становился объектом нападков двух друзей. «Этот парень пишет так, будто только и думает, как на это посмотрят “большие” писатели. До удивления отвратительная натура. Может, его еще и благодарить нужно? Это хорошо, это плохо. Петрарка то-то, Данте то-то, тошнит всё это слушать. Изящный утонченный литературный стиль, скрупулезное исследование... Хватит, надоело!», – так говорил К. Временами он еще возмущенно добавлял: «Вообще в нынешнем литературном сообществе слишком много мелочности, суются, куда не надо, и деться от этих разговоров некуда. Поэтому все такие затюканные». Т в эти минуты был с ним солидарен и тоже поносил нынешнее литературное сообщество.

На втором этаже размещалось четыре комнаты, рядом с комнатой К находилась гостиная с дешевой жаровней с жестяным зольником, рядом была комната Т, а слева от нее – комната для иностранцев, которые каждый год приезжали сюда спасаться от жары, там ставили две или три кровати, и это была их спальня. Туда можно попасть и из комнаты К, и из комнаты Т, если открыть раздвижные перегородки.

Первый раз увидев эту комнату, К обрадовался: «Вот здорово! Кровати с пружинами! Аристократическая жизнь! Мы должны немедленно обратиться к настоятелю и занять ее». К был щеголем, не то что Т, и восторженным поклонником иностранного. Так они оба захватили каждый по кровати рядом с его комнатой. Между их кроватями осталась еще одна.

«Вот здорово!» – снова вскричал К, когда они первый раз улеглись на кровати.

---

⁵ Тогава Сюкоцу (1871–1939) – критик, специалист по английской литературе, переводчик, эссеист.

Т начал писать длинный, страниц в триста-четыреста роман, когда он утомлялся, он мог и днем снова залезть на эту кровать и поспать. И тогда его влек не вкушенный запретный плод. Хотя на словах он говорил о платонической любви, ее святости, но в такое время в его голове бродили нездоровые мысли о сладком наслаждении белой кожей красивой шеи. «Что? Опять дневной сон?» – услышав его сопеение, со смехом спрашивает К, нарочно отодвинув перегородку.

К никогда не спал днем. Во время дневного сна Т, К обычно выходил на прогулку. Размахивая той самой тростью, которую они покупали вместе с О-Нобу-сан на Гиндзе... Вечером он всегда ложился спать часа на два-три позже Т. В отличие от воображаемого томления и нездоровых мечтаний Т, К не мог заснуть, не думая каждую ночь об О-Нобу-сан, с которой они расстались весной прошлого года. В голове К одна за другой всплывали переплетающиеся между собой сцены воспоминаний сладкого полугода, все еще витающие у его изголовья. И вот эти сладкие, красивые, трогательные, невыносимые воспоминания пронизывает громкий, почти звериный, храп Т. К выпускает одинокий вздох.

Временами его подушка промокает от слез. В сборнике пятистиший, который днем принес Т, было такое стихотворение:

Можно услышать,
Как капли слез,
Падают на изголовье.
О любви, не дающей уснуть,
Никто не спросит.

Увидев его, К пришел в волнение, настолько оно отвечало его собственным чувствам, он декламировал его, повторяя бесчисленное количество раз, теперь оно неожиданно вспоминалось К на его одиноком ложе. Случались ночи, когда из-за одиночества и тоски К был не в силах заснуть, пока не переставали звонить ночные колокола в горах.

Ночь напролет он слышал какую-то птицу, названия которой не знал.

«Точно, это она! – говорит К, когда разговор зашел об обитающей в этих горах ночной птице. – Она, она. Такой неожиданно высокий резкий крик. Ки-ки-цу – так кричит... Ну точно, точно она».

«Точно, точно», – подтверждают молодые монахи, с которыми он в это время разговаривает.

Т вечно приходилось будить К. Проснувшись, К еще какое-то время нежится в теплой постели. А Т нетерпеливо ждет его у жаровни. Уже сварен и принесен снизу старухой-кухаркой суп, готов рис, на ярко разожженном огне булькает и бурлит кипяток в металлическом чайнике. Утреннее солнце, сияя и ослепляя, перебирается из сада на галерею.

К встал, спустился по лестнице позади комнаты с жаровней, прошел в умывальню рядом с большой кухней внизу, умыл лицо невыносимо холодной чистой водой из бамбуковой трубы, привел в порядок прическу и энергично – раз, два! – поднялся по лестнице.

«Вчера ночью не мог заснуть. До двух часов бодрствовал», – с этими словами он садится напротив Т. Т играет роль жены, К играет роль мужа.

Аромат душистого чая, запах супа-мисо, чашки для чая, чашки для супа, маринованные овощи, тарелки, блюда, – Т нетерпеливо хватается палочки и начинает есть, К спокойно пьет чай.

Частенько К рассказывает, какой сон видел прошлой ночью. К из тех молодых людей, кто видит необычные сны. Сон о золотой рыбке и девушке; история о том, как он стал большим писателем; сон про Хоккайдо, – эти сны всегда вертелись вокруг О-Нобу-сан. Он видел и сон о том, как проткнул О-Нобу-сан мечом. «Знаешь, это был этот самый короткий меч. Меч, который мне подарил старик. Когда я его со всего маху вонзил в нее, О-Нобу-сан вроде бы умерла, но уже мертвая весело смеялась. И говорила – давай еще. И крови не было, представь себе. Ну, это же сон», – он вставал и шел взять меч, который всегда был с ним, вытаскивал его из ножен и пристально смотрел на него. Меч достался ему на память от несчастного старика, который, кажется, был еще другом Такасуги Синсаку⁶. Не только в этот момент, но и в другое время К, бывало, в одиночестве обнажал его и пристально разглядывал. Это был замечательный короткий меч в два сяку пять сун⁷, острый, отлично подходивший к своим красным кожаным ножнам. Подчас К брал меч даже отправляясь на прогулку.

---

⁶ Такасуги Синсаку (1839–1867) – самурай клана Тёсю, политический и военный деятель.

⁷ Сяку = 30,3 см, сун = 3 см.

Когда он рассказывал сон о переезде зоопарка, Т тоже смеялся, восклицая: «Удивительный сон!». К рассказывал: «Этот поезд – не для обычных пассажиров. Это открытая платформа, уже странно, да? И туда преспокойненько садятся рядом обезьяны, тигры, медведи. Виден длинный слоновий хобот. Птицы тоже послушно погрузились в клетки. И вот эта платформа проезжает мимо тебя. Станный сон!».

Покончив с завтраком и немного поболтав, Т вскоре уходит в свою комнату. А К в одиночестве по-прежнему сидит молча напротив жаровни и смотрит на горы.

Перед тем, как поселиться на втором этаже, они поставили письменный стол и низкий столик на длинной галерее, опоясывающей главное здание храма. Там они провели дня три-четыре. Старый монах, лет пятидесяти пяти-шести, откашлявшись, сказал: «Ну, вы, кажется, нашли себе место, пусть так... Пусть так, если вам подходит. Если что-то нужно, скажите мне, Т-сан. Без стеснения. Скоро я смогу о вас позаботиться. Просто сейчас... Сейчас... Занят, не могу отложить свои дела», – он с улыбкой посмотрел на позицию, которую самовольно заняли молодые люди, и, интересуясь, что они делают, подошел к низкому столику и посмотрел: «А, пишете для газеты... И что? Это сразу в газете будет? Ну, вы молодцы!», – и, облачившись в рясу, отправился по своим священническим делам. Когда он узнал о том, что К был христианином, он со смехом сказал: «Христианские монахи мне нравятся... Нормально... Религии все одинаковые. Та же суть. И когда руки складываешь перед Буддой, и христианский аминь – одно и то же. Всё нормально».

Поскольку старый монах любил выпить, Т и К привезли ему в подарок из Токио бочонок сакэ «Болотный журавль». В поезде им изрядно мешала эта большая круглая штука, но когда они довели бочонок и увидели, как обрадовался старый монах, оба были довольны. Т тут же достал краник для бочонка. «Ух! Даже краник есть... Вы так добры... Спасибо», – сказал монах и широко улыбнулся. Т и раньше был в хороших отношениях со старым монахом, К он тоже сразу понравился.

«Симпатичный старик!» – со смехом сказал К. А раз так, будет приятно остаться здесь на подольше, думал он.

К полагал, что и бедная, лишенная удобств жизнь в горном храме, может быть увлекательной. О-Нобу-сан нанесла ему глубокую рану,

чтобы ее залечить К провел полгода в Киото, потом полгода в предместье Токио. Там он жил вместе с младшим братом, но все же ощущал себя очень одиноко, так одиноко, что ничто не спасало. Вечерами ему казалось, что О-Нобу-сан вернется и в слезах попросит прощения: «Прости меня за то, что было», – он не мог с этим справиться. Даже при простом порыве ветра, он открывал ставни и выглядывал на улицу. Бывало, он не мог совладать с собой, гнев и ярость по отношению к неверной женщине были невыносимы, он напряженно думал, что не сможет излечиться от этих страданий, если теперь же не пойдет и одним ударом меча не убьет эту женщину и тут же, тем же мечом, не покончит с собой. В это время они с Т и стали друзьями. Через историю любви К, Т сблизился с К. Т не то чтобы старался быть утешителем, но до какой-то степени мог сгладить боль незаживающей раны, будто обладал заживляющей мазью. Отданная литературе жизнь бедных молодых людей – что ж, это тоже любопытно, думал К. К тому же и для него пришло время, когда он должен был исполнить свое предназначение. «Пожалуй, попробую спокойно поразмыслить». Решив так, К согласился на эту поездку с Т в горный храм.

Сразу по прибытии они купили необходимую на каждый день еду. Сахар, печенье, ну и, само собой, сушеного тунца, без него не обойтись. Если никакой другой еды не будет, можно постругать тунца и есть его с рисом. Так что в день, когда они приехали, они пошли в город и купили дорогого большого – по понятию бедных начинающих литераторов – сушеного тунца. «Ну, раз он у нас есть, ничего другого в качестве приправы к рису и не надо», – смеялись К и Т. Богатая роскошная жизнь, конечно, не лишена приятности, но и бедная жизнь тоже занимательна. Будучи всего лишь молодыми литераторами, К и Т обладали духовной свободой, чтобы чувствовать интерес к подобным рассуждениям. «А интересно будет проверить, если месяц экономить, то на сколько мы сможем прожить?» И они решили каждую трату заносить в линованную тетрадь, которую привез с собой Т. С уст К, читавшего Карлейля с Эмерсоном, слетели слова: «Plain living, High thinking». К был большим любителем Вордсворта, так что антология, составленная Мэтью Арнолдом, всегда находилась под рукой.

В отличие от него, отстаивавший платоническую любовь Т не расставался с собранием Heine, что довольно странно. Стихи этого страстного поэта, поэта, стоящего ближе к дьяволу, чем к богу, глубоко

ироничного, на склоне лет жившего в Париже с падшими женщинами, Т любил больше всех других. Возможно, Т был не в состоянии понять темную сторону этого поэта, а был очарован исключительно похожими на маленькие жемчужины стихами о любви между мужчиной и женщиной. Так стихи поэта из Райдл-Маунт, воспевающие тихую природу, и стихи о подобной буре любовной страсти, здесь, в этом месте, в комнате этого горного храма, сплелись между собой в удивительное единство. К читал Вордсворта, Т слушал. Т декламировал Гейне, К внимал.

Интересным оказался и странным образом уготованный ему жизненный путь старого монаха. Недаром он казался К и Т таким необычным. До своих тридцати двух-трех лет он успел испытать вдовость и наслаждений, и разочарований в исполненном печалей и горестей бренном мире, но потом на него снизошло просветление, он стал сопровождать старого монаха, который как раз и был его предшественником в этом храме, в те места, куда тот отправлялся для проповеди, и еще с этого времени он неоднократно уходил в затворничество. Он предпринял затворничество «зимней вершины», которое считается самым суровым в этих горах, затворничество «подношения цветов», прошел и через тяжкий опыт трехлетней одинокой жизни в павильоне Будды. Даже сейчас старый монах питался исключительно постной пищей.

Сушеного тунца, купленного на следующий день после приезда, похоже, своровал кот. Тунца искали-искали, но нигде не нашли. «Вообще-то недавно тут шнырял большой дикий кот», – сказал К. Т тоже где-то его видел. Они не могли удержаться от горькой усмешки. А потом К расхохотался от всей души. Что ж, на этот раз они купили маленьких «черепашьих» сушеных тунцов. Положить их решили отдельно, каждый хранил одного в выдвижном ящике своего стола. В какой-то день Т заметил этого дикого кота и погнался за ним, швыряя в него камнями. Вспоминая об этом, они смеялись.

Решив открыть привезенный ими бочонок сакэ, старый монах приготовил гречневой лапши, чтобы угостить двух друзей. В полу был устроен небольшой очаг, вокруг него валялось всякое барахло. Монах достал из котелка оловянные бутылочки для подогрева и налил сакэ непривычной к выпивке парочке.

«Ну, если вы сладкоежки, для вас тоже есть угощение», – старый монах, улыбаясь, вытряс из рукавов завернутые в бумагу сладкие

пирожки с красной и белой фасолевой начинкой, которые получил на поминальной службе. «Вот это я люблю», – сказал К и взял один.

Тут, даже не сказав «извините», с полным железным совком тлеющих углей неторопливо вошла кухарка, старуха за шестьдесят, в грязных рабочих штанах, морщинистая – само олицетворение природной бесхитростности, бескорыстия и простодушия. Монах сказал: «Вот хорошо, хорошо. Теплые еще», – он снял котелок с жаровни, старуха высыпала туда угли с совка и спросила: «Господин, тут люди из Исимати приходили, вы их видели?».

«Люди из Исимати?» – старый монах вскинул голову, соображая, – «Это ткачи, что ли? Видел, видел».

«Видели? Ну и хорошо... А то они спрашивали, куда господин делся», – на ее морщинистом лице показалась ничего не выражающая улыбка, она согнула еще больше свою сгорбленную спину, и отправилась на кухню. Эта старуха готовила двум друзьям рис и суп.

«Эта бабушка занятная, – говорил К. – Только вот я ни слова из того, что она говорит, не понимаю». Что ж, было вполне естественно, что родившийся в Тюоку К не мог как следует понять настоящий диалект Тохоку. Сказать по правде, такую бабушку, настоящую деревенскую старуху, ни Т, ни К еще никогда не доводилось встречать.

«И ведь в этой женщине такая же как в нас кровь течет и сердце бьется», – заметил К.

«Да, и она производит впечатление живого существа. Примитивного живого существа, над которым цивилизация вообще не властна, не может на него повлиять. Даже в скульптуре мне такого видеть не приходилось».

«Это точно. Это лицо невозможно описать. Хотелось бы показать его скульптору. Эти глубокие, будто вырубленные морщины хороши. И она улыбается. И такое простодушие. И не кажется, что она не знает, что такое страдание, скорее, она пережила множество страданий на своем пути. Правда, хорошо было бы ее воплотить в скульптуре. Да только нынешние скульпторы никуда не сгодятся», – произнеся это, К стал рассказывать о скульпторе, которого немного знал.

Однажды К сказал:

«Я сейчас говорил со старухой».

«И где?»

«Она за домом траву полола. Странная женщина. Такая женщина могла бы в мифе появиться. И знаешь, у нее определенно есть чувство юмора».

«Да?»

«Старого монаха она называет бонзой, говорит "наш бонза". Ей нравится, что у него такой твердый характер. И она передразнивает, как бонза откашливается – кхе-кхе».

«Да?»

«Только я как следует не понимаю, что она говорит. Если бы понять, точно было бы интересно, но я больше половины не разбираю... Ей лет шестьдесят пять, так что она молодцом».

Поскольку Т уже пару раз приезжал в этот храм раньше, он кое-что знал о старухе. Она родилась в деревне в одном ри⁸ от городка, раньше они были богатыми торговцами мануфактурой. Однако мать нашей старухи была распутной, гуляла с мужчинами, и в конце концов совершенно разорила семью. Это рассказал Т. Еще Т рассказал, что старухина дочь вышла замуж за плотника в местечке R у города, она время от времени приходит поговорить с матерью. «Да, старуха говорила, дочь придет, я представил, что это за дочь, верно, тоже тетка за сорок, не иначе», – К засмеялся.

Однажды вечером луна была особенно хороша, так что двое друзей вышли на прогулку. Весна в горах была уже в разгаре. Даже цветы в темной криптомериевой роще были полны ярким лунным светом. К и Т шагали в том настроении, когда откровенно говоришь о человеческой жизни, религии, любви, вере. Жаркие речи К всегда притягивали сердце Т. Хотя временами Т подозревал, что красноречие этого человека может вести не туда, куда нужно, но он не мог не поддаться его искреннему пылу. К излагал библейскую Нагорную проповедь.

Возбуждение К всегда имело фоном боль от того, что его бросила жена, Т не мог этого до конца понять. Взгляды Т на отношения между мужчиной и женщиной пока что вовсе не касались физической близости. Когда речь заходила о ней, К всегда отводил глаза, будто бы свято хранимая им чистота могла быть запачкана.

Они дошли до самого моста на границе между городком и горами. Стекающая в равнину река была красиво освещена луной. Мимо

---

⁸ Ри = 3,9 км.

прошли двое иностранцев. Друзьям во всем чувствовалась удивительная поэтичность. Они громко декламировали свои стихи.

Вскоре они повернули обратно к храму, разговаривая о бедном музыканте из «Люцерна» Толстого. Вечнозеленые деревья в саду красиво сверкали вечерней росой, но берега реки, текущей глубоко внизу под отвесным обрывом, свет луны еще не достиг. Друзья вошли во стороны кухни.

Несмотря на лунный свет, в саду царила густая тень деревьев, а раздвижная перегородка кухни была освещена красным огнем.

«Посмотри туда!» – вдруг указал К.

Тень от старухиной головы с растрепанными, наподобие метлы, волосами, черным силуэтом падала на перегородку, было видно, как двигается ее рот. Старуха привычно разжигала огонь в большом кухонном очаге.

«Точно ведьма! – засмеялся К. – Если ночью в горах в какой-нибудь хижине наткнуться, быстрее быстрого убежишь».

Т тоже рассмеялся, глядя на силуэт.

Они подошли к старухе. «А-а!» – вскрикнув, она посмотрела вверх, огонь осветил красным ее морщинистое лицо.

«Бабушка, что с вами?» – спросил Т.

«А-а-а! – снова заголосила старуха, не в силах преодолеть волнение. – Т-сан, это вы! А я было подумала, что это мой младший сын вернулся. Вот была бы радость, если бы он мог вернуться, вот как вы... Но это невозможно! Он под землю ушел!» – слезы одна за другой скатывались с ее морщинистого лица.

«Что случилось?»

«Это я... Я вспомнила, своего младшего, он под землю ушел. Ему точно столько же лет было, как вам».

«Он умер?»

«Нет его. Уехал в У, стал полицейским, мечом звенел, молодцом был... Меня... Меня прошлой зимой навестил, больше его нет. Ушел под землю. А-а-а!»

«Из-за болезни умер?»

«От пневмонии, быстро умер. Отсюда ехала, не успела. Так хотела еще разок его увидеть, но не вышло... Вот вас увидела, вот и вспомнила...».

«У вас ведь есть еще старший сын?»

«Дзинроку никуда не годится. Это младший мне был опорой. А-а-а!»

Старуха подкинула в очаг наломанного хвороста. Огонь ярко разгорелся. В большом котелке, повешенном на крюк, что-то варилось и булькало, поднимался белый пар.

«Что готовите?» – быстро спросил молчавший и казавшийся взволнованным К.

«Соевые бобы. Господин сказал, чтобы я сварила...»

«Бобы?» – переспросил К и засмеялся.

Друзья взяли углей, поднялись на второй этаж, зажгли лампу и еще долго разговаривали у жаровни. Чем больше они рассуждали, тем огромнее казалась им человеческая жизнь. Человеческая жизнь бывает непостижима. Человеческая жизнь бывает печальна. Особенно для двух молодых людей... Для двух друзей, которые как раз должны в нее войти... Об этом они разговаривали друг с другом. Говорили о романах Тургенева, об Эрихе Штерна⁹, об «Итальянском дневнике» Саймондса¹⁰, они говорили и говорили, и не могли наговориться. «Здесь, в горах есть старуха, которая думает об умершем сыне, и ее слезы катятся в золу очага», – сказал К с глубоким чувством. Ну, тогда уж есть и люди, вроде старого монаха, который храпит во сне, выпив сакэ. Есть, как мы двое, молодые люди, которым не спится, когда светит луна. Есть путешественники, что одиноко стоят на палубах в тумане за тысячи ри в далеком море. Есть люди как Рудин, которые преодолели муки любви и отбросили любовь. Есть люди как талантливый Гэса¹¹, сошедшие с ума, потеряв любовь. К подпер щеки ладонями, глубоко задумавшись о человеческой жизни, его глаза, полные молодого огня, поблескивали. Т сидел с печальным выражением, погрузившись в глубокое молчание. Они долго сидели друг напротив друга.

Луна ярко освещала храмовый сад.

Т писал в своем дневнике:

«За воротами, не останавливаясь, днем и ночью текут воды, эти воды когда-нибудь вольются в море. В широкое-широкое море, в море

---

⁹ Эрих – герой сочинения немецкого писателя Адольфа Штерна «Поток жизни» («*Die flut des lebens*»), переведенного на японский язык Мори Огай.

¹⁰ По мнению Кеннета Хеншала имеется в виду сочинение Джона Аддингтона Саймондса «*Sketches and Studies in Italy and Greece*».

¹¹ Гэса – герой вышедшего под названием «*Погребальное дерево*» («*Уморэги*») перевода Мори Огай немецкого романа Осипа Шубина (настоящее имя автора Лола Киршнер) «*История одного гения*» («*Die Geschichte eines Genies*»).

человеческой жизни... Однако, что же моя душа... Я сам... О, этот вечный, неисчерпаемый голос воды! И через десять лет, и сто лет, и тысячу лет будут также нестись эти воды. И когда мы умрем, и наши дети умрут, и даже внуки тоже умрут, эти воды будут течь, с тем же самым шумом. Так может ли существовать человек, который, подумав об этом, не почувствует вечность бытия?!».

Однако этот дневник был полон не только подобными записями сентиментальной, молодой, горячей души. Зафиксирована плата за поезд, отмечены мелкие расходы, где-то нарисован с натуры портрет старухи-кухарки. В маленькой Note-Book с желтой обложкой также записаны в какой-то момент сами собой пришедшие на ум стихи. Время от времени возникающие темы для прозы озаглавлены: «Любовь молодого человека», «Собаки и люди», «Короткий меч». Сейчас Т писал длинное повествование об утраченной любви молодого человека. Этот страдалец был художником, для того, чтобы избавиться от мук, он поселяется в одиночестве в доме у озера, и его мысли поглощены наполовину искусством, наполовину – девушкой. Идея заключительной части этого произведения была достаточно подробно, в деталях, записана в дневнике. Иногда Т приносил этот дневник в комнату с жаровней, излагал К свои идеи, декламировал вдруг сочиненные стихотворения, однако, когда К хотел взять дневник и посмотреть, он с волнением его закрывал. Он ни за что не показал бы его К.

В свою очередь и К ежедневно вел свой длинный-предлинный дневник. Когда он жил в предместье Токио, у него уже имелись две или три тетради этого начатого еще раньше дневника, озаглавленного «А-дневник»¹². Впечатление следовало за впечатлением, страдание за страданием. Одним словом, не было ничего, что почувствовал или увидел К, что не нашло отражения в его дневнике. К часто показывал его Т.

Особенно подробно были описаны сладкая любовь к женщине и ее потеря. «Нельзя, нельзя, тут дальше нельзя смотреть!» – с этими словами К закрывал рукой страницу, которую Т начал читать.

В то время, как дневник Т был полон исключительно фантазиями, дневник К наполняла горькая правда и печальные факты. На столе К вместе с поэтическими собраниями и романами, всегда лежала пара тетрадей его дневников. Он хотел там найти материал для своего

---

¹² Дневник Куникида Доппо называется «Записки без обмана» («Адзамукадзару-но ки»). Вариант перевода названия, предложенный Т. П. Григорьевой, – «Откровенные записки».

дебютного сочинения, которое вот-вот должен был начать, поэтому снова и снова перечитывал их, и это возвращало его к прошлому. К проводил время, черпая из этого дневника воспоминания о событиях своей любви, радостных, печальных, горьких.

«Это уже прошлое. Целиком прошлое», – говорил он себе.

К писал в дневнике:

«Старуха, думающая о своем ребенке; старый монах, тут же засыпающий после сакэ; двое молодых людей; а за воротами – вечно, вечно с шумом устремляющаяся в долину река... Несчастливая любовь в прошлом, желание убить ее и самому умереть – в прошлом, что бы ни было, все уходит в прошлое. Сейчас я один в этой комнате. То, что я здесь, – факт человеческой жизни. Но где я окажусь завтра или на следующий год? Мой друг уже спит, а ночная птица, названия которой я не знаю, упорно кричит. Быть может, она хочет утешить меня в глубине этой ночи».

Отложив кисть, К снова погружается в раздумья. Молодая кровь приливает к ярко освещенным лампой щекам. Рядом лежит короткий меч...

«Это вы что, специально после еды диспут затеваете?» – с деланной серьезностью спрашивает старый монах.

Они не могут удержаться от смеха. «Диспут – это же хорошо... Правда, хорошо...» – смеется К.

«Это и выглядит весело», – Т смеется.

После еды, днем или вечером, они обязательно о чем-нибудь болтают. Болтовня переходит в спор. А спор иногда перерастал в перебранку с пеной у рта. Разговаривают о любви, о религии, о литературе, о смерти... Они всегда обсуждают такие вот грандиозные проблемы.

«Нельзя быть таким слабовольным! Умри! Соверши самоубийство! Сделай это прямо сейчас, у меня на глазах! К счастью, у меня есть меч!» – жесточно выкрикивает К.

«Когда умереть... Когда умереть... – задыхается Т. – Когда умереть – это мое дело. Твоя помощь мне не нужна. Ты лучше о себе подумай. Я еще пока не утратил чистоту. Это ты растоптал девственность, а я не такой», – не уступает Т.

Пока они еще не обосновались на втором этаже, а обитали внизу, на галерее, обрамляющей главный зал, они не вели таких жарких споров, но с тех пор, как перебрались сюда, отчего-то раз за разом разыг-

рывалась эта сцена. К не нравились пессимистичные и целомудренные взгляды Т. Нет, не просто не нравились, он считал, что следует покончить с идеями, опирающимися на пустые мечтания. А Т казалось гадким, что К может соприкасаться с грязью этого мира, с плотью нечистых женщин. Больше того, было бы лучше, если бы К не кичился этим опытом, которым вряд ли можно было гордиться, однако же, и это было просто отвратительно, К говорил с ним сверху вниз. У Т возникало чувство протеста по отношению к доводам К: это опыт К, соответственно это факт, а поскольку это факт, соответственно, это истина. «Постой, нельзя же утверждать, что твой опыт, – это и мой опыт. У меня есть свой собственный опыт. Только тот опыт, который я получил, это мой опыт», – настаивал Т.

К пытался представить, что на самом деле скрывалось за доводами и мыслями Т. К с раздражением думал о Т, который находился в таких тисках, что К не мог ему раскрыть свободно ни свои любовные страдания, ни свои терзания по женскому телу. К воображал, не влюблен ли Т в свою племянницу, с которой ему никак невозможно быть вместе. Т не раз читал К стихи, посвященные этой племяннице. К видел ее, белокожую, с пухлыми щечками в доме Т.

«Только осуществленные идеи могут окончательно показать свою истинность. Отчего ты не попробуешь? Не попробуешь и не посмотришь, что выйдет? Истина рождается из опыта», – К вечно это повторял. Т не то, чтобы не был с ним согласен, но все же относительно практики он хотел бы держаться более осмотрительно, чем К. Он хотел быть честным. Это был обычный аргумент Т.

«Ты что, думаешь, что моя любовная история была нечестной? Если так, скажи об этом! Я бесчисленное количество раз хотел умереть, как такое состояние может быть нечестным?!» – К был взбешен.

Такие сцены – наивную перепалку между молодыми людьми – старый монах время от времени слышал, а то и видел. Временами он пугался зверского выражения их лиц, опасаясь, не начнется ли драка. Он специально выходил в сад, чтобы посмотреть. Однако в следующий момент они уже болтали и смеялись. «Да нет, какая драка. Это у них диспут», – заключал монах.

«Смешно! – теперь, начиная спор, К всегда смеялся, вспоминая об этом. – Немыслимо, он думает, что мы это для пищеварения после еды делаем. Старый монах. А мы-то, все серьезно обсуждаем: проблемы человеческой жизни, проблемы любви».

«Да-да», – смеется Т.

Не переставая идет дождь, под зонтами они шагают вдоль ряда бесчисленных статуй Дзидзо.

Быстрый горный поток несся возле них, закручивался в водовороты, будто в кипящем котле, натыкался на большие и маленькие камни. В зарослях травы на другом берегу в полном весеннем цвету показывали свои лики красные азалии и желтые дикие розы.

По пути сюда они перешли мост, миновали маленькое поселение – горную деревушку, прошли мимо крестьянского дома, перед которым была воткнута в кадку большая ветка красной азалии.

Они снова и снова останавливались, глядя на горный поток, открывающийся перед ними, как на картине. Вода пенилась белым, водовороты наполнились темно-синим.

«Разве это не поразительно!» – восклицали оба.

В конце концов они пришли сюда, где по одной стороне стоял длинный ряд каменных Дзидзо.

У одних недоставало половины головы, у других отсутствовала верхняя часть туловища. У одних был утрачен нос, у других оторваны руки. Долгие годы они были предоставлены ветру и дождю, темно-зеленый мох покрыл их лица, головы, колени.

Их внимание привлекала поза сидящих со спокойно сложенными руками фигур.

«Мне кажется, что это не камни, – говорит К, его лицо выражает глубокое чувство. – Мне как-то не верится, что это просто камни, что у них нет крови, нет плоти. В них течет человеческая кровь. Наверняка течет, так мне кажется».

Увидев, что Т молча слушает, он продолжает.

«Это следы человечества. Следы тысячелетнего, двухтысячелетнего, или даже вечного человечества. Не должны ли мы думать, что человечество воплотило себя в таком образе? И осталось в нем. Они... Люди... Не должны ли мы думать, что они остались в этом образе оттого, что человеческие страдание и боль уже тысячи лет назад были такими же, как у нас сегодня, – страданием, болью, горечью любви, горечью смерти, горечью жизни. Здесь находятся люди, жившие за тысячи лет до нас, и мы сами, и те, кто будут жить через тысячи лет. Это образ человечества. Символ».

«Это так», – на лице Т было выражение глубокой задумчивости.

«Разве это не дает тебе ощущения бесконечности человеческого бытия? Эти камни похожи обликом на людей. Они поросли мхом. Идет дождь. Дождь идет целую вечность. С носа, с головы вечно каплют капли дождя, – друзья рассматривали статуи одну за другой. – Все эти люди, как и мы, вздыхали под тяжким грузом человеческой жизни, несли свое страдание. Не знаешь, что сказать, когда задумаешься об этом, правда?».

Т не мог не согласиться с ним от всего сердца. Он любил спорить с К, однако... Хотя каждый человек думает по-своему, эти мысли К вызывали в Т глубокий отклик.

«Это правда. Мы скоро уйдем. И превратимся в подобные человеческие образы. Когда об этом думаешь, начинаешь жалеть человечество, суетящееся из-за пустячных интересов и борьбы...»

«Да-да... Думая об этом, мы можем получить реальное представление о течении жизни. И получается, что смерть – это не смерть, а жизнь – это не жизнь. И то, что я и ты вместе вот так шагаем – это не просто так. Все в мире – собратья, причем даже независимо от пространства, и независимо от времени, мы все – собратья. Одно человечество...»

Говоря это К, как будто не в силах сдержать чувство, погладил мокрое от дождя лицо Дзидзо.

Он двинулся дальше: «Я глубоко, горячо это чувствую. Я старался говорить об этом с О-Нобу-сан, но она совсем ничего не поняла. Это горько. Наверное, я не сумел достучаться до нее, но когда я об этом думаю, мою грудь пронзает боль».

Т промолчал. Какое-то время друзья шагали, погрузившись в глубокое молчание. Дождь припустил. Когда они проходили под большими деревьями, дождевые капли с шумом падали на поверхность их зонтов.

Т разговаривал со старухой-кухаркой у очага, когда, по обыкновению помахивая своей тростью и улыбаясь, К вернулся с привычной прогулки.

С каждой такой прогулки К приносил разные истории, которые рассказывал Т. У дома, видимо, это дом учительницы кройки и шитья, собралось много молодых девушек; в тени ограды у гостиницы N [Никко] влюбленно болтали одетый в белое повар и женщина лет двадцати двух-трех; в речушке у того места, где собираются рикши,

поставлена мастерски сработанная игрушечная водяная мельница. Казалось, что в К этот городок N [Никко] вызывал такой же глубокий интерес, как и город S [Саики] на далеком Кюсю.

Тут же опустившись рядом, К заговорил:

«Бабушка...»

«Что тебе?»

«В храме S [Сякадо] есть девушка, да?»

«В S? – кухарка задумалась. – Да, есть, есть».

«Она кто такая?»

«Зачем тебе? Ее отец – учитель в школе».

«Не храмового сторожа дочь?»

«Сторожева в другом месте. А там снимает этот школьный учитель».

К отправился в храм, где была могила вассала, покончившего с собой вслед за господином; за храмом стоял дом с красивой, освещенной солнцем открытой галереей, на которой что-то шила девушка лет девятнадцати-двадцати. Ему были видны ее волосы, уложенные в девичий узел, и белая шея, она не двигалась, склонившись над своим шитьем. Когда К сделал несколько шагов, будто чтобы полюбоваться цветущей плакучей вишней, девушка, услышав шаги, резко подняла голову и обернулась к нему. Её от неожиданности залившееся краской лицо было невероятно красивым.

У молодых людей даже самые простые события, вроде этого, вызывали интерес. Отправляясь на прогулку, К со смехом говорил: «Может, снова в храм S схожу». Старуха не была бы старухой, если бы не посмеивалась в ответ: «Это он потому теперь так часто ходит, что там есть красивая девушка».

Когда К пришел в третий раз, девушка нарочно надела гэта, спустилась с галереи и с улыбкой сделала два-три шага в его направлении. «Ну, прямо как в любовной пьесе! А ты должен будешь сыграть роль одного из героев «Солдатиков» Maupassant. Берегись!» – сказал К.

Т, который редко ходил на прогулки, поскольку усердно занимался рукописью романа, был задет этим рассказом К. Возможно, он просто слишком много думал об этом, но только ему стало казаться, что прогулки К участились. Много раз он заходил в комнату К, думая, что К там, но его не было.

«Молодой человек как ты, уже испытывавший несчастную любовь, ходит на прогулку, чтобы увидеть девушку – это занимательно.

Из этого может получиться повестушка», – с легкостью говорил Т, но поскольку это был К, умевший без труда завоевать расположение женщины, то закрадывались подозрения, как далеко все могло зайти. Т чувствовал, что и его собственной души касается тень безобразного черного дьявола.

«Вот ничего и не выходит. Он относится к искусству беспечно. Все говорил: дебютное произведение, дебютное произведение, – с тех пор, как мы сюда приехали, уже больше двадцати дней прошло, а все не может написать. Когда так привязан к действительности, дух искусства покидает тебя», – упрямо думал Т, раздраженный тем, как тяжело все дается ему самому. Мысли о том, как мужское обаяние К мгновенно действует на девушек, приводили Т в мрачное подавленное состояние.

Т дремал, лежа на спине, положив руки под голову, до смерти уставший от душевных переживаний. Т думал о том, что обстановка, в которой он живет, лишена света и радости. Вот он вернется в Токио, в дом старшего брата, а там, увы, ни дня не проходит без каких-нибудь эксцессов. Мать ссорится с братом, нет согласия между женой брата и матерью, отвратительно, да так, что об этой гнетущей обстановке никому и не расскажешь. Еще более тягостными и тяжелыми его собственные обстоятельства выглядят в сравнении с дружескими теплыми отношениями между К и его родителями. К никогда не видел ничего дурного в своих отношениях с родителями.

В манере К говорить о них проявлялись теплота и задушевность: «Он и правда хороший отец»; «Смешно смотреть, как мама сердится, мы с братом специально ее дразним, чтобы посмотреть»; «Брат на самом деле отличный парень. Да к тому же такой беззлобный». Наверно, значение имело и то, что К был искусным рассказчиком, но это правда, что таких тяжелых родственных отношений, как у Т, у него не было. Сравнивая себя с ним, Т испытывал зависть и ревность к теплой домашней обстановке, которая окружала К, и к тому, что тот умел относительно спокойно принимать обстоятельства. Его же чувства все время нестерпимо терзали эти надменные лица больших писателей из мира литературы, двуличность ненавидимых критиков, непопулярность его произведений, а особенно – слава новых писателей, одного возраста с Т, которые энергично вырвались вперед. Целомудрие и искусство! Только к ним он испытывал привязанность.

Однажды К против воли Т потащил его на прогулку. К хотелось немного подбодрить Т, который постоянно сидел сиднем в доме и имел нездоровый бледный цвет лица. К в какой-то момент начал беспокоиться о здоровье Т, и даже в их словесных баталиях после еды перестал говорить особенно неприятные вещи.

К посетил парикмахерскую и вернулся посвежевшим с приведенными в порядок усами и головой, а Т из чувства противоречия не брился и волосы носил длинные, и только умные глаза сверкали на его сумрачном лице. Глядя на свое отражение в зеркале, он думал: «У меня теперь лицо настоящего писателя!».

Против воли вытащить из дома человека – целое дело, так что осуществить план К – вместе с Т отправиться в храм S – было непросто. Однако кое-как К все же привел туда Т.

Возле храма было тихо, слышалось птичье щебетание. Плакучая вишня была в полном цвету и походила на снежный сугроб. Как и предполагалось, на освещенной солнцем галерее девушка с белой шеей шила, склонив голову. Рядом сушилось ночное кимоно с муслиновым воротником.

«Смотри, покажу тебе, как она повернется сюда».

К свистнул.

«Перестань! Ты что! Прекрати!» К собирался свистнуть второй раз, но не свистнул, остановленный свирепым взглядом Т.

«Что тебе не нравится?»

«Прекрати! Свистнешь, я уйду». Поскольку он торопливо зашагал прочь, К засмеялся и не стал свистеть, на его лице было написано: «Ну и глупец!».

Даже когда К видел, что Т старается показать своим видом, что он-то как-никак уже выдвинулся в новые писатели, и гордится этим, К не испытывал особого внутреннего сопротивления или волнения. К считал так: да, пока не написал... но пусть он мне и показывает, мол, я не способен создать свое дебютное произведение, это мы еще посмотрим, я всех удивлю. Мне вообще неохота писать пустые, никому не нужные романы, – холодно думал К.

«Этот ловелас...» – так считал Т. «Этот глупец и ханжа...» – так думал К о Т.

Со времени их приезда прошло уже больше месяца. Пожилая женщина уже приносила продавать собранный в горах папоротник, красные азалии окрасили ближнее горное ущелье. По совету старого

монаха, который говорил, что после вечерней трапезы хорошо выпить чарочку-другую, они заказали в лавке бутылку сакэ в 1 сё¹³, которую хранили около жаровни. К иногда ее тряс, смотрел и говорил, смеясь, что-нибудь вроде: «Пока что внушает надежду». При всем том, едва они выпивали по 5 сяку¹⁴, как начинали сопеть. А лица становились красными, как с пожара.

«Мы скоро пьянчугами станем с таким учителем как вы, настоятель», – говорили они старому монаху. Старый монах кашлял и посмеивался, скривив рот.

Один человек, со временем ставший крупным чиновником, когда-то, будучи никем, года два жил иждивенцем в этом храме. Годы спустя он появился здесь и в память о том времени повесил на большую балку каллиграфическую надпись. «Знаете, настоятель, мы ведь совсем скоро прославимся. И уж тогда мы по-другому сделаем. Мы станем крупными жертвователями, мы пожертвуем на главный зал. Так ведь, Т?». «Это уж не иначе. Дело решенное...» – отвечал старый монах, поднося чарку ко рту.

Время от времени они подсчитывали расходы, записанные в линованной тетрадке. То, что К заплатил из своего кошелька, было помечено треугольником. «Вот, если я дам тебе 25 сэн, то будет ровно. – К достал из кармана кошелек, и со звоном выложил монеты. – Дешево вышло. Всего немного больше двух иен пока потратили».

К вертел кошелек, выворачивая его наизнанку. «Через этот кошелек прошла тысяча или две тысячи монет», – в связи с этим кошелеком К не мог не погрузиться в воспоминания о времени с О-Нобу-сан. Этот кошелек они с О-Нобу-сан тоже купили вместе на Гиндзе. И когда они с О-Нобу-сан поехали в Сиобара, и когда он тосковал по любви в лесах Хоккайдо, К всегда доставал деньги из этого кошелька.

И К, и Т по паре раз приходили денежные переводы. К – от газетной компании К [Кокумин], Т – от издательства Н [Хакубункан]... «Одна иена здесь твоя, – говорит К. – Это гонорар за то твоё стихотворения. Я всего три посылал». – «Это невыносимо! Один наш шедевр стоит одну иену!».

Денежный перевод Т был гонораром за написанный недавно короткий травелог, 30 сэн за страницу. «А вот нынешние “большие” писатели...

---

¹³ 1 сё = 1,8 л.

¹⁴ 1 сяку = 18 мл.

Нет, это скандал! Что Коё, что Рохан, они за страницу от иены 30 сэн до двух иен получают, разве не так? Да и R [Хироцу Рюро] тоже, за эти свои низкопробные, на коровью жвачку похожие, "популярные" произведения, которые он пишет на втором этаже публичного дома в Ёсиваре. Разве нет? Таким людям по иене 50 сэн выкладывают! А нам за страницу – 30 сэн, это же унижительно. Издательство Н платит мне всего 25 сэн. В следующий раз, если не заплатят 40 сэн или больше – откажусь», – разгорячился К.

«Всякий гонорар хорош», – говорит Т. К волнуется: «Нет, так не пойдет. Не всякий хорош. Мы же напряженно, серьезно работаем. Это же не скороспелки больших писателей!». К все-таки написал свое дебютное произведение страниц в тридцать. Ночью он прочел его Т. Т был восхищен некоторыми пассажами, от других в восхищение не пришел. Лицо К выражало гордость, он-то считал, что это – шедевр, и был доволен Т. К вчера послал это господину О [Охаси Отова¹⁵] в издательство Н. «Если тебе платят гонорар в 30 сэн за страницу, я должен получить 40». Это высказывание К немного задело Т. «Я не ради денег пишу. И не хочу менять литературу на пропитание», – с такими мыслями он каждый день брал кисть и писал свой длинный-длинный роман.

Раз в два дня внизу, в бане, старая кухарка кипятила им воду для купания. «Вода горячая, идите», – объявляла старуха, войдя в комнату в своих вечных мешковатых штанах.

«Эй Т-кун, ты первым иди!» – кричал К из своей комнаты.

Из комнаты с жаровней нужно было выйти на галерею и спуститься по лестнице, там была баня. Чистая прозрачная вода, льющаяся из трубы, всегда журчала, наполняя четырехугольный резервуар рядом с бочкой-фуру. И Т, и К с удовольствием погружались в фуру. Когда они не были в ссоре, купались вместе. Из фуру было видно, как в горной зелени мелькают алые азалии. В дождливые дни белые и серые облака закручивались наподобие водоворотов. Глядя на это, погрузившись в горячую воду, и К, и Т приходили в неописуемо хорошее расположение духа. Если воду не кипятили два-три дня, то К просил: «Бабушка, не согреете ли воды?».

К, выйдя из бани, всегда расчесывал волосы. В выдвигаемом ящичке жаровни К хранил гребенку, щеточку, помаду для волос, зеркалаце.

---

¹⁵ Охаси Отова (1869–1901) – зять владельца и один из редакторов издательства «Хакубункан».

У Т еще не было усов, а у К уже были, и шикарные, К беспрестанно их дергал.

Когда они беседовали об иностранной литературе, всегда поминали Толстого, Тургенева, Достоевского, Золя, Альфонса Доде. К особенно любил Тургенева. У него имелся английский перевод «Дыма», который тогда было не просто достать, и он всегда говорил об Ирине. Особенно он любил то, как Тургенев описывает природу, больше всего ему нравились описания природы в «Записках охотника», но его любимым чтением был именно «Дым», поскольку любовь Ирины была похожа на любовь между О-Нобу-сан и им самим. «Все женщины таковы, – говорил он. – Именно так. Тут ничего лучше не скажешь, как только “Smoke, Smoke”». О концовке, когда Ирина уже ушла к другому, он говорил: «Вроде это лишнее, как ноги у змеи, но это не так. Это важно, это человеческая жизнь, огромная и непостижимая человеческая жизнь». Т был восхищен его сравнением жизни Левина и Вронского в «Анне Карениной». К был очень увлечен переводом “Asia”, который был издан, когда К жил в предместье Токио.

Т тоже нравилась русская литература, но все же он предпочитал французскую.

Когда имя Maupassant в литературных кругах и знали-то всего два-три человека, Т одолжил его «Рассказы» у студента университета М [Мацуока¹⁶], и с радостью упивался ими. В этом собрании из всего множества рассказов были выбраны те, которые были особенно «здоровыми». Таким образом Т пока не знал, что основной темой Maupassant был глубокий трагизм отношений мужчины и женщины. Ирония тоже была ему недоступна. Скорее он думал, что это автор, подобно Тургеневу и Доде, пишущий произведения о простых красивых взаимоотношениях мужчин и женщин. Когда они только сюда приехали, он обнаружил в городе старый книжный магазин, который торговал журналами и европейскими книгами. Он зашел туда просто так, ни за чем, и вдруг перед его глазами блеснуло имя Maupassant. Т вытащил книжку. Она называлась “Pierre et Jean”. У него забилось сердце. Он почувствовал, будто на краю света встретил любимого человека.

---

¹⁶ Мацуока – настоящая фамилия Янагита Кунио, однако действительно ли Таяма Катай имел в виду здесь Кунио, остается под вопросом [Тауама 1981, р. 315; Тауама 1987, р. 147].

«Сколько стоит?» – спросил он у продавца. «Одну иену 50 сэн». У Т не хватило денег. Делать было нечего, и Т вернул книгу на место.

Имя «Maupassant» крутилось в голове Т и когда он засыпал, и когда просыпался. Чуть что, он говорил о нем. Он купил эту книгу и радостно возвращается домой – от этого сна он проснулся. *Моо-па-сан* – так ему виделось имя, написанное по-японски. К не был так увлечен им, возможно, просто потому что еще не привык к именам только появляющихся иностранных писателей, так что он насмеялся над возбужденностью Т. «*Моо-паа-сан*, противно, будто “уже старуха” – *моо-баа-сан*». Когда Т выходил пройтись по городу, он непременно заглядывал в этот магазин. «Пока есть. Пока есть. Хорошо бы никто не купил. Хорошо бы не продали до тех пор, пока у меня деньги не появятся», – с такими мыслями он выходил из лавки.

«Ну что, предмет твоих вожделений на месте?» – спрашивает К.

Когда из города возвращается К, Т прежде всего задает вопрос: «Еще там?»

«Там, там».

«Хорошо бы не купили».

«Да все нормально. Кто такую книжку купит!»

И все же Т беспокоился. «Мо-па-сан, Мо-па-сан», – бормотал он. В тот день пришел гонорар от издательства Н за травелог. Деньги были небольшие, однако прежде всего Т решил купить эту книгу. Получив деньги в большом почтовом отделении, расположенном слева от центра города, он тут же отправился в лавку европейской литературы. Сдерживая сердцебиение, Т заплатил за книгу.

Книга в желтой обложке типично французского стиля была несколько не зачитанной. Похоже, ее оставили приезжавшие сюда на экскурсию иностранцы, Т обнаружил написанное на титульном листе имя, похоже английское.

«Купил! Купил!», – он вбежал в комнату К и размахивал книгой перед его носом.

«Купил-таки?» – К улыбался. К взял книгу в руки и стал рассматривать ее. Там была иллюстрация, где мужчина и женщина целовались, К уставился на нее: «Приятно. Вызывает воспоминания».

Т, как будто это и вправду был предмет его вожделения, все время держал книгу рядом с собой. Если он не писал, то обязательно был погружен в чтение. Он читал за столом, читал у жаровни, читал в саду на теплой лужайке.

«Интересно?» – спрашивает К.

«Интересно. Психологические описания просто прекрасные».

Несмотря на эти слова, Т все же не мог получить от этого произведения то удовольствие, которое было у него от «Рассказов», куда были включены только невинные произведения. Жестокие душевные страдания Пьера и Жана для Т, не разбирающегося в отношениях между мужчиной и женщиной, были пока неясны. Связь телесная и духовная, вероломство женщины по отношению к мужчине, жизнь женщин-кокеток, одна женщина и двое мужчин, или две женщины и один мужчина, все эти вещи Т был не в состоянии понять. Возможно, все это не мог понять и К. И все же Т говорил К: «Здорово! Просто шедевр!».

К все-таки запродавал свое дебютное произведение за 25 сэн за страницу. Оно было коротким, как раз удобным для того, чтобы поместить его в журнале. К тому же главный редактор, видимо, решил, что оно выгодно отличается от привычных произведений Гся [Кэньюся]. «Вот так, 25 сэн. Это абсурд. Надо им сказать», – говорил К, однако по его лицу невольно разливалось ликование, потому что он беспокоился, продается ли оно вообще.

Слушая его, Т посмеивался.

Прошло еще два-три дня, и на имя Т тоже пришел небольшой денежный перевод. Это был гонорар за какое-то сочинение для детей. Был как раз конец месяца и этими деньгами они расплатились по счетам. Винная лавка, рисовая, угольная... Деньги были умеренными. Друзья также обсуждали подарок старому монаху. «Наверное, лучше сделать подарок, когда будем уезжать, а мы еще полмесяца, а то и месяц здесь пробудем», – сказал К, и Т с ним согласился.

Иногда платил К, а иногда из своего небольшого кошелька, какие прозывают «жабьем ртом», доставал деньги Т. Т аккуратно заносил в тетрадь даже маленькие, в сэн или два, расходы. К такая скрупулезность казалась скучной. «Да ну эти сэны!», – говорил он. «Нет, счет есть счет», – возражал Т.

Чтобы расплатиться по счетам, потребовалось всего 4 иены 85 сэн, если разделить на двоих, на каждого месячные расходы составили 2 иены 42 сэн 5 рин. К засмеялся: «Всего ничего! Выходит, мы вернемся с деньгами. Будто на отхожий промысел ездили».

Именно тогда впервые возник разговор о том, чтобы отправиться на озера Т [Тюдзэндзи], а оттуда на горячий источник У [Юмото]. Т был там несколько раз и знал места, а вот К впервые сюда приехал, так что ни того, ни другого пока не видел.

«Если не швыряться деньгами, особо много не потратим. До озера Т шесть ри, на своих двоих дойдем. Еда дешево обойдется, если не останавливаться в шикарной гостинице, куда люди в портшезах прибывают. Дальше опять на своих двоих. Расход – только ночевка. Пойдем! Пойдем!» – уговаривал К.

Т тоже был готов отправиться, однако ему хотелось кое-что доделать в своем романе.

Был полдень. Друзья стояли в храмовом саду.

Перед ними лежала великая природа, с ее красотой красок и богатством затейливых превращений. Для них было обычным любоваться горами, но сегодня они казались особенно великолепными – высокими и красивыми. Возможно, это было из-за облаков. Возможно, из-за свежести воздуха и воздействия солнечных лучей. На синеве неба, какая бывает близко к началу лета, облака, клубящиеся над горами, принимали самые разные очертания – то были как дым, то как загадочные существа, то как одинокие острова в море, они проплывали, колыхаясь, в них блистали солнечные лучи, и все вокруг наполняла непередаваемая свежесть.

«Как велика природа!» – вскричал К, не в силах сдержать эмоции. Облака беспрерывно изменялись, лучи беспрерывно вибрировали. «Человек не может создать ничего подобного природным явлениям. По сравнению с природой, человек жалок. Достоин сожаления».

«Именно».

«Что это? Вон то облако? Те лучи? Это же гора N. А это разве не подножье горы O?»

К смотрел не отрываясь, в этот момент ему показалось, что он должен во что бы то ни стало увидеть ту красоту природы, которая запрятана где-то в самой глубине: «Ну же? Неужели не пойдём? Завтра же!»

«Ну-у...»

«Разве ты не можешь работать над романом, когда вернемся? Пойдем!»

«Хорошо бы пойти...»

«Не говори, что хорошо бы пойти, а пойдём. Если будем мешкать, наши мизерные сэкономленные деньги закончатся. Всё, идем!»

«Идти? Вообще-то...»

«Я решил. Завтра отправляемся!»

Т согласился. Так они оказались лицом к лицу с великой, прекрасной природой.

Поскольку друзья отправлялись в путешествие, старый монах собственноручно приготовил для них рисовых колобков, которые завернул в бамбуковые листья. Сняв со стены тыкву-горлянку, ту тыкву-горлянку, которой гордился, поскольку купил ее на ночном рынке в Киото, когда ездил на экскурсию в район Камигата, он взял чашечку с носиком. К спросил, что он делает. «Когда идешь в горы, обязательно нужно с собой взять... Совсем другое удовольствие... Точно вам говорю... Это не помешает идти. Того сакэ, что вы мне из Токио привезли, еще уйма осталось... Так что берите». Монах настоял, чтобы они взяли тыкву-горлянку с сакэ, чашечку завернул в лист бумаги.

В соломенных сандалиях, гетрах, со свисающей с плеча тыквой-горлянкой, К стоял у выхода и ждал, пока Т закончит приготовления. К нему вышли старый монах и старуха кухарка.

«В этаким виде, я выгляжу как выпивоха», – сказал К.

«Ну... Что за ерунда... И не так уж тяжело. Только если без этого, совсем не то удовольствие», – посмеивался старый монах.

Сакэ в тыкве-горлянке легонько побулькивало на ходу. Бодрое радостное настроение захватило двух молодых друзей. От их темных мыслей, когда К глубокой ночью впивался глазами в свой короткий меч, решая жить или умереть, а Т, не в силах выносить мрачного физического и духовного напряжения, временами желал совершить самоубийство, сейчас и следа в их головах не осталось. Они шагали, оживленные, как птицы или звери.

В первый раз они откупорили тыкву-горлянку, которую дал им монах, на камне на берегу у водопада W [Урами-но такэ], тенистом, но куда все же проникал яркий солнечный свет. К достал из узелка чашечку для сакэ, с шуршанием развернул бумагу, в которую она была завернута, и протянул ее Т. «Странно, да?» – К налил сакэ из горлянки. Однако выпили они всего по паре чарок. На берегах водопада красным, белым, желтым в обилии цвели азалии, дикие розы, астры.

Места, где они проходили, ошеломляли их величием природы. Около полудня от чайной N [Нака-но тяя] они поднялись по крутому склону F [Фудодзака], и вышли наверх на широкое плато O [Одайра].

Березы и буки вокруг заставили К вспомнить о Хоккайдо, о природе, об О-Нобу-сан. Когда им открылся суровый величественный вид знаменитого водопада К [Кэгон], лицо К побледнело, он выглядел возбужденным. В то время даже на самом верху водопада не было ограждения, а молодые люди еще не приохотились разбивать здесь свои загадочные сердца, бросаясь в пучины водопада. К, захваченный величественным зрелищем, позвал Т: «Давай пойдем к гребню водопада». Он тут же стал спускаться, раздвигая заросли мелкого бамбука. Т последовал за ним.

«Нормально, можно пройти», – шедший впереди К продвигался, цепляясь за ветки и хватаясь за острые камни. Вскоре друзья добрались до гребня водопада. Оказалось, что между скалами есть тесная ровная площадка примерно в 6 дзё¹⁷, ее невозможно было увидеть оттуда, откуда они смотрели на этот берег, с нее можно было наблюдать, как, поднимая брызги, обрушивается вниз величественный водопад. Они смотрели: «Потрясающе! Если прыгнуть вниз, вдребезги разобьешься».

«Неплохо придумано! Если захочется умереть – тут самое место», – сказал К. Молодых людей захватила мистическая сила, свойственная водопадам.

Тут друзья снова взялись за тыкву-горлянку. Достали рисовые колобки. Налили сакэ из горлянки в чарку. К счастью, проблема смерти больше не поднималась. К вытащил из узелка корректуру первого поэтического сборника их кружка. Один из членов кружка очень кстати прислал ее накануне. И К, и Т выпили по две-три чашечки сакэ и немного захмелели, они декламировали свои молодые стихи, помещенные в этот поэтический сборник.

Они уже собирались уходить, когда К сказал: «S [Симадзаки Тосон] из “Бунгакукай” в храме Исиямадэра совершил подношение Шекспиrom, почему бы и нам не поднести эту корректуру богам водопада, чтобы отметить это событие?».

«Будет правильно». Они бросили поэтический сборник в водопад, вскинули вверх руки и прокричали «Бандзай!».

Через час они шли по извилистой дороге, где между деревьями время от времени проглядывало чистое зеркало озерной воды. Их молодым сердцам все вокруг виделось прекрасным и завораживающим.

¹⁷ Дзё = 1,6 м².

Даже мимо дома простого рыбака они не могли пройти просто так. Они тут же вспомнили сцену из произведения, написанного их старшим литературным товарищем О [Мори Огай], дав этому рыбацкому дому название «Дом Ганцеля». Сумасшедший баварский король, красивая молодая девушка, ставшая его жертвой, они не могли не поселить сюда этих людей. «Ну, теперь мы знаем, здесь был дом рыбака Ганцеля», – К махнул рукой в сторону дома.

Они шли нетвердой походкой, глядя под ноги, устремив глаза в одну точку... При таком передвижении в голове К, конечно, снова болью отозвалась рана, нанесенная ему О-Нобу-сан, К погрузился в молчание, и уже не сказал ни слова, пока они шли к водопаду R [Рюдзу-но такэ]. Он шел еле-еле, с опущенной головой. Теперь перед ними было дикое поле.

Купальни в горах открылись всего четыре-пять дней назад. Тут и там в гостиницах еще торопливо убрали срезанный в конце прошлой осени тростник. Они отправились в гостиницу N [Нанкан].

Здесь все еще была зима. Зелени нигде не было видно, роща белых берез издали казалась окруженной белым туманом. Холодный горный воздух пронизывал тело. Все время, пока шли по плоскогорью, К молчал, окутанный воспоминаниями о любви, заговорил только когда пришли к гостинице: «Да здесь зима, выходит, весна пока только у подножья».

В токонома в гостинице в большой вазе стояли красивые азалии. Тронутый их нежным красноватым цветом, К сказал: «Горные цветы неописуемо хороши».

«Здесь пока купальню еще не открыли, простите, немного пройти придется», – служащий гостиницы повел переодевшихся в кимоно на вате друзей в отдельно стоящее строение. В летнее время оно использовалось исключительно иностранцами, там был длинный темный коридор, в комнатах стояли кресла и плетеные стулья. Вокруг царило уединение.

Служащий открыл дверь в купальню в самом дальнем конце здания. Их окутал белый пар.

«Как хорошо! Как хорошо! Настоящий горный горячий источник!» – с этими словами К снял теплое кимоно и, почувствовав холод, бросился в горячую воду.

Их сердца, бывало, то сближались, то отдалялись друг от друга, но здесь они чувствовали совершенную близость. В этот момент Т для

К был, как никто, близким другом, и для Т тоже К был самым ценным и любимым товарищем. Два друга, ведя беседы обо всем, будто братья, терли друг другу спины. Они бесконечно возвращались к разговору о величии природы, который вели по дороге. «Здесь уединенно, такое ощущение, будто вернулся в первобытные времена. Полная тишина. Кроме воды никаких других звуков», – вслушивались они в тишину.

К вытянул ноги, затылок положил на край бассейна, и потихоньку нежился в горячей воде. «Здесь ни о чем не думаешь. Весь свет ничего не значит. Литературный круг – ничего не значит».

Т согласился: «Это правда».

Т первым вылез, надел теплое кимоно, вышел в коридор, и тут он увидел случайно оставленную открытой дверь одной из комнат, где останавливались иностранцы, он без всякой цели зашел туда. Стол, плетеные стулья, цветная гравюра, увидел, что на столе оставлены две-три иностранных книги. По всей вероятности, жившие здесь иностранцы, прочитали их и, уезжая, бросили. Т взял их в руки. Он обнаружил на них имена популярных английских писателей: Anthony Hope, Zangwell, William Black.

Ему показалось, что К вышел из купальни и он позвал его: «Я здесь!». К вошел, он выглядел довольным, с зарумянившимися щеками: «Комната иностранцев. Так вот как они живут... – он огляделся. – Это что? Книжки, которые они оставили?»

«Они все только такое и читают. Вообще-то везде много читателей легкой литературы».

К открыл книгу: «Это что, детектив?»

«Anthony Hope вообще-то вполне хорош, но современная английская литература – ерунда. Потому что она не связана с большими, глубокими течениями литературы на континенте».

«Но все же они доехали до самых этих гор. И здесь думали о своем доме, семьях, это что-то да значит. Это как если бы мы отправились в горы Швейцарии, – сказал К и быстро добавил, – слушай, Т-кун, а что если и вправду поехать?».

«Я хотел бы».

«Поехать и встретиться с Доде, Золя, Толстым. Нет, Доде, кажется, умер? Если бы был жив Тургенев, я бы за любые деньги поехал».

«Мне бы в любом случае хотелось поехать».

«И встретить такую девушку как Ирина или Марианна. В Германии, например, девушке не так просто выйти замуж, по экономичес-

ким причинам, поэтому, когда приезжает японец, похоже, это удобный случай для влюбленности. Но для того, кто поехал учиться, помолвка с немецкой девушкой может вызвать сложности, разве не так?»

Они переходили из одной пустой – Ruined – комнаты в другую. В одной комнате стояло большое зеркало, в нем отразились покрасневшее лицо К и квадратное, с густой небритостью, лицо Т. В другой комнате лежал регистрационный гостиничный журнал с иностранными именами. Т полистал его: «Тут много американцев и англичан. Потом немцы. Но ни один русский или француз сюда не приезжал», – с грустью сказал он.

На улице сгустился туман. И когда только он успел всё окутать, недоумевали они. «Этот пейзаж выглядит очень русским», – с этими словами они вернулись в свою комнату на втором этаже.

После того, как они выпили немного сакэ, друзья стали спорить. В какой-то момент их голоса зазвучали очень громко.

«Знаешь, хватит спорить, я пойду еще раз в купальню», – К вышел. Т остался и ему стало одиноко, он залез в постель.

Ему показалось, что в соседней комнате что-то читает молодая женщина. Но Т устал и тут же крепко уснул.

Когда они встали на следующее утро, Т сказал, указывая подбородком: «Ты знаешь про соседей? Там девушка, вчера вечером допоздна она что-то читала. Упомянула Коё и Рохан. Ничего хорошего, если наш вчерашний спор был слышен».

«А она с кем?»

«Успокойся, похоже, с матерью. Наверное, они приехали, чтобы мать лечилась на горячих источниках. По голосу девушке где-то двадцать с небольшим».

«Ну...»

«Думаю, это было что-то Коё. Во всяком случае, она читала допоздна».

Теперь Т обращал внимание на соседнюю комнату, но в итоге увидеть девушку ему так и не удалось. Этим утром тоже упал небольшой туман, вокруг было тихо. Озеро У [Юноко] отливало холодной ржавой синевой.

«Напоследок еще разок схожу, – с этими словами К, взяв полотенце, вышел. Когда вернулся тут же сказал: – Слушай, она была, пришла. Девушка-соседка... Я ее отлично рассмотрел». К рассказал, что эта белокожая девушка, ёжась, вошла с матерью в купальню вслед за ним и все время разговаривала с матерью.

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 339–375
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 339–375
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-339-375

Татихара Митидзо: поэтика «чистого лиризма» (вступительная статья и переводы)

А. А. Ясинский

Аннотация

Татихара Митидзо: (1914–1939) обновил поэтический язык 1930-х гг., изобрел жанр «псевдо-сонета», что окажется самой убедительной попыткой адаптировать европейский сонет для японской поэзии. Татихара увлекался немецким романтизмом, в частности, Ф. Гёльдерлином; в традиционных японских поэтических жанрах не работал, но изучал антологию «*Синкокин-сю:*», которая оказала существенное влияние на стилистику его текстов.

Стихи Татихара словно бы оторваны от повседневности: с началом второй Японо-китайской войны (1937–1945) и нарастанием милитаризации общества тематика его поэзии не меняется. Однако изучение его творчества показывает, что изменения в обществе волновали и Татихара – болезненного юношу, не подлежащего призыву в армию. Стихи его однообразны: это пейзажные зарисовки или любовная лирика, выбор лексики и тем от сборника к сборнику варьируется незначительно. Установка поэзии Татихара – не на новизну, но полноту раскрытия чувства и сюжета.

Отдельная область его творчества – архитектура: он закончил архитектурное отделение Токийского императорского университета, успел проработать два года по профессии. В статье проанализированы основные мотивы его творчества, их стилистические и идеологические истоки. В приложении дан перевод основных поэтических сборников, вышедших в свет еще при его жизни.

Ключевые слова: Татихара Митидзо, журнал «Четыре сезона», японский романтизм, японский сонет.

Автор: Ясинский Андрей Анатольевич, студент 4 курса бакалаврской программы «Язык и литература Японии» Института классического Востока

и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: 105066, Старая Басманная ул., 21/4.

E-mail: ghotwht@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Tachihara Michizō: Poetics of “Pure Lyricism” (Introduction and Translation of Poems)

A. A. Yasinskiy

Abstract

Tachihara Michizō (1914–1939) succeeded in refashioning the poetic language of the 1930s, inventing the genre of the “pseudo-sonnet,” which would prove to be the most convincing attempt to adapt the European sonnet to Japanese poetry. Tachihara was fascinated by German romanticism, in particular Friedrich Hölderlin, but he cannot be called a westernizer. Tachihara did not work in traditional Japanese poetic genres, but studied the anthology *Shinkokinshū*, which had a major influence on his stylistics.

Tachihara’s poems seem to be detached from everyday life: with the outbreak of the Second Sino-Japanese War (1937–1945) and the subsequent militarization of society, the themes of his poetry did not change. A close examination of his work reveals that the changes in society were also a concern to Tachihara, a sickly young man who was not subject to conscription. His poems are monotonous: they are either landscape sketches or love poems, the choice of vocabulary or themes varies little from collection to collection. His poetry’s attitude is not one of novelty, but of full disclosure of feeling/emotion/plot.

A separate field of his work is architecture. He graduated from the Department of Architecture at Tokyo Imperial University, then he worked for two years as an architect. This article analyses the main motifs of his work, their stylistic and ideological origins. A translation of his major poetry collections, published during Tachihara’s lifetime, is annexed.

Keywords: Tachihara Michizō, *Shiki* journal, Japanese Romanticism, Japanese sonnet.

Author: *Yasinskiy Andrei Anatolievich*, fifth-year student of the bachelor's program "Japanese Language and Literature" at the National Research University Higher School of Economics: 21/4, Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russian Federation, 105066.

E-mail: ghotwht@gmail.com.

Conflict of interest

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Татихара Митидзо: 立原道造 (1914–1939) – поэт-романтик, создатель жанра «псевдо-сонета», писавший стихи на разговорном языке и оказавший значительное влияние на поэтов конца 1940-х гг., для тех, чья юность прошла под трескучие фразы о величии Японской империи [Tachihara 2001, p. 132–133]. Имя его было забыто до 1980-х гг., когда появляются научные работы о нем и множество переизданий его текстов. Ныне некоторые из его стихотворений включены в японскую школьную программу (например, «К тому, что было впервые...»).

К семье Татихара принадлежали Татихара Суйкэн 立原翠軒 (1744–1823), ученый-конфуцианец из княжества Мито, работавший над «*Дай Нихон-си*»¹, и Татихара Кё:сё: 立原杏所 (1785–1839), старший сын Суйкэн, писавший картины в стиле *нанга* («южной живописи»). Родители поэта были небогаты, первые стихи он пишет в четырнадцать лет под влиянием Китахара Хакусю: 北原白秋 (1885–1942), поэта-символиста, с которым познакомится лично спустя год. Тогда же он увлекается живописью, что повлияет на выбор профессии: в будущем он станет архитектором. С семнадцати лет Татихара начинает входить в литературные круги Токио, знакомится с Маэда Югурэ 前田夕暮 (1883–1967), редактором популярного журнала «*Поэзия*» (詩歌, «*Сика*»), приступает к изучению немецкого языка, на котором позже будет читать немецких романтиков. В частности, его увлекает «*Иммензее*», ранняя «новелла настроения» Теодора Шторма (1817–1888), в 1936 г. Татихара переведет том его рассказов на японский язык. В 1932 г. он знакомится с Хори Тацуо 堀辰雄 (1904–1953), про-

---

¹ «Историей великой Японии», историческим трактатом нативистской школы Мито, посвященным истории Японии от мифологического императора Дзимму до сотого императора Го-Комацу (1382–1412).

заиком и переводчиком французской поэзии (Гийома Аполлинера, Жана Кокто, Поля Валери); Хори и Татихара станут ближайшими друзьями². В следующие два года Татихара сам разыскивает адреса известных ему поэтов и приходит к ним домой. Так в 1933 г. он познакомился с Муру Сайсэй 室生犀星 (1889–1962)³, поэтом-сенсуалистом, который задумывал тогда журнал «*Четыре сезона*» (四季 «*Сики*»)⁴. Вместе с Сайсэй его создателями стали Миёси Тацудзи 三好達治 (1900–1964)⁵, Хори Тацуо (будущий главный редактор), Маруяма Каору 丸山 (1899–1974)⁶ и Цумура Нобуо 津村信夫 (1909–1944)⁷. Татихара Митидзо вошел шестым в круг основателей журнала.

В 1934 г. Татихара поступил на архитектурное отделение Токийского императорского университета. В годы учебы он за свои проекты три года подряд получал архитектурную премию Тацуно Кинго 辰野金吾 (1854–1919)⁸. Он писал для «*Четырех сезонов*» и приобрел популярность в поэтической среде. В 1935 г. Татихара изобрел форму «псевдо-сонета», в ней написана большая часть его известных стихов. Следующие три года считаются периодом расцвета его творчества. Выходят сборники «*Деревенская жизнь*» (1935 г.), «*Позабудь-трава*»

---

² В рассказе Хори «*Идзуки Акира*» (1941 г.) прототипом главного героя стал Татихара Митидзо.

³ Муру известен как биограф поэтов довоенной поры (эссе «*Биографии моих любимых поэтов*», 1958 г.). В 1930-е гг. его кружок модернистской поэзии посещал и Татихара. С 1933 г. Муру лично обучал Татихара стихосложению, причем роль наставника играл не впервые: тем же он занимался в 1920-е гг. при журнале «*Ослик*».

⁴ Журнал станет самым долговечным из поэтических журналов довоенной поры, первый номер вышел в 1933 г., последний – в 1987 г. «*Сики*» выступал оплотом «чистого искусства», отстранялся от милитаристской пропаганды, собственной эстетической программы не предлагал: под одной обложкой печатались поэты самых разных художественных направлений. Журнал был устроен как «произвольные тетради», (термин П. Валери) по образцу французского журнала «*Commerce*» которого ориентировались его составители. Структура номера была свободной. Главным редактором выступал Хори Тацуо.

⁵ Миёси, критик и поэт, известен сборником ритмизованных четверостиший «*Окно на юг*» (1932 г.), написанных в слоговом размере 7-5. До сих пор нередки ссылки на его «*Лекции по современной поэзии*» 1949 г., где отмечается: вопрос разнообразия должен быть второстепенным для поэта, определяющей является та свобода, с какой он описывает свои чувства в стихах.

⁶ Поэт, известный пейзажными стихами, пронизанными тоской по морю.

⁷ Известен сборниками «*Любимый псалом*» (1935 г.), «*Сад, в котором сидит отец*» (1942 г.).

⁸ При жизни ни один из архитектурных проектов Татихара не был воплощен, посмертно – всего один: «*Дом гиацинтов*» ヒアシンズハウス 1937 г. был построен на средства жителей префектуры Сайтама в 2004 г.

и «*Стихи рассвета и заката*» (1937 г.), «*К ветру*» и «*Песни любви*» (1938 г.). В 1938 г. Татихара окончил университет и по протекции университетского преподавателя устроился на работу в архитектурное бюро на Гиндза. Вскоре появятся первые признаки туберкулеза, из-за которого в марте 1939 г. его не станет.

Японский сонет

В эпоху Мэйдзи японские поэты, познакомившись с европейской поэзией, искали поэтические формы, наиболее созвучные современности, что на практике означало либо обращение к европейским поэтическим жанрам и их переосмысление, либо пересмотр жанров классических. Формируются два течения: приверженцы «стихов новой формы», *синтайси*, работавшие с европейскими жанрами, и «традиционалисты», к которым относится Масаока Сики 正岡子規 (1867–1902), реформатор традиционной поэтики *танка*.

Форма сонета трудна для воспроизведения на японском языке, в первую очередь из-за рифмы. В европейском сонете рифма играет структурообразующую роль: так, в «итальянском» сонете в двух начальных четверостишиях (катренах) берется один набор рифм, далее следует сюжетно-эмоциональный перелом, «поворот» (ит. *volta*), и в двух заключительных трехстишиях (терцетах) набор рифм уже другой, что подчеркивает смену темы и настроения. Английский сонет устроен иначе: три четверостишия и заключительное двустишие, но, например, в 12-м сонете Шекспира перелом приходится на девятую строку, что сохранено и в русском переводе С. Я. Маршака («*Когда часы мне говорят, что свет...*»). Не пытаясь соблюдать рифму, японские авторы не придерживались и принципа перелома, превращая сонет в развернутое повествование. Делались попытки ввести рифму или (более успешные) создать особый музыкальный ритм стиха путем чередования фиксированного набора гласных или коротких и длинных строк (чаще всего традиционных строк из семи и пяти слогов); японские авторы осваивали чуждый им жанр, используя доступные им стихотворные средства.

До Татихара мы знаем не так много поэтов, которые серьезно разрабатывали форму сонета. Отдельные сонеты мы можем встретить, например, у Накахара Тю:я 中原中也 (1907–1937), писавшего в основном в традиционной японской метрике (пример – «*Возвращение*», 1927 г.). Сусукида Кю:кин 薄田泣菫 (1877–1945) был первым,

кто представил жанр сонета на японском языке, опираясь на английских поэтов (в особенности – Джона Китса). Из-под его пера выходили и «английские», и «итальянские» сонеты. Считается, что Сусукида пользовался не-мужской рифмой (в частности, дактилической), «обрубая» строку в нужном месте, чтобы добиться созвучия со следующей строкой [Takahashi 1991]. Кю:кин выбрал именно «английский» сонет, ибо тот напоминал ему китайскую поэтическую форму *цзюэцзюй* 絶句, яп. *дзэку*, где четыре рифмованные строки по семь или четыре иероглифа образовывали схему «вступление – развитие – поворот – итог». По этой схеме он и старался писать свои сонеты. Камбара Ариакэ 蒲原有明 (1876–1952) поначалу писал баллады чередующимися строками по семь и пять слогов, а позже под влиянием Стефана Малларме и Данте Габриэля Россетти стал писать нерифмованные «итальянские» сонеты.

Поэты эпохи Мэйдзи учились сонетной форме преимущественно у английских авторов [Gallimore 2001]. Татихара Митидзо познакомился с сонетом иначе: через сочинения Райнера Марии Рильке и Поля Валери. Татихара разработал форму японского стиха, которую сам называл «сонетом» или «сонатиной». Такие стихотворения похожи на европейский сонет лишь графически: 14 строк, делящихся на два катрена и два терцета (4-4-3-3). К этой форме Татихара пришел в 1935 г., до этого писал в разных формах. Большая часть его ранних стихов состоит из четырех строк, в чем усматривается влияние Миёси Тацудзи и французского поэта-символиста Франсиса Жамма⁹, хотя есть и другие случаи: в его собрании сочинений мы можем встретить и одно-, и двух-, и десятистрочные стихи; в сборнике «*Воскресенье*» 1933 г. есть стихи, напоминающие пятистрочные *танка*, но без четкого слогового деления 5-7-5-7-7. Прямо перед появлением стихов в 14 строк Татихара во множестве писал стихи в 10 и 12 строк, подыскивая приемлемую для себя форму. Позже Татихара продолжит экспериментировать с 14-строчной формой: появятся стихотворения, напоминающие английский сонет (4-4-4-2) и не имеющие аналогов в европейской поэзии (4-4-2-2-2 – «*В лесу опавших листьев*»; 2-3-3-3-3 – «*Песня ласточки*»; 4-3-4-3 – «*Избранные места*») [Imanishi 1979].

---

⁹ Сборник стихов Жамма Татихара подарит Накамура Синъитиро 中村真一郎 (1918–1999), признанному послевоенному литератору, считавшему себя учеником Татихара, когда тот поступил в первую старшую школу.

Выбор европейского сонета для Татихара был обусловлен не только его знакомством с европейской поэзией, но и тем, что традиционные японские формы не могли дать ему того простора в строке, в котором его стихи определенно нуждались. Татихара писал «стихотворную прозу», что порождало особый ритм текста и определяло его интонационную структуру. Поэт сам подчеркивает музыкальность своих стихов, называя некоторые из них «сонатинами». Нередко стихи Татихара строятся по схеме «статика – действие – статика – действие». Так, в стихотворении «*С радугой и возлюбленной*» описания природы в первой строфе сменяются взглядом возлюбленной во второй, в третьей строфе – снова описания природы, четвертая строфа – кульминация: любви не стало. Однако это деление, как и общая повествовательная структура, зачастую не совпадает с делением на строфы, как в стихотворении «*К поздним мыслям моим*»: второе четверостишие начинается с продолжения описаний природы, начатых в первом четверостишии, и только во второй строке появляется лирическое «Я». Появляется там и мотив песни, противопоставленный снам, берущим верх над слабым голосом этого «Я», вокруг чего и выстроено стихотворение [Takagi 2012, p. 17–21]. Поэтому не стоит ожидать от стихотворений Татихара характерного для европейского сонета «поворота» – место перелома варьируется от стихотворения к стихотворению, или перелома нет вовсе. Соответственно, схема «вступление – развитие – поворот – итог» также не применима к стихам Татихара.

Татихара работает не только со звучанием стиха, но и с его графикой: строки зачастую разбиты на части пробелами, которые маркируют для читателя небольшие паузы. При несоразмерности строк эти паузы задают ритм. Вот начало стихотворения «*К тому, что было впервые...*». Пропуски здесь делят строки в отношении: 2-3-2-3:

ささやかな地異は__そのかたみに
 灰を降らした__この村に__ひとしきり
 灰はかなしい追憶のやうに__音立てて
 樹木の梢に__家々の屋根に__降りしきつた

Сасаяка-на тии-ва ___соно катами-ни
Хаи-о фурасита ___коно мура-ни ___хитосикири
Хаи-ва канасии цуиоку-но ё:-ни ___отодатэтэ
Дзю:моку-но кодзүэ-ни ___изиэ-но янэ-ни ___фурисикитта

Хлопьями редкими __ на память об этом
Пепел прольется __ над этой __ деревней.
И с шелестом грустным, __ точно отзвуки прошлого,
Он ляжет __ на кроны деревьев, __ на крыши домов

В адаптации жанра сонета к японскому языку Татихара продвинулся дальше своих предшественников: успешной ему казалась модель чередования определенных интонационных групп, но не прямого подражания европейцам; другие поэты пытались ввести рифму в японский текст или чередовать фиксированное количество слогов в строке, что на деле не приближало японский сонет к силлабо-тонической системе европейского сонета.

Татихара, романтизм и Гёльдерлин

Поэтика Татихара и Фридриха Гёльдерлина (1770–1843) обнаруживает множество общих черт.

В ноябре 1933 г. в журнале *«Когито»*¹⁰ выходит критическая статья Ясуда Ёдзиро: *«Чистый поэт – заметки о Гёльдерлине»*. В журнале также публиковались переводы его стихов. Татихара знакомится с этим журналом в 1935 г. и посылает туда свой новый цикл *«К ветру»*, созданный под впечатлением от стихотворений Гёльдерлина, где нередка тема ветра (Зефира, Эфира).

В 1936 г. Хори Тацуо закончил первую часть будущего романа *«Ветер поднялся»* (風立ちぬ, *«Кадзэ-татину»*). В отзыве на этот роман, написанном для журнала *«Четыре сезона»*, Татихара процитирует тексты Гёте, Верлена и *«Гиперион»* Гёльдерлина. Прочитать его он мог в переводе Ватанабэ Какудзи (1902–1981), вышедшем в том же году. Позже, в 1938 г., Татихара напишет одноименное эссе, в котором будет много цитировать статью Мартина Хайдеггера *«Гёльдерлин и сущность поэзии»* (1936 г.). Что же касается наработок распавшейся к тому моменту *«Школы японского романтизма»* (日本浪漫派, *Нихон ро:манха*), в частности, работ Икута Сюнэцу 生田春月 (1892–1930) о Гёльдерлине, то они не оказались востребованы Татихара.

---

¹⁰ Журнал основан в 1932 г. Танака Кокки и Ясуда Ёдзиро. С небольшими перерывами выходил вплоть до 1944 г., объединял вокруг себя поначалу писателей-неоромантиков, позже – писателей-националистов. С начала Тихоокеанской войны страницы журнала были полны текстами в поддержку Великой Японии и оправдании ее действий на материке и на море.

Гёльдерлин был знатоком античности, занимался переводами античных авторов. Для Татихара античность была только частью европейской культуры; в 1935 г., начав знакомиться с творчеством Гёльдерлина, он принимается за изучение античной мифологии. При этом мир Гёльдерлина – это пейзажи его родной Швабии, а у Татихара – деревушка Оивакэ. Думается, именно под влиянием Гёльдерлина Татихара отказывается писать о современном ему городе и делает именно природу основной темой большинства стихотворений.

Гёльдерлин часто использует в стихах имена собственные, ибо они сами по себе амбивалентны: одновременно предельно конкретны и предельно размыты. Называя вещь «по имени», мы, с одной стороны, указываем конкретно на нее, а не на какую-либо другую, с другой, называя лишь имя, мы не даем никакой характеристики образу, не сообщаем, «какая» это вещь. В стихах Татихара мы часто встречаем списки вещей, в особенности это касается цветов. Сравнения Гёльдерлина сопоставляют вещи непохожие, словно бы по касательной. У Татихара сравнения более вещественны и конкретны. Исследователи отмечают трудный синтаксис Гёльдерлина: обильны синтаксические разрывы внутри строки, анжамбеманы резко обрывают фразы [Берковский 2021, с. 317–318]. То же свойственно и для стиля Татихара.

Усвоив романтический дискурс европейской поэзии, Татихара обильно пользовался его словарем. Одно из самых частотных слов в его стихах – «ветер». У Гёльдерлина воздушная стихия предстает в двух ипостасях: либо как «Отец Эфир», мужское зачинающее начало (в оде «*К Эфиру*»), либо как пространство – разума, воли, действия и всего действительного [Вольский 2016], образ, восходящий к античности. В цикле «*К ветру*» Татихара «ветер» – активное начало, взаимодействующее с поэтом. Однако если у Гёльдерлина Эфир самодостаточен, как античный бог, то Татихара, обращаясь с речью к ветру, сам наделяет его теми или иными характеристиками, любое действие или качество ветра определено восприятием поэта. В поэтике Татихара восприятие вообще будет определять устройство его поэтического мира – он писал, что «стихи делаются из ничего» [Tachihara 2001, p. 215–216], для поэзии нужен не опыт, но слова. Хори Тацуо в одной из статей цитировал Хайдеггера: «Поэзия есть установление бытия посредством слова». Эта идея оказалась близка и Татихара [Ibid., p. 234].

Пример с Гёльдерлином показывает тесную связь творчества Татихара с европейским романтизмом. Можно обнаружить и другие тому свидетельства.

Любовная лирика Татихара пронизана романтическими представлениями о любви как о муке или горечи. Поэт скорее пишет не столько о возлюбленной или о самой любви, сколько о себе самом. Любовные стихи Татихара преимущественно посвящены расставанию с любимой, ее мнимому несовершенству или даже смерти. Текст *«На чудесном берегу»* (不思議な川辺で, «Фусиги-на кавабэ-дэ», 1937 г.) начинается так: «Я верю в твою смерть. Никто не сказал мне об этом, да и я не сидел у смертного одра, тем не менее, я верю – в твою одинокую, тихую смерть». Известно, что этот текст был написан после скандала 1936 г.: Татихара не мог выбрать между двумя любившими его девушками, и в итоге обе порвали с ним. Пафос расставания возвышается до горечи, какую испытывает человек, услышав известия о смерти близкого человека. Романтик бежит от настоящей жизни в текст, где, достигая экзальтации, переживает сочиненные эмоции, что иногда приводит к появлению «хороших» литературных текстов (в это же время Татихара напишет *«К тому, что было впервые...»*).

В 1936 г. Татихара закончит выпускную работу *«Методология»* (方法論, «Хо:хо:рон»), в которой опишет общий принцип функционирования архитектуры и ее предназначение в жизни человека. Это сложный текст со множеством цитат из трудов европейских и японских философов рубежа XIX–XX вв. Исследователи нередко рассматривают его как манифестацию литературных взглядов Татихара, словно бы отказывая поэту в возможности рассуждать об архитектуре [Nagihashi 2018]. Татихара провозглашает срединное положение человека между природным и искусственным, жизнью и смертью, греческим архитектурным стилем и готическим [Emoto 2015]. С одной стороны, это указывает на его приверженность идеям европейского романтизма (природа выступает учителем для творца, при этом человек и его творение конечны, а потому руины являются идеальным воплощением человеческой природы); с другой – на способность не привязываться к конкретным идеям и не занимать чьей-либо стороны. Последнее, как мне кажется, помогло Татихара в век милитаризма сохранить рассудок и наивность поэтического/романтического взгляда.

В стихах Татихара лирический герой (человек, животное, растение) часто поет «песни» (歌, *ута*). Для романтиков песенное начало –

это начало национальное, народное, свободное от налета цивилизации, поэтому песни являются одним из самых значимых жанров для романтизма [Берковский 2021]. Более того, музыка позволяет поэту выразить гораздо большее, чем язык, конечный и потому неспособный вместить бесконечные идеи, которыми оперирует романтический поэт. Из-за этого он прибегает либо к иронии, задающей дистанцию между говорящим и произносимым, либо к музыке, которая воздействует на чувства слушателя, вызывая к иррациональному, непостижимому для ума. Мотив поющей «природы» отвечает романтическим представлениям о том, что в ней уже существует готовое произведение, которое творец должен лишь извлечь.

Следует сказать, что Татихара не был «романтиком» в европейском понимании. Романтические идеи он усваивал непоследовательно, многие проблемы, актуальные для немецкого романтизма, были ему чужды. Романтизм для Татихара (как, смею предположить, и любое европейское литературное течение для довоенных японских авторов) в первую очередь – это литературный стиль, совокупность представлений о том, как и о чем нужно писать. Некоторые оппозиции и идеи романтиков (например, антагонизм человека и природы) Татихара усвоил вместе с языком романтизма. При этом куда важнее для него поиски той формы, с помощью которой он мог бы реализовать свое творческое начало, рефлексировать над прожитым опытом; для этих целей юного поэта романтизм оказался наиболее подходящим.

Татихара и «Синкокинсю:»

Татихара обращается к антологии «Синкокинсю:» в годы возросшего интереса к этому памятнику. В конце 1920-х гг. издательство «Иванами» подготовило как издание самой антологии, так и собрания отдельных поэтов, связанных с нею, в первую очередь, Фудзивара-но Тэйка (1162–1241). Уже в середине 1930-х гг. появляется ряд научных работ, посвященных антологии. Тогда же «Синкокинсю:» начинают интересоваться и литераторы, находя в ней новый источник вдохновения.

Со времен старшей школы Татихара был знаком с Мацунага Сигэо (годы жизни неизвестны), начинающим исследователем японской литературы в университете Кокугакуин. В его кружке «Юэмикокай» Татихара получил опыт перевода стихотворений «Синкокинсю:»

на современный ему японский язык, имел возможность изучить творчество Фудзивара-но Тэйка. Мацунага издал сборник статей, посвященный «Синкокинсю:», под названием «Поток жизни» (流れるいのち, «Нагарэру иноти»). Вот его основные темы:

1. Несмотря на всю лиричность стихов, идущих якобы от сердца, они – вещь искусственная, чтобы насладиться ими, нужно позволить искусству обмануть себя;

2. Многие современные авторы настолько самобытно используют мотивы из «Синкокинсю:», что, можно сказать, беззастенчиво присваивают их;

3. Ритмический рисунок стихотворений в антологии можно подразделить на пять типов, интонационный рисунок стихотворения и его содержания взаимосвязаны.

В 1936 г. друг Мацунага, Кадзамаки Кэйдзиро: (1902–1960), пишет наиболее авторитетную для того времени книгу об антологии: «Синкокинсю: сущность антологии и вехи времени» («新古今集の特質と時代的傾向»), «Синкокинсю:-но токусицу-то дзидай-тэки кэйко:»). Книга оказала большое влияние на Татихара как на поэта; ее важнейшие идеи таковы:

1. В «Синкокинсю:» по сравнению с предшествующими антологиями значительно увеличивается количество *хонкадори*, прямых поэтических цитирований из стихотворений более ранних авторов; поэты начинают воспринимать эпоху Хэйан как завершившуюся, отчего возникает стремление обратиться к традиционным текстам;

2. Позиция поэта – всегда объективная, отстраненная; автор не становится темой повествования, он всегда скрыт, на первый план выводится то, о чем повествуется;

3. Стихи зачастую оказывают вне-текстовый эффект: с помощью музыкального звучания, предельной иллюстративности изображаемого.

Попробуем соотнести эти идеи с творчеством Татихара Митидзо:

Поэт, обращаясь к собственной традиции, позволяет себе вольно перевести старое стихотворение на современный ему язык. Прошлое национальной культуры представляется «золотым веком», имеет для романтического сознания самодостаточную ценность. Более того, осовремененный сюжет автоматически становится сюжетом новым, не вторичным. Такое поэтическое цитирование Татихара называл «Nachdichtung» (нем. «Свободный перевод»).

Пример «свободного перевода» можно обнаружить в стихотворении «*К тому, что было впервые*». В начале четвертой строфы Татихара близко к тексту цитирует одно из стихотворений Фудзивара-но Тэйка:

「いかな日にみねに灰の煙の立ち初めたか」(Татихара)

「いまぞ思ふいかなる月日ふじのねのみねに烟の立ち初めけむ」
(Тэйка)

(Подумать вот так: // Как давно // Над пиком Фудзи // Клубится // Дымок?)

В обоих стихотворениях извержение вулкана символизирует горячую влюбленность, которая со временем сходит на нет: вулкан затухает, и вместо огня на землю сыплется пепел безразличия. Как отмечает А. Н. Мещеряков [Мещеряков 2010, с. 34–44], в классической японской поэзии гора Фудзи на образном уровне связывалась с любовным дискурсом, Татихара же переносит этот образ на доступную ему гору Асама.

Облик лирического героя Татихара растворяется в пейзаже. Поэт намеренно говорит о своих чувствах намеками, прибегает к использованию символов. Пребывая в природном пространстве (自然, *сидзэн*), поэт противопоставляет ему идею «сделанности», «искусственности» (人工, *дзинко*:). Важно отметить: идею «естественности» Татихара черпает из «*Синкокинсю*:», но в дихотомию «человек–природа» встраивает ее только после знакомства с немецким романтизмом.

В семнадцать лет Татихара обращается к лирике Хагивара Сакутаро: 萩原朔太郎 (1886–1942), в частности, к сборникам «*Вою на луну*» и «*Синяя кошка*», в которых были сформулированы основные постулаты школы сенсуализма: стихи должны писаться в свободной форме, слова – быть конкретными, апелляция к символизму недопустима, текст должен воздействовать на читателя сенсуально с помощью музыкального ритма, воссоздаваемого автором [Долин 1984]. Татихара усвоит эти идеи. Биографы часто подчеркивают любовь Татихара к классической музыке, в частности, к сочинениям Клода Дебюсси (1862–1918), в стиле которого тот хотел писать свои стихотворения [Tachihara 2001, p. 225]. Современники называли его первые стихотворные сборники «тоненькими нотными брошюрами» [Ibid., p. 221]. Музыкальность достигается за счет чередования определенного набора гласных звуков в пределах одной строфы. Приведу

транскрипцию первой строфы стихотворения «*К тому, что было впервые*», выделяя повторяющиеся ударные гласные звуки: *сасаяка-на тиш-ва соно катами-ниИ // хаи-о фураситА коно мура-ниИ хитосикириИ // хаи-ва канасиИ цуиоку-но ё:-ниИ отодатэтэ // дзю:моку-но кодзуэ-ниИ из-из-но янэ-ниИ фурусикИтта*. Как видно, чередуются в основном звуки «И» и «А». Такое чередование позволяет воздействовать на читателя сенсуально: из-за свободного обращения с графикой зачастую трудно понять смысл стихотворения, связать между собой его отдельные части, отчего по мере чтения внимание рассеивается, и следишь уже не за движущейся мыслью текста, но его звучанием [Ibid., p. 224].

При этом Татихара разграничивал научное познание и познание поэтическое. В стихотворении «*Сонет*» в эпитаф вынесено стихотворение № 1484 из «*Синкокинсю*:» принцессы Сёкуси: «Кукушка! // Ты, пролетая в небесах, // Тихонько пела на Горе богов, // А я, ночуя возле храма, тебе внимала, // Этой ночи – мне не забыть!». Комментаторы указывают: стихотворение «*Сонет*» стоит воспринимать не как воспоминания о юности, но как любовное стихотворение, в котором лирический герой вспоминает о днях, проведенных с возлюбленной. Существует много примеров старых текстов, где кукушка выступает символом любви. Однако стихотворение Сёкуси в антологии помещено не в раздел «*Любовных песен*», но в раздел «*Разных песен*». Трактовка образа кукушки, возможно, появилась у Татихара вслед за Хагивара Сакутаро:, который написал так о кукушке в своем дневнике. Иными словами, Татихара своевольно проинтерпретировал стихотворение из антологии, игнорируя ее рубрикацию [Tachihara 2001, p. 175–176].

Помимо использования подчеркнуто устаревших слов поэт (намеренно или случайно в процессе работы над сонетной формой) копирует одну из грамматических конструкций, характерных для антологии. Схематически ее можно обозначить так: «Субъект/глагол + наречная группа + субъект/глагол» [Nagihashi 2012, p. 14–25]. Благодаря этой схеме удастся, с одной стороны, создать инверсию, которая позволяет трактовать стихотворение несколькими способами. С другой – связать два сказуемых между собой, показывая, что хотя в тексте они разведены, речь идет об одном и том же образе/сюжете/теме. Этот прием можно встретить и в более ранних антологиях. Вот пример из «*Коккинсю*:», стихотворение Оно-но Комати (825?– 900?):

花の色は//うつりにけりな//いたづらに//我が身よにふる//ながめせし
まに

«Понапрасну ли тускнеет // Алый цвет любви, // Или это только вишня отцвела? // Понапрасну ли гляжу я: // Долгий дождь, или это только годы утекают?».»

Центральная наречная группа «понапрасну ли» (いたづらに) относится сразу к двум глаголам: «тускнеет»/«отцвела» (うつりにけり) и «гляжу» (ながめせし), благодаря чему образ отцветающей сакуры отождествляется образом увядания самой лирической героини. Рассмотрим начало стихотворения Татихары «Осень придет...»:

やがて 秋が 来るだらう // 夕ぐれが親しげに僕らにはなしかけ // 樹木が老いた人たちの身ぶりのやうに // あらはなかげをくらく夜の方に投げ // すべてが不確かにゆらいでゐる

«Когда-нибудь осень придет. // Приветливы с нами сумерки будут, // И деревья, точно старики, отбросят // Тень в ночную тьму. // Все колеблется в сомнении.».

Интерпретировать этот фрагмент можно двояко: либо отнеся вторую, третью и четвертую строки к первой строке, либо к пятой. Что выражают собой описания природы: какой будет осень, когда она придет, или насколько неспокойна природа сейчас, в ожидании осени? Именно знакомство с традиционной японской поэзией позволяло Татихара осуществлять подобные языковые игры строить подобные многомерные конструкции.

Заключение: поэт «чистого лиризма»

Татихара принято воспринимать как поэта, чья жизнь и творчество никак не отзывались на окружавшую его действительность. Многие его стихи посвящены описаниям природы или несчастной любви; может показаться, что и начало второй Японо-китайской войны (1937 г.), совпавшее с расцветом его творчества, и милитаризация общества не нашли отражения в его лирике. Такой образ закрепится за ним уже в год его смерти: сорок седьмой выпуск журнала «*Четыре сезона*» будет посвящен памяти Татихара, и близкие товарищи-поэты

будут называть его «чистым поэтом» (清澄な詩人, сэйтё:на сидзин) [Imanishi 1979]. После Второй мировой войны о Татихара будут звучать похожие оценки. Например, в 1950 г. оформится литературное движение «Третий романтизм». В журнале «Тикю.» Аситани Ютака (1922–2008) опубликует манифест, в котором провозгласит метод своей неоромантической школы: «Что касается творчества, то мы намерены ограничить его объект рамками внутреннего мира человека. Реальность, являющаяся отражением внешнего мира, стала главной темой сегодняшнего дня – и образы, почерпнутые из реальности, пропитывают творческое сознание... Именно эту метафизическую вселенную, соединяющую внешнюю реальность с внутренней, мы называем субъективным лиризмом. В нем можно найти критическую оценку действительности и воплощение чистых эмоций. Опираясь на субъективный лиризм, мы стремимся расширить потенциал неоромантизма. Со времен Татихара Митидзо, великого лирического поэта довоенной поры, субъективный лиризм не содержал элементов критики, направленной на окружающую действительность. Безусловно, это способствовало совершенствованию лирической поэзии. Однако этот вид неоромантизма уже мертв. Наше отрицание поэтических традиций прошлого является ни чем иным, как демонстрацией протеста против нашей собственной эпохи» [Dolin 2015]. В предисловии к «*Полному собранию сочинений Татихара Митидзо*» 1951 г., которое составил Киёси Дзиндзай (1903–1957), эссеист, новеллист и исследователь русской литературы, сказано о «полных любви и изящества сонетах, пронизанных мимолетными мгновениями светлой жизни» [Imanishi 1979].

Приведенные выше утверждения, безусловно, правдивы, однако есть и другая сторона его творчества, которая часто упускается из виду, – это монологичность некоторых его стихов. Татихара подразумевает некоего адресата, к которому направлена его речь, однако этого человека рядом нет, или тот не слышит поэта, а потому поэт разговаривает сам с собой, заговаривает, успокаивает себя. Примером может послужить стихотворение «*Колыбельная*». Девочки, к которым обращается Татихара, уже спят, а потому разговаривает он не с ними, а с самим собой. На мой взгляд, интенция написать это стихотворение заключалась именно в последующем отождествлении себя (автора) с лирическим героем, поющим колыбельную о мире и спокойствии.

Есть и другие, более очевидные примеры стихов, в которых выражено беспокойство Татихара, такие как «*Маленькая баллада*». В лирической идиллии, воссоздаваемой в первых двух строфах, ощущается легкое напряжение – двоих постоянно кто-то подслушивает. В третьей строфе действительность вторгается в построенную идиллию и нарушает ее, одного из персонажей призывают на войну. В четвертой же строфе комната пуста – с фронта так никто и не возвратился. Похожие мотивы можно встретить в стихотворениях «*Некому ветру...*», «*Дождливая ночь в разгар зимы*». Чувство тревоги передано в стихотворении, «*Я возвращаюсь сюда*». Лирический герой не встретил друзей – что же с ними случилось? Почему он ходит по городу с опаской, ощущает истощение тела и ума? Далее он заходит в комнату, в которой ныне все иначе, – внутреннее умиротворение достигается за счет обращения к памяти, то есть описаний, звучавших в первых двух строфах. Так некоторые стихи могут быть прочитаны не только в романтическом или идиллическом ключе, но и с учетом социального и исторического контекста, в котором они были написаны.

В приложении помещены переводы избранных стихотворений Татихара Митидзо, выполненные по изданию: [Tachihara 1952].

Библиографический список

Берковский Н. Я. (2021) *Романтизм в Германии*. Москва: РИПОЛ классик.

Вольский А. Л. (2016) Фридрих Гёльдерлин и творчество европейского мифа. *Вопросы философии*. 6. С. 77–86.

Долин А. А. (1984) *Очерки современной японской поэзии*. Москва: Наука.

Мещеряков А. Н. (2010) *Гора Фудзи. Между землей и небом*. Москва: Наталис.

References

Berkovsky, N. Ya. (2021). *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Moscow: RIPOL klassik. (In Russian).

Dolin, A. A. (1984). *Oчерki sovremennoi yaponskoi poezii* [Essays on Modern Japanese Poetry]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Dolin, A. A. (2015). Modernist Gendaishi Poetry on the Postwar Crossroad. *AIU Global Review*, 7, 59–91.

Emoto, Hiroshi. (2015). The Poetry of Architecture Doomed: Michizō Tachihara's Neo-classicism During the 1930s (Conference Paper). *East Asian Architectural Conference*.

Gallimore, D. (2001). The Sonnet Form in Japan. *Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies*, 1–11.

Imanishi, Kan'ichi. (1979). Tachihara Michizō Jūyongyō shi-no ishu-ni suite [Tachihara Michizō – about varieties of verses in 14 lines]. *Yamanashi eiwa tanki-daigaku kiyō*, 48–67. (In Japanese).

Meshcheryakov, A. N. (2010). *Gora Fudzi. Mezhdū zemlei i nebom* [Mount Fuji. Between Earth and Sky]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Nagihashi, Tadahiro. (2012). Tachihara Michizō tōgohō no tokushitsu-to Shinkokinwaka [Tachihara Michizo: Syntax Features and Shinkokinshū]. *Nihon Bungaku*, 2, 14–25. (In Japanese).

Nagihashi, Tadahiro. (2018). Tachihara Michizō Hōhōron ni okeru sonzai-e-no toi [Methodology of Tachihara Michizo: Questioning Existence]. *Nihon Kindai Bungaku*, 98, 242–250. (In Japanese).

Tachihara, Michizō. (1952) *Shishū* [Collected Poems]. Tokyo: Kadokawa. (In Japanese).

Tachihara, Michizō. (2001). *Tachihara Michizō*. Tokyo: Shibundo. (In Japanese).

Takagi, Yutaka. (2012). *Shi-no tekusuto to koe* [Verses and Voice]. Tokyo: Koshishoin. (In Japanese).

Takahashi, Kimio. (1991). Sonnets in Japan. *Comparative Literature Studies*, 28 (3), 296–309.

Volsky, A. L. (2016). Fridrikh Gel'derlin i tvorchestvo evropeiskogo mifa [Friedrich Hölderlin and the Work of the European Myth]. *Voprosy filosofii*, 6, 77–86. (In Russian).

Приложение

Сборник «Позабудь-трава» (1937 г.)

Сонатина 1:

К тому, что было впервые...

Хлопьями редкими на память об этом
Пепел прольется над этой деревней.
И с шелестом грустным, точно отзвуки прошлого,
Он ляжет на кроны деревьев, на крыши домов.

Вечером тем месяц был ярким. Я беседовал с милой,
Прислонившись к окну (из которого виднелись очертания горы).
В закоулках комнаты, как в ущелье глухом,
Разливался лунный свет, громкий смех звенел.

Как мне понять тебя? Что сердце скрывает твое?
То руку протянешь – вот схватишь, то вдруг уберешь –
А что же делать мне, мотыльку?

Но как давно клубится над вершиной дым?
Давно ли я люблю... И сколько же ночей легенду про Элизабет ткали,
Что снится мне уже не в первый раз?

И снова вечером одним...

Как знать, мы застынем в тумане,
Плывущем в открытом море из гор.
Стрелою пущенной лунный лик промелькнет,
Туман нас, точно пепла завеса, как знать, сбережет.

Как знать, наши пути разойдутся. Об этом
Не знали и знать не могли – как в небе облако встретить.
Как знать, мы позабудем все, как воды грунтовые,
Сокрытые толщей земли.

Как знать, серебром наш будет устлан путь.
И тут уж каждый сам... (Вспомнил ли, одинокий,
Почему кого-то в сумерках ждешь?)

Как знать, не увидимся снова. И только в отсвете луны
Отразится старинная ночь –
Тогда, как знать, повторится все снова.

Вечернее запоздалое солнце

Большой-большой кружок уж подготовился к облету,
Да не замечен он никем. Ни небом,
Ни облаками, ни увядающими цветами.
И сердце очарованное не пригласил никто.

Хоть в тусклых сумерках утопло тело,
Не скажет птица, певшая весь день,
Что в этом есть приятного толика.
Ей б только щебетать о сказочке далекой.

Не научившись ничему на том пути,
На кой вступили слепо,
Мы топчемся на месте.

Куда же приведут наши мечты?
Тайком – однажды – испытавши болью
К тишине ли, исполненной премудрости?

Днем, когда расстались мы

Младые ветви отряси,
Зеленый плод с ветвей сорви.
Ночь днем сменяется вдали,
Полуденный мой край еще далёко.

Но добр мир ко мне, самозабвенный мир.
Тускнеет память, так схожая
С уныньем облаков и путаницей ветра.
И песнь моя все та же, что вчера.

Слабое сердце свое в воздух подбрось!
Играй им, словно косточкой неспелой:
Надкусил – как кисло! – выплюнь.

Всю ночь напролет на мир
С любовью гляжу. И вот кусаю губу.
Нет, зла на тебя я не держу.

К поздним мыслям моим...

Мне снится все печальная деревня
У подножия горы, где ветер поднимается в траве,
Без конца поет сверчок, на лесную тропу
Опускается полдень, и все утихает,

На небе голубом сияет солнце, почивает вулкан.
– И я продолжаю петь, пусть
Все, что вижу, острова и волны, мыс,
И лунный свет, и свет дневной – никто не внемлет мне.

И сон, увиденный однажды, повторно не придет,
Как я хочу обо всем забыть. Но забуду и об этом,
Забуду все.

И сны останутся снами, на дворе бушует вьюга.
Но, может, откроится дверь, и в одиночестве моем
Откроется дорога, освещенная звездой.

Песни летних цветов

– Первая

Между небом и пастбищем взмывает облако,
Роняя тень на поверхность ручья.
Единственная рыба, озаренная солнцем,
Шевелит плавниками на дне.

Все это было летом тогда!
Мне привиделся сон – больше он не придет.

Нам, умолкшим, водоросли опутали стопы.
Две лукавые тени покачиваются на воде.

Сегодня журчанье ручья
Мне шепчет, как прежде,
И листья шуршат на ветру.

В тот день я забыл про улыбку.
Откуда мне знать, почему.
Лицо лишь мое бесстрастно и строго.

– Вторая

Те деньки миновали. Радостны были,
Как будто бы с милой пасли мы овец.
И жизнь все как прежде,
Новых печалей не знали.

В те деньки с неразгаданной улыбкой на устах
Мы клялись в вечной любви.
И лилии цветок переплетался с чертополохом...
Младенческий, приятный сон! Когда же это было?

Прошу, еще лишь раз!
Деньки, когда запрудили небо облака,
Когда сияли звезды посреде бела дня, – придите!

Прошлого деньки, деньки – ну где же вы!
Покуда я не вырос, покуда жизни не узнал –
Меня бросает в дрожь минувшего печаль.

Сонатина 2:

С радугой и возлюбленной

Шелестит ветер после дождя.
Заросли мокнут в каплях росы. Сияют паучьи четки.
И радуга проступает на небе с востока.
Мы молча стоим, молча.

Вот как все было. И ты взглянула
На меня. Чем мог я ответить?
(Хоть я и любил тебя).
(Хоть ты и любила меня).

И снова дует ветер, наплывают облака.
По синему, светлому, жаркому небу разносится птичья песня,
И все в этой песне, нет ничего окромя. Цветы сияют красотой.

Ресницы твои опускаются, как и маленькая радуга.
(Однако ты меня уже не любишь,
А я уже не люблю тебя).

Похороны летом

Когда я умру, сердце мое золотым обернется.
Да не знало бы горя оно! А если б и знало, то недолго.
Между вчерашним и завтрашним днем пролегла
Бездна, полная лазури.

Я выкинул, я выбросил обрезки
Крошечной бумажки в чьих-то слезах
На волны белые, бурлящие. Вечером одним
Лишился я всего! А дальше, согласно вечному сюжету,

Я стану странником, пройдут года.
Ах, если б помнил мысы деревень в свету луны,
Жаркие, высохшие поля.

Хотел бы я вернуться. Но куда?
В то самое место (я помню его).
Подожду немного и – никуда не пойду).

Вот уж память не та...

Поздней осенью зашел (тая в душе весну).
Сияет озеро на солнце. По широкому-широкому
Птицы летят к цветному ущелью
В недрах горы.

Знатно поспел виноград и инжир.
Начинается жатва. Стройной гурьбой –
По парам, одни летят облака.
Раскинусь на траве, их взглядом провожу.

Один я остался!
Не выносят глаза увяданья,
Но и празднеств не любят.

Так и зима подступит, не заметишь холодов.
И пусть ветер уж роняет листву, я верю:
В тихой музыке обрету покой.

Сборник «*Стихи рассвета и заката*» (1937 г.)

I. Некому ветру...

О тебе я только думать и мог, ветер осенний!
Полдень дождливый, под охрипшую песню бескрайнюю,
В сумерках закрытых ставен
Путаясь в тоскливых мыслях

Я вспомнил: и трепет, и дрожь,
Доселе мне незнакомые.
Ночью повеяло дыханьем Луны,
Смерть их настигла – тягостно мне.

Ты пел далеко.
Кто же песню подхватит,
Кто забудет навек?.. И каждый раз,

Как ночь сменяет сумерки,
В тусклом свете налитых смертью облаков
Ты, ветер осенний, поешь, как никто не вернулся назад.

II. Осень придет...

Когда-нибудь осень придет.
Приветливы с нами сумерки будут,
И деревья, точно старики, отбросят
Тень в ночную тьму.

Все колеблется в сомнении.
И мы перешептываемся – чего же нам ждать? –
Точно тихо, безмолвно вздыхаем.
(что завтра, что вчера).

Так осень и вернулась.
Так, осень не спешит,
Точно человек, прощенья ищущий...

На память о том, что вконец не забыли ее,
Осень, однако, бесследно пройдет.
И будет... да, еще вечер настанет.

III. Маленькая баллада

Человек включает свет, а рядом с ним
Второй читает книгу.
Была такая тишина, что даже в дальних уголках
Их были слышны голоса (И все их слушали).

Человек выключает свет, а рядом с ним
Уж спит второй. И было слышно даже за окном,
Как пряха пела колыбельную
(Все слушали ее).

Так ночь за ночью шла... И вот!
Ветер просвистел и прокричал петух на башне:
Знамя в руки, солдат! Звени, осел, бубенцами!

А после утро настало. Настоящее утро.
И снова ночь ушла, и снова ночь пришла.
Но комната так и осталась пустовать.

IV. Колыбельная

Доброй ночи, девочки милые.
Доброй ночи, нежные черные косы.
Вы изголовье делите с подсвечником ореховым.
Не знаете забот (хлопья снега шелестят на ветру).

Я буду вечно петь для вас.
Я прячусь за окном, в самом окне,
Во сне, во сне. И снова, снова
Буду петь для вас.

Как ветер, звезды
И зажженный свет –
Как только песнь моя не прозвучит.

А после вы увидите, как яблоки поспели:
Крохотный зеленый плод уже налился краской,
И это все, пока вы спали.

V. Дождливая ночь в разгар зимы.

Куда же делись они?
Ушли – ничего при себе,
И нет их давно.
Где-то далеко, где-то...

Дождливой ночью, в разгар зимы, песню пою.
Я так же все жду.
А вы не вернетесь.
Далеко-далёко, где-то...

Мертвых имена возвращаются ко мне
В невыносимом равнодушии припева.
Только и всего – я затыкаю уши.

Синего светлого неба!
Нечего больше желать. Но почему же
Молюсь я с тобой, кем ты ни был?

VI. Ночью расставшись...

Страсти полные глаза –
Ни синевы, ни горькой зелени
В них не было. Их блеск
Мое сердце пронзил.

И вот от слез почти что полнятся глаза,
Но все же удержала слезы.
Взглядом смиряешь, проводишь рукой –
Обласканное сердце треплешь мое.

Страсти полные глаза – лишь я для них.
И нет любви конца, как если бы
И синева, и зелень горькая была.

Страсти полные глаза – и нет ответа!
Страсть – печальная – в глазах блестела,
А солнца, молодой травы как будто бы и не было.

VII. Во тьме непроглядной...

То, что красиво: улыбка, к примеру.
Слезы – да не высохнуть б им!
Солнце тонет в пейзаже,
Загорается месяц печальный.

Холодно! В свете луны
Бродят слабые духом.
Где же дом мой, ответь!
Неужто в сумерках он – и ночью, и днем?

Кем же был я?
(Никем – кем угодно – кем-нибудь)
Любимой след утерян навеки...

Будьте разбиты, надежды мои!
Вовек не проснусь – во сне
Растворюсь, тоскою убитый.

VIII. В царстве сна

Белым облаком
Осень наступает тишина.
Я точно стрелянный зверь,
Засыпаю, корчась на земле, покуда вовсе не замру.

Снова шепот: «Ты так ничего и не понял», и вот!
Взываю к вешним облакам, цветам, теням и птицам,
Хотя они уж не мои.
Только одинокая фигура бродяги, опустившего руки, – моя.

Ночь. Я зажигаю свет. Пока не сплю –
В огне лучины догорают все, к кому взывал.
Засыпая – остается довериться сну.

Жить в тени, а на исходе времени
Память, точно печальный вздох, будет снова цепляться за слова,
Что скуднее тишины.

IX. Блуждания.

Ночь. За окном – ни зги.
Дорога – одна – тускло сияет, нет ей конца –
Тянется все. А по ней шагаю
Я. Один-одинешенек, сам по себе, ничего не требуя взамен.

Уж месяц потонул, ни ветерка не дунет,
Точно славная музыка стихла.
Гаснет плавный пейзаж, исчезает вместе со сном.
Я всего-то гонюсь за забвением, дабы покрепче уснуть.

Пролейся любовь вся сейчас, не выдержал бы:
Больно слаба ладонь, дрожит под тяжестью чувств –
Которых уж нету.

Заря, скорее приди! Развейтесь, сонные грезы!
Запертые в холодном пепле тумана – холодно нам! Грубое солнце,

Только придешь, и ни ночи блужданий, ни грез, только раскаяние
принесешь за собой!

Х. Пламенеющая заря.

На обезображенной туше вчерашнего сна
Сидит – кто там сидит?
И вижу я снова в этих глубоких, темных глазах –
Что же я вижу?

Одиночная комната моя,
Сияй и трепещи под музыку органа!
Но что-то не слышать,
Куда ж пропала ты?

А кто же это там?
Напрасно и пусто – это молодость проходит моя!
Не жду тебя больше.

И все равно, прислонясь к изголовью, терпеливо гляжу –
На кого? Тайну ночи вчерашней я не забыл,
Но словно ее у меня отобрали...

Сборник *«Песни любви»* (1938 г.)

Вступительная песня

Тихая песня! Откуда пришла ты
Неспешно, куда же
Уходишь, стихая,
Минуя меня?

Но вот заря!
Окончен день.
Бессильные звезды заполнили небо,
Начинают чуть слышно шептать –

И вот уж навзрыд, точно струна –
Ласковая песня звенит.
Дом мой – а где же мой дом?

И почему же, пока ты звучишь,
В свете кромешной Луны
Я вспоминаю глубокую ночь?

I. Майский воздуха глоток.

Расплескался лунный свет:
По щеке твоей слезинка крупная течет,
Оставляет след. «Отчего же плачешь ты»?
Не даешь мне и слова сказать.

«Звезды! Блистательна ты!
Цветы! До чего же красива.
Птицы! Сколько ласки в тебе...», –
Шептал тебе на ухо столько раз,

Но ни разу не сказал:
«Люблю.
А ты меня любишь?».

Как розы раскрывается бутон,
Печаль сменяется улыбкой.
Куда же ты манишь сердце мое?

II. В лесу опавших листьев...

Листья падают в роще.
Им подражают облака:
Красные, во свете дня
Отменяют смерть и дальше живут.

Я обнял твои плечи,
Но ты повернулась ко мне молча спиной.
Смотри, как низко летит
Перелетная птица!

Этот день для нас
Был бесконечно долог,

И до чего же завидно
И облаку, и птице,

И цветам на склоне дня,
Что жизни наши коротки.

Сборник «К ветру» (1938 г.)

Первое

Но я ведь вернулся!
В деревне твоей есть травой сокрытая речушка.
Снова и снова готов говорить:
Хороший день сегодня!

Рукою схватить: суетливое облако, сорняк.
На землю прилягу.
Усталость и сон, все уже
В бездне полуденного неба.

«А ветер же где?» – спрашиваю я. «А сердце мое?»
Подобные вопросы – не буду задавать их боле.
Но день прошел. Как старая песня,

Ветер, речушка сладко звучат! Весь день
Под боком мне шепчешь: «зачем ты вернулся сюда?»
Нет мотиву прекрасному конца.

Второе

Нам всем суждено умереть.
Почему? Нет объяснения.
Не по своей воле, не поодиночке...
Но куда от жизни нам сколько-то осталось,

Твои рисованные жесты,
Границ стертые линии,

Их смысл, ветер, нам хочется понять!
Грустный полдень. Одни цветы нам остались.

Безмолвно, гул издав,
Рождаешься в бездне,
Мне сил придаешь!

Под сенью света твой прохладный
Шелест обнимает ласково
Покров всего, что умереть обречено.

Третье

Пейзаж бескрайний, не видать вдали
Горизонта.
Почему же мы, ветер, не можем, как ты,
Растаять в этом небе далеком?

На землю ложусь. Поверх меня
И поверх травы – дуешь ты.
Поступью легкой, болтая о чем-то,
Уносишься вдаль – куда же ты?

Ах, я вспомнил – ведь ты
Не вернешься. Посреди природы,
Нас в объятия схватившей,

Песня стихает, точно ты, ветер.
Зовет в тоске она, но только вот куда...
Смогу ли теперь откликнуться на зов...

Четвертое

Стоит, качается одинокая береза.
Сумерки укроют лес,
Точно пытаюсь ее
Утаить.

Ветер уходящего дня
Раскачает кроны деревьев,
Точно гонит бедную тень.
И шелестит, шелестит!

(Слепни, что же заметили вы?)
Забываются беглые фразы минувших дней,
Но вот я вечером услышал одну, и воспрянуло сердце.

Ветер! Ты в такие минуты
Напрасно приносишь мне имена.
Не нужно! Что пожухла трава, что деревья опали, то это...

Пятое

Сумеречный свет теперь уж тьма,
И вот рождается новая жизнь!
Кто остановит тебя
Рождения ночью глубокой?

Словно блуждая,
Потоком речным,
Ветер, иди!
Потоком речным, словно блуждая,

Затянется легкая дрема,
В которой мы свидимся снова,
Друзья, но никто не прольет уж слезы!

Сейчас ты в тоске
Направляешься к ярким звездам, вознося
Любовь, воспетую мной!

II

К ветру

Первое

Ветер гудит, вот он всласть
И журчит, шумный ручей.
Поверх воды мелкой тенью блестит
Ветра шелест один.

Ручей уносит вещи:
Худую обувь, солому и листву,
Это ветер поток подгоняет.
А раз он течет, то и ветер все дует.

Сам того не желая, вбок кривится ручей, и ветер его покидает на время.
Но будет так вечно: в прикосновенной близости
Ветер над речкой, и все об одном!

Тянется день! В круговороте сумерек, между полуднем и сном
Сладко шепчут друг другу ветра веки, плавники ручья.
Он больше не шумит – дальше течет.

Второе

Где же ветер? Он далеко, не здесь.
Ты стоишь на ветру, точно я стою! Ты это слышишь.
К долу клонится бутон, сердце нежное,
Глава моя! Нитью по щеке твоей сползает слеза.

Ветер дунул – он шепчет, он поет, а люди слушают.
Одинокое сердце наиболее чутко. Грустная,
Радостная, радостная мелодия стихла. Ветер, что ли, снова поет?
Мне, бутону и листве.

Когда-нибудь – вернусь, дождусь. Полнолуние, самое время!
Мне одному ты в итоге споешь. Что-то крутится в вышине,
Выше неба, выше крон.

Где же ветер? Он – я! – далеко, и больше не вернется.
Хорошее дело, ты все улыбалась,
Но ветер подул – не до смеха тебе, не до слез.

Сборник «Деревенская жизнь» (1935 г.)

В хозяйственном магазинчике ящик почтовый.
Туда положила письмо, зонтик от солнца раскрыла,
И вот она здесь, и он разговор затевает лениво.
Грустнеет тут же она и уходит домой по безмолвной тропинке.

*

То горка, то спуск,
Роца лиственниц в конце.
Там меж голубых хребтов просачивается свет.
«Один ли шел?». И вовсе нет.
И пальцем показал на облако, летящее к скале.

*

Девушки смотрят на радугу.
Закончена стирка.
Белоснежное облако небыстро, как лодка,
По небу плывет, прощаясь
С деревенскими лужами.

*

Смеркалось. Вот человек затянул потуже желтый пояс,
На окраинной дороге из Оивакэ деревня исчезает в роце лиственниц.
Тот самый человек стал лилейником желтым.
Лето идет...

*

Юной девушке грезятся облака. Это ее могила.

*

Стоял полдень, а потому я точно видел:
Подняв завесу пыли, по тракту ехала машина.
Выхлопное облако взбиралось на гору Асама.
Полдень стоял, а я сидел на холме,
На мягкой траве. Послышался храмовый колокол.
Он далеко.

*

Неторопливо взобравшись по лесной дорожке, я встретил пожилого человека, державшего в руке сачок. Он достал телескоп и наставил его на подножие плато. Еще выше находилось ущелье. Сквозь листья деревьев виднелись очертания облаков. Внизу тек ручей. Я омыл ноги. Стало лучше. У подножия леса, походящего на поросшую травой равнину, виднелись сверкающие крыши домов. Я спустился по той же тропинке вниз. Больше я никого не встретил. Спустя какое-то время я услышал, как в деревне горланит петух. В голове моей внезапно появилась мысль – и тут же исчезла. Я пошел дальше по дороге. Путь был неблизкий.

*

На всю деревню была только одна водяная мельница.
Рядом, под шпалерами из виноградной лозы, резвились курочки
Неспешно, кудахча что-то на своем.
Им как-то в унисон заблеял козлик.
Не раз приходил поглядеть я на мельницу.
Местные забросили ее,
Словно путники мимо прошли
И не заметили никого.
А раз уж так, то моей она станет!

Стихи разных лет

Я возвращаюсь сюда

Я постоянно возвращаюсь сюда.
В углу стоит старая железная кровать.

Три стула из крепкого дерева расставлены невпопад.
Тесная, низкая комната.

Все ради тебя: лампа забрезжит в ночи,
Уголек древесный упросит чайник спеть.
В моей комнате покоятся вещи –
Все ради тебя.

Уставший, я вернулся сюда и сегодня.
Звал я друзей – никого и не встретил,
Гуляя опасно по городу с пересушенным горлом.

Без окон, комната из стен меняет
Ласково свой вид. И стоит мне войти,
Как свет и тень, дрожа, перемежаются с шагами.

Песня, сочиненная на закате под пение птиц

- Ответная песня -

Не осталось цветов
Для стихов.
И птицы все разлетелись.
Одинокие сумерки! Рядом нет никого,

Пора бы прерваться и мне – вот,
Тени уж погружаются во тьму.
Вся эта грусть и жалость – настоящие!
Разразился элегиями без повода.

Как я боюсь собственного забвения, а потому
Иду на поводу у этого жалкого чувства,
И одну за другой пишу и пишу!
Не нужны мне ни арканзасские узоры, ни птицы приторные и цветы.
Вот где я оказался, брошенный:
Колено склоняю перед сатирой!

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 376–408
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 376–408
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-376-408

Документы сокровищницы Сёсоин и история их изучения

О. К. Матвеева

Аннотация

Одной из важнейших особенностей документов из сокровищницы Сёсоин является возможность для ученых не просто изучать события, институции, источники эпохи Нара, но и увидеть японский VIII в. с «человеческим лицом». Среди документов очень много материала, повествующего об обыденной жизни и службе государевых подданных. Это особенно привлекает автора статьи, задавшегося целью разглядеть человека, жившего в древней Японии.

Чтобы создать основу для будущих исследований, автор проводит источниковедческое исследование документов Сёсоин в качестве подготовительного этапа их изучения. Задачи статьи – обсудить, где и зачем создавались документы Сёсоин; разобраться, как они попали в сокровищницу и как в ней хранились; привести их классификацию, описать виды документов; выяснить, что случилось с ними после консервации Сёсоин в конце VIII в., как документы были заново открыты в период Эдо, как и почему их изучали в XIX и XX вв.; рассказать об ученых, которые занимались их исследованием, и о современном изучении документов Сёсоин.

Ключевые слова: история Японии, период Нара, буддизм, документы Сёсоин, классификация, особенности.

Автор: *Матвеева Ольга Константиновна*, студентка 4 курса Института классического востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: 105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4.

E-mail: LM171708@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Documents of the Shōsōin Treasury and the History of Their Study

O. K. Matveeva

Abstract

One of the most important features of the documents from the Shōsōin treasury is the opportunity for researchers not only to study the events, institutions, and sources of the Nara era, but also to see the Japanese 8th century “with a human face.” Among the documents, there is a lot of material that talks about the everyday life and service of the sovereign’s subjects. This is of special interest for the author of the article, who aims to see a person who lived in ancient Japan. To create a basis for future research, the author conducts a source study of the Shōsōin documents as a preparatory stage for their study.

The objectives of the article are to discuss where and why the Shōsōin documents were created; find out how they got into the treasury and how they were stored in it; give their classification, describe the types of documents; find out what happened to them after the conservation of the Shōsōin at the end of the 8th century, how the documents were rediscovered in the Edo period, how and why they were studied in the 19th and 20th centuries; talk about the scholars who were involved in their research, and about the modern study of the Shōsōin documents.

Key words: Japanese history, Nara period, Buddhism, Shōsōin documents, classification, features.

Author: *Matveeva Olga Konstantinovna*, fourth-year student, Institute for Oriental and Classical Studies of the National Research University Higher School of Economics: 21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russian Federation, 105066.

E-mail: LM171708@mail.ru.

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Каждую осень на протяжении двух недель в национальном музее Нара происходит событие, привлекающее самых разных посетителей. В музей приходят любители древности, желающие посмотреть

выставку, посвященную знаменитой на весь мир сокровищнице Сё:со:ин¹ (正倉院), в которой хранятся сокровища эпохи Нара (710–794). Каждый год для экспозиции выбирается около 60 предметов. В 2023 г. году пройдет 75-я по счету выставка.

Помимо предметов одежды, буддийской обрядовой утвари, музыкальных инструментов и т.п. в сокровищнице также хранятся так называемые документы Сёсоин 正倉院文書, *Сёсоин-мондзё*. Они вызывают особый интерес у исследователей по всему миру. Документов насчитывается около 10 тыс., они датируются VIII в. и представляют уникальный материал для исследования. Дать им обобщенную характеристику трудно. В. Фэррис, один из немногих европейских исследователей *Сёсоин-мондзё*, охарактеризовал их так: «Это настоящая мешанина документов, которая, однако, по своим масштабам и сложности не имеет аналогов в мире» [Farris 2007, p. 398].

Сокровищница находится в Нара, первой постоянной столице японского государства, на территории храмового комплекса То:дайdzi. Как и храм, и многие другие буддийские постройки VIII в., сокровищница связана с деятельностью государя Сё:му (701–756, прав. 724–758) и его семьей: государыней-супругой Ко:мё: (701–760) и дочерью, принцессой Абэ (718–770), правившей под именем Ко:кэн в 749–758 г. и под именем Сё:току в 764–770 гг.

Указ о строительстве храма Тодайdzi и буддийского комплекса был отдан государем Сёму в 743 г. Идея возведения храма была связана, как мы думаем, с мироощущением государя. На время его правления пришлось много злосчастий: смерть первенца, страшная эпидемия оспы. По хронике «*Сёку Нихонги*» (797 г.) и самим документам Сёсоин видно, что Сёму на эти злосчастья смотрит во многом сквозь призму буддийских текстов: правителю постоянно угрожают демоны, за ним постоянно наблюдают Четыре небесных государя². Знакомство с сутрами воздействовало на восприятие реального мира, структурировало картину мира в соответствии с буддийскими ценностями. Указы

---

¹ Долготы будут использоваться только при первом употреблении термина или имени, при повторном упоминании они будут опускаться.

² 四天王, *Ситэнно:*, боги-хранители четырех сторон света. По текстам сутр, к примеру, «*Сутры золотого блеска*», видно, что помимо защиты в функции Четырех небесных государей входил надзор и наказание за неблагоприятное поведение. Особенно строго они наблюдают за правителем, в стране которого распространен буддийский Закон, Дхарма.

Сёму, вошедшие в «Сёку нихонги» (например, от 741 г., Тэмпё: 13-3-24), признают ответственность правителя за все происходящее в стране, необходимость вести добродетельный образ жизни и создавать дополнительные средства защиты. Одним из таких средств должна была стать сеть 国分寺, *кокубундзи* (по одному мужскому и женскому буддийскому монастырю в каждой провинции), а возглавить эту систему должен был столичный храм невиданных размеров – Тодайдзи. В этом храме в 745 г. государь повелел поставить огромную статую Великого Будды. Если доверять преданиям о монахе Гё:ки (668–749), собиравшем пожертвования на храм и статую, можно сказать, что это было не просто государственное начинание, хотя инициатива исходила от государя, а дело всех тех людей древней Японии, кто веровал, что живет в веке пяти загрязнений³, и желал защититься.

Тодайдзи вобрал в себя все могущество страны, стал ее сакральным центром. По «Сёку Нихонги» можно предположить, что Сёму даже ценил храм больше государева дворца – постоянно находился в Тодайдзи, отдавал ему огромные ресурсы.

Видимо, еще при жизни государя Сёму (точно не известно, когда) на территории храмового комплекса появилась сокровищница. Впервые она упоминается в 756 г., когда государыня Комё по случаю траура по почившему в тот же год государю Сёму преподнесла статуе Великого Будды драгоценные вещи почившего государя. С этого года начинается как история сокровищницы, так и история сокровищ и части документов Сёсоин.

Слово 正倉, *сё:со:*, обозначает хранилище при храме или святилище. Изначально таких хранилищ существовало много, но со временем термин закрепился именно за сокровищницей храма Тодайдзи.

Сёсоин представляет собой деревянную постройку в стиле 校倉造, *адзэкура-дзукури*. Первые постройки этого стиля появились ещё в IV–III в. до н.э. в начале периода Яёй и имели вид свайных бревенчатых сооружений, предназначенных для проживания главы вожества и для хранения припасов. В стиле *адзэкура* построен комплекс святилищ Исэ. Позже этот стиль стал использоваться и в буддийской архитектуре, в постройках такого типа как раз и устраивались хранилища

³ Представление, сложившееся под влиянием «Сутры защиты тела и жизни» (救護身命經). В ней Будда на смертном одре описывает картину мрачного будущего – «злого века пяти загрязнений» 五濁惡世, *годзёку акусэ*, когда мир полон демонов, процветают пороки, ворожба, царит хаос.

сё:со:, функция оставалась той же – сохранение. Здание Сёсоин имеет длину 33 м, ширину 9,4 м и высоту 14 м. Построено оно из бревен треугольного сечения; как и другие постройки стиля *адзэкура*, без гвоздей и прочих металлических частей. Сорок деревянных свай поддерживают пол, но не крышу; такая конструкция защищает от землетрясений, препятствуя передаче подземных толчков в верхнюю часть сокровищницы. В качестве древесины как в древности, так и сейчас для подобных строений используется кипарисовик японский, запах которого отпугивает вредителей и делает постройку подходящей для хранения предметов как из органических, так и из неорганических материалов. Сокровищница имеет три этажа; первый и второй этажи делится на три отсека: северный, южный и срединный; третий, верхний этаж устроен как единое пространство без разделяющих стен. Долго среди исследователей бытовало мнение, что изначально были возведены северный и южный отсеки, соединенные единой крышей, а на месте центрального отсека, была пустота (конструкция такого типа называется *双倉, нарабигура*). Однако новейшие исследования конструкции здания с применением дендрохронологического метода датировки показали, что срединный отсек был в Сёсоин изначально.

Здание Сёсоин хорошо сохранилось, потому что, во-первых, доступ в него был крайне ограничен, а во-вторых, оно регулярно ремонтировалось. С 1997 г. здание сокровищницы считается национальным наследием, а с 1998 г. – Памятником культурного наследия ЮНЕСКО.

Всего в Сёсоин хранится около 9 тыс. предметов старины.

В 756 г. государыня-супруга Комё передала Тодайдзи примерно 650 предметов (а потом сделала еще четыре подношения). Среди них мы можем обнаружить вещи из Танского Китая, Индии, Персии, Греции, Египта, попавшие в Японию по Шелковому пути, и вещи, произведенные в Японии в годы Тэмпё: (729–748 гг.). Но есть в Сёсоин и более поздние предметы, их меньшинство. Самый ранний датированный предмет произведен в 707 г., а самый поздний – в 1693 г., он помещен в сокровищницу во время одного из ее открытий в эпоху Эдо (1603–1868). Хранятся все эти сокровища в северном отсеке, который закрывался государевой печатью *勅封, тёкуфу:*, и предполагалось, что попасть в него можно только с позволения государя и после соответствующих церемоний. Помимо подношений государыни к числу сокровищ Сёсоин относят культовую утварь храма Тодайдзи, которая использовалась в VIII в. Она хранится в южном отсеке.

Многие сокровища сохранились очень хорошо. Способствовало этому как конструкция здания, так и ящики 唐櫃, *карабицу*, в которых были помещены вещи. Форма и орнамент ящиков заимствованы из Танского Китая. Изготавливались они из кедра, который предотвращал попадание влаги и насекомых.

Закрытие Сёсоин и консервация сокровищ произошли в 787 г. Когда государев двор уехал из Нара, покинутая столица постепенно пустела. По документам северного отсека сокровищницы (о них речь пойдет ниже) видно, что в 787–856 гг. регулярно велся учет сокровищ и уход за ними. Позже наблюдение не велось, и сокровищница часто открывалась, в том числе и по приказу очень знатных лиц. Известно, что сокровищницу открывали по желанию Фудзивара-но Митинага (966–1028), отрекшихся государей Тоба-ин (1103–1156) и Госиракава-ин (1127–1192), регентов эпохи Камакура Кудзэ Митиэ (1193–1252), Коноэ Канэцунэ (1210–1259), сёгунов Асикага Ёсимицу (1358–1408), Ёсимаса (1436–1490), а также Ода Нобунага (1534–1582) и Токугава Иэясу (1543–1616). Все они без труда получали разрешение на вскрытие государевых печатей и «одалживали» сокровища. Например, в период Асикага (1333–1572) в высших кругах существовало поверье, будто обладание благовонным деревом 蘭奢待 *рандзэтай* (в документах северного отсека сокровищницы используется перечневое название 黄熟香, *О:дзюкуко:*) помогает стремящемуся к власти осуществить его амбиции. Поэтому многие представители знати старались раздобыть кусочек этого дерева. По подсчетам Маруяма Юмико, такое расхищение сокровищ привело к тому, что между 900 и 1600 г. из более чем 600 предметов были утрачены более четверти. Также известно, что приворовывали и монахи, служившие в Тодайдзи. Все вместе это нанесло большой вред коллекции сокровищ. При этом документы оставались нетронутыми [Maruyama 1999, p. 42].

Новый период в истории Сёсоин начался в XVII в., когда сокровищница привлекала токугавских ученых и любителей старины. За один только XVII в. власти бакуфу открывали сокровищницу четыре раза (1602–1603, 1612, 1666, 1693) с целью ремонта здания, осмотра, переписи и классификации сокровищ. С того времени принято использовать следующую условную классификацию хранящихся в Сёсоин артефактов [Maruyama 1999, p. 40–57]: буддийская утварь (仏具); одежда и украшения (服飾), мебель (調度品); игры (遊戯具); музыкальные инструменты (樂器); оружие (武事).

Научный интерес к предметам сокровищницы очень важен в контексте нашей работы. Дело в том, что с началом изучения и описания сокровищ, токугавские ученые обратили внимание и на документы Сёсоин.

Документы Сёсоин

Интересующие нас документы датируются 720–780 гг. и представляют самый богатый, разнообразный и неоднородный источник по Японии VIII в. Если пытаться эту, по выражению Фэрриса, «мешанину» классифицировать, то документы относятся к делопроизводственному типу исторических источников: их основной задачей было «документальное оформление решений и задач по различным вопросам и исполнение этих решений» [Голиков, Круглова 2014, с. 62].

Бумага в VIII в. стоила дорого. Как пишет Минами Хиракава, средняя цена бумаги в середине VIII в. составляла два 文, мон, причем один мон приравнивался к шести сё: риса (1 сё = 600 г), около 0,5 мон – это суточный прожиточный минимум, а жалование писцов составляло 10 мон [Мещеряков, Грачев 2010, с. 299–300; Hirakawa 1994, p. 145]. Бумагу берегли, старались использовать как лицевую сторону, так и обратную. Часть документов Сёсоин написана на оборотной стороне, бумаги, уже использованной другими ведомствами, так называемой списанной бумаге 反古箱, хого бако, содержащей списанные официальные документы 公文, кумон, присланные чаще всего из вышестоящих ведомств для вторичного использования. Сюда входят учетно-налоговые книги, подворные реестры, реестры входящей и исходящей документации и т.п. Обратную сторону списанной бумаги использовали для неофициальной, внутренней документации – очень важной категории документов сокровищницы.

Списанная бумага не представляла собой отдельных листов. Это были свитки, в которые скреплялись документы. Когда они прибывали в Сёсоин, целостность свитков для служащих не представляла ценности: их разрезали и склеивали в случайном порядке.

Классификация документов составлена нами на основе работ Сакаэхара Тобао и Ёсида Такаси [Sakaehara 2011, p. 22; Yoshida 1983, p. 298–99]:

Таблица 1. Классификация документов	
Лицевая сторона	Оборотная сторона
I. Документы, связанные с сокровищами Сёсоин и хранящиеся в запечатанном помещении северного отсека сокровищницы. Собственность Министерства двора 宮内省.	
<p>A. Записи о том, какие предметы поступали в сокровищницу (施入, сэню:), когда и кем сокровища одалживались и возвращались (出納, суито:), как и когда сокровища чистились, проветривались и осматривались (曝泳, бакурё:). 17 свитков</p>	Оборотная сторона пуста
<p>B. Документы, сопровождавшие единицы хранения (бирки, обертки и т.п.)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Выведенные из делопроизводства документы управления по строительству храма Тодайдзи – Старые документы других ведомств
II. Документы управления по переписке сутр канцелярии скриптория при Тодайдзи 写経所, хранящиеся в среднем отсеке. 667 свитков и 5 томов	
A. Документы Скриптория	
<p>1. Документы, созданные в скриптории:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Внутренние (служебные) документы скриптория – Межведомственная переписка – Копии документов, отосланных из скриптория – Созданные в скриптории, отосланные и позже возвращенные документы – Черновики документов – Другие 	<p>Документы скриптория, ставшие не нужными:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Документы с пустой оборотной стороной – Черновики ежемесячных финансовых отчетов главного управления по строительству Тодайдзи – Выведенные из делопроизводства документы управления по строительству храма Тодайдзи – Выведенные из делопроизводства документы управления двора государыни-супруги Комё – Выведенные из делопроизводства документы центральных правительственных учреждений (налоговые и финансовые отчеты, подворные реестры домовые книги и т.п.)

<p>2. Входящие документы вышестоящих ведомств</p> <ul style="list-style-type: none"> – Документы из главного управления по строительству Тодайдзи – Документы из управления двором государыни-супруги Комё 	<ul style="list-style-type: none"> – Выведенные из делопроизводства документы управления по строительству храма Тодайдзи – Выведенные из делопроизводства документы управления двором государыни-супруги Комё
<p>В. Документы, связанные со строительством храма Исиямадэра</p>	

Документам I (А), по словам Сакаэхара Тобао, наиболее подходит название «документы Сёсоин» [Sakaehara 2011, p. 23]; чаще исследователи называют их «документами из северного отсека Сёсоин 北倉文書, *хокусю:-мондзё*. Они датируются 756–856 гг., то есть, относятся ко времени, когда регулярно велся учет и контроль сокровищ.

Имеют они следующую структуру:

1) Документы о подношениях государыни Комё статуе Великого Будды (5 свитков):

- Записи о подношении государевых сокровищ 国家珍宝帳 – Тэмпё Сёхо 8-6-21 (756)

- Записи о подношении различных снадобий и лекарств – Тэмпё Сёхо 8-6-21(756)

- Записи о подношении любимых государем Сёму ширм бёбу 屏風花氈等帳 – Тэмпё Сёхо 8-7-21 (756)

- Записи о подношении каллиграфии Ван Сичжи и его сына (大小王真跡帳) – Тэмпё Ходзи 2-6-1 (758)

- Записи о подношении государыней Комё ширм, принадлежавших ее покойному отцу Фудзивара-но Фухито 藤原公真跡屏風帳 – Тэмпё Ходзи 2-10-1 (758)

2) Документы об уходе за сокровищами после консервации Сёсоин в 787 г. (5 свитков). Датируются 787–856 гг.

3) Документы об извлечении и возвращении сокровищ (7 свитков)

Эти документы – один из важнейших источников по истории сокровищницы, но не только. Например, можно задаться вопросом: о чем говорят такие богатые дары государыни Комё и какие представления стоят за ними.

Документы I (В) связаны с функционированием сокровищницы. Это бирки, прикрепленные к сокровищам и содержащие сведения о них, или обертки свитков сутр.

Бирки содержат, например, информацию о весе кусочков кино-вари (этому минералу приписывались магические свойства). Бирка шестистворчатой ширмы «Красавицы под деревом» (鳥毛立女屏風, «Ториэ ричудзё: бё:бу») включает в себя письмо 752 г. от японской знати к корейским послам, прибывшим из Силла в Японию в 751 г. со списком товаров, которые те желали купить у посольства.

Документы II (А) представляют наибольший интерес для исследователей. Они были созданы в бюро по переписке сутр 写経所, Сякёдзё, которое занималось копированием буддийских текстов – мы будем называть это бюро скрипторием. Как указывает Г. Шопен, буддийская культура – это культура книги [Schopen 2010, p. 39]. Особенно это справедливо для Японии, так как основным каналом распространения буддизма здесь был текст. Буддийские тексты как часть ритуала на протяжении тысячелетий формировали картину мира, структурировали общество и идентичность человека. Ритуал, как пишет К. Белл, – это не просто символическая практика, а прагматическое действие, преследующее конкретные цели [Bell 1992, p. 74]. Копирование сутр, как часть буддийского ритуала в широком смысле, делало людей, как они сами считали, благочестивее и праведнее.

Жанр сутр – это один из важнейших жанров буддийской литературы. Эти тексты представляют собой проповеди Будды. В ритуальном смысле сутра равноценна телу Будды – тексты помещаются в пагоды вместе с останками Будды. Вот что, к примеру, говорит о почитании текста сутры «Лотосовая сутра» (перевод А. Н. Игнатовича): «... если [какой-нибудь] человек воспримет и будет хранить хотя бы одну гатху Сутры о Цветке Дхармы, будет декламировать, разьяснять, переписывать [ее] и смотреть на свитки этой Сутры с таким же почтением, как на Будду, делать [им] разнообразные подношения – цветами, благовониями, гирляндами, благовонной пудрой, благовонными втираниями, благовониями для воскуривания, шелковыми балдахинами, знаменами, флагами, одеяниями, музыкой и оказывать [им] почести, соединив ладони, то, Царь Врачевания, [ты] воистину должен знать, что этот человек уже сделал подношения десяти тысячам, коти будд, выполнил, находясь около будд [свой] великий обет и из сострадания к живым существам [снова] родился в облике человека» [Сутра... 2007, с. 83].

Регулярное копирование буддийских текстов началось в Японии после VII в. Одну из первых записей о государственном заказе на переписывание сутр можем найти в «Нихон сёки» под 673 г. В дальнейшем записей о переписывании сутр становится все больше. «Сёку нихонги» ими изобилует. Очень часто к молениям и переписываниям сутр обращались в сложные для государства времена: при эпидемиях, природных бедствиях, неурожаях [Мещеряков 2010].

Б. Лёве в работе о буддийских текстах периода Нара аргументированно утверждает, что мир древней Японии был пронизан ритуальным переписыванием сутр [Lowe 2017, p. 65]. Для этого он проводит исследование на основе микроисторического подхода. Как раз по документам Сякёдзё он изучает жизнь правителей (государя Сёму, государыни-супруги Комё и принцессы Абэ) и рядового переписчика сутр Каракуни-но Мурадзи Хитонари 韓國連人成 / 辛國連人成 (721–?). На таком, казалось бы, разнородном антропологическом материале Лёве приходит к выводу, что сама близость к ритуальному тексту формирует вокруг человека особый мир. Копирование сутр – не просто религиозное событие, оно охватывает и другие грани человеческой жизни. Через эту практику в общины, целью которых было копирование сутр и накопление заслуг, объединялись разные слои населения древней Японии: высшие сановники, обычные люди и монахи, часто совсем не знатные. (Знаменитый До:кё: 道鏡 (700–772), чуть не ставший из-за дружбы с государыней Кокэн японским государем, – выходец из провинциального рода). Правители путем обращения к буддийским текстам, к практике их воспроизведения оберегали себя и государство. Сутры побуждали человека в Японии VIII в. бояться злых демонов верить, что наставший век – это век пяти загрязнений и скоро наступит время конца Закона 末法, *маппо*., поэтому следует вести благочестивый образ жизни, соблюдать чистоту тела и духа, а также принимать меры защиты: переписывать сутры или, чаще, заказывать их переписку; в понимании японцев того времени заказчик сутры получал больше заслуг, чем переписчик, который просто был «инструментом» для достижения благого результата заказчиком. Для этого в нарской Японии и создавались скриптории: частные (примеры – скриптории принца Нагая 長屋王 (684–729) или Фудзивара-но Фусасаки 藤原房前 (681–737)) и государственные. Скрипторий, документы которого мы исследуем, был государственным, главным и самым большим в стране. Его история тесно связана

с государыней-супругой Комё и ее семьей: дочерью принцессой Абэ (в будущем государыни Кокэн/Сётоку) и супругом государя Сёму.

Государыня Комё происходила из рода Фудзивара, отцом ее был самый влиятельный царедворец начала VIII в. Фудзивара-но Фухито 藤原不比等 (659–720), а дедом – основатель рода, Фудзивара-но Каматари 藤原鎌足 (614–669). Оба этих «титана» рода Фудзивара интегрировали буддизм в систему управления государством, отводя ему перформативные инструментальные функции. Как пишет Микосиба Дайсукэ, изучающий личность Комё и ее связь с буддизмом, мать Комё, Агатаинукаи-но Митиё 県犬養三千代 (655? –733), была верующей буддистской [Mikoshiya 2002, p. 27]. Можно предполагать, что мировоззрение Комё было во многом сформировано буддизмом и его текстами. Комё верила, что ритуальное воспроизведение сутр принесет ей заслуги и защиту, поэтому создала собственный (пока что еще частный) скрипторий. Первое его упоминание относится к третьей луне 727 г. В то время Комё вынашивала первого сына – будущего наследника престола. Скрипторию она поручила переписать «Махапраджняпарамита-сутру». И скрипторий, и копирование сутры должны были стать залогом рождения здорового младенца, который был значим как для государя Сёму, так и для рода Фудзивара [Sakaehara 2011, p. 15].

В 729 г. Комё была назначена государыней-супругой 皇后, *кого*. Скорее всего, с этого года скрипторий приобрел официальный статус и стал частью дворцового управления государыни-супруги, его возможности возросли [Sagimori 1996, p. 8–11]: увеличился штат писцов, финансирование, сам скрипторий переехал на территорию храма Сумидэра 角寺, которому покровительствовала Комё. В 730 г. в скриптории было начато переписывание полного буддийского канона из 6500 свитков. Работа длилась 24 года, осуществление столь масштабного проекта говорит о мощи скриптория.

Согласно документам Сёсоин, в конце 730-х гг. еще одной покровительницей и частой заказчицей скриптория была принцесса Абэ, ставшая в 738 г. первой в истории Японии наследной принцессой (из-за смерти или неугодности других возможных наследников). Для защиты и поддержки Абэ скрипторий в тот же год был преобразован в государственное ведомство по переписке сутр 写経司, *Сякёси*. В 742 г. скрипторий переехал на территорию храма То:ин 東院 (позже он будет переименован в Фукудзюдзи 福寿寺, потом в Конко:мё:дзи

金光明寺), а затем – в Тодайдзи. Наконец, в 747 г. скрипторий получил название 東大寺写經所, *Тодайдзи-сякёдзё* и продолжил копирование полного буддийского канона.

Сякёдзё был подчинен бюро по строительству Тодайдзи (造東大寺司) и имел разветвленную структуру. Ямасита, изучая документы Сёсоин, описывает его следующим образом [Yamashita 2006, p. 15–19]. Он был окружен плетеной оградой (柴垣) и состоял из нескольких зданий: зала копирования сутр (經堂, *кё:до:*), управления (曹司, *дзо:си*), склада для хранения бумаги (紙屋, *камия*), общежитий для переписчиков (宿所, *сюкусё*), кухни (料理供養所, *рё:ри куё:дзё*), бань (湯屋, *юя*) и архива (檜皮葺殿, *хивадафуки дэн*).

Именно документацию этого ведомства и учреждений под его началом за 720–780 гг. принято называть документами Сякёдзё или же просто документами Сёсоин. Основу внутренней документации составляют тексты, из которых мы можем узнать о жизни чиновников, переписчиков сутр, аристократов и даже государей: какие сутры заказывались, кто их заказывал, для чего, сколько материальных ресурсов на это было потрачено; что ели переписчики сутр, где спали, мылись, как соблюдали ритуальную чистоту, что носили, как, когда и почему брали отгулы и т.п.

Скрипторий при храме Тодайдзи производил тексты для защиты и поддержки принцессы, ставшей в 748 г. государыней Кокэн, и ее семьи, а также для защиты государства. Эти функции были едины, так как государь мыслился как тождественный государству: ко многим сутрам, переписанным для защиты государства, прикреплена молитва о здоровье родителей Комё (она все еще оставалась главной покровительницей скриптория), о защите ее дочери и клятва Комё вступить на путь бодхисаттвы.

Тодайдзи-сякёдзё просуществовал до 776 г., а уже в 784 г. двор из Нара переехал в Нагаока, и система «государства, построенного на законах», *рицурё: кокка*, которую олицетворял двор в Нара, постепенно начала приходить в упадок. Как и когда бюрократические документы Сякёдзё попали в сокровищницу Сёсоин, непонятно. Известно, что изначально они хранились в специальном архиве при Тодайдзи, но в самом конце VIII в. их перенесли в срединный отсек сокровищницы. К сокровищам Сёсоин они никакого отношения не имеют.

Процесс создания документов, согласно реконструкции Сакаэжара Товао, шел так. За подготовку бумаги и создание документов отвечал

ведующий бумагами (案主, андзу) и его помощники (舍人, тонэри, и 雑掌, дзассё). Они составляли бумажные регистры-свитки (帳簿, тэ:бо) – форма, в которой велась вся документация Сякёдзё.

Для этого они брали присланные из других ведомств ненужные списанные документы (подворные списки, учетно-налоговые книги, старые финансовые отчеты и т. п.). До того как с ними начинал работать ведующий бумагами в скрипотрии, эти документы выглядели, как показано на рис. 1.

Рис. 1

Их обратная сторона, которая и нужна была служащим Сякёдзё, была пустой или частично пустой. Ведующий бумагами брал свиток списанных документов, осматривал его обратную пустую сторону и вырезал незаполненные куски нужного ему размера (断簡, данкан). Целостность первоначального документа его не интересовала, поэтому при составлении нового бумажного регистра он просто склеивал свиток из разрозненных фрагментов списанных документов, которые перемешивались хаотично – ведь главной задачей на этом этапе было обеспечить скрипторий свитками, пригодными для письма. Обратная сторона свитков (не интересовавшая служащих Сякёдзё) после завершения работы выглядела, как показано на рис. 2.

Хаотично разбросанные официальные документы (公文) на оборотной стороне регистров Сякёдзё

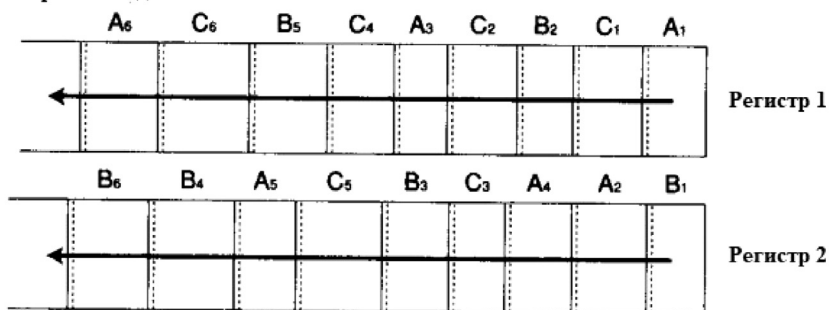

Рис. 2

Итак, лицевая сторона списанных документов после такой обработки становилась оборотной стороной, а чистая оборотная сторона – лицевой. Именно на ней служащие Сякёдзё и вели внутреннюю документацию ведомства, которую теперь мы называем документами Сёсоин.

Документы, связанные со строительством храма Исиямадэра, начавшимся в 747 г. в провинции О:ми, прямого отношения к сокровищнице Сёсоин не имеют. Глава управления по строительству Исиямадэра Ато-но Орай 安都雄足 (годы жизни неизвестны) был одновременно главой скриптория. В 762 г. скрипторий даже временно переехал в Исиямадэра, чтобы скопировать для этого храма «Маха-праджняпарамита сутру». По завершении строительства в 762 г. и окончании работы над сутрой Ато-но Орай перевез документы о строительстве Исиямадэра в архив Сякёдзё на территории Тодайзи. Позже вместе с документами Сякёдзё эти документы попали в Сёсоин.

Судьба документов Сёсоин после VIII в.

В VIII в. документы Сякёдзё проходили стандартную процедуру архивации и помещались в специальное хранилище. Позже, скорее всего в самом конце VIII в., они были перенесены в законсервированную сокровищницу Сёсоин. Если ее открывали, то только ради сокровищ, документы никого не интересовали и были преданы забвению почти на восемь веков.

В эпоху Эдо в стране воцарился мир, буддийский религиозный эскапизм постепенно отошел на второй план и восторжествовало конфуцианство чжусианского типа, ставившее во главу угла прагматизм и рациональность. Школой «национальных наук» 国学, *кокугаку*, постепенно разрабатывался конструкт *синто*, в условиях изоляции страны мыслители этой школы стали считать за границу как область неверного устройства жизни. Японцы полюбили свою страну, которую ранее воспринимали как удаленную от цивилизации (Китая и Индии), маленькую и бедную. Япония возводилась в статус божественной страны 神国, *синкоку*, и на этом фоне усилилась тяга к древности. Ученые мужи занялись поиском «золотого века» – чего-то утраченного, но ощущавшегося японцами на интуитивном уровне, в сердце.

Поэтому, когда с XVII в. Сёсоин стали понемногу открывать для исследования сокровищ (классификации, реорганизации, реставрации и т. п.), это привлекло многих ученых. Большинство интересовались сокровищами, но был среди них и тот, кто обратил внимание на документы, хранящиеся в пыльных, давно не вскрывавшихся ящиках в срединном отсеке сокровищницы. Это был Хоида Тадатомо 穂井田忠友 (1791–1847) – ученый школы *кокугаку*, ученик одного из ее столпов Хирата Ацутанэ 平田篤胤 (1776–1843). Хоида заново открыл документы Сёсоин миру, но при этом радикально изменил их внешний вид.

В десятую луну 1833 г. сокровищница была открыта для ученых на три года. Тогда там и появился Хоида и добился допуска к документам. Считается, что в этом ему помогла близкая дружба с сёгунским наместником (奉行, *бузэ:*) города Нара Кадзино Ёсики 梶野良材 (1773–1853), младшей женой которого была дочь Хоида [Farris 2007, p. 407].

Хоида приступил к исследованию. Но интересовали его не документы скриптория, а их оборотная сторона, содержащая разбросанные в хаотичном порядке списанные документы других ведомств. Как пишет Сакаэхара Товао, опираясь на труды Минагава Канъити, о котором мы расскажем позже, основной целью Хоида было создание образцовой коллекции древних официальных документов, внутренняя структура которой отвечала бы иерархии ведомств и чинов, предусмотренной системой *рицурё* [Sakaehara 2011, p. 37]. Такая направленность интереса может объясняться прохладным, чуть ли не

пренебрежительным отношением к буддизму, свойственным как чжусианству эпохи Эдо в целом, так и установкам *кокугаку*. Также Хоида намеревался создать альбом печатей, которые использовали разные ведомства эпохи Нара. Особенно его интересовали печати провинции Ямато, где находился город Нара; они чрезвычайно ценились у антикваров того времени. Минагава пишет, что Хоида даже больше интересовалась эстетическая ценность документов, чем их историческая значимость [Minagawa 1972, p. 530].

Для этого исследователь провел «упорядочивание документов» 整理, *сэйри*. Он вырезал интересовавшие его «фрагменты» (断簡, *данкан*) официальных документов с обратной стороны документов Сякэдзё и склеивал их в соответствии со своим пониманием иерархии ведомств и чинов эпохи Нара. Лицевая сторона, то есть документы Сякэдзё, его не интересовала, иначе говоря, он относился к обратной стороне как к лицевой (см. рис. 3).

Так он действовал в течение нескольких месяцев и обработал 25 % от всех документов. К третьей луне 1836 г., ко времени закрытия Сёсоин, он составил сборник официальных документов и печатей,

Рис. 3

который изначально назывался «Документы, собранные в свитки» (成卷文書, «Сэйкан мондзё»), но в период Мэйдзи был переименован в «Истинное собрание» (正集, «Сэйсю:», далее S). Упорядоченное S состояло из 45 свитков (卷, *маки*).

Хотя Хоида и «открыл» документы Сёсоин, он нанес им большой вред. Во-первых, он нарушил их целостность и внешний вид. Вырезая интересующие его фрагменты, он совершенно не обращал внимания на документы Сёсоин и порядок, в котором они находились. К тому же он заложил тенденцию на более чем 100 лет, когда ученых интересовали лишь списанные документы. Последователи Хоида также вырезали списанные документы для своих компиляций, нарушая целостность документов Сякёдзё. Отношения к изучению Сёсоин-мондзё изменилось лишь в 1960-е гг.

Техника работы Хоида такова. Он разрезал бумажные швы (紙継目, *ситигумэ*) эпохи Нара, с помощью которых были скреплены документы, и склеивал нужные ему фрагменты в свитки – но не напрямую шов ко шву, а вставляя между ними тонкие белые листы бумаги (白紙, *сирой-ками*). Лист бумаги он наклеивал на сторону, содержащую документы Сякёдзё, то есть, на ту, которую считал оборотной. Белый лист закрывал края листов, содержащих текст. Это для современных ученых усложняет восстановление изначального порядка документов Сякёдзё. При этом белые листы бумаги – не такое уж плохое решение. Если бы Хоида соединял листы напрямую, то написанное на краях, скорее всего, было бы для нас утеряно, так как рассмотреть что-то под плотным листом бумаги VIII в. невозможно, а под белым неплотным листом Хоида – можно. Как пишет В. Фэррис, современные исследователи документов Сёсоин все равно должны быть благодарны Хоида [Farris 2007, p. 407]. В эпоху Эдо ученые не берегли оригиналы рукописей: было принято полностью покрывать обветшавшую оборотную сторону белым листом бумаги, а также разрезать источник и вставлять в него комментарии. Хоида не делал ни того, ни другого. Он использовал тонкий белый лист лишь для соединения краев фрагментов, оставляя большую часть оборотной стороны видимой.

Также Хоида сделал многое для популяризации документов Сёсоин, вернее, того, что его в них интересовало. Когда он занимался составлением собрания S, он много рассказывал в переписке с друзьями-учеными о том, как проходила его работа. Еще он тайно делал копии (書本, *сёхон*) особенно примечательных на его взгляд

документов и посылал их друзьям. Несколько копий были преподнесены государю Нинко (прав. 1817–1846) во время церемонии запечатывания сокровищницы в 1836 г. Копии Хоида были выполнены очень точно, их использовали ученые периода Мэйдзи [Ibid., p. 408].

После того как Хоида закончил свою работу, больше в эпоху Эдо сокровищница не открывалась. Коллекция S была передана на хранение в святилище Ивасимидзу Хатимангу: 石清水八幡宮 в Киото. Минагава указывает, что кто-то добавил к S несколько документов, принадлежавших когда-то Министерству народных дел 民部省 [Minagawa 1972, p. 583].

Все поменялось с наступлением периода Мэйдзи (1868–1912) вслед за тогдашними коренными преобразованиями в японской действительности. В 1873 г. сокровищница Сёсоин была открыта снова, главной целью была ревизия сокровищ. Комиссию возглавлял чиновник министерства Просвещения 文部省, созданного в 1871 г., Минагава Ноританэ 蜷川式胤 (1835–1882). Документами в 1873 г. не занимались. Затем сокровищницу открыли в 1875 г., и тогда началось серьезное изучение всех единиц хранения, в том числе документов. Управление Сёсоин было передано из ведения Тодайdzi Министерству внутренних дел 内務省, а потом Министерству двора 宮内省, под покровительством которого сокровищница находится и ныне. С тех пор она была постоянно открыта для исследователей.

Документы показали на выставке в зале Большого Будды в Тодайdzi в том же 1875 г. Они привлекли внимание ученых, поэтому было решено сделать их копии (謄写本, *то:сяхон*) и исследовать. В тот же год документы были отправлены в Токио в научный книжный фонд Асакуса (浅早文庫, Асакуса бунко), в котором служащие недавно образованного Бюро по исследованию исторических документов 修史局 (находилось в ведении Министерства внутренних дел) занялись их изучением.

Сначала в Асакуса были изготовлены просто копии документов. Эти копии принято называть в честь людей, которые их создали: Охаси 大橋 (по имени Охаси Нагаёси 大橋長喜, чиновника из Нара) и Косуги 小杉 (по имени Косуги Сугимура 小杉相郎, чиновника из Министерства просвещения). В Охаси и Косуги вошли документы из коллекции S Хоида и много других неисследованных им налоговых отчетов, домовых книг и т. п.

Позже те же ученые приступили к новому упорядочиванию оставшихся документов (оно также называлось 整理). Работали они, как и Хоида, с оригиналами. Каждое новое «упорядочивание» выходило в качестве продолжения коллекции S. Всего в Асакуса их в 1875–1882 гг. вышло три: «Продолжение истинного собрания» (正集続修 «Сэйсю дзокусю:», или кратко 続修, «Дзокусю:», 50 свитков, далее Z), «Продолжение продолжения истинного собрания» (続修後集, «Дзокусю: косю:», 43 свитка, далее ZK) и «Дополнение к продолжению истинного собрания» (続修別集, «Дзокусю: бэцусю:», 50 свитков, далее ZB).

Собрание Z включало в себя неучтенные Хоида счетно-налоговые книги и подворные реестры, а также некоторые документы Сякёдзё, которые в то время, хоть и были включены в коллекцию, учеными игнорировались. Собрание ZK сосредотачивалось на документах Сякёдзё и бюро по постройке храма Исиямадэра. Коллекция ZB опять же содержала в большинстве своём документы Сякёдзё и бюро по сооружению храма Исиямадэра. Однако интереса ученых того времени последние два собрания не вызывали. В начале периода Мэйдзи ученых интересовали счетно-налоговые книги, подворные реестры, то есть, содержимое списанной документации, так как предполагалось, что содержащаяся в них информация могла помочь проведению параллелей между японской древностью с европейской. Это виделось как способ доказательства того, что японцы не отличаются от европейцев. Для интеллектуалов начала эпохи Мэйдзи, страдавших от распространявшегося на все сферы жизни комплекса неполноценности перед европейцами, это было чрезвычайно важно. Буддийская действительность, запечатленная в документах Сякёдзё, показывала обратное, поэтому им внимания не уделяли.

Методы мэйдзийских ученых были те же, что и у Хоида: они вырезали заинтересовавшие их фрагменты, буквально вырывая их из документов скриптория, и соединяли в удобном порядке в соответствии со своими целями и задачами.

Немногим позже, в честь посещения императором Мэйдзи города Нара в 1877 г, было проведено еще одно упорядочивание оставшихся документов, которое, однако, отличалось от предыдущих трех. Оно было проведено не в Асакуса, а в библиотечном управлении Министерства внутренних дел 内務省図書局. Называлось оно «Поврежденные документы» (塵芥, «Дзинкай», дословно «мусор», 39 свитков

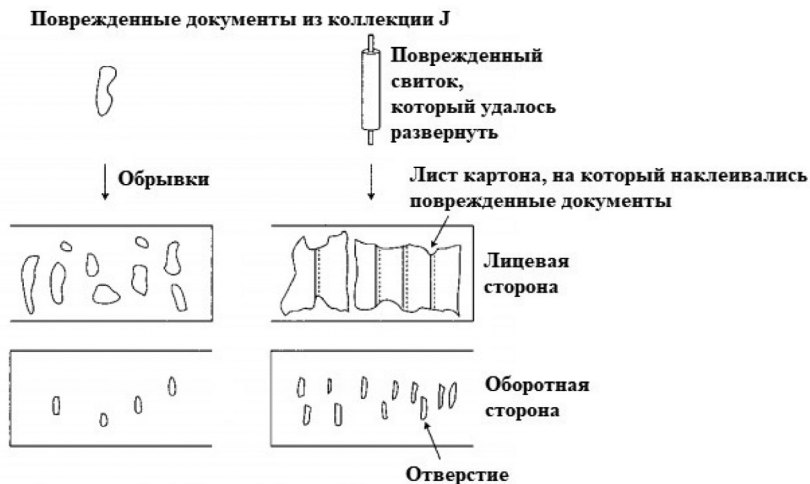

Рис. 4

и три тома, далее J). Состояло собрание J из неразборчивых фрагментов, вырезанных и составленных в произвольную компиляцию – между фрагментами нет никакой связи. Хуже всего сохранились и попали в коллекцию J документы, которые содержат имена монахов, присутствовавших на церемонии открытия глаз Великого Будды в Тодайзи в 752 г. (東大寺盧舎那仏開眼供養供奉僧名帳).

Поврежденные части свитков вырезали и наклеивали на плотные листы картона – лицевой стороной считалась та, которая содержала списанные документы. Для просмотра оборотной стороны в картоне вырезали отверстия, «окна», 窓, *мадо* (см. рис. 4).

Если документ был поврежден так, что от него оставались лишь мелкие обрывки 破片, *хакэн*, то их для придания хоть какой-нибудь формы приклеивали на плотные белые листы картона, сзади которых тоже прорезались отверстия. Объем обрывков меньше, они собраны в три отдельных тома.

Прочитать документы Сякёдзё, скрытые под плотными листами картона, даже через отверстия невозможно. Сегодня исследователи обрабатывают картон специальным раствором и вырезают из него большие части.

Среди «поврежденных документов» существует отдельный тип документов, которые не помещены ни в 39 свитков, ни в три книжных тома. Это так называемые «документы-свечи» (蠟燭文書,

ро:сокубунсё), их 24. Эти свитки, напоминаящие формой свечи, настолько затвердели от влаги, что развернуть их невозможно. Только совсем недавно появилась возможность изучать их содержимое с помощью инфракрасного излучения: большинство из них, как и отрывки из трех книжных томов, содержат имена монахов, присутствовавших на церемонии открытия глаз Великого Будды.

Последнее упорядочивание Сёсоин-мондзё, сделанное до важного в истории документов 1901 г., было проведено в 1892 г. ведомством по упорядочиванию и классификации сокровищ Сёсоин 正倉院御物整理掛. Его итогом стало «Дальнейшее продолжение» (続々修, «Дзокудзюсю:», 440 свитков и два тома, далее ZZ). Коллекция ZZ отличается от более ранних: Хоида и ученые после него, вырезая нужные им официальные документы, не заботились о сохранении порядка документов Сякёдзё, и соответственно, фрагменты этих документов оказались разбросанными в хаотичном порядке. Метод, который использовали составители ZZ, заключался в том, что оставшиеся после упорядочивания фрагменты документов Сякёдзё собирали по группам в соответствии с их содержанием. На каждый фрагмент наклеивалась бирка (付箋, *фусэн*, 5 см в длину и 1 см в ширину) с указанием тематической группы документа и места извлечения. Эти бирки дают возможность понять изначальное местонахождение каждого фрагмента. Кроме того, на фрагменты или их группы наклеивались красные бирки с порядковым номером группы. Такой подход к упорядочиванию, несомненно, делает документы, входящие в состав ZZ, более пригодными для научного изучения. Таблица 2 сводит все упорядочивания воедино.

Таблица 2. Упорядочивания (整理) документов Сёсоин

Название	Кол-во свитков	Сокращение	Кто занимался упорядочиванием	Том в «Регистре документов Сёсоин» 正倉院文書目録	Томы в «Фотокаталоге документов Сёсоин» 正倉院古文書影印集
«Истинное собрание» 正集, «Сэйсю:» (ранее 成卷文書)	45	S	Хоида Тада-томи	1	1–4

«Продолжение истинного собрания» 続修, «Дзокусю:»	50	Z	Асакуса бунко	2	5–8
«Продолжение продолжения истинного собрания», 続修後集, «Дзокусю:косю:»	43	ZK	Асакуса бунко	3	9–11
«Дополнение к продолжению истинного собрания» 続修別集, «Дзокусю:бэцусю:»	50	ZB	Асакуса бунко	4	12–14
«Поврежденные документы» 塵芥, «Дзинкай»	39 + 3 тома	J	Бюро книг Министерства внутренних дел	5	15–17
«Дальнейшее продолжение» 続々修, «Дзокудзю- кюсю:»	440 + 2 тома	ZZ	Ведомство по упорядочиванию и классификации сокровищ Сёсоин	6 Продолжает выходить	Продолжает выходить

Публикации и исследования, о которых пойдет речь дальше, сильно отличаются от обсуждавшихся. Это уже не просто упорядочивание документов, а создание публикаций, удобных для исследовательской работы. Издания после 1901 г. по 1965 г. были далеки от совершенства, однако позволили ученым хотя бы обратить внимание на ту часть документов Сёсоин, которая раньше игнорировалась.

«Старые документы великой Японии в хронологическом порядке» (大日本古文書 (編年), «Дайнихон комондзё (хэннэн)», далее ДНК – это расшифрованная печатная публикация нарских документов в хронологическом порядке; 90% документов здесь – это как раз Сёсоин-мондзё. Можно даже сказать, что это новое упорядочивание, целью которого было восстановить хронологическую последовательность документов. Составители ДНК изучали документы

из коллекций упорядоченных и скопированных документов. Состоит ДНК из 25 томов и считается одним из самых важных изданий документов Сёсоин. Его тома можно найти в многочисленных библиотеках, а сейчас в частично оцифрованном виде на сайте Национальной парламентской библиотеки 国立国会図書館⁴ или на сайте Института историографии при Токийском университете 東京大学史料編纂所⁵. Документы Сёсоин, опубликованные в ДНК, доступны всем желающим. Это был несомненный прорыв – ведь до этого издания только избранные могли с ними соприкоснуться.

Публикация началась в 1901 г. и заняла почти сорок лет – последний том был выпущен в 1940 г. Занимался изданием Институт историографии при Токийском университете.

ДНК можно разделить на три части по времени появления томов, назовем их частями А, В, С (таблица 3).

Таблица 3. Группы документов ДНК			
	свитки	Год начала публикации	Год окончания публикации
А	1–6	1901	1904
В	7–23	1907	1937
С	23–25	1937	1940

Эти три группы состоят из хронологически расположенных документов. Многие документы одной группы повторяют документы другой.

Группа А включает в себя документы, которые мэйдзийские ученые посчитали наиболее важными: подворные реестры, налоговые отчеты, взятые из списанных официальных документов. У документов группы А есть существенный недостаток: дело в том, что как раз во время их изучения и публикации ученые того же факультета гуманитарных наук Институт историографии при Токийском университете занялись созданием копий с оригиналов документов методом калькирования и их тщательной сверкой с оригиналами

⁴ Кокуруцу коккай тосёкан : <https://ndl.go.jp/>

⁵ То:кё: дайгаку сирё: хэнсандзё : <https://www.hi.u-tokyo.ac.jp/>

(«копирование по тени», 影写, *кагэцуцу*). Метод заключался в том, что на оригинал клали лист тонкой японской бумаги и кистью с тушью в точности повторяли написанное. Поэтому в период работы над документами группы А оригиналы не были доступны и ученым пришлось использовать устаревшие к тому времени копии Охаси и Косуги. В итоге фрагменты были приведены не полностью и содержали ошибки.

Ученые Института историографии попытались исправить многие ошибки путем издания следующей группы документов: группы В. Документы группы В публиковались гораздо дольше, с 1907 по 1937 гг., но уже во время их публикации ученым стало понятно, что и они содержат много неточностей и пропусков. Поэтому было решено сделать дополнительную публикацию документов (группа С), которая бы исправляла некоторые, далеко не все, неточности публикаций А и В.

В ДНК часто отрывки соединены неправильно. Сакаэхара Товао приводит в пример длинный документ скриптория «Записи о выдаче подкладочной бумаги» (間紙充帳) [Sakaehara 2011, p. 56]. На оборотной стороне этого документа были самые разные официальные документы, поэтому во время составления предыдущих коллекций этот отчет был разрезан на несколько фрагментов. Составители ДНК не смогли восстановить документ в его изначальной целостности, его фрагменты оказались в разных томах под разными названиями. Поскольку документ очень объемный, в таблице 4 мы приведем данные о судьбе лишь шести его фрагментов (без перевода названия).

ДНК – безусловный прорыв для своего времени в изучении документов Сёсоин. И по сей день эта публикация полезна для исследователей, хотя работа с ней и требует определенного навыка. Текст содержит много неточностей, и их следует учитывать.

Микрофильмирование документов проводилось Департаментом архивов и усыпальниц управления императорского двора (宮内庁書陵部) с 1954 г. по 1965 г. Свитки разворачивали на черной ткани и делали негативы лицевой и оборотной стороны. Смотреть их можно было через микроридер в научных библиотеках. Немного позже стали появляться печатные бумажные копии негативов. Все это привело к расширению возможностей для изучения документов и росту числа желающих их изучать. И у такого способа издания документов есть свои плюсы и минусы.

<p align="center">Таблица 4. Фрагменты отчета «Записи о выдаче подкладочной бумаги» (間紙充帳)</p>				
Название фрагмента в ДНК	Том в ДНК, страница	Место фрагмента в коллекциях, свиток	Изначальная датировка VIII в.	Списанный документ на оборотной стороне
写経疏集間紙充帳	8, с. 560	S 20	Тэмпё: 17-5-25 (745 г.)	Подворный реестр деревни Осима, что находится в уезде Кацусика провинции Симоса 下総国葛飾郡大嶋郷戸籍
経師充紙帳	8, с. 573	S 25	Тэмпё: 17-9-8 (745)	Подворный реестр села Миита, что находится в уезде Ямаката провинции Мино 御野国山方郡三井田里戸籍
写疏紙経師充帳	24, с. 352	ZB 46	Тэмпё: 18-3-7 (746)	нет
写疏紙経師充帳	24, с. 353	ZZ 37	Тэмпё: 18-8-14 (746)	нет
六卷鈔充紙帳	9, с. 332	S 21	Тэмпё: 19-2-2 (747)	Подворный реестр деревни Офу, что находится в уезде Курама, провинции Симоса 下総国倉麻郡意布郷戸籍
六卷鈔充紙帳	9, с. 335	S 21	Тэмпё: 18-2-6 (746)	Подворный реестр деревни Офу, что находится в уезде Курама, провинции Симоса 下総国倉麻郡意布郷戸籍

Самое важное, что стоит иметь в виду при работе с микрофильмами и фотокопиями, – это то, что мы видим фрагменты в том порядке, какой они получили в результате упорядочиваний: это не реконструкция изначального вида документов, а отражение их реального состояния. Часть текста на фотографиях скрыта белыми листами бумаги, которые использовались для соединения фрагментов во время упорядочивания. Не видны швы, следы клея, потертости и т.п. Также плохо видны места, написанные красными чернилами или же просто написанные бледно или неразборчиво. А в ДНК, при всех ошибках, видно все, и часто есть пометки, каким цветом что написано.

Микрофильмы и пленочные фотографии 1950-60-х гг. годятся разве что для уточнения текста из ДНК. По ним невозможно установить связи между документами. Однако для своего времени они были ценны – ученые наконец-то смогли увидеть документы в оригинале и провести хоть какое-то сличение.

Поворот от изучения списанных официальных документов к изучению документов скриптория и восстановлению их первоначального облика (復原, *фукугэн*), совершил Минагава Канъити 皆川完一 (1928–2011). Выпускник исторического факультета Токийского университета, он с 1956 г. работал в Институте историографии при том же университете. Время ранней поры его научной деятельности пришлось на упрощение доступа к документам Сёсоин, связанным с выходом ДНК, появлением микрофильмов и публикацией первых пленочных фотографий. И если ДНК и микрофильмы документов просто констатировали факт существования документов Сякёдзё, то Минагава занялся их изучением и разработкой методологии для этого. В 1962 г. вышел его первый труд, связанный с изучением документов Сякёдзё, – «*О копировании полного буддийского канона при государыне-супруге Ко:мё:*» (光明皇后願經五月一日經の書写について, «*Ко:мё:ко:го: ганкё: гогацуцутатикё: но сёсяни цуитэ*»). Исследование посвящено процессу копирования сутр, восстановленному по документам скриптория. При этом в каком-то смысле, это одно из первых антропологических исследований по документам Сёсоин так как процесс копирования сутр раскрывает многие личностные мотивы и черты как заказчиков, так и переписчиков. Этим трудом Минагава заложил основу для дальнейших исследований и реконструкций документов скриптория. Процесс восстановления представляет собой соединение разрозненных

фрагментов воедино, 接続, сэцудзоку. Соединял Минагава разрозненные фрагменты, изучал края фрагментов (端部, танбу), бумажные швы и т. п. Многие термины, которые мы использовали в этой статье, ввел именно он.

Одним из самых важных достижений Минагава были семинары по изучению документов, которые он проводил в 1983–1988 гг. Эти семинары привлекли к изучению Сёсоин-мондзё новых людей, которые в дальнейшем продолжили дело Минагава, превратив изучение документов Сёсоин в отдельное направление исследований древней Японии. Один из знаменитых учеников Минагава и участник его семинаров – Сакаэхара Тобао 栄原永遠男 (р. 1946), чьи работы мы не раз цитировали.

На семинарах Минагава-сэнсэй и его слушатели изучали связи между разрозненными после упорядочиваний фрагментами документов Сякёдзё, вырабатывали методы восстановления их изначального облика и порядка. Ими была выведена аксиома всего процесса изучения документов: связь между фрагментами может быть подтверждена только сличением состояния краев и написанных на них текстов. Работа эта довольно трудоемкая, так как только немногие исследователи имеют физический доступ к документам, к тому же многие края фрагментов документов Сякёдзё скрыты белой бумагой, которую использовали при упорядочивании. Однако Минагава и его ученикам мало-помалу удалось восстановить изначальный порядок некоторых фрагментов и составить каталоги, в которых была указана информация о соединениях и состоянии краев (接続情報, сэцудзоку-дзё:хо:). Благодаря этому и стало возможно дальнейшее изучение документов Сякёдзё. По этой информации легко реконструировать оригинальный нарский порядок документов и приступить к изучению текстов. Поэтому можно уверенно сказать, что Минагава кардинально изменил видение наукой документов Сёсоин.

Еще во время семинаров на основе работы Минагава и его учеников Институт историографии при Токийском университете стал выпускать регистр сведений о восстановлении документов и другой «технической» информацией – «Регистр документов Сёсоин» (正倉院文書目録, «Сё:со:ин-мондзё мокуроку»). Начал он выходить в 1987 г. и продолжает пополняться до сих пор. На сегодняшний день в нем шесть томов, каждый том посвящен одному из шести

упорядочиваний (от S до ZZ). Регистр служит ключом к изучению документов. Тексты фрагментов в нем не представлены (только начальная и конечная фразы), но есть отсылка к ДНК и вся техническая информация: из скольких фрагментов состоит документ и каким по счету является данный фрагмент, название документа, дата, какие части отсутствуют (предыдущая, последующая или обе); указаны наличие печати, тип и качество бумаги, данные о том, каким способом фрагмент был отрезан, о состоянии краев, следах клея и др. На одном развороте регистра помещаются обе стороны фрагмента: на первой странице находится документ, который в нарское время был на обратной стороне, то есть, списанный документ, на второй – документ Сякэдзё.

В конце каждого тома регистра есть *«Каталог сопоставлений с ДНК»* (大日本古文書対照目録 *«Дайнихон комондзё тайсё: мокуроку»*). В нем приводятся сведения о документах Сёсоин, собранных на страницах ДНК: уточняются номер каждого фрагмента, название документа, к которому он относится, приводится том и страницы, на которых он расположен в регистре. Это упрощает чтение текстов документов. В самом конце каталога приводится список документов, которые есть в оригиналах упорядочиваний, но почему-то отсутствуют в ДНК (未収, мисю:)

Другим важным каталогом является *«Фотособрание документов Сёсоин»* (正倉院古文書影印集, *«Сё:со:ин мондзё эйинсю:»*). Оно выходит с 1988 г. по настоящее время. Сейчас выпущено 17 томов, организованных в соответствии с шестью коллекциями упорядочивания.

Уже в 1980-е гг. на семинарах Минагава было понятно, что отснятые в 1960-х гг. микрофильмы и первые пленочные фотографии – это большое достижение для своего времени, но для современного ученого, стремящегося восстановить изначальный порядок документов, они плохо применимы. Поэтому с окончанием семинаров часть ученых занялась созданием новых цифровых копий с оригиналов документов. Эти фотографии очень четкие, хорошо видны надписи красными чернилами и бумажные швы. Можно разобрать и спрятанные под белой бумагой надписи на краях. Также есть пометки, где искать фрагмент в ДНК. Если какого-то фрагмента в ДНК нет, то в фотокаталоге это тоже указывается. К каждому тому даются подробные пояснения с описанием фрагментов и их физического состояния, которое

иногда бывает сложно оценить по фотографии. Недавно часть томов была выложена на официальном сайте Сёсоин⁶.

Сейчас выходит много словарей, индексов, баз данных, в том числе и электронных, помогающих заниматься документами Сёсоин и раскрывать их содержание: «Указатель комментариев к буддийским текстам нарских документов» (奈良朝典籍所載仏書解説索引), составленный Кимото Ёсинобу 木本好信, «Указатель вещей и предметов, о которых говорится в документах Сёсоин по тексту ДНК» (正倉院文書事項索引), составленный Сэкинэ Сэнрю 関根真隆, «Указатель государственных ведомств, государственных постов, топонимов и храмов и святилищ, упоминаемых в документах Сёсоин по тексту ДНК» (正倉院文書索引 : 官司・官職・地名・寺社編), составленный Наоки Кадзиро 直木孝次郎, «Словарь имен и биографий личностей, упомянутых в документах Сёсоин» (日本古代人名辞典), составленный Такэути Ридзо 竹内理三 и его помощниками, «Каталог сутр, переписанных в древней Японии» (日本古寫經現存目録), созданный Танака Коида 田中塊堂, электронная база документов на сайте сокровищницы или на сайте Института историографии при Токийском университете. Также выходят сборники исследований документов Сёсоин.

Итак, мы видим, что семинары Минагава Кэнъити изменили представления о документах Сёсоин: служебные документы Сякёдзё стали для ученых серьезнейшим объектом изучения и открыли целый новый мир на пути к изучению человека и его жизни в эпоху Нара. Конечно, никто не умаляет значимости списанных документов, однако они уже изучались, чего нельзя сказать о документах скриптория. После семинаров ученые сосредоточились на восстановлении первоначального облика документов Сёсоин, информацию о котором собирали в каталоги. По этой информации, если приноровиться ее использовать, документы легко реконструируются и читаются. Таким образом, нам открывается очень много информации о жизни и мировоззрении людей VIII в.

---

⁶ Сё:со:ин : <https://shosoin.kunaicho.go.jp>

Заключение

Документы сокровищницы Сёсоин – важнейший источник для изучения эпохи Нара и ее человека, жившего в буддийской действительности. Задачей нашей статьи было заложить основу для работы с этим сложнейшим комплексом документации в будущем, создать понимание того, что это за источник и как с ним обращаться.

Документы Сёсоин изначально хранились в архиве при храме Тодайдзи и только в самом конце VIII в. были перенесены в сокровищницу. Они представляют собой служебную документацию скриптория Сякёдзё при храме Тодайдзи, для которой использовались оборотные стороны списанных официальных документов из других ведомств. Когда ученый школы *кокугаку* Хоида Тадатомо в 1830-х гг. их обнаружил и стал изучать, документы скриптория его не заинтересовали – зато заинтересовали документы, находящиеся на оборотной стороне документов скриптория и дающие информацию о системе *рицурё*. Он решил составить коллекцию документов, и для этого вырезал интересующие его фрагменты списанных документов из свитков документации Сякёдзё. То есть оборотная и лицевая стороны листов снова поменялись местами. Ученые начала периода Мэйдзи последовали примеру Хоида и составили еще пять коллекций. Так документы Сякёдзё оказались разобщены. И только в 1960-е гг. отношение к ним стало меняться. Поворот от изучения списанной документации к изучению документов Сякёдзё совершил Минагава Канъити. Он и его ученики выработали методологию изучения документов, начали составлять первые регистры с технической информацией, необходимой для восстановления изначального облика и порядка документов Сякёдзё. Сейчас их методы совершенствуются, регистры постоянно пополняются, а изучение документов Сякёдзё стало отдельной областью японской исторической науки.

Библиографический список

Голиков А. Г., Круглова Т. А. (2014). *Методика работы с историческими источниками*. – Москва: Академия.

Мещеряков А. Н., пер. (2018). *Сёку нихонги. Продолжение анналов Японии*. Пер. и комм. А. Н. Мещерякова. – Москва: Дело.

Мещеряков А. Н., Грачев М. В. (2010) *История Древней Японии*. – Москва: Наталис

Мещеряков А. Н. (2010). Древнеяпонское государство VIII в. и стихийные бедствия: ритуальные и практические формы контроля. *Япония в объятиях пространства и времени*. – Москва: Наталис. С. 116–294.

Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость (2007) / подгот. А. Н. Игнатович и В. В. Северская. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Ладомир.

References

Aoki, K., Sasayama, H., Inaoka, K., Shirafuji, N. (Eds.). (2003–2005). *Shoku Nihongi*. Vol. 4. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Bell, C. (1992). *Ritual Theory, Ritual Practice*. Oxford: Oxford University Press.

Farris, W. W. (2007). Pieces in a Puzzle: Changing Approaches to the Shōsōin Documents. *Monumenta Nipponica*, 62(4), 397–435.

Golikov, A. G., Kruglova T. A. (2014). *Metodika raboty s istoricheskim istochnikom* [Methods of Working With Historical Sources]. Moscow: Akademiya. (In Russian).

Hirakawa, M. (1994). *Yomigaeru kodai monjo* [Ancient Documents Revived]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Lowe, B. D. (2017). *Ritualized Writing Buddhist Practice and Scriptural Cultures in Ancient Japan*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Maruyama, Y. (1999). *Tenpyō no hikari to kage: Shōsōin monjo ga kataru kodai no Nihon* [Tenpyō Era Light and Shadows: Ancient Japan Discussed in Shōsōin Documents]. Tokyo: Nihon hōsō kyōkai. (In Japanese).

Meshcheryakov, A. N. (2010). Drevneyaponskoe gosudarstvo VIII v. i stikhiinye bedstviya: ritual'nye i prakticheskie formy kontrolya [The Ancient Japanese State in the 8th Century and Natural Disasters: Ritual and Practical Forms of Control]. In *Yaponiya v ob'yatiyakh prostranstva i vremeni* [Japan in the Embrace of Space and Time]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N., Grachev, M. V. (2010) *Istoria Drevnei Yaponii* [History of Ancient Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (Transl. and commentary). (2018). *Syoku nikhongi*. *Prodolzhenie annalov Yaponii [Shoku Nihongi*. Continuation of the Chronicles of Japan]. Moscow: Delo. (In Russian).

Mikoshiha, D. (2002). Empress Kōmyō's Buddhist Faith: Her Role in the Founding of the State Temple and Convent System. In B. Ruch (Ed.), *Engendering Faith: Women and Buddhism in Premodern Japan* (pp. 21–40). Ann Arbor: Center for Japanese Studies, University of Michigan.

Minagawa, K. (1972). Shōsōin monjo no seiri to sono shahon [Arranging and Copying of Shōsōin Documents]. In: *Shoku Nihon kodaishi ronshū* [Essays on Ancient Japan History] (Vol. 2, pp. 515–606). Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

Sagimori, H. (1996). Fujiwara Kōmyō shika ni kansuru hito shiryō [Historical Document Concerning Fujiwara Kōmyō and Her Family]. *Shoku Nihongi kenkyū* [Shoku Nihongi Studies], 305, 1–29. (In Japanese).

Sakaehara, T. (2011). *Shōsōin monjo nyūmon* [Introduction to Shōsōin Documents]. Tokyo: Kadokawa. (In Japanese).

Schopen, Gr. (2010). The Book as a Sacred Object in Private Homes in Early or Medieval India. In E. Robertson and J. Jahner (Eds.), *Medieval and Early Modern Devotional Objects in Global Perspective: Translations of the Sacred*. New York: Palgrave Macmillan.

Sutra o Beschislennykh Znacheniyakh. Sutra o Tsvetke Lotosa Chudesnoi Dkharmy. Sutra o Postizhenii Deyanii i Dkharmy Bodkhisattvy Vseob'emlyushchaya Mudrost' [Innumerable Meanings Sutra. Miraculous Dharma Lotus Flower Sutra. Sutra of Comprehending the Deeds and Dharma of Bodhisattva Universal Wisdom]. (2007). Igantovich, A. N., Severskaya, V. V. (Eds.). 2nd edition. Moscow: Lodomir. (In Russian).

Yamashita, Y. (2006). Tenpyo no shakyo to shakyocho [Sutra Coping and Scriptority in Tenpyo Era]. In *Tenpyo shakyo to sono shuhen* [Tenpyo Era Sutra Coping and its Environs] (pp. 15–26). Tokyo: Bukkyo bijutsu kenkyu Ueno kinen zaidan josei kenkyukai. (In Japanese).

Yoshida, T. (1983). *Ritsuryō kokka to kodai no shakai* [The Society of Antiquity and the Ritsuryō State]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 409–441
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 409–441
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-409-441

Личность Сугихара Тиунэ (1900–1986) и сохранение исторической памяти о нём

Д. И. Воробьёва

Аннотация

Статья посвящена исследованию биографии и исторической памяти о японском консуле в Литве в 1939–1940 гг. и о единственном японце-Праведнике народов мира Сугихара Тиунэ, который с июля по сентябрь 1940 г. выдал 2139 транзитных виз польским и литовским евреям, благодаря чему они избежали трагедии Холокоста на территории Литвы после нападения Германии на СССР.

Для удобства читателей работа разделена на 5 частей. Первая сосредоточена на этапах карьеры Сугихара до назначения консулом в Каунасе: на ранней биографии (1900–1919 гг.), обучении русскому в Харбине (1919–1924 гг.), работе в японском генконсульстве (1925–1932 гг.) и МИД Маньчжоу-го (1932–1935 гг.), переводе на службу в МИД Японии в Токио (1935–1937 гг.) и отъезде в диппредставительство в Финляндии (1937–1939 гг.). Наряду с описанием профессионального роста важное место в этой части занимает анализ личной жизни и процесса формирования воззрений Сугихара, которые впоследствии определили его готовность к поступку, на первый взгляд не свойственному дипломату милитаристской Японии.

Вторая и третья часть посвящены деятельности Сугихара в Каунасе (1939–1940 гг.). При этом внимание уделено как его разведывательной деятельности при поддержке польских агентов, так и частной жизни, события которой развили ранее сформировавшуюся способность Сугихара на сочувствие к людям другой национальности. Здесь же подробно описан процесс выдачи транзитных виз еврейским беженцам, сознательно проводившийся в нарушении указаний МИД, а также оценено число покинувших Литву благодаря Сугихара и описан их дальнейший путь.

Четвёртая часть, хотя и небольшая, охватывает довольно широкий период жизни бывшего японского консула в Литве: работу в Праге (1940–1941 гг.), Кёнигсберге (1941 г.) и Бухаресте (1941–1944 гг.), интернирование и репатриацию в Японию (1944–1947 гг.), службу в различных коммерческих фирмах (1947–1975 гг.) и процесс признания Праведником (1984 г.).

И, наконец, заключительная часть работы посвящена анализу исторической памяти о Сугихара в Израиле, Японии, США, Польше, Литве и России, а также выявлению основных отличий в её характере и причин, определивших эту неоднородность.

Ключевые слова: Сугихара Тиунэ, милитаристская Япония, Холокост, транзитные визы, Праведник народов мира, локальная идентичность, национальный исторический нарратив.

Автор: Воробьева Дарья Игоревна, студентка 5 курса ОП «Востоковедение», Школа востоковедения, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 5
E-mail: dashavorobeva01@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Personality of Sugihara Chiune (1900–1986) and the Preservation of Historical Memory of Him After World War II

D. I. Vorobeva

Abstract

The article is dedicated to researching the biography and historical memory of the Japanese consul in Lithuania in 1939–1940 and the only Japanese Righteous Among the Nations Sugihara Chiune, who issued 2139 transit visas to Polish and Lithuanian Jews from July to September 1940, which helped them escape the tragedy of the Holocaust in Lithuania after the German attack on the USSR.

For the reader's convenience, the work is divided into 5 parts. The first focuses on the stages of Sugihara's career before his appointment as consul in Kaunas: his early biography (1900–1919), his study of Russian in Harbin (1919–1924), his work at the Japanese Consulate General (1925–1932) and the Manchukuo Foreign Ministry (1932–1935), his transfer to the Japanese Foreign Ministry in Tokyo (1935–1937), and his departure for a diplomatic mission in Finland (1937–1939). Along with a description of his professional development, an important place in this part is occupied by an analysis of Sugihara's personal life and the process of shaping his views, which subsequently determined his willingness to act in a way that, at first glance, was not typical of a diplomat of militarist Japan.

The second and third parts describe Sugihara's activities in Kaunas (1939–1940). Attention is paid both to his intelligence activities with the support of Polish agents and to his private life, the events of which developed Sugihara's earlier capacity for sympathy for people of other nationalities. It also details the process of issuing transit visas to Jewish refugees, deliberately carried out in violation of Foreign Ministry instructions, as well as estimates of the number who left Lithuania thanks to Sugihara and describes their further journey.

The fourth part, although small, covers a broad period in the life of the former Japanese consul in Lithuania: his work in Prague (1940–1941), Königsberg (1941), and Bucharest (1941–1944), internment and repatriation to Japan (1944–1947), work in various commercial firms (1947–1975) and the process of recognition as a Righteous (1984).

Finally, the final part of the paper is devoted to the analysis of the historical memory of Sugihara in Israel, Japan, the USA, Poland, Lithuania, and Russia, as well as identification of the main differences in its nature and the reasons that determined this heterogeneity.

Keywords: Sugihara Chiune, militarist Japan, Holocaust, transit visas, Righteous Among the Nations, local identity, national historical narrative.

Author: *Vorobeva Daria Igorevna*, student of the “Asian and African Studies” educational program, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (HSE University): 21/4(5), Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation

E-mail: dashavorobeva01@mail.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Сугихара Тиунэ (Сэмпо) – единственный японец, признанный Праведником народов мира (1984 г.). Этого почётного звания удостоивает мемориал Яд Вашем, являющийся официальным учреждением государства Израиль, на которое возложена ответственность за сохранение памяти о Холокосте. Наряду с увековечиванием памяти о жертвах нацизма, целью мемориала является признание заслуг неевреев, которые, рискуя своей жизнью, спасали евреев, в связи с чем и была создана категория Праведника народов мира.

Сугихара Тиунэ был удостоен этого звания за то, что, будучи вице-консулом в Каунасе, летом 1940 г. выдал транзитные визы более 2 тыс. евреев, благодаря чему они смогли покинуть Литву и избежать той страшной трагедии, которая произошла после нападения Германии на Советский Союз, унеся жизни более 90% еврейского населения ЛитССР.

Актуальность исследования жизни и исторической памяти о Сугихара Тиунэ обусловлена тем, что судьба любого Праведника народов мира – это пример для подражания и ключ к пониманию того, что всегда есть выбор, следовать ли за общими настроениями враждебности или не быть безразличным и поступать в соответствии с принципами гуманизма. Факт того, что Сугихара Тиунэ был консулом страны, уже заключившей Антикоминтерновский пакт (1936 г.) и стоявшей на полпути от заключения военного союза с нацистской Германией, ещё более актуализирует тему и делает образ милитаристской Японии более многогранным.

Кроме этого, научная ценность изучения судьбы Сугихара Тиунэ подкрепляется тем, что исследования по данной проблеме на иностранных языках не только немногочисленны (на русском же они фактически отсутствуют), но и характеризуются разнородностью данных. Например, до сих пор имеются споры относительно того, была ли первая жена Сугихара Клавдия Аполлонова еврейкой и могло ли это как-то предопределить его гуманный поступок в Литве? Что вообще двигало японским консулом в данный момент – казалось бы, важнейший вопрос всех исследований, но и на него нет чёткого ответа. Сколько евреев спаслось благодаря визам, выданным Сугихара летом 1940 г.? Почему после этого против вице-консула не было применено санкций со стороны МИД Японии, которая уже 27 сентября 1940 г.

подпишет Тройственный пакт и станет полноценным союзником Германии? Но почему он всё-таки был уволен после войны? В связи с чем процесс признания Праведником растянулся аж до 1984 г.? И это лишь часть вопросов по биографии, вопросов же относительно исторической памяти, которая освещается лишь в нескольких небольших статьях, ещё больше. На все из них мы попытаемся ответить в данной работе, а в качестве отправной точки же сформулируем причины, предопределившие их нерешённость. Во-первых, на наш взгляд, среди таковых можно выделить довольно позднее введение тематики в научный дискурс: изучение жизни единственного японского Праведника народов мира началось лишь после присвоения ему данного статуса, то есть, как упоминалось ранее, лишь с середины 1980-х гг.

Во-вторых, авторы работ, будучи в большинстве своём либо носителями английского, либо японоговорящими, не имели возможности должным образом охватить те или иные источники и, в частности, на русском – языке, с которым была связана большая часть жизни Сугихара. Так, в данной статье впервые в научный оборот будут введены русскоязычные материалы Государственного архива Хабаровского края,¹ помогающие установить происхождение первой жены Сугихара белоэмигрантки Аполлоновой, и документы JACAR (Japan Center for Asian Historical Records),² освещающие учебные успехи будущего консула в Харбине.

Биография до назначения вице-консулом в Каунасе

Сугихара Тиунэ родился 1 января 1900 г. в небольшом городке Яоцу префектуры Гифу. Он был вторым сыном в семье, имея три брата и сестру. Мать Яцу имела самурайское происхождение, и, выбрав Сугихара Ёсими, она вышла замуж за человека более низкого статуса, ведь он был всего лишь служащим в налоговом управлении [Shiraishi 2021,

¹ Аполлонова К. С. Российские эмигранты в Маньчжурии. *Государственный архив Хабаровского края*. https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/48131/https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/48137/?sphrase_id=172214 https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/48128/?sphrase_id=207393

² Gaimushō ryūgakusei kankei zakken, Ajia kakuchi, Seiseki hōkokusho, daiikkan, bunkatsu 1 [Miscellanea about Ministry of Foreign Affairs students studying abroad, Various locations in Asia, Achievements report, Vol. 1, Partition 1]. *JACAR (Japan Center for Asian Historical Records)*. <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/B16080860600> P. 28-31

р. 18]. По долгу службы Сугихара-старший вместе с женой и детьми был вынужден часто переезжать по разным префектурам Японии: из Гифу в Миэ, а затем в Айти [Pulvers 2015]. В 1910 г. отец Тиунэ переезжает вновь – на этот раз в аннексированную Корею без семьи. Несмотря на то, что теперь он жил далеко и по объективным причинам не принимал участия в воспитании сына, он желал, чтобы Тиунэ стал врачом, но тот проявлял выдающиеся языковые способности и в дальнейшем хотел найти профессию, где можно было бы применить знания английского [Shiraishi 2021, p. 18].

Следуя своему желанию, в апреле 1918 г. Сугихара Тиунэ отправляется в Токио и поступает в Университет Васэда на отделение английской филологии Факультета подготовки преподавателей средней школы. Поскольку он нарушил волю отца, материальной помощи от семьи он не получал и был вынужден подрабатывать. Тем не менее, вскоре стало ясно, что имеющегося заработка не хватает на покрытие оплаты обучения и жильё [Сираиси 2007]. В этот момент помогла воля случая.

В конце мая 1919 г. ему довелось прочесть газетную заметку о том, что МИД проводит набор желающих изучать иностранные языки за границей. Указывалось так же, что выбранным кандидатам будет положена стипендия. Для Сугихара это был очень хороший шанс. Вступительные экзамены были пройдены успешно, и 17 июля он получил уведомление о том, что может поехать на стажировку, однако необходимо поменять язык специализации, поскольку имеется дисбаланс. Изначально Сугихара, как и многие, выбрал испанский, но, узнав, что на него есть лишь одна вакансия, он изменил выбор в пользу русского [Shiraishi 2021, p. 18–19].

Поскольку в то время Япония не имела дипломатических отношений с советской Россией, осенью 1919 г. Сугихара был отправлен в китайский Харбин, который был «колыбелью» белой эмиграции, в том числе для более чем 10 тыс. евреев. Согласно статье Сугихара «Юки но Харубин» («Из снежного Харбина»), напечатанной в 1920 г. в журнале «Дзюкэн то гакусэй» («Экзамены и студенты») и воспроизведённой в книге К. Ватанабэ, уже в первые дни он понял правильность своего выбора: побывав в японском консульстве, он обнаружил значительное количество русских, желающих получить визу, и совершенно небольшое число сотрудников, понимающих их [Watanabe 2000, p. 395].

Обучение Сугихара длилось с октября 1919 г. по февраль 1924 г. с перерывом на прохождение обязательной военной службы в Йонсане³ с октября 1920 г. по апрель 1922 г. [Shiraishi 2021, p. 23]. Как пишет сам Сугихара в «Юки но Харубин» («Из снежного Харбина»), изначально в Харбине не было школ русского языка, поэтому его поселили в русской семье [Watanabe 2000, p. 395]. Однако в сентябре 1920 г. при Японо-российском обществе⁴ была открыта одноимённая школа, и, когда Сугихара вернулся со службы, он поступил именно в неё. Благодаря своему таланту в изучении языков, несмотря на полтора года отсутствия, на первых экзаменах Сугихара ничуть не уступил своим сокурсникам и, более того, начал работать преподавателем [Shiraishi 2021, p. 25]. Например, обратимся к доселе не рассматриваемому исследователями тексту его экзаменационной речи «Развитие Азии»⁵ в марте 1924 г.⁶ Первое, что бросается в глаза – это то, что написан он в соответствии с правилами дореволюционной орфографии, что не удивительно, поскольку Харбин был убежищем для белых эмигрантов, а дипломатические отношения с советской Россией всё ещё не были установлены. Вторая особенность текста касается подписи Сугихара, которая сделана на русском: «С. Сугихара». Учитывая, что имя 千畝 имеет две транслитерации – прочтение по онным китайским чтениям «Сэмпо» и по кунным японским «Тиунэ» – можно сделать предположение о том, что для русскоговорящих первый вариант был более благозвучным и легко произносимым.

Помимо обучения русскому в школе, Сугихара тесно общался с местными белоэмигрантами. Так, в декабре 1924 г. он женится на белоэмигрантке Клавдии Аполлоновой [Shiraishi 2021, p. 25]. Об обстоятельствах их знакомства ничего не известно, однако данные Государственного архива Хабаровского края проливают свет на биографию Клавдии. Она родилась в апреле 1901 г. в семье Семёна Петровича и Наталии Ивановны Аполлоновых. Примечательно также

³ Сейчас административный округ Сеула.

⁴ Японо-российское общество было основано в 1906 г. сторонниками развития отношений с Россией, в число которых вошли Иноуэ Каору, Окума Сигэнобу и Гото Симпэй. В 1920-х гг. оно выступало за установление дипломатических отношений с СССР.

⁵ Отрывок из речи см. приложение 1.

⁶ Gaimushō riyūgakusei kankei zakken, Ajia kakuchi, Seiseki hōkokusho, daiikkan, bunkatsu 1 [Miscellanea about Ministry of Foreign Affairs students studying abroad, Various locations in Asia, Achievements report, Vol. 1, Partition 1]. *JACAR (Japan Center for Asian Historical Records)*. <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/B16080860600> P. 28-31

то, что имя её мужа – Сугихара Сергей Павлович (очевидно, это никто иной как Тиунэ).⁷ Исходя из этого, можно сделать два замечания.

Первое касается русского псевдонима Сугихара. Дело в том, что примерно в то же время он принимает православие под именем Сергей, что созвучно с «Сэмпо». Как замечает Т. Ивамура, особую роль в этом сыграла Клавдия [Iwamura 2003, p. 7–8].

Учитывая это, точка зрения Х. Левина о том, что Клавдия была еврейкой [Levine 1996, p. 67–74] и что это повлияло на мировоззрение Сугихара, представляется неверной. Кроме этого, стоит обратить внимание на информацию о её родителях. По данным того же ГАХК, место рождения обоих – город Томск, что очень далеко от т. н. черты оседлости, а в графе «вероисповедание» у обоих стоит православие.⁸

Спустя несколько месяцев после брака с Клавдией, в феврале 1925 г., Сугихара был наконец принят в состав МИД Японии. Став консульским служащим, он работал на этой позиции до 1932 г. В обязанности Сугихара входило посредничество в спорах между русскими и японцами, разведка, проверка советских граждан, желавших посетить Японию и т. п. [Shiraishi 2021, p. 26].

После провозглашения Маньчжоу-го (1 марта 1932 г.) промилиитарски настроенного начальника Сугихара, Охаси Тюити, назначают заместителем министра иностранных дел нового марионеточного государства. Ценя знания и навыки подчинённого, он инициировал и его перевод и не прогадал [Сираиси 2007]. После создания Маньчжоу-го обострились проблемы вокруг управления КВЖД, и появились предпосылки для её продажи формальной правопреемнице Китая. Сделка состоялась в марте 1935 г., но ей предшествовал этап двухлетних переговоров, в ускорении которого немалая роль принадлежала и Сугихара – через личные контакты с белоэмигрантами он собирал данные, игравшие против СССР [Shiraishi 2021, p. 44–47]. Его старания были оценены, и он получил повышение, однако спустя три месяца после сделки он подаёт в отставку (1 июля 1935 г.) и возвращается в Токио [Сираиси 2007]. Причины этой отставки ясны не

---

⁷ Аполлонова К. С. Российские эмигранты в Маньчжурии. *Государственный архив Хабаровского края (ГАХК)*: <https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/48131/>

⁸ Аполлонова Н. И. Российские эмигранты в Маньчжурии *Государственный архив Хабаровского края (ГАХК)*. https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/48137/?sphrase_id=172214 https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/48128/?sphrase_id=207393

до конца. Однако стоит остановиться на предположениях, которые обозначены в научной литературе.

1) Первый фактор, оказавший влияние на решение Сугихара, носит исключительно эмоциональный характер и был озвучен его второй женой Кикичи (Сугихара) Юкико, которая привела цитату мужа: «*Я не смог вынести того, что японцы ужасно относились к китайцам, не считая их за людей*». [Sugihara 1990, p. 34] Это, бесспорно, характеризует Сугихара как гуманного человека, однако, вероятно, данные обстоятельства были не единственной причиной отъезда.

2) Так, К. Ватанабэ предполагает, что важную роль сыграл фактор усиления влияния военных: *Кэмпэйти* (Корпус военной милиции), осведомлённый о контактах Сугихара с белоэмигрантами, мог подозревать его в двойном шпионаже [Сираиси 2007]. Более того, его друг Касай Тадакадзу в одном из интервью сообщил: «*Принято считать, что Сугихара уволился из Маньчжурии, потому что ему не нравилось то, как японская армия контролировала маньчжурское правительство*» [Levine 1996, p. 102]. Другими словами, «военный» фактор имел два аспекта: опасность попасть под подозрение в шпионаже и неприятие Сугихара власти военных.

По возвращении в Токио Сугихара занимает рядовые должности в МИД Японии. Он пробудет здесь всего с 1935 г. по 1937 г., но даже за этот незначительный срок в его жизни случаются два важных события. Во-первых, именно в эти годы он встречает свою вторую жену Юкико [Sugihara 2003, p. 5]. Обстоятельства развода с Клавдией не очень ясны – понятно лишь то, что это было сделано по обоюдному согласию. Поскольку развод был оформлен 30 декабря 1935 г., то есть уже после прибытия Сугихара в Токио [Shiraishi 2021, p. 50], есть основания полагать, что женщина просто не могла последовать за мужем в Японию. Юкико же будет сопровождать Тиунэ во всех дипломатических поездках, в том числе и в Каунас.

Второе событие, предопределившее литовские события, – это отказ СССР одобрить кандидатуру Сугихара в качестве сотрудника посольства в Москве. Персоной нон грата он был признан, вероятно, из-за прошлых контактов с белоэмигрантами [Shiraishi 2021, p. 61–64].

Вместо Москвы дипломат был отправлен в Финляндию, которая для Японии фактически была местом слежки за СССР и где знания

Сугихара были как никогда кстати. Тем не менее, несмотря на накалявшуюся ситуацию в Европе, его жизнь в Хельсинки будет спокойной, но лишь до рокового 1939 г. [Shiraishi 2021, p. 68–69].

Деятельность в Каунасе и знакомство с Солли Ганором

20 июля 1939 г. Сугихара уведомили о переводе в столицу Литвы Каунас⁹ и о необходимости открыть там консульство [Shiraishi 2021, p. 74]. Очевидно, это назначение связано с необходимостью усилить разведку за СССР и Германией. В частности, это доказывает то, что в тот же день назначения в представительства в страны Балтии получили ещё 4 дипломата [Watanabe 2006, p. 89–90]. Более того, сам Сугихара в письме польскому историку Р. Кораб-Жебрыку от 1967 г. отметил, что в Каунасе не было ни единого японца и что его фактической задачей была именно разведка [Palasz-Rutkowska 1997, p. 131–132].

Прибыв в Литву 28 августа, вице-консул почти сразу же устанавливает контакты с поляками, которые бежали из оккупированной немецкими и советскими частями родины.¹⁰ Главными информаторами Сугихара о концентрации немецких и советских войск вблизи границы с Литвой, стали лейтенант и офицер запаса Ян Перц (Лешек Дашкевич) и штабс-капитан польской армии и офицер разведки Ежи Кунцевич (Альфонс Якубянец) [Palasz-Rutkowska, Romer 1995, p. 293].

После оккупации в пока независимую Литву бежали не только поляки, но и евреи, которых на территории Польши насчитывалось более 3 млн. чел. Стоит отметить, что бежали они не только из регио-

---

⁹ Статус временной столицы был официально закреплён за Каунасом с 1920 г. по 1939 г., поскольку историческая столица в это время находилась под контролем Польши.

¹⁰ 23 августа 1939 г. между СССР и Германией был заключён пакт Молотова-Риббентропа. Согласно его секретному протоколу сферой влияния СССР стали Латвия, Эстония, Финляндия, Бессарабия и восточная Польша, Германии – западная Польша. В соответствии с ним 1 сентября 1939 г. Германия, а затем СССР (17 сентября 1939 г.) вторгаются в её пределы. 28 сентября 1939 г. между СССР и Германией был подписан Договор о дружбе и границах, к которому также прилагался секретный протокол. Он корректировал советско-германские договоренности от 23 августа: в зону интересов Третьего рейха добавлялись Люблинское воеводство и восточная часть Варшавского воеводства, а в зону интересов СССР же переходила Литва, которой передавался ранее польский Вильнюс. Именно в последний устремились огромные потоки беженцев со стороны Варшавы и Львова, полагавших, что, если им удастся прибыть в Вильнюс до его передачи, то они окажутся в нейтральной Литве.

нов немецкой оккупации, но и советской, спасаясь не только от Холокоста, но и репрессий [Shiraishi 2021, p. 107–108]. Сугихара же довелось услышать историю еврейских беженцев из первых уст. Далее приведём её краткий пересказ на основе мемуаров «Light One Candle» Солли Ганора – познакомившегося с вице-консулом в декабре 1939 г. еврейского мальчика, чьи родственники бежали из Польши.

Но перед этим подчеркнём следующее: несмотря на то, что мемуары являются источником личного происхождения, при попытке объяснить мотивацию выдать визы евреям летом 1940 г. наиболее авторитетные исследователи биографии Сугихара М. Сираиси [Shiraishi 2021, p. 119–120] и Х. Левин [Levine 1996, p. 154–157] в один голос ссылаются именно на них и называют встречу с Солли Ганором и его родственниками чуть ли не решающей в предопределении готовности помочь евреям.

За неимением данных мы вынуждены последовать за этими авторами, хотя и с некоторой долей критического переосмысления. Нельзя не учитывать, что к моменту пребывания в Литве Сугихара уже, очевидно, сформировался как личность с определёнными характеристиками, и лишь один эпизод не мог изменить его мировоззрения. С другой стороны, как мы видели ранее, он проявил себя как человек, способный на сочувствие, и до этого. Учитывая данные факты, встречу с Солли Ганором стоит называть не определившей готовность японца впоследствии выдать визы евреям, а, скорее, оказавшей дополнительное эмоциональное давление в условиях бушующей войны. М. Сираиси и Х. Левин же в своих работах, вероятно, уделили ей такое значительное внимание в связи с тем, что в мемуарах встреча описана очень подробно и комплиментарно для Сугихара, а потому могла быть удобно вплетена в повествование и легко воспринимается читателями как основополагающая предпосылка гуманного поступка без необходимости оговорок про ранее сформировавшиеся особенности характера вице-консула.

И всё-таки возвращаясь к мемуарам, в один декабрьский день 1939 г. Сугихара познакомился с еврейским мальчиком Солли Ганором. Произошло это случайно в магазине импортных продуктов, где работала тётка мальчика. Солли пришёл туда, чтобы попросить у родственницы денег на кино – Сугихара же, став случайным очевидцем этого диалога, решил помочь мальчику, дав несколько литов. Солли в знак благодарности пригласил японского консула на празднование Хануки. Помимо семьи мальчика на праздновании был их дальний родственник господин Розенблат с 8-летней дочерью Леей,

которые бежали из Варшавы. Он описал то, что происходило с евреями в Польше. Поведал он и свою историю: о том, как в его дом попал снаряд и как погибли его жена и старшая дочь. Сугихара слушал его с вниманием и тревогой. В конце вечера польский еврей спросил консула, не может ли тот выдать ему и его дочери транзитные визы. Японский консул, хотя и сочувствовал Розенблату, был вынужден отказать, поскольку по японскому законодательству такую визу можно было выдать только в случае наличия визы конечного пункта назначения, которая у Розенבלата отсутствовала. В этот момент отец Солли сказал Сугихара, что у него есть виза в США, но пока что он ищет покупателя для своего бизнеса в Литве. На это вице-консул ответил следующее: «*На вашем месте я бы не стал слишком беспокоиться о бизнесе*». [Ganor 1995, p. 33–39] Вряд ли в то время хоть один из присутствующих осознавал, что судьба Польши коснётся Литвы. И, скорее всего, являясь разведчиком, Сугихара предчувствовал угрозу со стороны СССР.

То, что Сугихара думал именно так, косвенно подтверждает очередная встреча с Солли весной 1940 г. Узнав, что мальчик занимается филателией, вице-консул пригласил его, чтобы поделиться японскими марками. В ходе разговора Сугихара поинтересовался, получил ли Розенблат визу – на что Солли ответил отрицательно. Японский консул покачал головой и сказал, что это очень плохо и что нужно что-то делать. Более того, он настойчиво попросил мальчика передать своему отцу следующие слова: «*Время уезжать пришло*». [Ganor 1995, p. 41] Причина, по которой Сугихара с таким участием пытался повлиять на как можно более скорый отъезд семьи, по-видимому, состоит в том, что к марту 1940 г. закончилась советско-финская война, в результате которой СССР не только занял северную часть Карельского перешейка, но и был исключён из Лиги Наций (14 декабря 1939 г.). Как указывает М. Сираиси, хорошо зная Советский Союз, Сугихара понимал, что следующей целью после Финляндии станут прибалтийские страны. Одновременно он знал и об антисемитизме, который был укоренён со времён Российской империи, и о том, что атеистическая страна не потерпит продолжения деятельности синагог и иешив,¹¹ действующих на территории Литвы [Shiraishi 2021, p. 120–121].

---

¹¹ Иешива – высшее учебное заведение, предназначенное для изучения Торы и Талмуда и подготавливающее раввинов. Большое количество иешив было сосредоточено в районах Брест-Литовска (совр. Брест), Пинска и Белостока, которые до 1939 г. входили в состав

Выдача виз, число спасённых и путь беженцев

Через 3 месяца после разговора Сугихара и Солли, 15 июня 1940 г., под надуманным предлогом и нарушая все ранее заключённые соглашения, в Литву вошли советские войска, а спустя неделю Литва выразила готовность начать процесс советизации [Shiraishi 2021, p. 122–124]. В соответствии с этим 1 июля 1940 г. была запрещена любая политическая деятельность, кроме прокоммунистической. Начались аресты всех неугодных [Medzini 2016, p. 119].

Начались и облавы на еврейских лидеров, о чём Сугихара подробно написал МИД 28 июля (Телеграмма № 50). [Sugihara 1990, p. 191–195] Более того, преследования коснулись и простого еврейского населения, которое обвинялось в «буржуазных наклонностях». В связи с этим, начиная с июля 1940 г., местные евреи и беженцы из Польши начинают искать пути бегства из ранее казавшейся безопасной Литвы [Medzini 2016, p. 120].

Одними из таких стали Исаак и Пессла Левин. Последняя, выйдя замуж, хотя и получила польское гражданство, имела голландское происхождение, поэтому в июле 1940 г., находясь в Литве, она обратилась голландскому послу в Латвии де Деккеру с просьбой о выдаче визы в Карибские владения Нидерландов. В письме он ответил ей, что для въезда на о. Кюрасао виза не требуется, но необходимо разрешение от местного губернатора. Тогда Пессла спросила, нельзя ли в её паспорте указать только первую часть, а вторую опустить, ведь на Кюрасао она в любом случае не собирается – ей лишь требуется виза конечного пункта назначения, чтобы покинуть Европу. Де Деккер согласился, и спустя несколько дней в паспорте женщины появилась следующая запись: «...иностранцам не требуется виза для въезда в Суринам, Кюрасао и другие голландские владения в Америке. Рига, 11 июля 1940 года». 22 июля Левин предъявила эту запись голландскому консулу в Литве Яну Звартендийку и попросила указать то же самое в паспорте её мужа. Консул, будучи назначенным на этот пост в мае 1940 г. благодаря своим антинацистским взглядам, согласился.

Польши. Наиболее известная – Мирская иешива, находившаяся вблизи Брест-Литовска. После включения указанных территорий в состав БССР (сентябрь 1939 г.) деятельность некоммунистических еврейских организаций была запрещена, поэтому многие иешивы, существовавшие на территории Беларуси, в том числе и иешива Мира, переместились в переданный Литве Вильнюс.

Спустя день к нему обратился гражданин Нидерландов, учившийся в Тельшайской иешиве, Натан Гутвирт. Звартендийк вновь поставил подобную запись. Гутвирт же распространил эту информацию среди своих знакомых. Например, именно так информация дошла и до Зераха Вархафтига,¹² адвоката из Варшавы, после оккупации вместе с женой бежавшего в Литву [Paldiel 2000, p. 74–77]. И, когда 3 августа 1940 г. Верховный Совет официально принял Литву в состав СССР, а голландское консульство было закрыто, Звартендийк уже успел поставить около 2100–2200 надписей, впоследствии получивших название «Визы Кюрасао» [Paldiel 2000, p. 77].

Большинство из тех, кто получил «Визы Кюрасао», направились в японское консульство. Семья Левин, Натан Гутвирт, Зерах Вархафтиг с женой – все эти люди побывали в очереди перед консульством. Поскольку времени оставалось мало, поляк Перц сделал для Сугихара штамп, чтобы тот не утруждал себя прописыванием одних и тех же иероглифов [Palasz-Rutkowska, Romer 1995, p. 291]. Заполнять паспорта теперь смог и секретарь посольства Вольфганг Гудзе, которому помогал Мойше Зупник, ученик Мирской иешивы, ранее получившей от Звартендийка около 300 виз. Как указывает сам Зупник в интервью 1999 г., однажды немец Гудзе поведал ему причину, по которой он так усердно работает: до жены-немки у него была девушка-еврейка, и поэтому он относится к беженцам со всем сочувствием.¹³

Если посмотреть на т. н. «Список Сугихара»¹⁴ – список людей, которым он выдал визы, направленный в МИД Японии в феврале 1941 г. – можно заметить, что первая транзитная виза была выдана 9 июля, однако о возрастающем потоке беженцев, вице-консул сообщил лишь 28 июля (Телеграмма № 50) [Sugihara 1990, p. 191–195], хотя к этому времени уже выдал 68 виз.

Следующая телеграмма, на которой стоит заострить внимание – телеграмма от 9 августа (Телеграмма № 59). В ней Сугихара информирует о том, что выдал транзитные визы нескольким польским промышленникам, которые пока не получили визы в конечный пункт назначения. 14 августа МИД ответил, что это противоречит законода-

---

¹² Министр Израиля по делам религий в 1961–1974 гг.

¹³ Zupnik M. Oral history interview with Moshe Zupnik. *USHMM*. 1999. <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn508238>

¹⁴ List of people who received a visa from Sugihara. *Yad Vashem*. https://www.yadvashem.org/yv/en/righteous-linked/stories/pdf/sugihara_list.pdf

тельству Японии (Телеграмма № 21). Через два дня поступило дополнительное условие выдачи транзитной визы – наличие средств, достаточных для поездки и временного проживания в Японии (Телеграмма № 22). [Sugihara 1990, p. 191–195]

Однако к тому времени Сугихара перестал соблюдать и первое условие. Так, МИД запретил выдавать визу Леону Полаку, который имел лишь аффидевит¹⁵ от брата из Нью-Йорка (Телеграмма № 23). Но, если мы обратимся к «Списку Сугихара», под номером 836 мы обнаружим его имя. При этом визу Полаку Сугихара выдал 2 августа, а запрос о такой возможности отправил в МИД уже постфактум – 24 августа (Телеграмма № 66). [Sugihara 1990, p. 191–195]

Более того, в письме польскому историку Р. Кораб-Жебрыку от 1967 г. Сугихара признаётся, что начал выдавать транзитные визы вообще всем (не только тем, у кого отсутствовала виза конечного пункта назначения, но и тем, кто не имел аффидевит) уже с 11 августа [Palasz-Rutkowska 1997, p. 137]. Однако в телеграмме от 1 сентября 1940 г. он не упоминает об этом (Телеграмма № 67) [Sugihara 1990, p. 191–195], сообщая, что начал выдавать транзитные визы всем, кто заверил его, что получит визу в конечный пункт до прибытия в Японию. И начал делать это лишь после того, как в Каунасе было закрыто американское посольство (17 августа 1940 г.).

Последние визы в списке датированы 26 августа 1940 г. 28 августа по распоряжению советских властей Сугихара окончательно закрыл консульство и переехал в отель «Метрополис», ожидая дальнейших инструкций. Согласно показаниям очевидцев, уже бывший вице-консул продолжил выдавать транзитные визы вплоть до отбытия 4 сентября, закончив делать это только сев в поезд [Shiraishi 2021, p. 143]. То есть либо он преднамеренно указал не всех беженцев в т. н. «Списке Сугихара», либо, пытаясь соблюсти рамки законности, датировал эти визы более ранними числами.

Это не только в очередной раз подтверждает то, что Сугихара превысил полномочия, спасая еврейских беженцев, но и затрудняет подсчёт спасённых. В «Списке Сугихара» указано 2139 имён, но с учётом вероятности того, что там указаны не все, и фактом частой практики выдачи одной визы на целую семью, это число нельзя отождествлять

---

¹⁵ Документ, предоставляемый принимающей стороной, обычно родственниками, ручающимися за финансовую состоятельность приглашённого лица.

с количеством спасённых. Кроме того, имеются сведения, что не все смогли покинуть Литву [Inaba 2017, p. 267]. Путаает исследователей и то, что имело место подделывание виз. Большинство, получивших транзитные визы, это граждане Польши, ведь там проживало наибольшее число евреев в Европе. Но есть вероятность, что не все визы были выданы им. Так, Г. Кребс пишет, что часть виз могла предназначаться для поляков, знакомых с Перцем и Кунцевичем [Krebs 2017, p. 221–222]. Подтвердить это или опровергнуть сложно. Но косвенным подтверждением данного предположения является уже упоминавшийся штамп, сделанный Перцем для Сугихара. Штамп был не один – Перц сделал копию, и после отъезда Сугихара появилось, как минимум, несколько десятков поддельных японских виз на имя Якуб Гольдберг [Palasz-Rutkowska, Romer 1995, p. 291].

Наиболее часто упоминаемое число спасшихся благодаря Сугихара – 5–6 тыс. человек. Оно появилось в названии книги Сугихара Юкико «*Рокусэннин но иноти но бидза*» («Визы жизни для 6000 человек») из расчёта того, что одна виза выдавалась на 3 человека: на отца, мать и ребёнка. Однако в историографии имеются и другие цифры. Так, Х. Левин называет цифру в 10 тыс. чел. [Levine 1996, p. 13], но, как и данные Юкико, это всего лишь предположение. Тадеуш Ромер, посол Польши в Японии (1937–1941 гг.), в 1942 г. сообщил в МИД Польши в изгнании в Лондоне, что в период с осени 1940 г. по лето 1941 г. в Японию прибыло 2300 беженцев [Inaba 2017, p. 267]. И. Альтман на основании документов «Интуриста» заключил, что в 1940–1941 гг. из Литвы во Владивосток купили билеты не более 3 тыс. чел [Альтман 2014, с. 197]. Поскольку другого пути в Японию не было, наиболее вероятное число воспользовавшихся визой Сугихара – 2,5–3 тыс. чел.

Эти 2,5–3 тыс. чел. направились в Москву и затем по Транссибирской магистрали до Владивостока. Организацией перевозок занималось официальное туристическое агентство «Интурист», взимая в столь необходимой СССР валюте [Альтман 2014, с. 194] по 200 долларов с каждого.¹⁶ От Владивостока через Японское море они отправлялись в порт Цуруга [Shiraishi 2021, p. 145]. А далее их пути расходились: при содействии польского посла в Токио Тадеуша Ромера кто-то

---

¹⁶ Glass A. Oral history interview with Andrew Glass. *USHMM*. 2005. <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn516539>

ехал в США, кто-то в Латинскую Америку, а те, кто не смог получить визу конечного назначения, – в Японию или в Шанхай, где впоследствии японцами будет создано Шанхайское гетто (февраль 1943 г.), пребывание в котором, впрочем, не приведёт ни к одной насильственной смерти еврея.

Биография Сугихара после 1940 г. и процесс признания праведником

Тем временем в сентябре 1940 г. бывший вице-консул в Литве получает назначение в Прагу, находящуюся под оккупацией Германии [Palasz-Rutkowska, Romer 1995, p. 294]. Изначально, будучи заинтересованным в продолжении разведки, МИД хотел отправить Сугихара в Кёнигсберг, однако удалось сделать это только в марте 1941 г. [Krebs 2017, p. 223-224].

И в Праге, и в Кёнигсберге Сугихара сопровождал Перц, ещё до отъезда из Каунаса получивший от Сугихара японский паспорт. Сохранившиеся немецкие отчёты не упоминают тот факт, что, находясь в Каунасе, японец выдавал визы евреям [Charman 1995, p. 227]. Однако немцам было известно о его связи с польской разведкой, и именно по этой причине Германия начала требовать того, чтобы Сугихара был отозван со своего поста [Krebs 2017, p. 221, 226].

В итоге в ноябре 1941 г. МИД Японии направил Сугихара в Бухарест [Shiraishi 2021, p. 173]. Здесь он работал до августа 1944 г., когда советские войска заняли Румынию. После этого же Сугихара и его семья были интернированы [Krebs 2017, p. 228] и отправлены в румынские лагеря, где они пробыли до осени 1946 г. [Альтман 2014, с. 201].

Вернувшись в Японию в апреле 1947 г., Сугихара был сразу же уволен из МИД. Как он указывает в письме польскому историку Р. Кораб-Жебрыку от 1967 г., разъяснений по этому поводу дано не было. Однако позже он узнал, что такое решение было принято в связи с его деятельностью в Каунасе, то есть с выдачей части виз вопреки указаниям из Токио [Альтман 2014, с. 202]. Однако документов подтверждающих, что именно это послужило основанием, нет. Более того, в 1991 г. МИД Японии заявил, что причина увольнения Сугихара состояла исключительно в том, что после войны имело место

сокращение штата сотрудников.¹⁷ Скорее всего, это правда, поскольку, как мы указывали выше, после событий в Каунасе Сугихара работал дипломатом ещё 5 лет: МИД Японии был очень заинтересован, чтобы именно он, имеющий развитую сеть информаторов, стал консулом в немецком Кёнигсберге; и даже после неудовольствия Германии не отправил его в отставку с дипломатической службы, а перевёл в Бухарест. Следовательно, Токио не видел проблемы в том, что Сугихара сделал в Каунасе.

Так или иначе, жизнь Сугихара больше не была связана с дипломатической службой, однако знание языков ему пригодилось. С 1947 г. по 1960 г. он работает переводчиком в торговых компаниях и в радиовещательной службе ННК, преподаёт русский язык в школе при Воскресенском соборе. В 1960 г. Сугихара был приглашён на работу в советское представительство японской торговой компании. В Москву он поехал без семьи и жил в ныне снесённой гостинице «Минск» на ул. Горького, служебный офис же находился в гостинице «Украина». Исходя из имеющихся документов, сложно судить об успешности коммерческой деятельности Сугихара, однако его увольнение в 1975 г. было добровольным [Альтман 2014, с. 202–203].

Работая в СССР, Сугихара из соображений более простого прозвонения, представлялся как «Сугивара Сэмпо»¹⁸ [Альтман 2014, с. 202]. Под именем «Сэмпо» помнили Сугихара и еврейские беженцы, поэтому, когда после войны некоторые из них пытались найти своего спасителя, при обращении в МИД Японии им поступал ответ, что человека с таким именем нет. [Sugihara 1990, p. 161]

Найти «Сугивара Сэмпо» удалось лишь в 1968 г. Сделал это торговый атташе израильского посольства в Токио Иехошуа Нишри. Он был уроженцем Польши и одним из тех, кто получил японскую визу на вокзале Каунаса уже после официального закрытия консульства.¹⁹ В воспоминаниях жена Сугихара Юкико пишет, что при встрече с ней и её мужем, приехавшим из СССР в Японию в отпуск, Нишри не смог сдержать слёз. [Sugihara 1990, p. 161]

После долгожданной встречи из израильского посольства в Японии в Яд Вашем было отправлено письмо с просьбой рассмотреть

---

¹⁷ “Japan’s Schindler” Never Punished: State. *The Japan Times*. March 25, 2006. <https://www.japantimes.co.jp/news/2006/03/25/national/japans-schindler-never-punished-state/>

¹⁸ В документах встречается два написания фамилии – Сугихара и Сугивара.

¹⁹ Действительно, если посмотреть «Список Сугихара», его имени мы там не обнаружим.

кандидатуру Сугихара для признания Праведником народов мира [Kowner 2017, p. 256–257]. Присвоение этого звания определяется несколькими критериями:

- 1) участие в спасении евреев от угрозы смерти;
- 2) наличие свидетельств об этом;
- 3) отсутствие материальных мотивов;
- 4) наличие риска жизни или положению [Paulsson 1998, p. 21–22].

Относительно последнего в 1968 г. у Комиссии возникли сомнения, поэтому звание было решено не присваивать. Но в Израиль Сугихара пригласили. Посетив его в 1969 г., он получил благодарственную грамоту и встретился с уже упоминаемым Зерахом Вархафтигом, который к тому времени стал министром религий [Kowner 2017, p. 257].

Влияние именно этого человека и выпуск его автобиографии в 1984 г., которая, в том числе, освещала литовские события 1940 г., предвосхитили пересмотр возможности присвоения звания Праведника народов мира бывшему японскому вице-консулу. Кроме него на этот процесс повлиял спикер Кнессета Менахем Савидор, как и Вархафтиг получивший «Визу жизни», и профессор Р. И. Цви Вербловски, который собрал доказательства того, что поступок Сугихара, нарушившего указания МИД, мог поставить его положение под угрозу. Инициативу же возобновления работы по признанию японца Праведником народов мира вновь проявило посольство Израиля в Токио – в 1983 г. оно пришло к выводу, что дань уважения поступку Сугихара могла бы способствовать улучшению не самого хорошего имиджа Израиля в Японии,²⁰ пострадавшего ещё более в результате войны в Ливане и резни в Сабре и Шатиле годом ранее [Kowner 2017, p. 257-259].

В конце 1984 г. Комиссия Яд Вашем, хотя и не единогласно, решила присвоить Сугихара звание Праведника. Однако на этот раз он уже не смог посетить Израиль по состоянию здоровья, и церемония была проведена в резиденции посла Израиля в Токио 18 января 1985 г., где ему вручили сертификат и именную медаль с цитатой из Талмуда: *«В благодарность от еврейского народа. Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир»*. Таким образом, Сугихара Тиунэ всё-таки дожил до признания своих заслуг, скончавшись год спустя 31 июля 1986 г. [Kowner 2017, p. 260].

²⁰ Японо-израильские дипломатические отношения установились в конце 1940-х гг., однако арабо-израильские конфликты сделали эти отношения несколько натянутыми, особенно после нефтяного кризиса 1973 г.

Историческая память о Сугихара Тиунэ

Хотя в Израиле поступок Сугихара и стал известен с 1969 г., увековечивание памяти о нём началось лишь после 1984 г., когда ему присвоили звание Праведника народов мира. Как пишет израильский профессор Р. Ковнер, это частая проблема, когда люди, участвовавшие в оказании помощи евреям во время войны, остаются либо совсем неизвестными, либо не очень широко известными, до тех пока не получают статус Праведника [Kowner 2017, p. 255].

Одним из первых шагов к увековечиванию памяти о Сугихара стала посадка именного дерева в Аллее Праведников в Иерусалиме. В 1988 г. израильским почтовым ведомством была выпущена серия марок, посвященных дипломатам, спасавшим евреев во время Холокоста – в ней был и Сугихара [Kowner 2017, p. 260]. Помимо марок изображение японского консула было запечатлено на памятных серебряных и бронзовых медалях, выпущенных Израильской корпорацией монет и медалей в 2004 г. На официальном сайте организации в их описании, среди прочего, указано, что жизнью Сугихара обязаны более 40 тыс. чел. (имеются в виду потомки получивших визы Сугихара).²¹ Наиболее же заметным было переименование улиц в его честь: в Тель-Авиве и Нетании [Kowner 2017, p. 260]. А совсем недавно точка в честь японского консула появилась и на карте Иерусалима: в октябре 2021 г., несмотря на ковидные ограничения, в присутствии четвёртого сына Сугихара Нобуки была открыта площадь им. Сугихара.²² В целом можно сказать, что увековечивание памяти о единственном японском Праведнике народов мира – это довольно последовательная политика Израильского государства, для которого история Второй мировой войны и Холокоста стала не только трагичной, но и определила возможность существования нации.

В Японии о деятельности Сугихара также узнали в 1969 г. Так, в 1977 г. журналист телеканала «Фудзи тэрэби» даже взял у него интервью, где, описывая работу в Каунасе, Сугихара говорит, что в консульство обратилось около 4,5 тыс. чел. и что в какой-то момент он сбился

---

²¹ Chiune Sugihara. *Israel Coins and Medals Corp.* <https://en.israelmint.com/default/11560590.html>

²² Erusaremu ni «Sugihara hiroba» inochi no biza hakkyū no kōseki tateru [«Sugihara Square» in Jerusalem to commemorate the achievement of issuing Visas for Life]. *Asahi Shimbun*. October 12, 2021. <https://www.asahi.com/articles/ASPB22RNFPBCUHB102H.html>

со счёта. Он также утверждает, что некоторые беженцы, не имея визы в конечной пункт назначения, пытались убедить его в том, что они не останутся в Японии, письмами от родственников и еврейских организаций США. И всем им вице-консул выдал визы, несмотря на запрет МИД. *«Мне было всё равно, если бы меня уволили. На моем месте кто-то другой поступил бы точно так же. Другого выхода не было»*, – утверждает Сугихара.²³

Однако общественный интерес к его деятельности в Каунасе появился даже не после признания Сугихара Праведником (хотя японские СМИ освещали церемонию), а после его смерти, когда в 1990 г. Сугихара Юкико опубликовала мемуары *«Рокусэннин но иноти но бидза»* (*«Визы жизни для 6000 человек»*) [Kowner 2017, p. 261]. Стоит заметить, что эти воспоминания способствовали появлению японских исследований о Сугихара, многие из которых в большей степени, чем западные, опирались на свидетельства Юкико. Так, множество раз упоминаемый в данной работе М. Сираиси, будучи лично знакомым с женой Сугихара, в своей книге *«Sugihara Chiune: The Duty And Humanity Of An Intelligence Officer»* не раз ссылается на её слова и довольно подробно описывает её роль в жизни мужа.

Что касается памятных мест, посвящённых Сугихара, то наиболее значимыми являются «Парк человечности» и музей в его родном Яоцу, открытые в 1992 г. и 2000 г. соответственно. Целью их создания было не только увековечивание памяти Сугихара, но и создание местной идентичности города и повышение его привлекательности для туристов и молодёжи.²⁴ Мемориальным музеем Сугихара Тиунэ в Яоцу также была предпринята попытка составления дополнительных материалов для школьников, посвящённых деятельности консула. Однако они не использовались за пределами префектуры Гифу [Nakar 2008, p. 9–10]. Как отмечает социолог Э. Накар, специализирующийся на Японии, история Сугихара фигурирует лишь в немногих учебниках по истории. По его мнению, связано это с тем, что она отклоняется от традиционного для Японии нарратива жертвы в трактовке событий

---

²³ Interview with Chiune Sugihara, recorded on August 4, 1977, in a Moscow hotel by Mr. Michinosuke Kayaba, the bureau chief of Fuji TV, Moscow. *Yad Vashem*. <https://www.yadvashem.org/righteous/stories/sugihara/interview-with-sugihara.html>

²⁴ Яоцу, являясь небольшим сельским городом с населением 15 тыс. чел., сталкивается с проблемой стареющего общества. Помимо этого, относительно затруднён доступ к соседним районам.

Второй мировой – хотя Сугихара и исключительно положительный герой, в его истории жертвами являются евреи [Nakar 2008, p. 13].

Другим важным местом увековечивания памяти японского консула является музей «Порт Человеколюбия Цуруга», открытый в 2008 г. Его экспозиция посвящена не только деятельности Сугихара, но и истории порта Цуруга, куда прибывали не только беженцы из Каунаса.²⁵ Он, как и музей в Яоцу, скорее является местом, конструирующим локальную идентичность. В частности, это подтверждается тем, что в экспозиции присутствуют материалы, свидетельствующие о том, как местное население контактировало с прибывшими [Сираиси 2007].

Однако в Японии есть памятные места, отличные от двух вышеупомянутых музеев. Например, памятная табличка о Сугихара имеется в архиве Министерства иностранных дел²⁶. Кроме этого, в 2019 г. в Токио был учреждён «Музей Сэмпо»,²⁷ на открытии которого присутствовал литовский посол в Японии Гедиминас Варвуолис. Варвуолис также был на открытии статуи Сугихара в г. Нагоя, установленной в 2021 г. в школе, где тот учился.²⁸ А годом ранее посол был одним из факелоносцев Олимпийского огня в префектуре Гифу²⁹ и посещал театральную постановку «Сугихара Сэмпо».³⁰ Отчёты об этих событиях можно найти на официальном сайте посольства Литвы в Японии. Упоминание о них на странице посольства Израиля в Японии отсутствуют, но это отнюдь не значит, что граждане этой страны не чтут память о Сугихара – музей Яоцу и Цуруга уже давно стали почти обязательной остановкой для израильских туристических групп

---

²⁵ Например, известен случай, когда во время Гражданской войны, в Цуруга при содействии Японского Красного Креста прибыло около 750 польских сирот из Владивостока. Впоследствии все из них добрались до Польши.

²⁶ Story of a courageous diplomat of humanity, Mr. Chiune Sugihara. MOFA: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/israel/sugihara.html

²⁷ Ch. Sugihara Museum in Tokyo <https://en.sempomuseum.com/>

²⁸ Sugihara Chiune yukari no chūgakkō ni dōzō kansei, Nagoya [Bronze statue completed at a junior high school related to Sempo Sugihara, Nagoya]. *Ashahi Shimbun*. March 27, 2021. <https://www.asahi.com/articles/ASP3V72WGP3VOIPE00Z.html>

²⁹ Seikarirē ga sutāto, Fuzei aru machinami kakeru, Gifu [Torch Relay begins, Running through the picturesque streets in Gifu]. *Ashahi Shimbun*. April 4, 2021. <https://www.asahi.com/articles/ASP437FLLP43OHGB00B.html>

³⁰ Ambassador G. Varvuolis attended DORA theatre's play «SEMPO SUGIHARA». *Embassy of Republic of Lithuania in Japan*. September 20, 2020. <https://jp.mfa.lt/jp/en/news/ambassador-g-varvuolis-attended-dora-theatres-play-sem-po-sugihara>

в Японии. Таким образом, историческая память о Сугихара Тиунэ в Японии, с одной стороны, служит для подчёркивания локальной идентичности мест, непосредственно связанных с ним, а с другой, играет немаловажную роль для установления контактов с государствами, точно также ценящих деятельность Сугихара.

Помимо Израиля такими государствами являются Литва и Польша. В Литве интерес к Сугихара, очевидно, вызван тем, что выдача «Виз жизни» происходила в Каунасе. Кроме того, часть «Виз жизни» была выдана гражданам Литвы. То, насколько важно сохранение исторической памяти о японском консуле, подтверждает объявление 2020 года годом Сугихара Тиунэ.³¹ В здании, где находилось консульство Японии, сейчас расположен музей «Дом Сугихара». В отличие от японских музеев он уникален: он открыт в здании, где вице-консул жил и вёл деятельность. Экспозиция посвящена не только этому, но и истории самого дома. До открытия консульства в нём жил министр образования Юозас Тонкунас, которого в 1941 г. вместе с семьёй депортировали в Сибирь, а затем отправили в лагерь.³² Исходя из того, что часть экспозиции (хотя и небольшая), освещает этот эпизод, можно предположить, что музей соединяет историю еврейских беженцев, которые спасались не только от нацистов, но и от советских властей, и литовцев, подвергшихся советским репрессиям. Это делает музей в Каунасе отличимым от японского или израильского и чётко отображает литовское восприятие событий 1940 г. В Вильнюсе же, где Сугихара не был, но откуда направлялись польские беженцы, имеется улица в честь японского консула и парк, где высажены 200 сакур и установлена мемориальная доска.³³

Заинтересованность ранее владевшей Вильнюсом Польши в сохранении памяти о японском консуле вызвана тем, что подавляющее большинство в «Списке Сугихара» были гражданами именно этого государства. Кроме того, интерес подкрепляется тем, что Сугихара сотрудничал с польской разведкой. Так, работы польских исследователей в основном фокусируются именно на этом аспекте деятельности вице-консула [Palasz-Rutkowska, Romer 1995]. Именно за сотруд-

³¹ The year 2020 declared as the year of Chiune Sugihara. *Lietuvos Respublikos Seimas*. October 14, 2019. https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=35435&p_k=2&p_t=268336

³² History of the House. *Sugihara House*. <https://www.sugiharahouse.com/#/en/namo-istorija>

³³ Chiune Sugihara Sakura Park. *The Official Website for Tourism & Business in Vilnius*. <https://www.govilnius.lt/visit-vilnius/places/chiune-sugihara-sakura-park>

ничество с польской разведкой в 1996 г. (посмертно) Сугихара был награждён Орденом Заслуг перед Республикой Польша. Однако оценена по заслугам была и выдача виз – в 2007 г. японский консул был награждён Орденом Возрождения Польши. Президент Лех Качиньский подчеркнул, что спасение евреев в то время – это проявление высшего героизма [Hadzelek 2016, p. 136].

Поскольку многие евреи, получившие «Визу жизни», отправились в США, сохранение наследия Сугихара нашло довольно сильный отклик и здесь. Среди памятных мест, посвящённых вице-консулу, можно выделить памятник «Мемориал Сугихара Тиунэ – Герой Холокоста» в районе Маленький Токио³⁴ в Лос-Анджелесе, который изображает сидящего Сугихара с визой в руке. На его открытии присутствовали как диппредставители Японии, так и Израиля и Литвы.³⁵ В столице США же находится Мемориальный музей Холокоста, открытый в 1993 г. Очевидно, он посвящён не только деятельности Сугихара, но сайт музея поражает количеством материалов, которые связаны с его деятельностью и которые можно посмотреть удалённо: это и сканы паспортов беженцев с проставленными визами, и фото беженцев, и личные вещи с описанием. Однако наибольшую ценность, на наш взгляд, имеют интервью с теми, кто получил визы в японском консульстве в Литве летом 1940 г. Обратим внимание на два из них.

Первое – интервью раввина Джека (Янкеля) Ринга (№ 1124 в «Списке Сугихара»). Он сообщает, что родился в Польше в городе Пултуске и после того, как началась война, зная, каково отношение Третьего рейха к евреям, предложил своей матери и сестре покинуть город. Они переместились в населённый пункт, находящийся восточнее, но немецкие части продвигались настолько быстро, что настигли их. Тем не менее, Джеку и его семье повезло – им приказали уезжать в советскую зону оккупации. Прибыв в Белосток, они услышали по радио новость о передаче Вильнюса Литве и немедленно поехали туда. Как объясняет Ринг, он осознавал, что советские власти вряд ли будут благосклонны к религиозным евреям, поэтому и отправился в Вильнюс. Там он присоединился к Мирской иешиве, где учился за несколько лет до того. Впоследствии он получил визу

---

³⁴ Район, где преимущественно проживают американцы японского происхождения.

³⁵ Sugihara statue dedicated in L.A.'s Little Tokyo. *The Free Library*. December 16, 2002. <https://www.thefreelibrary.com/Sugihara+statue+dedicated+in+L.A.%27s+Little+Tokyo.-a095463043>

Сугихара и покинул Литву, мать и сестра в этот раз за ним не последовали.³⁶

Второе – интервью уже упоминавшегося Моше Зупника (№ 1225 в «Списке Сугихара»). Он начинает свой рассказ с того, что учился в Германии, однако в возрасте 15 лет направился в польскую талмудическую школу в Барановичах, а затем поступил в Мирскую иешиву. Как упоминалось ранее, поселение Мир находилось близ Брест-Литовска (совр. Брест), который в сентябре 1939 г. был оккупирован советскими войсками. В этот момент руководство Мирской иешивы, узнав новость о передаче Вильнюса Литве, решило направиться туда. Летом 1940 г., чувствуя приближение присоединения Литвы к СССР, власти которого уже закрыли все религиозные школы в ранее занятых территориях, Мирская иешива решила покинуть страну, обратившись к Сугихара.³⁷

Эти свидетельства во многом дополняют друг друга, поэтому попытаемся объединить их. Ринг, как и многие евреи, чувствуя явную угрозу от наступающих немецких частей, предпринял попытку бегства. По воле судьбы ему удалось бежать в советскую зону оккупации. Но, что важно, он не захотел оставаться там, бежав в Вильнюс. Следовательно, он чувствовал опасность и со стороны СССР. В Вильнюсе он присоединился к Мирской иешиве, которая также покинула Мир из-за угрозы расформирования школы и репрессий. Вплоть до лета 1940 г., то есть до начала советской оккупации Литвы, иешива чувствовала себя в безопасности, не считая, что война из Польши перекинется на эти территории. Таким образом, можно сделать вывод о том, что летом 1940 г. мотивация покинуть Литву для евреев состояла именно в страхе перед СССР, а не перед Германией. Иностранные исследователи в большинстве своём тоже указывают на этот факт. Особенно хочется отметить фразу М. Сираиси: *«В широком смысле, можно сказать, что Сугихара спас евреев от нацистов, но в узком было бы правильнее сказать, что он защищал их от советской угрозы»* [Shiraishi 2021, p. 173].

Возможно, именно это обстоятельство мешает изучению деятельности японского консула в России. С одной стороны, среди людей

---

³⁶ Jack Ring. Oral history interview with Jack Ring. *USHMM*. 1992. <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn503078>

³⁷ Zupnik M. Oral history interview with Moshe Zupnik. *USHMM*. 1999. <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn508238>

в «Списке Сугихара» наверняка было немало русскоязычных евреев; до Японии все они направились через Транссибирскую магистраль; Сугихара же какое-то время был консулом в Кёнигсберге (совр. Калининград), ныне входящем в состав РФ; а после войны целых 15 лет работал в Москве. И, казалось бы, почва для увековечивания памяти и исследований огромна. Однако, с другой стороны, при хоть сколько-нибудь глубоком изучении истории Сугихара, придётся вскрывать «неприятные» факты о политике СССР в отношении евреев. На данный момент исследования в этой сфере ограничиваются деятельностью Центра «Холокост», а из памятных мест имеется только мемориальная табличка в гостинице «Украина»,³⁸ где был офис Сугихара. Здание японского консульства сохранилось в современном Калининграде, однако оно не было превращено в музей и сейчас функционирует как детский сад.³⁹

Заключение

Биографию Сугихара Тиунэ до 1939 г. условно можно разделить на две части: профессиональный рост как дипломата и его личная жизнь и формирование воззрений. Очевидно, что первое пересекалось с последним: то, где Сугихара учился и работал, влияло на то, каких людей он встречал, и соответственно на то, как он воспринимал действительность. Харбин, где Сугихара находился с 1919 г. по 1935 г., был многонациональным: там жили не только китайцы, но и белоэмигранты, и, что немаловажно, евреи. Возможно, именно жизнь в городе с такой атмосферой в течение целых 17 лет оказала влияние на то, что, говоря о причине своего отъезда из Маньчжоуго, Сугихара сказал, что не смог вынести ужасного отношения японцев к местному населению. Это определённо говорит о том, что уже в то время он был способным на сочувствие по отношению к представителям другой национальности. Конечно, стоит сказать, что эта

---

³⁸ Праведник мира. *Ukraina hotel*. <https://www.ukrainia-hotel.ru/news/righteous-among-the-nations>

³⁹ В Калининграде дом «Праведника народов мира» подключили к теплу // *НПЦ «Холокост»*. Февраль 22, 2022. <https://holocf.ru/%d0%b2-%d0%ba%d0%b0%d0%bb%d0%b8%d0%bd%d0%b8%d0%bd%d0%b3%d1%80%d0%b0%d0%b4%d0%b5-%d0%b4%d0%be%d0%bc-%d0%bf%d1%80%d0%b0%d0%b2%d0%b5%d0%b4%d0%bd-%d0%b8%d0%ba%d0%b0-%d0%bd%d0%b0%d1%80%d0%be%d0%b4/?highlight=%d1%81%d1%83%d0%b3%d0%b8%d1%85%d0%b0%d1%80%d0%b0>

причина приведена в воспоминаниях второй жены Сугихара Юкико, опубликованных уже после того, как он был признан Праведником, и, возможно, она преувеличивает гуманность своего мужа. Но фактом является то, что Сугихара без особой симпатии относился к милитаризму Японии. В частности, это подтверждается словами его друга по Харбинской школе Касай Тадакадзу.

В период жизни в Каунасе (1939–1940 гг.) Сугихара вновь проявит умение сочувствия к «другим». Несмотря на попытки М. Сираиси и Х. Левина обосновать поступок Сугихара исключительно встречей с еврейским мальчиком, отметим, что, на наш взгляд, дать какое-либо объективное объяснение его поведению и выделить какой-то конкретный определяющий фактор, вроде знакомства с семьёй Ганоров, представляется невозможным. Сам Сугихара, отвечая на вопрос о том, почему он сделал так, а не иначе, в интервью от 1977 г. сказал, что ему было всё равно на увольнение и что на его месте так бы поступил каждый.⁴⁰ Ещё одно интересное замечание, ранее не упоминаемое в данной работе, сделала жена Сугихара Юкико: «*И мой муж, и я – православные христиане, поэтому я попросила его помочь этим евреям*» [Shino 1988, p. 35]. Исходя из этих слов, можно сделать вывод о том, что поступок японского консула не был чем-то рациональным, а скорее представлял собой эмоциональный порыв отзывчивого человека, находящегося в обстоятельствах, когда перед окнами твоего дома «*толпятся тысячи людей*», говорящих, что «*им больше некуда идти*».⁴¹ Так или иначе, Сугихара показал себя тем, кто готов следовать своим принципам и действовать, исходя из собственных ощущений относительно сложившейся ситуации, даже зная, что подобные действия будут грозить увольнением. Всё это явственно видно из того, с каким упорством вице-консул отсылал телеграммы в МИД, прося разрешить выдачу визы то одним, то другим. А впоследствии – и из того, что он в итоге нарушил указание руководства не выдавать транзит тем, у кого нет визы в конечный пункт назначения.

На наш взгляд, именно благодаря вышеупомянутым качествам, выдав только по официальным данным 2139 транзитных виз, он спас по меньшей мере 2,5–3 тыс. чел. Этот факт не мог быть забыт, ведь

⁴⁰ Interview with Chiune Sugihara, recorded on August 4, 1977, in a Moscow hotel by Mr. Michinosuke Kayaba, the bureau chief of Fuji TV, Moscow. Yad Vashem. <https://www.yadvashem.org/righteous/stories/sugihara/interview-with-sugihara.html>

⁴¹ Ibidem.

жизнью японскому консулу обязаны не только те, кто стоял у консульства в Каунасе, но и их дети.

Однако признания его заслуг непосредственно после войны не последовало – звание Праведника народов мира Сугихара был удостоен лишь в 1984 г. Ключевую роль в этом процессе сыграл на тот момент уже бывший министр религий Зерах Вархафтиг, стоявший в очереди в японское консульство в Литве летом 1940 г. Не будь этого человека в «Списке», не факт, что поступок Сугихара посчитали бы достойным звания. Но, к счастью, судьба Сугихара сложилась так, что его заслуги всё-таки были признаны.

В 1986 г. Сугихара скончался, но к тому времени в Аллее Праведников в Иерусалиме уже росло дерево его имени. После его смерти то и дело начали появляться памятные места в его честь: в Японии, Израиле, Литве, Польше и США. Начали публиковаться и исследования, посвящённые японскому консулу, созданные в основном представителями указанных стран. Сказать, что во всех из них историческая память о Сугихара идентична, нельзя. Как музеи, так и научные работы отличаются тем, насколько освещены те или иные аспекты его деятельности. Объясняется это как доступом к источникам, так и тем, что каждое государство и город обладает своим собственным национальным или локальным историческим нарративом, в рамках которого и рассматривается жизнь японского консула.

Библиографический список

Альтман И. А. (2014) Праведник народов мира Тиунэ Сугихара. *Новая и новейшая история*. № 5. С. 184–203.

Сираиси М. (2007) Японский дипломат Сугихара Тиунэ, который спас 6000 евреев. *Заметки по еврейской истории, традиции, культуре*. Ноябрь. 2007. <https://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer18/Zinberg1.htm> (дата обращения 15.05.2023).

References

Altman, I. (2014). Pravednik narodov mira Chiune Sugihara [The Righteous Among the Nations Chiune Sugihara]. *Novaya i noveishya istoriya*, 5, 184–203. (In Russian).

Chapman, J. (1995). Japan in Poland's Secret Neighbourhood War. *Japan Forum*, 7 (2), 225–283.

Ganor, S. (1995) *Light One Candle: A Survivor's Tale from Lithuania to Jerusalem*. New York: Kodansha International.

Hadzelek, A. (2016). The Memory of Sugihara and the “Visas for Life” in Poland. *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, 51 (1), 115–143.

Inaba, C. (2017). Documents Related to “Visas for Life” and Historiography of Chiune Sugihara. *Darbai ir dienos*, 67, 263–271.

Iwamura, T. (2003). Sugihara Chiune to Roshia seishō [Sugihara Chiune and the Russian Orthodox Church]. *Keisen jogakuen daigaku jinbungakubu kiyō*, 15, 3–14. (In Japanese).

Kowner, R. (2017). Sugihara Chiune in Israel: A Delayed Reception. *Darbai ir dienos*, 67, 255–262.

Krebs, G. (2017). Germany and Sugihara Chiune: Japanese-Polish Intelligence Cooperation and Counter-Intelligence. *Darbai ir dienos*, 67, 215–230.

Levine, H. (1996). *In Search of Sugihara: The Elusive Japanese Diplomat Who Risked His Life to Rescue 10,000 Jews From the Holocaust*. New York: The Free Press.

Medzini, M. (2016). *Under the Shadow of the Rising Sun: Japan and the Jews During the Holocaust Era*. Boston: Academic Studies Press.

Nakar, E. (2008). Sugihara Chiune and the Visas to Save Lives: Assessing the Efforts to Memorialize a Japanese Hero. *Asia-Pacific Journal-Japan Focus*, 6 (1), 1–17.

Palasz-Rutkowska, E. (1997). Raport konsula Sugihary Chiune [Report from Consul Sugihara Chiune]. *Japonica*, 7, 129–139. (In Polish).

Palasz-Rutkowska, E., Romer, A. (1995). Polish-Japanese Cooperation During World War II. *Japan Forum*, 7 (2), 285–316.

Paldiel, M. (2000). *Saving the Jews: Amazing Stories of Men and Women Who Defied the “Final Solution.”* Rockville: Schreiber.

Paulsson, G. (1998). The Rescue of Jews by Non-Jews in Nazi-Occupied Poland. *The Journal of Holocaust Education*, 7 (2), 19–44.

Pulvers, R. (2015, July 11). Chiune Sugihara: Man of Conscience. *The Japan Times*. Retrieved May 15, 2023, from <https://www.japantimes.co.jp/news/2015/07/11/national/history/chiune-sugihara-man-conscience/>

Shino, T. (1988). *Yakusoku no kuni e no nagai tabi* [The Long Journey to the Promised Land]. Tokyo: Riburio shuppan. (In Japanese).

Shiraishi, M. (2007, November). Yaponskii diplomat Sugikhara Tiune, kotoryi spas 6000 evreev [Japanese Diplomat Sugihara Chiune, who saved 6,000 Jews]. *Zametki po evreyskoi istorii, traditsii i kul'ture*. Retrieved

May 15, 2023, from <https://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer18/Zinberg1.htm> (In Russian).

Shiraishi, M. (2021). *Sugihara Chiune: The Duty and Humanity of an Intelligence Officer*. Tokyo: Japan Publishing Industry Foundation for Culture.

Sugihara, Y. (1990) *Rokusennin no inochi no biza* [6000 Visas for Life]. Tokyo: Asahi Sonorama.

Sugihara, Y., Sugihara, H. (2003) *Sugihara Chiune monogatari: Inochi no biza o arigatō* [The Story of Sugihara Chiune: Thank you for the Visa for Life]. Tokyo: Kin no hoshisha.

Watanabe, K. (2000). *Shinsō: Sugihara biza* [The Truth: Sugihara's Visas]. Tokyo: Taishō shuppan. (In Japanese).

Watanabe, K. (2006). *Sugihara Chiune no higeki* [Tragedy of Sugihara Chiune]. Tokyo: Taishō shuppan. (In Japanese).

Приложение

Отрывок из речи Сугихара Тиунэ на экзамене в марте 1924 г.

В оригинале речь представляет собой 6 листов рукописного текста на тему победы кемалистского режима в Турции и его взаимоотношений с западными странами. Особенный интерес представляет явная протурецкая позиция выпускника школы МИД, что, в частности, ярко проявляется во фразах, выделенных нами курсивом. Азиатские державы, в число которых наряду с Японией входит и Турция, или, по выражению автора, «*жёлтая раса*», явственно противопоставляются западу, пытающемуся сохранить свою единоличную гегемонию.

Развитие Азии⁴²

Как вы думаете? Каково будет положение Турции, недавняя прекрасная победа которой над греками⁴³ нас очень интересовала?

---

⁴² Орфография и пунктуация исходного текста сохранены.

⁴³ Имеется в виду Вторая греко-турецкая война (1919–1922), случившаяся в результате начала раздела Османской империи, потерпевшей поражение в Первой мировой войне, и считающаяся частью Войны за независимость Турции (1919–1923) во главе с Мустафой Кемалем против иностранной интервенции. Высадка греческих войск в Малой Азии производилась при поддержке бывших союзников по Антанте и первоначально

До того времени англичане себя предоставляли, что турецкая позиция скоро и без всякого труда определится на Муданской⁴⁴ и последней Лозаннской конференциях.⁴⁵ Но, *мы жители Азии вѣрим*, что наоборот Турция так легко никогда не подчинится союзникам, что она выдержит их давления. Направления принятия Кемаль Пашой⁴⁶ и Исмед Пашой⁴⁷ весьма волнуют не только магометян отдельных стран Азии, но и всех без исключения азиатских народов. <...>

Вопрос... Зачѣм так жестоко англичане нападают на наших близких? <...>

Здѣсь я хочу немного повторять историю... Борьба между Европой и Турцией началась с древних времен. Причина была та, что *бѣлая раса хотѣла подчинить себя желтую* и обратить ее в свою религию, т. е. христианскую вѣру. Эта борьба была не только с Турцией, но и со всей Азией; Турция была с раннего времени не только передовым сторожем Азии, но и раз подчинила Европу – европейский континент своему господствующему влиянию: с той же поры европейцы стали считать турок своими врагами и окончательно выступили против

имела успехи, однако набравшие силу кемалисты в итоге не только нанесли поражение грекам, но изгнали всех иностранных оккупантов, а Османская империя уступила место Турецкой Республике.

⁴⁴ Имеется в виду в Муданье, где в октябре 1922 г. между правительством Мустафы Кемалья и Великобританией, Францией, Италией и Грецией было подписано Муданийское перемирие, завершившее Вторую греко-турецкую войну. По его условиям греческие войска удалялись с ранее занятой территории Восточной Фракии, гражданская власть в которой передавалась Турции; войска Антанты оставались на занятых территориях до решения мирной конференции (о Лозаннской конференции см. далее); до неё же все стороны обязывались не увеличивать численность войск в указанных районах.

⁴⁵ Лозаннская конференция (1922–1923) — мирная конференция, по результатам которой был подписан Лозаннский мирный договор, заменивший собой Севрский (см. далее). Главными положениями договора, подписанного в июле 1923 г. Великобританией, Францией, Италией, Японией, Грецией, Румынией, Королевством сербов, хорватов и словенцев, с одной стороны, и Турцией — с другой, было установление современных границ Турции (расширенных по сравнению с Севрским договором), демилитаризация Босфора и Дарданелл, а также установление режима свободного судоходства в указанных проливах.

⁴⁶ Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938) — глава национально-патриотических сил во время Войны за независимость Турции, первый президент Турецкой Республики (1923–1938) и фактический основатель современного турецкого государства.

⁴⁷ Мустафа Исмет Инёню (1884–1973) — близкий соратник Кемалья, занимавший при нём должности министра иностранных дел (1922–1924) и премьер-министра (1923–1924, 1925–1937) и впоследствии ставший его преемником на посту президента (1938–1950).

желтых. До Балканской войны,⁴⁸ Европа цѣлым рядом политических трюков приобрѣла часть земель турецких прилегающих к ней. Однако даже в такой несчастный период турки не потеряли надежды быть реабилитированными, что вызвало удивление и желание европейцев совсем разбить последних.

Потом появился небывалый случай, что магометяне турецкіе оказались в союз с германцами в Великой Европейской Войне.⁴⁹ <...>

Англія заставила константинопольское правительство ратифицировать [имеется в виду «ратифицировать» – Д. В.] Севрское заключение,⁵⁰ что явилось очень далеким от справедливости, и отзывается, главным образом, на существовании турецкаго государства. <...>

Ну, посмотрим на нашу Японию. До сих пор есть только одна Великая Имперія восходящаго солнца, которая краснорѣчиво и мужественно объясняет всему міру настоящую азиатскую оживленность и ея великую будущность. Но даже и она была связана по рукам и ногам на конференціи в Вашингтонъ:⁵¹ не могла выговорить всего того, что ей требовалось.

В такое мучительное, проклятое время, *вдруг появился наш герой Кемаль Паша*, котораго можно называть Наполеоном 2-м, Наполеоном 20-го вѣка, судя с точки зрения стратегической, заставил англичан принимать всевозможныя военныя мѣры дабы обезпечить себя от возможной опасности со стороны Ближняго Востока. Дѣйствительно

---

⁴⁸ Имеются в виду Балканские войны (1912–1913), в результате которых Османская имперія лишилась всех своих европейских владений, кроме Константинополя (совр. Стамбул).

⁴⁹ Имеется в виду Первая мировая война (1914–1918).

⁵⁰ Имеется в виду Севрский мирный договор, подписанный в августе 1920 г. странами Антанты и Османской имперіей по результатам Первой мировой и являвшийся частью Версальско-Вашингтонской системы. Среди важных положений можно выделить уступку 2/3 территорий Османской имперіи Великобритании, Франции, Италии и Греции; а также демилитаризацию и передачу Константинополя и проливов Босфор и Дарданеллы под международное управление. Фактически не вступил в силу, а через три года был заменѣн Лозаннским.

⁵¹ Имеется в виду Вашингтонская конференция (1921–1922), зафиксировавшая соотношение сил на Дальнем Востоке по результатам Первой мировой войны и наряду с Версальской конференцией (1919–1920) приведшая к установлению соответствующей системы международных отношений, сохранившейся до Второй мировой. Приняты в ходе конференции Договор пяти держав (1922), устанавливавший соотношение тоннажа судов в пропорции 5:5:3:1,75:1,75 для США, Англии, Японии, Франции и Италии, и Договор девяти держав, провозглашавший уважение суверенитета Китая и сформулированную США политику «открытых дверей», оказались для Японии невыгодны.

на него устремляют всѣ чающіе взоры Азіи. Имья цѣль возстановить павшее отечество, имьющее в своем национальном флагѣ бѣдный [вероятно, имеется в виду «белый» – Д.В.] полумесяц и звезды, молодые турки возстали с негодованіем против оскорбительнаго соглашения, подписаннаго константинопольским правительством, постановленіе коего не введено было дальше самого города Константинополя. <...>

Есть ли картина болѣе сенсаціонная этой, что *один азіат удивил и причинил безпокойство Великобританіи*, которая по всему государству принуждена была взять себѣ орудіе для экспедиціи за дарданельскій пролив? *Слыхали ли вы другую такую для нас очень интересную вещь, за послѣднее время послѣ печальной японо-русской войны.*

Может быть, в Балканской борьбѣ турки уступят, но ход союзников в ней показывает, что *восточные люди не так малооживленны, как предполагали раньше саксонцы*, считаясь слишком добрыми принимаателями притѣсненій ими оказанных.

Послѣ долгаго испытанія разных экспериментов, мы *жители Азіи поняли, что в глазах саксонцев, называется мир и их дѣйствительную силу, которой больше ненужно и бояться и стѣсняться*. Кто нарушает мир? Это не мы, а именно саксонцы, намъревающіеся одними руками править міром и подчинить всѣх жителей цѣлаго свѣта. <...>

- конец -

大正十二年三月四日⁵²

---

⁵² 4 марта, 12 год Тайсѣ.

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 442–449
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 442–449
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-442-449

**Япония в XXI веке:
экономическая панорама
Рецензия на учебник И. Л. Тимониной
«Экономика Японии»**

Лебедева И.П.

Аннотация

Летом 2023 г. вышел в свет учебник «Экономика Японии», подготовленный известным российским японоведом И. Л. Тимониной.

Как отмечает сама автор, она ставила своей целью написание не просто учебника, содержащего материал по экономике Японии, а «учебника-навигатора», дающего читателю инструментарий для изучения современной японской экономики. Этот инструментарий представлен ссылками на научную литературу и информационно-статистические источники, методическими материалами, в которых приводится методика расчетов базовых экономических показателей, даются определения ключевых терминов и понятий, излагаются теоретические подходы к изучению различных экономических процессов. Побуждению студентов к самостоятельной работе служат и «домашние задания» – рубрики «Для тех, кто хочет узнать подробнее...» и «Задание», помещенные в конце каждой главы. Сжатые, лаконичные Резюме – это тоже своего рода «навигатор», облегчающий читателям «передвижение» по емкому и объемному материалу учебника.

Что касается содержания учебника, то в нем нашли отражение практически все важнейшие процессы и явления современной японской экономики, и в целом оно дает читателю достаточно полное представление о масштабах и качестве экономического потенциала Японии, особенностях организации экономической жизни страны, ее позициях в мировой экономике и т. д.

Очевидно, что написание учебника «Экономика Японии» потребовало от автора немалых усилий. Ведь собрать, обработать, структурировать и логически изложить такой огромный объем материала, ориентируясь при этом на строго определенный порядок подачи материала, – задача, требующая

не только высокого профессионализма, но и огромного трудолюбия. Но эти усилия оказались полностью оправданы. Подготовленный И. Л. Тимониной учебник написан на уровне, который позволяет охарактеризовать его не только как добротный учебный материал, но и как высокопрофессиональную научную работу. Нет сомнений, что он будет востребован не только студентами и преподавателями, но и научными работниками, изучающими проблемы современной экономики.

Ключевые слова: экономика Японии, учебник-«навигатор», инструменты изучения материала, методика изложения материала, структура учебника.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, д.э.н., главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН: 107031 Москва, ул. Рождественка, 12.
E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Japan in the 21st Century:
An Economic Panorama
Review of the Textbook by I. L. Timonina
*The Economy of Japan***

Lebedeva I. P.

Abstract

In the summer of 2023, the textbook *The Economy of Japan*, prepared by a famous Russian Japanese Studies scholar I. L. Timonina, was published. As the author herself notes, her goal was to write not just a textbook containing material on the Japanese economy, but a “navigator textbook,” which gives the reader the tools to study the modern Japanese economy.

These tools are represented by references to scientific literature, as well as information and statistical sources, methodological materials that provide a methodology for calculating basic economic indicators, definitions of key terms and concepts, and theoretical approaches to the study of various economic processes. Students are encouraged to work independently by using “homework” – the sections “For those who want to learn more...” and “Assignment” are placed

at the end of each chapter. Concise Summaries are also a kind of “navigator” that makes it easier for readers to “move” through the content-rich and sizeable textbook material.

As for the content of the textbook, it reflects almost all the most important processes and phenomena of the modern Japanese economy, and, in general, it gives the reader a fairly complete idea of the scale and quality of Japan’s economic potential, the peculiarities of the organization of the country’s economic life, its positions in the world economy, etc. Obviously, writing the textbook *The Economy of Japan* required a lot of effort from the author. After all, to collect, process, structure, and logically present such a huge amount of material, while focusing on a strictly defined order of presentation is a task that requires not only high professionalism, but also great effort. But this was fully justified.

The textbook prepared by I. L. Timonina is written at a level that allows to characterize it not only as a high-quality educational material, but also as a highly professional scientific work. There is no doubt that it will be in demand not only by students and teachers, but also by researchers studying the problems of modern economy.

Keywords: Japanese economy, “navigator” textbook, tools for studying material, methods of presentation of the material, structure of the textbook.

Author: *Lebedeva Irina Pavlovna*, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russian Federation.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

В 2023 г. вышел в свет учебник «Экономика Японии», подготовленный известным российским японоведом И. Л. Тимониной. Его можно рассматривать как результат многолетнего опыта преподавания И. Л. Тимониной курса «Экономика Японии» в ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова и других университетах. Сочетание этого опыта с глубокими академическими знаниями проблем развития японской экономики и общемировых тенденций позволило И. Л. Тимониной подготовить учебник, который и по уровню, и в плане подачи материала, несомненно, отвечает всем требованиям, предъявляемым к современной учебной литературе.

Хотя учебник в целом написан доходчивым, легким для восприятия языком, в нем рассматриваются довольно сложные экономические процессы и явления. В связи с этим представляется, что он рассчитан на достаточно подготовленную студенческую аудиторию, знакомую с основами макро- и микроэкономики.

Как отмечает сама автор, она ставила своей целью написание не просто учебника, содержащего материал по экономике Японии, а «учебника-навигатора», дающего читателю инструментарий для изучения современной японской экономики. С учетом того, как быстро меняется современный мир и насколько быстро может устаревать статистический и фактологический материал, представляется, что это чрезвычайно важное достоинство рецензируемого учебника. Этот инструментарий представлен ссылками на научную литературу и информационно-статистические источники, а также методическими материалами, в которых приводится методика расчетов базовых экономических показателей, даются определения ключевых терминов и понятий по соответствующим темам (в том числе на английском языке), излагаются теоретические подходы к изучению различных экономических процессов. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, не только важно с точки зрения повышения уровня образования студентов, но и придает дополнительную научную ценность учебнику, свидетельствуя о том, что автор свободно ориентируется в вопросах, поднимаемых современной экономической наукой. Побуждению студентов к расширению и углублению знаний по заинтересовавшим их вопросам служат и «домашние задания» – рубрики «Для тех, кто хочет узнать подробнее...» и «Задание», помещенные в конце каждой главы. Сжатые, лаконичные Резюме, содержащие основные положения и выводы по рассматриваемым в главах вопросам – это тоже своего рода «навигатор», облегчающий читателям «передвижение» по емкому и объемному материалу учебника.

Учебник содержит многочисленные таблицы, графики и диаграммы – как аутентичные, так и составленные самим автором, которые, структурируя и обобщая излагаемый материал, облегчают студентам его усвоение. В тексте приводятся также выдержки из разного рода официальных документов, адаптированные автором с целью облегчения и упрощения их зачастую чрезмерно забюрократизированного стиля изложения.

Иными словами, избранная автором методология написания учебника вооружает студентов инструментарием, который должен не только побудить их к самостоятельной работе в изучении японской экономики, но и максимально помочь им в этом.

Что касается содержания учебника, то в нем нашли отражение практически все важнейшие процессы и явления современной японской экономики. Автор отмечает, что учебник выстроен по предметному принципу с тем, чтобы читателям было проще ориентироваться в излагаемом материале. При этом, акцентируя внимание на самых современных процессах и проблемах, автор часто обращается и к историческому контексту, что важно в плане более полного понимания читателями тенденций развития японской экономики, знакомит их с экономической историей страны

Учебник открывает Вводная часть, в которой дается краткая, но емкая характеристика основных этапов развития японской экономики после второй мировой войны, приводятся количественные и качественные показатели, отражающие позиции Японии в мировой экономике. В этом разделе, так же, как и в последующих, изложение предваряет список основных терминов и понятий, который сразу же дает читателю представление, о чем пойдет речь, «вводит» его в тему. На наш взгляд, само по себе структурирование материала по этой схеме представляет собой удачную методическую находку автора, которая вполне может быть использована и в лекциях по экономике других стран.

Основной же материал учебника изложен в четырех разделах: «Государство в экономике Японии», «Предпринимательская структура и корпоративное управление», «Современное состояние, тенденции и проблемы развития основных секторов и отраслей японской экономики», «Внешние экономические связи Японии».

Бросается в глаза некоторое превалирование первого раздела над остальными в плане объема материала. Возможно, было бы целесообразно разделить этот раздел на две части: «Государство в экономике Японии» и «Основные направления государственной политики». В частности, можно было бы расширить раздел о направлениях государственной политики за счет включения в него некоторых других направлений (например, научно-технической политики). Но автор, безусловно, имеет право на свое видение структуры учебника, тем более что содержание первого раздела, качество представленного

в нем материала свидетельствуют о высоком профессионализме автора и как японоведа, и как преподавателя. Так, как отмечает автор, излагая те или иные проблемы, она учитывала не только степень их актуальности и освещенности в научной и учебной литературе, но и уровень подготовки студентов, наличие у них знаний, необходимых для усвоения ряда специфических тем. В связи с этим одни темы излагаются более детально, другие – менее подробно, с учетом возможностей студентов понять и усвоить материал.

Второй раздел учебника «Предпринимательская структура и корпоративное управление в Японии» знакомит читателей с теми составляющими экономической системы Японии, которые традиционно считались едва ли не самыми специфическими, заметно отличающими ее от экономических систем других развитых стран. Будучи профессионалом, не только прекрасно владеющим японским материалом, но и хорошо знающим мировую практику и экономическую теорию, автор излагает материал, избегая соблазна впасть в крайности, т. е. чрезмерного выпячивания японской специфики – с одной стороны, и полного ее отрицания – с другой. В результате студенты получают объективную, взвешенную оценку основных черт, характеризующих деловую практику японских компаний и структуру предпринимательства страны. При этом, автор рассматривает и самые последние изменения, происходящие в этой сфере под влиянием как внутренних, так и внешних факторов.

Третий раздел «Современное состояние, тенденции и проблемы развития основных секторов и отраслей японской экономики» содержит материал о том, что представляет собой национальная экономика, какой объем товаров и услуг она производит, или, иными словами, какова экономическая мощь страны. Важно при этом, что автор не просто приводит динамику, объемы и структуру производства отраслей, формирующих три основных сектора – индустриальный, аграрный и третичный, но и анализирует проблемы, с которыми те или иные отрасли сталкиваются на современном этапе. Компактное, лаконичное изложение основного материала дополняют сведения («справки»), поясняющие те или иные термины, объясняющие суть происходящих процессов, знакомящие с принятой международными организациями классификацией отраслей и т. д. Иными словами, содержащийся в данном разделе материал дает читателям достаточно полное представление о масштабах и

качестве экономического потенциала Японии – одной из наиболее мощных и развитых стран мира.

Логическим продолжением материалов, изложенных в первых трех разделах учебника, является четвертый, заключительный раздел «Внешние экономические связи Японии». В нем рассмотрены все основные направления и формы участия страны в мировой экономике. Методологически и логически обоснованным представляется то, что изложение материала начинается с вопроса эволюции внешне-экономической стратегии Японии. Автор показывает, как менялось содержание этой стратегии по мере возрастания экономической мощи страны и повышения конкурентоспособности ее компаний, завершая рассмотрение этой темы анализом самых последних документов, провозглашающих глобализацию частью стратегии развития Японии в XXI веке. В последующих двух главах рассматриваются основные формы участия Японии в мировых хозяйственных связях – внешняя торговля и позиции на мировом рынке капитала. При этом, как и в других частях учебника, автор не только приводит добротный статистический материал, но и вводит читателей в курс наиболее актуальных проблем. Например, в случае внешней торговли, рассматриваются вопросы цифровизации и формирования глобальных цепочек стоимости, а позиции страны на мировых рынках капитала автор анализирует в увязке со спецификой ее инвестиционного климата, приводя в том числе и оценки международных организаций. Завершает четвертый раздел глава «Экономическая помощь Японии зарубежным странам». В ней отражены история, масштабы и особенности японской ОПР, включая ее географическую направленность, показано ее значение в плане создания благоприятного имиджа Японии в странах-реципиентах и с точки зрения продвижения японских компаний на их рынки, приводятся последние официальные документы, определяющие ее будущие приоритеты и направления. В целом материал раздела «Внешние экономические связи Японии» показывает, что Япония весьма успешно встроилась в мировую экономику, и что курс на интернационализацию, а затем глобализацию позволил ей эффективно использовать свои конкурентные преимущества и воспользоваться выгодами от участия в международном разделении труда.

Очевидно, что написание учебника «Экономика Японии» потребовало от автора немалых усилий. Ведь собрать, обработать, структурировать и логически изложить такой огромный объем материала,

ориентируясь при этом на создание «учебника-навигатора» (что предполагает следование строго определенному порядку подачи материала) – задача, требующая не только высокого профессионализма, но и огромного трудолюбия. Но эти усилия оказались полностью оправданы. Подготовленный И. Л. Тимониной учебник написан на уровне, который позволяет охарактеризовать его не только как добротный учебный материал, но и как высокопрофессиональную научную работу. Нет сомнений, что он будет востребован не только студентами и преподавателями, но и научными работниками, изучающими проблемы современной экономики.

Библиографический список

Тимонина И. Л. (2023). Экономика Японии. – Москва: Аспект-Пресс.

References

Timonina, I. L. (2023). *Ekonomika Yaponii* [Economy of Japan]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 450–456
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 450–456
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-450-456

**Конец «штабс-капитана Рыбникова»
Рецензия на книгу А. Г. Зорихина
«Военная разведка Японии против России.
Противостояние спецслужб на Дальнем
Востоке. 1874–1922 гг.»**

А. Е. Куланов

Аннотация

В статье дается анализ вышедшей в начале 2023 г. в серии «Новейшие исследования по истории России» издательства «Центрполиграф» книги российского историка, специалиста в области изучения противостояния спецслужб России и Японии к.и.н. А. Г. Зорихина. Принципиально важным представляется сбалансированный взгляд автора на роль японских спецслужб на принятие стратегических военных и политических решений японского руководства в изучаемый период.

Книга является примером исследования отечественного историка, выполненного с использованием не только российских, но и японских архивных материалов, а также с привлечением близких по тематике источников из России, Японии, США и Польши. Большинство приводимых документов вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Япония, русско-японская война, военная разведка, военно-морская разведка, противостояние спецслужб, японская интервенция, японские военные миссии, спецслужбы.

Автор: Куланов Александр Евгеньевич, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: aekulanov@gmail.com.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**The End of “Staff Captain Rybnikov”
Review of the Book by A. G. Zorikhin,
*Japan’s Military Intelligence Against Russia.
Opposition of Special Services in the Far East.
1874–1922.***

A. E. Kulanov

Abstract

The article provides an analysis of the book *Japan’s Military Intelligence Against Russia. Opposition of Special Services in the Far East. 1874–1922*, published in the early 2023 by the “Tsentrpoligraf” publishing house by a Russian historian, a specialist in the study of the confrontation between the special services of Russia and Japan, Candidate of Historical Sciences A. G. Zorikhin. Of fundamental importance is the author’s unbiased view of the role of the Japanese special services in producing strategic military and political decisions of the Japanese leadership in the period under study.

The book is one of the examples of studies by Russian historians, carried out using not only Russian, but also Japanese archival materials, as well as with the involvement of studies from Russia, Japan, the United States, and Poland. Most of the cited documents are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Japan, Russo-Japanese war, military intelligence, naval intelligence, confrontation between special services, Japanese intervention, Japanese military missions, special services.

Author: *Kulanov Alexander Evgenyevich*, researcher, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS.

E-mail: aekulanov@gmail.com.

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Издание книги дальневосточного историка А. Г. Зорихина «Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874–1922» стало событием сколь давно ожидаемым, столь и неожиданным. Неизбежность появления монографии

подготовлена предыдущими публикациями автора, в т. ч. в *Ежегоднике Японии*, и – как промежуточный итог – защищенной им в 2022 г. в Дальневосточном федеральном университете кандидатской диссертацией на тему «Деятельность органов военной разведки Японии против России на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Сибири, Маньчжурии и Корее в 1874–1922 гг.».

В этом смысле появление первой крупной работы ученого, занимающегося исследованием указанного вопроса всерьез и на основании, в первую очередь, зарубежных архивов, не может не радовать. Неожиданность же ее в том, что обилие произведений на данную тему, опубликованных на русском языке за последние более чем сто лет, уже, кажется, не позволяли надеяться на то, что в этом вопросе будет сказано нечто новое, будет представлен свежий, не замутненный той или иной позицией, взгляд на события тех лет. Однако А. Г. Зорихину удалось блестяще решить эту задачу. Читать его книгу о в общем и целом хорошо известных японоведам событиях не только интересно, но и весьма полезно даже тем, кто до сих пор был уверен, что знает о них все. Автор счастливым образом сумел избежать какой-либо субъективности в освещении избранной им темы и остаться историком, не делящим участников на «их» и «наших» или, учитывая особенность темы, на «шпионов» и «разведчиков». Таким образом, оба указанных выше фактора работают на книгу, удваивая ее ценность для исследователей и рядовых читателей.

В авторской аннотации к работе особо указывается, что все использованные в ее подготовке и издании документы вводятся в научный оборот впервые. Издание подготовлено на основе сравнительного анализа документов из российских и японских архивов с привлечением исследований из России, Японии, США и Польши. Оно представляет собой не пересказ хорошо известных истин и (что встречается не менее часто) мифов о русско-японской войне, а обширный аналитический труд, содержащий оценку результативности деятельности как японской военной разведки, так и противостоявшей ей отечественной контрразведки в указанную эпоху. Причем, временные рамки исследования позволяют охватить весь период подготовки Японии к войне против России, начиная с формирования первого аппарата военной разведки, события послевоенных лет, часто называемые в отечественной японоведческой литературе «Золотым веком» отношений между нашими странами, и чрезвычайно запутанный период революции и Гражданской войны.

В книге обоснованно уделено пристальное внимание проблеме влияния спецслужб России и Японии на принятие важнейших решений в сфере внешней политики и обороны этих стран. Это особенно интересно, поскольку в условиях катастрофического недостатка информации друг о друге на уровнях от частного до стратегического, разнообразные, пусть порой и противоречащие друг другу, данные, поставляемые разведкой, могли оказывать (и оказывали) весьма существенное влияние на формирование представления о политике, экономике, военной мощи России и Японии, о национальном характере русских и японцев, и подталкивали руководства стран к принятию тех или иных стратегических решений. В эти полвека странам довелось не только воевать друг с другом, но и стать союзниками в Первую мировую, внезапно превратившись во врагов во время войны Гражданской. На всех этапах спецслужбы (Японии прежде всего) играли важную роль в осуществлении политики государства, но наши представления о том, как и почему это происходило, чаще всего далеки от реальности – книга в значительной мере заполняет эту лакуну.

В частности, наиболее распространенным с российской стороны стереотипом является представление о бесчисленной (по сведениям автора книги – до 4000 человек), всеохватной и всепроникающей агентуре японской разведки, опутавшей своей паутиной всю Россию в преддверии и в ходе русско-японской войны. Образно говоря, «Миф штабс-капитана Рыбникова» на долгие десятилетия подменил собой реальность и парализовал желание проводить кропотливые исторические исследования на эту тему. А. Г. Зорихин берет на себя смелость доказать, что миф остается мифом, даже если мы к нему привыкли, и он выглядит абсолютно правдивым. Автор книги «убивает» мифического штабс-капитана, доказывая, что реальные цифры не только на несколько порядков отстают от привычных нам, но и сам по себе феномен японской военной разведки заключается в том, что, используя весьма ограниченный арсенал форм и методов деятельности и испытывая острый кадровый голод, она сыграла ведущую роль в выработке внешнеполитического курса империи и в реализации экспансионистских замыслов Токио в 1894–1922 гг.

Приведенные сведения и сделанный на их основе вывод не являются одой японской разведке и попыткой вознесения ее на новый

пьедестал, но уже иным способом. Автор указывает и на слабые стороны японских спецслужб, на их промахи и ошибки, одновременно напоминая о том, что многое из опыта японского агентурного проникновения в Россию было взято на вооружение другими противниками нашей страны. Логично предположить, что этот опыт в той или иной степени востребован и сейчас, а значит востребован должен быть и опыт противостояния такому проникновению. Автор напоминает: «Особого внимания заслуживает изучение работы военной разведки Японии по дестабилизации обстановки на советском Дальнем Востоке в 1918 г., установлению ею негласных контактов с лидерами антисоветских организаций и командованием чехословацкого корпуса, поскольку использованные тогда формы и методы деятельности сегодня активно применяются зарубежными спецслужбами в тайных операциях против России в приграничных с ней странах и зонах ее национальных интересов».

В книге содержится краткий, но довольно полный очерк историографии освещаемой темы. Автор перечисляет первые, хорошо известные работы на тему противостояния японской военной разведке, и включая закрытые когда-то публикации советских времен, а также исследования, посвященные противоборству советских спецслужб с японскими военными миссиями в Забайкалье и Приморье. Отмечая достоинства указываемых работ, автор не может в очередной раз не обратить внимание и на их главный и очевидный недостаток: в массе своей они написаны с опорой на отечественные архивные материалы или, что значительно реже, с привлечением незначительного пласта иностранных, переведенных на русский язык, публикаций. Исключением стали работы небольшого числа исследователей, включая ныне покойного владивостокского историка А. В. Полутова, специализировавшегося на изучении военно-морской разведки Японии того же периода, что и в книге А. Г. Зорихина. Кстати, именно А. В. Полутов едва ли не первый среди российских исследователей поставил вопрос о роли японских спецслужб в планировании и подготовке русской-японской войны, а также интервенции в Приморье в 1918–1922 гг.

Что же касается зарубежной историографии данного вопроса, то изучение противостояния японских и российских/советских спецслужб началось на Западе после окончания Второй мировой войны, когда в руки оккупационных, прежде всего американских, властей попали японские архивы, и это изучение продолжается по сей день.

Хотя подавляющее большинство использованных автором японских документов вводятся им в научный оборот впервые, некоторые из ранее опубликованных также использованы А. Г. Зорихиным в подготовке его книги, хотя сам он справедливо констатирует, что этот вопрос находится на периферии исследовательских интересов американского и европейского исторических сообществ.

В самой Японии интерес к этой теме среди историков возник в середине 1960-х гг. после публикации в открытой печати лекций военного историка Тани Хисао, подготовленных для профессиональной – военной аудитории еще в 1925 г. Затем этот интерес был поддержан целой серией публикаций других авторов, самым известным из которых в России является, пожалуй, профессор Инаба Тихару из университета Мэйдзэ (Нагоя). Японские исследования в этой области продолжаются, и в последнее время некоторые из японских авторов используют источники европейских стран, выступавших в изучаемый период с позиций врагов России и, соответственно, союзников Японии. Неудивительно поэтому, что автор книги также активно использует архивные материалы польских спецслужб, традиционно являвшихся одним из центров ведения разведки против нашей страны и тесно сотрудничавших с разведкой японской на протяжении нескольких десятилетий.

Организационно книга состоит из трех больших глав с введением, заключением и обширным списком примечаний – более 730 ссылок на 283 страницы. Списки использованной литературы включают группы документов, поделенные на ранее известные и на никогда не публиковавшиеся источники на русском, японском (включая документы Национального архива Японии, архивов МИД и НИИ обороны Японии) и английском языках. В списках использованной литературы, кроме того, присутствуют издания и на польском языке.

Первая глава книги рассказывает о деятельности военной разведки Японии против России в 1874–1905 гг. и логичным образом разделена на отдаленный предвоенный период (1874–1899 гг.) и период непосредственной подготовки к войне и участия в ней (1900–1905 гг.).

Вторая глава охватывает мирное время (1906–1916) и события двух революций в России, а также начало Гражданской войны (1917–1918), открывая неизвестные страницы взаимодействия и одновременно противодействия спецслужб двух стран.

Третья и четвертая главы, хронологически освещая один и тот же период (1918–1922), разделены по географическому принципу. Третья рассказывает о действиях японской военной разведки, прежде всего, в Приморье и Приамурье, а четвертая – о событиях на «западе востока» и на «периферии: от Сеула до Николаевска и от Стамбула до Вологды».

Даже по этому – сверхкраткому – обзору книги видно, как широко освещена в ней деятельность японской разведки в борьбе против нашей страны, а высокий профессионализм автора и добросовестность в подборе материалов и их анализе не оставляет сомнения в том, что эта – и долгожданная, и неожиданная – публикация очень скоро станет совершенно необходимой для всех, кто интересуется историей российско-японских отношений и историей спецслужб.

Библиографический список

Зорихин А. Г. (2023) Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874–1922 гг. – Москва: Центрполиграф. (Серия «Новейшие исследования по истории России»).

Зорихин А. Г. (2017) Роль военной разведки Японии в поражении русской армии в войне 1904–1905 гг. *Ежегодник Японии*. № 46. С. 196–222.

References

Zorikhin A. G. (2023). Voennaya razvedka Yaponii protiv Rossii. Protivostoyanie spetssluzhb na Dal'nem Vostoke. 1874–1922 gg. [Japan's Military Intelligence Against Russia. Opposition of Special Services in the Far East. 1874–1922]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).

Zorikhin A. G. (2017). Rol' voennoi razvedki Yaponii v porazhenii russkoi armii v voine 1904–1905 gg. [The Role of Japanese Military Intelligence in the Defeat of the Russian Army in the War of 1904–1905]. *Yearbook Japan*. № 46, 196–222 (In Russian).

*Стрельцов Д. В.
Гришачев С. В.
Баринов А. А.*

О XV ежегодной конференции Ассоциации японоведов и о XXV конференции «История и культура Японии»

16 декабря 2022 г. в Институте Китая и современной Азии РАН (г. Москва) была проведена юбилейная, **XV ежегодная конференция Ассоциации японоведов**.

На открытии конференции выступил председатель Ассоциации японоведов Д. В. Стрельцов. В своем выступлении он по традиции подробно осветил публикационную активность Ассоциации за минувший год, сделав особый упор на периодические издания – «Ежегодник Япония 2022», электронный научный журнал «Японские исследования», а также англоязычный журнал “Russian Japanology review”. Д. В. Стрельцов призвал коллег-японоведов более активно подавать статьи в указанные издания.

В ходе пленарного заседания было сделано два доклада. Профессор ИСАА МГУ д.э.н. И. Л. Тимонина озвучила доклад о стратегии т.н. «Новой формы капитализма», созданной кабинетом Ф. Кисида как инструмент дальнейшего социально-экономического развития Японии. Она подчеркнула, что в начале третьего десятилетия XXI века Япония оказалась перед необходимостью пересмотра стратегии развития общества и экономики, столкнувшись с внутренними и внешними вызовами, которые связаны с дальнейшим развертыванием четвертой промышленной революции, новым международным разделением труда между развитыми и развивающимися странами, неопределенностью ситуации на мировом рынке ресурсов, ростом экономического неравенства, перемещением глобальной конкуренции в научно-технологическую сферу, а также пандемией COVID-19.

В этих условиях правительством разработана новая долгосрочная стратегия с горизонтом до 2030 и 2050 гг., направленная на решение фундаментальных социальных и экономических проблем в средне- и долгосрочной перспективе. В числе главных сфер и проблем, в отношении которых правительство намерено применять «ориентированный на миссию» подход, докладчик выделила такие, как изменение климата, цифровизация, экономическая безопасность и глобализация, инклюзивность, здравоохранение, а также продвижение политики в области персонала, стартапов и инноваций, корпоративной трансформации и совершенствовании инструментов государственного регулирования.

Д. и. н., руководитель Центра японских исследований ИКСа РАН В. О. Кистанов рассмотрел в своем докладе проблему Тайваня как фактора безопасности Японии. По мнению докладчика, японские политики в последнее время регулярно и открыто заявляют о необходимости помочь защитить Тайвань от «агрессивных посягательств» Пекина, в то время как Китай считает остров своей временно отколовшейся, но неотъемлемой частью и твердо намерен вернуть «мятежную провинцию» в «лоно матери», не исключая при этом силовую опцию. Сильным побудительным мотивом к актуализации Тайваньского вопроса во внешнеполитических курсах Токио, Пекина, Вашингтона, а также Тайбэя в 2022 г. явилась новая геополитическая ситуация. Это вынуждает Японию отходить от политики тонкого балансирования между Вашингтоном и Пекином и более четко артикулировать свою заинтересованность в сохранении статус-кво в Тайваньском вопросе, т. е. в поддержании де-факто политической независимости острова в качестве фактора сдерживания Китая.

После пленарного заседания была организована работа по секциям, которые прошли в смешанном (очно-заочном) формате. Секции были посвящены вопросам внешней, внутренней политики и безопасности; экономике и обществу; истории и культуре. Отдельная секция, прошедшая в онлайн-формате, была проведена по теме лингвистики и лингводидактике. На секциях прозвучало более 40 докладов, многие из которых вызвали оживленную дискуссию.

На XV конференции Ассоциации японоведов, прошедшей в ИКСа РАН в декабре 2022 г., а также на XXV конференции «История и культура Японии», прошедшей в ИКВиА НИУ ВШЭ в феврале

2023 г. к.и.н., доцент НИУ ВШЭ С. В. Гришачев сделал сообщение **О новых публикациях в области японоведения за 2022 г.**

Как обычно сначала были перечислены новинки в области изучения традиционной культуры и истории Японии, где в первую очередь следует отметить очередной – четырнадцатый – сборник «История и культура Японии» в серии *Orientalia et Classica IV (LXXV)* под ред. А. Н. Мещерякова, вышедший в начале 2022 г. (следующий – пятнадцатый – выпуск вышел в начале 2023 г., о нем см. ниже). Кроме этого, в Санкт-Петербургском университете также вышел номер ежегодного сборника – «Япония: цивилизация, культура, мир. Коллективная монография [Вопросы японоведения №9 = Issues of Japanology №9]». Оба издания, строго говоря, не являются периодическими, но являются регулярными и издаются ежегодно уже на протяжении многих лет.

В Екатеринбурге выпущен примечательный сборник, вобравший в себя большое количество статей, – «Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьева (1922–1995). Сборник воспоминаний и научных трудов». В него включены воспоминания о выдающемся российском востоковеде и археологе М. В. Воробьеве, а также статьи и переводы памятников по ранней истории Японии и Кореи.

В 2022 г. вышло две монографии за авторством профессора А. Н. Мещерякова. Одна из них является переизданием прежде вышедшей работы – «*Terra Nipponica: Среда обитания и среда воображения*». Вторая же является абсолютно новым исследованием – «В погоне за ветром столетий». Она разделена на несколько разделов. В разделе «Земля» автор рассказывает о том, как японцы осмыслили среду своего обитания на протяжении разных эпох. В разделе «Идеи» рассматривается, главным образом, история мучительных поисков национальной идентичности. В разделе «Отражения» помещены тексты, в которых зафиксировано восприятие России в Японии на протяжении нескольких эпох.

В 2022 г. увидело свет довольно много переводов художественных текстов, как поэтических, так и прозаических. Восьмитомный сборник «Большая библиотека японской поэзии» – результат многолетней переводческой деятельности А. А. Долина, здесь представлены образцы поэзии всех литературных эпох – от периода Нара до XX в. Издательство Isebook (Санкт-Петербург) выпустило сборник расска-

зов «Смех сумасшедших», где размещены 11 произведений писателей к. XIX – XX вв. Это и произведения мистического жанра, и психологическая проза, и бытовые зарисовки Японии XX в.

В прошедшем году были переведены и несколько литературных памятников прежних эпох. Так, например, там же в Петербурге, в издательстве «Гиперион» вышел перевод романа Дзиппэнся Ику «На своих двоих по тракту Токайдо», выполненный А. Ю. Борькиной. Это роман о похождениях двух молодых людей, странствующих по самому наезженному тракту Японии эпохи Эдо. В том же издательстве вышел перевод довольно редкого памятника – сборника «Песни богов народа айну» (*Айну синъёсю*) в переводе Е. Тюрленевой. Это собрание фольклора было сделано айнской девушкой Тири Юкиэ (1903–1922). В него входит тринадцать «божественных» песен айну. Текст сопровождается обширным предисловием, где изложены особенности жизни и верований народа севера Японии.

Тема айнов неплохо изучена в последнее время несколькими петербургскими исследователями. Она интересно представлена в работе к.и.н., с.н.с. ИВР РАН В. В. Щепкина «Айны глазами японцев», где размещены переводы японских рукописей XVIII–XIX вв. об айнах. Эти рукописи были собраны ученым и путешественником, секретарем Русского географического общества А. В. Григорьевым.

Взаимоотношения айнов с европейцами и американцами представлены в сборнике «Четыре века экспедиций в земли айнов» под редакцией В. В. Щепкина. Сборник содержит главы, написанные разными исследователями, а также рассказ о голландских, русских, японских, американских экспедициях к берегам Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов на протяжении XVII–XX вв.

По истории российско-японских отношений в 2022 г. также вышло несколько книг. События позапрошлого века отражены в учебном пособии к.и.н., доцента Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) О. В. Климовой «Российско-японские отношения в начале XIX в. Экспедиции Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова в 1806–1807 гг.». Событиям середины XX в. посвящена книга сотрудника Института востоковедения РАН А. Е. Куланова «Музей «Шпионский Токио», где он рассказывает об экспонатах из его личного собрания и о коллекциях его коллег, занимающихся историей противостояния японских и отечественных спецслужб, – от ниндзя до Рихарда Зорге.

Наконец, событиям недавнего прошлого посвящена монография к.и.н., доцента СПбГУ М. Н. Малашевской «Дипломатия Японии в отношении России: люди и идеи в эпоху перемен (1985–2001)». В ней рассказывается о политике Японии на советском/российском направлении в переломную эпоху – от Перестройки до начала 2000-х гг. Здесь приведена интересная информация о т. н. «русской школе» японского МИДа, а также о группе депутата Судзуки Мунэо и скандале, связанном с этой группой.

Из новинок, посвященных проблематике развития современного общества и государства в Японии, следует отметить работу доцента МГИМО В. В. Нелидова «Внешиполитический процесс в послевоенной Японии», где автор рассматривает характерные черты внешней политики Японии в период т.н. «системы 1955 г.», вопросы ратификации и пролонгации Японо-американского договора о безопасности, нормализации отношений между Японией и КНР в 1970-е гг. и другие важные темы.

Подводя итог, следует отметить, что российское японоведение за последние годы набрало довольно солидный исследовательский темп, поэтому книжные новинки представляют действительно широкий спектр проработки научных вопросов.

13–15 февраля 2023 г. в стенах Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) на базе Института классического Востока и античности (ИКВиА) была проведена еще одна юбилейная – **XXV конференция «История и культура Японии»**. Традиция проведения ежегодной конференции, посвященной традиционной истории и культуре, была начата еще в 1998 г. Изначально она проводилась в ИВ РАН, затем в РГГУ, а с 2018 г. продолжает свое существование в НИУ ВШЭ.

Мероприятие традиционно началось со вступительного слова главного организатора и вдохновителя, профессора А. Н. Мещерякова. Он поздравил всех присутствующих с «серебряным юбилеем» и выразил благодарность преподавателям и студентам, принявшим участие в организации этой встречи.

По итогам конференции ежегодно выпускается сборник статей в серии «*Orientalia et Classica*», ключевая роль как редактора в издании которого принадлежит Н. Н. Трубниковой. В новом сборнике 2023 г. помимо литературного, историко-философского, религиозного

разделов и блока статей по русско-японским отношениям планируется добавить два тематически новых – «Женщины в культуре Японии» и «Мир Мэйдзи».

Конференция «История и культура Японии» была представлена девятью секциями, посвященными отдельным аспектам. Мероприятие началось с выступлений по изучению религиозно-философской сферы древней и раннесредневековой Японии, где ведущим был профессор А. Н. Мещеряков. Здесь прозвучали доклады Н. Н. Трубниковой, А. А. Петровой и М. С. Коляды, которые были посвящены ряду классических текстов. Сфере антропологии были посвящены работы Л. М. Ермаковой и О. К. Матвеевой, доклад А. Р. Садовой был посвящен вопросам японского фольклора.

В. А. Федянина представила доклад о трудах буддийского монаха эпохи Камакура Дзиэна. Результатом исследования явился анализ определенного синкретизма религиозных мировоззрений этого автора, не в последнюю очередь опиравшегося на индийско-буддийские идеи о времени через понятие «кальпа», и о пространстве, выраженном в трех мирах.

Вторая секция, ведущей которой была Е. М. Дьяконова, в целом была посвящена литературе Японии. И. В. Мельникова, Ёмота Инухико, М. Г. Селимов, М. В. Торопыгина представили доклады о деятельности Уэда Акинари, Идзуми Кёка, Нацумэ Сосэки и Миятакэ Гайкоцу. А. А. Долиным было проанализировано тематическое деление сезонных циклов хайку. Доклад Р. Ю. Дарчик несколько выделяется из общей тематики секции. Ею был проанализирован (пост-)хэйанский памятник «Повесть о советнике по прозвищу “Плотина”» (*Цуцуми-тюнагон моногатари*), на основе сюжетов которого были изучены гендерные роли эпохи Хэйан.

В объемной третьей секции ведущая Е. К. Симонова-Гудзенко курировала ряд докладов о культурных особенностях древней и средневековой Японии. Восприятию географии и природных катаклизмов японцами того времени были посвящены доклады А. А. Максимова, Д. В. Трухан, М. В. Грачева и И. В. Тюленева. С докладами про восприятие хода истории выступили А. В. Филиппов, А. А. Уфимцев и П. В. Голубева. В. Ю. Климов представил доклад о наставлениях Исэ Садатика. Также была изучена сфера развлечений – Е. Э. Войтишек и А. А. Агекян выступили с рассказом об источниках исторической реконструкции настольной игры *тёбо*.

14 февраля началось с работы четвертой секции, модератором которой был В. Ю. Климов. Философско-политической позднесредневековой японской мысли посвящены доклады А. М. Горбылева, Д. А. Завертан и А. Ю. Лущенко. С анализом архитектурных памятников эпохи Мэйдзи выступила Д. С. Разухина. Кроме того, в секции были представлены доклады В. В. Щепкина, А. В. Климова и Е. К. Симоновой-Гудзенко, в которых рассматривались комплекс географических знаний японцев к. XVII – н. XIX вв., их взаимодействие с другими народами. Первой европейской экспедиции к берегам Сахалина и части Курильских островов – путешествию Мартина де Фриза в 1643 г., – а также значению ее результатов для науки был посвящен доклад С. В. Гришачева.

В пятой секции, которую вела М. В. Торопыгина, были рассмотрены различные аспекты литературы Японии XIX–XX вв. С докладами о деятельности Кавабата Ясунари, Ёсано Акико, Ясуи Иноуэ, Каваками Хироми, Мисима Юкио выступили Е. М. Дьяконова, О. И. Лебедева, М. Н. Малашевская, А. Ю. Борькина и С. А. Родин. С презентацией об особенностях методов изучения русской литературы японскими русистами выступила также М. С. Болошина. На конференции также был представлен доклад А. А. Ясинского, посвященный японскому поэту-романтику Татихара Митидзо, который смог адаптировать форму европейского сонета для японского языка в 1935 г.

Шестая секция в большей степени была посвящена изучению истории взаимоотношений Японии с другими странами в XIX–XX вв., ее ведущим стал В. В. Щепкин. Многие аспекты русско-японских отношений были рассмотрены в докладах О. В. Климовой, В. М. Дзевановского-Петрашевского, Е. И. Нестеровой, С. Г. Серебряковой, С. С. Наумовым, М. Р. Бушуевой и Л. В. Овчинниковой. Были проанализированы идеологические аспекты и различные философские идеи в Японской империи. Работам двухсот японских каллиграфов, создавших новые образцы для Олимпийских игр 2020 г., был посвящен доклад А. П. Беляева.

Очень интересной оказалась презентация Д. Д. Романчева, в которой представлен анализ мотивации Эномото Такэаки по созданию им Республики Эдзо. Он полагал несправедливым раздел имущества бывшего правящего дома сегунов, из-за чего инцидент с провозглашением Республики на Хоккайдо являлся скорее актом протеста.

15 февраля стал заключительным днем работы конференции. Ведущая М. Н. Малашевская курировала седьмую секцию. В ней освещались многие аспекты социально-экономической истории Японии XIX–XX вв. С докладами выступили А. Е. Куланов, А. Н. Мещеряков, Е. М. Османов и К. А. Спицына. Японскому классическому театру Но был посвящен доклад М. В. Гришина.

Стоит отметить доклад П. Э. Подалко, посвященный изучению российского японоведения в постсоветскую эпоху, послуживший поводом для оживленной дискуссии. За последние три десятилетия с общей либерализацией и ослаблением идеологического контроля состоявшиеся ранее японоведы попали в относительно благоприятные условия для продолжения своей деятельности. Однако перспективы именно научного направления сейчас не самые радужные: на 2023 год в нашей стране выделено всего 325 бюджетных мест в магистратуру и аспирантуру по специальности «Востоковедение».

Восьмая секция, которую вел С. А. Родин, была посвящена современному искусству и культуре Японии. Театру и театрализованым церемониям были посвящены доклады В. В. Хомченковой, П. В. Самсоновой и М. В. Есиповой. С презентацией о месте художника в японском кинематографе выступила А. А. Федорова. С докладом про деятельность мастера чайной церемонии Сэн-но Рикю выступила А. В. Кудряшова, а И. В. Кузьмина – с темой про строительство Воскресенского собора в Токио.

Изучению ритуальной нечистоты через примеры запретов для женщин был посвящен доклад П. И. Чернецкой. В японской культуре даже поныне существует система ритуальных запретов для женщин, связанная с физиологическими особенностями женского организма. И, хотя эти ограничения начинают ослабевать с эпохи Мэйдзи, все же и поныне вход в некоторые святилища и участие в ряде фестивалей-мацури для женщин ограничен.

На заключительной секции были озвучены доклады, посвященные ремеслам и прикладному декоративному искусству Японии: А. И. Габитова и А. Ю. Сеницын представили сообщения о работе мастера-кузнеца Сэнго Мурамыса. Кроме того, выступили исследователи, затронувшие темы по истории философии – И. Д. Настасенко рассказала о философской составляющей деятельности Танабэ Хадзимэ, а А. С. Романенко – о творчестве философа Нисида Китаро.

Секция, модератором которой стал Е. М. Османов, была начата с презентации В. С. Фирсовой, проанализировавшей деятельность книжных коллекционеров эпохи Эдо, владевших крупными библиотеками. Эти библиотеки были крайне популярны, поскольку их держатели предоставляли бесплатное пользование своими книгами.

XXV конференция «История и культура Японии» отметила свой серебряный юбилей на традиционно высоком научном уровне. Впервые за три года с начала пандемии ковида в 2020 г. исследователи смогли вернуться к полноформатному личному общению в университете. Последнее обстоятельство следует признать особенно важным элементом в развитии любой гуманитарной науки, поскольку залогом этого развития является как профессионализм, так и стремление к человеческому общению с единомышленниками.

Нечаева Л. Т.

О конференциях по японской филологии и методике преподавания японского языка

В учебном 2022–2023 году были проведены 2 общероссийские конференции по японской филологии и методике преподавания японского языка.

28–30 октября 2022 г. прошла международная конференция **«Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания»**, организованная Институтом стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова и Ассоциацией преподавателей японского языка СНГ. Конференция была в смешанном – очно-заочном – формате.

28 октября с приветственным словом к участникам конференции обратилась председатель Ассоциации преподавателей японского языка России и стран СНГ, доктор педагогических наук, профессор Л. Т. Нечаева. С основными докладами выступили заведующий кафедрой японской филологии ИСАА МГУ, кандидат филологических наук, доцент Быкова С. А. «Дисциплины для японистов, преподаваемые на кафедре японской филологии ИСАА МГУ» и главный научный сотрудник Института языкознания РАН, академик, доктор филологических наук, профессор Алпатов В. М. «О японских языковых картинах мира».

Помимо этих докладов, были прочитаны лекции доктором филологических наук, профессором Садовой А. Р. (ИСАА МГУ) «Страноведческие дисциплины для студентов-востоковедов», кандидатом филологических наук, доцентом Бессоновой Е. Ю. (ИСАА МГУ) «Эпистолярная традиция Японии в контексте учебного процесса», старшим преподавателем Кирилловой О. Б. (ИСАА МГУ) «Новостная тематика в преподавании японского языка на продвинутом этапе обучения». Кроме работы в секциях, проводились мастер-классы под руководством старшего преподавателя Линяева Д. В. (ИСАА МГУ) «Обучение навыкам счета на японском языке на начальном и совер-

шенствование навыков на продвинутом этапе обучения» и кандидата филологических наук, доцента Кудряшовой А. В. (ИСАА МГУ) «Преподавание иероглифики на продвинутом этапе обучения».

Участники конференции выступали в 6 секциях, участвовали в 1-м круглом столе. По материалам конференции был выпущен сборник «Японский язык в вузе, проблемы преподавания» (выпуск 25, октябрь 2022).

16–18 марта 2023 г. в Институте иностранных языков МГПУ была проведена 5-я международная научно-практическая конференция «**Японский язык и культура в образовательном пространстве**».

На открытии конференции с приветствиями выступили первый секретарь посольства Японии в РФ Миката Дайсукэ, директор ИИЯ МГПУ Е. Г. Тарева, председатель Ассоциации преподавателей японского языка Л. Т. Нечаева.

В первый день работы конференции с пленарными докладами выступали профессор ИСАА МГУ «Опыт проведения конференций преподавателей японского языка» Л. Т. Нечаева и руководитель ОП «Востоковедение» НИУ ВШЭ доцент У. П. Стрижак «Россия и Япония: текст на пересечении культур».

Пленарную лекцию «Великие поэты XX в. Период мрака» прочитал профессор Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИВ РАН А. А. Долин.

В последующие дни с пленарными лекциями выступали профессор МГИМО Т. М. Гуревич «Невербальные элементы японского дискурса», профессор Университета Такусёку, ведущий научный сотрудник ИВ РАН В. Э. Молодяков «Языковая и образовательная политика Японии на Тайване», а так же профессор В. М. Алпатов с лекцией «Место японской лингвистики в мировой науке о языке».

В течение 3-х дней работы конференции были проведены заседания в 18 секциях – «Современные тенденции использования учебных материалов в преподавании японского языка», «Методы оценивания навыков владения японским языком», «Особенности обучения японскому языку в средних образовательных школах» (ч. 1 и ч.2), «Обучение японскому языку: ответ на потребности современного общества», «Проблемы обучения японской письменности», «Культурологический аспект подготовки японоведов» (ч. 1 и ч. 2), «Японская культура: традиции и современность», «Современное японское общество»,

«Отдельные аспекты перевода и проблемы его преподавания», «Формирование языковых навыков и речевых умений на японском языке», «Зарубежные методики преподавания японского языка как иностранного», «Актуальные вопросы современного японского языкознания» (ч. 1 и ч. 2), «Подходы и методы преподавания японского языка», «Обучение японскому языку студентов непрофильных специальностей», «Способы повышения мотивации обучающихся при изучении японского языка».

Всего было заслушано 72 доклада. Во время конференции работали 2 мастер-класса – «Китайское и японское искусство (каллиграфия, живопись): схожесть и отличия» преподавателя А. С. Щербаков и «Терминология урока традиционной музыки на примере 13-струнной цитры кото» профессора школы Саваи Сокёку Ин Н. Ф. Клобуковой.

В завершении работы конференции был проведен круглый стол (руководитель А. В. Савинская) по теме «Вопросы организации всероссийского конкурса на лучшую речь на японском языке».

*Никипорец-Такигава Г. Ю.,
Гасимова Н. Р.*

О круглом столе «Национальная идея/идентичность «западного» востока: Япония»

26 апреля 2023 г. на Факультете мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ состоялся Круглый стол по результатам исследовательского проекта «Национальная идея/идентичность «западного» востока: Япония» (руководитель Г. Ю. Никипорец-Такигава).

На открытии Круглого стола с приветственным словом выступил д.и.н., Председатель Ассоциации японоведов, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО, руководитель лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований» Дмитрий Викторович Стрельцов. Он отметил актуальность проблематики данного проекта, так как интерес к идентичности в мире растет в последние годы в разных странах. Связано это с тем, что национальная идентичность является составным элементом внешней политики. Проведение внешнеполитического курса с опорой на инструментарий идентичности сейчас привлекает к себе внимание, так как в международных отношениях наблюдается отход от глобалистской повестки и поворот в сторону национально ориентированной внешней политики.

Если говорить об идентичности японцев, то она сыграла особую роль в истории страны. В домэйдзийский период они скорее ощущали себя представителями локальных провинциальных сообществ. Создание же нации как политического субъекта началось в Японии во 2-й половине XIX в. Именно в период Мэйдзи было сформировано единое представление общества о себе, и японцы стали ощущать себя единой нацией. Это было особенно важно, поскольку в то время страна проходила период кардинальных реформ, требующих мобилизации и единения. Эта же сплоченность помогла Японии преодолеть трудности и другого периода трансформации – годы оккупации после Второй мировой войны. Страна смогла пережить трудности этих лет именно в сплочении.

Д. В. Стрельцов заметил также, что присутствие в программе круглого стола докладов по мягкой силе очень интересно, так как эта стратегия выходит на передний план во внешней политике многих государств.

Вслед за Д. В. Стрельцовым на открытии также выступила доктор политических наук, профессор департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, руководитель проекта Галина Юрьевна Никипорец-Такигава. Она ввела слушателей в проблемное поле проекта, напомнив, что его название объединяет официальный дискурс (так как конструирование национальной идеи является его задачей и частью национальной, внешней, информационной политик) и индивидуальный дискурс, так как носителем национальной идентичности является каждый гражданин той или иной страны.

Задачей государства является достижение тождества национальной идеи и национальной идентичности или, по крайней мере, их гармоничного сосуществования. Но национальная идентичность складывается под влиянием общей истории, коллективной памяти, единого языка.

Современные практики национального строительства, особенно в новых государствах, сталкиваются с проблемой отсутствия всего перечисленного у граждан одной и той же страны. Когда граждане одной страны оказываются разделенными интерпретациями и оценкой событий национальной истории, языком и культурным кодом или его нюансами, это приводит к столкновению национальных идентичностей внутри одного государства, и из этого проистекает невозможность успешного продвижения национальной идеи. Когда же национальная идентичность внутри одной страны оказывается разной, государственный проект по конструированию единой национальной идеи для всех граждан страны оказывается не очень успешным.

Россия полиэтнична, но на протяжении имперской, советской и постсоветской истории достаточно успешно решала задачу национального строительства. Япония моноэтнична и, казалось бы, не должна была столкнуться с подобными задачами, однако все равно возникали ситуации, в которой ей приходилось такие задачи решать.

Географически расположенная в Азии, Япония геополитически и не вполне добровольно оказалась частью западного мира. Японское общество в результате переработки национальной идентичности посредством системы образования и массмедиа в послевоенный период оказалось разделенным отношением к трагедии Хиросима, к роли США в развитии Японии, отношением к ближайшим соседям по Азиатско-Тихоокеанскому региону. То есть Япония является «западной» страной востока, при этом подобная дуальность весьма противоречива и рискованна, учитывая современный передел мирового порядка, в котором мировое большинство становится центральным политическим субъектом, а место его проживания – центром нового мирового порядка.

Г. Ю. Никипорец-Такигава завершила свое выступление тем, что рассуждения на вышеприведенные темы призваны внести уточнения в результаты исследовательского проекта, представляемого на данном Круглом столе. Проект студенческий, направленный на развитие молодой науки, все его участники учатся на факультете ФМЭиМП в программе «Социально-экономическое и политическое развитие современной Азии».

Н. Р. Гасимова в своём докладе «Участие в международных организациях как один из способов выражения японской национальной идентичности» проследила историю участия Японии в международных организациях, инициативы Японии в части создания международных организаций, а также отметила, что посредством подобных инициатив и деятельности Япония выражает свою национальную идентичность, которая проявляется через уважение к международным нормам и правилам, поддержку мирового порядка и мирного разрешения конфликтов.

После доклада состоялось обсуждение вопроса о существовании периода в истории Японии, когда ее национальная идентичность препятствовала участию в международных организациях и когда Япония отказывалась от лидерства в регионе.

Ю. А. Шурыгина в докладе «Эволюция национальной идентичности в зеркале электорального поведения» сделала вывод, что «потребительский индивидуализм» является одной из составляющих японской национальной идентичности и отражается на политическом поведении, в частности, в абсентеизме. Эта черта национального характера проявляется и сегодня, так как несмотря на крайне низкий

экономический рост, серьезные проблемы в демографической сфере и на внешнеполитической арене, возможность достижения уровня жизни типичного представителя среднего класса по-прежнему остается доступной.

Д. В. Стрельцов, комментируя доклад, отметил абсентеизм японской молодежи. С его точки зрения, молодежь не интересуется политикой, поскольку не считает, что через политику можно что-то изменить. Кроме того, политика не интересна для молодежи, так как в Японии очень слабая оппозиция. Протестные голоса не добавляются к голосам за оппозицию, так как она дискредитировала себя в период смены власти в 2009–2012 гг. Молодежь поддерживает ЛДП.

А. И. Собакина в докладе «Туризм как мягкая сила и саморепрезентация Японии в мире туризма» отметила, что в условиях трансформации современного общества особое значение имеет формирование позитивного государственного имиджа в международном пространстве. Обозначая важность туризма как инструмента мягкой силы, следует подчеркнуть его исключительные возможности, которые состоят в проведении политики доверия, в расширении коммуникативного и информационного взаимодействия как в традиционной, так и в цифровой реальности.

Доклад вызвал обсуждение новых видов туризма, в том числе гастротуризма и анимэ-туризма. Кроме того, было поставлено под сомнение утверждение, что политика мягкой силы становится недостижимым идеалом там, где сталкиваются различные идентичности, идеологии, взгляды.

М. А. Бутримова в докладе «Национальный бренд как инструмент мягкой силы в российско-японских отношениях» продолжила рассуждения о мягкой силе, рассмотрев российско-японские отношения через призму национальной идентичности. И пришла к выводу, что идеи противопоставления себя «Западу» и идеи т. н. инклюзивного национализма были актуальны для обеих стран. Принимая это во внимание, стоит перейти к вопросу продвижения национального бренда. В этой связи очень полезным представляется концепция мягкой силы, поскольку позволяет определить основные направления, по которым страна осуществляет свою политику, а также главных реципиентов таких мер.

Обсуждение доклада касалось выработки практических рекомендаций как для России, так и для Японии по созданию национальных брендов. Участники Круглого стола также обсудили количество мероприятий, проведенных во время перекрестного года России-Японии, и отметили их неравнозначное количество (609 мероприятий, проведенных Японией в России, и 47, проведенных Россией в Японии).

Дао Куинь Чанг в своем докладе «Роль медиа в конструировании национальной идентичности» отметила, что медиа играет значимую роль в конструировании понимания и восприятия происходящих в стране событий, а также образа и ценностей самой страны в целом. Выстраивается образ пути, по которому нация будет следовать в дальнейшем, а именно принятия опыта прошлого и стремление к будущему.

Материалы студенческих докладов и дискуссии стали основой для статей, которые готовятся к публикации.

Уважаемые авторы Ежегодника!

Для того, чтобы направить свою статью на публикацию в Ежегодник Япония, необходимо на сайте **www.yearbookjapan.ru** осуществить следующие действия:

- войти в раздел «Отправить статью»,
- зарегистрироваться и создать личный кабинет,
- в личном кабинете заполнить форму для подачи статьи.

Дата подачи статьи на данном ресурсе является датой ее поступления в редакцию. Сбор материалов для очередного номера осуществляется в первом полугодии, крайний срок подачи на номер текущего года – **15 мая**.

На сайте Ежегодника Япония **www.yearbookjapan.ru** вы можете ознакомиться с архивом предыдущих выпусков журнала, а также с информацией, которая необходима для подачи рукописи и прохождения всех условий публикации – обязанности авторов, порядок рецензирования, основные требования к оформлению статей, примеры ссылок и библиографического описания.

Ежегодник Япония является базовым ежегодным изданием отечественного японоведческого сообщества. Решение о его издании было принято 26 февраля 1971 г. на заседании Секции по изучению Японии при Научном совете по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения Президиума АН СССР.

Издание Ежегодника, начатое в 1972 г. инициативной группой советских японоведов, ни разу не прерывалось. С 1994 г. ежегодник издается Межрегиональной общественной организацией «Ассоциация японоведов» и Институтом востоковедения Российской Академии Наук. Ежегодник получает финансовую поддержку Международного фонда Шодиева.

Сайт издания: <http://yearbookjapan.ru>

ISBN 978-5-02-040591-2
ISSN 2687-1432 Print
ISSN 2687-1440 Online

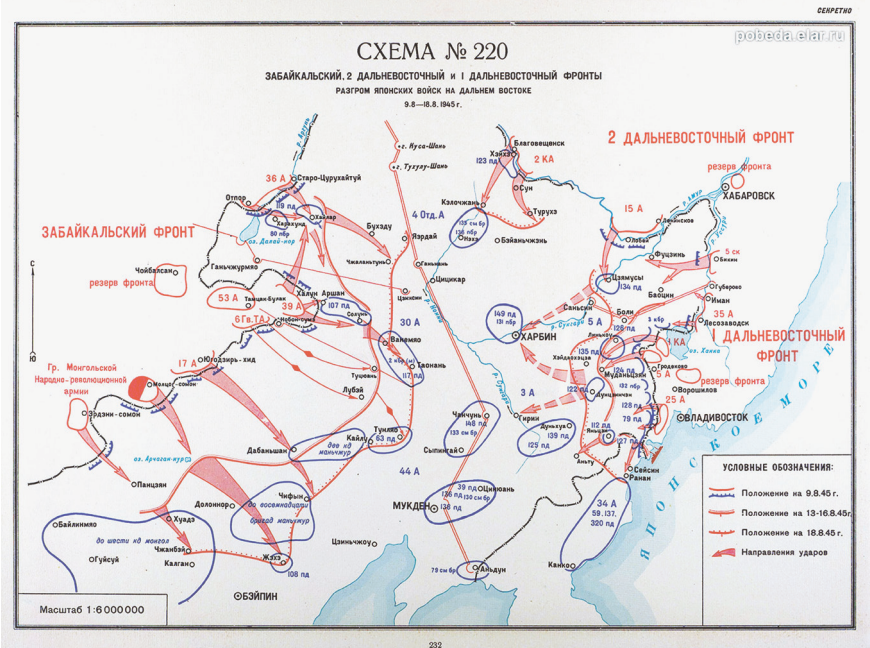
Прежний ISSN, применявшийся до 2019 г. включительно, –
0235-8182 Print

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-61497

Издание входит в следующие наукометрические системы:

- Научная электронная библиотека
и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33360
- Международный каталог журналов открытого доступа DOAJ
<https://doaj.org/toc/2687-1440>
- База данных Ulrich Plus
<https://portal.issn.org/resource/ISSN/2687-1440>

Иллюстрация к статье А. Г. Зорихина «Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 г. в свете новых источников»

Иллюстрации к статье В. В. Белозерова
«Гэkkосо» и Накамура Ёко. Блеск монеты под луной:
о деятельности галереи и рынке советского искусства в Японии»

1. Магазин художественных товаров «Гэkkосо» в 1920-е гг.
Источник: Gekko Group Site

3. Визит в мастерскую Д. Налбандяна.
Источник: «Неделя». № 22. 28.05.1979

4. Покупает галерея «Гэккосо».
Источник: «Дальний восток». 1973. № 12. С. 153

5. Портрет Накамура Ёко. Худ. Д. Налбандян (1976)
Источник: <https://tinyurl.com/2rjyvarj>

6. Японский журнал «Картина».
Источник: «Искусство». 1975. № 7. С. 23

7. Магазин художественных товаров «Гэккосо».
История магазина в фотографиях.
Источник: личные фотографии автора статьи

8. Магазин художественных товаров «Гэккосо». Входная группа.
Источник: личные фотографии автора статьи

Иллюстрации к статье Д. И. Воробьевой Личность Сугихара Тиунэ (1900–1986) и сохранение исторической памяти о нём

Рис. 1. Документы Якова Диманта,
где имеются «Виза Кюрасао» (справа),
транзитные виза Японии (левее сверху) и СССР (левее снизу).
Источник: Jakob and Zofia Dymant papers // USHMM. <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn709029#?rsc=26687&cv=42&c=0&m=0&s=0&xywh=-1583%2C572%2C9866%2C4624> (дата обращения 15.05.2023)

Рис. 2. Путь беженцев.
Источник: About Chiune Sugihara // *The Chiune Sugihara Memorial Hall*.
<https://www.town.yaotsu.lg.jp/6942.htm> (дата обращения 15.05.2023)

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК ЯПОНИЯ
2023. Том 52

Главный редактор	Стрельцов Д. В.
Научный редактор	Лебедева И. П.
Научный редактор	Мещеряков А. Н.
Научный редактор	Дьяконова Е. М.
Научный редактор	Трубникова Н. Н.
Ответственный редактор	Гришачев С. В.
Редактор	Нелидов В. В.
Вёрстка	Заболотникова М. Е.
Редактор сайта	Казаков О. И.

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная
Усл. п. л. 27,5 + 0,5 (вкл.)
Уч.-изд. л. 29,8 Тираж 500 экз.
Зак. №

ФГБУ «Издательство «Наука»
121099 г. Москва, Шубинский пер., 6, стр. 1
тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com
<https://naukapublishers.ru> <https://naukabooks.ru>
Редакция «Восточная литература» ФГБУ «Издательство «Наука»
тел.: +7 (499) 241-02-52, e-mail: vostlit@gmail.com
www.vostlit.ru

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

